

Институт российской истории РАН

Научный совет РАН по проблемам российской
и мировой экономической истории

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Центр экономической истории при Историческом факультете

Экономическая история

**Ежегодник
2014/15**

МОСКВА 2016

УДК 94(47)+94(470+571)
ББК 63.3(2)52; 63.3(2)6-2
Э 40

Редакционная коллегия:

Л. И. Бородкин, Ю. А. Петров (ответственные редакторы), *Б. В. Ананьич*,
С. А. Афонцев, А. А. Бессолицын, А. С. Грузинов (ответственный секретарь),
В. Н. Захаров, П. В. Лизунов, А. М. Маркевич, М. Ю. Мухин, С. А. Саломатина,
А. К. Соколов, *А. К. Сорокин*

Э 40 Экономическая история: Ежегодник. 2014/15. — М.: Институт российской истории РАН, 2016. — 630 с.

ISBN 978-5-8055-0303-1

В очередном выпуске Ежегодника публикуются результаты новейших исследований по экономической истории. Раздел по экономической истории Российской империи включает статьи: об истории Русского общества пароходства и торговли, о женщинах-предпринимательницах Петербурга и Москвы в 1860-е годы, об отсутствии связи между величиной наделов и задолженностью крестьян после 1861 г., об отраслевых съездах предпринимателей на рубеже XIX – начала XX в., о влиянии внутриполитических проблем государства на развитие авиации и авиационной промышленности России в 1909–1914 гг., о дифференциации заработной платы промышленных рабочих России в годы Первой мировой войны. В разделе банковской истории представлены статьи по развитию эмиссионных банков Северной Европы в конце XVIII – XIX в., а также по истории предпринимательской деятельности банкиров Гинцбургов. В отдельный раздел вошли три статьи, посвященные изучению различных аспектов истории советского атомного проекта. В разделе «История советской экономики» опубликованы статьи по истории одной из первых концессий начала 1920-х годов, действовавшей в Баку американской нефтяной «Международной Барнсдальской корпорации», по истории Ленд-лиза и других направлений внешнеэкономического сотрудничества СССР в годы Великой Отечественной войны. Отдельными рубриками представлены статьи о торговых взаимоотношениях в 1991–2008 гг. двух крупнейших государств постсоветского пространства – России и Украины, о вкладе в развитие аграрно-экономической теории российского экономиста Б.Д. Бруцкуса (1874–1938 гг.) и отзыв о состоявшемся в 2015 г. XVII Международном конгрессе по экономической истории в Киото (Япония).

Сборник рассчитан на историков и экономистов, а также всех, кого интересует экономическая история.

ISBN 978-5-8055-0303-1

© Коллектив авторов, 2016

© Институт российской истории РАН, 2016

Предисловие

Очередной, 15-й выпуск Ежегодника «Экономическая история» открывается рубрикой «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ», где представлена статья д.и.н. М.Н. Барышникова о «Русском обществе пароходства и торговли» в 1856–1864 гг., в которой ставятся вопросы эффективности деятельности крупной транспортной компании как значимого фактора регионального развития экономики Российской империи.

В статье д.и.н. Г.Н. Ульяновой представлен анализ базы данных о женщинах-предпринимателях Петербурга и Москвы в 1860-е годы, созданной по «Справочным книгам о лицах, получивших купеческие свидетельства», рассмотрен вопрос об экономической активности женщин, их роли и влиянии в бизнесе, в частности, при формировании деловой стратегии торгово-промышленных фирм.

Д.и.н. М.А. Давыдов ставит под сомнение известный тезис о том, что постоянно растущие после 1861 г. крестьянские недоимки являлись важнейшим свидетельством бедственного положения крестьянства, прямо вытекающим из малоземелья. На основании поуездного анализа землеобеспечения крестьян 18-ти губерний Европейской России с преобладанием общинного землевладения автор приходит к выводу, что отсутствует связь между величиной наделов и задолженностью крестьян и причины накопления недоимок кроются в других факторах.

Д.э.н. А.А. Бессолицыным прослежены основные этапы формирования в России на рубеже XIX–XX вв. отраслевых съездов предпринимателей. Эти ассоциации являлись ведущей формой представительства интересов делового сообщества перед государством и закладывали основы их социального партнерства.

В исследовании А.М. Попова выявлена ключевая роль государственного заказа при создании в 1909–1914 гг. российской авиационной промышленности. Автор рассмотрел проблемы развития отрасли в общеполитическом контексте, выявил причины её отставания по сравнению с авиапромышленностью Германии и Франции, что негативно сказалось в годы Первой мировой войны.

Периоду Первой мировой войны посвящено также исследование К.Д. Веринчук о дифференциации заработной платы промышленных рабочих России. На основе статистической публикации И.М. Козьминых-Ланина, в которой обобщены результаты масштабного исследования июня 1916 г., с использованием оригинальной

методики автор проанализировал как общие тенденции изменения оплаты труда рабочих во время войны, так и положение в отдельных отраслях промышленности, что позволило установить существенные сдвиги в структуре рабочей силы.

В разделе «ИСТОРИЯ БАНКОВСКОГО ДЕЛА» д-ром Ю. Тарка (Финляндия) представлен сравнительно-исторический обзор банковского дела в странах Балтийского моря на раннем этапе, т.е. в XVIII — первой половине XIX в. В статье представлены гипотезы, объясняющие сходство в развитии банковских систем этих стран. Общей особенностью североευропейской модели протоцентрального банка являлось предоставление преимущественно долгосрочного, ипотечного кредита, в отличие от ставшей позднее общепризнанной в мировом масштабе модели центрального банка, основанной на краткосрочном кредитовании с акцентом на операции учета векселей.

Статья д.и.н. П.В. Лизунова посвящена исследованию знаменитого банкирского дома Гинцбургов, основатели которого из купцов-откупщиков превратились в крупнейших финансистов России, рассмотрены причины, приведшие фирму к серьезным финансовым затруднениям и закрытию.

Раздел «ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ» открывает статья к.и.н. Ю.В. Евдошенко об истории американской нефтяной «Международной Барнсдальской корпорации», действовавшей в Баку в начале 1920-х годов. С этой фирмой был заключен один из первых концессионных договоров, который способствовал прорыву «экономической блокады» советской России. Договор, однако, был заключен советской стороной без достаточного технико-экономического расчета, в угоду политическим интересам, и без финансовой поддержки с американской стороны, что привело к его быстрой денонсации. Производственный эффект концессии оказался ничтожными, и дальнейшее техническое перевооружение советских нефтепромыслов осуществлялось во многом благодаря собственному оборудованию, хотя и с использованием иностранного опыта.

Тема международного экономического сотрудничества СССР в последующую эпоху рассмотрена в статье д.и.н. И.В. Быстровой «СССР на внешнеэкономическом фронте в годы Великой Отечественной войны». Автором выявлены основные направления и масштабы военно-технического сотрудничества СССР с зарубежными союзниками в годы войны, показано, по каким маршрутам поставки попадали в СССР, проанализирована динамика ввоза наиболее важных для Советского Союза товаров, подчеркивается важность программы Ленд-лиза для обеспечения общей Победы стран антигитлеровской коалиции.

В рубрике «АТОМНЫЙ ПРОЕКТ В СССР» представлены три статьи, подготовленные сотрудниками Института истории и археологии Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург). Д.и.н. Е.Т. Артемов и д.т.н. Н.П. Волошин рассмотрели роль зарубежного опыта в 1940–1950-е гг. в приоритетной государственной программе по овладению ядерной энергией и созданию ядерно-оружейного комплекса. Исследование ограничено концом 1950-х гг., когда в СССР окончательно сформировались научно-технические и производственные возможности для самостоятельного расширенного производства ядерного и термоядерного оружия. По мнению авторов статьи, использованные в атомном проекте управленческие приемы имели экстраординарный характер, что позволило решить задачу по созданию в кратчайшие сроки конкурентоспособного по мировым меркам сегмента производства. Однако подобный опыт не мог тиражироваться в сколько-нибудь значимых масштабах в рамках «командной экономики» и не обеспечивал выход на траекторию устойчивого экономического роста в длительной перспективе.

Современная отечественная историография, а также весь массив опубликованных и архивных источников по истории советского атомного проекта проанализированы в статье к.и.н. Н.В. Мельниковой и к.и.н. А.Э. Беделя. Авторами выделены лакуны в исследованиях, отмечены необходимость теоретической проработки понятийного аппарата и тщательного анализа основных компонентов успеха отечественного атомного проекта, предложены перспективные направления дальнейшего изучения темы.

Расширению комплекса источников по истории советского атомного проекта служит публикация М.В. Михеевым перевода воспоминаний сотрудника ЦРУ США Г.С. Лёвенгаупта о том, как в 1958 г. аналитиком ЦРУ на основе данных советской периодической печати была составлена схема уральской энергосистемы, что позволило вычислить дислокацию основных объектов советской атомной промышленности на Урале.

В рубрике «ЭКОНОМИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» внешнеэкономическая тематика находится в центре внимания д.и.н. М.Ю. Мухина, который проанализировал торговые взаимоотношения России и Украины в 1991–2008 гг. С 1990-х гг. руководство Украины придерживалось прозападного политического курса, будучи экономически в большей степени ориентированным на Россию. Экономические преобразования на Украине отличались проведением более «мягкого» курса, нацеленного на более длительную перспективу восстановления экономики, что объективно затрудняло представителям российских деловых кругов ведение торговых опе-

раций с украинскими партнерами и вело к снижению взаимного товарооборота.

Раздел «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ» представлен статьей к.и.н. И.А. Кузнецова, посвященной вкладу в развитие аграрно-экономической теории российского экономиста Б.Д. Бруцкуса (1874—1938). Автор выделил этапы и факторы эволюции экономических воззрений Бруцкуса от народничества к либерализму, проследил связь его теории с «организационно-производственной школой» и современной аграрной историографией.

Новой в нашем издании является рубрика «НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ», где публикуются впечатления PhD И.Б. Воскобойникова и к.и.н. Е.С. Корчминой о XVII Международном конгрессе по экономической истории в Киото (Япония), в котором приняли участие более тысячи исследователей из многих стран мира, и в том числе около двух десятков представляли Россию.

В 2015 г. ушли из жизни два выдающихся российских ученых, члены редколлегии Ежегодника академик Б.В. Ананьич и д.и.н. А.К. Соколов. Они внесли громадный вклад в развитие историко-экономических исследований в России и пользовались заслуженно высоким международным авторитетом. Благодарная память о них навсегда сохранится в наших сердцах.

Л.И. Бородкин, Ю.А. Петров, А.С. Грузинов

Экономическая история Российской империи

Барышников М.Н.*

**Русское общество пароходства и торговли:
учреждение, функционирование, перспективы развития
(1856–1864 гг.)**

Аннотация: Транспортный бизнес представлял собой значимый фактор регионального развития экономики Российской империи. Данное исследование раскрывает его значимость и проблемы, связанные с эффективностью деятельности крупной транспортной компании на примере эмпирических данных Русского общества пароходства и торговли за 1856–1864 гг. Особое внимание уделяется анализу институциональных и организационных новаций, влиявших на эффективность деятельности фирмы в условиях складывавшейся в Российской империи социальной и политической ситуации. Центральным в исследовании выступает анализ исторической эволюции Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) как механизма организационной координации частных, общественных и государственных интересов, используемого для привлечения необходимых ресурсов (интеллектуальных, финансовых, информационных, производственных и т.д.) для реализации перспектив ускоренного развития экономики черноморского региона. В статье содержится ряд новых подходов к объяснению институциональных аспектов функционирования компании. Показывается структура ее собственности и управления, характер взаимоотношений в среде управленцев и акционеров, процесс разработки и реализации стратегических и оперативных планов.

Ключевые слова: российская империя, транспорт, Русское общество пароходства и торговли, Черноморский регион, собственность, управление, интересы акционеров.

Введение

История одной из крупнейших в Российской империи транспортных фирм — Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ), неразрывно связана с процессами социально-экономического развития страны во второй половине XIX — начале XX вв. После Крымской войны эта компания взяла на себя ключевую роль в восстановлении судостроительного и ремонтного хозяйства Севастополя, развитии грузовых и пассажирских перевозок между портами черноморско-

* Барышников Михаил Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой истории РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), barmini@list.ru

го, балтийского и дальневосточного побережья России, а также налаживании транспортного сообщения с европейскими и азиатскими странами. Деятельность РОПиТ способствовала укреплению хозяйственного и оборонного потенциала причерноморских территорий России и, тем самым, усилению ее позиций как морской державы. К концу XIX в. во многом усилиями Общества удалось создать в Севастополе мощную военно-морскую базу и обеспечить ее дальнейшее развитие в начале XX в. Отметим, что в данном контексте чаще всего освещалась история функционирования компании в новейшей литературе. Вместе с тем, рассмотрение прошлого Общества нередко ограничивалось популярными очерками, которые практически не затрагивали значительного объема архивного материала и опубликованных до 1917 г. документальных данных по его операциям. Описание наиболее значимых событий в деятельности РОПиТ, касавшихся состава флота и примеров его функционирования, а также биографий отдельных руководителей фирмы, в основном сопровождало обращение к 60-летней истории деятельности Общества. Между тем за рамками научных изысканий оставались многочисленные сюжеты, касавшиеся, в частности, характерных для тех или иных периодов изменений в структуре собственности и управления компании, ее финансового и хозяйственного облика, поиска перспективных направлений развития судоходства (в том числе межрегионального), особенностей согласования частных и групповых интересов во взаимоотношениях акционеров, управленческого персонала и властных структур. И практически не исследованным являлось место черноморского региона в пространстве деловых операций РОПиТ применительно к четырем основным этапам, которые оценивались руководством фирмы как основные по результатам ее коммерческой деятельности: 1) 1856—1864 гг.; 2) 1865—1878 гг.; 3) 1879—1890 гг.; 4) 1891—1905 гг. (начало пятого этапа подразумевалось с 1906—1907 гг.)¹.

Отметим, что к началу XX в. логика роста масштабов компании и совершенствования механизмов ее функционирования позволили относительно безболезненно преодолеть кризисную ситуацию в российской экономике в 1901—1903 гг. (в это время прибыль компании выросла с 637,9 тыс. до 2,2 млн. руб.) с последующим увеличением за десятилетие стоимости активов с 25,4 до 36,7 млн. руб. С учетом последовательной реализации Обществом задач частно-государственного партнерства, наиболее полно проявившейся в ходе поддержки действий русской армии и флота в период Русско-Турецкой войны, а затем Первой мировой войны (к этому времени РОПиТ сохранял лидирующие позиции среди отечественных пароходных фирм²),

представляется крайне важным проанализировать отдельные периоды деятельности компании во всем многообразии их фактического содержания. В данном смысле комплексное, сквозное изучение экономических, организационных, институциональных и социальных аспектов учреждения и функционирования Общества и, в этой связи, его роли в развитии хозяйственного, оборонного и социокультурного потенциала черноморского региона России выступает чрезвычайно важной проблемой современных исторических изысканий.

Первым опытом освещения операций РОПиТ стала краткая статистическая информация, представленная в брошюре А.А. Скальковского³. В дальнейшем его сыном К.А. Скальковским подготовлен труд, обобщающий данные по регулярному судоходству в черноморском регионе⁴. Наиболее полно для своего времени деятельность Общества, прежде всего в начальные годы его существования, нашла отражение в книге С.И. Иловайского⁵. История ее написания началась 17 ноября 1903 г., когда правление компании ответило согласием на предложение профессора финансового права Императорского Новороссийского университета подготовить исследование, посвященное пятидесятилетней истории функционирования РОПиТ. В течение последующих четырех лет велась работа в соответствии с сформулированным Иловайским планом, который включал следующие направления: «1. Составить подробную летопись Общества по годам с приведением всех более или менее важных событий в его жизни; 2. Рассмотреть историю Общества по отдельным периодам, разграничивая таковые по изменениям Устава Общества и по переменам в управлении его делами; 3. Подвести итог деятельности Общества за 50 лет и наметить программу его будущего». Последнее положение представлялось особенно интересным, учитывая, что Иловайский и его супруга состояли акционерами компании. Не менее ценным представлялось намерение профессора отразить историю Общества с «разных сторон его жизни, например, изменения в составе его флота, в перевозке пассажиров и грузов, в фрахтах, в курсе его акций, в величине его дивидендов, помильной плате и т.д.»⁶. Иловайскому почти удалось завершить работу над первой частью книги, когда 13 апреля 1907 г. последовала его кончина. По словам вдовы — Е.С. Иловайской, выполняя волю покойного, ей пришлось взять «на себя смелость» закончить 1-ю часть к юбилею Общества. В обращении к руководству РОПиТ она просила отнестись «снисходительно» к своей работе, «к недостатку полноты и законченности, которыми она грешит»⁷. Истины ради отметим, что опубликованная книга оказалась чрезвычайно насыщенной с фактической стороны, хотя и без сносок на использованные источники. Вместе с тем остается под во-

просом авторская концепция опубликованного в 1907 г. текста. Речь идет о возможных изменениях, которые могли быть внесены в него не только вдовой, но и руководителями Общества.

В новейшей литературе история создания и функционирования Общества остается фрагментарно освещенной, будучи представленной лишь несколькими публикациями. Речь идет в первую очередь о характеристике отдельных сюжетов, связанных с деятельностью РОПиТ. Отметим в связи с этим публикации⁸, посвященных учреждению РОПиТ в 1856 году. С использованием архивных материалов в этих статьях рассматриваются начальные годы Общества (от инициативы создания до первого собрания акционеров), показывается вклад правительства и учредителей в организацию акционерной компании. Представляет также интерес публикации, касающиеся источниковедческих аспектов функционирования Общества⁹, его деятельности в Севастополе¹⁰. Отдельно отметим статью обзорного характера¹¹ и справочник¹², дающий в хронологическом порядке краткую информацию по пароходам РОПиТ с 1856 по 1932 г., а также исследования, посвященные развитию судоходства в Черноморском регионе в рассматриваемый период¹³.

Вместе с тем более основательного анализа ждет коммерческая составляющая деятельности РОПиТ, включая операции региональной и хозяйственной направленности (в том числе в сфере грузо- и пассажироперевозок) с сопутствующим им организационным обеспечением. Представленная статья ориентирована на восполнение этого пробела применительно к начальному периоду работы компании (1856—1864 гг.), с учетом комплексного анализа тех или иных аспектов ее функционирования в контексте интеграции Северного Причерноморья в единое экономическое, геополитическое и социокультурное пространство Российской империи. Не меньшую значимость представляет анализ сюжетов, касающихся проблем согласования интересов в среде владельцев РОПиТ. Речь идет, прежде всего, о кризисной ситуации, сложившейся в работе Общества к началу 1860-х гг. В рукописном варианте первых глав книги С.И. Иловыйский по этому поводу осторожно заметил, что осуществление уставного плана по созданию пароходства «встретило много препятствий и затруднений»¹⁴. В связи с этим подчеркнем, что возникшая ситуация повлекла за собой серьезные изменения в хозяйственном и организационно-правовом устройстве компании, сопровождавшиеся обострением разногласий в среде акционеров и высшего управленческого звена. Эти разногласия оказались в свою очередь дополнены отказом правительства участвовать в корпоративных спорах и последующим его решением выйти из состава собственников. В данном

отношении примечательным выглядит авторский подход, представленный в опубликованной книге С.И. Иловайского. Здесь, в частности, не акцентируется место Н.А. Аркаса в деятельности РОПиТ (при одновременном подчеркивании роли другого руководителя — Н.А. Новосельского), хотя первый был выдвинут на должность учредителя компании именно правительством. Можно утверждать, что разбалансированность интересов в среде руководства стала проявлением более глубокого кризиса, переживаемого компанией в условиях поиска собственного места в российском и мировом пространстве транспортных сообщений того времени.

Создание Русского общества пароходства и торговли

Более четко начальный период деятельности пароходства представляется при сравнительном анализе оценок, данных современниками. 1 ноября 1856 г. в обращении к прибывшим на первое общее собрание акционерам РОПиТ учредители компании Н.А. Аркас и Н.А. Новосельский поясняли, что столь «счастливым успехом и неоправданно скорым образованием своим Общество обязано благому содействию Правительства, щедро обеспечившему прочное основание оною, и Вашему, Милостивые Государи горячему сочувствию к делу Русского предприятия нашего, имеющего целью развитие внутренних промышленных сил богатого и обширного края России (подразумевалась территория Северного и Восточного Причерноморья империи. — М.Б.), помощью правильных пароходных сообщений между Русскими портами Черного и Азовского морей и по рекам в них впадающим и учреждением таковых сообщений с иностранными государствами»¹⁵. Спустя пять лет Н.П. Перозин, известный публицист по экономическим вопросам, констатировал явное «расстройство» дел в РОПиТ: «произвол, дурная отчетность и несуществование вовсе никакого контроля, до сего времени характеризуют эту компанию во всех отношениях...»¹⁶. Близкой позиции придерживались ревизовавшие дела Общества миноритарные акционеры П.Ю. Лисянский (сын российского мореплавателя Ю.Ф. Лисянского), П.М. Ковалевский и В.М. Жемчужников. В конечном счете они пришли к выводу, что как собственники, так и управленцы РОПиТ — все «одинаково были не подготовлены к делу, за которое брались»¹⁷.

Что же произошло с акционерной компанией, ставшей не только крупнейшей для своего времени в сфере отечественного морского транспортного сообщения, но и, как казалось, наглядным примером возможности оптимальной реализации модели частно-государ-

ственного партнерства в Российской империи середины XIX века? Не меньшим по значимости сюжетом представляется вопрос о выходе из проблемной ситуации, в которой оказался РОПиТ, тем более с учетом последовавшего в дальнейшем роста масштабов и эффективности его операций. В данном случае вполне точным выступало сведение руководством Общества возникших трудностей и способов их преодоления к двум группам: 1) Финансовая политика и характер эксплуатации пароходных линий; 2) Управление компанией¹⁸. Рассмотрим две эти проблемные области применительно к 1856—1864 гг., ставшим начальным и в этом смысле узловым по своей значимости этапом функционирования РОПиТ.

К середине 1850-х гг. Юг России становится одним из богатейших рынков сельскохозяйственных товаров России. Из этой части страны вывозились громадные массы зерновых культур, шерсти и продуктов животноводства. Долгие годы этот край играл выдающуюся роль в обеспечении западных стран продовольственными товарами¹⁹. Между тем ситуация с государственным регулированием транспортного сообщения на Черном море в начале 1850-х гг. представляла собой крайне сложную и малоэффективную картину хозяйствования. По оценке А.А. Скальковского, в это время, «несмотря на все жертвы и старания правительства, оно располагало только 12 пароходами в 1900 паровых сил, которые содержали две заграничные (Константинопольскую и Галацкую) и четыре внутренние линии и перевозили от 16 000 до 23 000 пассажиров, принося от 150 000 до 190 000 рублей ежегодно»²⁰. В свою очередь в начале сентября 1856 г. Н.А. Аркас и Н.А. Новосельский, тогда еще единомышленники, отмечали крайне низкий уровень участия российских кораблей в торговом мореплавании на Черном и Азовском морях: к середине XIX в. по общему количеству судов и объему оборота этот показатель не превышал 12%²¹.

6 февраля 1856 г., еще до завершения неудачной для России Крымской войны (Парижский мирный договор подписан в марте), великий князь Константин Николаевич представил императору Александру II доклад, в котором подчеркнул, что в «случае заключения мира было бы весьма полезно учредить на Черном море в самых больших размерах частное Пароходное общество на акциях, которое содержало бы постоянно сколь возможно большее число самых больших пароходов, построенных с таким расчетом, чтобы, когда понадобится, правительство могло нанять или купить их для перевозки десанта и обращения в боевые суда. Для сего необходимо предоставить помянутому обществу такие преимущества, которые побудили бы русских капиталистов употребить на него неотлагательно значительные капиталы, и которые обеспечили бы постоянное ком-

мерческое плавание компанейских пароходов»²². По сути, этими словами оказались сформулированы основные положения, в соответствии с которыми предполагалось создать пароходство (получившее затем название РОПиТ) со всеми присущими ему характеристиками деятельности (как положительными, так и негативными).

Выделим здесь ключевое словосочетание «сколь возможно большее число самых больших пароходов» и слово «преимущества»: в них заключались особенности построения организационной и хозяйственной системы функционирования Общества в первые годы. Дело в том, что в соответствии с уставом РОПиТ (подписан Александром II 3 августа того же года) правительство в «видах поощрения и поддержания» производило со времени открытия его действий ежегодную «помильную плату» (этот термин введен по настоянию правительства, вместо предложенного учредителями слова «субсидии»²³), которая варьировалась в первое десятилетие в зависимости от каждой из пароходных линий от 2 руб. 50 коп. (между Керчью, Мариуполем, Бердянском, Эйском и Таганрогом) до 5 руб. 22 коп. (Одессой, Константинополем, Афоном, Смирной, Родосом, Александреттой, Бейрутом, Яффой и Александрией). В течение последующих десяти лет эта плата уменьшалась ежегодно на 5%, то есть последний двадцатый год составлял лишь 50% первоначальной суммы²⁴. В результате правление компании оказалось заинтересовано в возможно быстром открытии операций фирмы и начале закупки пароходов при отсутствии четко разработанного финансово-хозяйственного плана, в том числе по созданию необходимой портовой инфраструктуры в причерноморских городах. Подобная уверенность в действиях проистекала, в частности, из уверенности двух учредителей — Н.А. Аркаса и Н.А. Новосельского, в готовности властей оказать пароходству всемерную поддержку. С согласия правительства в Устав вносится пункт, по которому все «военные и гражданские начальства и присутственные места должны разуметь Общество как учреждение особенно полезное для отечественной промышленности и торговли, а потому обязаны не только оказывать Обществу всякую помощь, защиту и покровительство, но и от всяких могущих последовать ему убытков и вреда предостерегать». Кроме того, российские консулы в зарубежных странах обязывались предоставлять компании не только возможную с их стороны помощь, но и «принимать самое живое участие в его интересах»²⁵. Само правительство заявило о приобретении 6 670 из 20 000 акций (первоначально уставной капитал составлял 6 млн. руб.), на 2,1 млн. рублей.

Что касается приобретения акций частными лицами, то здесь наблюдалась, как затем будет отмечено самими владельцами Общества,

поразительная «легкость собирания капиталов»: вслед за утверждением устава начатая эмиссионная операция вызвала среди состоятельной публики настоящий ажиотаж. Поддержка властей и в этом смысле надежды на скорую большую прибыль обернулись «общим сочувствием» к предприятию²⁶. Например, в Москве на обеде, данном 12 сентября 1856 г. в честь городских голов, которые прибыли на коронацию Александра II, крупный предприниматель-старообрядец В.А. Кокорев предложил тост за «правильное» развитие русской промышленности. При этом он указал на создание РОПиТ как пример, «сулящий нашей промышленности развитие и процветание». Более того, учреждение Общества должно послужить «нашему сближению с Европой и даст нам возможность передавать в нее удобно и скоро все наши избытки, а равно получать все нам нужное». После обеда Кокорев призвал подписываться на акции компании, после чего «немедленно» их было разобрано на 250 тыс. рублей²⁷. В течение осени 1856 г. особенно активно приобретение акций происходило в Петербурге и Москве, но имели место и другие региональные примеры, в том числе приобретение акций крымскими православными скитами²⁸. Ключевые аукционеры того времени представлены в табл. 1.

Таблица 1

Ключевые акционеры РОПиТ (ноябрь 1856 г.)

Собственник	Показатели	Число акций	Число голосов
Правительство		6 670	46
Кокорев В.А.		1 987	15
Родоконали Ф.И.		1 200	10
Великий князь Константин Николаевич		1 000	8
Торговый дом «Симон Якоби и К°»		810	8
Гизико А.А.		495	5
3-й гильдии купец Карр М.Е.		410	4
1-й гильдии купец Жадимировский И.И.		250	3
1-й гильдии купец Алфераки Н.Д.		164	3
статский советник Фридерикс Б.А. барон		150	3

Источники: РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2. Л. 21–23.

Главный вопрос заключался в том, как будут согласовываться интересы частных владельцев и чиновников в плане влияния на направленность развития РОПиТ, тем более с учетом того, что правительству принадлежала одна треть акций (помимо прочего, такое

количество специально упоминалось в уставе для «внушения подписчикам большего доверия к предприятию») и соответствующее число голосов. Еще 1550 акций перешли в собственность представителей царской фамилии, в том числе по 50 — сыновьям императора Александра II: Николаю, Александру, Владимиру и Алексею. Большая часть уставного капитала оказалась под контролем частных лиц и фирм, прежде всего В.А. Кокорева и торговца, грека по происхождению Ф.И. Родоконаки. Однако ни один из представителей отечественного делового мира, включая активно участвовавших в организации Общества московских купцов А.И. Хлудова, К.Т. Солдатенкова и В.А. Мединцева, в число подписавших устав РОПиТ включен не был. Как покажет опыт функционирования пароходства, при отсутствии в нем специального контролирующего органа, а также настороженности центральных и местных властей в отношении возможности стать ответственными за непосредственную работу компании (даже при наличии из шести членов петербургского правления двух лиц, представлявших правительственные учреждения — Морское министерство и Министерство финансов), определение стратегии и оперативной направленности действий оказалось связано с позицией директоров-распорядителей: капитана 1-го ранга Н.А. Аркаса и коллежского советника Н.А. Новосельского. Поскольку же последние заняли посты учредителей при непосредственной поддержке царской семьи и правительства, и в этом смысле пользовались неограниченным кредитом доверия со стороны практически всех собственников (находившихся в Петербурге), дальнейшая деятельность РОПиТ все более стала определяться решениями, принимаемыми директорами-распорядителями в рамках работы одесской конторы. Последняя, находясь в регионе операций Общества, получила потенциальную возможность определять деятельность компании независимо не только от мнения членов петербургского правления, но и абсолютного большинства акционеров. В свою очередь интересы последних оказались тесно переплетены с предпочтениями столичных чиновников, особенно после принятого ими решения выплачивать в течение 5 лет дивиденды с правительственных акций в пользу частных собственников пароходства. Считалось, что такая мера, увеличивая дивиденд прочих акционеров, может послужить «могущественным способом для привлечения частных капиталов и частного кредита»²⁹.

При организации Общества возникли ряд сюжетов, ранее не находившихся в поле зрения учредителей. Так, решено было взять за основу устав Российско-Американской компании, с соответствующим разрешением со стороны правительства состоять фирме под Высочайшим Его Императорского Величества «покровительством».

Заметим, что Н.А. Аркас и Н.А. Новосельский ранее ходатайствовали о большем: введении в название именованного «Императорское Русское общество пароходства и торговли». Не реализованным оказались также их замыслы о бесплатной «приватизации» имущества уже действующего на Черном море полугосударственного транспортного предприятия — Новороссийской пароходной экспедиции. Министерство финансов признало «справедливым оговорить в проекте устава, что пароходы Новороссийской экспедиции будут переданы Обществу по соглашению оною с теми ведомствами, на капиталы коих эти пароходы приобретены, и при том по миновании в них надобности Правительству». Это же касалось и прочего имущества Экспедиции, в том числе причальных сооружений, складов и т.д. В итоге, правительственные чиновники порекомендовали вообще отказаться от термина «бесплатное» приобретение имущества, используя вместо него фразу «на том же основании, на каком предоставлены были в пользу экспедиции»³⁰.

Особенно важным выглядело то обстоятельство, что первоначально, по замыслу учредителей, Общество должно было сосредоточиться на развитии внутрироссийских морских и речных сообщений. Однако по настоянию правительства §-1 устава дополняется положением о «праве» компании «учреждать линии сообщения и за пределами Черного моря»³¹. Эта корректировка в дальнейшем существенно осложнит планы Н.А. Аркаса и Н.А. Новосельского по организации операций пароходства. В соответствии с согласованным с правительственными чиновниками текстом устава, рейсы РОПиТ предполагалось осуществляться по одиннадцати срочным (обязательным) линиям: 1. Между Одессою, Константинополем, Афоном, Смирной, Родосом, Александреттой, Бейрутом, Яффою и Александрией — три раза в месяц (Александрийская линия); 2. Между Одессой, Ялтой, Редут-Кале и Керчью, вдоль Кавказского берега с возможностью продолжения сообщения далее по Анатолийскому берегу Турции до Константинополя, где пароходы могли встречаться и обмениваться грузами и пассажирами с другими линиями — три раза в месяц (Кавказская линия); 3. Между Одессой и Галацом, с заходом в Сулин, Измаил, Рени и другие порты по р. Дунаю — еженедельно (Галацкая линия); 4. Между Одессой, Евпаторией, Севастополем, Ялтой, Феодосией и Керчью — еженедельно (Крымская линия); 5. Между Одессой, Кинбурном, Очаковым и Николаевым и выше по реке Бугу в случае необходимости, — еженедельно (Николаевская линия); 6. Между Одессой, Кинбурном, Очаковым и Херсоном и выше по р. Днепру, — еженедельно (Херсонская линия); 7. Между Керчью, Мариуполем, Бердянском, Эйском и Таганрогом — еженедельно (Азовская линия);

8. Между Одессой, Константинополем, островом Сира, Пиреем, Неаполем, Ливорно, Генуей и Марселем — около 18 несрочных рейсов в год (Марсельская линия); 9. Между Одессой, Константинополем, островами: Сира, Зант, Кефалония и Корфу, Бары, Анконою и Триестом — около 18 несрочных рейсов в год (Триестская линия); а также переправы: 10. Между Керчью и Таманью и 11. Между Овидополем и Аккерманом — столько раз в день, сколько окажется нужным³².

Предполагалось, что эти линии будут открываться «постепенно, по мере сооружения пароходов и сначала при меньшем числе рейсов», а их эксплуатация будет «зависеть от средств Общества и местных потребностей, по соглашению Общества с правительством»³³. Однако уже спустя две недели после первого собрания акционеров Н.А. Новосельский предложил форсировать покупку пароходов, что позволило бы открыть движение по ряду обязательных линий, даже при отсутствии в то время необходимого у РОПиТ кадрового потенциала (соответствующего числа офицеров и матросов), судоремонтной базы и надежного источника обеспечения топливом. Было решено закупать пароходы четырех типов: 1. С быстрым ходом и всеми удобствами для пассажиров; 2. Большой вместимости и «достаточно хорошим ходом» для перевозки значительных объемов грузов на дальние расстояния; 3. Для речной буксировки; 4. Большой вместимости, но небольшого хода, для перевозки грузов (в том числе угля для потребностей Общества) во внутренних водах России. Для первой уставной морской линии планировалось приобрести три парохода, для последующих восьми — по одному³⁴.

Деятельность РОПиТ в 1857–1859 гг.

В период 1856–1860-х гг. внешняя торговля России переживала мощный подъем: среднегодовой показатель по экспорту составил 225,6 млн. руб. (превысив соответствующий показатель 1851 — 1855 гг. на 70%), импорту — 205,9 млн. руб. (58%)³⁵. На этом фоне крайне энергичными выглядели первые действия директора-распорядителя Н.А. Аркаса (в правлении представлявшего интересы Морского министерства): уже в начале 1857 г. он оформил покупку за границей 10 готовых пароходов, к концу того же года их число увеличилось до 18. Среди этих судов выделялись три — «Юнона», «Церера» и «Паллада» — водоизмещением по 1340 т., предназначенные для выхода на дальние зарубежные линии (имевшие высокую помильную плату), прежде всего на Константинополь и Марсель. В дальнейшем эти два заграничных направления давали с перевоз-

ки грузов основную прибыль компании — соответственно 80,4 и 30,3 тыс. руб. в год (Крымская линия находилась на третьем месте с 17,3 тыс. руб.)³⁶. Значительно меньшая доходность имела место по внутренним — северочерноморским и кавказским — линиям, специализировавшимся главным образом на перевозке пассажиров. Впрочем, Аркас пребывал в уверенности, что финансовые возможности компании позволят увеличить к 1859 г. количества пароходов до 35, барж — 30. На их покупку или постройку потребовалось бы огромная сумма в 5,2 млн. руб., с дополнительными расходами в 800 тыс. руб. на обустройство портовых сооружений и местных агентств компании, а также разработку переданного правительством на территории Области Войска Донского участка, содержавшего, как полагало правление, «антрацит хорошего качества, в количестве, достаточном для потребностей пароходов Общества»³⁷.

17 мая 1857 г. начались пробные рейсы пароходов Общества. В течении первых трех дней выручено за билеты на перевозку пассажиров 1800 руб., в том числе в Константинополь — 695 руб. (42 человека), крымские порты — 664 руб. (76), Херсон — 357 руб. (117). С 21 мая пять пароходов открыли регулярные рейсы. Стоимость проезда варьировалась в зависимости от класса каюты: в Константинополь от 28 (1 класс) до 8 (3 класс) руб., Керчь — от 24 до 6 руб., Феодосию — от 20 до 5 руб., Ялту — от 14 руб. 50 коп. до 3 руб. 75 коп., Севастополь — от 12 до 3 руб., Херсон — от 4 руб. 50 коп. до 1 руб. 75 коп. Грузов отправлено в Константинополь — 4418 пудов, крымские порты — 1042, Херсон — 721 (в Ростов доставлен один рояль). Спустя шесть месяцев, по итогам октябрьской навигации, выручка по сообщению с Константинополем составил 31,4 тыс. руб. (в том числе помильная плата — 11 тыс.), кавказскими портами — 28 (23,6), крымскими — 18,1 (7,5), азовскими — 10,1 (4), Херсоном — 5,3 (2,4)³⁸.

К концу 1857 г. балансовая стоимость активов РОПиТ выросла до 4,8 млн. руб., в том числе по стоимости 18 пароходов — 1,2 млн. руб. Помимо этого строились новые суда — в Англии на 667,2 тыс. руб., Франции — 662,5 тыс. руб. Однако к этому время становилась очевидной острота ряда вопросов, решать которые требовалось в самые короткие сроки. Речь шла, прежде всего, о создании почти с нуля судостроительной и ремонтной базы, а также наборе необходимого числа профессионально подготовленных офицеров и матросов для флота. Но «главное неудобство» в действиях Общества заключалось в отсутствии не только инфраструктурных возможностей для приема в российских черноморских портах крупнотоннажных судов, но и свободных средств для решения данной проблемы. Именно вопрос о финансировании перспективных для РОПиТ проектов,

в том числе за счет более активного развития коммерческой стороны дела, станет в дальнейшем камнем преткновения в отношениях между руководителями компании³⁹. Но уже в первые месяцы работы для членов правления стало понятным, например, что Одесса, выступая «центром» деятельности Общества, имела «моллы слишком короткие, недостаточные для укрытия приходящих судов и давно уже не отремонтированные», при этом «порт давно уже обмелел и требует настоятельно периодической очистки». В Евпатории имелись две пристани в виде досок, положенных на деревянных козлах, но они «оканчивались на весьма недостаточной глубине и значительно подточены червями»; в Севастополе со времени Крымской войны уцелела так называемая «царская пристань» в южной бухте, но и она была подточена червями и долго простоять не могла; в Ялте пристань окончательно разрушилась, поэтому даже «гребным судам пристать некуда»; в Феодосии сохранялись две «ветхие» пристани, заканчивающиеся на недостаточной для морских судов глубине; полной перестройки требовало также портовое хозяйство в Керчи⁴⁰. В данном отношении по своему логичным стал отказ Аркаса на просьбу керченского градоначальника немедленно открыть пароходное сообщение между Крымом и Таманью (обсуждение происходило еще в начале ноября 1856 г.)⁴¹.

Собственные взгляды на существующие проблемы в деятельности Общества, не всегда совпадавшие с мнением Н.А. Аркаса, стал отстаивать второй директор-распорядитель — Н.А. Новосельский. В 1857 г. в своих неоднократных обращениях к членам правления он пояснял, «при какой печальной обстановке началась деятельность наша на Черном море», что «в Крымских портах, нами посещаемых, необходимо основываться так, как бы никогда прежде не имели они морских сообщений с остальным миром». Их первоначальное обустройство, полагал он, потребует «громадной» суммы в 202 тыс. руб., в том числе для Керчи (не считая стоимости строительных материалов и рабочей силы) — 91,6 тыс., Феодосии — 84,7 тыс., Евпатории — 16,3 тыс., Севастополя — 9,5 тыс. руб. В такой ситуации государство, рассчитывавшее на быстрое развитие черноморского пароходства, оказалось «обмануто действительностью в одинаковой мере с Обществом». Но поскольку правительство уже «показало явное желание сделать со своей стороны все, чтобы облегчить осуществление нашего предприятия», было бы «справедливо», полагал Новосельский, разделить необходимые расходы между РОПиТ и властями так, чтобы последние получили возможность получать доходы с этих сооружений в будущем⁴². В последнем случае речь шла скорее не о финансовых, а военных и геополитических «доходах».

В августе 1857 г., на примере функционирования Крымской линии, Н.А. Новосельский подчеркивал значимость не только технических («судовых»), но и организационно-коммерческих подходов к планированию операций компании. Например, пояснялось, что «хорошее расписание рейсов всякого пароходного общества есть предмет величайшей важности. В пароходных плаваниях должно дорожить каждым полезным часом». Беспокойство у Новосельского вызывала в частности организация сообщения между Севастополем и Евпаторией, имевшая потенциал для увеличения перевозимого числа пассажиров и объемов груза. Здесь, отмечал он, «надобно стараться по возможности “согласовать” интересы пассажиров с интересами грузителей и обдумать для каждого порта соответствующий простой»⁴³. Однако положение дел усугублялось отсутствием какого-либо плана развития крымских городов: «разоренный Севастополь, например, вовсе почти не возобновляется. Феодосия, напротив, деятельно обстраивается в ожидании железной дороги, а Керчь находится в какой-то видимой нерешительности, не зная еще будет ли, нет ли обеспечена ее торговая самостоятельность»⁴⁴.

В конечном итоге члены правления приняли решения об открытии первых агентств РОПиТ в Константинополе, Керчи, Херсоне и Николаеве (сюда сходились срочные пароходные линии в северном Причерноморье), а также Евпатории, «торговые обороты которой делают этот порт самым значительными из крымских», Феодосии, «по случаю заметного уже и теперь оживления этого порта вследствие начинающихся работ по устройству железной дороги», и Севастополе, «славные развалины которого привлекают многих путешественников». Кроме того, были выделены средства для найма «вольных матросов», а также открыт усиленный набор служащих в отделения (распорядительное, счетное, товарное и пассажирское) главной конторы в Одессе. Одновременно значительные суммы резервировались на заключение договоров с посторонними предприятиями на закупку новых судов и возможные ремонтные работы уже действующих⁴⁵.

К концу 1857 г., наряду с хозяйственными и организационными вопросами, все большую остроту приобретают финансовые аспекты функционирования РОПиТ. Выручка компании за первые 16 месяцев составила 795,7 тыс. руб., однако из этой суммы почти половину составляла помиллярная плата — 389,4 тыс. руб. (еще 177,9 тыс. руб. дала перевозка грузов, 114,1 — пассажиров). Кроме того, 64 тыс. руб. серебром РОПиТ ежегодно получало от правительства в виде дополнительных средств на ремонт пароходов. Но даже при выплачиваемых субсидиях рентабельность активов составила лишь 4,4%, акционерного капитала — 4,8%. Из чистой прибыли 210,7 тыс. руб. в

дивиденд акционерам было начислено за первый операционный год 180 тыс. руб. Одновременно в пользу частных акционеров направлены дивиденды с правительственных 6670 акций. При такой форме частно-государственного партнерства главной проблемой становилась эффективность финансового руководства компанией на ближайшие годы, в том числе с точки зрения соответствия расходов на покупку пароходов с прибыльностью от их эксплуатации по тем или иным морским линиям.

Следующий, 1858 операционный год, как казалось, подтверждал оптимистичные прогнозы акционеров. Под руководством директора-распорядителя Н.А. Новосельского (находившийся в той же должности Н.А. Аркас вернулся из Одессы в Петербург) резко активизировались инвестиционные операции РОПиТ, прежде всего по приобретению судов. По итогам года имел место рост выручки Общества — на 129,5%, правда в ее общем объеме доля помильной платы по-прежнему занимала большую часть — 59%. Тем не менее, на фоне значительного роста доходности перевозок как грузовых (зарубежные линии), так и пассажирских (внутренние), компания продолжила активную закупку пароходов. К концу года их число увеличилось до 35, при этом рейсы 5 из них дали наибольшую прибыль: «Юнона» (1340 т. водоизмещения) — 140 832 руб., «Великий князь Константин» (1480 т.) — 140 485 руб., «Херсонес» (823 т.) — 134 229 руб., «Паллада» (1340 т.) — 116 916 руб., «Колхида» (1480 т.) — 100 828 руб. Доходность еще трех морских судов превышала 90 тыс. руб. В это же время правление Общества впервые выделяет значительные средства на обустройство прибрежной инфраструктуры, в т.ч. возведение большого Моргенова эллинга, пристани и механического завода в Севастополе, модернизацию портового хозяйства в Феодосии (в связи с заключенным договором о морской перевозке 10 тыс. тонн рельсов для Главного общества российских железных дорог), перестройку литейного завода в Одессе, а также обновление береговых сооружений в Керчи, Евпатории и Ялте⁴⁶. Эти меры заметно контрастировали с позицией, которую занимали директора в 1857 г.: тогда ими было отклонено предложение об обустройстве пристаней в Крыму, поскольку «более полезным» для Общества представлялась закупка судов для открываемых срочных линий⁴⁷.

Значительные инвестиционные вложения (только на строительство севастопольского эллинга, без сопутствующих ему работ, выделяется 340 тыс. руб., еще 200 тыс. — на разработку антрацитового месторождения в Области Войска Донского) осуществлялись в расчете на дальнейший рост прибыльности действий пароходства, в

том числе по результатам его участия, как значилось в уставе, в «развитии торговли Южного Края России» (как покажут дальнейшие события, эти расчеты оказались излишне оптимистичны). Вместе с тем не оправдывались надежды на всемерную поддержку правительства в обустройстве прибрежных сооружений для нужд пароходства. Еще в январе 1858 г. Н.А. Аркас конфиденциальным письмом предупредил служащих о том, что министр финансов отказал Обществу в праве беспошлинного ввоза чугуна и железа из-за границы. Необходимый для обивки причалов металл решено было скупать «где можно», «не разглашая по возможности» имеющуюся в нем «надобность»⁴⁸. В условиях, когда сооружение пристаней «должно быть причислено к разряду сооружений, не терпящих далее отлагательства, ибо этим значительно сокращаются расходы на погрузку и выгрузку пароходов», в том числе при обслуживании срочных почтовых сообщений, правление заявляет о необходимости изыскания дополнительных сумм в пределах 1 млн. руб. Для покрытия быстро увеличивающихся расходов, в том числе по содержанию одесской конторы и местных агентств (численность управленческого аппарата уже превысила 1,5 тыс. человек), решено было воспользоваться дополнительной эмиссией. Принимается решение о выпуске 10 тыс. акций с возможностью первоначально оплатить их частично, в половину номинальной цены, получив подтверждающие данный факт «свидетельства». Новые акции предполагалось реализовывать главным образом среди собственников РОПиТ⁴⁹.

Со своей стороны Н.А. Новосельский считал чрезвычайно значимым для финансового благополучия компании курс на последовательное развитие коммерческих операций. Весной 1858 г. он поясняет необходимость более гибкого подхода к реализации уставных требований: хотя «собственная выгода» пароходства заключается в том, чтобы в дальнейшем «зарабатывать все количество помильной платы, даруемой правительством» применительно к обязательным рейсам, тем не менее РОПиТ должен «направлять свои линии на те пункты, какие признает в то время выгоднейшими, для извлечения наибольших доходов, что совершенно соответствует и цели правительства». Как предполагалось, подобный подход обеспечит в будущем конкурентные преимущества в «соперничестве» с иностранными пароходными компаниями, в том числе турецкими при перевозке паломников в Мекку. На собрании акционеров 14 апреля 1858 г. позиция Новосельского получила поддержку присутствующих, в том числе из числа тех, кто представлял интересы правительства. Из имевшихся 98 голосов последнему принадлежало 46; еще 14 имел В.А. Кокорев, также солидаризировавшийся с предложенными ново-

введениями⁵⁰. Спустя полгода, 16 сентября, Александр II утвердил изменения в деятельности компании, в соответствии с которыми «независимо от срочных обязательных по Уставу рейсов, пароходы Общества могут по мере надобности и представляющихся выгод посещать многие порты, которые не были поименованы в Уставе», что давало «сообразно коммерческим требованиям» возможность направлять пароходы в порты не только Средиземного моря, но и Атлантического океана до Англии и Бельгии включительно⁵¹ (на чем особенно настаивало правление компании).

1859 операционный год должен был, по мысли Н.А. Новосельского, стать поворотным с точки зрения повышения эффективности операций РОПиТ. 26 мая директор-распорядитель заявил о «новых началах» в его деятельности. Принимается решение создать в Одесской конторе несколько отделений: распорядительное, коммерческое, хозяйственное, морское, техническое, счетное и контрольное. Существовавшее ранее товарно-пассажирское отделение преобразовывалось в Одесское агентство. Одновременно Новосельский заявляет о важности концептуального пересмотра характера функционирования административного аппарата. На страницах печатного издания компании — «Листка Русского общества пароходства и торговли», он поясняет: «прежде всего я желал бы, чтобы бюрократический порядок, с которым каждому из нас более или менее трудно расстаться, был решительно устранен. Порядок этот, основанный на недоверии, выражается в подробной и мелочной опеке над каждым шагом подчиненного и влечет за собой бесплодную переписку о разрешении таких вопросов, которые с большей пользой для дела могут разрешаться на месте отдельными исполнителями. Лишняя подчиненных энергии и самостоятельности, начало это порождает общее с их стороны равнодушие к делу, а со стороны распорядителя требует неестественного всеведения и столь же противоестественного напряжения сил. Распорядитель, проникнутый этим началом, делая распоряжение, указывает с точностью и самый способ исполнения, предусматривая таким образом тысячи случайностей, могущих встретиться на пути исполнения и забывая, что тысяча первая может разрушить все его соображения». В противоположность этому порядку Новосельский предлагает иной, который, «связывая по возможности личные интересы служащих с интересами самого Общества», предоставлял бы заведующим отдельными подразделениями компании «возможно полную самостоятельность» [выделено курсивом в источнике. — М.Б.].

Какие же конкретные шаги предпринимаются в избранном направлении? Прежде всего, при Одесской конторе начинают еженедельно созываться Совещательные собрания, с представленными в

них руководителями подразделений. Здесь обсуждаются вопросы, связанные с согласованием работы «отдельных частей» компании. Как полагал Н.А. Новосельский, такая деятельность полезна «и для всего дела, и для самих служащих, потому что, вызывая на пользу Общества все умственные и нравственные силы служащих, в то же время предоставляет каждому из них возможность заявить пред правлением и г. акционерами свои заслуги и таким образом упрочить свое положение, независимо от личных отношений и всяких других случайностей. Совещательное собрание может, наконец, согласно давнишнему моему желанию, развить корпоративный дух, образовать общественное мнение между служащими и мало-по-малу способствовать правильной оценке их способностей и заслуг»⁵². Первое собрание состоялось 14 ноября 1859 г. В дальнейшем заседания проходили до мая 1860 г., подробно освещаясь на страницах издаваемого в Одессе «Листка Русского общества пароходства и торговли», пост редактора которого по предложению Новосельского занял С.С. Громека. Тогда же, в ноябре 1859 г., Н.А. Новосельский проводит еще ряд преобразований, в том числе определяет новые штаты для агентств, с одновременным переводом их содержания на процентную долю от полученной прибыли. Соответственно руководителям агентств предоставляется «полная самостоятельность» в комплектовании штата служащих, содержащихся за счет доходов агенства. Остается добавить, в том же году последовал 100% рост выручки, чистая прибыль РОПиТ достигла 621,3 тыс. руб., из которой в дивиденд направлено 477, 8 тыс. руб. Рентабельность активов возросла до 6,8%, акционерного капитала — 7,7%⁵³.

Однако в 1859 г. стали проявляться и первые крупные проблемы, связанные с увеличением расходов на обслуживание многочисленных судов и содержание разрастающегося административного аппарата. При этом деятельность главы административного аппарата одесской конторы горного инженера, подполковника А.Е. Влангали (он сменил на этом посту ушедшего «по расстройству здоровья» И.Н. Сатова) не отличалась сколько-нибудь ощутимой коммерческой результативностью. В том же году по предложению Н.А. Новосельского его сменил А.Я. Павлов. Одновременно все более очевидными становились неудачи в разработке антрацитового рудника: из 36 заложённых шахт 32 были заброшены из-за низкой продуктивности. Значительные средства, вложенные в проект обеспечения флота собственным топливом, оказались потерянными. Общая ситуация в компании, прежде всего с точки зрения стабильности финансового положения и эффективности функционирования управленческих структур, вызывало все большие опасения у петербургских дирек-

торов. Новосельский в связи с этим подчеркивал влияние не только хозяйственных факторов, но и своего рода «социокультурных», а именно — «нравов такой большой разноплеменной, разношерстной семьи какова наша. Не обижая никого, я не могу однако ж не сказать, что большая часть очень расположена к тому, чтобы побольше получать, и поменьше делать; а антагонизм между командирами и агентами, а различие каст, а непривычка к аккуратной отчетности наших храбрых и бравых моряков, а поползновения некоторых агентов оттянуть общую кроху в свою норку и проч. и проч.»⁵⁴.

В ситуации ухудшения финансовых показателей, члены правления, по настоянию Н.А. Аркаса, заявляют о необходимости свернуть закупку пароходов для открытых Н.А. Новосельским необязательных рейсов, сохранив планы на приобретение только одного крупного судна — «Олег» (1600 т. водоизмещения). Подобный шаг объяснялся, помимо прочего, нехваткой судов для срочных рейсов: из 12 соответствующих линий в то время обслуживались только 9⁵⁵. Принятое решение вызвало в свою очередь несогласие со стороны Н.А. Новосельского, опекавшего работу коммерческого отделения компании. В ответ он предложил создать особый комитет из числа акционеров, задачами которого являлось бы упорядочение правил по ревизии кассы РОПиТ и предоставляемых с мест отчетных документов. Более того, по его мнению требовалось более решительно развивать частный характер деятельности пароходства, поддерживая несрочные рейсы (помильной платой обеспечивались только обязательные — «срочные», зафиксированные по согласованию с правительством в уставе Общества), в том числе связывающие Юг России с портами Западной Европы. Такой подход не получил поддержки со стороны части акционеров и служащих, ориентировавшихся не столько на поиск путей совершенствования операций компании, сколько на максимальное получение правительственных субсидий. В результате, для наибольшей выборки помильной платы в плавание направлялось максимальное число пароходов, порой шедших полупустыми, без достаточного числа пассажиров и объема грузов. Иначе говоря, имела место ориентация на увеличение объема выручки, сопровождавшаяся ростом затрат и снижением эффективности перевозок, и в конечном счете — уменьшением суммы чистой прибыли. Отметим также, что усиливающаяся разногласия в составе руководства РОПиТ дополнялись растущей зависимостью многих акционеров в отношении сохраняющейся зависимости доходности компании от казенных выплат, тем более с приближающимся истечением пятилетнего срока перечисления дивидендов по правительственным акциям в пользу частных собственников.

Кризисная ситуация в компании в 1860–1861 гг.

1860 г. стал в полном смысле переломным для деятельности РОПиТ. Последовало резкое увеличение расходов и почти двукратное снижение рентабельности активов и собственного капитала, сопровождавшиеся уменьшением как валовой (на 13,5%), так и чистой (на 45,8%) прибыли⁵⁶. Соответственно дивидендные выплаты сократились на 33,2%, после чего последовало падение стоимости ценных бумаг Общества на Петербургской бирже с 400 до 240 руб. Происходившие события сопровождались настоящей паникой среди акционеров. Н.А. Аркас вынужден был признать: «Доверие к Обществу совершенно теряется..., все стараются доказать, что дело, само по себе превосходное в основаниях своих, ведется весьма дурно, бессистемно, неэкономно и без соблюдения интересов акционеров»⁵⁷. Впрочем, судя по происходившим в 1860 г. событиям, сам Аркас явно терял контроль над ситуацией в РОПиТ. Так, 16 апреля, ряд акционеров потребовали перевести правление из Петербурга в Одессу, в регион непосредственной деятельности компании. Аркас согласился с этой идеей, но уже 24 апреля большинство акционеров заблокировали это решение как вредное с точки зрения связей руководителей с акционерами и правительственными структурами. Вслед за этим на смену двум директорам-распорядителям в Одессе решено оставить одного, после чего сменили и его, передав распорядительные функции управляющему Одесской конторой. Управляющего наделили «неограниченными правами и властью», одновременно назначив ему большее денежное содержание. Но и этот вариант оказался неудачным, поскольку управляющий попытался взять под свой контроль все доходные статьи РОПиТ, что обернулось со стороны правления очередным «неизбежным вмешательством для ограждения интересов Общества». В итоге, Аркас предложил реформировать всю систему управления, разделив правление на две части: в Одессе поручить непосредственную работу трем директорам, в сферы заведывания которых отнести: а). Морскую и техническую часть, б). Хозяйственную деятельность и местные агентства, в). Счетную часть. В свою очередь двум директорам в Петербурге предполагалось вверить контрольные функции в отношении одесской администрации. Отметим также, что по этому предложению практически ликвидировалась как ненужная «коммерческая часть» РОПиТ, что являлось еще одним выпадом Аркаса в адрес своего прежнего делового партнера Н.А. Новосельского⁵⁸. Ситуация усугублялась тем, что ранее, 15 марта 1860 г., Новосельский счел невозможным продолжать работу в правлении и сложил с себя полномочия директора-распорядителя. Спустя месяц ушел в

отставку поддерживающий его позицию член правления Е.В. Гаспарини⁵⁹. Впрочем, в течении последующего года Новосельский продолжал сохранять весомую позицию в составе акционеров, выступая доверенным по акциям великого князя Константина Николаевича. Так, на собрании 12 февраля 1861 г. принадлежавшие последнему 8 голосов в совокупности с собственными предоставляли Новосельскому 14 голосов, то есть треть (после правительства с 42 и В.А. Кокорева — 20 голосами) по значимости место среди собственников РОПиТ. К этому времени общая численность собственников увеличилась до 315 лиц с 523 голосами, из которых подавляющее большинство составляли миноритарные акционеры с 1 голосом⁶⁰.

Предложение Н.А. Аркаса (имевшего по своим акциями 4 голоса) разделить правление по региональному признаку, отказаться от ведения коммерческих операций и сосредоточиться главным образом на улучшении срочного морского сообщения не встретило понимания у большинства акционеров. В частности, было справедливо замечено, то низкая результативность коммерческой деятельности проистекала не из ее ненужности, а из низкой заинтересованности служащих в ее ведении. В связи с этим акционеры-ревизоры указали на такую выгодную операцию, как принятие на комиссию для продажи отечественных и зарубежных товаров. Однако «в исполнении комиссий нередко допускалось (агенты вне Одессы исполняли комиссии вообще лучше) столько небрежности и невнимания, как будто Общество тяготилось даваемыми ему поручениями и само хочет избавиться от них»⁶¹. Было высказано мнение, что предложение Н.А. Аркаса исключить из названия компании слово «торговля» означало бы на деле «добровольно просить о лишении Общества права, необременяющего его обязанностями»⁶², а попытка умалить роль петербургского правления обернется окончательной потерей контроля акционеров над действиями одесской администрации.

Сложность переживаемой РОПиТ ситуации заключалась в том, что споры по поводу перспектив развития компании происходили на фоне событий, грозивших обернуться для членов петербургского правления серьезными репутационными потерями. Речь шла о ранее принятом ими решении, одобренном 24 марта 1858 г. императором Александром II, возвести для Общества элинг в Севастополе. Значимость этого строительства объяснялась прежде всего крупными расходами, которые несло Общество по строительству и ремонту судов сторонними предприятиями. По предложению Н.А. Новосельского подрядчиком был утвержден отставной подпоручик Д.К. Волохов, известный к тому времени качеством проводимых строительных работ. Стоимость контракта составила 338 тыс. руб., однако спустя месяц

правление РОПиТ предложило Волохову сократить эту сумму на 75 тыс. руб. После первых продолжительных споров, 12 августа, заключается договор на сумму 320 тыс. руб., предполагавший завершение устройство эллинга и ряда сопутствующих заводских и жилых зданий к концу 1859 г.⁶³ Однако к началу 1860 г. всем заинтересованным сторонам стало ясно, что работы по строительству затягиваются. 16 января директора РОПиТ сформулировали свою позицию: «весь образ действий господина Волохова явно обнаруживают предвзятое с его стороны намерение уклониться от упадающей на него ответственности за проволочку и делают необходимым принятие правлением подлежащих мер к охранению интересов Общества». Со своей стороны Волохов заявил, что под его руководством возводится «огромных размеров эллинг за цену весьма незначительную, сравнительно со стоимостью других подобного рода сооружений», при этом не было допущено «интересам Общества ни малейшего ущерба». Более того, подрядчик привел доказательства того, что многие из взятых РОПиТ на себя обязательств по участию в обустройстве севастопольских сооружений также не были выполнены в срок (от проверки территории на предмет размыва грунта до поставки качественных паровых машин и прочего оборудования)⁶⁴.

В феврале 1861 г. строительные работы были полностью завершены. «Общество, — пояснял Д.К. Волохов, — может гордиться подобным сооружением, как Мортонев эллинг в Севастополе». Вместе с тем руководителю стройки не хотелось «думать, чтобы Общество основывало свои выгоды на разорении подрядчика и объясняло все недоразумения единственно тем, что правление, находясь в Петербурге, не имеет достоверных данных, чтобы обсудить дело во всех его потребностях». В ответ руководство компании признало: подрядчик «производил работу усердно, но старался произвести ее с возможно большею для себя выгодой», что принесло РОПиТ значительный ущерб⁶⁵. В марте 1861 г., когда в Российской империи развернулись мероприятия по отмене крепостного права, отношения между Волоховым и Обществом вышли на новый уровень противостояния. После отказа первого выплатить неустойку в 60 тыс. руб., правление компании подало иск в петербургский коммерческий суд. Определенные надежды здесь возлагались на присутствие в составе акционеров правительства великих князей, что могло бы, как казалось, положительно сказаться на дальнейшем разбирательстве дела. Однако уже первые обсуждения в третейском суде приняли для Общества проблемный характер. В данном отношении, с учетом роста недовольства акционеров действиями правления по руководству Обществом, по-своему ожидаемой стала отставка в мае того же

года Н.А. Аркаса с директорского поста, которая совпала с обвинениями в его адрес об использовании в личных целях служебного положения (получение от РОПиТ значительных ссуд)⁶⁶. Вместо него директорский пост занял контр-адмирал П.Ю. Лисянский, которого в свою очередь сменил летом капитан 1-го ранга Н.М. Чихачев. Что касается судебного разбирательства, то принятым в сентябре решением фиксировалось, что убытки РОПиТ «ни в какой части не могут быть отнесены к Волохову, который за сим должен быть освобожден от предъявленного ему иска неустойки», к тому времени возросшего до 210 тыс. руб.⁶⁷ В свою очередь Общество обязывалось оплатить встречный иск подрядчика на сумму более 32 тыс. рублей.

Одновременно с решением проблем, связанных с завершением строительства эллинга в Севастополе, директорат оказался втянут в затяжную дискуссию о перспективах оптимизации кадрового состава одесской конторы. Еще в декабре 1860 г., в ответ на требование петербургского правления о сокращении численности ее работников, управляющий А.Я. Павлов призвал руководствоваться не только финансовыми, но и моральными принципами: «при всем моем желании соблюсти по возможности интересы Общества я не могу совершенно потерять из виду нравственную сторону отношений Общества к служащим», в связи с чем «затрудняюсь внезапно уволить некоторых лиц, которые поступили на службу почти с первого дня существования Общества»⁶⁸. Попытки Н.А. Новосельского указать на крайнюю раздутость штатов конторы не возымели действия. В январе — феврале 1861 г. продолжалось выяснение отношений Павлова с членами петербургского правления, при этом первый по-прежнему ссылался на то обстоятельство, что предписанное сокращение бюджета вверенного ему учреждения повлечет за собой неминуемый ущерб «интересам» Общества⁶⁹. Завершением дискуссии стала командировка в марте в Одессу представителя правления Н.Н. Суцова с полномочием решить вопросы «устройства» конторы и «вообще управления делами Общества» на юге России⁷⁰. Результатом этой поездки стало увольнение А.Я. Павлова с должности управляющего.

Имеющаяся к этому времени степень заинтересованности в участии в непосредственном руководстве делами Общества проиллюстрируем следующими данными: вознаграждение управляющему одесской конторой составляло (вместе с процентом от чистой прибыли) 18 тыс. руб., при этом членам правления в Петербурге выплачивалось по 6 тыс. руб. годового жалования. Для сравнения: капитаны пароходов получали 2000 руб., буксиров — 1600 тыс., судов на переправах — 1500 тыс. Соответственно старшие механики — от 1900 до 840 руб., младшие механики — от 1320 до 800 руб., помощ-

ники капитанов — от 1600 тыс. до 300 руб., лоцманы — от 900 до 420 руб. Сравнительно высокими считались заработки машинистов: 1 класса — 480 руб., 2 класса — 300 руб. (примерно столько же получали фельдшеры). Штурманы и ученики механиков зарабатывали по 245 руб., боцманы — 240 руб. Значительно меньшими были выплаты кочегарам — от 180 (1 кл.) до 144 (2 кл.) руб., а также матросам — от 168 (1 кл.) до 108 (2 кл.) руб. Жалование юнг составляло 48 руб.⁷¹

В целом в работе РОПиТ в 1861 г., несмотря на все усилия новой главы петербургского правления Д.Н. Набокова (дед писателя В.В. Набокова), продолжала сохраняться негативная тенденция, на которую годом ранее указывали акционеры. Так, имело место увеличение количества пароходных рейсов (с 1433 до 1558) при одновременном уменьшении их доходности (с 1,9 до 1,8 млн. руб.). В первую очередь сокращение выручки наблюдалось на международных линиях — Александрийской, Английской, Константинопольской и Салоники-Пирейской. Напротив, увеличение прибыльности сопровождало рейсы на внутрироссийских направлениях, а также операции по буксирному пароходству и обслуживанию речных переправ. Снижение рентабельности заграничных линий компенсировалось большими объемами помильной платы. Например, по Александрийскому направлению она достигла 356,3, Английскому — 278,9, Марсельскому — 259,8 тыс. руб. (разница объяснялась преобладанием по первому направлению обязательных, «срочных» рейсов, которые подлежали оплате). Для сравнения: по наиболее доходным внутренним линиям — Крымской и Кавказской (две трети здесь составляли срочные плавания) — помильная плата составила соответственно 177,9 и 156,4 тыс. руб. Доставка грузов по-прежнему оставалась для пароходства предпочтительнее перевозки пассажиров, особенно на дальние расстояния по несрочным рейсам. Это касалось и поставки морским путем рельсов, а также разнообразных машин, оборудования, зерна и скота. По результатам плаваний почти всех судов размеры помильной платы превышали суммы, заработанные непосредственно за перевозку грузов и пассажиров. Исключение составило самое крупное годовое поступление по результатам грузовых рейсов парохода «Одесса» — 221,3 тыс. руб., из которых лишь 96,6 тыс. руб. являлись помильной платой. Следующим по объемам выручки стал результат грузо-пассажирских перевозок парохода «Владимир» — соответственно 172,9 и 101,3 тыс. руб.⁷²

На 30 апреля 1861 г. назначается общее собрание акционеров, на котором предполагалось рассмотреть необходимые изменения в системе управления, в том числе вопрос о роли коммерческих операций в деятельности пароходства, а также о местоположении правления и контролирующих органов (в Петербурге или Одессе). Острота ситуации объ-

яснялась тем, что к этому времени еще не определился перевес среди собственников компании в пользу того или иного варианта ее реформирования — в соответствии с идеями Н.А. Аркаса или Н.А. Новосельского. Накануне собрания последний еще раз заявил о том, что он расходится с Аркасом «по главным вопросам управления делом». В этих условиях великий князь Константин Николаевич, а вслед за ним и правительство, по распоряжению императора Александра II, приняли решение отказаться от участия в голосовании по тому или иному плану развития РОПиТ. При этом Министерство финансов сочло необходимым напомнить, что его участие в делах компании «исключительно наблюдательное и контрольное, без всякого вмешательства в часть распорядительную». 29 апреля император поставил точку в дискуссии, заявив о необходимости решения существующих проблем самими частными акционерами, без вмешательства властей⁷³. В итоге мнение Н.А. Новосельского о необходимости всемерного развития коммерческих начал в деятельности Общества, а также о сохранении правления в Петербурге, получают поддержку 107 акционеров при 99 против⁷⁴. Предложение Н.А. Аркаса о разделении функций правления между администрациями Петербурга и Одессы, а также отказе компании от торговых операций, не получили необходимого числа голосов.

Представляет интерес еще одно событие, последовавшее на следующий день после описываемых событий. 1 мая участвовавший в собрании петербургский финансист Л.М. Розенталь направил в правление письмо, ставшее своего рода отражением настроений собственников РОПиТ из числа столичных предпринимателей⁷⁵. Именно последние, подчеркивал автор, «решились вчера противиться переводу правления в Одессу», поскольку «ясно кажется, что без участия в этом деле Одесского и Новороссийского купечества, в руках которого находится вся местная торговля, все действия Общества парализованы и нельзя ожидать пользы ни для дела, ни для торговли...». Иначе говоря, перевод правления из Петербурга, где его деятельность в какой-то мере еще оставалась на виду у столичных купцов, в Одессу, при отсутствии здесь акционеров из среды местных предпринимателей, мог обернуться полной потерей надзора за работой администрации компании. Между тем, полагал Розенталь, в Одессе существуют торговые фирмы, «пользующиеся европейской известностью»: именно «их и надо привлекать к делу, тогда мы будем иметь в них хороших помощников, а местные акционеры могут быть лучшим контролем, не стоящим Обществу никаких расходов». Конкретная заинтересованность таких фирм в операциях пароходства проистекала хотя бы из того, что при выдаче ими ссуд под 7% они могли бы в перспективе надеяться на получение дивидендов в

12%. В заключение, Розенталь еще раз подчеркивал глубокое «убеждение» акционеров из предпринимательской среды Петербурга, согласно которому «дело Общества пароходства и торговли есть чисто коммерческое и оно должно быть управляемо и ведено на месте (т.е. в Одессе. — *М.Б.*), так и здесь на коммерческом принципе»⁷⁶.

Какова же была реальная ситуация в составе акционеров РОПиТ по итогам 1861 операционного года? К этому времени определение перспектив развития компании оставалось связано с интересами нескольких столичных собственников, в числе которых ключевые позиции имело правительство (5470 акций), В.А. Кокорев (2714), еврейский банкир И.Е. Гинцбург⁷⁷ (1525), великий князь Константин Николаевич (1000), Н.А. Новосельский (513) и Н.А. Аркас (360). Они контролировали, вместе с членами правления, более половины всего представляемого на общих собраниях уставного капитала РОПиТ⁷⁸. Именно эти лица определяли принятие решений, способных, как казалось, выправить непростую ситуацию в Обществе. Речь шла, прежде всего, о возможности приобретения новых пароходов, а также об изменениях в структуре полномочий, призванных усилить единоначалие в руководстве операциями пароходства (от прежней совместной деятельности двух директоров-распорядителей — по технической и коммерческой части — решено отказаться) и вместе с тем повысить инициативность и ответственность главы одесской администрации. Помимо прочего, значимость этих сюжетов оказалась связана с неудачами предпринимаемых попыток реорганизовать административный аппарат компании. Решение об учреждении нового органа — контрольно-совещательного комитета, привело к очередному «разладу», на этот раз между комитетом (пытавшимся взять на себя определение перспектив развития пароходства), с одной стороны, правлением и одесской контрой — с другой⁷⁹. Примечательно, что в состав этого органа оказались избраны, помимо Н.А. Новосельского, несколько представителей столичного делового мира: Н.Н. Анцифоров, В.А. Кокорев, П.И. Лампе и Л.М. Розенталь⁸⁰. Для них первостепенными представлялись задачи решительного и последовательного преобразования административного аппарата РОПиТ. Как полагал один из членов комитета В.П. Романов (ориентировавшийся на эту группу акционеров), Обществу «дороже всего люди со специальными сведениями, или показавшими уже свои способности; таких людей нужно стараться заинтересовать к делу, чего, нужно признать, до сих пор еще не было сделано»⁸¹. Весной 1862 г. контрольно-совещательный комитет прекратил свое существование в условиях общей корректировки стратегии развития пароходства. Почти все его члены вошли в состав нового органа — наблюдательного Совета⁸².

Определение модели развития РОПиТ в 1862–1864 гг.

В начале июня 1862 г., Д.Н. Набоков, ранее руководствовавшийся идеей «сокращения по возможности бюджетных расходов», уходит в отставку. В том же месяце, по итогам продолжительного обсуждения, в устав РОПиТ вносятся значительные изменения. В соответствии с ними управление делами распределялось между директором-распорядителем, находящимся в Одессе (им стал Н.М. Чихачев, близкий по своим взглядам к Н.А. Новосельскому), и членами правления (Н.С. Гаевский, Ф.Т. Фан-дер-Флит, П.Ю. Лисянский, Н.Н. Суцов и В.Ф. Миллер), наблюдательным советом и общим собранием акционеров, располагавшимися в Петербурге. Директор избирался на три года членами наблюдательного совета, после чего утверждался в своей должности на общем собрании. Его деятельность не ограничивалась со стороны членов правления какой-либо конкретной программой действий, а снятие с должности возможно было лишь при согласии наблюдательного совета. В свою очередь петербургское правление комплектовалось из пяти лиц, из которых двое назначались правительством на весь срок получения компанией помильной платы, а еще трое избирались общим собранием акционеров из кандидатур, предложенных наблюдательным советом. Из своей среды члены правления и члены совета ежегодно избирали председателей. Правление получало право распоряжения финансовыми потоками, а также оперативного контроля за деятельностью одесской конторы, совет — стратегического контроля за деятельностью всей компании. Кроме того, в октябре 1862 г. вводится единообразие в размер помильной платы (применительно ко всем пароходным линиям): на первые десять лет действий общества она составляла 4 руб. 30 коп., в течении второго десятилетия, как и предполагалось ранее, она уменьшалась ежегодно на 5%, то есть в последний 20 год уменьшалась до 50% первоначальной суммы⁸³.

В 1862 г. изменения в организации работы РОПиТ происходили на фоне нескольких трагических событий с его судами. В Мраморном море потерпел крушение пароход «Колхида». Затонувший в течение нескольких минут, он унес с собой жизни 20 членов корабельной команды и до 30 пассажиров. В декабре под Новороссийском произошло еще одно драматическое событие. С севшего на мель парохода «Орест» сошла на берег, в надежде найти населенный пункт, часть пассажиров и матросов во главе со старпомом. Последствия этого решения были прискорбны: большинство из них (30 человек) были найдены позже замершими⁸⁴. В этой ситуации по своему знаковой выглядела готовность правительства к

дальнейшей поддержке РОПиТ. С 1862 г. в течение пяти лет весь дивиденд на правительственные акции, уменьшившиеся к тому времени до 5 470, стал направляться на развитие антрацитового рудника в Области Войска Донского. Одновременно Общество начинает выкуп по биржевой цене своих акций, позволивший в дальнейшем заметно увеличить размер дивидендных выплат. Первоначально было приобретено 340 акций по 192 руб. 97 коп., при номинальной их стоимости 300 рублей. Еще одним важным решением стало учреждение специального страхового капитала, с соответствующими отчислениями из прибыли, для возмещения расходов на приобретение и ремонт судов⁸⁵. Как полагали акционеры, директор-распорядитель Н.М. Чихачев стал действительно прилагать «все усилия», чтобы «увеличить доходы Общества, сократить его расходы, развить его деятельность и вести его операции на коммерческих началах». Вместе с тем, он «стремился урегулировать положение служащих Общества точным определением их прав, обязанностей и деятельности»⁸⁶.

Результаты операций Общества в 1862 г. выглядели многообещающими. Хотя общий объем выручки лишь немногим превысил размеры 1860 г., удалось тем не менее сократить расходы на содержание управленческого аппарата, прежде всего в Одессе. В итоге чистая прибыль выросла до 702,7 тыс. руб. (1860 г. — 565,1 тыс.), из которой в дивиденд направлено 601,6 тыс., в том числе по акциям правительства — 114,9 тыс. (направлены на разработку антрацитового месторождения), частных акционеров — 486,7 тыс. руб. Одновременно наблюдалось некоторое увеличение рентабельности собственного капитала — до 6,4%, активов — 5,9%⁸⁷. Характер доходности пароходных линий по грузоперевозкам рисуют следующие цифры (табл. 2).

Таким образом, большая часть выручки была получена за перевозки по заграничным линиям, прежде всего несрочными рейсами по Английской линии. В той же мере это относилось и к объемам перевезенного груза. По итогам работы флота на международных направлениях Н.М. Чихачев внес предложение, поддержанное акционерами, об исключении из числа обязательных портов Афон и Салоники, а также линий между Таганрогом и Константинополем, Редут-Кале и Трапезундом. Подобное решение, сулившее некоторое уменьшение помильных плат, объяснялось тем, что эти направления в «течении нескольких лет давали результаты самые неудовлетворительные и в будущем не обещают больших выгод»⁸⁸. Перспективной виделось участие РОПиТ в деле «развития и улучшения путей сообщения» на Кавказском побережье: как затем пояснял Чихачев, Общество было готово «стать твердой ногой» в переустраиваемом вла-

Перевозка грузов судами РОПТ в 1862 г.

показатели линии	Кол-во рейсов срочных/несрочных	в пудах	выручка (руб.)
Английская	/16	1 187 133	368405
Александрийская	26/1	612 804	153408
Марсельская	/8	384 304	108590
Кавказская	22/26	310 608	89442
Константинопольская	47/2	470 616	87394
Буксирное пароходство по Днепру	/38	920 050	76794
Анатолийская	17/	220 583	58858
Крымская	40/22	158 247	45557
Таганрогско- Константинопольская	12/	113 523	32852
Рейсы в Салоники	8/16	126 873	25500
Азовская	31 /16	59 288	20860
Буксирное пароходство по Бугу	18 /	375 891	15 983
Херсонская	70/1	105 195	15 599
Днепровская переправа	558/	61 863	11 453
Таманско-Керченская переправа	113 /	29 728	9 025
Галацкая	31/16	41 223	8 326
Николаевская	65/1	67 450	7 836
Транспортировка в пределах одесского рейда	—	—	2 818
Буксирное пароходство по Риону	36/	10 222	1 544
Срочное пароходство по Днепру	28/	5 471	1 280
Буксирное пароходство по Днестру	2/	613	62
Итого:	1165/112	5 261 693	1 141 599

Источник: Объяснительная записка к отчету Русского общества пароходства и торговли за 1862 год. СПб., 1863. С. 3.

стями Поти⁸⁹. Среди внутрироссийских плаваний выделялось своей результативностью буксирное пароходство по Днепру, и, в меньшей степени, по Бугу, суммарно обеспечившие доставку почти 1,3 млн. пудов грузов. Несколько иначе, прежде всего в плане первенства внутрироссийских линий, выглядела доходность по перевозке пассажиров (представлена в табл. 3).

Таблица 3

Перевозка пассажиров судами РОПиТ в 1862 г.

Показатели Линии	Кол-во пасса- жиров 1 класса	Кол-во пасса- жиров 2 класса	Кол-во пасса- жиров 3 класса	Кол-во пасса- жиров 4 класса	Всего пасса- жиров	Выруч- ка (руб.)
Александрийская	617	791	220	22 418	24 046	143 489
Крымская	1 441	1 241	15	12 574	15 271	89 436
Кавказская	591	921	165	10 735	12 412	66 836
Азовская	638	805	—	10 809	12 252	50 462
Херсонская	2 813	—	—	13 160	15 973	45 143
Анатолийская	111	198	58	8 016	8 383	37 117
Константинопольская	271	383	210	3 950	4 814	36 872
Рейсы в Салоники	57	200	63	5 579	5 899	36 761
Галацкая	627	449	—	2 199	3 275	27 555
Николаевская	1 315	800	—	8 298	10 413	25 746
Таганрогско- Константинопольская	91	125	—	1 672	1 888	18 706
Срочное пароходство по Днепру	773	—	—	4 066	4 839	15 864
Днепровская переправа	70	3 972	—	42 572	46 614	7 548
Таманско-Керченская переправа	1 151	7 233	—	1 075	9 459	5 391
Английская	38	19	—	478	535	4 546
Буксирное пароходство по Риону	228	144	—	1 075	1 447	3 495
Буксирное пароходство по Днепру	178	—	—	1 501	1 679	2 895
Марсельская	6	15	—	299	320	2 649
Буксирное пароходство по Бугу	431	—	—	347	778	455
Буксирное пароходство по Днестру	—	—	—	8	8	13
Итого:	11 447	17 296	731	150 831	195 371	653 666

Источник: Объяснительная записка к отчету Русского общества пароходства и торговли за 1862 год. СПб., 1863. С. 4.

Приведенные данные свидетельствовали о том, что по доходности пассажироперевозок лидировали внутрироссийские линии, в том числе по обслуживанию пассажиров 1 и 2 класса. Обращали на себя внимание масштабы операций на Днепровской переправе, а также по Крымской и Херсонской линиям — в данном случае как по количеству пассажиров, так и объемам выручки. Еще одним значимым показателем по грузо- и пассажироперевозкам стал вы-

ход на третье место по размерам поимельной платы Крымской линии — с 147,1 тыс. руб. Первое и второе место продолжали уверенно занимать Английская (499,3 тыс.) и Александрийская (355,5 тыс.) линии. Зато на четвертое место переместилась Кавказская линия (139,1 тыс.), опередив Константинопольскую и Марсельскую. Самыми прибыльными из 44 пароходов РОПиТ, с выручкой более 150 тыс. руб. в год, оставались «Буг», «Веста», «Гуниб», «Олег», «Одесса», «Владимир», «Великий князь Константин Николаевич», «Паллада» и «Эльборус».

Итоги первых преобразований в управленческой сфере, в сочетании с показателями функционирования компании за 1862 г., обусловили необходимость разработки очередных изменений, на этот раз — в регламентации пароходного сообщения по отдельным международным и внутриросийским линиям. Как поясняло руководство РОПиТ, очередные нововведения облегчались тем, что к этому времени в администрации компании были «сделаны до того важные сокращения, что дальнейшее приведение оной в надлежащее соответствие с потребностями дела, не представляет уже ни серьезных затруднений, ни больших сбережений»⁹⁰. К 1865 г., в условиях сохранявшегося лимита на приобретение новых судов, следует перераспределение по отдельным линиям количества рейсов при одновременном снятии ограничений на их дальнейшее увеличение. Расширение масштаба пароходных сообщений при соответствующем росте объемов перевозки пассажиров и грузов выражалось следующими цифрами: между Одессой и Константинополем частота плаваний должна была составлять не менее 1 раза в неделю; Константинополем, Смирной, Бейрутом, Яффой и Александрией (эта линия обеспечивала, помимо прочего, транспортировку православных паломников в Палестину) — 1 раза в две недели; Одессой и крымскими портами — 1 раза в неделю; от Керчи вдоль кавказского побережья до Редут-Кале — 1 раза в две недели; от Редут-Кале до Трапезунта — 1 раза в две недели (с апреля по август — 1 раза в неделю); между Одессой, Кинбурном, Очаковым, Николаевым и выше по р. Буг — 1 раза в неделю; Одессой, Кинбурном, Очаковым и Херсоном и выше по р. Днепр — 1 раза в неделю; Керчью, Мариуполем, Бердянском, Ейском, Темрюком и Таганрогом — 1 раза в неделю. Кроме того, фиксировалась возможность совершать столько плаваний в году, «сколько признается будет нужным»: между Таганрогом и Константинополем, Керчью и Таманью, Овидиополем и Аккерманом (по Днестровскому лиману), Одессой и Галацом (город в устье Дуная, имел статус порто-франко), а также Одессой и средиземноморскими европейскими портами.

Под непосредственным руководством Н.М. Чихачева, действовавшего в Одессе, и председателя петербургского правления Н.С. Гавевского, имевшего солидный опыт работы во властных структурах в столице, а также активном участии членов правления, энергичного столичного финансиста Н.Н. Суцова и талантливое администратора В.Ф. Миллера, действия РОПиТ приобретают в 1863–1864 гг. необходимую целенаправленность и эффективность. Результаты функционирования компании в эти годы, в сравнении с показателями 1862 г., проиллюстрируем следующими данными (табл. 4).

Таблица 4

Показатели деятельности РОПиТ в 1862–1864 гг.

Показатели (руб.) \ Год	1862	1863	1864
Активы в целом	10 232 885	10 668 080	12 839 966
Пароходы	4 137 617	3 975 800	4 018 493
Другие суда	549 012	546 662	516 430
Недвижимое имущество	1 518 635	1 490 361	1 514 743
Дебиторская задолженность	330 721	375 100	526 061
Уставной капитал	8 594 625	8 594 625	9 000 000
Страховой капитал	751 722	814 412	1 093 680
Запасной капитал	118 174	281 049	538 889
Выручка в целом	3 846 648	4 209 767	5 417 297
в т.ч. за грузоперевозки	1 136 094	1 367 960	2 208 135
в т.ч. за пассажироперевозки	652 907	719 124	892 776
Помильная плата	1 878 188	1 883 003	1 881 527
Чистая прибыль	702 687	1 184 900	2 092 375
Дивидендные выплаты частным акционерам	486 752	625 826	695 367
Дивидендные выплаты по акциям правительства	114 870	147 690	164 100

Источники: Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли за 1862 год. СПб., 1863; Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли за 1863 год. СПб., 1864; Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли за 1864 год. СПб., 1865.

Результативность работы РОПиТ в 1863 г. можно определить следующей ситуацией: в условиях сохранения прежних размеров уставного капитала и активов наблюдалось сокращение операционных расходов при одновременном росте отчислений в страховой и запасной капитал. На этом фоне рентабельность собственного капитала выросла до 12,2%, активов — 11,1%, превысив показатели 1862 г.

почти в два раза. Удалось значительно увеличить выручку как за грузо-, так и пассажироперевозки. Свою роль сыграло также полученное компанией право на перевозку всей российской почтовой корреспонденции в регионы Ближнего Востока⁹¹. Но самым наглядным свидетельством изменений в характере функционирования Общества стало, впервые в его истории, превышение объема валовой прибыли над размером помильной платы, а также существенный рост чистой прибыли с соответствующими отчислениями в дивидендные выплаты.

Завершение оборудования эллинга и сопутствующих сооружений в Севастополе (в 1863 г. здесь открыта таможня, что позволило «легализовать» торговые функции города⁹²) позволило РОПиТ перенаправить часть финансовых ресурсов на модернизацию ряда других российских портов на Черном море, прежде всего в Керчи, Аккермане, Феодосии, Николаеве, Поти и Херсоне. Компания вновь возвращается к практике пополнения своего флота новыми судами, купив за 306,8 тыс. руб. крупнейший по водоизмещению (3200 т.) пароход «Лазарев». Более дорогими до того времени, свыше 300 тыс. руб. каждый, оставались приобретенные в 1858 г. пароходы «Император Александр II» и «Великий князь Константин». Примечательно, что при сохраняющемся лидерстве по грузоперевозкам зарубежных линий, по объему пассажиропотока порты Крыма перемещаются в этом году с третьего на второе место. Они же выходят на первое место по объему доставленных грузов пароходами внутрироссийских рейсов, и на третье — международных. Общая выручка с этого направления пароходного сообщения достигает внушительной суммы 384,9 тыс. руб. Активное хозяйственное и социально-культурное освоение Крымского полуострова придавало особый динамизм стратегической и оперативной направленности действий РОПиТ в этом регионе. Ценным для репутации Общества стало в 1863 г. путешествие наследника престола на пароходе «Аргонавт» из Бердянска в Керчь и Ялту. Это же судно сопровождало затем императорскую яхту «Тигр» из Ялты в Поти и обратно⁹³. В практическом плане итоги работы по внутрироссийским направлениям позволили правлению выступить с инициативой, согласно которой стали суммироваться показатели операций сразу двух линий — Крымской и Азовской. С этого времени пассажиры могли брать билеты в азовских портах и далее следовать в крымском или кавказском направлении, не покупая дополнительных билетов в Керчи.

Доставка грузов по зарубежным линиям оставалась в 1863 г. наиболее выгодной с точки зрения доходности и размеров помильной платы. Лидером здесь являлись Английская (345,5 тыс. руб.) и Александрийская (206,8 тыс. руб.), затем с суммами свыше 100 тыс. руб.

шли Анатолийская, Константинопольская и Марсельская. Вместе с тем по общей выручке, включая перевозку пассажиров, лидировали срочные рейсы Александрийской линии: вместе с помильной платой они давали 706,5 тыс. руб. в то время как Английская — 640,5 тыс. руб. Заключаемые контракты касались доставки широкого круга товаров, в том числе рельсов, паровых машин, скота, зерна, хлопка, муки, сала, сливочного масла, икры и др. Среди 44 пароходов, эксплуатация которых являлась особенно выгодной, выделялись «Паллада» и «Владимир» (каждый давал более 200 тыс. руб. дохода), «Владимир» и Олег» (более 180 тыс.), «Великий князь Константин» (170 тыс.), «Одесса», «Веста», «Митридат», «Гуниб» (160 тыс.), «Удалой», «Буг» и «Язон» (150 тыс.)⁹⁴.

Помимо оптимизации хозяйственной деятельности руководство РОПиТ продолжало работу по скупке акций компании, прежде всего у мажоритарных собственников. В декабре 1863 г. одобрено соглашение с В.А. Кокоревым о приобретении у него крупного пакета в 1600 акций за 312 тыс. руб., то есть по 195 руб. за акцию⁹⁵. От большей части своих акций начинают постепенно избавляться великий князь Константин Николаевич, барон И.Е. Гинцбург и Н.А. Новосельский. К весне 1864 г. выкупленными оказалось 3 542 акции и 138 временных свидетельств (давались собственникам в случае неполной оплаты акций) за 711 424 руб., при их номинальной стоимости в 1,1 млн. руб.⁹⁶ С учетом сохраняющейся низкой стоимости акций члены правления оказались готовы к следующему решительному шагу — вывести из состава собственников крупнейшего акционера в лице правительства. Поддержка властей уже не являлась к этому времени принципиальной с точки зрения перспектив развития компании. С другой стороны, следовало учитывать характер дискуссии в 1863 г. в руководстве компании по поводу рисков, которые могли сопровождать присутствие правительства среди акционеров пароходства. Особое беспокойство высказывалось тогда в отношении возможного военно-политического противостояния России с какой-либо из западных держав (по поводу восстания на польских территориях Российской империи, встретившего сочувствие в европейских общественных и политических кругах), в условиях которого РОПиТ будет восприниматься как государственное учреждение и «будет в отношении его действовать враждебнее, чем относительно имущества частных лиц». Иначе говоря, частные акционеры опасались конфискации неприятельскими странами судов и имущества агентств за рубежом, что могло бы повлечь за собой, помимо прочего, последующее решение правительства об использовании оставшейся собственности для создания новой компании⁹⁷. 10 апреля

1864 г. по поручению правления Н.Н. Суцов обратился к министру финансов с прошением, в котором предложил выкупить у правительства по 144 рубля все 5470 акций (в это время их биржевый курс составлял 225 руб.). После некоторого обсуждения на прошение был дан положительный ответ: в июле 1864 — январе 1865 гг. весь пакет был приобретен Обществом⁹⁸.

В целом, результаты 1864 г. свидетельствовали о серьезных успехах в деле модернизации операций компании, во многом определивших возможности ее стабильного развития в будущем. Это касалось в первую очередь мероприятий по обеспечению роста эффективности действий РОПиТ, подтверждавшего правильность выбранного правлением курса на сокращение расходов (прежде всего административных) и оптимизацию структуры пароходных линий в соответствии с их финансовым и хозяйственным потенциалом. В частности, чрезвычайно результативным стало использование на дальних линиях приобретенного годом ранее парохода «Лазарев». Доходность от его эксплуатации превысила 300 тыс. руб. Кроме того, до пяти увеличилось количество судов («Одесса», «Юнона», «Олег», «Гуниб» и «Веста»), каждое из которых давало выручку более 200 тыс. руб. Доходность еще одиннадцати увеличилась до 150 тыс. руб. Поддерживаемая численность пароходов (в пределах 45 судов) представлялась при имеющемся количестве линий и рейсов вполне благоприятной для дальнейшего повышения результативности операций РОПиТ. В целом, по итогам года рентабельность активов компании достигла рекордных 16,3%, собственного капитала — 19,7%. Дивидендные выплаты акционерам впервые составили 10% на уставной капитал⁹⁹.

Общую картину грузоперевозок Общества в 1864 году рисуют данные табл. 5.

В 1864 г., в сравнении с 1862—1863 гг., наблюдалось, и это соответствовало ранее принятому плану развития компании, быстрое увеличение числа несрочных рейсов при одновременном резком снижении — почти в два раза — количества срочных (обязательных)¹⁰⁰. Данная тенденция не сопровождалась отказом, за некоторыми исключениями (как уже было показано на примере Таганрог-Александрийского сообщения), от обслуживания срочных линий, что свидетельствовало о стремлении руководства РОПиТ ориентироваться в целом на реализацию уставных требований, поддерживая тем самым необходимый уровень доверия с властями. В этой ситуации 1864 г. демонстрировал быстрое увеличение размеров выручки, опережавшее темпы роста объема транспортируемых грузов. По прежнему наиболее доходными для РОПиТ выступали

Таблица 5

Перевозка грузов судами РОПиТ в 1864 г.

линии \ показатели	Количество рейсов срочных/несрочных	в пудах	выручено (руб.)
Английская	/12	1 538 930	569 443
Александрийская	26/11	636 306	362 243
Анатолийская	51/3	731 929	246 233
Крымская	40/60	1 200 902	198 229
Буксирное пароходство по Днепру	/85	2 455 900	192 846
Константинопольская	49/11	1 092 187	172 876
Марсельская	/19	572 030	149 757
Кавказская	37/149	407 397	66 949
Азовская	58/14	150 364	48 616
Буксирное пароходство по Днестру	/32	1 331 971	46 347
Таганрогско-Константинопольская	/8	144 684	45 501
Херсонская	106/	329 801	33 546
Буксирное пароходство по Бугу	/12	419 281	30 623
Галацкая	35/	72 018	18 235
Николаевская	68/1	150 876	13 564
Таманско-Керченская переправа	/127	28 673	11 091
Днестровская переправа	/897	287 311	24 344
Срочное пароходство по Днепру	93/	52 620	9 196
Транспортировка в пределах одесского рейда	—	—	7 189
Рейсы в Салоники	/3	17 336	1 909
Итого:	564/1436	11 616 465	2 248 743

Источник: Объяснительная записка к отчету Русского общества пароходства и торговли за 1864 год. СПб., 1865. С. 3.

заграничные линии: по общему результату — Английская (она, как подчеркивало правление, оставалась единственной, которая могла функционировать без субсидий¹⁰¹), в соотношении размеров перевезенного груза и полученной прибыли — Александрийская и Анатолийская. Вместе с тем имело место резкое увеличение масштабов транспортировки в крымские и азовские порты — почти в два раза, а также буксирного пароходства (по Днепру, Днестру и Бугу) и услуг Днестровской переправы — на фоне хорошего урожая в южных

губерниях России. Рост хозяйственной активности в северных причерноморских территориях предоставлял Обществу новые возможности для повышения эффективности транспортных операций, в том числе путем перенаправления судов на обслуживание других линий. Частным, но по своему ярким примером стало увеличение количества перевозимых по Крымской и Херсонской линиям фортепиано, чаще всего предназначенных для обустройства местных помещичьих имений. Отметим также общее сокращение размеров грузоперевозок по западному побережью российского Причерноморья, в это время пользовавшегося сравнительно меньшим вниманием со стороны правительства и частных инвесторов. Так, имело место некоторое сокращение доходности рейсов по Кавказской линии, а также сравнительно низкие темпы роста выручки по результатам несрочной транспортировки по Таганрогско-Константинопольской линии и Таманско-Керченской переправе. Последняя в значительной мере использовалась для перевозки скота (в течение года свыше 40 тыс. голов). Вместе с тем подтверждалась эффективность объединительных тенденций в работе пароходных линий. Так, единое транспортное сообщение из Одессы в Крым и далее на Кавказ демонстрировало постоянный рост прибыли, позволив приобрести для этого направления еще один комфортабельный пароход — «Великий князь Михаил»¹⁰².

Результаты перевозки пассажиров судами РОПиТ в 1864 г. сопровождалась следующими показателями (табл. 6):

В наибольшей мере увеличение пассажиропотока в стоимостном выражении наблюдалось в 1864 г. (в сравнении с 1863 г.) на недавно открытой Анатолийской — почти в два раза, Галацкой, Крымской и Кавказской линиях, а также буксирном и срочном пароходстве по Днепру. По общему количеству перевезенных пассажиров, включая особенно значимый рост по 1-му классу, лидировала Днестровская переправа и Херсонская линия. В целом, прирост по количеству пассажиров дали в первую очередь перевозки 4 и 1 классом¹⁰³. Выгоды от реализации коммерчески выгодных рейсов, не обязательно совпадавших с обязательными линиями, дававшими высокую помилую плату, подтверждали для акционеров правильность выбранной Н.М. Чихачевым модели совершенствования операций компании. По итогам 1864 г. 33-летнему директору-распорядителю выразили глубокую признательность «за всю пользу, принесенную Обществу его деятельностью, и за стремление его содействовать интересам Общества всеми возможными мерами»¹⁰⁴.

Изменения уставного характера, сопровождавшие деятельность РОПиТ в 1864 г., в значительной мере коснулись индивидуальных и

Таблица 6

Перевозка пассажиров судами РОПиТ в 1864 г.

Показатели Линии	Кол-во пасса- жиров 1 клас- са	Кол-во пасса- жиров 2 клас- са	Кол-во пасса- жиров 3 клас- са	Кол-во пасса- жиров 4 клас- са	Всего пасса- жиров	Выруч- ка (руб.)
Анатолийская	310	944	140	25 536	26 930	183 767
Александрийская	698	1 407	76	27 298	29 479	169 320
Крымская	1 710	1 914	5	18 912	22 541	129 833
Кавказская	312	787	—	17 077	18 176	94 274
Херсонская	3 505	1 833	—	19 815	25 153	58 096
Азовская	552	673	—	8 827	10 052	57 818
Константинопольская	330	509	141	4 419	5 399	57 696
Галацкая	1 215	783	—	1 216	3 214	40 984
Срочное пароходство по Днепру	2 049	547	—	14 997	17 593	36 523
Николаевская	1 783	810	—	8 114	10 707	22 529
Буксирное пароходство по Днепру	427	3	—	15 777	16 207	15 261
Днестровская переправа	4 745	28	—	78 439	83 212	9 736
Таманско-Керченская переправа	1 575	11 852	—	-	13 427	5 913
Английская	47	11	—	103	161	5 373
Таганрогско- Константинопольская	17	32	—	304	353	3 837
Марсельская	22	20	—	269	311	3 355
Рейсы в Салоники	10	8	—	229	247	1 876
Буксирное пароходство по Бугу	10	—	—	74	84	113
Буксирное пароходство по Днестру	1	—	—	36	37	30
Итого:	19 318	22 161	362	241 442	283 283	896 343

Источник: Объяснительная записка к отчету Русского общества пароходства и торговли за 1864 год. СПб., 1865. С. 4.

групповых предпочтений в среде собственников. В частности, целый ряд предложений по реформированию структуры управления (в том числе сокращению числа членов правления и введению оплаты труда лиц из наблюдательного совета) не были поддержаны мажоритарными акционерами и в результате не получили одобрения на общих собраниях. Вместе с тем, Н.М. Чихачеву удалось добиться понимания у акционеров в вопросе о создании кадрового резерва компании, касающегося в первую очередь «личностей, вполне известных Об-

ществу по их деятельности и уже подготовленных к замещению вакантных агентских мест». Значимость данного сюжета объяснялась необходимостью дальнейшего совершенствования работы сотрудников российских и зарубежных представительств РОПиТ, в том числе с учетом предполагавшегося перевода под контроль константинопольского агентства рейсов по Анатолийской и Александрийской линиям. Данное решение принималось с расчетом использовать последнюю линию для перевозки мусульман в их паломничестве в Мекку (до того времени предпочитавших плыть на турецких или египетских кораблях)¹⁰⁵. Реализованной оказалась также идея об упорядочении вознаграждения директора-распорядителя в 2,5% с чистой прибыли, при обязательной годовой сумме не менее 12 тыс. руб., а также запланированного ранее введения страхового капитала в 1 млн. руб. для приобретения новых судов и страхования грузов¹⁰⁶.

Определенную статусную роль при позиционировании РОПиТ в отечественном деловом мире играло сохраняющееся представительство в среде собственников членов царской фамилии: после уставных преобразований 1864 г. в их числе остался наследник Александр Александрович (58 акций), а также великие князья Михаил Николаевич (150), Владимир Александрович (66) и Алексей Александрович (60). С другой стороны, происходившие изменения в структуре акционерного капитала наглядно проявлялись в формировании новых связей, как это имело место в случае с многочисленными представителями баронского рода Корф. За период 1862–1865 гг. количество принадлежащих им акций увеличилось с 322 до 1111, что позволило этой группе (11 человек, в том числе 4 женщины), стать крупнейшим коллективным собственником компании. Другим примером выступала преемственность в делах РОПиТ семьи Молчановых: если коммерции советник Евграф Владимирович был известен как один из первых акционеров компании, то его сын Анатолий стал в дальнейшем председателем ее правления. Из числа первых мажоритарных собственников отчасти сохраняли свои позиции в середине 1860-х гг. банкир И.Е. Гинцбург (532 акции), хлеботорговец Н.М. Полежаев (509) и промышленник И.С. Мальцов (500), а также Н.М. Чихачев (427) и Н.С. Аркас (382)¹⁰⁷. Что касается членов петербургского руководства, то все они, включая председателя правления Н.С. Гаевского и председателя наблюдательного совета Н.Н. Анцифорова, являлись миноритарными акционерами. Размывание акционерного капитала при одновременном сужении, после выкупа значительной части акций, числа собственников, участвовавших в работе общих собраний, становилось определяющей чертой в процессе усиления роли исполнительного директора в Одессе и членов

правления в Петербурге при решении ключевых для компании стратегических и оперативных вопросов.

Заключение

Итогом работы РОПИТ в 1856—1864 гг. стали глубокие изменения в организационно-хозяйственной деятельности, связанные не только с существенным обновлением состава акционеров (включая уход правительства из числа собственников) и руководящих структур в Петербурге и Одессе, но и масштабными преобразованиями в характере операций компании. Последние оказались обусловлены прежде всего теми возможностями, которые предоставляло развитие коммерческой направленности действий пароходства. Как поясняли члены правления, успехи функционирования Общества к концу 1864 г. объяснялись его стремлением, «не ограничиваясь одними обязательствами Устава» (ранее согласованными с правительством), увеличивать число рейсов по тем или иным линиям, и, тем самым, «содействовать всеми мерами к развитию отечественной торговли и удовлетворять потребностям пассажирского движения...»¹⁰⁸. В конечном счете, власти отказались контролировать стратегическую и оперативную направленность работы компании, признав данную сферу прерогативой интересов исключительно частных владельцев. В этих условиях РОПИТ смогло добиться оптимального перераспределения имеющихся ресурсов для поддержки как обязательных, так и несрочных рейсов на внутрироссийских и международных судоходных линиях. Рост чистой прибыли и дивидендных выплат согласовывался при этом с ориентацией на решение общественно- и государственно-значимых задач, связанных с развитием транспортного сообщения и торгово-промышленных отношений на юге России. В итоге, как поясняли руководители компании, второй период ее работы (с 1865 по 1878 гг.) стал «самым блестящим в финансовом отношении, как для Общества, то есть самого дела, так и для акционеров»¹⁰⁹. Обеспечив баланс интересов многочисленных собственников (более трехсот лиц, в числе которых подавляющее большинство составляли миноритарные акционеры) с потребностями функционирования фирмы как крупного коммерческого предприятия, члены правления и одесской администрации сумели выйти в эти годы на оптимальный вариант управления пароходством не только с точки зрения доходности, но и в плане создания условий (прежде всего по количеству судов и их тоннажу) для участия, в случае необходимости, в военно-морских действиях России в черноморском регионе.

Именно такое развитие событий, связанных с русско-турецкой войной 1877–1878 гг., станет рубежным при переходе от второго к третьему (1879–1890 гг.) периоду истории РОПиТ.

Библиография

- Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг.: очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991.
- Вейкова С.Н. Программа великого князя Константина Николаевича и создание Русского общества пароходства и торговли // История предпринимательства в России: XIX – начало XX века. Вып. 2. Сб. статей / Научно-исследовательский институт менеджмента СПбГУ. СПб., 2006. С. 256–275.
- Гребцова И. С. Источники изучения истории акционерной компании РОПиТ / И.С. Гребцова, В.А. Мирошниченко // Записки исторического факультета Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова. Одесса, 1997. Вып. 4. С. 166–172.
- Иловайский С.И. Исторический очерк пятидесятилетия РОПиТ. Одесса, 1907.
- Коновалов Ю.П. Морской торговый флот России в период промышленного капитализма, 60-е – середина 90-х гг., XIX в. : (На материалах Черномор.-Азов. бассейна). Автореф. дис. ... канд. ист. наук (07.00.02). Одесса, 1981.
- Лемачко Б.В., Яровой В.В. Краткий очерк деятельности Русского Общества Пароходства и Торговли // Гангут. 1991. Вып. 2. С. 77–85.
- Морозан В.В. Деловая жизнь на Юге России в XIX – начале XX века. СПб., 2014.
- Перозин Н. Проект главных оснований организации Русского общества пароходства и торговли. СПб., 1862.
- Скальковский А.А. Русское общество пароходства и торговли. 1857–1869 г. Одесса, 1870.
- Скальковский К.А. Русский торговый флот и срочное пароходство на Черном и Азовском морях. СПб., 1887.
- Степанов Д.А. Учреждение русского общества пароходства и торговли (1856–1857 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 22 (237). История. Вып. 46. С. 30–38.
- Томпсон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование. М., 2008.
- Трифонов Ю.Н., Лемачко Б.В. Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ). 1856–1932. СПб., 2009.
- Шевченко С.М. Деятельность Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) в 1856 – 1878 гг. // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2006. С. 98–101.
- Шевякова Д.П. Севастопольский торговый порт. История. Возможности и реальность (вторая половина XIX – начало XX века) // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2006. С. 85–90.
- Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России: XIX – начало XX века. СПб., 2006.
- Эфенди-Заде Д.М. Русский морской торговый флот на рубеже XIX–XX вв. // Исторические записки. Т. 105. М., 1980. Т. 105. С. 255–272.

Примечания

- ¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 107. Оп. 1. Д. 2561. Л. 2. Обзор жизни Общества за 50 лет (в финансовом отношении). 1907 г.
- ² Акционерно-паевые предприятия России. М., 1917. С. 502.

- ³ Скальковский А.А. Русское общество пароходства и торговли. 1857—1869 г. Одесса, 1870.
- ⁴ Скальковский К.А. Русский торговый флот и срочное пароходство на Черном и Азовском морях. СПб., 1887.
- ⁵ Иловайский С.И. Исторический очерк пятидесятилетия РОПиТ. Одесса, 1907.
- ⁶ РГИА. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1382. Л. 1. Записка [Иловайского] по истории Русского общества пароходства и торговли (учреждение его и первые годы существования). 1904 г.
- ⁷ Там же. Д. 1290. Л. 8. Письмо Е.С. Иловайской А.Е. Молчанову о передаче ему своего голоса на общих собраниях акционеров РОПиТ и о книге «История РОПиТа за 50 лет его существования». 1907—1913 гг.
- ⁸ Вейкова С.Н. Программа великого князя Константина Николаевича и создание Русского общества пароходства и торговли // История предпринимательства в России: XIX — начало XX века. Вып. 2. Сб. статей / Научно-исследовательский институт менеджмента СПбГУ. СПб., 2006. С.256—275; Степанов Д.А. Учреждение русского общества пароходства и торговли (1856—1857 годы)// Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 22 (237). История. Вып. 46. С. 30—38.
- ⁹ Гребцова И. С. Источники изучения истории акционерной компании РОПиТ / И.С. Гребцова, В.А. Мирошниченко // Записки историчного факультету Одеського державного університету ім. І.І. Мечникова. Одеса, 1997. Вып. 4. С. 166—172.
- ¹⁰ Шевченко С.М. Деятельность Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) в 1856—1878 гг. // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2006. С. 98—101; Шевякова Д.П. Севастопольский торговый порт. История. Возможности и реальность (вторая половина XIX — начало XX века) // Там же. С. 85—90.
- ¹¹ Лемачко Б.В., Яровый В.В. Краткий очерк деятельности Русского Общества Пароходства и Торговли // Гангут. 1991. Вып.2. С. 77—85.
- ¹² Трифонов Ю.Н., Лемачко Б.В. Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ). 1856—1932. СПб., 2009
- ¹³ Эфенди-Заде Д.М. Русский морской торговый флот на рубеже XIX—XX вв. // Исторические записки. М., 1980. Т. 105. С. 255—272; Коновалов Ю.П. Морской торговый флот России в период промышленного капитализма, 60-е — середина 90-х гг., XIX в. (На материалах Черномор.-Азов. бассейна). Автореф. дис. ... канд. ист. наук (07.00.02). Одесса, 1981.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1382. Л. 14.
- ¹⁵ Там же. Ф.107. Оп.1. Д. 2. Об общем собрании акционеров. 1856 г. Л. 38.
- ¹⁶ Перозио Н. Проект главных оснований организации Русского общества пароходства и торговли. СПб., 1862. С. 1—2.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 132. Л. 46—47. Об общем собрании акционеров 4 марта. 1862 г.
- ¹⁸ Там же. Л. 46.
- ¹⁹ Морозан В.В. Деловая жизнь на Юге России в XIX — начале XX века. СПб., 2014. С. 447.
- ²⁰ Скальковский А.А. Указ. соч. С. 14.
- ²¹ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 14. Л. 43. Первоначальная переписка по учреждению Русского общества пароходства и торговли, представленная правлению учредителем Общества Свиты Его Величества контр-адмиралом Николаем Андреевичем Аркасом. 1856 г.
- ²² Вейкова С.Н. Указ. соч. С. 268.
- ²³ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1. Л. 15. Об учреждении Общества. 1856 г.
- ²⁴ Устав Русского общества пароходства и торговли. СПб., 1856. С. 8—9.
- ²⁵ Там же. С. 12.
- ²⁶ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 132. Л. 46—47.
- ²⁷ Иловайский С.И. Указ. соч. С. 25.
- ²⁸ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 13. Л. 140. О подписке на акции. 1856 г.

- ²⁹ Там же. Д. 1. Л. 17.
- ³⁰ Там же. Л. 6—8.
- ³¹ Там же. Л. 2.
- ³² Устав Русского общества пароходства и торговли. С. 3—4.
- ³³ Там же. С. 5.
- ³⁴ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2. Л. 49—51.
- ³⁵ Томпсон С.Р. Российская внешняя торговля XIX — начала XX в.: организация и финансирование. М., 2008. С. 27.
- ³⁶ Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли с 3 августа 1856 года по 31 декабря 1857 года. СПб., 1858. С. 51—56.
- ³⁷ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 14. Л. 44, 50.
- ³⁸ Там же. Д. 9. Л. 18—19, 27, 123—124. О перевозке грузов и пассажиров в 1856 и 1857 гг.
- ³⁹ Заметим, что в это время РОПиТ не имел возможности использовать банковское финансирование: первый акционерный коммерческий банк появился в России только в конце рассматриваемого периода, в 1864 году.
- ⁴⁰ Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли с 3 августа 1856 года по 31 декабря 1857 г. С. 31—36.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 5. Л. 1—4. О сообщении между Керчью и Таманью. 1856 г.
- ⁴² Там же. Д. 17. Л. 2—6. О купленных пароходах у разных лиц. 1857 г.
- ⁴³ Там же. Д. 10. Л. 72—73.
- ⁴⁴ Там же. Д. 17. Л. 12. Соображения по устройству пароходных сообщений. 1856 г.
- ⁴⁵ Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли с 3 августа 1856 года по 31 декабря 1857 года. С. 26—28, 39.
- ⁴⁶ Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли за 1858 год. СПб., 1859. С. 3—124.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 58. Л. 99. Об общем собрании гг. акционеров в 1858 г.
- ⁴⁸ Там же. Д. 40. Л. 59. О постройке деревянного мола в Керчи и пристаней в Евпатории, Севастополе, Феодосии, Овидиополе и Аккермане. 1957 г.
- ⁴⁹ Там же. Д. 58. Л. 100—101.
- ⁵⁰ Там же. Л. 31, 36.
- ⁵¹ Там же. Л. 82—83.
- ⁵² Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 107. Л. 1. Листок Русского общества пароходства и торговли. 1860 г.
- ⁵³ Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли за 1859 год. С. 77—78.
- ⁵⁴ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 58. Л. 124.
- ⁵⁵ Там же. Д. 65. Л. 83. Об общем собрании акционеров в 1859 г.
- ⁵⁶ Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли за 1860 год. СПб., 1861. С. 1—2.
- ⁵⁷ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 106. Л. 209. Об общем собрании акционеров в 1861 г.
- ⁵⁸ Мнения о преобразовании управления делами Русского общества пароходства и торговли, послужившие основанием для составления окончательного предположения по этому предмету. СПб., 1861. С. 3—21.
- ⁵⁹ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 3. Л. 45—57. О директорах правления. 1856 г.
- ⁶⁰ Там же. Д. 106. Л. 28—29, 34.
- ⁶¹ Там же. Д. 132. Л. 51.
- ⁶² Мнения о преобразовании управления делами Русского общества пароходства и торговли, послужившие основанием для составления окончательного предположения по этому предмету. С. 3—4.
- ⁶³ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 16. Л. 3, 137, 153. О Муртоновом эллинге и вообще о постройках в Севастополе. 1857 г.
- ⁶⁴ Там же. Л. 103, 211.
- ⁶⁵ Там же. Л. 242, 282.
- ⁶⁶ Там же. Д. 3. Л. 73, 78; Там же. Д. 106. Л. 281—282.

- ⁶⁷ Там же. Д. 16. Л. 543.
- ⁶⁸ Там же. Д. 105. Л. 130. О штате и бюджете. 1860 г.
- ⁶⁹ Там же. Л. 220–239, 240, 297.
- ⁷⁰ Там же. Д. 106. Л. 72, 75.
- ⁷¹ Объяснительная записка к отчету Русского общества пароходства и торговли за 1861 год. СПб., 1862. С. 20.
- ⁷² Там же. С. 3–10.
- ⁷³ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 106. Л. 87–91.
- ⁷⁴ Там же. Л. 248.
- ⁷⁵ Взгляды Л.М. Розенталя на ситуацию того времени в деловой жизни страны проиллюстрируем следующей оценкой: «при настоящем отсутствии у нас духа предприимчивости и недостатке больших капиталистов только образование акционерных обществ могло бы способствовать осуществлению на сложные капиталы больших предприятий». Именно акционерные компании, считал Розенталь, «составляют в настоящее время один из самых живых интересов русской, по крайней мере столичной, жизни» (Цит.: Шенелев Л.Е. Акционерные компании в России: XIX — начало XX века. СПб., 2006. С. 84, 92).
- ⁷⁶ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 106. Л. 260–261.
- ⁷⁷ Ранее, с 1859 г., в число собственников РОПиТ вошли Е.Г. Гинцбург (980 акций) и И.Е. Гинцбург (805). В том же году они открыли в Петербурге семейный банкирский дом, ставший одним из крупнейших и новейших для своего времени среди подобных учреждений столицы (Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг.: очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. С. 40).
- ⁷⁸ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 151. Л. 4–5. Об общем собрании гг. акционеров 29 июля 1862 г.
- ⁷⁹ Там же. Д. 112. Л. 54–55. Об общем собрании акционеров 3 декабря 1861 г.
- ⁸⁰ Там же. Д. 106. Л. 326–330.
- ⁸¹ Мнения о преобразовании управления делами Русского общества пароходства и торговли, послужившие основанием для составления окончательного предположения по этому предмету. С. 10.
- ⁸² РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 141. Л. 46. О Совете Русского общества. 1862 г.
- ⁸³ Устав Русского общества пароходства и торговли, СПб., 1865. С. 8–24.
- ⁸⁴ Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли за 1862 год. СПб., 1863. С. 21, 25–26.
- ⁸⁵ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 192. Л. 90–96. Об общем собрании гг. акционеров 21 апреля 1863 г.
- ⁸⁶ Иловайский С.И. Указ. соч. С. 86.
- ⁸⁷ Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли за 1862 год. С. 1–3.
- ⁸⁸ Общее собрание Русского общества пароходства и торговли. СПб., 8 мая 1863. С. 11.
- ⁸⁹ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 173. Л. 122. Общая переписка директора Н.М. Чихачева. 1863 г.
- ⁹⁰ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 195. Л. 25. О Совете Русского общества пароходства и торговли. 1864 г.
- ⁹¹ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 192. Л. 76.
- ⁹² Шемякова Д.П. Указ. соч. С. 87.
- ⁹³ Общее собрание Русского общества пароходства и торговли. СПб., 27 апреля 1864. С. 8.
- ⁹⁴ Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли за 1863 год. СПб., 1864. С. 1–4; Объяснительная записка к отчету Русского общества пароходства и торговли за 1863 год. СПб., 1864. С. 3–10.
- ⁹⁵ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 186. Л. 1–2. О покупке акций РОПиТ у В.А. Кокорева. 1863 г.
- ⁹⁶ Там же. Д. 219. Л. 77. Об общем собрании гг. акционеров 22 апреля 1864 г.

⁹⁷ Там же. Д. 195. Л. 84–87.

⁹⁸ Там же. Д. 2561. Л. 3.

⁹⁹ Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли за 1864 год. СПб., 1865. С. 1–3.

¹⁰⁰ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 226. Л. 60–61. Об общем собрании гг. акционеров 21 февраля 1865 г.

¹⁰¹ Там же. Д. 195. Л. 26.

¹⁰² Там же. Д. 219. Л. 75–80.

¹⁰³ Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли за 1864 год. СПб., 1865. С. 1–3; Объяснительная записка к отчету Русского общества пароходства и торговли за 1864 год. СПб., 1865. С. 3–5.

¹⁰⁴ Журнал общего собрания акционеров Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли. СПб., 1865. С. 3.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 188. Л. 14–15, 27. О членах правления. 1863 г.

¹⁰⁶ Проект изменения некоторых параграфов Устава Русского общества пароходства и торговли, одобренный Советом и представленный на утверждение общего собрания гг. акционеров 21 февраля 1865 г. СПб., 1865. С. 1–5.

¹⁰⁷ Список гг. акционеров Русского общества пароходства и торговли, имеющих право голоса к 24 апреля 1866 г. СПб., 1866. С. 1–4.

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 240. Л. 74–75. Об общем собрании гг. акционеров 25 апреля 1865 г.

¹⁰⁹ Там же. Д. 2561. Л. 3.

Женщины-предприниматели Петербурга и Москвы в 1860-е годы (по «Справочным книгам о лицах, получивших купеческие свидетельства»)

Аннотация: В статье на основе анализа базы данных на 1084 человека, созданной по «Справочным книгам о лицах, получивших купеческие свидетельства» по Москве и Петербургу, рассмотрен вопрос об экономической активности женщин, их стратегиях в бизнесе. Использование этого и других источников позволило дать ответы на вопрос о роли и влиянии предпринимательниц в промышленности и торговле крупнейших российских коммерческих центров — Москвы и Петербурга, где в 1860-е гг. было сосредоточено 45% общероссийского промышленного производства.

Ключевые слова: предпринимательство, купечество, история России в XIX в., имперская Россия, история женщин, справочные книги.

В историографии десятилетия 1850—1860-х гг. характеризуются, как переломные в истории России. Экономически это время стало периодом структурных изменений. Это выразилось, во-первых, в проведении хозяевами-собственниками массовой механизации крупных промышленных предприятий и, во-вторых, во внедрении кредитных отношений в систему взаимных расчетов между поставщиками сырья, производителями готового товара, торговцами в розницу (ритейлерами) и потребителями.

Политически эти годы стали временем институциональной трансформации, причем поражение в Крымской войне 1853—1856 гг. дало сильный толчок к началу так называемой «эпохи Великих реформ» в ходе которой были проведены раскрепощение крестьянства в 1861 г., введение местного самоуправления в виде земств (1864) и городской муниципальной администрации (1870).

1. Москва и Петербург в структуре российской экономики в середине XIX в., доля купечества в их населении

Две столичные губернии — Московская и Санкт-Петербургская — лидировали по количеству промышленных предприятий и объему произведенной на них продукции. В 1856 г. стоимость про-

* Ульянова Галина Николаевна — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, galina.ulianova@gmail.com

мышленной продукции в этих двух губерниях совокупно составила 76,7 млн руб. или 34,2% от всего объема промышленного производства в стране (224,3 млн руб.)¹ По данным Министерства финансов, за восемь лет, с 1856 по 1864 г., роль двух губерний в объеме производства повысилась до 45,2%. В 1864 г. в Московской губ. было 1036 предприятий с 73 480 рабочими, продукции произведено на 65,3 млн руб., в Петербургской губ. соответственно — 536 предприятий с 39 355 рабочими, объем продукции составил 60,6 млн руб.²

Неравномерное региональное развитие промышленности повлияло на то, что женское предпринимательство наиболее активно развивалось именно в столичных губерниях. В 1863 г. из 15 ведущих российских фабриканток, которым принадлежали предприятия с годовым объемом производства свыше 100 тыс. руб., шесть вели дело в Московской губернии, две — в Петербурге.

По данным «Статистического временника», изданного Центральным статистическим комитетом, в 1863 г. в Москве и губернии среди крупных предприятий, принадлежавших женщинам, были: суконные фабрики Елизаветы Ильиничны Котовой (годовой объем производства — 284 000 руб.), Ирины Михайловны Черепahiной (122 112 руб.), Марьи Семеновны Тюляевой (108 815 руб.) и бумагопрядильная фабрика Олимпиады Гавриловны Поповой (105 420 руб.) в Москве, две ситцевые фабрики Ульяны Алексеевны Третьяковой в Серпухове (1 387 920 руб.), стеариновый завод Надежды Константиновны Мошпиной в Серпуховском уезде (122 500 руб.). В Петербурге и губернии — химический завод Аграфены Васильевны Растеряевой в Петербурге (140 000 руб.) и писчебумажная фабрика Елизаветы Николаевны Кайдановой в Петербургском уезде (110 000 руб.).

В других губерниях находилось семь предприятий, в том числе: бумагопрядильная фабрика Протасьевой во Владимирской губ. (207 500 руб.), шерстомойня Рыжовой в Харькове (188 200 руб.), сахарорафинадный завод графини Потоцкой в Киевской губ. (140 000 руб.), суконная фабрика Веревкиной в Симбирской губ. (113 500 руб.), три кожевенных завода — Прибытковой в Казани (115 500 руб.), Решетниковой в Тобольской губ. (103 250 руб.), Савостиной в Орловской губ. (100 000 руб.)³.

Несколько слов о социальной структуре Москвы и Петербурга (с губерниями), ее изменении в 1850-е — 1860-е гг. В Петербургской и Московской губерниях большую часть горожан составляли лица, числившиеся по официальному статусу крестьянами (1863 — соответственно 54,6% и 79,6%). Однако, доля городских сословий (почетных граждан, купечества, мещанства, цеховых), которые доминировали в предпринимательстве, была выше общероссийского

показателя (он составлял в 1856 г. 7,3% и в 1863 г. 7,9%) и имела тенденцию к возрастанию, что показано в таблице 1.

Таблица 1

Городские сословия (почетные граждане, купечество, мещанство, цеховые) в составе населения Петербургской и Московской губерний, 1856 и 1863 годы, чел. / %

	1856, чел.	1856, %	1863, чел.	1863, %
Россия в целом	4 300 355	7,3	4 794 175	7,9
Петербургская губерния	93 070	8,6	149 862	12,8
Московская губерния	172 064	10,8	182 960	11,7

Источники: Статистические таблицы Российской Империи за 1856 год. С.292–293; Статистический временник Российской империи. СПб., 1866. С.40–43.

Статистика 1863 г. из «Статистического временника» дает детализированную картину о составе так называемых «городских сословий» (см. таблицу 2).

Таблица 2

Структура городских сословий Петербургской и Московской губерний, 1863 год

	Почетные граждане чел./% от всей численности городских сословий	Купечество чел./% от всей численности городских сословий	Мещанство чел./% от всей численности городских сословий	Цеховые чел./% от всей численности городских сословий	Всего чел./%
Россия в целом	35 303 (0,74%)	465 996 (9,72%)	4 032 530 (84,11%)	260 346 (5,43%)	4 794 175 (100%)
Петербургская губерния	7 760 (5,2%)	32 835 (21,9%)	94 463 (63,0%)	14 804 (9,9%)	149 862 (100%)
Московская губерния	3 113 (1,7%)	32 720 (17,9%)	128 798 (70,4%)	18 329 (10,0%)	182 960 (100%)

Источник: Статистический временник Российской империи. СПб., 1866. С. 46–47.

Приведенные в таблицах данные показывают, что в столичных губерниях доля купечества в городских сословиях вдвое превышала общероссийский показатель, а доля почетных граждан — в 7 раз в Петербургской губ. и в 2,3 раза в Московской губ., что было свидетельством интенсивного характера бизнеса.

Обе губернии лидировали по количеству выданных гильдейских свидетельств⁴. В Петербургской губернии в 1864 г. было взято

481 свидетельств 1-й гильдии и 5174 свидетельства 2-й гильдии, в Московской соответственно — 569 и 7218. Это означало, что 36,2% всех купцов-первогильдейцев (всего в стране было выдано 2904 свидетельств 1-й гильдии) и 22% всех купцов-второгильдейцев (всего в стране было взято 56 231 свидетельств 2-й гильдии) имели свои главные конторы в Петербурге и Москве⁵.

Из-за отсутствия источников, характеризующих общероссийскую экономическую ситуацию, женское предпринимательство, в исследуемый период показано на данных, относящихся к двум столицам — Петербургу и Москве (с губерниями), роль которых в промышленном производстве была очень высока. К 1864 г. доля этих двух губерний в общем объеме промышленного производства достигла 45,2%.

2. «Справочные книги о лицах, получивших купеческие свидетельства» как источник

Во второй половине 1860-х гг. информация о лицах, бравших гильдейские свидетельства на право занятий предпринимательством, стала публиковаться в столицах Петербурге и Москве в виде так называемых «Справочных книг»⁶. «Справочные книги» (издавались в Петербурге с 1865 г., в Москве с 1867 г., издания за ранние годы являются библиографической редкостью) содержали сведения о каждой персоне: имя, возраст, время поступления в купечество, род бизнеса, место жительства (иногда владение недвижимостью), имена и возраст сыновей мужского пола, для иностранцев — этническую принадлежность, цифры под биографической информацией соответствовали номеру выданного свидетельства на торговлю (слева) и номеру, под которым лицо было внесено в книгу для выбора на общественные должности (справа).

«Справочные книги» до сих пор редко используются историками в силу трудоемкости обработки. Фактически, первым работал с ними М.К. Шацилло для изучения социального состава московской буржуазии на рубеже XIX—XX вв.⁷ Он же предложил методику обработки, результатом группировки по происхождению, по торгово-промышленным интересам и др.

В 1990-е гг. мы использовали «Справочные книги» для составления банка данных о московских купцах-благотворителях, опубликованном в монографии «Благотворительность московских предпринимателей. 1860—1914» (1-е изд.: М., 1999; 2-е переработанное и дополненное изд.: Благотворительность московских предпринимателей. 1860—1914. Словарь купцов-благотворителей. М., 2014), а так-

же при изучении немецкого предпринимательства и женского предпринимательства в Москве⁸.

Позже «Справочные книги» московского купечества использовала Н.В. Рудюк в диссертации «Банковские деятели России 1864—1914 гг.: источники и методы изучения биографических данных», защищенной в МГУ⁹.

В последнее пятнадцатилетие петербургские «Справочные книги» использованы в ряде серьезных работ. Прежде всего, это исследования по истории петербургского купечества, содержащие социально-демографические характеристики — книга М.Н. Барышникова и А.И. Османова «Петербургские предприниматели во второй половине XIX — начале XX вв.»; фундаментальная монография А.И. Османова «Петербургское купечество в последней четверти XVIII — начале XX века» и диссертация А.А. Журавлева, освещающая эпоху рубежа XIX—XX вв.¹⁰ «Справочные книги» использовались для извлечения массовых просопографических данных с целью реконструкции историко-демографической структуры предпринимательского слоя.

«Справочные книги о лицах Санкт-Петербургского купечества» использовал К.К. Вишняков-Вишневецкий при изучении важного вопроса о численности и влиянии иностранцев в структуре петербургского предпринимательства в пореформенный период. Сравнивая долю иностранцев в 1875 и 1885 гг., Вишняков-Вишневецкий сделал вывод о том, что в это время количество иностранцев среди купцов уменьшилось, хотя и оставалось влиятельным вплоть до начала Первой мировой войны. Были сделаны подсчеты купцов-иностранцев, согласно которым, в Петербурге среди иностранных бизнесменов преобладали немцы, прежде всего (по данным 1885 г.) выходцы из Пруссии (48,4%), а также Гамбурга (8,8%) и Саксонии (7,8%). На втором месте были французы, затем англичане и швейцарцы¹¹.

Вопрос об информативном потенциале «Справочных книг» при изучении переселенцев из провинции в большие города (прежде всего, крестьян-отходников»), поставила О.В. Смурова из Костромы в своей защищенной в Петербурге содержательной докторской диссертации «Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на эволюцию образа жизни города и деревни в 1861—1914 гг. (на материалах Санкт-Петербурга, Москвы, Костромской, Тверской и Ярославской губерний)»¹². Она, в частности, подсчитала по петербургской «Справочной книге» 1865 г. количество выходцев из разных уездов Ярославской губ. и определила их род занятий, специализацию. Снуровой удалось установить, что торговле отдавали предпочтение крестьяне Угличского уезда, далее (по количеству) шли рыбинцы, даниловцы, ростовцы. Наряду с ними торговали выходцы из Мыш-

кинского, Романов-Борисоглебского, Мологского, Любимского и Пошехонского уездов. Самые общие наблюдения содержатся в ее опубликованной позже статье о «Справочных книгах»¹³.

Особняком в использовании «Справочных книг» стоит давняя филологическая работа И.Б. Котлера «Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купечества» как источник этнической антропоники Петербурга»¹⁴.

Использование «Справочных книг» в исторических исследованиях весьма перспективно, и привлекает всё больше сторонников.

В нашем случае этот источник (ниже использованы в качестве базового источника «Справочные книги» за 1869 год, а для верификации данных и за другие годы) дает возможность оценить роль и влияние женщин в промышленности и торговле крупнейших российских коммерческих центров. Особое внимание будет обращено на этнические, и возрастные параметры, характеристику элитной группы купчих первой гильдии, распределение предпринимательниц по роду занятий, а также на брачный статус владелиц московских предприятий.

Для дальнейшего насыщения базы данных и их верификации, для воссоздания биографий в статье также были широко использованы архивные документы по соответствующим предприятиям, духовные завещания, указатели фабрик и заводов, указатели мануфактурных выставок, московский и петербургский «Некрополи», указатели домов и жителей, и др.

3. Женщины-предприниматели Петербурга и Москвы: этнические параметры, возрастная стратификация, брачный статус, род занятий, социобиографический портрет московской фабрикантки

Данные о доле женщин среди купечества были посчитаны нами за 1869 г., когда имеются сопоставимые «Справочные книги» по обоим городам. Среди петербургского купечества женщины составили 13% (501 чел. из 3864 чел.), среди московского — 11,6% (583 чел. из 5013 чел.). Подробнее эти группы будут рассмотрены ниже.

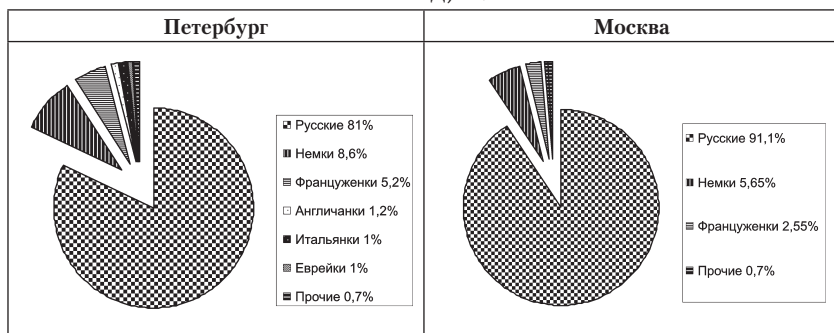
Этнические параметры. В Петербурге русских было 406 чел. (81%), немок — 43 (8,6%), французов 26 (5,2%), англичанок — 6 чел. (1,2%), итальянок и евреек — по 5 чел. (по 1%), прочих — две шведки, две польки, по одной американке, голландке, австрийке, бельгийке, швейцарке, финке (в общей сложности 2%).

В Москве русских был 531 чел. (91,1%), немок — 33 (5,65%), французов 15 (2,55%), а также по одной татарке, армянке, итальянке и

бельгийке (в общей сложности, 0,7%) (см. диаграмму 1). Эти данные корреспондировались с этническим профилем обеих столиц — Петербург значительно превосходил остальные города по количеству иностранцев, которые составляли до 20% населения. В 1869 г. в Петербурге из 667,2 тыс. чел. всего населения немцы составляли 45,6 тыс. чел. (6,8%), французы — 3,1 тыс. чел. (0,5%), англичане — 2,1 тыс. чел. (0,3%)¹⁵. В Москве русские составляли в 1871 г. не менее 95%, немцы, французы, англичане, поляки — в сумме около 4%, евреи 0,9%¹⁶.

Рисунок 1

Этнический состав предпринимательниц Петербурга и Москвы, 1869 год, в %

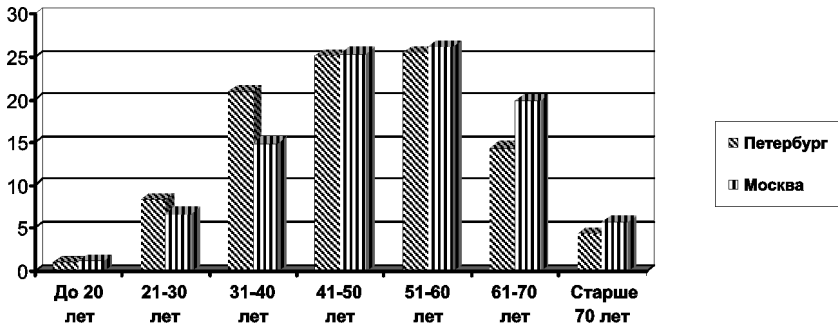

Возрастная стратификация. В Петербурге наиболее активной группой были предпринимательницы в возрасте 31–60 лет, доля которых составляла 71,8%. В том числе, 31–40 лет — 106 чел. (21,2%); 41–50 лет — 126 чел. (25,1%); 51–60 лет — 128 чел. (25,5%). В возрасте до 20 лет было 5 чел. (1%), 21–30 лет — 42 чел. (8,4%), в старших группах 94 чел. (18,8%), в том числе, в возрасте 61–70 лет — 72 чел. (14,4%); старше 70 лет — 22 чел. (4,4%).

В Москве картина была похожей — большинство составляли предпринимательницы в возрасте 31–60 лет, доля которых была 66,5%, в том числе, 31–40 лет — 87 чел. (14,9%); 41–50 лет — 148 чел. (25,4%); 51–60 лет — 153 чел. (26,2%). В возрасте до 20 лет было 7 чел. (1,2%), 21–30 лет — 39 чел. (6,7%), в старших группах 149 чел. или 25,6%, в возрасте 61–70 лет — 116 чел. (19,9%); старше 70 лет — 33 чел. (5,7%).

Несмотря на отсутствие резких различий по возрастным группам, в целом в Петербурге состав предпринимательниц был моложе, чем в Москве, что показано на рисунке 2. Средний возраст предпринимательницы в Петербурге составлял 47,7 лет, в Москве — 54,4 года.

Возраст предпринимательниц Петербурга и Москвы. 1869 год, в %

Сравнение данных явственно показывает преобладание старших возрастных групп в Москве: четверть (25,3%) предпринимательниц здесь была старше 60 лет, тогда, как в Петербурге только 16,5%. В Петербурге была лучше представлена группа в возрасте 31—40 лет — 20,9% против 15,7% в Москве.

Эти данные совпадают с анализом конкретных просопографических данных. В старокупеческих семьях мать могла до своей смерти оставаться главой дела и брать свидетельство на свое имя. Активное использование этой традиционной схемы свидетельствовало о консервации черт патриархального (в данном случае, «матриархального») семейного уклада в определенном сегменте предпринимательской среды, что часто встречалось в Москве.

В Петербурге же выше была доля предпринимательниц, самостоятельно устроивших дело и находившихся в активном среднем возрасте.

Брачный статус. Брачный статус удалось установить для группы купчих 1-й гил. Среди 34 москвичек, по брачному статусу вдовами являлась 31 женщина (91%), две были замужними, одна — незамужней (46-летняя владелица фабрики пряженной шерсти «девица» Татьяна Васильевна Вешнякова). Из 31 вдовы только три были бездетными — они вели дела лично, без участия родственников. Прочие 28 вдов имели от одного до шести сыновей.

Для сравнения: из 15 петербургских купчих 1-й гил. 11 были вдовами, две замужними и две незамужними (что объяснимо их юным возрастом, соответственно 24 и 10 лет). Взрослые дети мужского пола были у 11 чел.

Подсчеты по группе фабриканток дали следующие результаты. В Москве из 83 владелиц фабрик и заводов вдовами были 64 чел. (77%), замужними — 13 чел. (16%), незамужними (девицами) —

6 чел. (7%). По Петербургу восстановить брачный статус для фабриканток оказалось невозможным.

Дальнейшие подсчеты проведены не были из-за неполноты проопографических данных.

Сравнение этнических, возрастных и брачных параметров свидетельствует о большей открытости и гибкости петербургской купеческой корпорации. Различия в паттернах бизнеса и социальной структуры Петербурга и Москвы проявились также в составе купчих первой гильдии, которым ниже будет посвящен специальный раздел статьи.

Род занятий. В распределении предпринимательниц по роду занятий (промышленность, торговля, банковское дело, сдача в аренду помещений) отмечены различия, касающиеся в первую очередь, более активного участия москвичек в промышленном производстве. Общие данные представлены в таблице 3 и в диаграмме на рисунке 3, представляющей визуальное отображение таблицы.

Таблица 3

Распределение женщин-предпринимательниц Санкт-Петербурга и Москвы по специализации бизнеса в 1869 году

	Промышленные заведения чел./% от общего количества предпринимательниц	Торговые заведения чел./% от общего количества предпринимательниц	Торговля не производится чел./% от общего количества предпринимательниц	Прочее (сдача в аренду торговых помещений, банковская контора)	Всего
Санкт-Петербург	25 (5%)	386 (77%)	90 (18%)	-	501
Москва	83 (14%)	381 (65%)	113 (20%)	6 (1,0%)	583

Социобиографический портрет московской фабрикантки. Для примера рассмотрим детально группу владельцев промышленных предприятий Москвы (1869 — 83 персоны). По брачному статусу 64 чел. были вдовами, 13 — замужними, 6 незамужними. Данные по возрасту представлены в таблице 4, в которой показано, что основную группу представляли фабрикантки 41–60 лет (63%). Средний возраст по обеим гильдиям был 51,5 лет. Что касается детности промышленниц, то у купчих 1-й гил. было в среднем 2,4 взрослых сына на семью (N-14), у купчих 2-й гил. в среднем 2,7 взрослых сына на семью (N-48). Не имели сыновей три чел. из 1-й гил., 18 чел. из 2-й гил., то есть по обеим гильдиям 26,5%.¹⁷

Вышеприведенные данные позволяют составить среднестатистический портрет московской фабрикантки — это была вдова, 41–

Распределение женщин-предпринимательниц Санкт-Петербурга и Москвы по специализации бизнеса в 1869 году

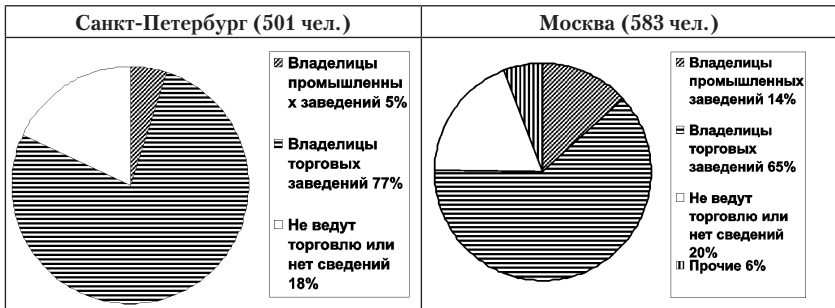

Таблица 4

Возраст владелиц предприятий Москвы, 1869 год

	21–30	31–40	41–50	51–60	61–70	Более 70	Средний возраст
1 гильдия (17 чел.)	1	1	5	7	2	1	52,4
2 гильдия (66 чел.)	3	10	18	22	9	4	50,7
По 1 и 2 гил.	4	11	23	29	11	5	51,5
По обем гильдиям в %	5%	13%	28%	35%	13%	6%	100%

60 лет, проживавшая в собственном доме (83% были домовладелицами), имевшая взрослых детей мужского пола (73,5%), параллельно с производством товара, занимавшаяся торговлей в собственной лавке (в 1-й гил. 14 чел. из 17, по 2-й гил. полных данных нет). То есть, в большинстве случаев причиной перехода руководства семейной фирмой к женской персоне являлась смерть супруга или его неспособность (по старческой немощности) вести дела. Имея по российскому законодательству полные права на распоряжение собственностью, женщина-предпринимательница, как правило, не передавала право контроля и руководства сыновьям, оставаясь на вершине семейной иерархии.

О доле женщин в общем промышленном производстве Москвы на 1868 г. в «Статистическом временнике Российской империи» имеются следующие не полные, однако, вполне репрезентативные данные, найденные по 14 предприятиям (из 17) 1-й гил. и по 17 предприятиям (из 66) 2-й гил. На 31 предприятии вырабатыва-

лось 11,8% продукции (5,5 млн руб. из 46,7), трудились 36 мастеров и 5143 рабочих (8,7% от общего количества занятых). Отсутствие данных по остальным 49 предприятиям из 83 означает, что их годовое производство было менее 25 тыс. руб., следовательно, реальная доля женщин в промышленности была выше приводимых нами результирующих цифр¹⁸.

Цифры демонстрируют, что производительность труда на предприятиях, принадлежавших женщинам, была выше средних показателей. Это напрямую зависело от уровня механизации в контексте промышленной революции. Рассмотрим подробнее этот важнейший вопрос.

Паровые машины стояли на 10 из 31 предприятия, принадлежавшего женщинам (о которых есть сведения). Все десять предприятий были текстильными фабриками — восемь шерстяных, одна аппретурная и одна платочно-набивная. Общая мощность паровых двигателей на этих предприятиях составляла 291 силу. Сравним эти данные с механизацией московских предприятий в целом. Паровыми машинами были оборудованы 183 фабрики из 516 (35,5%), в среднем приходилось 13 сил на одно предприятие. Согласно статистике, наивысшим был уровень механизации текстильной отрасли, достигавший максимума на шерстяных предприятиях, где на 48 предприятиях суммарная мощность паровых двигателей составляла 1056 сил или в среднем 22 силы на предприятие. Фабрики, принадлежавшие женщинам, имели в среднем по 29 сил на предприятие, в том числе, в шерстяной отрасли — 31 силу. Повышенный уровень оснащенности паровыми машинами означал, что владельцы крупных и доходных предприятий более гибко шли на модернизацию оборудования.

Далее мы рассмотрим группу купчих 1-й гильдии в обеих столицах.

4. Купчихи первой гильдии в Петербурге

Существовала значительная разница в численности первогильдейского купечества в двух столицах. В 1869 г. в 1-й гильдии петербургского купечества числилось 15 женщин, что составляло 3% от общего количества в 501 чел., в то время, как в Москве в 1-й гильдии состояло 34 женщины, что составляло 6% от общего количества в 583 чел. Это объяснялось более частыми случаями долговременности семейного бизнеса в Москве. На наш взгляд, можно даже говорить о герметичности купеческой элиты Москвы.

Рассмотрим вначале просопографические данные петербургских предпринимательниц и подробнее, четырех фабриканток — Растеря-

ево́й, Канбиной, Берд и Стенбок-Фермор, и затем прочих предпринимательниц. Затем по той же схеме обратимся к информации по Москве.

Четыре петербургских предпринимательницы имели промышленные предприятия. Две из них, А.В. Растеряева и Е.Н. Канбина, принадлежали к купеческому сословию. Две другие — Д. Берд и Н.А. Стенбок-Фермор — были дворянками, бравшими купеческие свидетельства для занятий предпринимательской деятельностью.

Информация о Растеряевой из «Справочной книги» гласила: «Растеряева, Аграфена Васильевна, 58 лет, пот. поч. гр., в куп. сост. С 1861. Жит. Моск. ч. 1 уч., в соб. д. № 12 по Троицкому пер. Торг. инструмент. тов. и медью в Гост. Дв. в соб. лав. под № 81 и на Апр. дв. под №№ 29 и 30 под фирм.: «Сергей Растеряев». Содержит хим. Зав. Нарв. Ч. в д. под № 11, дробянозав. Алекс.-Нев. ч. и кирпичный двор Моск. ч. по Черныш. пер. Имеет кам. д. Моск. ч. под № 12, дер. д. Алекс.-Нев. ч. под № 150. При ней сост. сын.: Иван 35 л., Григорий 30 л. и Николай 29 л. Сергеевичи, которые на гор. службе не были»¹⁹.

Без сомнения, купчиха 1-й гил. Растеряева (1811—1874) была наиболее крупной и яркой личностью из петербургских фабриканток. После смерти в 1860 г. на 55-м году жизни ее мужа купца 1-й гил. Сергея Растеряева Аграфена с 1861 г. возглавила семейную фирму «Сергей Растеряев»²⁰. Пятидесятилетней матери помогали числившиеся с ней «в одном капитале» три сына: 27-летний Иван, 22-летний Григорий и 21-летний Николай. Растеряевой принадлежали два дома, в том числе, каменный на престижном Троицком проспекте в центре столицы.

От мужа Растеряева унаследовала пять предприятий, из них три в Петербурге: кожевенный завод (1862 — 1 мастер, 35 рабочих, стоимость продукции 155 000 руб.), химический завод, основанный в 1847 г. (1 мастер, 40 рабочих, выработано 972 тонны серной, азотной и соляной кислот, нашатырного спирта на 64 280 руб.) и существовавший с 1853 г. дробилитный (*дробяной*) завод (1 мастер, 6 рабочих, стоимость продукции 22 450 руб.). В 1862 г. в общей сложности на трех предприятиях было 84 рабочих, стоимость продукции составила 280 015 руб. Растеряевой принадлежали также два кирпичных завода (основаны в 1855 г. и 1858 г.) вблизи Петербурга, по данным 1865 г. на них произведено 7 млн шт. «красного и алого» кирпича на сумму 80 000 руб., трудилось 200 рабочих, действовала паровая машина²¹.

Аграфена с сыновьями унаследовала в составе имущества семейной фирмы торговлю химикалиями, металлами, «инструментом», скобяным товаром, осуществлявшуюся в трех лавках в Петербурге (одна в Гостином дворе, две на Апраксином дворе, то есть в крупней-

ших торговых центрах) и в Москве (в Гостином дворе в Китай-городе)²². Торговля кирпичом осуществлялась на специальном «дворе» в центре Петербурга. Продукция кожевенного и химического заводов имела спрос в Москве, Петербурге, Риге и других городах Империи²³. После смерти Аграфены бизнес был разделен между тремя сыновьями, два из которых вели дела петербургских предприятий (Ивану достался дробяной завод, а Григорию — всё остальное), а третий Николай переехал в Москву, где стал вести дела семейной торговли металлами.

Пример Растеряевой демонстрирует, что своеобразие семейной стратегии бизнеса заключалось в создании и развитии промышленных предприятий в разных отраслях. Если дело шло удачно, то владелец продолжал его, не стремясь к моноотраслевой парадигме. Умение организовать производство и сбыт разных типов продукции свидетельствовал о предпринимательском таланте хозяйки.

После смерти А.В. Растеряевой, ее сын Григорий, по воле матери унаследовавший большую часть семейного бизнеса, успешно продолжал дело под фирмой «Григорий Растеряев», будучи одним из крупнейших торговцев инструментами и металлами. Позиция его в предпринимательской элите весьма укрепилась после женитьбы около 1865 г. на дочери крупнейшего торговца винами и колониальными товарами в Петербурге, банковского деятеля, председателя Петербургского биржевого комитета, коммерции советника Григория Елисеева — Татьяне. Подъем Г. Растеряева по лестнице бизнеса сопровождался повышением общественного статуса — он был выборным Санкт-Петербургского биржевого комитета, затем получил звание коммерции советника; а на уровне городской общественной деятельности он участвовал в благотворительности, являясь экономом Елизаветинской богадельни, устроенной Елисеевыми. Наивысшим достижением Г.С. Растеряева с точки зрения социального статуса было членство в Императорском обществе рысистого бега — малочисленной, преимущественно дворянской по составу, ассоциации (около 270 чел.), объединявшей знатоков коневодства, президентом которой являлся Главноуправляющий государственного коннозаводства, представитель императорской семьи великий князь Дмитрий Константинович.

Доходы от фабричной деятельности Григорий вкладывал в приобретение недвижимости. В 1902 г. вся семейная недвижимость (кроме родового дома на Троицком проспекте) была записана на жену Татьяну, которой принадлежали три многоэтажных доходных дома в центре столицы, в том числе один на Невском проспекте. По муниципальной оценке их общая стоимость составляла 815 555 руб.²⁴

Обратимся к биографии Канбиной. Купчиха 2-й гил., вдова Екатерина Николаевна Канбина была довольно успешна на протяжении длительного времени (в документах отражен период 1862—1878 гг.). «Справочная книга» 1869 г. сообщает: «Канбина, Екатерина Николаевна, 52 л., в куп. сост. с 1864 г. Жит: Алекс.-Нев. ч. 3 уч., в соб. д. № 283, по Лиговке. Содерж. свеч. и крахм. зав. в том же д. При ней сост. сын.: Макар 31 г., Павел 29 л. и Алексей 22 л., Алексеевичи, котор. на гор. служ. не были»²⁵.

Екатерина имела собственный дом на Лиговке, унаследованный от умершего в 1862 г. мужа-купца. В 1862 г. на свечносальном заводе имелось 8 рабочих, годовое производство составляло 31 тыс. руб. В 1869—1877 гг. вдобавок к свечносальному предприятию в собственности Екатерины числился крахмальный завод (подробных сведений нет). В 1878 г. в бизнесе, возглавляемом Екатериной, участвовали все три ее сына²⁶.

Как мы видим, сведения о владелицах предприятий весьма скупы — они явно свидетельствуют только о том, что во всех представленных случаях женщины-владелицы в статусе вдов осуществляли, так называемую «bridging function» (связующую функцию от поколения к поколению), ведя дела достаточно успешно, чтоб передать их в конце жизни взрослым сыновьям.

Истории жизни Канбиной и особенно Растеряевой демонстрируют формирование типа независимой женщины — владелицы предприятия. В период, когда они возглавляли семейный бизнес, наблюдалась стабильное функционирование предприятий, была проведена техническая модернизация. В случае Растеряевой, о включенности женщины-главы семейства в систему корпоративных бизнес-связей свидетельствовал «династический» брак ее среднего сына, которому, сочтя его наиболее перспективным из детей, мать завещала львиную долю семейного бизнеса и недвижимость.

Третья петербургская фабрикантка изучаемого периода — дворянка, англичанка Доротея Берд, урожденная Холлидей (Dorothea Baird, née Halliday) (ок. 1810 — ок. 1870) — состояла в купечестве с 1865 г. после смерти мужа Френсиса Берда (1802—1864) и до 1869 г., когда передала руководство 27-летнему сыну Джорджу. Она владела унаследованными крупными «механическим, железопрокатным, литейным и водопроводным» заводами и мореходной компанией. «Справочная книга» сообщала о ней: «Берд Дарья Ивановна, (возр. не указ. — Г.У.), дворянка, в куп. сост. с 1865 г. Жит. Кол. ч. 2 уч., в соб. д. по Мясн. ул. Содерж. мореход. суда и чугунно-лит. завод. Имеет кам. д.»²⁷.

Доротея (на российский манер в документах обозначаемая как Дарья) вышла замуж за Френсиса Берда в 1828 г., в браке роди-

лось десять детей. Муж в свою очередь наследовал предприятия от отца — видного изобретателя и промышленника, Чарльза Берда (1766—1843), выходца из Шотландии, построившего в 1815 г. первый русский пароход «Елизавета»²⁸. Упоминание о чугунном заводе «англинского купца Карла Берда» в Рождественской части содержится в «Ведомости о состоянии посессий» по Петербургской губ. за 1797—1801 гг.²⁹ По сведениям 1862 г. на предприятиях Берда было 862 рабочих и было произведено продукции на 598 тыс. руб. После смерти Доротеи ее сын Джордж расширил производство: на сталелитейном заводе производились рельсы (действовали 4 паровых двигателя в 1334 силы, числилось 950 рабочих, годовое производство 1 млн руб.), на машиностроительном заводе производились «разные механические предметы по судостроению и для фабрик» (действовали 14 паровых двигателей в 346 сил, было 1514 рабочих, годовое производство 3,1 млн руб.). В 1881 г. Джордж Берд продал предприятия «Акционерному обществу франко-русских заводов в Санкт-Петербурге» и вернулся в Великобританию, закончив почти столетнюю эпопею жизни представителей семейства Берд в России³⁰.

Одна из богатейших женщин России графиня Надежда Алексеевна Стенбок-Фермор (1815—1897), унаследовала в 1849 г. после смерти отца, крупнейшего уральского промышленника Алексея Яковлева (дед которого Савва Яковлев купил заводы у Демидова, Воронцова и Ягужинского и был пожалован в 1762 г. дворянством), восемь металлургических заводов в Пермской губернии на Урале. С 1867 г. Надежда стала брать свидетельство 1-й гильдии петербургского купечества. Фактически же она вела семейный бизнес после смерти отца с 1849 г. и поскольку овдовела в возрасте 37 лет (1852), то сделала бизнес главным интересом в своей жизни: из мемуаров родственников и знакомых явствует, что она держала под контролем всё до мельчайших деталей³¹.

«Справочная книга» скупко сообщает о Н.А. Стенбок-Фермор: «Стенбок-Фермор, урожд. Яковлева, Надежда Алексеевна, граф., в куп. сост. с 1867 г. Жит. Адм. ч. 2 уч., в соб. д. на углу Вознес. просп. и Адмир. пл. Содерж. железн. и медн. зав. в Пермской губ., а контору Вас. ч. 2 уч. В соб. д. № 18 по набереж. Малой Невы. Имеет кам. д. в разн. част. г.»³².

Стенбок-Фермор занимала второе место среди российских производителей (после Демидовых) по выплавке чугуна (1867 — 12 333 тонны, что составляло 4,9% общероссийского объема производства) и по производству железа (1867 — 14 109 тонн, что составляло 7,1% общероссийского объема производства). Ей также принадлежали золотые прииски (1866 — 1577 рабочих, годовая добыча 560 кг золота, 31% до-

бычи уральских частных приисков и 2% общероссийской добычи) и медеплавильные заводы (1865 — выплавлено 512 тонн, что составило 11,5% общероссийского объема производства)³³.

В 1854 г. она купила у деверя (как говорили, запутавшегося в долгах) Пассаж на Невском проспекте — одно из самых дорогих торговых помещений Петербурга (по муниципальной оценке недвижимости он стоил в 1874 г. 528 855 руб., в 1899 — 612 899 руб.). Примечательно, что после смерти графини, будучи завещанным одиннадцати персонам из числа детей и внуков, Пассаж через два года опять числился в «чисто женском» владении, принадлежа дочери завещательницы — княгине Надежде Барятинской и трем внучкам — Анне и Ирине Барятинским, Надежде Безобразовой (выкупившим у родственников остальные доли)³⁴. После смерти Н.А. Стенбок-Фермор в 1897 г., ею было оставлено одно из самых крупных в истории России личных состояний, оценивавшееся в фантастическую сумму почти 41 млн. руб.³⁵

Прочие одиннадцать петербургских предпринимательниц оперировали в торговле, грузовых и пассажирских перевозках. Специфика предпринимательства в портовом городе отразилась на включенности нескольких женщин-предпринимательниц в торговое судоходство (наряду с Доротеей Берд, которая владела судоходной компанией, осуществлявшей сообщение между Петербургом и Кронштадтом, Ревелем, Ригой и портами Великобритании). Еще одна судоходная компания, осуществлявшая сообщение между Петербургом и Кронштадтом (длина линии 26 км) принадлежала 37-летней Александре Николаевне Беляевой, вдове капитана, ранее владевшего этим бизнесом (сведений о детях нет). 52-летняя Александра Егоровна Триха торговала «при порте оптом» (имела сына Василия).

О девяти петербургских купчихах 1-й гил. краткие сведения, извлеченные из «Справочной книги», приведены ниже:

76-летняя Елена Алексеевна Алябьева почти 30 лет занималась пригоном рогатого скота, имела двух сыновей и двух внуков; 24-летняя Екатерина Григорьевна Богданова имела галантерейную торговлю (сведений о детях нет); 69-летняя Прасковья Николаевна Иванова занималась подрядами (сын Иван, 26 лет, то есть, рожден матерью в 43 года); 35-летняя Мария Тимофеевна Леянова торговала мехами в Гостином дворе (сведений о детях нет); 53-летняя Мария Ивановна Одноушевская также торговала мехами в Гостином дворе в собственной лавке, другую лавку сдавала (сыновья Андрей 28 лет и Федор 27 лет); 52-летняя Александра Ивановна Окулевич содержала дровяной двор (сведений о детях нет); 10-летняя Александра Александровна Пономарева проживала в Царском селе, торговли не вела (др. свед. нет); 49-летняя

Анна Петровна Стречкова (род Стречковых пребывал в купечестве с 1780 г.) содержала две фруктовых лавки, мелочные лавки и лабаз на Большой Морской (сыновья Петр, Николай, Василий); 43-летняя Мария Егоровна Фокина, пот. поч. гр., торговала писчей бумагой по Банковой линии в Гостином дворе, владела недвижимостью — каменным и деревянным домами, пятью лавками на Литовском рынке и двумя лавками в Гостином дворе (сыновья Михаил и Николай)³⁶.

5. Купчихи первой гильдии в Москве

В Москве среди 34 лиц 1-й гильдии 17 чел. владели промышленными предприятиями (в том числе 11 чел. — текстильными, по одному — кирпичным, медным и бронзовым, кожевенным, водочным, свечным и восковым, стеариновым, химическим и мыловаренным). Из 17 человек, занимавшихся только торговлей, семь человек торговали текстилем (шерстью, ситцами, шелком, парчой, нитками), шесть — пищевыми продуктами (в том числе, две вином, две чаем и сахаром, по одной — маслом и кондитерским товаром), одна имела банкирскую контору (француженка Анна Катвар), одна торговала золотокружевным товаром (Анна Болотнова), одна занималась разменом денег (Прасковья Булочкина), одна торговала «разным товаром» (Анна Зернова).

Рассмотрим пример многолетней предпринимательницы. Елизавета Семеновна Быковская (1791—1870), происходившая из известной семьи владельцев крупнейшей золотоканительной фабрики Алексеевых, имела шесть сыновей, которых она родила в возрасте 20, 22, 24, 25, 27 и 28 лет. Елизавета овдовела в 42 года (муж ее был старше на 16 лет и умер в 1833 г. в возрасте 58 лет). Первые годы вдовства были тяжелыми — в 1838 г. Елизавета состояла в низшей 3-й гильдии и вместе со старшим сыном 27-летним Семеном вела торговлю бумажной пряжей в собственной лавке в Китай-городе³⁷.

Когда сыновья повзрослели, то в середине 1840-х гг. была учреждена фирма «Елизавета Быковская с сыновьями» для торговли чаем, сахаром, хлопком и бумажной пряжей. Это свидетельствовало о стабилизации и расширении семейного дела. В конце 1840-х гг. Е.С. Быковская вернулась в 1-ю гильдию. После смерти в 1852 г. старшего сына Семена, Елизавета продолжила дело с пятью сыновьями — Владимиром, Николаем, Иваном, Петром и Алексеем. Все члены семьи состояли в одном капитале «при матери» (которая прожила почти 80 лет). Фирма оперировала через два основных офиса: в Москве (где имелась контора в Китай-городе, в старом Гостином Дворе) и в Оренбурге (для торговых операций с Сибирью и Азией).

Дополнительным источником дохода была сдача внаем шести лавок в Китай-городе (в Зеркальном ряду — главном месте торговли текстилем в Москве). После смерти Елизаветы Семеновны фирма, возглавляемая старшим сыном Владимиром, просуществовала недолго. Братья Быковские, прекратили коммерческие дела и предпочли перейти в ряды рантье, получая доходы от сдачи в аренду принадлежащей им недвижимости (двух домов и шести лавок в Китай-городе)³⁸.

За 37 лет руководства семейным бизнесом Елизавета Быковская сумела разнообразить свою торговлю, добавив к торговле хлопковой пряжей продажу чая, сахара, хлопка-сырца, вложить полученные доходы в приобретение недвижимости, закрепиться в 1-й гильдии. Сложилась семейные отношения, выразившиеся в подчиненности взрослых сыновей матери во имя слаженности ведения бизнеса, что определялось, конечно, тем, что ситуация принадлежности всей семейной собственности матери на практике исключала какую-либо самостоятельность детей за пределами семейной фирмы³⁹.

Купчиха 1-й гил. вдова Афимья Терентьевна Белова имела шерстоткацкую фабрику, основанную в 1814 г. В семье 70-летней Афимьи в 1868 г. числились два сына — 41-летний Яков и Василий годом моложе. На фабрике работал 371 чел. (86% — мужчины). Продукция продавалась в собственной лавке в Китай-городе и на Нижегородской ярмарке. В 1865 г. Белова решила установить паровой двигатель в 15 сил и два паровых котла, а также свисток для сигнала о начале и окончании работ. И это породило конфликт с соседями, которые написали в ноябре 1865 г. коллективную жалобу, один экземпляр отдав в местное отделение полиции и второй экземпляр — в канцелярию московского генерал-губернатора.

Соседи выступили против новшеств на фабрике Беловой, приводя три основных аргумента: во-первых, «от свистка могут пугаться лошади и производить происшествия [на]против наших домов» (дома Беловой и соседней стояли на бойкой Семеновской улице, по которой шел проезд к станции железной дороги); во-вторых, «громкость от машин и свистка может иметь влияние на испуг малолетних детей во время сна»; в-третьих, от паровой машины может случиться пожар. Заключение жалобы, подписанной купцами Орловым, Ждановым, Беляковым, крестьянином Глазковым, мещанкой Гольшевой, гласило: «к устройству купчихою Беловою машины со свистком согласия изъявить не желаем».

По письму соседней квартальной полицейский надзиратель после освидетельствования фабрики доложил начальству, что трехэтажный каменный фабричный корпус находится посередине владения Беловой (в 94 м от Семеновской улицы и в 74 м от владения купца

Орлова, и что ближайшие соседи Забродины, чье владение стоит в 11 м от фабрики и Красиковы — в 32 м от фабрики, письмо не подписывали), а для парового двигателя рядом с корпусом сделана каменная пристройка, следовательно, опасность пожара не угрожает. К тому же, уже имеющиеся на многих московских фабриках свистки и колокола для призыва и роспуска рабочих на работу, не пугают лошадей, а тем более не причиняют беспокойства соседям. После полицейского осмотра фабрика также была освидетельствована членом городского архитектурного надзора инженером Дрозжиным, который после экспертизы заявил, что нарушений на фабрике Беловой при установке парового двигателя и 50 механических станков не обнаружено. В декабре того же 1865 г. Акимья Белова получила сертификат, что ей разрешена установка нового оборудования⁴⁰.

Приведенный случай свидетельствует о наличии жесткой регламентации, существовавшей в Москве, относительно механизации предприятий, а также противопожарных мер, увеличения или уменьшения количества рабочих, утилизации отходов (запрет слива в реки, требование очистки), применения дров в качестве топлива (была запрещена вырубка леса в пределах 200 км от Москвы, рекомендовалось применение торфа). Купчиха Белова все эти требования выполнила. Пример Акимьи Беловой демонстрирует, что предпринимательницам приходилось решать не только вопросы финансирования и реорганизации производственного процесса, но и преодолевать сопротивление соседей-домовладельцев.

6. Женщины-предприниматели в торговле: специализация и создание низовых торговых сетей в розничной торговле

Далее рассмотрим сферу торговли, в которой была занята бóльшая часть женщин-предпринимательниц, в том числе, в Петербурге 386 чел. (77% всех женщин-предпринимательниц), в Москве — 381 чел. (65% всех женщин-предпринимательниц). Подробные данные о специализации торговли (1-я и 2-я гильдии подсчитаны вместе) представлены в таблице 5.

Сопоставление цифр по обеим столицам дает близкие значения только в таких сегментах, как торговля продуктами питания и табаком — 24—25%, сфера услуг (ресторации, гостиницы, бани, пассажирские перевозки) — 15—17%. В Петербурге женщины играли существенную роль среди владельцев предприятий питания — 42 предпринимательницы держали рестораны, кафе, кондитерские, кухмистерские, харчевни и прочие заведения. В Москве этим видом

Специализация владельцев торговых заведений Петербурга и Москвы (1869)

Вид торговли	Специализация владельцев торговых предприятий С.-Петербурга (чел.)	В % от общего количества торговых предприятий	Специализация владельцев торговых предприятий Москвы (чел.)	В % от общего количества торговых предприятий
Продукты питания и табак	95	24,6	96	25,2
Сфера услуг (ресторации, гостиницы, бани, пассажирские перевозки)	66	17,1	58	15,2
Одежда, обувь, головные уборы	62	16,1	28	7,3
Портновские, скорняжные, обувные мастерские	-	-	4	1,05
Текстиль	20	5,2	58	15,2
Мена и ссуда денег	20	5,2	5	1,3
Транспорт (судоходная компания — пассажирские и грузовые перевозки)	-	-	1	0,3
Металлы и изделия из них	14	3,6	17	4,5
Химикалии и косметика	13	3,4	8	2,1
Строительные материалы	12	3,1	22	5,8
Галантерея	11	2,8	18	4,7
Посуда	8	2,1	4	1,05
Снаряжение для езды на лошадях (упряжь, повозки, колеса)	5	1,3	6	1,6
Строительные подряды	6	1,6	5	1,3
Прочее	58	15,0	51	13,4
ВСЕГО владельцев торговых заведений	386	100%	381	100%
Не указано или торговля не производится	90		113	
Сдача в аренду торговых и фабричных помещений			5	
Банкирская контора			1	
ИТОГО	476		500	

услуг занимались 32 чел. Зато москвички были более активны как содержатели гостиниц — 19 чел., в Петербурге только 13.

Важен вопрос о том, существовали ли в торговле так называемые «феминизированные сегменты» (feminized segments) как сфера повышенной компетенции женщин? Не очень точный, хотя вполне репрезентативный ответ на этот вопрос можно дать, сравнив данные о структуре женской торговли в Петербурге в 1869 г. с данными 1863 г. о торговле в Петербурге вообще из «Памятной книжки Санкт-Петербургской губернии». В 1863 г. в Петербурге имелось 7041 торговое заведение, в числе которых доминировали продажа еды и табака — 40,8% и сфера услуг (ресторации, гостиницы, бани, извоз) — 33,5%. В этих сегментах торговли, несмотря на большое участие женщин, лидировали мужчины-владельцы. Однако к «феминизированным сегментам» можно причислить следующие: торговлю одеждой и обувью (доля таких магазинов, принадлежащим владельцам обоих полов была 6,2%, а среди принадлежащих женщинам — 16,1%), торговлю текстилем (соответственно 1,6% и 5,2%), галантереей (0,8% и 2,8%), посудой (0,4% и 2,1%), металлами (0,9% и 3,6%), строительными материалами (1,5% и 3,1%), мену денег (0,3% и 5,2%)⁴¹.

Различия в структуре потребления в Петербурге и Москве видны в сегменте одежды и обуви. В Петербурге была существенно развита торговля готовой одеждой (62 предприятия), тканями же торговали только 20 магазинов. В Москве ситуация была обратной — готовой одеждой и обувью торговали только 28 заведений, тканями — 58 заведений, имелось четыре мастерские по пошиву одежды и обуви (не считая частных мастеров). Несмотря на то, что в Москве имелось 22 магазина «мод из Европы», продолжало доминировать домашнее изготовление одежды и обуви, переход к массовому потреблению был более медленным, чем в европеизированном по стилю жизни Петербурге. Особым видом услуг, характерным для столичного Петербурга был пошив штатских и военных мундиров, так называемое «изготовление офицерских вещей», для их продажи имелось 8 специальных магазинов.

Оценивая торговлю Петербурга и Москвы, можно сделать вывод о том, что очагами европейского опыта в торговле женщин-предпринимательниц были, прежде всего, магазины, находившиеся в сегменте роскоши или тяготевшие к нему. Среди 28 ритейлеров-женщин, которые содержали в Петербурге модные магазины, торговавшие готовой одеждой из Европы, 75% были иностранками — 13 французженками, 5 немками, 1 бельгийкой, 1 англичанкой, 1 итальянкой, и только 7 — русскими. Владелицы-иностранки ценились за «знание модных тенденций из первоисточника». В Москве среди владелиц

22 «модных магазинов» — 3 француженки, 3 немки, 1 бельгийка. Почти все иностранки, занимавшиеся продажей одежды и обуви, оставались в подданстве своих стран — в Россию они приезжали в расчете заработать за несколько лет капитал, который дал бы возможность лицам старшего возраста вести вполне обеспеченную жизнь в старости, а более молодым женщинам — начать собственный бизнес по возвращении на родину.

К примеру, в Москве с 1867 по 1876 г. торговала «модным товаром» «гамбургская гражданка» 55-летняя Луиза Беккер (Luise Becker), ее магазин находился в центре Москвы на Тверской улице, где за день проходили десятки и сотни потенциальных покупателей «с деньгами»⁴². Луиза прибыла в Москву вместе с мужем Александром-Фридрихом (Alexander-Friedrich Becker), который был купцом 3-й гил., принявшим российское подданство⁴³. Луиза же осталась в гамбургском подданстве, и после смерти мужа в 1868 г., она, не имея детей, продолжала зарабатывать деньги в Москве, чтобы позже вернуться в Германию и на накопления спокойно прожить остаток жизни. Другая судьба была у Софьи-Эрнестины Миллер (Sophia-Ernestina Miller). В 1848 г. в 29-летнем возрасте она приехала в Москву из Мекленбург-Шверина и торговала «дамскими нарядами» на Лубянке, в центральном районе Москвы. Семьи у Софьи-Эрнестины не было, и главной целью было накопление первичного капитала⁴⁴.

Обращает на себя внимание активность петербургских предпринимательниц-итальянок (итальянских подданных) в сфере общественного питания: Елена Мардонини (Elena Mardonini) содержала кондитерскую, Джакомина Чанни (Gjakomina Canni) — «кафе-ресторан», Амалия Пиатцо (Amalia Piazzo) имела «кафе-ресторан» в Летнем саду — любимом месте прогулок петербургской аристократии.

Среди русских предпринимательниц одной из стратегий выживания бизнеса было создание низовых торговых сетей в розничной торговле. Если дела в первом заведенном магазине шли удачно, то предпринимательница, приобретя опыт торговли, заводила второй магазин и далее. Анализ данных «Справочных книг» показал, что в Петербурге от 20 до 30% предпринимательниц в сфере торговли имели по два и более торговых предприятия.

К примеру, 70-летняя Татьяна Екимовна Ершова через семь лет после начала бизнеса имела три «яичных» лавки (вела дела вместе с сыном Дмитрием). Ее однофамилица 29-летняя Любовь Лукинична Ершова состояла в купечестве с 20 лет и была владелицей трех мясных лавок. 53-летняя Анна Глушкова имела четыре лавки по продаже овощей и вина — в одной распоряжалась сама, в остальных приказчицами были сыновья. 67-летняя Анисья Абрамовна Данилова содер-

жала трактир и три «винных погреба» (трактир она получила после смерти мужа, а погреба завела сама в течение 27 лет самостоятельного предпринимательства, причем доходы позволили ей за годы вдовства купить каменный дом, в котором она жила с двумя сыновьями). 60-летняя Таисия Константиновна Звездина, рыбинская купчиха, имела три шубных лавки в Александровской линии (одну в собственном помещении и две в арендованных). Абсолютной рекордсменкой была 47-летняя Матрена Панфиловна Ильина, содержавшая семь мелочных лавок в центре города, в том числе одну на Невском проспекте. В 1869 г. Матрене было 47 лет, она имела двух сыновей — 24 и 22 лет. Лавки были унаследованы ею после смерти мужа в 1865 г.⁴⁵

Еще одно различие заключалось в социальном составе предпринимательниц двух столиц. Если в Москве преобладали представители купеческих династий, то в «чиновном» Петербурге, особенно в 1860-е гг., 8—15% предпринимательниц рекрутировались из некупеческой среды. Это были замужние женщины, как правило, жены военных, средних и мелких чиновников. Они заводили самостоятельный бизнес, дававший дополнительные средства как для поддержания семьи, так и на личные надобности. В 1869 г. среди петербургских купчих 2-й гил., например, были: 23-летняя жена штабс-капитана Ксения Дмитриевна Агафонова, которая содержала магазин посуды; 46-летняя жена подпоручика Юлия Петровна Лейброк, которая владела нотным магазином с литографией; жена надворного советника 38-летняя Агриппина Петровна Андреанова и 29-летняя жена коллежского секретаря София Степановна Гавриленко — обе занимались ссудой денег⁴⁶.

В эту группу петербургских предпринимательниц входили две представительницы элиты. 33-летняя баронесса Мария Антоновна Корф, бравшая с 25-летнего возраста купеческое свидетельство, владела оптовым складом спирта⁴⁷.

Жена генерал-майора 48-летняя Пелагея Михайловна Кованько (1821—1894) брала купеческое свидетельство с 44 лет. Она владела в партнерстве с купцом Варгуниным химическим заводом близ Петербурга, а также единолично стекольным заводом, существовавшим с 1820-х гг. в находившемся в Петербургской губ. В имении Розальвино, доставшемся мужу Пелагеи от родителей. Муж Пелагеи — Алексей Иванович Кованько (1808—1870) — был видным горным инженером, членом Горно-Ученого совета Министерства финансов, дослужился до чина генерал-майора по горному ведомству. Пелагея происходила из военной среды, была дочерью полковника М.П. Басова⁴⁸.

Среди множества примеров находим весьма забавный случай: вдова полковника София Васильевна Охотникова, которой на момент

смерти супруга было 38 лет, вложила деньги в устройство так называемых «семейных бань» — одно отделение было заведено в собственном доме владелицы, для другого арендовано помещение. Баними руководили нанятые управляющие, а сама Софья уехала в Париж, где благополучно жила на получаемые доходы (с 1866 г. и, по крайней мере, до 1869 г.)⁴⁹.

В Москве доля предпринимательниц — замужних женщин купеческого происхождения была меньше, составляя около 5—7%. Наиболее яркими среди персон этой группы были: жена цензора Московского почтамта, статского советника Антона Дислена — Анна Дислен, владевшая «апшретурным заведением» (1868 — 52 рабочих); жена «домашнего учителя» Франциска Степановна Свидерская, владевшая табачной фабрикой в Кривоколенном пер.; жена зубного врача Елизавета Саватеева, имевшая магазин по продаже чая и колониальных товаров; жена артиста Санкт-Петербургских императорских театров Мария Ермакова, имевшая магазин готовой одежды⁵⁰. По возрасту, эти четыре предпринимательницы входили в активную среднюю группу, им было соответственно 50, 40, 30, 42 года.

Приведенные примеры свидетельствуют, по крайней мере, о двух тенденциях. Во-первых, в предпринимательскую среду рекрутируются персоны не только из купеческой и крестьянской страт, что наблюдалось в течение всей первой половины XIX в., но также из среды чиновничества и отчасти служилого (а не поместного, как в первой половине XIX в.) дворянства. Во-вторых, эти изменения свидетельствуют о постепенной эволюции оценки престижности занятия предпринимательством.

Купечество в театральных пьесах и в прессе подвергалось ироническим насмешкам, но в то же самое время, всё чаще лица из «образованной публики» занимались бизнесом с целью получения дополнительных (а чаще, основных) средств к существованию. Формирование в 1860-е гг. в столицах более сложной структуры занятости женщин-предпринимательниц свидетельствовало о развитии рыночных отношений, сопровождавшемся диффузией социального состава предпринимателей, в том числе, женщин.

7. Выводы

В 1860-е гг. отмечалось повышение деловой активности женщин. В это время число компаний, принадлежавших женщинам-предпринимателям, достигло высокого уровня, который затем сохранялся до начала 1890-х гг.

Привлечение в качестве источника купеческих «Справочных книг» по Москве и Петербургу за 1869 г. позволило анализировать агрегированные просопографические данные и экономические параметры на 1084 персоны. Группа женщин-предпринимателей Петербурга (N — 501, или 13% от всех купцов) была полиэтнична (81% русских, остальные иностранки), средний возраст составлял 47,7 лет, активно действовала в торговле (заняты 77%), чем в промышленности (заняты 5%). Московские предпринимательницы (N — 583, или 11,6%) на 91% были русскими, средний возраст составил 54,4 г., в торговле участвовали 65%, в промышленности 14%.

Это различие объяснялось существованием в Москве купеческого ядра, состоящего из нескольких десятков династий, насчитывавших три-четыре поколения и успешно оперировавших, главным образом, в текстильной и кожевенной отраслях. Активное использование этой традиционной схемы свидетельствовало о консервации черт патриархального (в данном случае, «матриархального») семейного уклада в определенном сегменте предпринимательской среды, что часто встречалось в Москве. В старокупеческих семьях мать могла до самой смерти оставаться главой дела и брать свидетельство на свое имя.

В Петербурге же выше была доля предпринимательниц, самостоятельно устроивших дело и находившихся в активном среднем возрасте. В Петербурге женщины владели в основном мелкими и средними предприятиями, часто с небольшим сроком существования, что свидетельствовало об отсутствии защитных механизмов в виде семейных капиталов.

По специализации торговли ситуация в Петербурге и в Москве была сходной в основных сегментах продаж — четверть торгующих женщин занималась торговлей едой и табаком, 15–17% оперировало в сфере услуг (гостиницы, рестораны, бани, извоз). Очевидно, что на организационные принципы и стиль торговли в Петербурге сильно влияло местное сообщество купцов-иностранцев, что, к примеру, выразилось в предпочтении потребителей к покупке готовой одежды в Петербурге, а не тканей для последующего индивидуального пошива (как в Москве). Одной из стратегий выживания бизнеса было создание низовых торговых сетей в розничной торговле — согласно «Справочным книгам», в Петербурге от 20 до 30% предпринимательниц имели по два и более торговых предприятия.

В эти десятилетия создание благоприятного правового климата дало толчок интеграции женщин в предпринимательское сообщество. Занятие бизнесом стало привлекать не только купчих, которым законом 1857 г. разрешалось вести отдельную от мужа торговлю, но

также представительниц некупеческой среды, в частности, офицерской и чиновничьей страт.

Реконструируя семейные истории, мы находим разные варианты стратегии стабилизации семейного бизнеса. Как и в 1830—1840-е гг. наиболее распространенной и устойчивой конструкцией семейной фирмы было партнерство матери и взрослых сыновей, которые были объединены общим семейным капиталом, общим производством и общим домохозяйством. Ряд случаев, представленных в статье, ясно демонстрирует, что владелицы фабрик вопреки гендерным стереотипам, обусловливаемого широким применением рядом историков, занимающихся историей женщин, теории «разделенных сфер», были опытными менеджерами, осуществляя твердый ежедневный контроль над своими предприятиями и принимая решения или независимо, или в сотрудничестве с взрослыми сыновьями.

1860-е годы вывели на арену ряд ярких фигур женского предпринимательства, фабриканток, входивших в элиту бизнеса, таких, как княгиня Н.А. Стенбок-Фермор, дворянка Д. Берд и купчиха А.В. Растеряева в Петербурге, купчихи Е.С. Быковская и А.Т. Белова в Москве. Как правило, успешность их бизнеса определялась, прежде всего, авторитарным стилем руководства владелицы, занимавшей высшую позицию в семейной иерархии, а также включенностью в систему общественных связей внутри предпринимательского сообщества.

Библиография

- Barker H. *The Business of Women. Female Enterprise and Urban Development in Northern England, 1760—1830*. New York, 2006.
- Rennison R.W., Cox T. *Biographical Dictionary of Civil Engineers in Great Britain and Ireland. Vol. 1*. London, 2002.
- Барышников М.Н., Османов А.И. *Петербургские предприниматели во второй половине XIX — начале XX вв.* СПб., 2002.
- Вишняков-Вишневецкий К.К. *Иностранцы в структуре петербургского предпринимательства. (1860-е — 1914 гг.)*. Автореф. дис. ... доктора ист. наук. СПб., 2005.
- Гаврилова И.Н. *Демографическая история Москвы*. М., 1997.
- Журавлев А.А. *Санкт-Петербургское купечество в конце XIX — начале XX в.* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004.
- Котлер И.Б. «Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества» как источник этнической антропоники Петербурга // *Этнические группы в городах Европейской части СССР*. М., 1987. С. 126—135.
- Краско А.В. *Елисеевы*. СПб., 1998.
- Михайлов Н.В. *Лахта: пять веков истории. 1500—2000*. Ист. очерк. М., 2001.
- Османов А.И. *Петербургское купечество в последней четверти XVIII — начале XX века*. СПб., 2005.
- Рудюк Н.В. *Банковские деятели России 1864—1914 гг.: источники и методы изучения биографических данных*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2005.
- Смурова О.В. *Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на эволюцию образа жизни города и деревни в 1861—1914 гг. (на материалах Санкт-*

Петербурга, Москвы, Костромской, Тверской и Ярославской губерний). Автореф. дис. ... доктора ист. наук. СПб., 2006.

Смурова О.В. Справочные книги о лицах, выбиравших купеческие и промышленные свидетельства как источник изучения отхода кустарничей на заработки в Санкт-Петербург (пореформенный период) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. № 1. С. 327—328.

Ульянова Г.Н. Женщины — владелицы промышленных предприятий Москвы в XIX в. // Экономическая история: Ежегодник. 2007. М., 2008. С. 32—58.

Шацилло М.К. «Справочные книги о лицах, получивших купеческие и промышленные свидетельства». (Методика обработки) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. С. 206—215.

Шацилло М.К. Социальный состав буржуазии в России в конце XIX века. М., 2004.

Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX — нач. XX в.: Статистический анализ. Л., 1984.

Примечания

¹ Статистические таблицы Российской Империи за 1856 год, составленные и изданные по распоряжению министра внутренних дел статистическим отделом Центрального статистического комитета. СПб., 1858. С. 275.

² Подсчитано по изд.: Сведения о фабриках и заводах, действовавших в 1864 году. СПб., 1866. С. 20, 25—26, 29—30.

³ Статистический временник Российской империи. СПб., 1866. С. 64—71.

⁴ При взятии свидетельств предприниматели руководствовались новым, принятым 1 января 1863 г. «Положением о пошлинах за право торговли и промыслов», по которому разделение на три гильдии было заменено разделением на две гильдии. По этому законоположению купцы 1-й гильдии, платившие сбор в размере 265 руб. в год, получали следующие права: а) производить оптовую и розничную торговлю по всей Империи русскими и иностранными товарами, для чего содержать амбары, лавки, магазины без ограничения их числа (за каждую лавку доплачивался так называемый билетный сбор в размере 30 руб.); б) принимать подряды; в) содержать фабрики и другие промышленные заведения. Купцы 2-й гильдии, платившие сбор в размере от 25 до 65 руб. (в зависимости от величины города, где они вели операции) получали те же права, что и первогильдейцы, но с ограничением места торговли (тем городом или уездом, где бралось свидетельство), суммой подрядов не более 15 тыс. руб. За каждую лавку купцы 2-й гильдии доплачивали от 5 до 20 рублей. См.: ПСЗ II. Т. XXXVIII. № 39118.

⁵ Статистический временник Российской империи. СПб., 1866. С. 182—183.

⁶ Справочная книга о лицах, получивших на (...) год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., (1867—1917). Справочная книга о лицах, получивших на (...) год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб., (1865—1917). Названия за разные годы слегка варьировались.

⁷ Шацилло М.К. «Справочные книги о лицах, получивших купеческие и промышленные свидетельства». (Методика обработки) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. С. 206—215; Его же. Социальный состав буржуазии в России в конце XIX века. М., 2004.

⁸ См.: Ульянова Г.Н. Женщины — владелицы промышленных предприятий Москвы в XIX в. // Экономическая история: Ежегодник. 2007. М., 2008. С. 32—58.

⁹ Рудюк Н.В. Банковская деятельность России. 1864—1914 гг.: источники и методы изучения биографических данных. Автореф. дис. ... учен. степ. канд. ист. наук. Москва, 2005.

¹⁰ Барышников М.Н., Османов А.И. Петербургские предприниматели во второй половине XIX — начале XX вв. СПб., 2002; Османов А.И. Петербургское купечество в последней четверти XVIII — начале XX века. СПб., 2005; Журавлев А.А. Санкт-Петербургское купечество в конце XIX — начале XX в. Автореф. дис. ... учен. степ. канд. ист. наук. СПб., 2004.

- ¹¹ Вишняков-Вишневецкий К.К. Иностранцы в структуре петербургского предпринимательства. (1860-е— 1914 гг.). Автореф. дис. ... учен. степ. доктора ист. наук. СПб., 2005.
- ¹² Смурова О.В. Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на эволюцию образа жизни города и деревни в 1861—1914 гг. (на материалах Санкт-Петербурга, Москвы, Костромской, Тверской и Ярославской губерний). Автореф. дис. ... доктора ист. наук. СПб., 2006.
- ¹³ Смурова О.В. Справочные книги о лицах, выбиравших купеческие и промысловые свидетельства как источник изучения отхода костромичей на заработки в Санкт-Петербург (пореформенный период) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. № 1. С. 327—328.
- ¹⁴ Котлер И.Б. «Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества» как источник этнической антропоники Петербурга // Этнические группы в городах Европейской части СССР. М., 1987. С. 126—135.
- ¹⁵ См.: Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX — нач. XX в.: Статистический анализ. Л., 1984. С. 28—32.
- ¹⁶ См.: Гаврилова И.Н. Демографическая история Москвы. М., 1997. С. 277.
- ¹⁷ Здесь и далее подсчитано по изд.: Справочная книга о лицах, получивших на 1869 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям по г. Москве. М., 1869 (далее — Справочная книга. М., 1869); Статистический временник Российской империи. Серия II. Вып. 6. СПб., 1872; Московский Некрополь. Т. 1—3. СПб., 1907—1908.
- ¹⁸ В 1868 г. в Москве было 516 заводов (оснащенных 183 паровыми машинами в 2404 силы), их сумма производства 46,7 млн руб., работало 817 мастеров (802 мужчины, 15 женщин) и 59 291 рабочий (47 012 мужчин, 12 279 женщин). См.: Статистический временник Российской империи. Серия II. Вып. 6. СПб., 1872. С. 392—393.
- ¹⁹ Справочная книга о лицах, получивших на 1869 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб., 1869. (Далее — Справочная книга. СПб., 1869). С. 45.
- ²⁰ Справочная книга. М., 1869. С. 529; Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга. СПб., 1867—68. С. 397; Петербургский Некрополь. Т. III. СПб., 1912. С. 548.
- ²¹ Статистические сведения о фабриках и заводах в Санкт-Петербурге за 1862 год. (Издание С.-Петербургского статистического комитета). СПб., 1863. С. 10, 15, 19.
- ²² Специализация в области металлических изделий была связана с тем, что муж Растеряевой был в числе учредителей и крупных акционеров основанного в 1857 г. акционерного общества «Компания Санкт-Петербургского Металлического завода», но о переходе его акций к вдове документы пока не обнаружены.
- ²³ Указатель V Московской выставки русских мануфактурных произведений. 1865. М., 1865. С. 158—159.
- ²⁴ См.: Весь Петербург на 1902 г. СПб., 1902. С. 977, 45, 72, 250; Краско А.В. Елисейевы. СПб., 1998. С. 20; Табельная книга недвижимых имуществ г. Санкт-Петербурга. СПб., 1900. (Литейная часть. С. 25; Спасская часть. С. 176, 141).
- ²⁵ Справочная книга. СПб., 1869. С. 24.
- ²⁶ Справочная книга. СПб., 1867. С. 139; Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга. СПб., 1867—68. С. 184.
- ²⁷ Справочная книга. СПб., 1869. С. 6.
- ²⁸ Свекор Доротеи изобретатель Чарльз Берд (Charles Baird) в возрасте 19 лет был приглашен в Россию для организации оружейного завода в Петрозаводске. Затем он переехал в Петербург, где в 1792 г. устроил собственный бизнес — изготавливал паровые машины и железные мосты. См.: Rennison R.W. Cox T. Biographical Dictionary of Civil Engineers in Great Britain and Ireland. Vol. 1. London, 2002; Baird Ch. Memoir of the late Charles Baird, esq., of St Petersburg, and of his son, the late Francis Baird, esq., of St. Petersburg and 4, Queens Gate, London. London, 1867.
- ²⁹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 277 (Мануфактур-коллегия). Оп. 16. Д. 46. Л. 103.
- ³⁰ Статистические сведения о фабриках и заводах в Санкт-Петербурге за 1862 год. С. 7; Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1881. С. 357, 367.

- ³¹ У родителей Надежды было девять детей, из которых 5 умерли в младенчестве и 2 в юности. Отца пережили только двое: камергер, статский советник Иван (1804—1882, в возрасте 25 лет переселился в Париж, в Россию приезжал редко) и Надежда (1815—1897), унаследовавшие всё имущество после смерти отца в 1849. В 1835 г. Н.А. Яковлева вышла замуж за поручика лейб-гвардии Конного полка Александра Стенбок-Фермора — потомка шведского генерала, графа Стенбока. Свёкор Надежды Иоганн Магнус Стенбок в 1825 г. за пресечением рода Ферморов получил разрешение взять фамилию матери Сары Фермор (Sarah Eleonora Fairmore) — единственной дочери российского полководца, англичанина генерал-аншефа Уильяма Фермора (William W. Fairmore). См.: Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. 2. СПб., 1895. С. 453—458; Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 522. Кстати, графиня Сарра Виллимовна Стенбок (в документах также Стейнбок), в 1795 г. числилась владелицей винокуренного завода в Новоладогском у. Петербургской губ. (в год выкуривалось 750 ведер вина). См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 111. Д. 59173. Л. 4 об.—5.
- ³² Справочная книга. СПб., 1869. С. 50.
- ³³ Подсчитано мною по изд.: Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия. СПб., 1871. С. 290, 298, 304, 306.
- ³⁴ Табельная книга недвижимых имуществ г. Санкт-Петербурга. СПб., 1900. (Спаская часть. С. 3).
- ³⁵ Завещание Н.А. Стенбок-Фермор было найдено в РГИА и затем опубликовано Н. Михайловым. См.: Михайлов Н.В. Лахта: пять веков истории. 1500—2000. Ист. очерк. М., 2001. С. 47.
- ³⁶ Справочная книга. СПб., 1869. С. 5—54.
- ³⁷ Центральный государственный архив г. Москвы (далее — ЦГА г. Москвы). Ф. 14. Оп. 9. Д. 6675. Л. 97.
- ³⁸ Московский Некрополь. СПб., 1907. Т. I. С. 161; Справочная книга. М., 1869. С. 23; Справочная книга. М., 1872. С. 14; ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 9. Д. 6675. Л. 97.
- ³⁹ Подобная ситуация представлена как достаточно распространенная в книге британской исследовательницы Ханни Баркер. См.: Barker H. The Business of Women. Female Enterprise and Urban Development in Northern England, 1760—1830. New York, 2006. P. 134—66 (chapter 'Family, Property and Power').
- ⁴⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 24. Д. 488. Л. 86—91.
- ⁴¹ Подсчитано по изд.: Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1864 год. СПб., 1864. С. 292—299.
- ⁴² ЦГА г. Москвы. Ф. 3. Оп. 2. Д. 261. Л. 17.
- ⁴³ Материалы для истории московского купечества. Ревизские сказки. Сказки 10-й ревизии. Т. IX. М., 1889. С. 156.
- ⁴⁴ Справочная книга. М., 1869. С. 438.
- ⁴⁵ Справочная книга. СПб., 1869. С. 128, 143, 159, 180.
- ⁴⁶ Там же. С. 64, 229, 119, 69.
- ⁴⁷ Там же. С. 29.
- ⁴⁸ Там же. С. 196; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1870 г. В 2-х тт. Т. 1. СПб., 1870. С. 536; Петербургский некрополь. В 4-х тт. Т. 2. СПб., 1912. С. 413—414; Приложения к трудам Редакционных комиссий. В 6-ти тт. Т. 3. СПб., 1860. Санкт-Петербургская губерния. С. 2—3.
- ⁴⁹ Справочная книга. СПб., 1869. С. 285.
- ⁵⁰ Справочная книга. М., 1869. С. 284, 545, 557.

Земля и подать в пореформенной России: зависели ли платежи и недоимки от площади крестьянских наделов?*

Аннотация. Как известно, один из главных постулатов традиционной негативистской историографии развития российской деревни после 1861 г. состоит в том, что постоянно растущие крестьянские недоимки являются едва ли не важнейшим свидетельством бедственного положения крестьянства, прямо вытекающим из малоземелья. Настоящая статья — попытка выяснить, насколько связаны размеры крестьянских наделов и крестьянские неплатежи. Налоговая статистика показывает, что примерно 95% недоимок крестьян 50-ти губерний Европейской России концентрировались в 18-ти губерниях с наиболее сильным общинным режимом. Поуездный анализ землеобеспечения крестьян в этих губерниях и их платежей приводит к выводу о том, что связь между величиной наделов и задолженностью крестьян отсутствует. Следовательно, причины появления и накопления недоимок нужно искать в других факторах — прежде всего в несовершенстве созданной в 1861 г. податной системы, основанной на круговой поруке.

Ключевые слова: крестьянская реформа 1861 г., система крестьянского самоуправления, круговая порука, площадь наделов, недоимки, малоземелье, абсолютизация внешних факторов развития крестьянского хозяйства, натурально-хозяйственная концепция развития сельского хозяйства, аграрные программы начала XX в.

Сложный комплекс проблем, связанный с крестьянскими платежами и, соответственно, с недоимками по-прежнему относится к числу недостаточно изученных.

За последние сто лет историографическая ситуация, по сути, не слишком изменилась — постоянно растущие недоимки по государственным окладным сборам и выкупным платежам считаются едва ли не важнейшим свидетельством бедственного положения пореформенного крестьянства России, вытекающим из «малоземелья» (аграрного перенаселения)¹.

Мой тезис таков — данный постулат неверен, а обычная трактовка этой темы намеренно искажает суть вещей.

Традиционно считается, что российское крестьянство платило слишком большие прямые налоги и выкупные платежи, и это се-

* Михаил Абрамович Давыдов — доктор исторических наук (Институт экономики РАН).

** В данной статье я рассматриваю только урожайную статистику ЦСК МВД.

резно ухудшало его материальное положение, в доказательство чего обычно приводятся два аргумента. Первый — это постоянный рост крестьянских недоимок, второй — так называемые вынужденные осенние продажи хлеба.

Между тем, как известно, после 1855 г. в налоговой стратегии правительства происходят важные изменения. Значительно упало значение прямых налогов в бюджете вообще, центр тяжести был перенесен на косвенное налогообложение, усилилось обложение имущих классов и др. Александр II ликвидировал соляной налог, Александр III в 1880-х гг. уменьшил выкупные платежи, а затем отменил подушную подать. Все это в совокупности резко уменьшило крестьянские платежи². Кроме того, по манифестам 1880 и 1883 г. с крестьян было сложено 47 млн. руб. недоимок³.

Однако крестьянская задолженность продолжала расти, и оппозиция настаивала на том, что это происходит от чрезмерной налоговой тягости, лежащей на крестьянстве. Сетования на «непосильные платежи», как и на «постоянные голодовки», были неотъемлемым атрибутом картины народных страданий, созданной оппозиционной литературой. При этом всем известные тогда факты уменьшения правительством налогового бремени, лежащего на населении, получали предвзятую интерпретацию, сознательно преуменьшались или просто игнорировались.

Показательна в этом смысле известная статья о налогах, помещенная в словаре «Россия» Брокгауза и Эфрона, — типичная для того времени вариация на тему вины правительства за народные страдания, а заодно и за его собственное существование. Приведя информацию о росте недоимок, взятую у Н.К. Бржеского, автор резюмирует: «Противоречие, существующее между платежной способностью крестьян и высотой обложения, выражается в постоянном росте недоимок... Итак, несмотря на понижение оклада, недоимки постоянно увеличиваются и абсолютно и относительно, особенно за последнее десятилетие, что служит ясным доказательством непосильности для населения лежащего на нем податного бремени. Особенно сильное влияние на рост недоимок оказал голодный 1891-й г. в пострадавших губерниях... В 1897 г. сумма недоимок составила 105,2 млн. руб., т.е. достигла 108% оклада»⁴.

Между тем причины парадоксальной ситуации, когда, несмотря на крупное уменьшение налогового бремени и невзирая на экономическую конъюнктуру, недоимки продолжали расти, причем, **чем меньше становился размер платежей, тем хуже шло их поступление** в казну, лежали в совершенно иной плоскости.

Сделать такое заключение оказалось возможным благодаря обращению к податной статистике.

В таблице 1 содержатся данные о величине всех окладных сборов, в том числе и выкупных платежей, составлявших свыше 80% окладных сборов, а также недоимок по ним с распределением по категориям крестьян на 1 января 1898 г. в 18-ти наиболее задолженных губерниях Европейской России.

«Персонификация» задолженности сразу делает изучаемую картину намного более ясной и убедительной, нежели абстрактные разговоры о 105 млн. руб. крестьянских долгов. Недоимки, как показывает таблица 1, по территории страны распределяются отнюдь не равномерно.

Шесть губерний — Казанская, Самарская, Воронежская, Нижегородская, Орловская и Тамбовская, которые должны были платить 20,2% всех окладных сборов и 21,7% всех выкупных платежей 50-ти губерний Европейской России в 1897 г., сосредоточили соответственно 50,6% и 51,2% недоимок по ним (53,7 и 53,1 млн. руб.).

Всего же 18 губерний с задолженностью свыше 1 млн. руб., на которые падало 49,3% всех окладных платежей и 51,3% выкупных платежей, сконцентрировали 93,9% и 95,1% недоимок по ним — 99645 тыс. руб. и 98654 тыс. руб. соответственно.

Из этого следует, прежде всего, что к остальным 32-м губерниям сказанные слова о «непосильности» податного бремени прямого отношения не имеют, что важно само по себе, поскольку вековая тональность изложения этих сюжетов в литературе такова, что читатель поневоле убежден в том, что недоимки — общероссийский феномен⁵.

Данная картина верна не только для 1897 г. Аналогичные таблицы я построил и каждого из 1897—1901 гг., но здесь нет смысла их приводить. Оклады выкупных платежей почти не меняются, варьируется размер недоимок в тех же самых губерниях; иногда их список дополняется Вятской и Херсонской губерниями.

Данные таблицы 1 еще интереснее, чем может показаться на первый взгляд, поскольку и они сразу выводят среди наиболее актуальных проблем эпохи.

Чрезвычайно характерно, что 16 из 18-ти перечисленных в таблице губерний (исключая Московскую и Харьковскую) одновременно были главными адресатами правительственной продовольственной помощи, получив, согласно А.С. Ермолову, за 1891—1908 гг. 430,3 млн. руб., т.е. 88,1% соответствующих ассигнований⁶. При этом, несмотря на регулярные и щедрые списания долгов, на эти же 16 губерний падало 80,3% (167,0 млн. руб.) из задолженности населения в продовольственные капиталы на 1 января 1912 г., равной 208,1 млн. руб.⁷ В связи с этим А.С. Ермолов писал, что общая сумма долгов и разнообразных пособий, получаемых от правительства,

Губернии с наибольшей величиной недоимок по окладным сборам и выкупным платежам на 1 января 1898 г. (тыс. руб. и %).

Губернии	Окладные сборы				Недоимки				
	Всего окладных платежей	Всего выкупных платежей	Баланс выкупных платежей		По всем окладным платежам	По выкупным платежам	Баланс по выкупным платежам		
			Вышние государственные	Вышние помещичьи			Вышние государственные	Вышние помещичьи	
Казанская	3765	3493	89,8	8,8	12911	12865	87,2	11,9	1
Самарская	3506	3197	77,3	8,4	10728	10662	77,9	10,2	11,8
Воронежская	4960	4587	82,2	17,8	9064	8987	81,2	18,8	0
Нижегородская	2438	2208	32,6	62,6	8214	8158	82,14	63,9	3,3
Орловская	3473	3149	45,7	50,1	6520	6345	56,2	43,3	0,5
Тамбовская	4774	4384	68,1	31,9	6249	6120	63,4	36,6	0
Пензенская	2715	2499	62,1	37,9	5540	5522	59,6	40,4	0
Тульская	2730	2480	23,3	76,7	5361	5307	28,3	71,7	0
Московская	4074	2123	39,2	55,5	4725	4637	29,3	67,1	3,6
Рязанская	3145	2897	44,7	55,3	4637	4595	47,1	52,9	0
Саратовская	3278	3283	67,6	28,4	4619	4547	66,9	28,5	4,6
Симбирская	1987	1770	11,6	43	4092	4081	16,5	48,2	35,3
Оренбургская	885	797	95,1	4,5	3904	3881	93,1	6,3	0,6
Пермская	3283	3118	81	17,4	3713	3691	97,9	2	0,1
Курская	4423	4106	68,6	31,4	3424	3382	82,2	17,8	0
Уфимская	932	797	69	22,7	2848	2831	65,5	32,7	1,8
Харьковская	4419	3666	79,4	20,6	1985	1942	93,9	6,1	0
Псковская	1143	1051	44,5	55,5	1111	1101	35,1	64,9	0
Всего 18 губ. (т.р.)	55930	49605	31237	16462	99645	98654	63053	32024	3577
Всего 18 губ. (%)	100	100	63,0	33,2	93,9	100	63,9	32,5	3,6
Доля 18 губ. (%)	49,3	51,3	59,2	40,2	106133	95,1	96,2	98,2	98,2
Всего 50 губ. (т.р.)	113448	96731	52774	40991	100	103707	65548	34517	3642
Всего 50 губ. (%)	100	100	54,6	42,4	100	100	63,2	33,3	3,5

Источник: Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 102–113, 117. Подсчеты автора

«тем больше, чем богаче и плодороднее почва, которую население возделывает, и обратно. Точно также, на первом плане тут стоят **губернии с общинной формой землевладения**»⁸. Это, во-первых.

Во-вторых, данные таблицы 1 в сопоставлении с таблицей 2, дающей общее представление о погубернских размерах землеобеспечения отдельных категорий крестьян, ясно показывают, на каком эфемерном основании стоит традиционный тезис о малоземелье как решающем факторе развития крестьянского хозяйства. Положим, наличие в списке главных должников губерний ЦЧР и Средневожских можно трактовать как следствие малоземелья, но о каком же малоземелье можно говорить в Самарской, Уфимской или Оренбургской губерниях?

Таблица 2

Средняя величина наделов категорий крестьян в 1905 г.

Губернии	Десятин на двор в среднем			Среднее по губернии
	б.гос.	б.помещ.	б.удел.	
Казанская	9,0	5,8	9,2	8,6
Самарская	22,8	7,0	13,8	18,8
Воронежская	11,1	5,6	12,7	9,6
Нижегородская	9,7	6,3	8,1	7,4
Орловская	8,3	5,9	8,3	7,0
Тамбовская	8,4	5,0	0	7,0
Пензенская	9,4	5,4	7,5	7,5
Тульская	8,7	5,7	6,3	6,3
Московская	9,2	6,8	5,1	7,5
Рязанская	7,7	6,1	0	6,7
Саратовская	12,5	5,3	9,8	9,0
Симбирская	6,5	5,6	7,7	6,8
Оренбургская	24,3	6,6	18,4	20,7
Пермская	18,6	9,1	12,9	15,3
Курская	9,3	4,8	7,3	7,3
Уфимская	14,3	10,2	11,5	12,8
Харьковская	8,5	5,5	0	7,3
Псковская	9,8	8,8	9,2	9,2

Источник: Статистика землевладения в России. СПб., 1905. Воронежская. Вып. 5. С. 52–53; Казанская. Вып. 7. С. 50–51; Курская. Вып. 37. С. 52–53; Московская. Вып. 1. С. 52–53; Нижегородская. Вып. 21. С. 48–49; Орловская. Вып. 24. С. 50–51; Пензенская. Вып. 22. С. 46–47; Пермская. Вып. 40. С. 48–49; Псковская. Вып. 31. С. 44–45; Рязанская. Вып. 4. С. 50–51; Самарская. Вып. 28. С. 46–47; Саратовская. Вып. 2. С. 46–47; Симбирская. Вып. 12. С. 44–45; Тамбовская. Вып. 20. С. 48–49; Тульская. Вып. 32. С. 48–49; Уфимская. Вып. 36. С. 42–43; Харьковская. Вып. 33. С. 48–49;

В-третьих, попутно девальвируется не менее популярный стереотип о прямой связи между размерами наделов и уровнем жизни отдельных категорий крестьянства, пропагандисты которого, как С.А. Нефедов, и сегодня с апломбом невежества считают, исходя из условий освобождения, государственных крестьян благополучными, а помещичьих — бедствующими⁹.

Как известно, в ходе Великой реформы помещичьи крестьяне получили в среднем 3,4 дес. на душу, удельные — 4,9 и государственные — 5,7 дес. на душу.

И что же?

Таблица 1 показывает, что в 11-ти из 18-ти губерний-должниц доля государственных крестьян и в окладе, и в недоимках превышает 60% (в Пензенской — 59,6%). Государственные крестьяне накопили заметно большую долю недоимок в сравнении с окладом в Курской, Орловской, Пермской, Харьковской губерниях, а помещичьи — в Московской и Псковской. В остальных губерниях баланс оклада и баланс недоимок в общем совпадают.

В 2013 г. мной был сделан вывод о том, что неплатежи стали своего рода формой самозащиты крестьян от несправедливой податной системы, основанной на круговой поруке¹⁰. Однако проведенный тогда анализ оставил на периферии вопрос о том, существует ли зависимость между площадью крестьянских наделов и размерами недоимок, хотя, строго говоря, уже данные о средних наделах по губерниям дают в общем виде отрицательный ответ на него.

Тем не менее необходимо (и интересно!) оценить картину на конкретных данных не только губернского, но и уездного уровня. Поэтому в данной статье сопоставляются средние поуездные наделы по разрядам крестьян и общая величина недоимок по окладным сборам по уездам же за 1897 и 1901 гг. (оба года неурожайные) для каждой из 18-ти губерний с наибольшей задолженностью

В подавляющем большинстве случаев свыше 95% недоимок по окладным сборам составляли недоимки по выкупным платежам, поэтому такое сравнение вполне допустимо. То есть, величина последних позволяет весьма точно судить об общей задолженности крестьянства той или иной губернии.

Исходные сведения о числе дворов и площади крестьянского землевладения взяты из «Статистики землевладения», поземельной переписи 1905 г., осуществленной в преддверии аграрной реформы, получившей затем имя Столыпина. Для всех губерний проводилась проверка данных и выявленные опечатки приводятся в примечаниях.

Таблицы 3—20 построены следующим образом. Помимо данных о средней величине наделов на 1 двор по разрядам крестьян и в целом по

уезду, приводятся данные о доле, которую составляют хозяйства менее чем с пятью десятинами на двор (далее такие дворы именовались мало-земельными) в общем числе хозяйств, данные о поуездных окладах в 1897 г. (они практически не менялись) и недоимках в 1897 и 1901 гг., а также — для ориентации — об отношении недоимок к окладу в 1897.

Кроме того, в статье используется выпущенный в 1894 г. Министерством финансов в рамках серии «Материалы для пересмотра узаконений о взимании окладных сборов» весьма интересный труд «Существующий порядок взимания окладных сборов с крестьян. По сведениям, доставленным податными инспекторами за 1887—1893 годы»¹¹ (далее сокращенно: «Сведения инспекторов»).

По распоряжению С.Ю. Витте в мае 1893 г. податным инспекторам 50-ти губерний Европейской России была разослана подробная анкета, призванная внести ясность в установившийся на местах порядок «применения узаконений о взимании окладных сборов с крестьян». Она должна была стать источником для созданного в Министерстве финансов Совещания по пересмотру податного законодательства. Материалы анкеты были обработаны под руководством А.А. Рихтера и опубликованы.

Они, разумеется, близки к ежегодным отчетам податных инспекторов, хранящимся в РГИА (Ф. 573. Оп. 28), богатейшему и мало востребованному пока источнику, который, подобно другим документам такого рода (отчетам агрономов, например), — многое говорит об их авторах и позволяет судить, в частности, о глубине понимания ими проблем российской деревни.

Часть инспекторов отправляла в Петербург типичные отписки — телеграфного стиля тексты, в которых недоимки глобально объяснялись в традиционном народническом ключе — малыми наделами, плохой почвой и пр., а ситуативно — неурожаем, градобитием, пожарами и т.д. Другие подходили к обязанностям творчески и создавали настоящие социально-экономические «новеллы», в которых содержатся иногда очень ценные сведения о самых разных аспектах жизни крестьян.

Подробный анализ «Сведений инспекторов» — дело будущего, однако кое-что мы сможем использовать и сейчас.

Итак, существует ли связь между землеобеспечением крестьян и их задолженностью?

Начнем с лидера, Казанской губернии.

Казанская губерния¹².

В 1897 г. все окладные сборы с губернии равнялись 3765 тыс. руб., оклад выкупных платежей составлял 3493 тыс. руб. (92,8%), 89,8% ко-

торых должны платить государственные крестьяне (эпитет «бывшие» из стилистических соображений в дальнейшем опускаю), 8,8% — помещицы, 1,4% — удельные крестьяне. Надельная земля распределялась между разрядами крестьян в пропорции 89,6% — 8,7% — 1,7%.

Общие недоимки в 1897 г. равны 12911 тыс. руб., а по выкупным платежам — 12865 тыс. руб. (99,6%), которые распределялись между разрядами крестьян примерно в той же пропорции (87,2% — 11,4% — 1,0%).

Обратимся к поездным данным.

Недоимки составляли 342,9% оклада губернии, а по уездам — от 109,3% (Цивильский) до 527,6% (Свияжский); по абсолютной величине — от 211 тыс. руб. (Царевококшайский) до 2375 тыс. руб. (Чистопольский).

То есть в Казанской губернии задолженность велика во всех уездах, но при этом в 4 из 12-ти уездов — Козьмодемьянском, Царевококшайском, Цивильском и Ядринском — она несколько меньше (менее двух годовых окладов); к ним, возможно, следует отнести и Чебоксарский. В семи остальных они колеблются от 1,2 до 2,4 млн. руб. в 1897 г. и от 1,6 до 2,9 млн. руб. в 1901 г., причем в это число входят три из четырех наиболее обеспеченных земель уездов — самый многоземельный Чистопольский, одновременно лидер по сумме долгов (в среднем 10,5 дес. на двор), Мамадыжский (9,9 дес.), Казанский (9,3 дес.).

К самым задолженным относится и Тетюшский уезд с 7,4 дес. на двор, но таков же показатель Цивильского и Чебоксарского уездов (в последнем он даже ниже — 7,0 дес.)

Доля малоземельных дворов в губернии вообще невелика.

Таким образом, данные Казанской губернии говорят об отсутствии зависимости между площадью наделов и величиной недоимок.

Самарская губерния¹³.

В 1897 г. весь оклад губернии равнялся 3506 тыс.руб., оклад выкупных платежей — 3197 тыс. руб. (91,2%), 77,3% которых должны платить государственные крестьяне, 8,4% — помещицы, 14,2% — удельные. Общая площадь надельных земель составляла 5,5 млн. дес., из которых 4,4 млн. дес. (79,9%) обрабатывались государственными крестьянами, 284,1 тыс. дес. (5,2%) помещицами и 824,1 тыс. дес. (15,0%) удельными.

Общие недоимки в 1897 г. равны 10728 тыс. руб., по выкупным платежам — 10662 тыс. руб. (99,4%), которые распределяются между категориями крестьян в пропорции 77,9% — 10,2% — 11,8%.

Сам по себе факт нахождения этой многоземельной губернии на 2-м месте по величине недоимок должен был бы в принципе закон-

Таблица 3
**Землеобеспечение крестьян Казанской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., раз-
 меры оклада
 и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.**

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				1897				1901			
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	Всего	Доля малоземельных хозяйств	оклад	доля уезда	недоимки тыс. руб.	доля уезда	недоимки тыс. руб.	доля уезда	
Казанский	9,5	7,3	10,2	9,3	5,1	481	12,8	1922	14,9	399,6	2273	14,0
Козьмодемьянский	9,0	5,2		8,9	1,7	202	5,4	303	2,3	150,0	399	2,5
Лашевский	9,0	5,5	8,3	7,6	16,7	296	7,9	1329	10,3	449,0	1602	9,9
Мамалыжский	10,0	4,0	6,7	9,9	4	323	8,6	1246	9,7	385,8	1637	10,1
Свияжский	8,1	7,5		7,9	12,1	239	6,3	1261	9,8	527,6	1472	9,1
Спасский	10,0	5,8	10,8	8,6	17,1	306	8,1	1191	9,2	389,2	1642	10,1
Тетюшский	7,6	4,9	8,1	7,4	9,7	337	9,0	1628	12,6	483,1	2099	12,9
Царевококшайский	9,8	7,8	5,6	9,8	1,6	170	4,5	211	1,6	124,1	312	1,9
Цивильский	7,5	2,5		7,4	9,2	323	8,6	353	2,7	109,3	433	2,7
Чебоксарский	7,2	3,0		7,0	16,6	185	4,9	440	3,4	237,8	504	3,1
Чистопольский	11,3	4,9	9,8	10,5	7,1	567	15,1	2375	18,4	418,9	2929	18,0
Ядринский	7,4	4,2		7,3	94,6*	336	8,9	652	5,0	194,0	941	5,8
Всего	9,0	5,8	9,2	8,6	8,7	3765	100	12911	100	342,9	16243	100

Источники: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 7. С. 50–51; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 105; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 95.

* Явная опечатка, скорее всего, должно быть 9,4% или 9,6%.

Таблица 4

Землеобеспечение крестьян Самарской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоземельных хозяйств				1897				1901	
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	Всего	Доля малоземельных хозяйств				оклад уезда	недоимки уезда	доля уезда	недоимки уезда	доля уезда	недоимки уезда
					б. гос.	б. пом.	б. уд.	Всего						
Самарский	19,5	6,7	14,6	13,7	12,3	356	10,2	829	7,7	232,9	998	7,9		
Бугульмин.	15,3	7,1	16,3	14,5	2,2	285	8,1	322	3,0	113,0	576	4,5		
Бугуруслан.	19,3	8,5	10,2	17,6	3,7	506	14,4	1919	17,9	379,2	2457	19,3		
Бузулукск.	23,8	6,4	15,9	21,5	4,6	692	19,7	3580	33,4	517,3	3958	31,2		
Николаев.	26,6	6,7	15,5	23,0	5,5	745	21,2	2834	26,4	380,4	2978	23,4		
Новоузен.	30,4	10,5	24,7	29,2	0,9	584	16,7	655	6,1	112,2	844	6,6		
Ставропол.	15,8	6,1	12,3	11,3	8,8	338	9,6	589	5,5	174,3	893	7,0		
Всего	22,8	7,0	13,8	18,8	5,1	3506	100	10728	100	306,0	12704	100		

Источники: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 28, С. 46–47; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 110; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 100.

чить все споры о дурном влиянии площади наделов на состояние крестьянского хозяйства. Средний надел государственных крестьян, на которых приходились 77,3% оклада и 77,9% недоимок в 1897 г., равнялся 22,8 дес. (2,5 кв. км!), помещичьих — 7 дес., удельных — 13,8 дес. Тем не менее, сторонники традиционного взгляда на аграрный вопрос как бы не замечали этого.

Недоимки составляют 306,0% оклада по уездам — от 112,2% (Новоузенский) до 517,3% (Бузулукский), по абсолютной величине — от 322 тыс. руб. (Бугульминский) до 3580 тыс. руб. (тот же Бузулукский).

Из таблицы связь между площадью наделов и величиной недоимок в Самарской губернии не заметна. Более того, 77,7% недоимок губернии падали на три уезда из восьми, из которых Николаевский и Бузулукский занимают 2-ю и 3-ю позиции по размерам землеобеспечения в губернии (23,0 и 21,5 дес. на двор).

А на Ставропольский уезд с минимальным для губернии средним наделом — 11,3 дес. — приходится лишь 5,5–7,0% всех недоимок.

Доля малоземельных хозяйств в большинстве уездов невелика, и явно не они были главными неплательщиками.

Воронежская губерния¹⁴.

В 1897 г. общий оклад губернии равняется 4960 тыс. руб., оклад выкупных платежей — 4587 тыс. руб. (92,5%), самый большой из 18-ти губерний, 82,2% которых должны платить государственные крестьяне, а 17,8% — помещичьи. Структура землевладения — 84,0% — 15,8%, и 0,2% — у удельных, которые, впрочем, не включены в список плательщиков¹⁵.

Недоимки в размере 9064 тыс. руб., недоимки по выкупным платежам — 8987 (99,2%), которые распределяются между категориями крестьян примерно в той же пропорции (81,2—18,8).

Недоимки по губернии составляют 182,7% оклада, по уездам они колеблются от 17,0% (Новохоперский) до 365,8% (Нижедевицкий), а по абсолютной величине от 69 тыс. руб. (Новохоперский) до 1489 тыс. руб. (Богучарский).

Как можно видеть, к числу уездов с наибольшими долгами относится и Богучарский с самым крупным в губернии средним наделом — 14,5 дес., Нижедевицкий с 4-м по величине наделом — 10,4 дес., Воронежский с 6-м — 9,3 дес. и Землянский с 8-м — 8,6 дес. Доля малоземельных хозяйств в 4-х уездах с наибольшей задолженностью колеблется в пределах 8,9%—5,1%; это лишь 7–10-е позиции.

В то же время Павловский, например, уезд с минимальным для губернии средним наделом в 6,5 дес., в котором 31,7% хозяйств имели менее 5 дес. на двор, концентрировал всего 4,9–5,0% недоимок.

Таблица 5
 Землеобеспечение крестьян Воронежской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г.,
 размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоземельных хозяйств					1897					1901	
	б.гос.	б.ном.	б.буд.	Всего	охлажд.	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоимки	к окладу	недоимки	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоимки	
																доля уезда
Воронеж.	10,1	5,7		9,3	8,9	519	10,5	971	10,7	187,1	1073	11,7				
Бирючен.	10,3	5,6		7,6	30,5	365	7,4	493	5,4	135,1	439	4,8				
Бобровск.	8,8	4,1		7,5	22,1	460	9,3	743	8,2	161,5	539	5,9				
Богучарск.	15,2	6,4		14,5	5,1	722	14,6	1489	16,4	206,2	1457	15,9				
Валуйский	11,1	6,3	13,7	8,6	20,8	193	3,9	290	3,2	150,3	334	3,6				
Залонский	8,4	5,6	9,3	7,6	17,4	221	4,5	368	4,1	166,5	420	4,6				
Землянск.	9,6	6,0		8,6	8,8	456	9,2	1452	16,0	318,4	1792	19,5				
Коротояк.	11,5	6,8		11,3	1,1	359	7,2	514	5,7	143,2	459	5,0				
Нижнедевиц.	11,0	4,1		10,4	7,4	403	8,1	1474	16,3	365,8	1448	15,8				
Новохопер.	11,6	6,1		10,3	4,5	406	8,2	69	0,8	17,0	49	0,5				
Острогож.	13,4	6,9		11,0	15	549	11,1	750	8,3	136,6	713	7,8				
Павловск.	7,9	3,7		6,5	31,7	307	6,2	450	5,0	146,6	447	4,9				
Всего	11,1	5,6	12,7	9,6	14,5	4960	100	9063	100	182,7	9170	100				

Источники: Статистика земледелия в России. СПб., 1906. Вып. 5. С. 52–53; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 103–104; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 93–94.

Итак, данные по Воронежской губернии также не показывают связи между землеобеспечением и недоимками.

Нижегородская губерния¹⁶.

В 1897 г. общий оклад губернии равнялся 2438 тыс. руб., оклад выкупных платежей — 2208 тыс. руб. (90,6%), 32,6% которых должны платить государственные крестьяне, 62,6% — помещичьи, 4,8% — удельные. Надельная земля распределялась в такой пропорции — 38,6 — 55,1 — 6,4.

Общие недоимки равнялись 8214 тыс. руб., по выкупным платежам — 8158 тыс. руб. (99,3%), которые распределяются между категориями крестьян примерно в той же пропорции, что и платежи (32,9 — 63,9 — 3,3%).

Недоимки по губернии в целом равны 337,1% оклада, по уездам они колеблются от 0,3%, т.е. 25 тыс. руб. (Балахнинский), до 599% оклада, т.е. 1983 тыс. руб. (Лукояновский).

Крупнейшим должником (почти 2 млн. руб. в 1897 г. и 2,2 млн. руб. в 1901 г.) является Лукояновский уезд, стоящий с 9,1 дес. на 2-м месте в губернии, затем идет Арзамасский с 8,1 дес. (4-я позиция) и Сергачский с наименьшим наделом в 5,7 дес., в котором 33,2% хозяйств имели менее 5 дес. на двор.

Большие недоимки, в 4,5—3,7 раза превышающие оклад 1897 г., были накоплены в Макарьевском (8,4 дес.), Княгининском (7,0 дес.) и Ардатовском (6,8 дес.) уездах, которые занимали соответственно 3-ю, 6-ю и 7-ю позиции по землеобеспечению.

Однако Балахнинский с наделом в 6,2 дес. и 41,1% таких хозяйств является практически безнедоимочным, а в Горбатовском уезде со средним наделом в 6,0 дес. и 36,2% малоземельных хозяйств недоимки относительно общей ситуации в губернии относительно невелики и равны окладу.

Таким образом, данные и по Нижегородской губернии не подтверждают тезис о зависимости между площадью наделов и уплатой выкупных платежей.

Орловская губерния¹⁷.

В 1897 г. общий оклад губернии был равен 3473 тыс. руб., оклад выкупных платежей — 3149 тыс. руб. (90,6%), 45,7% которых должны платить государственные крестьяне, 50,1% — помещичьи, 4,2% — удельные. Структура землевладения схожа — 45,4% — 47,2% — 7,4%.

Общие недоимки — 6520 тыс. руб., по выкупным платежам — 6345 тыс. руб. (97,3%) распределяются между категориями крестьян примерно в той же пропорции (56,2% — 43,3% — 0,5%).

Таблица 6
Землеобеспечение крестьян Нижегородской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоземельных хозяйств	1897				1901		
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	Всего		оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоимки к окладу	недоимки	доля уезда
Нижегород.	7,7	7,2		7,3	24,8	337	13,8	471	5,7	139,8	437	4,8
Ардатовск.	10,7	6,1	8,1	6,8	25,8	185	7,6	690	8,4	373,0	913	10,1
Армавас.	12,2	6,8	8,3	8,1	16,9	249	10,2	1484	18,1	596,0	1724	19,0
Балахнин.	4,5	7,0	8,6	6,2	41,1	149	6,1	25	0,3	16,8	16	0,2
Васильсур.	7,4	5,6	8,7	6,5	26,6	235	9,6	297	3,6	126,4	283	3,1
Горбатов.	9,3	5,7		6,0	36,2	199	8,2	210	2,6	105,5	204	2,2
Княгинин.	10,6	6,2	9,1	7,0	22,8	207	8,5	850	10,3	410,6	910	10,0
Лукоянов.	11,8	6,2	7,6	9,1	11,1	331	13,6	1983	24,1	599,1	2186	24,1
Макарьев.	10,0	7,9	7,4	8,4	16,8	162	6,6	732	8,9	451,9	757	8,3
Семеновск.	13,6	8,0	7,8	11,0	12,5	129	5,3	143	1,7	110,9	173	1,9
Сергачский	7,6	4,5	5,8	5,7	33,2	254	10,4	1329	16,2	523,2	1470	16,2
Всего	9,7	6,3	8,1	7,4	24,1	2437	100	8214	100	337,1	9073	100

Источники: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 21. С. 48–49; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С.107; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 97.

Недоимки Орловской губернии равнялись 187,8% оклада, по уездам недоимочность колебалась от 1,4%, или 3 тыс. руб. в Севском до 340,7%, или 1860 тыс. руб., в Елецком; в Ливенском они были равны 1865 тыс. руб.

Из 12-ти уездов губернии три — Елецкий (6,3 дес.), Ливенский (7,0 дес.) и Малоархангельский (7,1 дес.) сконцентрировали 71,7% недоимок в 1897 г. и 71,2% в 1901 г., в денежном выражении 4675 тыс. руб. и 5828 тыс. руб. в 1901 г.

По землеобеспечению они занимают 7-е, 8-е и 10-е места в губернии, т.е. находятся во второй половине списка уездов, но не на последних позициях. В Малоархангельском уезде наивысший в губернии процент хозяйств менее чем с 5-ю дес. на двор — 43,9%, однако при этом и недоимок у него вдвое меньше, чем у лучше обеспеченных земель Елецкого и Ливенского уездов.

В «Сведениях инспекторов» в характеристике Орловской губернии читаем: «Западные уезды нечерноземные или с небольшими пространствами чернозема резко отличаются по исправному поступлению окладных сборов от восточных черноземных уездов. В Трубчевском, Севском и Карачевском уездах недоимки до 1892 г. не превышали 6% оклада и только за этот год они несколько поднялись, однако не выше 16% (по Карачевскому уезду). В Брянском уезде они составляли в 1888—1892 гг. от 12% до 31% оклада. К этим же уездам следует причислить уезды Орловский и Мценский, где недоимки были ничтожны до 1892 г., когда они сразу поднялись до 80% оклада.

В остальных уездах недоимки накопились за крестьянами много ранее последних неурожаев, а за 1891 и 1892 гг. они значительно увеличились. В Кромском, Болховском и Ливенском уездах они превышают годовой оклад (141% в Ливенском уезде); в Малоархангельском они составляют 258,6% оклада, в Елецком — 270%.

В Мценском и Елецком уездах более исправны бывшие помещичьи крестьяне, нежели лучше обеспеченные землею бывшие государственные. В первом уезде это объясняется тем, что бывшие помещичьи крестьяне нанимаются к землевладельцам на работы, у которых в случае плохого урожая берут деньги взаймы, отчасти для уплаты повинностей. Государственные же крестьяне не занимаются к владельцам, имея достаточно земли и даже сдавая часть ее в аренду.

В Елецком уезде помещичьи крестьяне более трудолюбивы и более радеют о своем хозяйстве, нежели государственные. Напротив того, в Ливенском уезде более исправны государственные крестьяне; у бывших помещичьих крестьян мало земли — притом это народ распущенный и более порочный.

Таблица 7
 Землеобеспечение крестьян Орловской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г.,
 размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				1897						1901		
	б.гос.	б.пом.	б.уд.	Всего	Доля малоземельных хозяйств			недоимки		доля уезда		недоимки	доля уезда
					оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоимки	доля уезда			
Орловский	8,3	5,8	8,0	6,7	18,8	326	9,4	422	6,5	129,4	503	6,1	
Болховский	8,1	5,6		6,0	28,4	228	6,6	298	4,6	130,7	382	4,7	
Брянский	10,2	7,0		7,8	17,6	171	4,9	18	0,3	10,5	22	0,3	
Дмитровский	8,8	7,2	8,0	7,3	6,9	185	5,3	267	4,1	144,3	396	4,8	
Елецкий	7,0	5,0	0,0	6,3	25,7	546	15,7	1860	28,5	340,7	2347	28,7	
Карачевск.	10,1	6,0	0,0	7,2	23	204	5,9	113	1,7	55,4	157	1,9	
Кромский	8,0	6,0	8,7	6,8	16,2	234	6,7	256	3,9	109,4	265	3,2	
Ливенский	8,0	5,2	0,0	7,0	19	647	18,6	1865	28,6	288,3	2458	30,0	
Малоархан.	9,1	5,5	0,0	7,1	43,9	393	11,3	950	14,6	241,7	1023	12,5	
Мценский	9,1	5,7	0,0	6,2	26,5	180	5,2	455	7,0	252,8	596	7,3	
Севский	9,6	6,3	8,0	7,7	10,7	209	6,0	3	0,0	1,4	4	0,0	
Трубчевск.	10,7	6,5	8,6	8,4	20,4	150	4,3	14	0,2	9,3	37	0,5	
Всего	8,3	5,9	8,3	7,0	19	3473	100	6521	100	187,8	8190	100	

Источники: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 24. С. 50–51; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 108; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 98.

Во многих случаях причиной накопления недоимок оказывается недеятельность сборщиков и старост, выбираемых иногда из числа недоимщиков (Дмитровский уезд), бездействие должностных лиц и отсутствие всякой податной отчетности в волостях до 1887 г. (Болховский уезд); также трудность уследить одному сборщику в больших селениях за получением домохозяевами денег (Ливенский уезд)...

В уездах Карачевском, Севском и Мценском случаи накопления недоимок за зажиточными домохозяевами не встречаются. В Малоархангельском они нередки, отчасти вследствие круговой поруки (Ливенский, Орловский и Болховский уезды), отчасти вследствие попустительства волостного и сельского начальства (Елецкий и Малоархангельский)»¹⁸.

Как видим, податные инспекторы рисуют довольно сложную картину. В 1897 г. указанная разница в поступлении платежей между западными и восточными уездами сохранилась. При этом землеобеспечение разрядов крестьян играет роль в их податной исправности, однако в Елецком уезде не меньшую роль играет трудолюбие, а в Ливенском и нравственность крестьян. Некоторые моменты изложенного я прокомментирую ниже.

Тамбовская губерния¹⁹.

В 1897 г. общий оклад губернии был равен 4774 тыс. руб., оклад выкупных платежей — 4384 тыс. руб. (91,8%), 68,1% которых должны платить государственные крестьяне, 31,9% — помещичьи. Структура землевладения такова — 70,3% земли у государственных крестьян и 29,7% у помещичьих.

Общие недоимки равны 6249 тыс. руб., недоимки по выкупным платежам 6120 тыс. руб. (97,9%), которые распределяются между категориями крестьян примерно в пропорции 63,4 — 36,6%.

Недоимки в Тамбовской губернии составляли 131,0% оклада, по уездам недоимочность колебалась в пределах от 30,7% в Липецком уезде до 272,3% в Кирсановском, а по абсолютной величине от 92 тыс.руб. в Елатомском до 1288 тыс. руб. в том же Кирсановском. При этом в семи уездах недоимок накопилось менее оклада.

5 уездов из 12-ти имеют недоимок более 1 оклада — Борисоглебский (средний надел 8,1 дес.), Усманский (8,1 дес.), Козловский (7,1 дес.), Кирсановский (6,6 дес.) и Шацкий (5,8 дес.) сосредоточили почти две трети недоимок в 1897 г. — 65,7% и 63,2% в 1901 г. По величине наделов они занимают соответственно 2—3-ю, 6-ю, 8-ю и 11-ю позиции, а по доле малоземельных хозяйств — соответственно 12-ю, 11-ю, 7-ю, 6-ю и 3-ю.

Таблица 8
 Землеобеспечение крестьян Тамбовской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г.,
 размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян			Доля малоземельных хозяйств						1897				1901	
	б. гос.	б. пом.	Всего	оклад	Доля уезда	недоимки	Доля уезда	недоимки	окладу	недоимки	Доля уезда	недоимки	Доля уезда	недоимки	
															Доля уезда
Тамбовский	7,9	4,9	6,7	27,4	741	15,5	481	7,7	64,9	347	6,0	6,0	6,0	6,0	
Борисоглеб.	8,9	5,2	8,1	9,5	593	12,4	1180	18,9	199,0	983	17,1	17,1	17,1	17,1	
Елатомский	6,6	5,4	5,5	54,4	204	4,3	92	1,5	45,1	112	1,9	1,9	1,9	1,9	
Кирсанов.	8,6	5,0	6,6	27,1	473	9,9	1288	20,6	272,3	1467	25,5	25,5	25,5	25,5	
Козловский	8,2	4,8	7,1	25	681	14,3	606	9,7	89,0	342	6,0	6,0	6,0	6,0	
Лебедянк.	8,4	5,0	7,7	20,9	298	6,2	425	6,8	142,6	533	9,3	9,3	9,3	9,3	
Липецкий	8,1	4,0	7,6	14,7	322	6,7	99	1,6	30,7	38	0,7	0,7	0,7	0,7	
Моршанск.	7,7	5,3	6,5	27,9	503	10,5	407	6,5	80,9	304	5,3	5,3	5,3	5,3	
Спасский	10,4	4,9	8,5	19	176	3,7	123	2,0	69,9	153	2,7	2,7	2,7	2,7	
Темников.	7,7	4,0	5,8	44,9	139	2,9	128	2,0	92,1	154	2,7	2,7	2,7	2,7	
Уманский	8,8	5,1	8,1	10,6	405	8,5	1030	16,5	254,3	836	14,6	14,6	14,6	14,6	
Шацкий	8,4	5,3	5,8	34,5	240	5,0	390	6,2	162,5	475	8,3	8,3	8,3	8,3	
Всего	8,4	5,0	7,0	25,1	4775	100	6249	100	131,0	5744	100	100	100	100	

Источники: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 20. С. 48–49; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 111; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 101.

При этом Елатомский уезд со средним наделом 5,5 дес. и 54,4% малоземельных хозяйств и Темниковский со средним наделом 5,8 дес. и 44,9% таких накопили недоимок 45,1% и 92,1%, или 92 и 128 тыс. руб. соответственно, т.к. в 10—11 раз меньше, чем Борисоглебский с наделом 8,1 дес.

Это не позволяет увидеть зависимость между уплатой выкупных платежей и размерами землеобеспечения.

Пензенская губерния²⁰.

В 1897 г. жители губернии должны были заплатить 2715 тыс. руб. окладных сборов, из которых выкупные платежи составляли 2499 тыс. руб. (92,0%), 62,1% которых падали на государственных крестьян и 37,9% на помещичьих. Первые пользовались 66,7% надельной земли, вторые — 33,3 %.

Недоимки по окладным сборам равнялись 5540 тыс. руб., а по выкупным платежам — 5522 (99,6%), из которых 59,6% приходилось на государственных, а 40,4% — на владельческих.

Недоимки в Пензенской губернии составили 204,1% оклада. Уезды с долгами менее 1 оклада отсутствуют.

4 уезда из 10-ти имеют недоимок от 243,1 до 336,0%. Это Краснослободский и Городищенский уезды с самыми крупными в губернии средними наделами с 9,4 и 8,4 дес., а также Нижнеомовский и Саранский, стоящие с 7,9 и 6,4 дес. на 5-й и 8-й позициях соответственно. Доля малоземельных хозяйств в них равна 21,6%, 13,8%, 12,1% и 39,2%.

При этом Мокшанский уезд со средним наделом 5,5 дес. и 45,6% малоземельных хозяйств и Пензенский с 6,0 дес. и 31,5% малоземельных дворов накопили недоимок намного меньше.

Следовательно, и тут — на фоне общей недоимочности — не видно связи между землеобеспечением и недоимочностью.

Тульская губерния²¹.

В 1897 г. жители губернии должны были заплатить 2730 тыс. руб. окладных сборов, из которых выкупные платежи составляли 2480 тыс. руб. (90,8%). Государственные крестьяне хозяйствовали на 27,3%, а владельческие — на 72,7% надельной земли; первые должны были платить 23,3% оклада выкупных платежей, вторые — 76,7%.

Общие недоимки по окладным сборам равнялись 5361 тыс. руб., по выкупным платежам — 5307 тыс. руб. (99,0%), из которых 28,3% падало на государственных, а 71,7% — на помещичьих.

Таблица 9
Землеобеспечение крестьян Пензенской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 г.

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян			Доля малоземельных хозяйств	1897					1901	
	б. гос.	б. пом.	Всего		оклад	недоимки		Доля уезда	недоимки к окладу	недоимки	Доля уезда
						уезда	уезда				
Пензенский	8,6	5,2	6,0	31,5	237	8,7	322	5,8	135,9	331	5,8
Городищен.	10,8	6,2	8,4	13,8	258	9,5	867	15,6	336,0	1002	17,4
Инсарский	9,5	5,5	7,9	16,3	377	13,9	519	9,4	137,7	503	8,8
Керенский	9,0	5,8	7,6	17,5	221	8,1	424	7,7	191,9	390	6,8
Краснослоб.	10,7	4,6	9,4	21,6	341	12,6	829	15,0	243,1	888	15,5
Мокшанский	7,9	5,0	5,5	45,6	187	6,9	313	5,6	167,4	295	5,1
Наровчат.	8,5	5,4	7,9	9,8	252	9,3	454	8,2	180,2	437	7,6
Нижнелом.	9,2	5,6	7,9	12,1	303	11,2	750	13,5	247,5	765	13,3
Саранский	9,5	4,0	6,4	39,2	257	9,5	629	11,3	244,7	711	12,4
Чембарский	8,1	5,9	6,8	30,6	282	10,4	435	7,8	154,3	421	7,3
Всего	9,4	5,4	7,5	33	2715	100	5542	100	204,1	5743	100

Источники: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 22. С. 46–47; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 108–109; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 98–99.

Таблица 10
 Землеобеспечение крестьян Тульской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г.,
 размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.

Уезды	Земли на 1 двору крестьян			Доля малоземельных хозяйств					1897			1901		
	б. гос.	б. пом.	Всего	оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоимки к окладу	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоимки к окладу	доля уезда	
														недоимки
Тульский	7,4	4,9	5,4	46,8	235	10,6	49	0,9	20,9	31	0,5			
Алексинск.	9,4	6,6	6,8	19,1	142	6,4	226	4,2	159,2	309	4,9			
Богородиц.	7,5	5,8	6,1	20,9	248	11,2	770	14,4	310,5	974	15,3			
Белевский	10,0	5,7	6,5	32,9	131	5,9	23	0,4	17,6	7	0,1			
Веневский	8,0	5,7	6,2	25,9	182	8,2	385	7,2	211,5	456	7,2			
Елифанский	9,4	5,1	5,2	51,1	188	8,5	469	8,8	249,5	567	8,9			
Ефремов.	10,2	5,2	7,0	30,1	223	10,0	1181	22,0	529,6	1411	22,2			
Каширский	7,0	6,7	6,7	16,5	132	5,9	267	5,0	202,3	310	4,9			
Крапивен.	6,5	5,8	5,9	27,3	169	7,6	252	4,7	149,1	306	4,8			
Новосильс.	9,2	6,0	7,5	13,7	253	11,4	1038	19,4	410,3	1155	18,2			
Одоевский	6,9	5,4	5,8	35,6	153	6,9	63	1,2	41,2	44	0,7			
Чернский	8,5	6,0	6,2	18,0	164	7,4	637	11,9	388,4	787	12,4			
Всего	8,7	5,7	6,3	28,1	2220	100	5360	100	241,4	6357	100			

Источники: Статистика земледелия в России. СПб., 1906. Вып. 32. С. 48–49; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 112; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 102.

Тульская губерния накопила в 1897 г. недоимок в размере 241,4% оклада, по уездам они колеблются в диапазоне от 17,6%, или 23 тыс. руб., в Белевском до 529,6% оклада, или 1181 тыс.руб., в Ефремовском.

Главные неплательщики — Новосильский, Ефремовский, Чернский и Богородицкий уезды, которые сконцентрировали 67,7% недоимок по выкупным платежам в 1897 г. и 68,1% в 1901 г.

При этом по величине наделов они занимают соответственно 1-е, 2-е, 6-е и 8-е места в губернии — 7,5, 7,0, 6,2 и 6,1 дес. при доле малоземельных хозяйств 13,7%, 30,1%, 18,0 и 20,9%.

Замечу, что Крапивенский, Одоевский, Тульский, Епифанский уезды с землеобеспечением 5,9 — 5,2 дес. и процентом малоземельных дворов 27,3% 35,6%, 46,8% и 51,1% на этом фоне могут считаться малонеодоимочными.

Московская губерния²².

В 1897 г. оклад выкупных платежей губернии равнялся 2123 тыс. руб., 39,2% которых должны платить государственные крестьяне, 55,5% — помещичьи, 5,3% — удельные. Земля распределялась между разрядами крестьян в пропорции 41,7% — 53,3% — 4,9%.

Общие недоимки составляли 4725 тыс. руб., по выкупным платежам — 4637 тыс. руб. (98,1%), из которых 29,3% приходилось на государственных крестьян, 67,1% на помещичьих и 3,6% на удельных.

Московская губерния — интересный случай (Московский уезд из анализа исключен, поскольку в силу столичного положения на нем лежал оклад в 2 млн. руб.)

В 1897 г. на губернии числилось недоимок в размере 210,6% оклада, при этом в двух уездах недоимки были меньше оклада (Клинский и Серпуховский), а один — Волоколамский — был практически безнеодоимочным.

5 уездов из 12-ти — Рузский, Звенигородский, Подольский, Богородский и Бронницкий — сосредоточили 66,3% и 65,6% недоимок в 1897 и 1901 гг. соответственно.

Они занимают соответственно 4-ю, 8-ю, 9-ю, 11-ю и 12-ю позиции по средним размерам наделов и 10-ю, 4-ю, 6-ю, 2-ю и 1-ю — по доле малоземельных хозяйств.

Пожалуй, в этой губернии в большей степени, чем в тех, о которых мы рассуждали, кроме Орловской, можно говорить об определенной связи неплатежей и размера наделов.

Правда, с одной существенной оговоркой — если бы крестьяне этих уездов вели только земледельческий образ жизни. В начале XX в. лишь 6% крестьянских хозяйств губернии занимались исключительно земледелием. Подробнее о Московской губернии мы поговорим ниже.

Таблица 11

Землеобеспечение крестьян Московской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоз.-хозяев	1897				1901		
	б.гос.	б.пом.	б.уд.	Всего		оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоимки к окладу	недоимки	доля уезда
Богородск.	7,1	4,9	3,5	5,4	48,2	234	11,1	450	10,1	192,3	438	9,7
Бронницк.	7,6	5,0	5,4	5,4	54,3	185	8,8	534	12,0	288,6	546	12,0
Вере́йский	12,7	8,6	7,4	10,0	3,6	100	4,7	205	4,6	205,0	204	4,5
Волоколам.	9,9	8,0	0,0	8,7	5,5	169	8,0	16	0,4	9,5	18	0,4
Дмитров.	11,8	8,2	8,0	10,5	1,4	232	11,0	344	7,8	148,3	345	7,6
Звенигор.	9,5	6,3	8,0	7,9	16,7	175	8,3	748	16,9	427,4	745	16,4
Клинский	9,3	7,3	0,0	8,3	5,8	238	11,3	190	4,3	79,8	216	4,8
Коломен.	7,4	6,8	0,0	7,0	25,4	196	9,3	361	8,1	184,2	378	8,3
Можайск.	10,7	8,7	9,3	9,3	3	104	4,9	246	5,5	236,5	256	5,6
Подольск.	8,6	7,6	7,2	7,8	9,2	166	7,9	529	11,9	318,7	536	11,8
Рузский	10,3	8,6	10,2	9,2	3,4	133	6,3	685	15,4	515,0	710	15,7
Серпухов.	7,6	8,8	3,5	8,4	14,7	174	8,3	127	2,9	73,0	144	3,2
Всего	9,4	7,0	5,7	7,7		2106	100	4435	100	210,6	4536	100

Источники: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 1. С. 52–53; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 107; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 97.

Рязанская губерния²³.

Общий оклад губернии равнялся в 1897 г. 3145 тыс. руб., оклад выкупных платежей — 2897 тыс. руб. (92,1%), 44,7% которых должны платить государственные крестьяне, а 55,3% помещичьи; при этом первые пользовались 42,8% наделной земли, вторые — 57,2%.

Вся недоимка губернии составляла 4637 тыс. руб., а по выкупным платежам — 4595 тыс. руб. (99,1%), из которых на государственных крестьян падало 47,1%, а на владельческих — 52,9%.

Относительно других губерний Рязанская накопила сравнительно немного недоимок — 147,6%. В 4-х уездах — Рязанском, Егорьевском, Касимовском и Спасском — задолженность составляла 8,6-44% оклада, в остальных же она колебалась от 110,8% (Сапожковский) до 352,8% (Пронский).

5 уездов из 12-ти — Скопинский с 5,9 дес., Михайловский с 6,2 дес., Пронский с 6,5 дес., Зарайский с 6,6 дес., Раненбургский с 6,9 дес. — занимают 11-е, 9-е, 7-е, 6-е и 5-е места по землеобеспечению, причем доля малоземельных хозяйств в них колеблется от 22,2 до 26,1%.

Но при этом Рязанский уезд с 45,9% таких хозяйств и Спасский с 33,5% таких хозяйств являются безнедоимочными. Следовательно, и здесь тезис о связи наделов и недоимок не имеет ясного подтверждения.

Саратовская губерния²⁴.

Общий оклад губернии в 1897 г. был равен 3728 тыс. руб., оклад выкупных платежей — 3283 тыс. руб. (88,1%), 67,6% которых должны были платить государственные крестьяне, 28,4% — помещичьи, 4,0% — удельные. Структура землевладения была такой — 66,8% — 27,4% — 5,8%.

Все недоимки равны 4619 тыс. руб., по выкупным платежам 4547 тыс. руб. (98,4%) в пропорции 66,9% — 28,5% — 4,6%.

Вся недоимка губернии — 123,9% оклада, колебания по уездам — от 2,2% с 8 тыс. руб. Сердобском до 194,8% оклада и 528 тыс. руб. в Кузнецком уезде и 194,3% и 1131 тыс. руб. в Камышинском.

Главные недоимщики — Камышинский, Аткарский, Хвалынский и Балашевский уезды — занимали по землеобеспеченности места со 2-го по 5-е, а Кузнецкий делил позиции 8—10.

Характерно, что в Камышинском, на который падала почти четверть всех недоимок, малоземельные хозяйства составляли лишь 10,3%, а в Хвалынском, почти сравнявшемся с ним в 1901 г., — 14,0%.

Таблица 12

Землеобеспечение крестьян Рязанской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян			Доля малоземельных хозяйств					1897			1901		
	б. гос.	б. пом.	Всего	оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоимки к окладу	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоимки к окладу	доля уезда	
														недоимки
Рязанский	5,6	5,6	5,6	296	9,4	51	1,1	17,2	70	1,4				
Данковский	8,7	6	7,1	241	7,7	278	6,0	115,4	370	7,1				
Егорьевск.	6,3	6,5	6,4	207	6,6	91	2,0	44,0	86	1,7				
Зарайский	8,3	5,6	6,6	218	6,9	459	9,9	210,6	483	9,3				
Касимов.	10,5	7,6	8,2	255	8,1	22	0,5	8,6	28	0,5				
Михайлов.	7,2	5,3	6,2	325	10,3	890	19,2	273,8	1079	20,8				
Пронский	0	6,5	6,5	216	6,9	762	16,4	352,8	770	14,9				
Раненбург.	8,7	5,5	6,9	329	10,5	443	9,6	134,7	546	10,5				
Рязский	7,6	5	5,9	259	8,2	353	7,6	136,3	345	6,7				
Сапожков.	10,3	5,3	7,5	288	9,2	319	6,9	110,8	322	6,2				
Скопинский	6,1	5,4	5,9	304	9,7	940	20,3	309,2	1049	20,2				
Спасский	7,7	7,6	7,6	205	6,5	30	0,6	14,6	33	0,6				
Всего	7,7	6,1	6,7	3143	100	4638	100	147,6	5181	100				

Источники: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 4. С. 50–51; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 110; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 100.

Таблица 13
**Землеобеспечение крестьян Саратовской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г.,
 размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.**

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				1897						1901		
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	Всего	Доля малоземельных хоз-в			недоимки		Доля уезда	недоимки к окладу	недоимки	Доля уезда
					оклад	Доля уезда	недоимки	Доля уезда					
Саратовская	11,8	3,9	11,7	7,5	37,1	390	10,5	331	7,2	84,9	534	8,4	
Аткарский	14,3	6,1	13,5	9,6	21,3	429	11,5	669	14,5	155,9	830	13,0	
Балашевск.	13,1	5,8	10,5	9,1	18,6	535	14,4	553	12,0	103,4	561	8,8	
Вольский	10,7	3,6	10,4	7,5	33,0	241	6,5	341	7,4	141,5	516	8,1	
Камышин.	15,6	4,9	7,8	11,0	10,3	582	15,6	1131	24,5	194,3	1429	22,4	
Кузнецкий	9,7	4,9	7,5	7,5	24,5	271	7,3	528	11,4	194,8	729	11,4	
Петровский	11,3	5,6	4,8	8,9	21,9	426	11,4	311	6,7	73,0	340	5,3	
Сердобский	10,9	6,3	10,9	7,8	16,9	370	9,9	8	0,2	2,2	37	0,6	
Хвалынский	11,4	5,2	9,5	9,5	14,0	373	10,0	739	16,0	198,1	1358	21,3	
Царицынск.	18,2	3,8	10,5	14,6	21,2	111	3,0	9	0,2	8,1	36	0,6	
Всего	12,5	5,3	9,8	9,0		3728	100	4620	100	123,9	6370	100	

Источники: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 2. С. 46–47; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 110; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 100.

Таким образом, связи между размерами недоимок и землеобеспечением в этой губернии не наблюдается.

Симбирская губерния²⁵.

Оклад губернии в 1897 г. равен 1987 тыс. руб., оклад выкупных платежей — 1770 тыс. руб. (89,1%).

Структура наделного землевладения в этой губернии необычна — государственные крестьяне пользовались 8,9% наделной земли, помещичьи — 32,0, удельные — 59,1%. Соответственно, и из 1770 тыс. руб. оклада выкупных платежей в 1897 г. 11,6% должны были платить государственные крестьяне, 43,0% — помещичьи, 45,4% — удельные.

Общие недоимки составляли 4092 тыс. руб., по выкупным платежам — 4081 тыс. руб. (99,7%) и распределялись между разрядами крестьян в пропорции 16,5% — 48,2% — 35,3%.

В 1897 г. задолженность Симбирской губернии составляла 196,1% оклада.

Лишь 2 уезда губернии из 8-ми накопили недоимок меньше оклада — Сенгилейский с наибольшим средним наделом — 9,2 дес. и Сызранский, который делит 4—5 позицию с Корсунским. Доля малоземельных дворов в первом составляет 15,1%, во втором — 31,8%.

При этом в Симбирском, Ардатовском (лидере по величине недоимок), Буинском и Корсунском доля таких дворов колеблется от 12,3 до 24,5%. Это и не позволяет считать, что в губернии наблюдается выраженная зависимость между недоимками и размерами наделов.

Вместе с тем очевидно, что отсутствие связи между величиной наделов и объемом задолженности в данном случае не столь ясно, как в случае Саратовской губернии.

Поэтому мы снова обратимся к «Сведениям инспекторов»: «Независимо от общей причины недоборов последнего времени в черноземной полосе — неурожая, образование недоимок по отдельным местностям Симбирской губернии объясняется:

1) малым размером недоимок и плохим качеством наделов — в Сызранском, Сенгилеевском и Буинском уездах. В Сызранском уезде бывшие помещичьи крестьяне с наделом от 1 до 4 дес., почти вдвое более недоимочны, нежели крестьяне бывшие государственные с наделом от 4 до 8 дес. (Примечание: *В Буинском уезде при малых наделах по всем волостям (в среднем от 0,7 до 1,6 дес. на наличную душу) наименее недоимок за бывшими удельными крестьянами в северной и северо-западной лесистых частях уезда, где урожаи 1891 и 1892 гг. были хорошие или средние*).

Почти в каждом уезде Симбирской губернии есть селения, где недоимки... вызываются несоответствием платежей доходности на-

Таблица 14

Землеобеспечение крестьян Симбирской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоземельных хозяйств					1897				1901	
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	Всего	оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоимки	к окладу	недоимки	доля уезда	недоимки	доля уезда	
															б. уд.
Симбирский	7,4	7,4	8,5	8,0	12,3	320	15,3	636	15,5	198,8	915	17,0			
Алатырский	3	4,2	7,2	5,8	34,7	294	14,1	364	8,9	123,8	456	8,5			
Ардатовский	5,2	5,1	7,1	6,5	22,3	238	11,4	885	21,6	371,8	1034	19,2			
Буинский	6,6	5,7	7,2	6,9	12,3	238	11,4	484	11,8	203,4	695	12,9			
Корсунский	8,8	6,2	7,1	6,7	24,5	313	15,0	685	16,7	218,8	940	17,4			
Курмышский	4,7	4,7	5,1	4,9	50,1	236	11,3	657	16,1	278,4	777	14,4			
Сенгилейский	12,5	7,2	10,5	9,2	15,1	208	10,0	163	4,0	78,4	268	5,0			
Сызранский	11,9	4,8	9,1	6,7	31,8	240	11,5	218	5,3	90,8	308	5,7			
Всего	6,5	5,6	7,7	6,8	21,1	2087	100	4092	100	196,1	5393	100			

Источники: Статистика земледелия в России. СПб., 1906. Вып. 12, С. 44–45; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 111; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 101.

делов (Примечание: В Корсунском уезде особенно выдаются селения *Степная Дурасовка* и *Румянцево*. За недоброкачеством надделов многие крестьяне этих селений находятся в безвестной отлучке или перечислились в другие губернии (в *Степной Дурасовке* — из 462 душ состоит в безвестной отлучке 156 душ). Недоимки дошли до 8566 р. в *Дурасовке* и до 28669 р. по *Румянцеву* с 910 ревизскими душами.

В Ардатовском уезде недоимки в четырех селениях б. помещичьих крестьян с крайне плохим песчаным надделом достигли почти восьми годовых окладов — 31982 р. недоимки при 4117,77 р. оклада (*деревни Редкодубье, Палгуши, Суродеевка* и *Трепавловка*).

В Алатырском уезде недоимки селения бывшей *Сиявской волости* (присоединенные к *Порецковской волости*) также наделены песчаной землей, с которой доходы не покрывают платежей, — вследствие чего к 1891 г. на них накопилась недоимка в 151% оклада, тогда как на всех остальных волостях или вовсе не было недоимок или они составляли от 1 до 26%).

2) Малой хозяйственностью и недостатком трудолюбия... населения объясняется накопление недоимок в ... селениях *Буинского, Курмышского* и *Сызранского уездов*; в последнем есть селения, где недоимки, несмотря на удовлетворительный наддел, дошли до семи годовых окладов.

3) Разноплеменный состав сельских обществ, ведущий к раздорам и плохому порядку общественных дел, также вызывает недоимки.

4) Несвоевременное и неправильное взимание окладных сборов признается одной из причин накопления недоимок в *Сызранском уезде*. Образование недоимок в этом уезде приписывается также неравномерному распределению надельной земли при разверстке ее по ревизским душам, а не по числу работников...

Случаи недоимочности зажиточных домохозяев довольно часты в большинстве уездов. Объясняются они желанием состоятельных крестьян избегнуть применения к ним круговой поруки и слабостью понуждения их к уплате. В Ардатовском уезде числится около 2000 состоятельных недоимщиков с общей суммой недоимки в 80000 р. (общая сумма недоимок уезда в 1897 г. — 885 тыс. руб.)

Недоимки за крестьянскими должностными лицами бывают редко. В *Сенгилеевском уезде* эта недоимочность объясняется тем, что многие из них служат без жалованья или за ничтожное вознаграждение...

Разница в поступлении окладных сборов между крестьянами общинниками и подворными владельцами замечается только в *Сызранском уезде* — в пользу последних»²⁶.

Эта информация интересна. Как можно видеть, ситуация в губернии была непростая.

Известно, что почти 20% крестьян Симбирской губернии получили дарственный надел, и неудивительны указания инспекторов на плохие и малые наделы, не окупающие лежащих на них платежей. Вместе с тем мы видим, что проблема недоимок оказывается значительно сложнее и не сводится только к землеобеспечению. Факторами роста задолженности являются и мера трудолюбия, и «национальные раздоры», и плохая организация счетоводства, неправильное взимание податей и, наконец, большие недоимки, лежащие на богатых крестьянах.

Оренбургская губерния²⁷.

Всего окладных сборов в 1897 г. назначено 885 тыс. руб., оклад выкупных платежей губернии равняется 797 тыс. руб., 95,1% которых должны платить государственные крестьяне, 4,5% помещичьи, 0,4% — удельные. Структура землевладения схожа — 93,5% — 6,4% — 0,1%.

Общие недоимки составляли 3904 тыс. руб., по выкупным платежам — 3881 тыс. руб. (99,4%) распределяются между категориями крестьян в пропорции 93,1% — 6,3% — 0,6%.

Из пяти уездов губернии три безнедоимочны. Задолженность концентрируется в Оренбургском и Челябинском уездах, где, собственно говоря, и жили в массе выкупавшиеся крестьяне — в них находилось 1923,4 тыс. дес. из 1952, 1 тыс. дес. наделной земли и 79742 дворов из 84128, зафиксированных переписью 1905 г.

В первом из них средний надел равнялся 22,2 дес., во втором — 25,6 дес., поэтому вопрос о неплатежах крестьян этих уездов лежит вне проблемы их землеобеспечения.

Пермская губерния²⁸.

Всего окладных сборов 3283 тыс. руб., оклад выкупных платежей губернии равняется 3118 тыс. руб. (95,0%), 81,0% которых должны платить государственные крестьяне, 17,4% — помещичьи, 1,5% — удельные. Структура землевладения такова: 78,8% — 19,9% — 1,3%.

Общие недоимки составляли 3713 тыс. руб., по выкупным платежам — 3691 тыс. руб. (99,4%), которые распределяются между категориями крестьян в пропорции 97,9% — 2,0% — 0,1%. Нетрудно видеть, что помещичьи крестьяне в этой губернии платили лучше государственных.

Таблица 15

**Землеобеспечение крестьян Оренбургской губернии (дес.)
и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада
и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.**

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				1897				1901			
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	Всего	Доля малоземельных дворов		недоимки	доля уезда	недоимки к окладу	недоимки	доля уезда	
					оклад	доля уезда						
Оренбург.	22,8	17,4	18,4	22,2	0,7	288	32,5	1508	38,6	523,6	1599	41,5
Верхнеурал.	0,0	0,2	0,2	0,23	37	9	1,0	7	0,18	77,8	1	0,0
Орский	15,6			15,6	6,5	8	0,9	4	0,1	50,0	3	0,1
Троицкий	1,7	4,5		4,1	36	12	1,4	5	0,13	41,7	9	0,2
Челябинск.	25,9	19,2		25,6	1	568	64,2	2381	61	419,2	2243	58,2
Всего	24,3	6,6	18,4	20,7	8,8	885	100	3905	100	441,2	3855	100

Источники: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 37. С. 52–53; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 106; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 96.

Таблица 16
**Землеобеспечение крестьян Пермской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г.,
 размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.**

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоземельных хозяйств						1897			1901	
	б.гос.	б.пом.	б.уд.	Всего	Доля малоземельных хозяйств	окад	доля уезда	недоимки		доля уезда	недоимки к окладу	недоимки	доля уезда		
								доля уезда	недоимки						
Пермский	12,6	10,7		11,0	14,5	244	7,4	5	0,1	2,0	4	0,1			
Верхогур.	17,1	7,0		12,7	40,4	108	3,3	9	0,2	8,3	10	0,2			
Екатеринб.	11,5	3,2		7,8	57,5	206	6,3	414	11,1	201,0	515	12,1			
Ирбитский	23,2	12,0		23,0	0	357	10,9	8	0,2	2,2	16	0,4			
Камышлов.	17,2	0,0		17,2	6,2	491	15,0	539	14,5	109,8	478	11,3			
Красноуф.	19,0	9,0		16,7	23,5	267	8,1	384	10,3	143,8	534	12,6			
Кунгурский	18,3	12,6		17,9	0,4	164	5,0	0,9	0,0	0,5	6	0,1			
Осинский	18,9	11,1	14,0	17,1	4	289	8,8	160	4,3	55,4	328	7,7			
Оханский	16,6	11,4	10,0	12,7	6,3	306	9,3	0,8	0,0	0,3	26	0,6			
Соликамск.	23,0	11,1		13,5	16,2	163	5,0	20	0,5	12,3	32	0,8			
Чердынский	27,6	14,7		27,3	0,4	37	1,1	1	0,0	2,7	1	0,0			
Шадринский	19,8	0,0		19,8	0,3	652	19,9	2172	58,5	333,1	2292	54,0			
Всего	18,58	9,1	12,9	15,3	16,9	3284	100	3714	100	113,1	4242	100			

Источники: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 40. С. 48–49; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 109; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 99.

Губерния накопила недоимок 113,1% оклада, что относительно немного в сравнении с другими губерниями. Из 12-ти уездов в 8-ми недоимки много меньше оклада.

В таблице обращают на себя внимание показатели Екатеринбургского уезда; здесь недоимки составляли 201,0% оклада, 57,5% дворов были малоземельными, а надел был самый малый в губернии — 7,8 дес. В этом уезде 65,4 тыс. дворов имели 507,5 тыс. дес., причем у 35,9 тыс. дворов (54,9%) государственных крестьян было 413,6 тыс. дес. (81,5%), и у 29,5 тыс. дворов (45,1%) помещичьих крестьян — лишь 93,9 тыс. дес. В силу этого средний надел государственных крестьян в уезде равнялся 11,5 дес., а владельческих — лишь 3,2 дес., редкий случай на востоке Европейской России.

Однако свыше 50% недоимок (2,2–2,3 млн. руб.) Пермской губернии сосредоточил Шадринский уезд, в котором малоземельные хозяйства составляли лишь 0,3%. В нем жили только государственные крестьяне — со средним наделом в 19,8 дес., и тут трудно уловить связь между недоимками и неплатежами. То же относится к Камышловскому и Красноуфимскому уездам с наделами 17,2 и 16,7 дес. и долей малоземельных хозяйств 6,2% и 23,5%.

При этом Верхотурский уезд, где малоземельные дворы составляли 40,4% всех дворов, недоимок практически не имел.

Курская губерния²⁹.

Курская губерния накопила недоимок 77,4% к окладу, причем лишь в 4-х из 15-ти уездов они превышали годовой оклад. Это уезды Тимский и Обоянский — лидеры по величине наделов — 11,0 и 10,1 дес., Старооскольский с 8,5 дес. (3–4 позиция) и Белгородский с 6,6 дес. — 11-е место. При этом доля малоземельных дворов в этих уездах составляла соответственно 7,2%, 11,2%, 16,3% и 35,8%.

В то же время Грайворонский, Львовский, Путивльский, Рыльский и Суджанский, в которых процент таких хозяйств равнялся соответственно 44,4%, 41,1%, 68,4%, 76,0% и 40,8%, были практически безнедоимочными.

То есть и в Курской губернии связь между площадью наделов и размером недоимок отсутствует.

Таблица 17
 Землеобеспечение крестьян Курской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г.,
 размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян			Доля малоземельных хозяйств	1897					1901		
	б. гос.	б. пом.	Всего		оклада		недоимки		Доля уезда	недоимки к окладу	недоимки	Доля уезда
					Доля уезда	недоимки	Доля уезда	недоимки				
Курский	8,0	5,0	7,3	24,7	394	8,9	116	3,4	29,4	25	0,7	
Белгород.	7,8	3,9	6,6	35,8	320	7,2	372	10,9	116,3	451	13,5	
Грайворон.	9,1	4,4	6,2	44,4	297	6,7	12	0,4	4,0	12	0,4	
Дмитриев.	10,6	6,5	7,5	21,1	210	4,7	4	0,1	1,9	2	0,1	
Корочанск.	8,9	6,9	8,5	19,0	347	7,8	272	7,9	78,4	210	6,3	
Львовский	7,5	4,6	5,5	41,1	213	4,8	71	2,1	33,3	39	1,5	
Новооскол.	9,8	4,3	7,3	26,8	318	7,2	114	3,3	35,8	103	3,1	
Обоянский	11,3	5,1	10,1	11,2	423	9,6	850	24,8	200,9	912	27,4	
Путивльск.	5,7	3,8	4,2	68,4	213	4,8	8	0,2	3,8	0,6	0,0	
Рыльский	5,9	4,2	4,4	76,0	229	5,2	0,6	0,0	0,3	0,8	0,0	
Старооскол.	9,9	5,7	8,5	16,3	283	6,4	552	16,1	195,1	486	14,6	
Суджанский	8,8	4,1	7,4	40,8	284	6,4	8	0,2	2,8	7	0,2	
Тимский	12,6	6,3	11,0	7,2	310	7,0	676	19,8	218,1	740	22,2	
Фатежский	9,2	5,0	8,3	15,5	275	6,2	177	5,2	64,4	208	6,2	
Щигровский	9,1	5,5	7,7	15,6	307	6,9	190	5,6	61,9	127	3,8	
Всего	9,3	4,8	7,3	31,6	4423	100	3423	100	77,4	3333	100	

Источники: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 37. С. 52—53; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 106; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 96.

Уфимская губерния.

Общий оклад в 1897 г. равен 932 тыс. руб., оклад выкупных платежей — 797 тыс. руб. (85,5%), 69,0% которых должны платить государственные крестьяне, 22,7% — помещичьи, 8,3% — удельные. Структура землевладения схожа — 67,0% — 26,4% — 6,6%.

Общие недоимки составляли 2848 тыс. руб., по выкупным платежам — 2831 тыс. руб. (99,4%) и распределялись между категориями крестьян в пропорции 65,5% — 32,7% — 1,8%.

Всего губерния накопила недоимок 305,6% оклада.

В Уфимской губернии самые многоземельные уезды — Бирский и Златоустовский — безнедоимочны.

На «плодородный» Мензелинский уезд³⁰ с наделом в 9,7 дес. и 2,6% малоземельных дворов падает 56,0% недоимок в 1897 г. (1,6 млн. руб.) и 67,5% в 1901 г. (2,2 млн. руб.). За ним идет Белебеевский уезд с наделом 14,0 дес. (недоимки равны 527—687 тыс. руб.), Стерлитамакский с наделом 8,0 дес. и Уфимский с наделом 7,4 дес. Доля малоземельных хозяйств в них составляет соответственно 11,8%, 16,4% и 20,5%.

Из изложенного выше мы уже знаем, что это — далеко не худшие показатели в Европейской России; следовательно, и здесь связь между величиной наделов и недоимок не прослеживается.

Харьковская губерния.

Общий оклад губернии в 1897 г. был равен 4419 тыс. руб., оклад выкупных платежей — 3666 тыс. руб. (82,9%), 79,4% которых должны платить государственные крестьяне, 20,6% — помещичьи; «Вестник Министерства финансов» не показывает платежей удельных крестьян, но в переписи 1905 г. они фигурируют в Богодуховском уезде.

Структура землевладения схожа: 71,2% — 28,8% — 0,02%.

Общие недоимки составляли 1985 тыс.руб., по выкупным платежам — 1942 тыс.руб. (97,8%), которые распределяются между разрядами крестьян в пропорции 93,9 и 6,1%.

Харьковская губерния накопила 47,8% недоимок к окладу — рекордно низкий показатель для изучаемых губерний.

В этой губернии ситуация довольно простая и прямо противоречащая тезису о зависимости недоимок от землеобеспечения. Как будто назло такому примитивному взгляду, свыше 80% недоимок губернии сконцентрировал самый многоземельный Старобельский уезд с 12,6 дес. на двор и лишь с 5,6% малоземельных дворов, накопивший недоимок более 16-ти (!!!) годовых окладов, а еще 11,5% пришлось на 2-й по размеру наделов уезд — Купянский с 9,7 дес. и 9,3% малоземельных хозяйств.

Таблица 18

Землеобеспечение крестьян Уфимской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян			Доля малоземельных хозяйств					1897					1901	
	б. гос.	б. пом.	Всего	Доля малоземельных хозяйств	оклад		Доля уезда	недоимки	Доля уезда	недоимки	к окладу	недоимки	Доля уезда	недоимки	
					тыс. руб.	дес.									
Уфимский	12,9	4,7	10,0	7,4	20,5	163	17,5	338	11,9	207,4	462				
Белебев.	15,5	8,8	11,0	14,0	11,8	145	15,6	527	18,5	363,4	687				
Бирский	24,6	17,8	12,9	19,4	4,3	127	13,6	4	0,14	3,1	21				
Златоуст.	18,0	0,0	0,0	18,0	15,5	32	3,4	0,4	0,01	1,3	2				
Мензелин.	9,8	9,1	11,3	9,7	2,6	371	39,8	1596	56	430,2	2178				
Стерлитам.	9,7	6,4	12,1	8,0	16,4	94	10,1	383	13,4	407,4	440				
Всего	14,3	10,2	11,5	12,8	10,3	932	100	2848	100	305,6	3790				

Источники: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 36. С. 42-43; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 112; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 102.

Таблица 19

Землеобеспечение крестьян Харьковской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян				Доля малоземельных хозяйств					1897				1901	
	б. гос.	б. пом.	б. уд.	Всего	оклад	Доля уезда	недоимки	Доля уезда	недоимки	Доля уезда	недоимки	Доля уезда	недоимки	Доля уезда	
															недоимки
Харьковский	5,0	4,1		4,6	549	13,2	13	0,7	2,4	47	2,4			47	2,4
Ахтырский	6,2	3,5		5,4	239	5,8	0	0	0,0	3	0,2			3	0,2
Богодуховский	6,7	5,0	4,4	6,0	260	6,3	2	0,1	0,8	6	0,3			6	0,3
Валковский	4,4	3,8		4,2	219	5,3	0,2	0,01	0,1	4	0,2			4	0,2
Волчанский	7,6	6,4		6,9	310	7,5	63	3,2	20,3	51	2,6			51	2,6
Змиевский	7,8	4,7		7,1	412	9,9	47	2,4	11,4	91	4,6			91	4,6
Изюмский	9,5	5,6		7,5	403	9,7	2	0,1	0,5	23	1,2			23	1,2
Кулянский	10,6	6,9		9,7	452	10,9	228	11,5	50,4	169	8,5			169	8,5
Лебединский	5,4	3,9		4,6	275	6,6	0,8	0,0	0,3	1	0,1			1	0,1
Старобельский	13,2	10,7		12,6	787	19,0	1629	82,1	207,0	1595	80,1			1595	80,1
Сумский	4,8	3,6		4,0	244	5,9	0,3	0,02	0,1	0,3	0,0			0,3	0,0
Всего	8,5	5,5	4,4	7,3	4150	100	1985	100	47,8	1990	100			1990	100

Источники: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 33, С. 48–49; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 112; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 102.

Псковская губерния.

Общий оклад равен 1143 тыс. руб., оклад выкупных платежей губернии равняется 1051 тыс. руб. (92,0%), 44,5% которых должны платить государственные крестьяне, 55,5% — помещичьи. При этом государственные крестьяне пользовались 38,7% надельной земли, а помещичьи — 61,3%.

Общие недоимки составляли 1111 тыс. руб., по выкупным платежам — 1101 тыс. руб. (99,1%), из которых 35,1% приходилось на государственных крестьян и 64,9% на владельческих.

Губерния в 1897 г. накопила недоимок в размере 97,2% оклада.

И здесь мы не видим искомой связи, поскольку в число главных неплательщиков входят уезды и с самым большим наделом (Холмский — 12,2 дес.), и с самым маленьким (Порховский — 8,0 дес.), а также 3-й по этому параметру — Псковский (9,5 дес.); недоимки составили 140,3% оклада в Торопецком уезде, занимавшем 2-е место по величине надела.

Подведем некоторые итоги.

В рамках традиционной историографии недоимки, как мы знаем, являются важнейшим свидетельством упадка крестьянского земледелия, которое связывается прежде всего с «грабительской» реформой и выросшим на ее почве малоземельем.

Проведенный анализ опровергает тезис о зависимости недоимок, а значит, благосостояния крестьян от землеобеспечения.

В частности:

1. В Казанской губернии больше всего недоимок накопил самый многоземельный Чистопольский уезд с 10,5 дес. на двор.

2. В Самарской лидер по недоимкам — Николаевский уезд — занимает с 23,0 дес. 2-е место по землеобеспечению, а стоящий на 2-й позиции по недоимкам Бугурусланский уезд с 17,6 дес. на двор является третьим по площади надела

3. В Воронежской губернии Богучарский уезд с 14,5 дес. — «дважды лидер», т.е. и по площади наделов и по размерам недоимок.

4. В Нижегородской губернии самый задолженный Лукояновский уезд имеет 2-й показатель по землеобеспечению — 9,1 дес.

5. В Тамбовской стоящие соответственно на 2-м и 3-м местах по объему долгов Борисоглебский и Усманский уезды делят между собой те же 2-3-и места по размерам наделов — 8,1 дес.

6. В Пензенской губернии главный должник — Городищенский уезд, имеющий 2-й надел в губернии — 8,4 дес., а следующий недоимщик — самый многоземельный Краснослободский уезд — 9,4 дес.

7. В Тульской точно такая же картина — применительно к Ефремовскому (7,0 дес.) и Новосильскому (7,5 дес.) уездам.

Таблица 20

Землеобеспечение крестьян Псковской губернии (дес.) и доля малоземельных дворов (%) в 1905 г., размеры оклада и недоимки (тыс. руб.), доля уезда в итоге по губернии (%) в 1897 и 1901 гг.

Уезды	Земли на 1 двор у крестьян			Доля малоземельных хозяйств	1897					1901	
	б. гос.	б. пом.	Всего		оклад	доля уезда	недоимки	доля уезда	недоимки к окладу	недоимки	доля уезда
Псковский	10,0	7,8	9,5	1,8	277	24,2	164	14,8	59,2	209	22,3
Великолуд.	10,0	7,8	8,3	1,2	100	8,7	25	2,3	25,0	18	1,9
Новоторж.	8,1	8,7	8,5	0,6	119	10,4	84	7,6	70,6	55	5,9
Опочецкий	8,3	8,5	8,4	2,8	137	12,0	82	7,4	59,9	48	5,1
Островский	9,8	8,9	9,4	0,1	186	16,3	100	9,0	53,8	59	6,3
Порховский	9,0	7,9	8,0	0,5	187	16,4	302	27,2	161,5	290	30,9
Торопецкий	15,3	11,5	11,8	0,5	62	5,4	87	7,8	140,3	88	9,4
Холмский	14,5	11,7	12,2	0,2	75	6,6	267	24,0	356,0	170	18,1
Всего	9,8	8,8	9,2	1,1	1143	100	1111	100	97,2	937	100

Источники: Статистика землевладения в России. СПб., 1906. Вып. 31. С. 44—45; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 109—110; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 99—100.

8. В Саратовской губернии самые задолженные уезды — Камышинский со 2-м по величине наделом в губернии (11,0 дес.) и Хвалынский с 3-м (9,5 дес.).

9. В Оренбургской губернии Челябинский уезд является с 25,6 дес. на двор «дважды лидером», а Оренбургский с 22,2 дес. стоит следующим по задолженности.

10. В Пермской губернии лидер по недоимкам — Шадринский уезд с 19,8 дес. на двор — занимает 3-ю позицию в губернии.

11. В Курской губернии та же ситуация, что и в Пензенской и в Тульской. Самый недоимочный уезд — Обоянский с 10,1 дес. — стоит на 2-й позиции по землеобеспечению, а за ним идет Тимский уезд, самый многоземельный в губернии (11,0 дес.).

12. В Уфимской губернии, как и в Пермской, больше всех долгов имеет 3-й по площади наделов Белебеевский уезд (14,0 дес.).

13. В Харьковской губернии «дважды лидером» является Старобельский уезд с 12,6 дес. на двор.

14. В Псковской губернии самый недоимочный уезд — Холмский с 12,2 дес., т.е. 2-м показателем по губернии.

Лишь в отношении Орловской, Московской, Рязанской и Симбирской губерний эта тенденция не проявляется столь ярко. Однако даже из приведенных характеристик причин, влияющих на накопление недоимок в Орловской и Симбирской губерниях, можно видеть, что среди этих факторов фигурируют отнюдь не только количество и качество земли.

Мы видим, что в числе главных недоимщиков самые многоземельные уезды встречаются куда чаще самых малоземельных.

Хочу быть правильно понятым. Конечно, в каждом из уездов были «маломочные» хозяйства с небольшими наделами, в том числе дарственными, особенно в губерниях Поволжья, были крестьяне, которые действительно испытывали трудности и чей уровень благосостояния был низок. Но не они определяли жизнь русской деревни.

Попутно замечу, что остальные окладные сборы население платит лучше, чем выкупные платежи.

Однако мой статистический анализ не закончен.

Теперь, когда мы имеем некоторое представление о неравномерности распределения недоимок, можно еще больше сузить проблему недоимочности.

Поскольку поуездная концентрация недоимок в отдельных губерниях, как мы видели, не была одинаковой, я выделил те уезды, доля которых в недоимках в 1897 или 1901 году составила не менее 10% (с рядом исключений).

Всего в 18-ти губерниях насчитывалось 187 уездов (при анализе данных по Московской губернии я исключил столичный уезд, на ко-

торый приходится оклад в 2 млн. руб.). Для анализа, результаты которого представлены в таблице 21, был отобран 71 уезд.

Итак, на 71 уезд с суммарным окладом в 25075 тыс. руб., что составляло 22,1% оклада 50-ти губерний, пришлось 73940 тыс. руб., т.е. 69,7% всех недоимок по окладным сборам 1897 г., и 84554 тыс. руб., или 67,6% суммы недоимок также неурожайного 1901 г.

71 уезд — это 14,1% общего их числа в 50-ти губерниях. И, полагаю, намного ближе к истине утверждение, что задолженность была велика в каждом седьмом уезде Европейской России, нежели «почти» в каждой третьей ее губернии (18 из 50).

Это, разумеется, не означает, что в остальных 430 уездах текли молочные реки с соответствующими берегами. Но это означает, что при оценке положения крестьянства пора перестать заниматься демагогией и порочить всю правительственную политику только потому, что она правительственная.

Пора перестать при изучении процессов такого масштаба вводить «круговую поруку» и делать крестьян остальной России ответственными за долги своих сопатриотов, уверяя, что неплатежи части крестьян говорят о бедственном положении *всего* крестьянства, как делалось в бесчисленных оппозиционных текстах и до сих пор делается в негативистской литературе.

Пора перестать твердить о малоземелье как о главной причине ухудшения положения части крестьянства, игнорируя реалии общинного землепользования и правопорядка и их влияние на благосостояние, на личность и духовные качества крестьян.

Анализ статистики должен не только давать ответы, но и ставить новые вопросы. Вот и проведенный анализ заставляет нас задуматься о том, насколько адекватно мы понимаем, какая реальность стояла за термином «крестьянский надел» в пореформенную эпоху и в какой мере реалии общинного землепользования воздействовали на благосостояние крестьян.

И здесь полезно вернуться к Московской губернии, стоящей девятой в списке должников (таблица 1) с немаленькой суммой в 4,6 млн. руб.

Это своего рода сюрприз.

Ведь Московская губерния, в отличие от «голодающего Поволжья», *ни разу* не просила продовольственной помощи. И вообще мысль о том, что крестьяне Подмосковья, имевшие такие возможности для заработка во втором из крупнейших городов страны, о которых часто и не мечтали крестьяне других регионов, могут нуждаться — кажется чресчур оригинальной. Между тем неплатежей они, имея оклад в 2,1 млн. руб., накопили не только больше, чем крестья-

Уезды с наибольшей задолженностью по окладным сборам на 1 января 1898 г.

Губерния	Уезды	оклад тыс.руб.	доля в окладе губернии	недоимки 1897 г. тыс.руб.	доля в недоимках	Недоимки 1901г. тыс.руб.	доля в недоимках
Казанская	Казанский	481	12,8	1922	14,9	2273	14
	Лаишевский	296	7,9	1329	10,3	1602	9,9
	Мамарьский	323	8,6	1246	9,7	1637	10,1
	Свияжский	239	6,3	1261	9,8	1472	9,1
	Спасский	306	8,1	1191	9,2	1642	10,1
	Тетюшский	337	9	1628	12,6	2099	12,9
	Чистопольский	567	15,1	2375	18,4	2929	18
Самарская	Бутурусланский	506	14,4	1919	17,9	2457	19,3
	Бузулукский	692	19,7	3580	33,4	3958	31,2
	Николаевский	745	21,2	2834	26,4	2978	23,4
Воронежская	Воронежский	519	10,5	971	10,7	1073	11,7
	Богучарский	722	14,6	1489	16,4	1457	15,9
	Землянский	456	9,2	1452	16	1792	19,5
	Нижедевичий	403	8,1	1474	16,3	1448	15,8
	Армавирский	249	10,2	1484	18,1	1724	19
Нижегородская	Княгининский	207	8,5	850	10,3	910	10
	Лукояновский	331	13,6	1983	24,1	2186	24,1
	Сергачский	254	10,4	1329	16,2	1470	16,2
	Елецкий	546	15,7	1860	28,5	2347	28,7
Орловская	Ливенский	647	18,6	1865	28,6	2458	30
	Малоярхангельский	393	11,3	950	14,6	1023	12,5
	Борисоглебский	593	12,4	1180	18,9	983	17,1
Тамбовская	Кирсановский	473	9,9	1288	20,6	1467	25,5
	Усманский	405	8,5	1030	16,5	836	14,6

Губерния	Уезды	оклад тыс.руб.	доля в окладе губернии	недомжки 1897 г. тыс.руб.	доля в недомжках	Недомжки 1901г. тыс.руб.	доля в недомжках
Пензенская	Городищенский	258	9,5	867	15,6	1002	17,4
	Инсарский	377	13,9	519	9,4	503	8,8
	Краснослободский	341	12,6	829	15	888	15,5
	Нижнеломовский	303	11,2	750	13,5	765	13,3
	Саранский	257	9,5	629	11,3	711	12,4
Тульская	Богородицкий	248	11,2	770	14,4	974	15,3
	Ефремовский	223	10	1181	22	1411	22,2
	Новосильский	253	11,4	1038	19,4	1155	18,2
	Чернский	164	7,4	637	11,9	787	12,4
Московская	Богородский	234	11,1	450	10,1	438	9,7
	Бронницкий	185	8,8	534	12	546	12
	Звенигородский	175	8,3	748	16,9	745	16,4
	Подольский	166	7,9	529	11,9	536	11,8
	Рузский	133	6,3	685	15,4	710	15,7
			325	10,3	890	19,2	1079
Рязанская	Михайловский	216	6,9	762	16,4	770	14,9
	Пронский	329	10,5	443	9,6	546	10,5
	Рябенбургский	304	9,7	940	20,3	1049	20,2
	Скопинский						
			429	11,5	669	14,5	830
Саратовская	Аткарский	535	14,4	553	12	561	8,8
	Балашевский	582	15,6	1131	24,5	1429	22,4
	Камышинский	271	7,3	528	11,4	729	11,4
	Кузнецкий	373	10	739	16	1358	21,3
	Хвалынский						
Симбирская	Симбирский	320	15,3	636	15,5	915	17
	Ардатовский	238	11,4	885	21,6	1034	19,2
	Булгский	313	15	484	11,8	695	12,9
	Корсунский	236	11,3	685	16,7	940	17,4
	Курмышский			657	16,1	777	14,4

Губерния	Уезды	оклад тыс.руб.	доля в окладе губернии	недоимки 1897 г. тыс.руб.	доля в недоимках	Недоимки 1901г. тыс.руб.	доля в недоимках
Оренбургская	Оренбургский	288	32,5	1508	38,6	1599	41,5
	Челябинский	568	64,2	2381	61	2243	58,2
Пермская	Екатеринбургский	206	6,3	414	11,1	515	12,1
	Камышловский	491	15	539	14,5	478	11,3
	Краснофимский	267	8,1	384	10,3	534	12,6
	Шадринский	652	19,9	2172	58,5	2292	54
Курская	Белгородский	320	7,2	372	10,9	451	13,5
	Обоянский	423	9,6	850	24,8	912	27,4
	Старооскольский	283	6,4	552	16,1	486	14,6
	Тимский	310	7,0	676	19,8	740	22,2
Уфимская	Уфимский	163	17,5	338	11,9	462	12,2
	Белебейский	145	15,6	527	18,5	687	18,1
	Мензелинский	371	39,8	1596	56	2178	57,5
	Стерлитамакский	94	10,1	383	13,4	440	11,6
Харьковская	Кулянский	452	10,9	228	11,5	169	8,5
	Старобельский	787	19	1629	82,1	1595	80,1
Псковская	Псковский	277	24,2	164	14,8	209	22,3
	Порховский	187	16,4	302	27,2	290	30,9
	Холмский	75	6,6	267	24	170	18,1
	Всего 71 уезд	25075		73940		84554	

Источники: Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 102–113; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 92–103; Подсчеты автора.

не Симбирской, Оренбургской, Уфимской и Псковской губерний с окладом в 0,8—1,8 млн. руб., но и чем крестьяне Рязанской, Саратовской, Пермской, Курской и Харьковской губерний с окладом в 2,9—4,1 млн. руб.

Как это могло случиться?

У нас есть два варианта объяснения этого факта.

Первая версия принадлежит податным инспекторам Московской губернии.

Вот как они раскрывают причины накопления недоимок: «Несмотря на весьма значительное понижение выкупных платежей в Московской губернии, только в одном Волоколамском уезде недоимки невелики — около 7% оклада.

Разницы в степени недоимочности между уездами фабричными и земледельческими нет: в Богородском уезде недоимка составляет 248% оклада, в Дмитровском — 176%, а в земледельческом Верейском уезде — 254% и в Можайском — 196%.

Образование этих недоимок — большей частью за время, предшествовавшее учреждению должности податных инспекторов, — объясняется следующими коренными причинами, действующими и в настоящее время:

а) недостаточностью наделов, не обеспечивающих продовольствия крестьян от урожая до урожая (Московский, Бронницкий, Клинский, Подольский и Звенигородский уезды (примечание — «В Звенигородском уезде податная задолженность, выражающая более чем в 3,5 годовых окладах и доходящая по отдельным селениям до размера 10 окладов и более, объясняется недостаточными размерами наделов, неспособных прокормить крестьян; последние вынуждены затрачивать значительные суммы на наем полевых угодий, на покупку дров и хлеба даже в самые благоприятные годы. За неимением нужного количества скота, доходы с плохо удобренной земли никогда не бывают достаточны на покрытие лежащих на земле повинностей и на продовольствие крестьян. Подспорьем служат местные и отхожие промыслы, с развитием которых повышается и возможность уменьшать недоимки; сверх того, в 14 селениях платежи не соответствуют доходности наделов);

б) несоответствием платежей доходности наделов в некоторых селениях (Московский, Серпуховский, Бронницкий, Богородский, Дмитровский и Звенигородский уезды);

в) недостатком сторонних заработков (Верейский и Клинский уезды);

г) недейтельностью сельского и волостного начальства и слабостью надзора за поступлением сборов (Московский, Верейский,

Серпуховский, Богородский, Дмитровский, Клинский, Звенигородский и Рузский уезды).

Что касается недоборов последних лет, то по семи уездам они объясняются указанной выше общею причиною: неисправным взиманием и слабостью надзора за сельским начальством (уезды Звенигородский, Коломенский, Верейский, Дмитровский, Богородский, Бронницкий и Подольский — примечание “Только те старосты служат несколько выборов, которые не беспокоят односельчан требованием уплаты сборов; если бы староста вздумал принимать меры против неплательщиков, его не только не выберут, но, пожалуй, сожгут. Волостные старшины также преследуют только личные свои цели” (Подольский уезд).

Затем в Подольском уже вызвала недобор дороговизна хлеба двух последних лет (при очень плохой обработке крестьянами земли, им не хватает своего хлеба); также уменьшились заработки вследствие закрытия некоторых фабрик и упадка кустарного производства.

В Бронницком уезде повлиял на поступление сборов упадок ручного ткачества. В Клинском уезде замечается уменьшение заработков лесных и увеличение потребления в народе вина.

В Рузском уезде со времени освобождения крестьян в некоторых селах замечается такая убыль населения, что ни размер надела, ни величина окладов — казенного, земского и мирского — не соответствует силам крестьян; так, в одном селении, наделенном землей в количестве 178,5 дес. по расчету 55 душ, в настоящее время состоит всего 5 работников (в возрасте 38—55 лет), да один старик (62 лет), не считая 7 человек в безвестной отлучке; эта захудалая деревня должна платить 357 руб. в год всех сборов — в том числе 233 руб. казенных сборов, т.е. около 60 руб. на работника. В 1893 г. недоимка на этом селении дошла до 2600 р.

Работа на фабриках и заводах, значительно повышающая платежную способность населения, в действительности оказывает неблагоприятное влияние на поступление сборов — в уездах Серпуховском, Можайском и Дмитровском. Получаемые заработки, за редкими исключениями, оставляются в трактирах и фабричных лавках; домой же попадает лишь ничтожная часть заработка, которого едва хватает на содержание семьи.

Благоприятное влияние фабричных работ на податную исправность замечается в уездах Богородском, Бронницком, Московском и Волоколамском (в Бронницком уезде окладные сборы с фабричных рабочих удерживаются из заработка их фабричным управлением).

Отхожие и местные кустарные промыслы значительно помогают населению в Волоколамском, Звенигородском, Клинском, Дмитровском, Богородском и Бронницком уездах; но эти заработки падают в

Подольском и Рузском уездах. В Дмитровском уезде отхожие промыслы ведут к забрасыванию крестьянами наделов...

За домохозяевами зажиточными числится немало недоимок в большинстве уездов»³¹.

Нетрудно видеть, что данный текст довольно противоречив; это, видимо, своего рода коллаж мнений уездных податных инспекторов, большинство из которых стоит на традиционной народнической точке зрения, хотя выходящую за пределы последней информацию при желании можно найти; таково, например, мнение податного инспектора Подольского уезда об «очень плохой обработке крестьянами земли». Характерно, что в этом отрывке слово «Москва» вообще ни разу не употребляется. В целом же впечатление такое, словно речь идет не о столичной, а о вполне заурядной губернии с некоторым количеством фабрик и заводов.

Как кажется, именно к подобным характеристикам относится мнение составителей «Свода»: «Отзывы податных инспекторов не всегда вполне точны и определены»³².

Любопытно сравнить это мнение с другим.

К приведенному выше пункту б) о «несоответствии платежей доходности наделов» есть следующее примечание: «В Бронницком уезде по волостям Салтыковской, Рождественской, Лобановской, Жиромкинской, Троице-Лобановской, Усерской, Чеплыженской и отчасти Алешинской и Гжельской, где население занимается ручным ткачеством или отхожими промыслами, доходность наделов покрывает лишь 0,25—0,5 взимаемых с земли платежей; отсюда необходимость продавать рабочий скот осенью и покупать его весной вновь, вследствие чего надель мало удобряются. Нередко невозможность приобрести весной лошадь влечет за собой сдачу земли в аренду односельчанину или забрасывание надель и обращение крестьянина к отхожим промыслам»³³.

И здесь мы подходим ко второй версии образования громадных недоимок в Московской губернии.

В том же 1894 г., когда податные инспекторы отвечали на вопросы анкеты Министерства финансов, Бронницкое уездное земство провело обследование крестьянских хозяйств семи волостей уезда, материалы которого проанализировал и опубликовал П.П. Дюшен; его текст вполне можно считать своего рода лабораторной работой на тему «Община и крестьянское хозяйство»³⁴. Дюшен, полагая, наполнил реальным содержанием общие слова податных инспекторов.

Вот основные моменты его анализа.

Четыре волости (Салтыковская, Троице-Лобановская, Рождественская и Жироштинская) представляют западную и отчасти юж-

ную часть уезда, именуемую местными жителями «Пальщина», три волости (Быковская, Велинская и Вохринская) располагаются широкой полосой по обе стороны Москвы-реки.

Хотя Бронницкий уезд считается малоземельным, на каждого рабочего в первых четырех волостях приходится 5–6 дес., причем в двух селениях — по 12,5 дес.

Этот факт объясняется появлением здесь сельского пролетариата. Число тягловых крестьян не совпадает с числом работников по семейным спискам — из 7917 рабочих в возрасте 18–60 лет 1866 человек, или 23,6%, являются безземельными. К ним следует добавить 604 безхозяйных и 1326 безлошадных, а всего 3796 человек, т.е. 47,9% всех рабочих. При этом собственно земледелием занимается 1308 человек, т.е. 16,6% этого числа (по волостям процент колеблется от 13 до 27%).

Дюшен резюмирует: «Итак, общинное землевладение, эта мнимая панацея против пролетариата, не только не помешало обезземелению крестьян, но создало его в таких размерах, что более 3/4 народонаселения частью совсем лишилось своих наделов, частью прекратило на них **всякое** хозяйство или ведет его посредством баб и посторонних работников».

Оставшиеся наделы значительны, они увеличились в сравнении с Положением 19 февраля 1861 г. потому, что община, обезземелив одних, навалила их наделы на других. Однако площадь действительно культурной земли от этого не увеличилась.

По уставным грамотам в 4-х волостях значилось 24149 дес. пашни, а в 1894 г. действительно обсеянной пашни оказалось лишь 15741 дес., т.е. 65,2%. Другими словами, крестьяне обрабатывают лишь две трети прежней пашни и приблизительно половину своего надела. «Другая половина состоит из одичавшей земли: запущенной пашни, кустарника, суходолов и проч. Ясно, что обезземеление крестьян произошло не за счет тех хозяев, которые сохранили свои наделы, **так что владение землей для освобожденных крестьян продолжает быть повинностью и до сих пор не сделалось правом**»³⁵.

Хозяйство крестьян, сохранивших наделы, «представляет безотрадную картину: урожаи главного крестьянского хлеба — ржи — ничтожны, сам друг, сам третей, и своего хлеба хватает лишь на полгода, а у многих и того менее. Причину таких ничтожных урожаев следует приписать, прежде всего, недостатку удобрения». 1947 хозяйств с лошадьми имеют в среднем 2,7 головы крупного рогатого скота, чего явно недостаточно для засеваемой площади в 15741 дес. в трех полях, или 5247 дес. в одном поле.

Почему же крестьяне при тысячах десятин запущенной земли не увеличивают поголовье скота? Потому что большинство крестьян

в деревне не живет, а хозяйство ведут женщины и старики при помощи наемных работников. Число последних составило 392 человека на 1308 хозяев, которые пашут сами. Часто в опросных листках встречаются такие ответы: «Бабы летом занимаются крестьянством, а зимой изготовлением пряжи. Мужики живут в разных местах и занимаются разными ремеслами»; «Земля наша неудобна, не стоит того, чтобы ее работать. Без навоза не стоит сеять, но и с навозом родит плохо. Одной землей не прокормишься, без промыслов пришлось бы помирать с голоду».

Три других волости занимают центр уезда. Они расположены по обеим сторонам Москвы-реки, и поэтому здесь есть богатые заливные луга, которые «представляют неисчерпаемое богатство для владельцев. Укосы с этих лугов громадные (свыше 200 пуд. с десятины) и по качеству произрастающих на них злаков дают ценное сено. Неудивительно, что эти луга ежегодно раскупаются нарасхват особыми скупщиками и послужили основанием для образования в этих местностях крупного сеного промысла»³⁶.

Наличие такого ценного фонда не могло не отразиться на отношении крестьян к земле. Если в волостях первой группы крестьяне обрабатывали лишь 45% всей земли и две трети пашни, то в центральной группе, несмотря на большую площадь заливных лугов и прочих покосов, обрабатывается 50% всей земли, а запущенной почти нет вовсе. Крестьяне здесь дорожат землей, о чем говорит факт почти полного отсутствия переделов. Несколько выше в этих волостях доля крестьян, которые пашут сами (24—29%).

Однако и в этом более благополучном районе доминируют те же явления, что и в «Пальшине». Хотя женщины здесь не пашут, но крестьянский пролетариат налицо, пусть и в меньшем размере (25—35% и 50%). Урожаи так же ничтожны, заливные же луга многие крестьяне утилизируют не сами, а продают или сдают в аренду. Показательно, что «сначала крестьяне сами эксплуатировали свои заливные луга, но полученное сено община немедленно продавала, а деньги пропивала, а так как за крестьянами числились неоплатные недоимки, то вмешалась администрация и заставила общину сдавать луга в аренду. Теперь крестьяне довольны таким порядком и находят его более выгодным для себя. В самом деле, кроме арендных денег, которые поступают в уплату податей, крестьяне много выручают во время покоса, так как скупщики их же нанимают для уборки сена»³⁷.

Дюшен, который сам был практикующим аграрием, считает, что реконструированная им картина типична для всей средней нечерноземной России — «везде более или менее существует то же самое. Не только не образуются прочных крестьянских хозяйств, но крестьяне бросают зем-

лю, которая дичает и обращается в неприглядные пустыри. А между тем земледелие в наших промышленных губерниях не только возможно, не только в состоянии прокормить своих пахарей, но может дать им прочное основание для относительного благосостояния». Нет сомнения в том, что и в крестьянском хозяйстве возможны такие урожаи, которые получались в имении Дюшена в Звенигородском уезде — ржи сам-13, овса — сам-7, а клевера на старопахотных землях 350 пуд/дес.

Однако для этого, пишет Дюшен, «необходимо освободить русский народ из той ямы, в которой мы искусственно его держим, закладывая все выходы из нее», т.е. из общины³⁸.

Хронические недоимки в подобных условиях, по его мнению, совершенно естественны.

Главные же выводы автора таковы: «1) Общинное землевладение нисколько не охраняет крестьян от обезземеления, но ускоряет этот процесс. Если душевой надел в 6 дес. может обеспечить домохозяина при подворном владении, то при общинном и более значительный надел не обеспечивает крестьянина, который рано или поздно бросает землю и, оставаясь номинально владельцем надела, никакого хозяйства на нем не ведет, фактически переходя в класс безземельных и бесхозяйных. Мы видели, что даже при 6 дес. на душу бронницкие крестьяне имеют хлеба только на полгода;

2) Обезземеление крестьян при общинном землевладении получает крайне уродливую форму. При подворном владении обезземеление некоторой части крестьян влечет за собой укрепление хозяйственной силы остальных домохозяев, к которым переходят наделы обедневших крестьян. При общинном землевладении происходит иной процесс. Обезземеление одних не увеличивает хозяйственной силы других, а возлагает на их плечи лишь новую тягость. Наваленный на него надел домохозяин запускает, так как культура его (т.е. обработка этого надела. — *М.Д.*) может только увеличить дефицит его собственного хозяйства.

3) Явление свалки и навалки наделов служит прямым доказательством, что общинное землевладение — продукт крепостного права. Сущность крепостного права в том и заключалась, что владение землей было для крестьян повинностью, а не правом. Эту характерную черту отжившего строя наша деревня, благодаря общинному землевладению, сохранила до сих пор. Там, где крестьянин начинает дорожить своей землей, отношения крестьян к земле получают черты подворного, а не общинного владения: переделы совершаются редко или совсем прекращаются, свалка и навалка душ отсутствуют, число обезземеленных уменьшается, и крестьянин явно тяготится общинными порядками.

4) Общинное землевладение является единственным тормозом для образования прочных крестьянских хозяйств. Никакие улучшения, никакой прогресс в крестьянском хозяйстве в настоящее время невозможны. Это очевидно всякому, кто близко знаком с бытом нашей деревни и лично работал на своей ниве. Хозяин не может работать успешно, если ему свяжут руки, а мирская регламентация распространяется на все его действия... даже на право трудиться в неурочные, по закону мира, дни. Труд общинного домохозяина, в сущности, тот же крепостной труд, только лишенный разумного контроля со стороны заинтересованного в этом труде помещика;

5) Крестьяне говорят: “мир — плохой хозяин; у мира — нет души”. Последнее так же справедливо, как и первое. **Всюду замечаемое нравственное одичание крестьян несомненно происходит от разлагающего влияния мирских порядков. Подчиняясь роковой власти, крестьянин внутри своей души не может признать безобразный мирской приговор правильным и, сознавая свою беспомощность, начинает верить в господство зла.** Безнравственное влияние мира отражается и на семейных отношениях крестьян: случаи самого недостойного поведения детей по отношению к своим родителям составляют обычное явление в деревне»³⁹.

К этим выводам можно добавить, на наш взгляд, и шестой: официальные размеры землепользования — весьма зыбкое основание для суждений о благосостоянии крестьянства, ибо его реальная жизнь, а значит, и жизнь деревни в целом, не укладывались в рамки фиксируемой площади наделов.

Проведенный анализ, показывающий несостоятельность — применительно к большинству российских крестьян — традиционной интерпретации недоимок как следствия недостаточности наделов, позволяет рассмотреть в общем виде трактовку самой проблемы малоземелья современниками, что, полагаю, важно для понимания аграрной проблематики того времени.

Малоземелье, точнее, *представление* общественности *о малоземелье*, в конце XIX — начале XX вв. стало, как известно, стержнем аграрного вопроса, главного вопроса российской жизни. Именно малоземелье, как считалось, было первопричиной крестьянских выступлений и в 1902—1903, и в 1905—1906 гг.

А.С. Ермолов в 1906 г. фиксирует, что в крестьянском малоземелье «многие видят теперь главную причину крестьянской бедности, корень претерпеваемых крестьянами, а, следовательно, и всей страной бед» и что «большинство писавших по этому вопросу, в особенности в последнее время, в последние, можно сказать, дни, выдает это за факт непреложный, всякое сомнение в котором не допускает-

ся, и грозит жестокой травлей или бойкотом тому, кто решится его высказать»⁴⁰.

Между тем Ермолов еще в монографии «Неурожай и народное бедствие» (1892 г.) показал, что крестьяне малоземельных губерний живут лучше и, как правило, не имеют недоимок. В 1906 г. он расширил рамки своего исследования в работе «Наш земельный вопрос».

Однако взгляды значительной части общества отражала точка зрения, например, А.В. Пешехонова: «В этом безземелье и малоземелье, частью создавшемся уже в самый момент выхода крестьян на волю, частью обусловленном громадным приростом населения, совершенно естественно искать главную причину бедственного положения русского крестьянства; это... не просто одна из причин упадка сельскохозяйственного промысла, но она является главной причиной, и непременно главной»; у крестьян «мало во владении земли, и никакие паллиативы помочь этому горю не в силах; одно только и есть коренное улучшение — это дать в достаточном количестве землю»?⁴¹

Это кажется удивительным, но в большинстве известных высказываний на эту тему речь идет именно о площади наделов, а не о том, сколько труда вкладывается в обработку этой земли, в каких условиях происходит это вложение и т.д.

Почему?

Для ответа на этот вопрос нужно вспомнить, что еще в 1860—1870-х гг. сформировались два дискурса в осмыслении русского аграрного вопроса, которые условно можно назвать «романтическим» и «реалистическим». Каждый из них олицетворял — в более широком ракурсе — два подхода к перспективам развития страны.

Вот какую емкую их характеристику дал тот же А.С. Ермолов: «Одни считают условия России (наличие уравнильно-передельной общины. — *М.Д.*) и свойства нашего крестьянина столь своеобразными, столь отличными от того, что когда-либо существовало и существует в других странах, что никакие западноевропейские примеры, никакие уроки истории к нам не подходят и мы должны идти своим самобытным, нигде не изведанным путем, хотя бы для этого пришлось начинать с разрушения и того сравнительно невысокого уровня культуры, которого нам удалось уже достигнуть».

Мы якобы призваны сказать свое новое слово, явиться пионерами нового строя общественной жизни — за нами, увлеченные нашим примером, уже в хвосте последуют и другие страны света, которые связаны своим прошлым и не могут так легко с ним порвать, тогда как мы должны, очертя голову, ринуться вперед в неизвестное, но заманчивое будущее.

Другие, и я в том числе — стремятся доказать, напротив того, что многое из того, что составляет в настоящее время наше горе, является результатом отнюдь не нашей самобытности, а только нашей **косности и отсутствия у нас знаний**, — даже убеждения в его **необходимости прежде всего**.

Никаких новых путей мы не проложим, никаким новым словом мира не удивим, — удивляем мы его только нашим настоящим сумбуром — а должны примириться с тою мыслью, что нам надо идти вперед обычным путем, давно уже нашими западноевропейскими соседями пройденным и на котором мы едва ли не на несколько столетий от них отстали.

Иначе мы рискуем забрести в такие дебри, выход из которых будет еще труднее, чем из настоящего положения и сопряжены с еще большими жертвами и потерями»⁴².

Первый из дискурсов, основанный на идее общинной эволюции аграрного сектора России, объединял сторонников самых разных, нередко противоположных, идейных течений — партитура общественного мнения была достаточно сложна и, если так можно выразиться, эклектична. Нас сейчас в первую очередь интересует позиция перманентно усиливавшей свое влияние левой части тогдашнего политического спектра.

Напомню, что во второй половине XIX в. адепты «новой» экономической школы (коллективизм, экономический материализм, т.е. марксизм, и учение государственно-этической школы. — *М.Д.*) сближали русскую уравнильно-передельную общину с трудовой артелью. Община, по их мнению, отвечала «требованиям общности (социализации) производительных сил природы и предохраняла их от сосредоточения в руках капиталистов: тем самым она представляла собой залог высшей социальной формы, когда все средства производства будут составлять достояние всего общества; отвечая требованиям высшей справедливости и равенства, общинные порядки должны быть охраняемы и поддерживаемы государством». В России это связывалось со славянофильской и народнической трактовкой общины, благодаря которой «Россия оказывалась впереди всех народов в общем движении экономической эволюции; благодаря общинной организации она прямо идет к высшим формам обобществления средств производства, минуя неизбежную для других народов переходную ступень сосредоточения этих средств в руках капиталистов»⁴³.

Исходная, отправная точка «революционно-демократического» подхода к проблемам российской деревни — «разоренный» «грабительской» реформой крестьянин, который выступает как своего рода

идеальная личность, ставшая — в полном соответствии с Ж.-Ж. Руссо и его последователями (включая О. Конта и К. Маркса) — жертвой внешних обстоятельств жизни (малых наделов, огромных налогов и выкупных платежей и т.п.), подчеркивающих сугубую несправедливость окружающего мира; мера искренности адептов этих взглядов сейчас не важна.

Коллективный портрет «среднего» крестьянина, который рисуется народническими авторами, примерно таков: он как бы априори обладает максимальным трудолюбием, усердием, владеет всем богатством агрономических знаний и арсеналом соответствующих навыков, а также не имеет при этом вредных привычек, мешающих его пуританскому быту и рационально организованному уравнильно-передельной общиной производственному процессу. И лишь антинародная политика царизма и корыстолюбие помещиков, создавших ему невыносимые условия жизни, не позволяют этому воплощению человеческого совершенства реализовать столь выдающийся потенциал.

Соответственно, для того, чтобы это случилось, требовалось изменить количественные характеристики его существования — в частности, уменьшить платежи и налоги и прирезать ему земли. Разумеется, при этом, повторяюсь, было необходимо сохранение и укрепление общины как «эмбриона» нового социального строя.

С некоторым упрощением заметим в связи с этим, что в пореформенной идейно-политической борьбе народники первыми разыграли классический «треугольник Карпмана», где роль «жертвы» была отведена народу в лице, прежде всего, крестьянства, роль «преследователя» — самодержавию и помещицкому дворянству (чуть позже к ним добавилась и буржуазия), а роль «спасителя» («защитника») играла «народолюбивая» интеллигенция.

Для успешного розыгрыша «треугольника», для эффективной защиты «преследуемого» «спаситель» необходимо должен предъявить преследователю несколько простых, понятных, по возможности, всем и каждому тезисов-претензий.

Поэтому, например, мысль об упадке крестьянского хозяйства вследствие недостаточного трудолюбия и отсутствия агрономических знаний у земледельцев — это сложно и неполиткорректно (такого термина в XIX в. не было, но комплекс понятий, им обозначаемых, разумеется, существовал).

А вот идея упадка крестьянского хозяйства из-за малоземелья как следствия «грабительской» реформы и «невыносимых» податей — это удачно, во-первых, потому что понятно, а во-вторых, потому что сразу обозначает перспективы борьбы. Разумеется, я несколько утрирую, но именно «несколько».

Отличительные черты «романтического» дискурса в осмыслении малоземелья, как и крестьянских платежей, — механистическое, а значит, упрощенное понимание и восприятие живой ткани жизни (следовательно, и истории!), неизбежно вытекающие, в частности, из чрезмерной концентрации на внешних признаках явления.

В рамках этого подхода размеры наделов выступают как некий самодовлеющий и абсолютный фактор в том смысле, что число десятин, которыми пользуется крестьянин, как будто раз и навсегда определяет уровень его хозяйства, степень благосостояния и пр.

Такой взгляд вытекает из *натурально-хозяйственной концепции* развития народного хозяйства, которую исповедовала значительная часть образованного класса до 1917 г. и которая была едва ли не главным источником народнической трактовки аграрного вопроса⁴. К сожалению, в общественном сознании нашей страны она не изжита и сегодня, поскольку без малого сто лет активно репродуцируется в учебниках истории.

Из самого термина следует, что хозяйство крестьян должно быть натуральным, как это было в Средневековье и раннем Новом времени, что оно должно самообеспечиваться всем необходимым — и продуктами питания, и одеждой, сельскохозяйственными орудиями и т.д. и не иметь отношения к рынку.

Согласно этой теории, игнорирующей модернизационные процессы, крестьяне *должны жить только* от дохода со своего надела, площадь которого «уже точно предопределяет размеры дохода». Отсюда следует, что *площадь крестьянского землевладения должна расти в том же темпе, что и численность населения деревни*. А поскольку этого не происходило, то именно из натурально-хозяйственной концепции вытекало массовое убеждение, что главной причиной кризисного состояния российской деревни является малоземелье⁴⁵.

В рамках этого подхода сам по себе отход крестьянина от своего надела на заработки традиционной историографией воспринимается не как естественное желание человека использовать имеющиеся возможности для увеличения своих доходов, а как нечто аномальное, как доказательство его тяжелого материального положения (словно крестьяне давали обязательство жить только тем, что произведут в своем хозяйстве!). Это как если бы Робинзон начал распахивать соседний остров, не будучи в состоянии прокормиться на том, куда его определила судьба.

Естественный вопрос — а почему крестьяне были обязаны довольствоваться только тем, что им дает надельная земля? — Потому, что заработок на стороне — это форма «утонченной эксплуатации», и в силу этого он неприемлем. Вот так «самобытно» в России усво-

или социализм. Забавно, что все это говорилось о крестьянах, которые еще недавно даром работали на барщине!

Здесь уместно отметить, что едва ли не большая часть образованного класса России вступила в пореформенное время со специфическим идейным багажом, разбирать который подробно сейчас у нас нет возможности. Отмечу лишь, что его значимыми компонентами были выраженные антикапиталистические, антибуржуазные настроения (критика раннего капитализма в России была воспринята слишком серьезно), «антииндустриализм», «антимещанство», антиевропеизм, неявная ориентация на автаркию и т.д.

В этом багаже внезапно большое место получила «ненависть к эксплуатации человека человеком» — для вчера еще крепостнической страны это была достаточно пикантная и в то же время трагикомичная форма нравственного как бы покаяния. Характерно, что здесь были едины и Н.Г. Чернышевский, и модный тогда публицист князь А.И. Васильчиков, до 1861 г. владевший не одной сотней крепостных душ.

Кстати говоря, изобретенный народниками тезис о «голодном экспорте» есть не что иное, как распространение натурально-хозяйственной концепции на масштабы России⁴⁶. Отсюда же критика «вынужденных осенних продаж» — крестьяне должны вести натуральное хозяйство и круглый год есть только свой хлеб!

Уязвимость и даже ущербность натурально-хозяйственной концепции, кажется, вполне очевидны. Даже лошадиными силами в двух одинаковых моторах внутреннего сгорания можно распорядиться по-разному, что же говорить о столь деликатной сфере человеческой деятельности, как сельское хозяйство, где с одной и той же площади два земледельца легко могут получить различные результаты?

Однако «романтики» упорно делали человека заложником внешних обстоятельств жизни, снимая с него тем самым ответственность за его действия, поступки и т.д. Они десятки лет твердили о нехватке земли, однако обходили молчанием то, что крестьяне крайне неэффективно использовали имеющуюся землю, о чем убедительно свидетельствуют многочисленные источники. Достаточно вспомнить, что третья часть крестьянской земли ежегодно простаивала.

«Романтики» не очень любили обсуждать вопрос о влиянии на хозяйство таких особенностей крестьянского землепользования, как чересполосица, длинноземелье и дальнотемелье. Из их текстов мы не получим ответа на вопрос почему, несмотря на нехватку земли, в структуре общинного землевладения постоянно растет площадь неудобных и просто заброшенных земель и заболачиваются луга. Наконец, приверженцы определяющей роли малоземелья почему-то

очень редко рассуждали о влиянии трудовой этики крестьян на уровень производства.

Подобное упрощение — чтобы не сказать примитивизация — окружающего мира совершенно неудивительна. Ведь в идеологической борьбе пореформенного времени малоземелье, точнее, **представление** общественности о **малоземелье** было не столько, условно говоря, «фактом» экономической «биографии» российской деревни, сколько политическим тезисом, своего рода «символом веры», который жестко отделял «своих» от «чужих».

Проследивая эволюцию народнической мысли, Н.П. Макаров констатирует, что реформа 19 февраля 1861 г. и «хождения в народ» интеллигенции, принявшие в 1870-х гг. «эпидемический характер» превратили аграрный вопрос «в вопрос политический; все партии оппозиции, строго говоря, в той или иной мере не мыслили вопроса о «земле» без вопроса о «воле»; но очень скоро произошло обратное—для «воли» потребовалась «земля». Поэтому все историческое обоснование аграрного вопроса, в особенности в лице идеи о малоземелье, попало в неразрывную связь с лучшими политическими переживаниями русского общества...

Не признавать малоземелья представлялось равносильным признанию справедливости существовавших и политического строя и социальных отношений. В своем месте мы еще увидим, как «оплакивали» и почти хоронили крестьянское хозяйство в основной русской экономической литературе; и этот плач тоже был одним из идейных средств борьбы со старым режимом. Говорить о прогрессе было довольно трудно; разрешалось это таким экономистам, как напр. В.В., Н. Каблуков и т. п., которых не могли заподозрить в защите правительства и существовавших социальных отношений; но и то Н.А. Каблуков писал, что нужно удивляться, как при таких условиях крестьянское хозяйство еще живет»⁴⁷.

В конечном счете, продолжает Макаров, «условия политической и социальной жизни выдвинули крестьянский вопрос как один из вопросов социально-политической борьбы; это придало крестьянскому вопросу особую важность и интерес, но это и взяло его во власть соответствующей его постановки, **сводящейся к установлению обнищания, разложения деревни в области познания реальности жизни и к требованию земли в области программных построений**»⁴⁸.

Таким образом, Макаров **прямо** констатирует предвзятость и не-объективность тогдашних описаний крестьянской жизни, от которых **требовалось** «установление обнищания, разложения деревни», чем едва ли и не занималась по преимуществу земская статистика народнического толка. При этом уровень соответствия этих фактов

действительности был не слишком важен — малоземелье было самым простым способом объяснения обнищания.

При этом тот факт, что недостаточность наделов не носила всеобщего характера, был хорошо известен из тех же земских обследований. Однако в народнической литературе и публицистике данное явление было абсолютизировано — обычная тенденция российской общественной мысли при обращении к привычным негативистским штампам. В результате проблема малоземелья из частной становилась всеобщей. Это был весьма удачный пиар-прием.

Такая же абсолютизация, как мы знаем, имела и имеет место с недоимками — они касаются крестьян трети губерний Европейской России, но, по умолчанию, считаются относящимися ко всему крестьянству.

Примерно то же произошло с «отрезками». Они касались, как известно, только помещичьих крестьян, численность которых равнялась 47% всех крестьян; потери удельных крестьян были незначительны, а государственные крестьяне получили наделы полностью. Однако, когда мы рассуждаем о крестьянском землепользовании, происходит своего рода психологическая подмена — мы говорим об отрезках как о проблеме **всего** крестьянства, а не одних бывших помещичьих крестьян, составлявших его **меньшинство**.

Абсолютизация малоземелья оказалась настолько успешной, что до сих пор оно фигурирует в качестве главного фактора «кризиса» Российской империи не только для «читающей публики», но и некоторых представителей исторического сообщества.

В рамках второго — «реалистического» — дискурса не оспаривался факт наличия острой земельной нужды у меньшинства крестьян, но он отнюдь не распространялся на все крестьянство. Основные причины обеднения части деревни, по мнению сторонников этого подхода, вытекали не из внешних, а из внутренних факторов крестьянского хозяйства, таких, как низкий уровень сельскохозяйственной культуры, который усугублялся коренными изъянами общинного землевладения.

«Реалисты» рассматривали аграрную проблематику строго **научно** (я выделяю слово «научно» потому, что в пореформенное время дипломированные экономисты слишком часто выступали как приверженцы не знания, но идеологии).

Во-первых, они ставили вопрос о том, что, собственно говоря, считать малоземельем. Так, А.С. Ермолов пишет: «Мне пришлось на своем веку изездить всю Россию (кроме самых северных губерний) и значительную часть Сибири. Оказалось, что нет такой местности в

России — кроме разве северных губерний — где не приходилось бы выслушивать жалобы на малоземелье, на земельное утеснение.

Жалобы эти раздаются, например, на Северном Кавказе, в казачьих станицах, где наделы достигают еще и ныне 20 и более десятин на душу. Слышны они и в Сибири, где старожилы крайне враждебно смотрят на новоселов, в пользу которых отводится ныне часть тех земель, которые они издавна считали своими, не зная им ни конца, ни края. Приходилось мне, например, в Олонецкой и в Пермской губерниях встречаться с наделами в 30—40 и более дес. на душу, из которых фактически утилизируется лишь незначительная часть. Что же, и это считать малоземельем, и таким крестьянам отводить дополнительные наделы?

...Очевидно, что дело в огромном большинстве случаев не в абсолютном малоземелье, а в недостатке земли для сохранения стародавних форм экстенсивного хозяйства, не соответствующих более не изменившимся условиям жизни, ни современной численности населения. Но изменять формы хозяйства можно, хотя это и требует и труда, и времени, и знаний, — а создавать вновь землю нельзя, — для отживших но упорно удерживаемых приемов земледелия ее всегда будет недоставать»⁴⁹.

Ермолов, говоря о крайнем разнообразии площади наделов в Европейской России, — от 0,25 дес. на ревизскую душу до 15 дес. на душу государственных крестьян, «мимоходом» замечает, «что особой разницы в благосостоянии крестьян, размеры землепользования коих столь различны, **за исключением только действительно бедственного положения тех из них, которые сидят на даровом нищенском наделе** — во многих случаях констатировать нельзя, а напротив, иногда крестьяне на меньших наделах живут зажиточнее, нежели в селениях многоземельных»⁵⁰.

Во-вторых, «реалисты» справедливо полагали, что наличие во многих губерниях малых, «нищенских» наделов разного происхождения не имеет отношения к большинству крестьянских дворов; проведенный выше поуездный анализ земельной статистики подтверждает это. Как известно, на 1 двор в стране в среднем приходилось 10,3 дес. при амплитуде колебаний от 3,8 дес. в Подольской губернии до 65,1 в Олонецкой.

Эти цифры отнюдь не выглядели безнадежными при сопоставлении с аналогичными показателями других стран, как следует из таблиц 22—24.

Нетрудно видеть, что Россия уступает лишь молодым тогда США и Канаде, в которых освоение сельскохозяйственной территории не было еще закончено.

Поэтому логичным выглядит следующее мнение П.М. Лохтина: «По обилию земли, приходящейся в России на 1 человека населе-

Таблица 22

**Количество удобной земли (без лесов) на одного жителя
в разных странах (дес.)**

Канада	2,2	Австралия*	0,85
США	2,1	Франция	0,82
Болгария	2,05	Венгрия	0,73
Россия	2,03	Австрия	0,68
Греция	1,39	Германия	0,62
Испания	1,3	Италия	0,62
Аргентина*	1,2	Норвегия*	0,5
Алжир	1,1	Англия	0,43
Дания	1,03	Голландия	0,38
Швеция	0,92	Брит.Индия	0,32
Сербия	0,88	Бельгия	0,28
Румыния	0,86	Япония	0,14

Источник: Горемыкин М.И. Аграрный вопрос. Некоторые данные к обсуждению его в Государственной Думе. СПб., 1907. С. 8–9.

* – без пастбищ.

Таблица 23

**Площадь удобной земли на 1 человека земледельческого
населения
в разных странах (дес.)**

Канада	4,6	Германия	1,75
США	4,4	Бельгия	1,31
Россия	2,9	Австрия	1,26
Англия	2,82	Швеция	1,22
Болгария	2,82	Румыния	1,11
Дания	2,7	Италия	1,01
Аргентина	2,4	Венгрия	0,96
Франция	1,81	Брит.Индия	0,54
Испания	1,8	Япония	0,28

Источник: Горемыкин М.И. Аграрный вопрос... С. 9

ния вообще и земледельческого в частности, и по незначительному числу мелких участков, Россия превосходит почти все государства света и **никакого малоземелья в ней не имеется**. Мы знаем, между тем, что, по общественному мнению, сделавшемуся стереотипным, малоземелье есть главнейшая причина бедственного положения крестьян. Эти жалобы... доказывают не малоземелье, а однозначности

Средний размер хозяйства в разных странах (дес.), по Соковину

США	44,1	Венгрия	8,5
Россия*	21,3	Германия	8,2
Швеция**	16,6	Франция	7,06
Англия	15,1	Италия	5,2
Россия***	13,477****	Австрия	5,1
Дания	11,3	Бельгия	2,4
Испания	9,7	Япония	0,75

Источник: Горемыкин М.И. Аграрный вопрос... С. 12.

* — без большей части казенных лесов;

** — без леса;

*** — среднее крестьянское владение;

**** — подсчеты П. Лохтина — 12,5 дес.

с жалобами на невозможность дальнейшего ведения экстенсивного хищнического хозяйства на истощенной почве. Земля наша “велика” по-прежнему, но она уже не “обильна” в смысле плодородия почвы благодаря “порядкам” пользования землею»⁵¹.

Что же это были за порядки?

Мы помним о зародившихся еще в средневековье недостатках деревенского расселения, во всех странах всегда связанного с чересполосицей, принудительным севооборотом и большими массивами земель общего пользования, которые с течением времени усугубляются мелкополосицей и дальнотемельем. Однако в России после 1861 г. негативное влияние этих явлений радикально усилилось общинным режимом. Поэтому, по мнению «реалистов», только тот комплекс мероприятий, который обсуждался в литературе конца XIX — начала XX вв. и который составит суть аграрной реформы Столыпина, был способен вывести аграрный сектор страны из кризиса.

«Романтики» и их преемники, представители традиционной историографии, не слишком любили анализировать указанные сюжеты. Даже воздействие на крестьянское хозяйство чересполосицы и дальнотемелья, «этих двух главнейших язв крестьянского землевладения»⁵² ими либо довольно беспомощно отрицалось, либо объявлялось не слишком важным. Например, один из наиболее популярных защитников общины, А.С. Посников, утверждал, что «узкость полос (при внутринадельной чересполосице. — М.Д.) никогда не бывает такова, чтобы нельзя было пахать, а потеря времени (при переездах от одной полосы к другой. — М.Д.) ничтожна»⁵³.

Популярность «романтического» подхода, в основе которого лежала идея сохранения и поддержание общинного режима, питалась приведенными выше мыслями А.С. Ермолова о «новых путях» для человечества, проложить которые якобы призвана Россия с ее общиной. Вместе с тем нельзя забывать — я уже писал об этом, — что привлекательность общины в огромной степени поддерживалась также и тем, что, основанная *на принуждении миллионов людей* к сохранению отсталой минималистской схемы общежития, она давала широчайшие возможности для управления этими людьми⁵⁴.

С долей упрощения можно утверждать следующее. Целью революционных народников был социализм в России, главной задачей их на этом пути — уничтожение «ненавистного режима». Община для них имела «великое социальное значение», а народ России должен был играть здесь роль объекта в громадном социалистическом эксперименте. Понятно, насколько удобна была для этого уравнительно-передельная община.

Для правительственного лагеря, для «охранителей» община была оплотом существующего строя и одновременно удобным органом правительственной власти, и с этим, в частности, во многом связано усиление патерналистских тенденций с 1880-х гг.

Кроме того, за общину ратовали и те, кто считался умеренными, либералами и выступал за «правовой порядок».

Литература, как правило, ограничивается лишь констатацией указанного «странного сближения».

Однако сближение было совсем не странным.

Если отвлечься от риторики и левых, и правых, и «либералов», то в основе их действий лежало тривиальное стремление так или иначе *управлять* 100 миллионами крестьян. Только первые требовали, чтобы в роли управляющего выступала «народолюбивая интеллигенция», вторые — земские начальники-чиновники МВД, а третьи — земство.

И — по большому счету — *конкурировали они прежде всего за мандаринат, за кормовую площадь, каковой им представлялась русская деревня* — неважно под какими лозунгами!

Поэтому то, что именуется контрреформами Александра III в аграрной сфере, исключая введение института земских начальников, во многом были реализацией требований земцев-либералов⁵⁵ и левых, вполне совпадавших с точкой зрения тех, кто принимал решения в правительстве. Так или иначе, но Власть провела почти все меры по поддержанию общинного строя, т.е. расшатавшихся крепостных порядков, о которых много лет твердила народническая — и не только! — интеллигенция — фактическую отмену 165 ст. Положения, удлинение срока выкупа, ограничение семейных разделов,

ограничение свободы передвижения крестьян и др. Эти меры принудительного, крепостного, в сущности, порядка тормозили естественный процесс перехода русской деревни к новому строю жизни.

Надо сказать, что «охранители» хотя бы думали о стране, как они это понимали. А их оппоненты мечтали о богадельне на 1/6 часть земной суши, в которой они были бы важными людьми.

На этом масштабном фоне проблемы общинного землепользования воспринимались как более или менее терпимые недостатки, хотя значимость малоземелья как лозунга в идейно-политической борьбе в разные периоды, разумеется, не была одинаковой. Со временем недостаточность наделов стала весьма удобным оправданием упадка общинного земледелия.

С 1905—1906 гг., когда в России сформировались партии, политическая составляющая «проблемы малоземелья» резко усилилась. В ходе революции 1905 г. она превратилась в таран, с помощью которого оппозиционные партии — до кадетов включительно — намеревались добиться своих целей. Она стала поводом бороться за изменение политического строя страны, с тем, чтобы якобы улучшить, в частности, жизнь крестьян, не изменяя притом общинной основы аграрных порядков. При этом малоземелье планировалось ликвидировать или ослабить прежде всего за счет разрушения относительно немногочисленных в начале XX в. очагов культуры, в том числе и сельскохозяйственной, — помещичьих имений.

Что касается социалистов, то их программы были основаны на тех или иных вариантах огосударствления земли, причем проблемы повышения культуры крестьянского земледелия никого из них не волновали.

Несколько сложнее было положение партии конституционных демократов. В 1916 г. автор аграрной программы кадетов А.А. Кауфман, осмысливая первые итоги Столыпинской аграрной реформы, воспринятой им поначалу весьма враждебно, писал: «Будучи, прежде всего, статистиком, пишущий эти строки большую и лучшую часть своей жизни отдал научной и практической работе по вопросам крестьянского землеустройства и хозяйства, Для него уже давно стало ясно, что в земле—в *одной* земли нет выхода для попавшего в тупик русского крестьянского хозяйства: что этот выход прежде всего и больше всего, *в повышении производительности крестьянского труда на земле, иначе сказать, в подъеме сельскохозяйственной культуры.*

Ему давно уже стала и ясна несостоятельность той веры в агрономические таланты русского мужика— в мужицкое «ён сумеет», которая так причудливо сплеталась в наших «правлящих» сферах, с не менее твердою верой в другой принцип: в мужицкое — «ён достанет», и

с еще более твердою верой... в необходимость для благоденствия мужика “твердой и сильной власти” в лице господ земских начальников; стала ясна несостоятельность этой веры и безусловная, насущная, неотложная необходимость **помочь мужику реорганизовать его хозяйство** и поднять производительность его труда, — призвать для этого на помощь свет агрономической науки и практики.

И своим слабым голосом он призывал к устройству агрономической помощи и тогда, когда был мелким чиновником и в ответ на свои призывы встречал лишь полупрезрительные, а то и совсем презрительные усмешки со стороны высшего сельскохозяйственного чиновничества; призывал и в тот непродолжительный период 1905—1907 гг., когда его — ненадолго — вынесло на широкую арену политической деятельности и **когда он за свои призывы к культуре рисковал быть зачисленным в ряды замаскированных врагов народа (! — М.Д.),** — народа, которому, как тогда думали, нужна земля, а не барская, какая-то, “культура”.

С радостью видит он теперь, как это пренебрежение к культуре, в то время разделявшееся и теми, кто был призван быть ее носителями, — и самими агрономами, готовыми, в то время, подписаться под лозунгом: **сперва** земля, а **потом** культура, — как это пренебрежение уступило место полному и безоговорочному признанию как в правительственных сферах, так в широких общественных кругах, а к счастью, и в самих народных массах, — к полному, говорю я, и безоговорочному признанию **первостепенного и неотложного** значения культуры и ее действительного носителя — агрономической помощи»⁵⁶.

Здесь уместно привести также и комментарий Н.П. Макарова этой весьма характерной приметы эпохи — «противопоставления дополнительного наделения (крестьян землей. — М.Д.) интенсификации и отрицание последней как способа вывести крестьянское хозяйство из кризиса.

Принципиальное противопоставление (sic!) и непонимание условий и экономического значения интенсификации сельского хозяйства, соединяемое с боязнью, что так хотят “замолчать” земельный вопрос или (что) так могут его “замолчать”, **типично для настроений русского общества, как в широких его партийных и непартийных кругах, так и в экономической литературе.**

Известный редактор сборника по “Аграрному вопросу”, одного из серьезнейших течений по своим приемам подхода к вопросу, И. Петрункевич, в предисловии к этому сборнику почти официально формулирует эту позицию. “Если бы урожайность была доведена до нормы западноевропейских стран”, то тогда надо бы интенсификацию соединить с общей реорганизацией хозяйства; но это путь “мед-

ленный” и “обусловленный”, а здесь приходится разрешать определенный **социальный вопрос, формулируемый, как малоземелье.**

Естественно и то, что немало нареканий встречали по своему адресу А.И. Чупров и А.А. Кауфман, писавшие о возможности и нужности интенсификации»⁵⁷.

Кадеты, хотя и не сразу, осознали, что для успеха им необходимо иметь аграрную программу, близкую самым примитивным «черно-передельным» настроениям крестьянской массы. Поэтому они адаптировали в своих целях некоторые аграрные установки эсеров. При этом кадеты, конечно, не могли, подобно Ленину и большевикам, которые проделали то же самое с эсеровской программой в 1917 г., но куда решительнее, говорить о банальной экспроприации — все же они мечтали построить в России правовое государство (как они трактовали это понятие — вопрос отдельный). Поэтому помещичьи земли предполагалось отнимать у владельцев «за справедливую (т.е. нерыночную. — М.Д.) цену». Так они вознамерились решать «определенный социальный вопрос, формулируемый, как малоземелье».

То, что крестьяне связывали свои проблемы с количеством обрабатываемой земли неудивительно, поскольку они еще помнили недавний земельный простор, прежнюю, неистощенную почву, которую достаточно было «поцарапать сохой», бросить в нее семена и ждать урожая. Они попросту не заметили и не осознали факта исчезновения всего этого.

А вот поведение очень многих образованных российских людей, проповедников малоземелья, не просто удивительно — оно, скорее, позорно. Из корыстных политических соображений они будили самые низменные чувства крестьян и потакали им, натравливая на помещиков, превратив малоземелье в козырную карту в борьбе с Властью, в игре **на** (sic!) будущее страны. Чего стоят, например, брошюры с хлесткими названиями, вроде «Сколько в России земли и как мы ею пользуемся», подписанные Н. Прокоповичем и А. Мертваго (М., 1907)?

Для понимания настроений общественности весьма характерно, **что и Чупров, и Кауфман говорили об интенсификации в рамках общинного строя**⁵⁸. Нельзя не отметить и того факта, что «дополнительное наделение землей» в общине — а иного и не предусматривалось ни социалистами, ни кадетами — было вариантом продолжения неокрепостнических отношений в стране. Ведь землей и другим имуществом наделяют между рабами и крепостными.

И поэтому, в частности, правительственная программа 1906 г. стала настоящим прорывом. Кровавая актуализация проблемы малоземелья стала одной из причин начать переустройство отсталого аграрного строя, в котором жили, как минимум, четыре жителя страны из

пяти, что должно было создать реальные предпосылки для подъема благосостояния деревни без радикальных потрясений аграрного сектора. Их точку зрения воплощала Столыпинская аграрная реформа.

Она основывалась на том, что впервые в русской истории 100 миллионов крестьян, признанных за «персон» (С.Ю. Витте), т.е. уравниваемых в гражданских правах с остальным населением, должны были, наконец, **сами** решать, **как** им жить. Это означало, в числе прочего, что они могут стать собственниками своих наделов.

И уже это делает понятнее отторжение реформы очень широким кругом тех современников, конечной целью которых было управление народом, какой бы демагогией это не камуфлировалось, для всех защитников общины — от Победоносцева до террористов — и даже для таких ее противников (на словах), как марксисты, ибо успех преобразований лишал их деятельность, а иногда и жизнь, смысла.

А успех реформы был оглушительным, безусловным и притом быстрым. Помимо понятной растерянности, он породил у ее противников столь же понятную злобу бессилия. Отсюда стремление затушевать достижения реформаторов бесконечными разговорами о насилии, о «выбитых на хутора» крестьянах, о подкупе их властью и т.п. Отсюда тот шквал оголтелой критики с вполне предсказуемой степенью объективности, который обрушился на реформу и на самого Столыпина.

Тем не менее, модернизация, проводимая вопреки господствующим установкам общественного мнения страны, своего рода «модернизация вопреки» имела мощный позитивный эффект, что лишний раз подчеркивает, насколько слабо ощущало реальные потребности страны и насколько было оторвано от ее реальной жизни большинство образованного класса.

Библиография

- Бржеский Н.К. Недоимочность и круговая порука сельских обществ. Историко-критический обзор действующего законодательства в связи с практикою крестьянского податного дела. СПб., 1897.
- Бруцкус Б.Д. К современному положению аграрного вопроса. Пг., 1917.
- Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. 2. СПб., 1909.
- Горемыкин М.И. Аграрный вопрос. Некоторые данные к обсуждению его в Государственной Думе. СПб., 1907.
- Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., 2010.
- Давыдов М.А. О проблеме крестьянских платежей в конце XIX — начале XX вв. // Экономические реформы: уроки истории: сборник статей (История мировой экономики. Вып. 2). М., 2013.
- Давыдов М.А. Крепостническое мышление пореформенного общества и уравнилельно-передельная община (к постановке проблемы) // Вестник РУДН. Серия История. 2013. № 1.

- Давыдов М.А. Проблема крестьянских недоимок в конце XIX — начале XX вв. // Проблемы историографии, источниковедения и методов исторического исследования. Материалы V научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2014.
- Ермолов А.С. Наш земельный вопрос. СПб., 1906.
- Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. В 2-х тт. СПб., 1909.
- Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. Изд. 2-е. М., 1918.
- Кауфман А.А. Агрономический персонал и его место в земском статистическом аппарате. Самара, 1916.
- Лохтин П. Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. СПб., 1901.
- Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920.
- Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России. XVIII — начало XX века. М., 2012.
- Нефедов С.А. О причинах русской революции // О причинах Русской революции М., 2010.
- П.Д. (П.П. Дюшен) Русский социализм и общинное землевладение. М., 1899.
- Петров Ю.А. Налоги и налогоплательщики в России начала XX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М., 2003.
- Риттих А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903.
- Шаццлло М.К. Эволюция налоговой системы России в XIX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М., 2003.
- Шидловский С.И. Общий обзор трудов местных комитетов. СПб., 1905.

Примечания

- ¹ О новых подходах к проблеме см.: Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2013; Давыдов М.А. О проблеме крестьянских платежей в конце XIX — начале XX вв. // Экономические реформы: уроки истории: сборник статей (История мировой экономики. Вып. 2). М., 2012. С. 138—187; Проблема крестьянских недоимок в конце XIX — начале XX вв. // Проблемы историографии, источниковедения и методов исторического исследования. Материалы V научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2014.
- ² Петров Ю.А. Налоги и налогоплательщики в России начала XX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М., 2003; Шаццлло М.К. Эволюция налоговой системы России в XIX в. // Там же; Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2010. С. 324—325 и др.
- ³ Бржеский Н.К. Недоимочность и круговая порука сельских обществ. Историко-критический обзор действующего законодательства в связи с практикою крестьянского податного дела. СПб., 1897. С. I—II.
- ⁴ Россия. Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Л., 1991. С. 201.
- ⁵ Тут есть определенное сходство с нашим восприятием отрезки земли у крестьян. Как известно, «отрезки» касались лишь помещичьих крестьян, составлявших 47% численности крестьянства; у государственных крестьян их не было вовсе, а у удельных они были ничтожны. Однако — и здесь, несомненно, чистая психология — демонизируя проблему отрезков, мы как-то забываем, что она относится к меньшей части крестьян, и невольно переносим ее на все крестьянство.
- ⁶ Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Т. 2. СПб., 1909. С. 7—28.
- ⁷ Отчет по продовольственной кампании 1910—1911 гг. Управления сельской продовольственной частью МВД. СПб. 1912. С. 102—103.
- ⁸ Ермолов А.С. Наши неурожаи ... Т. 2. С. 32—33. (Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит их авторам, а выделение жирным шрифтом мне. — *М.Д.*)
- ⁹ Нефедов С.А. О причинах Русской революции // О причинах Русской революции. М., 2010. С. 44—45.
- ¹⁰ Давыдов М.А. О проблеме крестьянских платежей в конце XIX — начале XX вв. С. 138—187.

- ¹¹ Существующий порядок взимания окладных сборов с крестьян. По сведениям податных инспекторов. М., 1894. Вып. 1—2.
- ¹² Обнаруженные опечатки: в Казанском уезде у удельных крестьян вместо 10,2 дес. напечатано 9,3, в Тетюшском вместо 8,1 — 8,2, а в итогах Козьмодемьянского — вместо 8,9—9,0 дес.
- ¹³ Обнаруженные опечатки: в итогах Самарского уезда вместо 14,6 дес. напечатано 14,5 дес.
- ¹⁴ Обнаруженные опечатки: для государственных крестьян в Бобровском уезде вместо 8,8 дес. напечатано 8,5, в Валуйском вместо 11,1 дес. — 10,9, в Нижнедевицком вместо 11,0 — 11,1 дес., а для помещичьих крестьян в Бирюченском уезде — вместо 5,6 дес. — 5,5.
- ¹⁵ Удельные крестьяне не отмечены в списке в «Ежегоднике МФ» как плательщики, но в «Статистике землевладения» фигурируют 412 дворов в Валуйском уезде и 113 дворов в Задонском, которые вместе владели почти 6,7 тыс. дес.
- ¹⁶ Обнаруженные опечатки: в Ардатовском уезде для государственных крестьян вместо 10,7 дес. напечатано 10,6, в Балахнинском для них же вместо 4,5 дес. — 4,4, для помещичьих вместо 7,0 — 6,6 и в итоге по уезду вместо 6,2 дес. — 6,0.
- ¹⁷ Обнаруженные опечатки: для государственных крестьян в Болховском уезде вместо 8,1 дес. напечатано 8,2 дес., в Дмитриевском — вместо 8,8 — 8,7, а в Орловском для помещичьих крестьян вместо 5,8 дес. — 5,7.
- ¹⁸ Существующий порядок взимания окладных сборов с крестьян. По сведениям податных инспекторов. СПб., 1895. Вып. 2. С. 33—35.
- ¹⁹ Обнаруженные опечатки: в Тамбовском уезде для государственных крестьян вместо 7,9 дес. напечатано 7,8.
- ²⁰ Обнаруженные опечатки: итог по Чембарскому уезду — 6,7 вместо 6,8 дес.
- ²¹ Редкий случай, когда опечатки мной не обнаружены.
- ²² Выпуск 1 «Статистики землевладения» с данными по Московской губернии изобилует ошибками в принципе; можно думать, сказывалась спешка, и я бы рекомендовал исследователям самим пересчитывать вторичные данные, проверив сначала исходные данные.
- Обнаруженные опечатки: для государственных крестьян в Рузском уезде вместо 10,3 напечатано 10,4, для помещичьих в Московском вместо 4,9 — 4,8, в итогах по Верейскому уезду — 10,0 вместо 10,1 и в Рузском — 9,2 вместо 10,3.
- ²³ Обнаруженные опечатки: для государственных крестьян в Егорьевском уезде вместо 6,3 напечатано 6,0, в Касимовском вместо 10,5 — 10,3, в Раненбургском вместо 8,7 — 8,6. Для помещичьих в Рязанском уезде вместо 5,6 дес. — 7,8, в Касимовском вместо 7,6 — 7,5, в Раненбургском вместо 5,5 — 5,4, в Спасском вместо 7,6 — 6,8. В итогах три ошибки — в Раненбургском вместо 6,9 — 6,8, в Сапожковском — вместо 7,5 — 7,4, в Спасском вместо 7,6 — 7,1.
- ²⁴ Обнаруженные опечатки: в Саратовском уезде для государственных крестьян вместо 11,8 — 11,7 дес., в Царицынском — для государственных вместо 18,2 дес. — 17,2, для удельных — вместо 10,5 — 18,4 дес.
- ²⁵ Станным образом — без опечаток.
- ²⁶ Существующий порядок взимания окладных сборов с крестьян... СПб., 1895. Вып. 1. С. 73—74.
- ²⁷ Обнаруженные опечатки: в Челябинском уезде для государственных крестьян вместо 25,9 дес. напечатано 25,8 и в Оренбургском для помещичьих — вместо 17,4 — 17,5 дес.
- ²⁸ Без опечаток.
- ²⁹ Существующий порядок взимания окладных сборов ... Вып. С. 57.
- ³⁰ Существующий порядок взимания окладных сборов ... Вып. 1. С. 57.
- ³¹ Существующий порядок взимания окладных сборов... Вып. 2. 1894. С. 99—101.
- ³² Там же. С. III.
- ³³ Там же. С. 99—100.
- ³⁴ П.Д. (П.П. Дюшен). Русский социализм и общинное землевладение. М., 1899.
- ³⁵ Там же. С. 91.
- ³⁶ Там же. С. 93.
- ³⁷ Там же. С. 94—95.

³⁸ Там же. С. 95—96.

³⁹ Там же. С. 98—100. Заметим, что Дюшен не распространял этот категоричный вывод на все 100% имевшихся в стране общин.

⁴⁰ Ермолов А.С. Наш земельный вопрос. СПб., 1906. С. 3.

⁴¹ Цит. по: Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. Изд. 2-е. М., 1918. С. 46.

⁴² Там же. С. III—IV.

⁴³ Риттих А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903. С. 17—18.

* По существу, в рамках социально-экономической проблематики оборот «традиционный подход(ы)» в преобладающей части вытекает именно из натурально-хозяйственной концепции. При этом народническая интерпретация этой проблематики была свойственна отнюдь не только тем, кого мы привычно считаем народниками.

⁴⁵ Бруцкус Б.Д. К современному положению аграрного вопроса. Пг., 1917. С. 6—7.

⁴⁶ Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., 2010. С. 360.

⁴⁷ Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920. С. 8—9.

⁴⁸ Там же. С. 9—10.

⁴⁹ Ермолов А.С. Наш земельный вопрос... С. 4—5.

⁵⁰ Там же. С. 5.

⁵¹ Лохтин П. Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. СПб., 1901. С. 146.

⁵² Шидловский С.И. Общий обзор трудов местных комитетов. СПб., 1905. С. 43.

⁵³ П.Д. Русский социализм... С. 28. «Слегка охрипший социализмом», по выражению С.Ю. Витте, Посников был его преподавателем в Новороссийском университете. Много позже Витте «назначил» его «профессором политической экономии, а затем и деканом экономического отдела» Политехнического института в Петербурге. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 2. Рукописные заметки. С. 41.

⁵⁴ См. подробнее: Давыдов М.А. Крепостническое мышление пореформенного общества и уравнильно-пердельная община (к постановке проблемы) // Вестник РУДН. Серия История. 2013. № 1. С. 5—19.

⁵⁵ Веселовский Б. История земства за сорок лет. Т. 2. СПб., 1909. С. 284.

⁵⁶ Кауфман А.А. Агрономический персонал и его место в земском статистическом аппарате. Самара, 1916. С. 5—6.

⁵⁷ Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т. 1. С. 8—10.

⁵⁸ В 1890-х гг. земские агрономы-народники, стремясь доказать, что общинное землепользование совместимо с сельскохозяйственным прогрессом, начали внедрение клеверного травополья в общинах. Судьба этого начинания поучительна. Во время работы Особого совещания 1902—1904 гг. (и позже — вплоть до наших дней) факты введения травопольных севооборотов в промышленном и северном районах России «неуклонно» приводились защитниками общины в качестве аргумента, доказывающего способность общины вводить агрономические улучшения, однако — что характерно — по преимуществу из тех уездов, где крестьянское травосеяние еще отсутствовало. Члены же Комитетов тех уездов, где оно было введено, с фактами в руках доказывали, что общинное травосеяние стало ярким доказательством несовместимости интенсивной культуры с уравнительными порядками. Дело в том, что численность крестьянского скота не только не увеличилась, но в ряде случаев даже уменьшилась, поскольку крестьянам хотелось получить больше денег от продажи сена и клеверных семян. А между тем травопольное хозяйство требует большого удобрения и тщательной всяшки, иначе появляется клеверное переутомление, которое истощает землю еще сильнее, чем трехполье; к нему и были вынуждены вернуться некоторые деревни (Риттих А.А. Крестьянский порядок. СПб., 1904. С. 2—4).

Таким образом, дорогостоящий опыт введения общинного травосеяния, осуществленный, кстати, за счет значительных расходов из средств, взятых у населения, вновь дал пример дорыночного поведения крестьян, которых неустойчивость пользования землей побуждала извлекать в короткий срок из земли максимум дохода в ущерб ее производительным силам. Характерно, что приведенное мнение участников Особого совещания совершенно игнорируется современной традиционной историографией, по-прежнему стремящейся доказать, что общинный строй не препятствует интенсификации хозяйства.

Государство и отраслевые съезды предпринимателей в России в конце XIX – начале XX века

Аннотация: Настоящая статья прослеживает основные этапы формирования представительных организаций предпринимателей, представлявших интересы как добывающих, так и обрабатывающих отраслей промышленности, а также транспорта. Возникшие сверху, по инициативе правительства в основном на этапе экономической модернизации рубежа XIX–XX вв. в виде отраслевых съездов, эти организации стали ведущей формой представительства интересов предпринимательского сообщества перед государством.

В статье на основе архивных документов и опубликованных трудов отраслевых съездов раскрыты механизмы взаимодействия государственных органов и представительных организаций предпринимателей. Сделан вывод о том, что, несмотря на ряд особенностей, эти организации были адекватной формой представительства интересов российских предпринимателей. Именно они осуществляли определенные функции посредника между государством и деловым сообществом и закладывали основы системы социального партнерства.

Ключевые слова: государство, отраслевые съезды предпринимателей, механизмы взаимодействия, программа Витте, ходатайства, положения о съездах.

Введение

Ускорение экономической модернизации на рубеже XIX–XX вв. поставили правительство перед необходимостью поиска новых форм управления страной с целью вывода ее экономики на уровень передовых государств. Новые подходы к управлению экономикой были разработаны и изложены в Записке «Об изменении штатов Департамента торговли и мануфактур», подготовленных министром финансов С.Ю. Витте в 1893 г. и вошедших в историю как «Программа Витте»¹.

Необходимым условием успешной реализации данной программы, по мысли Витте, становилось государственное вмешательство в экономику и поддержка частной инициативы и предприимчивости, а это, в свою очередь, требовало мобилизации всех имевшихся интеллектуальных, организационных и информационно-пропаган-

* Бессолицын Александр Алексеевич — доктор экономических наук, профессор кафедры истории экономики ИОН РАНХиГС, профессор Московской высшей школы социальных и экономических наук.

дистских ресурсов. Общий замысел Витте заключался в том, чтобы привлечь предпринимателей к систематическому совещательному участию в решении общих и частных вопросов, касающихся нужд промышленности и торговли.

С этой целью министр финансов поддержал и даже инициировал создание новых предпринимательских организаций. Однако деятельность предпринимательского сообщества, его место в торгово-промышленной политике правительства вплоть до конца XIX в. практически никак институционально не были оформлены. В результате, в условиях экономической модернизации, когда роль бизнеса объективно возросла, возникли так называемые «институциональные дефициты», которые проявлялись, с одной стороны, в отсутствии внятной государственной политики в отношении бизнеса, а с другой — в отсутствии эффективного представительства интересов самих предпринимателей. Ликвидация этих «дефицитов» предполагала, прежде всего, наличие соответствующей нормативно-правовой базы, разработку которой взяло на себя правительство. В результате этой работы уже в начале XX в. сложилась достаточно стройная система институтов предпринимательства и шел активный процесс установления взаимоотношений между представителями капитала и власти.

Крупнейшими и наиболее динамично развивающимися представительными организациями предпринимателей в конце XIX — начале XX вв. выступали всероссийские и регионально-отраслевые съезды, которые охватывали практически все отрасли промышленности и транспорта и способствовали их модернизации.

Анализу опыта решения проблемы эффективного взаимодействия государства и отраслевых съездов предпринимателей, их роли в социально-экономическом развитии страны в основном на этапе экономической модернизации рубежа XIX—XX вв., посвящена данная статья.

Исторические этапы формирования представительных организаций в России

Первые работы, посвященные истории формирования представительных организаций российской буржуазии были опубликованы еще в 1880-х гг. Л.Н. Нисселовичем, который проследил основные этапы их становления на протяжении XVIII—XIX вв.² Однако вплоть до начала Первой русской революции 1905—1907 гг. его работы остаются практически единственной попыткой анализа эволюции представительства интересов торговых и промышленных кругов российской буржуазии в дореволюционный период. Лишь после

1906 г. начинается более-менее систематическое осмысление ее места и роли в социально-экономической и политической жизни страны. Ключевыми в этот период являются статьи А.О. Когана (псевдонимы А.О. Ерманский и А.О. Гушка)³, А.И. Каминки⁴ и Е.С. Лурье⁵.

В 1920—1930-е гг. история российской буржуазии не является предметом самостоятельного исследования, а рассматривается, как правило, в контексте изучения истории рабочего класса⁶.

Только начиная со второй половины 1950-х гг. стали интенсивно разрабатываться проблемы социально-экономического характера. Центральным здесь виделся вопрос о монополиях, в связи с которыми рассматривались и предпринимательские организации. Впервые комплексно эти вопросы исследовал Я.И. Лившин, который проанализировал социальную природу практически всех типов представительных объединений российской буржуазии оформившихся на рубеже XIX—XX вв., включая отраслевые съезды предпринимателей⁷.

В целом в период 1960—1980-х гг. наиболее активно и последовательно проблемы становления и развития представительных организаций русской буржуазии, ее сотрудничества с государством рассматриваются в работах И.Ф. Гиндина, В.И. Бовыкина, В.Я. Лаврычева и Л.Е. Шепелева⁸.

В период экономических реформ рубежа 1980—1990-х гг. значительно вырос интерес исследователей к проблемам предпринимательства и деятельности организаций предпринимателей в до-революционной России. В этот период прослеживается тенденция, направленная на отказ от сложившихся в советской литературе стереотипов и штампов, в частности тезиса о непременно реакционном влиянии российской буржуазии на социально-экономические и политические процессы в стране.

В 2000-е годы, из работ обобщающего характера, несомненный интерес представляет монография Е.А. Воронцовой, содержащая достаточно полную сводку текстов, посвященных проблеме предпринимательских организаций в России, опубликованных правда в основном за период 1980—1990-х гг.⁹

Проведенный историографический обзор показывает, что история становления и развития предпринимательских организаций в России, их взаимодействия с государственными органами, хотя и получила определенное развитие в научной литературе, но до сих пор представляет малоисследованную область отечественной экономической истории. Целый ряд вопросов, связанных с данной проблемой, требует более детальных исследований.

Первая попытка привлечения предпринимателей не только к официальному представительству своих интересов, но и к управле-

нию промышленностью и торговлей была предпринята еще при Екатерине I. Однако дальше указа «Об уничтожении лишних присутственных мест и канцелярий» (24 февраля 1727 г.) эта идея в жизнь не воплотилась.

В отличие от стран Запада, где формирование гражданских институтов было связано с крушением в ходе буржуазных революций абсолютистских режимов и становлением третьего сословия, в России они вызревали в недрах самодержавного строя и являлись поначалу результатом усилий не столько самой общественности, сколько просвещенных монархов и чиновничества, отдававших дань требованиям времени. Именно гипертрофированная роль государства обуславливала слабость и неразвитость в России институтов гражданского общества.

Становление системы организаций и учреждений, представляющих интересы торгово-промышленного класса, шло в России по двум направлениям. С одной стороны, правительство, заинтересованное в развитии экономики страны, понимало «потребность в создании особых органов, при посредстве которых возможно было бы выяснить истинные нужды торговли и промышленности и своевременно принимать меры к развитию этих отраслей народного хозяйства», с другой стороны, сами промышленники и торговцы были заинтересованы в доведении до сведения правительства своих проблем, пожеланий, ходатайств, а иногда и требований. Стремление предпринимателей оказывать влияние на экономическую политику правительства также усиливалось с увеличением роли торговли и промышленности в экономической жизни страны. По мере роста самоосознания буржуазией себя как класса, возрастала потребность в существовании особых органов, которые могли бы отстаивать ее интересы и чей голос имел бы больший вес, чем голос отдельных предпринимателей.

Долгое время государство, в интересах экономического роста вынуждено было поддерживать и даже инициировать объединение предпринимателей в представительных и совещательных организациях, при этом ограничивая уровень их компетенции исключительно вопросами экономической политики. Практически на протяжении всего пореформенного периода в чиновничьих кругах сохранялось противоречие между, с одной стороны, желанием получить профессиональную экспертизу деловых кругов, а с другой, сдерживать инициативу самих предпринимателей, опасаясь их объединенной оппозиции в экономической и политической сферах¹⁰.

Реформы 1860–1870-х гг. способствовали возникновению новых общественных экономических организаций, а усложнение общественной и хозяйственной жизни империи требовало не только ис-

пользования новых приемов и методов управления, но и введения новых институтов и учреждений, более широкого привлечения общественности.

На первом этапе свою активность предпринимательские круги стремились проявить прежде всего через формирование системы профессионально-общественных организаций разных типов. Определенное развитие в этот период получили Всероссийские торгово-промышленные съезды, однако они не представляли собой постоянно действовавших объединений предпринимателей, собирались от случая к случаю, к тому же сами предприниматели оказались на съездах в меньшинстве и, по сути, не могли влиять на принятие окончательных решений. Наконец, стремление правительства жестко проводить экономический курс не учитывая интересы различных предпринимательских кругов способствовало их роспуску.

Помимо торгово-промышленных съездов, так и не ставших авторитетом для предпринимателей и не сумевших создать постоянно действующие органы в 1880–1890-е гг. идет достаточно активный процесс формирования новых типов объединений, которые на рубеже веков становятся наиболее массовыми и влиятельными. Ведущими здесь становятся два основных типа: территориальный (биржевые комитеты, которые объединяли всех предпринимателей, действовавших в определенном районе, независимо от их отраслевой принадлежности) и отраслевой (съезды промышленников добывающих и обрабатывающих отраслей, а также транспортников). Однако, включив представительные организации буржуазии в процесс управления экономикой, государство, тем не менее, оставило за собой решение ключевых проблем социально-экономического развития страны. Подобное обстоятельство наложило ряд особенностей, как на сам процесс становления предпринимательских организаций, так и на их деятельность. Именно в рамках пореформенного периода в целом сформировались основные типы представительных организаций предпринимателей и далее, в период экономической модернизации на рубеже XIX–XX вв. шел процесс их институционального оформления.

На рубеже XIX–XX вв. сформировались несколько типов представительных организаций, ведущими среди них, как по численности участников, так и охвату различных отраслей промышленности и торговли являлись биржевые общества и комитеты и отраслевые съезды.

Впервые материалы о деятельности представительных организаций в России были собраны промышленно-экономическим отделом Императорского русского технического общества, который в 1912 г. разослал анкету «Об общественных организациях торгово-промышленного класса в России». На основе этой анкеты О.А. Коганом была

предложена классификация представительных организаций торгово-промышленного класса. Автор разбил все эти организации на три категории, при этом ключевым фактором данной классификации для него являлся критерий объекта воздействия. Согласно этой классификации первая категория — это та, которая объектом своего воздействия имеет потребителя (картели, тресты и синдикаты) и регулирует исключительно коммерческую сторону деятельности представителей крупного капитала. Вторая категория имеет объектом своего воздействия государство. Сюда относятся: биржевые комитеты, Советы съездов, совещательные конторы, торгово-промышленные палаты и др. Наконец, третья категория имеет объектом своего воздействия рабочий класс (Союзы работодателей)¹¹.

В окончательном списке представительных организаций торгово-промышленного класса в России автор указал, что их общее количество к 1910 г. составило — 143¹².

Недостатком данной классификации, по нашему мнению, является то, что автор по сути проигнорировал наличие таких представительных организаций, как биржевые общества и отраслевые съезды, сосредоточив внимание на их исполнительных органах: биржевых комитетах и Советах съездов, основная задача которых заключалась в том, чтобы выполнять постановления своих головных организаций.

Наиболее распространенной формой предпринимательской активности, помимо биржевых обществ, объединявших в основном торговую часть предпринимательского сообщества, стали всероссийские и регионально-отраслевые съезды, которые охватывали практически все значимые отрасли экономики. Возникшие по инициативе сверху, эти организации, уже начиная с 1880-х гг. рассматривались государством как важная форма представительства интересов промышленной буржуазии перед правительственными учреждениями. Таковую форму активности предпринимателей поддержал министр финансов С.Ю. Витте, который рассматривал в своей Программе отраслевые съезды как проявление частной инициативы и опыта в промышленном развитии империи¹³.

К 1914 г. в стране работало, по разным оценкам, от 30 до 70 всероссийских и регионально-отраслевых съездов предпринимателей. Более точную цифру назвать затруднительно, поскольку не все организации отраслевого типа заявляли о себе, как о съезде. Часто в названиях фигурируют термины: «общество» или «союз», хотя, по мнению ряда исследователей, по форме организации и методам работы это были типичные отраслевые съезды. По нашему мнению, к 1913 г. насчитывалось порядка 50 всероссийских и регионально-отраслевых организаций, в том числе: 3 съезда нефтепромышлен-

ников, 4 съезда судовладельцев, 5 съездов горнопромышленников, 7 съездов лесопромышленников, 13 региональных съездов золотопромышленников, а также всероссийские электротехнические съезды, железнодорожные съезды, съезды мукомолов, съезды металлостроителей, съезды паровозостроительных заводчиков, съезды рыбопромышленников, сахарозаводчиков, стеклостроителей, кожевенных и винокуренных заводчиков и т.д.

Основными направлениями деятельности отраслевых организаций были: анализ состояния промышленности и торговли в России, обсуждение актуальных вопросов экономической жизни страны, подготовка документов для правительственных органов и экспертиза соответствующих законопроектов, а также участие в работе различного рода комиссий и совещаний по экономическим вопросам. Однако главное внимание съезды уделяли обсуждению вопросов, связанных с развитием конкретных отраслей промышленности и транспорта.

Создание институциональных рамок функционирования представительных организаций предпринимателей в России

Деятельность предпринимательского сообщества, его место в торгово-промышленной политике правительства вплоть до конца XIX в. институционально практически не были оформлены.

Только в результате реформ 1860—1870-х гг., которые вызвали подъем всего народного хозяйства и деловой активности предпринимательского сообщества, возникает реальная потребность преобразовать существующие совещательные учреждения, установленные для содействия развитию торговли и промышленности. В этой связи министерство финансов, в ведении которого находились мануфактурный и коммерческий советы, в 1872 г. признает необходимым подвергнуть общему пересмотру действующие узаконения об организации и деятельности этих учреждений. В ходе пересмотра выяснилось, что существование Коммерческого совета и его Московского отделения представляется излишним, так как министерство финансов, при разрешении вопросов, относящихся специально к торговле, может обращаться за необходимыми сведениями и разъяснениями к существующим в столицах биржевым комитетам. Кроме того, было признано, что существование двух отделных учреждений, из которых одно представляет интересы торговли, а другое — интересы промышленности, скорее вредно, чем полезно, поскольку интересы торговли настолько тесно связаны с интересами промышленности, что между ними действительно едва ли возможно провести резкую

границу. В связи с этим было признано целесообразным объединить мануфактурный и коммерческий советы в одно общее совещательное учреждение. Одновременно с преобразованием центрального совещательного органа были преобразованы также и местные учреждения, представляющие интересы торговли и промышленности.

Таким образом, со стороны правительства была признана потребность в хорошей организации посредничества между правительственными властями и заинтересованными в процветании торговли и промышленности лицами и учреждениями¹⁴.

В связи с этим, 7 июня 1872 г. было издано «Положение о совещательных учреждениях по части торговой и мануфактурной промышленности». Однако принятие нового Положения мало способствовало активизации предпринимательского сообщества, объединенного в Совет торговли и мануфактур. По мнению В. Шнейдера, посвятившего изучению деятельности совещательных учреждений по делам торговли и промышленности специальный очерк, деятельность этих комитетов оставалась совершенно неизвестною, и, более того, автор подчеркивал: «Мы считаем себя даже вправе утверждать, что большая часть наших торговцев и промышленников вовсе не ведают о существовании этих комитетов и не знают, что учреждение их разрешено особым законом»¹⁵.

Указывая на отстраненность комитетов от реальной предпринимательской деятельности, Шнейдер предлагает для решения этой проблемы учредить в Петербурге некий «Центральный орган представительства интересов торговли и промышленности», состоящий из лиц, близко знакомых на практике с пользой и нуждами этих отраслей народного хозяйства: «Данный орган должен давать свои заключения по всем принимаемым в местных комитетах решениям или ходатайствам и затем представлять эти решения и ходатайства вместе со своим заключением на усмотрение министра финансов»¹⁶.

Хотя представленный проект и не выходил за рамки существующего законодательства и наделял предпринимательские организации исключительно совещательными функциями, тем не менее, это был шаг вперед в ликвидации «институциональных дефицитов» предпринимательства и разработке нормативно-правовой базы представительства его интересов. В этом документе, по сути, впервые, были четко определены функции предпринимательских организаций, их права и обязанности, а также закреплён механизм отстаивания интересов бизнеса перед правительственными учреждениями.

Новым шагом в институционализации представительства интересов предпринимательского сообщества стало принятие программы развития промышленности и торговли, разработанной в Депар-

таменте торговли и мануфактур Министерства финансов России. Работа над программой, начатая по инициативе С.Ю. Витте в 1892 г. после его назначения на должность министра финансов, была закончена к осени 1893 г. и официально утверждена 30 октября 1893 г.

Программа представляла собой записку, подготовленную в Министерстве финансов под названием «Об изменении штатов Департамента торговли и мануфактур». В этой записке были изложены предложения Витте, которые и легли в основу его торгово-промышленной политики, вошедшей в историю как «Программа Витте», в которой он обосновал необходимость разработки комплекса мер по подъему отечественной промышленности, ограждения ее от иностранной конкуренции и создания условий для самостоятельного удовлетворения спроса русских потребителей. В связи с этим много внимания уделялось вопросу об организации представительства интересов предпринимателей перед правительственными учреждениями. Организация такого представительства рассматривалась как необходимое условие успешной реализации всей программы¹⁷.

Суть новой политики заключалась в том, чтобы постепенно утвердить на новых основах национальное экономическое развитие и с учетом особенностей России, которые заключались, прежде всего, в отсутствии оформившегося гражданского общества. Учитывая это обстоятельство, С.Ю. Витте в своей записке подчеркивал, что «правительство было призвано к решению более трудной и более сложной деятельности ... оно должно было энергично войти в самую глубь интересов разнообразных отраслей народного хозяйства и положительным воздействием возбуждать и поддерживать частную предприимчивость в желательном направлении»¹⁸.

Важную роль в этой деятельности правительство отводило поддержке отечественной обрабатывающей промышленности. Витте указывал на тот факт, что русская промышленность, в силу исторических обстоятельств, поставлена в гораздо более трудные условия и должна в своем развитии преодолеть несколько исторических ступеней. Поэтому содействие промышленности со стороны государства должно выражаться в России не столько в общей регламентации, сколько в конкретной помощи для отдельных лиц. Именно такое чисто практическое направление в деятельности центральной администрации и рассматривалось Витте в качестве «одной из важнейших обязанностей правительства по отношению к преуспеянию нашей промышленности, рассматриваемой в целом»¹⁹.

Ввиду всей совокупности весьма сложных и многообразных обязанностей, лежащих на управлении по отношению к торговле и промышленности Витте считал необходимым «создать на местах со-

ответствующие учреждения, в которых находили бы достаточное ограждение интересы промышленности не только в общегосударственном их значении, но и в частнопредпринимательском. Этой цели ближе всего удовлетворяли коллегияльные учреждения в составе как из членов от подлежащих административных ведомств, так и из представителей фабрично-заводского интереса». Устройство таких учреждений, по мысли Витте, «облегчило бы непосильную работу центрального управления, устранило бы излишнюю регламентацию, ускорило бы разрешение многих вопросов и помогло бы выработке законодательных норм, касающихся фабрично-заводской промышленности и ближе отвечающим местным нуждам»²⁰.

Хотя в Программе впрямую ничего не говорилось о представительских организациях предпринимателей уже существующих на практике, однако, именно эти организации на рубеже веков получили дальнейшее развитие. Более того в этот период происходит окончательное размежевание функций представительных объединений. Биржевые общества и их комитеты наряду с выполнением своих прямых задач берут на себя функцию защиты экономических интересов предпринимателей их районов в основном занятых в сфере торговли. Съезды промышленников выражали интересы отдельных отраслей промышленности (во всероссийском или местном масштабе), а Общества заводчиков и фабрикантов главное внимание уделяли рабочему вопросу, являясь органами работодателей конкретного промышленного района. Возникновение всех этих организаций в период министерства Витте не только поощрялось, но даже стимулировалось министерством финансов²¹.

В этом контексте можно говорить о том, что предпринимательские организации явились порождением самого государства, а их деятельность сводилась в основном к выполнению совещательных функций, поскольку самодержавная власть не предусматривала другие формы сотрудничества с бизнесом.

Таким образом, торгово-промышленная программа, разработанная по инициативе и при прямом участии министра финансов С.Ю. Витте положила начало институциональному оформлению представительства интересов торгово-промышленного сословия перед правительственными учреждениями, при том что официально программа так и не была обнародована.

В условиях самодержавной власти нормативно-правовое обеспечение функционирования всей системы представительства интересов торгово-промышленного класса осуществляло государство. Деятельность предпринимательских организаций регулировалась нормативными актами, которые, как правило, разрабатывались и ут-

верждалась в профильных министерствах и департаментах, курировавших тот или иной тип объединения предпринимателей.

Основные функции организаций этого типа закреплялись в специальном Положении о деятельности представительного объединения предпринимателей. Отсутствие общего законодательного акта, по мнению Е.А. Воронцовой, «отражает двойственное отношение самодержавия к объединению предпринимателей: не имея возможности обойтись без них, оно стремилось осуществить свой контроль путем утверждения каждой отдельной организации»²².

Отсутствие четко прописанной процедуры утверждения союзов и обществ предпринимателей зачастую приводило к тому, что некоторые организации начинали свою деятельность еще не имея какого-либо регулирующего их работу документа. В условиях, когда само принятие нормативного акта не было четко регламентировано возникали ситуации правового вакуума в деятельности организаций, что порождало внутренние конфликты и отвлекало от решения конкретных проблем отрасли.

В качестве примера можно привести ситуацию с утверждением Положения о горнопромышленных съездах южной России, старейшей региональной отраслевой организации. Съезды горнопромышленников Юга России начали свою деятельность в 1874 г. на основании «Высочайшего соизволения для обсуждения предметов до горного промысла, по соглашению Министра государственных имуществ с Военным министром и Министром путей сообщения».

На первом съезде, состоявшемся 10 ноября 1874 г. было предложено обсудить всего 2 вопроса:

О средствах и порядке перевозки грузов на южных железных дорогах.

О привлечении рабочих рук к горному промыслу²³.

Вопрос о том, как будет регулироваться деятельность вновь созданной представительной организации даже не стоял в повестке дня. Впервые вопрос о принятии «Положения о горнопромышленных съездах южной России» был поднят только на VII съезде горнопромышленников в ноябре 1882 г., т.е. через 8 лет после начала работы организации. В результате была образована особая комиссия для составления соответствующего документа, отсутствие которого создавало неудобства в работе съездов, особенно при принятии решений требующих голосования. Тем не менее, только на X съезде в 1885 г. этот документ стал предметом практического обсуждения и утверждения²⁴.

По утвержденному Положению съезды горнопромышленников Юга России должны были созываться ежегодно, с разрешения

министра государственных имуществ для: а) выработки статистических данных о размерах ожидаемой в следующем году производительности копей и предполагаемом вывозе угля по железным дорогам; б) решения хозяйственных и административных дел съезда и общества пособия увечным горнорабочим, и в) обсуждения, если министр признает это нужным, разных вопросов, до горнозаводской промышленности относящихся²⁵.

В 1887 г. на XII съезде горнопромышленников в Положение был включен пункт о формировании постоянно действующего исполнительного органа — Совета съездов. Однако по мере работы съездов, возникали новые проблемы, которые требовали фиксации в основном нормативном документе. Поэтому через 4 года в октябре 1889 г. была утверждена новая версия Положения, которая, тем не менее, не сняла все разногласия. Поэтому на XIV съезде в ноябре того же 1889 г., был вновь поднят вопрос о пересмотре Положения о съезде. Изменения диктовались, прежде всего, необходимостью законодательно закрепить функции выборных органов съездов (прежде всего, Совета) в деятельности которых все более и более сосредотачивались представительство интересов южной горной промышленности в промежутках между съездами²⁶.

Окончательно проект правил, регулирующих деятельность Совета съезда, был выработан в 1892 г. и окончательно утвержден на XVIII съезде, состоявшемся в 1893 г.²⁷ Однако в 1899 г. на XXIII съезде вновь возникла необходимость пересмотра Положения. На этот раз был поднят вопрос об изменении ценза представительства на съездах. Если в документе принятом в 1885 г. и утвержденном правительством в 1887 г. устанавливался единый ценз в размере 250 железнодорожных вагонов угля, отправленных горнопромышленниками в течение года, что давало право на один голос, то в новом проекте предлагалось установить ценз на иных основаниях: право одного голоса давала ежегодная отправка 250 вагонов, двух голосов — 1 тыс. вагонов и 3-х голосов — 4 тыс. вагонов. Более 3-х голосов никто иметь не мог²⁸.

По сути это было требование крупных предприятий, которые добивались для себя больших прав при принятии того или иного решения, а также стремились утвердить принцип, когда реальные права на съездах получали только те члены, кто отчислял средства на работу постоянных органов съезда. В результате к 1910 г. был выработан новый проект Положения, в котором предлагалось взамен существующего добровольного обложения на нужды Съезда установить обязательное обложение с пуда вывозимых по железным дорогам, по водным и иным путям продуктов горной и горнозаводской промыш-

ленности. Число голосов, которое получала фирма для решения всех вопросов на съезде должно было определяться в зависимости от количества добытых и отправленных пудов горной и металлургической промышленности, но при этом количество голосов все-таки ограничивалось. В приложении к докладу Совета съезда подчеркивалось, что никто за себя и по доверенности не может иметь более 9 голосов, а фирмы, отправившие менее чем необходимо для получения одного голоса, могут соединиться для образования одного голоса. При этом в голосовании могли участвовать только те представители предприятий, которые сделали соответствующий взнос за истекший год. Экстренный съезд горнопромышленников, собравшийся 3 апреля 1910 г. утвердил предложенный проект Положения²⁹.

Однако постоянные требования пересмотра Положений съездов были вызваны не только стремлением крупных заводчиков и шахтовладельцев направлять в собственных интересах деятельность представительной организации горнопромышленной буржуазии юга России. Как показало проведенное исследование, практически все участники, независимо от размера собственности, стремились к расширению компетенции организации. В Положении, утвержденном на экстренном горнопромышленном съезде в 1910 г. в отличие от документа 1899 г. был значительно расширен перечень вопросов, которые должны были обсуждаться на форумах, что объективно отвечало интересам как крупных, так и мелких предпринимателей. В новой редакции Положения, помимо вопросов, связанных с собиранием статистики, разрешением хозяйственных и административных дел и помощи увечным горнорабочим, уже прописанных в прежнем документе, была более четко сформулирована цель съездов: «Объединение и представительство интересов южной горной и горнозаводской промышленности», а также подчеркивалось, что съезды должны были созываться для выяснения нужд местной горной и горнозаводской промышленности и для выработки соответствующих мер к удовлетворению этих нужд³⁰.

Можно констатировать, что по мере развития съездов, совершенствовалась и их нормативная база с целью придания представительной организации большей самостоятельности в принятии решений и освобождения от излишней опеки государства.

Частичная унификация нормативно-правового обеспечения деятельности представительных организаций торгово-промышленного класса происходит только после 1905 г., когда эти организации перешли в ведение вновь созданного Министерства торговли промышленности. Однако еще до его образования в Министерстве финансов был разработан проект «Положения о выборных учреждениях торгово-

промышленного класса и биржевом устройстве», в котором впервые была дана оценка эффективности действующих предпринимательских организаций и заложены основные принципы формирования представительных организаций торгово-промышленного класса.

В проекте отмечалось, что основные предпринимательские организации находятся вне сословности. Часть из этих организаций (комитеты торговли и мануфактур и отделения Совета торговли и мануфактур) фактически существуют только на бумаге. Лучше исполняют свои задачи — биржевые общества и биржевые комитеты, которые выступают, с одной стороны, как организации биржевой торговли, а с другой как представители торгово-промышленного класса. В то же время, подчеркивалось, что «биржевое представительство по характеру и составу своему наименее отвечает нуждам промышленного представительства»³¹.

В результате был сделан вывод о том, что «реформа представительных по делам промышленности и торговли организаций, равно как и биржевых установлений, необходима и неотложна и в основу ее министерство финансов ставит следующие задачи.

Необходимо организовать представительство торговли и промышленности в действующих самостоятельно, помимо биржевых установлений, районных выборных учреждениях, с предоставлением избирательного в них права возможно широкому кругу лиц торгово-промышленного класса. Что касается биржевых организаций, то они должны посвятить все силы исключительно своим специальным задачам.

Выборные представительные учреждения должны быть общими как для торгового, так и для промышленного класса.

В пользу выборных представительных учреждений все пользующиеся избирательными в них правами облагаются обязательным сбором с процентного отношения к сумме уплачиваемого ими основного промыслового налога.

Самоопределению и самодеятельности выборных представительных учреждений должен быть предоставлен возможно широкий простор.

Для представительства всего торгово-промышленного класса должны быть организованы областные и всероссийские съезды представителей названных установлений с постоянным органом — Советом всероссийских съездов.

Независимо от постоянного совета всероссийских съездов для разрешения главнейших вопросов в области торгово-промышленной деятельности страны предполагается учредить высшее совещательное учреждение при министерстве финансов, имеющее в своем со-

ставе как представителей торговли и промышленности, так и представителей других ведомств»³².

Из данного проекта становится очевидным, что государство рассматривало представительные организации торгово-промышленного класса как выборные органы, имеющие собственное финансирование и обладающие достаточно широким кругом полномочий, позволяющим им решать специальные задачи.

Для координации этой работы предусматривалось создание все-российских торгово-промышленных съездов, которые начинают созываться после 1906 г. При этом подчеркивается, что данные съезды не должны носить эпизодический характер, а должны быть постоянно действующей организацией. Для этого в проекте Положения предусматривается формирование Совета всероссийских съездов. В то же время контроль за деятельностью представительных организаций должен был осуществляться через специальное высшее совещательное учреждение, созданное при Министерстве финансов. Однако в связи с передачей управления казенной промышленностью, а также осуществления функций контроля за частной промышленностью и торговлей из министерства финансов новому Министерству торговли и промышленности, созданному по указу от 27 октября 1905 г., проект «Положения о выборных учреждениях торгово-промышленного класса и о биржевом устройстве» так и остался не реализованным.

Деятельность отраслевых съездов как основной формы представительства интересов предпринимателей в России

Быстрое развитие промышленного производства в условиях модернизации на рубеже XIX—XX вв. объективно повышало роль буржуазии в решении не только социально-экономических, но и политических проблем российского общества.

Первыми к созданию своих представительных организаций приступили предприниматели добывающих отраслей промышленности, формирующейся на юге страны. Все эти организации, как правило, возникали в форме «съездов». Именно эта форма представительной организации промышленников получила в России широкое развитие, прежде всего потому, что правительство в свою очередь также активно поощряло этот тип объединения и делового общения власти и предпринимательского сообщества, поскольку съезды, как правило, не выходили за рамки одной отрасли и на них не обсуждали политических вопросов.

Классификация отраслевых съездов, рассматриваемых в статье, построена на основе общепринятой классификации отраслей промышленности и состоит из двух основных групп: добывающей и обрабатывающей. Кроме того, в качестве отдельного типа регионально-отраслевой организации рассматриваются съезды, представлявшие интересы различных объединений предпринимателей, связанных с транспортом, развитие которого в условиях модернизации экономики имело приоритетное значение.

К добывающим отраслям промышленности в данной статье отнесены предприятия по добыче угля, нефти, золота и платины, представленные в рассматриваемый период следующими отраслевыми съездами: съезды горнопромышленников Юга России, съезды Уральских горнопромышленников, съезды Бакинских нефтепромышленников, съезды Терских нефтепромышленников, съезды Кубанских нефтепромышленников, Всероссийские и региональные съезды золото- и платинопромышленников и др.

К обрабатывающим отраслям промышленности отнесены предприятия машиностроения и металлообработки, легкой и пищевой промышленности, которые были представлены следующими отраслевыми съездами: Всероссийские электротехнические съезды, съезды представителей металлообрабатывающей промышленности; съезды представителей паровозостроительных заводов, Всероссийские съезды мукомолов, съезды Каспийско-Волжских рыбопромышленников и др.

В отдельную отрасль народного хозяйства выделен транспорт, поскольку в рассматриваемый период он развивался быстрыми темпами и был представлен отраслевыми организациями, такими как: Общие съезды представителей русских железных дорог; Общие съезды судовладельцев в Санкт-Петербурге, Съезды судовладельцев Волжского бассейна в Нижнем Новгороде, съезды судовладельцев Черноморско-Азовского района в Одессе и др.

Приоритет отраслевых съездов среди других представительных организаций предпринимателей в условиях экономической модернизации вполне вписывался в торгово-промышленную программу правительства. В каждой отрасли промышленности или транспорта формировались один или два съезда, которые занимали лидирующее положение и претендовали на то, чтобы представлять перед правительством интересы всей отрасли. Так в нефтяной отрасли помимо съездов Бакинских нефтепромышленников, которые начали собираться с 1884 г., также функционировали съезды Терских нефтепромышленников в Грозном (с 1898 г.) и съезды Кубанских нефтепромышленников в Екатеринодаре (с 1911 г.), которые фактически являлись филиалами бакинского съезда.

В горнодобывающей отрасли ведущими являлись съезды горнопромышленников Юга России в Харькове (с 1874 г.) и съезды Уральских горнопромышленников в Екатеринбурге (с 1880 г.), помимо них работали съезды горнопромышленников Царства Польского (с 1883 г.), съезды горнозаводчиков и углепромышленников Подмосковского бассейна (с 1880 г.) и еще ряд районных углепромышленных съездов.

В золото- и платинопромышленности, помимо всероссийского съезда, организованного Постоянной Совецательной Конторой в Санкт-Петербурге (с 1909 г.), действовали 13 местных съездов.

В легкой и пищевой промышленности ведущими были Всероссийские съезды мукомолов (с 1888 г.) и съезды Каспийско-Волжских рыбопромышленников в Астрахани (с 1902 г.).

В сфере водного транспорта помимо Общего съезда судовладельцев в Петербурге работали региональные организации: съезды судовладельцев Волжского бассейна (с 1908 г.), съезды судовладельцев Черноморско-Азовского района (с 1909 г.) и т.д.

Точное количество этих организаций указать затруднительно поскольку процесс их образования, хотя и был несколько приостановлен с началом Первой мировой войны, но уже, начиная с 1916 г. вновь возобновился, когда были созданы съезды представителей металлообрабатывающей промышленности (с 1916 г.) и съезды представителей автомобильной, авиационной и моторной промышленности (с 1916 г.). Кроме того, после 1906 г. идет достаточно активный процесс объединения отдельных отраслевых организаций в межотраслевые. Примером здесь может служить деятельность Всероссийского съезда представителей промышленности и торговли (с августа 1906 г.).

Всероссийские съезды, как правило, собирались в Санкт-Петербурге, что касается регионально-отраслевых съездов, то их штаб-квартиры располагались обычно в тех городах, где располагалось основное производство. Тем не менее, почти все отраслевые съезды имели свои представительства в столице с тем, чтобы более эффективно контролировать прохождение в государственных инстанциях ходатайств, подготовленных постоянными органами съездов по решению своих организаций.

Наиболее быстрыми темпами во второй половине XIX — начале XX вв. развивались добывающие отрасли промышленности, что стимулировало создание предпринимательских союзов представляющих эту сферу деятельности. Это были, как правило, региональные организации, построенные по отраслевому принципу и представлявшие интересы горнопромышленников, нефтепромышленников, золото- и платинопромышленников, лесопромышленников и др., т.е. тех от-

раслей, которые в пореформенный период и в условиях разворачивающейся модернизации формировали основу российской промышленности и развивались опережающими темпами. Поэтому именно в этих отраслях промышленности правительство инициировало формирование представительных организаций предпринимателей.

Первыми объединились горнопромышленники южной России, включая владельцев предприятий металлургической, каменноугольной и железорудной промышленности Донбасса и Криворожья. Первый съезд горнопромышленников Юга России состоялся в июне 1874 г. в городе Таганроге. Впоследствии эти съезды собирались в Харькове и проводились практически ежегодно вплоть до 1918 г. Всего состоялось 42 очередных и экстренных съездов. Постоянно действующий орган — Совет съезда также находился в городе Харькове и издавал — «Горнозаводской листок» (1888—1909 гг.), а с 1910 г. журнал «Горнозаводское дело».

Съезды обсуждали широкий круг вопросов, в том числе выходящих за непосредственно отраслевые проблемы, но влияющих на развитие отрасли в целом, включая: рабочий вопрос, высшее и среднее специальное образование, горнопромышленный кредит, страхование, отношение горной промышленности к земствам и земское обложение предприятий горной и горнозаводской промышленности, налоги, земельные отношения, почтово-телеграфное и телефонное сообщение и пассажирское движение в районе рудников и заводов юга России, таможенные пошлины, порты, пристани, судоходные реки и каналы, судостроение и торговое мореплавание, экспорт минерального топлива за границу, постройку новых железных дорог и т.д.

Однако центральным вопросом, обсуждавшимся практически на всех горнопромышленных съездах России был вопрос о тарифах и это не было случайным, поскольку этот вопрос непосредственно касался рынков сбыта для промышленников, без которых не могло развиваться производство. Поэтому эта проблема, в той или иной форме, возникала постоянно. Для углепромышленников южной России важнейшим был вопрос о дорожных тарифах. Отсутствие единой системы оплаты перевозок грузов железными дорогами приводило к наличию индивидуальных тарифов на каждой железной дороге, что осложняло перевозку угля. Разнообразие тарифов и их частые изменения вызывали серьезные затруднения у шахтовладельцев при сбыте продукции и приводили к снижению прибылей. Как подчеркивалось в материалах съезда: тарифную политику предлагалось обсудить «с тем вниманием, которого требует важность предлагаемых к рассмотрению задач». По итогам обсуждения съезд высказался за максимальное понижение железнодорожного тарифа

и одновременно принял решение просить правительство ограничить колебания тарифов, сделав их постоянными³³.

Уже на II съезде (1877 г.) был предпринят первый шаг по пути унификации тарифов. Съезд высказался за введение на всех железных дорогах одинаковых тарифов. Однако это предложение не встретило поддержки со стороны правительства вследствие откровенно негативной позиции администрации железных дорог, опасавшейся убытков в случае введения одинаковых тарифов в размерах, предложенных углепромышленниками³⁴.

Начиная с V-го съезда, созванного в 1880 г., все последующие съезды собирались ежегодно в г. Харькове. На пятом съезде, прежде всего, было продублировано ходатайство об установлении на всех железных дорогах однообразного тарифа с пуда и версты. Это ходатайство было особенно настоятельно поддержано в виду того, что министерство путей сообщения сделало распоряжение об установлении на Курско-Харьково-Азовской железной дороге пониженного в сравнении с другими дорогами тарифа на уголь. На VI-м съезде, в 1881 г., впервые был поставлен вопрос о введении дифференциального тарифа. Этот вопрос находился в центре внимания также нескольких последующих съездов³⁵.

Суть вопроса о дифференциальном тарифе заключалась в том, чтобы для дальних расстояний устанавливались более низкие ставки за счет повышения их на близкие расстояния. Постепенно под нажимом углепромышленников правительство шло на уступки в тарифном вопросе. Весной 1890 г. Министерство финансов ввело целую серию льготных тарифов на перевозку донецкого угля в Москву и Петербург. Одновременно был повышен тариф для иностранного угля, перевозимого из Петербурга и других балтийских портов в Москву³⁶.

Вопрос о понижении тарифных ставок на перевозку донецкого угля, заменившего английский, в Одессу и Юго-Западный край вновь был поднят в 1890 г. на XV съезде. В результате была введена новая система тарифов, в соответствии с которой была снижена стоимость провоза донецкого угля на Правобережную Украину, а также в Одессу и другие черноморские порты³⁷. К этому же времени относится введение особого пониженного тарифа для вывоза донецкого угля за границу. В итоге конкурентоспособность донецкого топлива заметно выросла. Итоги тарифного вопроса были подведены на XXVIII съезде, состоявшемся в 1903 г.³⁸

Помимо регулирования тарифных вопросов на перевозки угля по железным дорогам внутри страны, съезды южных горнопромышленников активно боролись за ограничение ввоза в страну иностранного угля. В этом направлении были сформулированы ходатайства,

подготовленные на I-м (1874 г.), II-м (1877 г.), X-м (1885 г.) и XI-м (1886 г.) съездах.

Съезды горнопромышленников Юга России, состоявшиеся накануне и в годы Первой мировой войны постепенно отошли от обсуждения тарифных вопросов и сосредоточились на анализе современного положения добывающих и перерабатывающих отраслей отечественной промышленности в условиях военного времени, а также на вопросах правового характера (например, «О праве на недра, содержащие полезные ископаемые») и социальных вопросах (например, «О горном и горнозаводском техническом образовании»; «О фонде для обеспечения предприятий при массовых несчастных случаях» и др.)³⁹.

Наряду со съездами горнопромышленников Юга России активизировались предприниматели Уральского региона, которые с 1880 г. в Екатеринбурге, по инициативе правительства, начинают регулярно созывать съезды уральских горнопромышленников (после 1907 г. — съезды горнопромышленников Урала). До 1896 г. съезды собирались от случая к случаю (так второй съезд проходил в декабре 1882 г., а третий — собрался только в декабре 1889 г., т.е. через 7 лет), и лишь с 1896 г. съезды стали собираться практически ежегодно. Всего до 1916 г. состоялся 21 очередной и экстренный съезд. Положение о съездах было утверждено в 1898 г. и на основании его был образован исполнительный орган — Совет съездов, который до 1905 г. работал в Екатеринбурге, а позднее перебазировался в Петербург.

В истории проведения съездов Уральских горнопромышленников можно выделить 2 этапа: с 1880 г. по 1904 г. и с 1914 г. по 1916 г. На первом этапе съезды собирались в Екатеринбурге, а на втором — перебазировались в Петроград, что объяснялось необходимостью более активного сотрудничества с правительством в условиях начавшейся Первой мировой войны.

Создание этих съездов было обусловлено рядом причин. Среди них можно выделить следующие:

— сложное экономическое положение уральской горнозаводской промышленности в конце XIX в., желание горнозаводчиков сохранить свои земельные владения и привилегии;

— их стремление добиться совместными усилиями от российского правительства увеличения финансовой поддержки отрасли и др.

Решениями первого съезда, состоявшегося в 1880 г., были сформированы несколько комиссий и составлены ходатайства к правительству, в которых излагались проблемы, стоявшие перед горной промышленностью Урала. Мнение большинства присутствовавших на съезде делегатов сводилось к тому, что такие съезды очень полезны и необходимы.

Прорывом в системе организации и проведения съездов стал пятый съезд, состоявшийся летом 1897 г. на нем было положено начало существованию новой организации уральских предпринимателей, способной не только обсуждать проблемы, вставшие на пути развития горнозаводской промышленности, но и профессионально их оформлять в ходатайства для представления в соответствующие инстанции, а также доказывать и отстаивать свое мнение по изложенной проблеме. Кроме того в работе отраслевых съездов согласились участвовать все 34 горнопромышленных предприятия Урала. В 1898 г. было утверждено Положение о съездах и образован постоянный исполнительный орган — Совет съездов горнопромышленников⁴⁰.

Для пополнения бюджета Съезда предприятия-участники должны были периодически производить отчисления определенных сумм в зависимости от объема выпускаемой ими продукции. Через год в 1898 г. было принято Положение о съездах горнопромышленников Урала, в котором работа организации приобрела четкую регламентацию и структуру. Теперь съезды горнопромышленников должны были ежегодно созываться в Екатеринбурге с целью обсуждения вопросов, затрагивающих нужды и интересы предпринимателей; съездам предоставлялось право иметь уполномоченных в Санкт-Петербурге для осуществления контроля за прохождением ходатайств, а также для участия в различных комиссиях и заседаниях при правительстве. На очередном съезде в 1899 г. прошли выборы представителей от промышленников в местные органы власти, что позволило представителям съездов углепромышленников на законных основаниях участвовать в работе органов власти на местном уровне и, таким образом, влиять на экономическую политику проводимую в отношении промышленности.

По типу съездов горнопромышленников Юга России и горнопромышленников Урала в 1880 г. были образованы съезды горнопромышленников Подмосковного района, а в 1883 г. — съезды горнопромышленников Царства Польского, которые сначала собирались в Варшаве, а с 1899 г. — в Домброве. Всего до 1910 г. состоялось 7 съездов горнопромышленников Царства Польского. Все съезды рассматривали примерно одинаковый круг проблем, в целом не выходящий за рамки отрасли, при этом тарифный вопрос являлся одним из основных в их деятельности. Это было связано, как показало исследование, прежде всего с тем, что высокие цены на перевозку минерального топлива из районов его производства в потребляющие регионы сдерживали развитие отраслей и их техническое перевооружение, что вызывало законное недовольство производителей. В то же время деятельность правительства в решении этой проблемы тоже

нельзя оценить однозначно. Контролируя работу государственных железных дорог правительство, безусловно, имело реальные рычаги влияния, например на железнодорожные съезды, однако оно далеко не всегда использовало свою власть с тем, чтобы выработать компромиссные решения между разными отраслевыми организациями в интересах страны в целом. Правительству важно было сохранить возможность оказывать влияние на представительные организации предпринимателей через свою непрозрачную тарифную политику.

Еще одной из старейших организаций отраслевого типа являлись Съезды нефтепромышленников, которые начали собираться с 1884 г. в г. Баку. Всего за время своей деятельности с 1884 г. по 1917 г. в Баку прошло 36 съездов нефтепромышленников. Последний 36-й съезд состоялся в марте 1917 г. и был посвящен выработке стратегии действий отраслевой представительной организации в условиях правления Временного правительства, уже в ноябре 1917 г. декретом Бакинского совета рабочих и военных депутатов среди прочих «антинародных организаций буржуазии», съезд бакинских нефтепромышленников был распущен.

Съезды бакинских нефтепромышленников были одними из самых активно действующих и крупных отраслевых съездов в России. История съездов начинается после отмены откупной системы на нефтяных промыслах Апшеронского полуострова в 1872 г. Первый съезд нефтепромышленников состоялся в Баку 26 октября 1884 г. В его работе приняло участие 119 представителей, из них 108 имели право «решающего голоса»⁴¹.

В повестке дня съезда было 16 вопросов, охватывающих самые разнообразные стороны нефтяного дела. По основным направлениям их можно сгруппировать следующим образом:

Вопросы, относящиеся к производственной деятельности, включающие вопросы, связанные с разработкой нефтяных месторождений, добычей и хранением сырой нефти; обеспечением безопасности и безвредности ее добычи; выделением средств необходимых для поднятия технического уровня нефтяной отрасли, а также мерах, необходимых для благоустройства нефтяных промыслов и т.п.

Вопросы, относящиеся к сбытовой внутрироссийской деятельности, включающих установление обязательных норм в торговле керосином и соляровым маслом, как наиболее безопасным при горении в лампах; о значении для нефтяной промышленности Бакинского района постройки Петровско-Владикавказской железной дороги.

Вопросы, относящиеся к экспортной деятельности, в том числе: О размере отпускной таможенной пошлины на сырую нефть, нефтяные остатки и дистилляты, необходимые для правительства

переработки сырой нефти в России; О необходимости возвращения пошлины на иностранную жемчужину, употребляемую при производстве тары для вывоза за границу нефтяных продуктов; О необходимости строительства нефтепровода от Баку до одного из портов Черного моря; Об условиях вывоза керосина и смазочных масел за границу; Об удешевлении фрахтов, хранения товара на местах сбыта, организации агентур для приема и отпуска покупателям и т.п.

Вопросы, относящиеся к финансовой сфере: Об учреждении нефтяного банка для ссуд под нефтяные товары и вообще о средствах для составления кредита нефтепромышленникам.

Вопросы, относящиеся к социальной сфере: Об устройстве медицинской помощи рабочим на нефтяных промыслах.

Организационные вопросы: Об участии промышленников в собирании и публикации статистических сведений о нефтяной промышленности и торговле; Об организации будущих съездов нефтепромышленности и утверждении постоянной комиссии съездов⁴².

По мере становления съездов как представительной организации со стороны нефтепромышленников возникало понимание необходимости выработки и реализации определенных стратегических направлений развития национальной нефтяной промышленности, что находило отражения в повестках дня проводимых заседаний. На рубеже XIX—XX вв. на своих съездах нефтепромышленники, чувствуя за собой силу и экономическую мощь своей организации, стали гораздо смелее и более решительно требовать от правительства решения актуальных вопросов в отрасли. Критике стали подвергаться налоговая система, тарифная политика, акционерное законодательство, система кредитования и т.д.

На деятельность, связанную с лоббированием своих интересов съезды нефтепромышленников выделяли значительную, в сравнении с другими представительными организациями, сумму, которая в начале XX в. доходила до 2,5 млн. руб. в год. Кроме того, в распоряжении съездов имелись запасные и специальные капиталы, они располагали представительствами в Санкт-Петербурге и Тифлисе, а также проводили активную социальную и благотворительную работу⁴³.

Анализ содержания вопросов включенных в повестку дня съездов показал, что в работе съезда бакинских нефтепромышленников наряду с производственными проблемами, постоянно рассматривались вопросы бытового и медицинского обслуживания нефтепромысловых рабочих, служащих и их семей, а также решались разнообразные вопросы их внепроизводственной жизни и благоустройства территорий проживания. В 1884 г. нефтепромышленники добились разрешения правительства организовать общий фонд, средства которого должны

были инвестироваться на решение медицинских проблем, устройство путей сообщения, освещения территорий поселков, постройку школ, народных домов и т.д. Средства для всех этих социальных целей собирались путем обязательного отчисления нефтедобывающими фирмами определенной суммы с каждого добытого пуда нефти⁴⁴.

Большое внимание съездами бакинских нефтепромышленников уделялось созданию коммунальной инфраструктуры. Со всей остротой на Апшеронском полуострове стояла проблема питьевой воды, поэтому вопросы питьевого водоснабжения также были предметом обсуждения на съездах, в результате чего началось строительство опреснительных установок в прибрежной полосе и прокладка водопроводов в жилые поселки, больницы и школы и на промыслы. Одновременно решались не менее острые проблемы с созданием канализационных сетей. Капитальное дорожное строительство было в центре внимания организации начиная с 1890 г., когда было принято решение о сооружении Баку-Балаханского шоссе и дорог с гравийным покрытием ко всем основным промыслам. В декабре 1894 г. на IX-м съезде был установлен специальный «мостовой сбор» с нефтяных фирм, который позволил аккумулировать необходимые средства для сооружения дорожной сети.

В области народного образования в сферу ответственности съезда бакинских нефтепромышленников входило полное содержание начальных школ с их библиотеками. Хотя по Положению о съездах дело начального народного образования являлось необязательной функцией Съезда, однако, уже на X-м съезде (1896 г.) было принято решение ассигновать на 1896 г. 17 тыс. руб. на постройку проектируемых Советом съезда школьных зданий в промысловом и заводском районах и аудитории для народных чтений на самих промыслах. Первая школа на промыслах была открыта в 1898 г., но уже в 1911/1912 учебном году работало 9 школ с общим числом учащихся 2328 человек⁴⁵.

В последнем десятилетии XIX в. проблема подготовки квалифицированных кадров для технического руководства промыслами и заводами стала очевидной для бакинских нефтепромышленников в условиях стремительного роста объемов нефтяного производства. В мае 1896 г. на X-м съезде был впервые поставлен вопрос об организации в Баку «горного училища» для подготовки специалистов-нефтяников среднего звена. На основании решения съезда на базе существовавшего в городе ремесленного училища в тот же год было создано «Бакинское низшее механико-химическое, техническое училище». В 1898 г. для него было построено двухэтажное здание с прекрасно оборудованными мастерскими. Съезд оказывал субсидии среднему и высшему образованию. Ежегодная субсидия коммер-

ческому училищу (начиная с 1905 г.) была установлена в размере 17 тыс. руб. ежегодно, а потом увеличена до 25 тыс. руб. В 1900 г. XV экстренный съезд по случаю 200-летнего юбилея горного ведомства учредил в Санкт-Петербургском горном институте ежегодную стипендию в размере 480 руб., а в 1902 г. XVII съезд по случаю 10-летнего управления С.Ю. Витте Министерством финансов учредил в Киевском политехникуме стипендию в 480 руб. и такую же стипендию им. В.И. Ковалевского — в Петербургском политехникуме. Наконец XXXI съезд в декабре 1912 г. ассигновал 400 тыс. руб. на постройку здания политехникума на Кавказе. А всего за 15 лет (с 1897 по 1912 гг.) съезд Бакинских нефтепромышленников ассигновал на содержание школ и другие расходы, связанные с образованием, более 1 млн. 730 тыс. руб., что составило почти 7% бюджета съездов⁴⁶.

Социальная направленность съездов сохранялась и в условиях их работы в годы Первой мировой войны. Прежде всего, необходимо отметить, что съезды нефтепромышленников не прекратили свою деятельность с началом войны, как это сделали некоторые другие организации. В программе работы последнего XXXVI очередного съезда (март 1917 г.) нефтепромышленников помимо текущих отраслевых проблем рассматривались такие вопросы, как: О разрешении возводить необходимые жилые помещения на о. Святом и на землях, сданных с торгов; Об устройстве на промыслах новых школ или о предоставлении этого дела Съезду, с освобождением его от половины расходов на полицию. При этом Краткая сводка постановлений Совета съезда за период с 1 октября 1915 по 1 октября 1916 гг. помимо других вопросов включала вопросы: по врачебной части; по народному образованию и т.п.⁴⁷

Особое место среди съездов, представлявших интересы добывающих отраслей промышленности занимали Всероссийские съезды золото- и платинопромышленников. Золотоплатиновая промышленность, которая в основном базировалась на Урале и в Сибири получила значительное развитие в пореформенный период. Старт развитию этого типа добывающей отрасли был дан в 1870 г., когда правительство приняло Устав о частной золотопромышленности. Наряду с Уставом о горной промышленности, принятом в 1857 г. эти два документа взаимно дополняя друг друга, регулировали порядок разведки, разработки приисков и сдачи благородных металлов в казну вплоть до 1917 г. Благодаря разработке золотых месторождений на Урале и в Сибири Россия долгое время являлась крупнейшим поставщиком золота на мировой рынок. Высокие темпы развития отрасли стимулировали создание отраслевых представительных организаций, которые сформировались на основании Положения Ко-

митета министров 1895 г. согласно которому министру земледелия и государственных имуществ было предоставлено право созывать общие и местные съезды золотопромышленников. В 1897 г. было утверждено Положение об организации местных и общих съездов золотопромышленников, в котором отмечалось, что съезды созываются: общие — для всего района данной горной области и местные — для каждого горного округа. На съездах разрешалось обсуждать только вопросы «исключительно» касавшиеся нужд золотого промысла⁴⁸.

В результате этих решений возникли съезды золотопромышленников Оренбургской и Уфимской губернии, Пермских губернских съездов золото- и платинопромышленников, съезды золотопромышленников Амурского, Бурейского и Приморского горных округов, съезды золотопромышленников Енисейской губернии, Минусинского горного округа, Зейского горного округа, Восточно-Забайкальского горного округа, Ленского и Витимского горных округов и др. Эти съезды составили в Сибири и на Урале наиболее многочисленную группу представительных организаций. К 1914 г. их насчитывалось около 15. Их деятельность координировала учрежденная в 1904 г. в Петербурге Постоянная Совецательная Контора, которая по сути выполняла роль Всероссийских золотопромышленных съездов и организовала в столице два Всероссийских съезда золото- и платинопромышленников в 1907 и в начале 1915 гг.⁴⁹

Главным в деятельности съездов золото- и платинопромышленников был вопрос технического перевооружения отрасли. В 1898 г. по ходатайствам съездов правительство издало и утвердило список машин, которые разрешалось без уплаты пошлин ввозить из-за границы для сибирской и уральской золотопромышленности. Это закон действовал 10 лет и оказал значительное влияние на развитие отраслей, открыл возможность знакомиться с употреблявшейся за границей техникой.

Платинопромышленности уделялось на съездах особое внимание. Уже с первых съездов 1897—1898 гг. начались обращения к правительству с требованием проведения геологических исследований платиновых месторождений. Съезды также ходатайствовали, чтобы правительство издало закон, запрещающий вывоз неочищенной платины за границу и ввело монополию на ее скупку и продажу. В 1908 г. было предложено создать «Союз платинопромышленников» и построить на Урале завод по очистке сырой платины. В 1914 г. правительство разрешило постройку такого завода в Екатеринбурге. Производительность завода была рассчитана на ежегодную очистку не менее 450 пудов сырой платины. Завод начал работать в 1916 г.⁵⁰

Съезды подготовили значительное количество ходатайств в адрес правительства и профильного министерства, направленные на активизацию работы отрасли. Среди этих мер предлагались следующие: упрощение порядка регистрации акционерных компаний; пересмотр Устава о золотопромышленности; устройство удобных путей сообщения; беспроцентный ввоз машин и оборудования; освобождение от промыслового налога; льготный кредит для золотого и платинового промыслов; учреждение специального Золотопромышленного банка; государственное страхование рабочих; создание особых кафедр или отделений по золотопромышленности при Петроградском и Екатеринбургском горных институтах и т.д. Большинство ходатайств, впрочем, как и у других отраслевых съездов, преследовали сугубо корпоративные интересы и касались установления разнообразных льгот для отрасли. Однако ряд вопросов выходил за эти рамки. В частности, это касается проблемы государственного страхования рабочих, которая поднималась практически на всех отраслевых съездах.

Последний Всероссийский золотопромышленный съезд собравшийся 7—15 февраля 1915 г. в Петрограде обсудил положение сложившееся в российской золотопромышленности в связи с войной. Главным был вопрос, связанный с поддержанием золотого промысла и мерами к увеличению его добычи в различных округах. О значении этого съезда для правительства свидетельствует тот факт, что в его работе принял участие и возглавил заключительное собрание съезда товарищ министра торговли и промышленности Д.И. Коновалов⁵¹.

В целом для всех съездов, представлявших интересы добывающих отраслей промышленности на первом месте все-таки было представительство их интересов перед государством (в этом отразилась специфика отрасли, работавшей в основном по казенным подрядам). В первую очередь это касалось съездов горнопромышленников, поскольку горная промышленность имела государственное, прежде всего оборонное значение, поэтому деятельность представительных организаций горнопромышленников особенно контролировалась государственными органами.

Съезды активно использовали участие в работе правительственных и после 1906 г. парламентских комиссий, а также право представлять правительственным учреждениям ходатайства по всем вопросам развития горного и горнозаводского дела и таким образом оказывали существенное влияние на экономическую политику правительства. В состав съездов входили владельцы и арендаторы месторождений угля и руды, владельцы угольных копей и предприятий по производству чугуна, железа, меди и других металлов. В съезде горнопромышленников Юга России ведущую роль играли угле-

промышленники, но также были представлены металлостроители. В съезде горнопромышленников Урала доминировали железостроители. В съездах нефтепромышленников активную роль играли владельцы и арендаторы нефтяных скважин, а также нефтезаводчики.

Интересы обрабатывающих отраслей промышленности были представлены как всероссийскими, так и региональными организациями. Среди них выделялись: Всероссийские съезды мукомолов, Всероссийские электротехнические съезды, а также крупные региональные организации: съезды Каспийско-Волжских рыбопромышленников, съезды кожевенных заводчиков Северо-Западного края и т.д.

Раньше других министерство государственных имуществ начало созывать сначала в Москве, а потом в Санкт-Петербурге Всероссийские съезды мукомолов, которые объединяли владельцев и арендаторов мельниц. Всего до 1913 г. состоялось 11 Всероссийских съездов мукомолов. Кроме того, начиная с 1898 г. стали созываться областные и районные съезды мукомолов в Самаре, Саратове, Нижнем Новгороде и др. городах. Необходимость созыва мукомольных съездов рассматривалась как важная государственная задача в решении проблемы выхода России на мировой рынок муки. Надо отметить, что на рубеже XIX—XX вв. для этого сложились определенные предпосылки. По мнению П.И. Лященко, наиболее авторитетного исследователя мукомольной промышленности в России среднее количество годового размола пшеницы на товарных мельницах страны колебалось в пределах 500—650 млн. пудов и по 64 губерниям европейской части России было учтено более 144 тыс. мельниц, из которых 2,4 тыс. являлись товарными. А всего в мукомольной промышленности было занято до 215 тыс. человек⁵².

Первый Всероссийский съезд мукомолов состоялся в феврале 1888 г. в Москве. Цель съезда была заявлена как выяснение общих нужд мукомольной промышленности и изыскание способов решения этих проблем. Тем не менее, главный вопрос, который должны были решить съезды заключался в том, чтобы стимулировать мукомолов к замене экспорта зерна экспортом российской муки. Именно с этой целью Министерство финансов инициирует созыв Всероссийского мукомольного съезда. Глава министерства С.Ю. Витте поручил Департаменту торговли и мануфактур под руководством В.И. Ковалевского подготовить для утверждения Государственным советом Временного положения о Всероссийских съездах мукомолов. Такое Положение было разработано и представлено на утверждение 4 апреля 1896 г. и в конце этого же года было официально утверждено императором.

За короткий период с 1895 по 1896 гг. состоялось сразу три съезда, на которых были разработаны и приняты основные нормативные

документы, регламентирующие порядок работы самих съездов и их районных организаций. Уже с самого начала работы съездов в прессе отмечалось, что помимо решения проблемы вывоза муки за границу в мукомольной промышленности существует немало других производственных и социальных проблем. Это, прежде всего вопросы страхования, тарификации, транспортировки и ряд других, которые требовали оперативного вмешательства⁵³.

Итогом работы II съезда (1895 г.), обсудившего проблему экспорта муки, явилось ходатайство, подготовленное Советом съезда в адрес Министерства финансов с просьбой о снижении на 40% тарифа на перевозку муки, отправляемую за границу. Однако это ходатайство правительством так и не было принято, на том основании, что введение подобных тарифов привело бы к крупным убыткам на железной дороге⁵⁴.

Вопрос об экспорте муки в практическом плане вновь был поднят на VII съезде (1903 г.), на котором Государственному банку было предложено открывать для мукомолов, работающих на внешний рынок соло-вексельные кредиты (кредит, который предоставлялся одному предпринимателю, как правило, под залог мельницы)⁵⁵. Однако эта практика не получила в стране сколько-нибудь широкого развития.

Таким образом, в решении проблемы экспорта муки, съезды не смогли добиться сколько-нибудь реальных результатов, более того доля России в экспорте муки неуклонно снижалась. Если в 1901 г. доля России на мировом мучном рынке составляла 2,1%, то к 1913 г. она упала до 1,5% при неуклонном росте более дешевого зернового экспорта⁵⁶.

Особое место среди отраслевых съездов, представлявших интересы обрабатывающих отраслей промышленности занимали съезды Каспийско-Волжских рыбо- и тюлепромышленников. Эта организация была учреждена и начала свою деятельность в Астрахани в 1902 г. Всего до 1913 г. состоялось 8 подобных съездов. Особенность этой организации заключалась в том, что рыбопромышленники одновременно добывали и перерабатывали рыбу и рыбопродукты и в этом смысле совмещали в себе две отрасли: добывающую и перерабатывающую. Однако их деятельность в основном была связана с пищевой отраслью и, в этой связи, представляется целесообразнее рассматривать ее как организацию в сфере обрабатывающей промышленности, тем более, что сами съезды именовали себя рыбопромышленными, а не рыболовными.

Более того, хотя съезды Каспийской-Волжских рыбопромышленников и являлись типично регионально-отраслевой организацией, но фактически решали общегосударственные задачи, поскольку

Волжский регион доминировал в добыче и переработке рыбы. Если в целом по стране профессионально рыболовством занимались более 650 тыс. человек, то только в Астрахани ловом рыбы занимались более 200 тыс., кроме того в северной части Каспия ежегодно выходили на промысел более 100 тыс. рыбаков на 40 тыс. судов, а на нижней и средней Волге (от Астрахани до Саратова) рыболовством были заняты еще до 140 тыс. человек. Таким образом, по самым приблизительным подсчетам, только в одном Каспийско-Волжском районе рыбным ловом и переработкой было занято почти 440 тыс. человек, что достигало почти 68% всех занятых в рыбной отрасли по стране в целом, не считая мелкого так называемого «подспорного» рыболовства, которое было развито здесь в огромных размерах⁵⁷.

Центром Каспийско-Волжской рыбопромышленности, безусловно, являлись Астраханские промыслы, где объем годовой добычи рыбы достигал 15 млн. пудов, что оценивалось в 25 млн. руб.⁵⁸ Согласно отчету Астраханского управления рыбными и тюленьими промыслами, общая численность рабочих на рыбных промыслах в 1896 г. составляла около 73 тыс. человек⁵⁹.

Именно ключевое положение Каспийско-Волжского района в рыбной отрасли способствовало созданию съездов рыбопромышленников. Инициатива в созыве съезда принадлежала Министерству земледелия и государственных имуществ. Министерство рассматривало создание отраслевой организации как возможность более эффективно влиять на развитие отрасли и было заинтересовано в том, чтобы доводить нормативные документы, касающиеся правил развития рыбной отрасли до сведения максимально широкого круга лиц. Министерство также инициировало разработку Положения о съездах и, тем самым, институционально определило основные направления его деятельности.

Первый общий съезд Каспийско-Волжских рыбопромышленников состоялся 16 декабря 1902 г. в Астрахани. Основное внимание на съезде было уделено обсуждению Положения о будущих съездах. Прежде всего, делегатов волновали такие темы, как порядок выборов членов Комитета съезда, действующего в период между съездами и выполняющего решения, принятые на съезде, а также порядок установления и взимания сборов на содержание выборных органов. Кроме того, съезд рассмотрел ряд производственных вопросов, касающихся проблем развития отрасли. Основное место в работе съезда было уделено проблеме организации сбора статистических сведений по рыболовству и перевозке рыбных грузов, как по железной дороге, так и водным путем. Каких-то конкретных решений выработано не было, но съезд поручил детально изучить проблему на уровне Ко-

митета и тем самым активизировал его работу⁶⁰. В результате этого решения съезды стали собираться регулярно и сформировали постоянно действующие органы.

Второй общий рыбопромышленный съезд состоялся в Астрахани в сентябре-октябре 1904 г. На съезде присутствовало 106 делегатов. Однако, как и на первом съезде, практически был рассмотрен только один вопрос: «О введении пошлин на рыбные товары, ввозимые из-за границы». По мнению участников съезда, увеличение ввоза рыбных товаров из-за границы (норвежской сельди) привело к росту цен на отечественную рыбу (прежде всего на астраханскую сельдь) и отразилось на потребителях. Съезд принял решение о подготовке ходатайства о запрещении беспошлинного ввоза иностранной сельди, при этом голоса ряда участников съезда о том, что причиной падения спроса на астраханскую сельдь является вовсе не отсутствие пошлин на норвежскую, а ее лучшее качество, так и не был услышан делегатами⁶¹.

Суть разногласий касалась не только количества и качества ввозимой из-за границы рыбной продукции, что создавало конкуренцию отечественным рыбопромышленникам, сколько установления и соблюдения запретных сроков на вылов рыбы. Эта тема практически постоянно оставалась в повестке дня всех последующих съездов. В частности, третий общий съезд рыбопромышленников, состоявшийся в Астрахани в сентябре 1906 г., принял постановление о запрете всякого лова рыбы с 15 мая по 15 июля ежегодно. Однако с этим решением не согласились мелкие рыбопромышленники, которые вообще заявили о нецелесообразности установления каких-либо запретительных мер⁶².

Вопрос об объеме и сроках вылова рыбы оставался ключевым и на последующих рыбопромышленных съездах. Полноценная дискуссия по этому вопросу развернулась на шестом съезде (25 июня — 4 июля 1911 г.), наиболее представительном из всех ранее состоявшихся. На съезд прибыло 345 делегатов, выразивших интересы всех, так или иначе связанных с рыбной отраслью, от крупных владельцев и арендаторов рыболовных вод, владельцев рыбозаводов до рядовых рыботорговцев, морских и речных ловцов и представителей от рыболовных артелей. Впервые на съезде был рассмотрен целый комплекс проблем (всего более 50) и было заслушано около 60 докладов. Съезд признал, что вопрос о запретных сроках лова, безрезультатно обсуждавшийся на предыдущих съездах, так и остался нерешенным. Причина, по мнению делегатов съезда, заключалась в том, что Закон о рыболовстве никогда в полном объеме не применялся. Более того, его влияние было существенно ослаблено за счет введения отдельных льгот или частичного исключения отдельных положений. Съезд высказался о необходимости коренной перера-

ботки этого закона и передал рассмотрение этого вопроса в постоянное Бюро, избранное на съезде в количестве 12 человек⁶³.

Начиная с 1910 г. съезды стали собираться ежегодно, возросло число участников и значительно расширился круг обсуждаемых вопросов. Признанием заслуг съездов, как ведущей организации среди рыбопромышленников всей страны можно рассматривать официальное приглашение от Совета съездов промышленности и торговли на планировавшийся в Санкт-Петербурге в конце января 1914 г. Всероссийский съезд, на котором, помимо других вопросов, должен был быть рассмотрен новый Общий устав рыбопромышленности для всех рыболовных районов России, что явилось бы новым шагом в консолидации интересов всех рыбопромышленных съездов⁶⁴.

Астраханские рыбопромышленники также входили в состав рыболовной комиссии при Совете съездов представителей промышленности и торговли и принимали активное участие в ее работе, что являлось наглядным подтверждением авторитета съездов. В частности Рыболовная комиссия с целью сохранения рыбных запасов выступила с инициативой создания специальной рыбной полиции с подчинением ее Управлению рыбных промыслов во главе с чиновником в ранге не ниже старшего ревизора и придания этой комиссии широких полномочий. При этом съезды брали на себя обязательство ежегодно выделять необходимые средства на содержание полиции⁶⁵.

Очередной девятый общий съезд Каспийско-Волжских рыбопромышленников планировался на ноябрь 1914 г., но в связи с началом Первой мировой войны, Бюро съезда посчитало его созыв в сложившихся условиях нецелесообразным и высказалось за его перенос на ноябрь 1915 г. Кроме начавшейся войны еще одним весомым аргументом в пользу переноса сроков созыва съезда явилось то, что Бюро подготовило большое количество ходатайств, так или иначе связанных с предоставлением разного рода льгот по рыболовству, которые вряд ли могли быть удовлетворены при сложившихся обстоятельствах. В частности речь шла о введении свободного лова рыбы в запретных ранее районах, в связи с сокращением численности «ловецкого населения» из-за призыва на военную службу⁶⁶.

Попытки возобновить деятельность съездов в 1915, а потом в 1916 гг. не привели к успеху. На ходатайство в адрес Министерства земледелия и государственных имуществ с требованием «без дальнейших отсрочек провести выборы новых членов Комитета», министерство высказалось вновь за очередную отсрочку созыва съезда с формулировкой «до окончания войны»⁶⁷. Это означало фактическое прекращение деятельности съездов Каспийско-Волжских рыбопромышленников.

Особое положение среди отраслевых организаций занимали Всероссийские электротехнические съезды, учрежденные в 1899 г. Императорским русским техническим обществом. Эти съезды представляли интересы формирующейся новой для России энергетической отрасли промышленности, которая начала бурно развиваться уже в начале XX в. Всего в период с 1900 по 1913 год в России состоялось семь электротехнических съездов. На них, в частности, рассматривались проблемы стратегии развития энергетической отрасли. Особенностью этих съездов являлась их представительность. Уже на первом съезде в списке членов было заявлено 650 делегатов, а на последнем — седьмом съезде присутствовало 760 человек.

Первый съезд работал с 27 декабря 1899 г. по 7 января 1900 г. в Петербурге. В шести отделах съезда состоялось 30 заседаний, на которых было заслушано 96 докладов. В ходе работы съезда были образованы 11 комиссий по рассмотрению различных предложений⁶⁸.

На съезде было утверждено Положение, в котором были сформулированы основные цели организации:

а) сближение русских электротехников между собой и ознакомление с новейшими научно-техническими успехами в области электричества и его применений;

б) выяснение современного состояния электротехники и электротехнического образования и изыскание условий для успешного развития их в России;

в) изучение современного положения электротехнической промышленности в России и изыскание наилучших условий для правильного и успешного ее развития⁶⁹.

Таким образом, задачи и проблемы развития электротехнической отрасли, хотя и были заявлены, как одно из направлений деятельности съезда, но не играли решающей роли в формировании его повестки дня. Из шести отделов, образованных на съезде только один — Второй отдел был посвящен непосредственно электротехнической промышленности. Это обстоятельство предопределило и состав участников организации, где предприниматели не составляли большинства, а активную роль в работе съезда играли члены Императорского русского технического общества и всех его отделений, члены Электротехнического общества, представители правительственных и общественных организаций, в том числе ученые и техническая интеллигенция. Тем не менее, проблемы этой отрасли народного хозяйства активно обсуждались на съездах. В частности на первом съезде был заслушан доклад Комиссии по вопросу о мерах для развития электротехнической промышленности в России и подготовлено специальное ходатайство по этой проблеме. В докладе

отмечалось, что условия, в которых приходится работать существующим и возникающим в России предприятиям по эксплуатации электрической энергии и по заводскому производству электрических машин и приборов, показывают, что русские техники в общем недостаточно подготовлены к такой деятельности. Крайний недостаток в техниках и рабочих, изучивших практически и теоретически различные отрасли электротехники, составляет одну из существенных причин, тормозящих успешное развитие и процветание электротехнической промышленности в России⁷⁰.

Главной темой, звучавшей практически на всех съездах была проблема постановки и развития специального технического образования в России. Это касалось как низших технических училищ, готовивших монтеров по слесарно-механической отрасли, с тем, чтобы они включили в программу обучения преподавание основных практических сведений по электротехнике, так и средних технических училищ, готовивших старших монтеров электротехнических установок и заведующих цехами в электротехнических мастерских и заводах. Что касается высших технических учебных заведений, то лица, закончившие их должны были обладать достаточно основательными знаниями в области электротехники, чтобы иметь возможность применять их в своей специальности. В то же время, хотя в технических вузах уже имелись специальные кафедры по электротехнике, но и в них электротехника скорее изучалась как специальный отдел физики с недостаточным обращением внимания на практическую сторону. В связи с чем съезд пришел к выводу о необходимости подготовки специального ходатайства об открытии электротехнических кафедр и практических занятий во всех высших технических учебных заведениях, где таковых еще не имеется, а также о введении в программу существующих средних и низших технических училищ соответственного преподавания курса электротехники.

Помимо решения проблемы повышения качества технического образования съезд обратил внимание на то, что для развития электротехнической промышленности в стране необходимо решить еще ряд задач. В частности определить место для сбыта произведенной продукции и средства для ее развития. Поскольку электротехническая промышленность являлась молодой отраслью народного хозяйства и не могла на равных конкурировать с европейской продукцией, было подчеркнуто, что и «местом сбыта для изделий русских электротехнических заводов является только Россия и поэтому для развития русской электротехнической промышленности необходимо облегчить сбыт изделий в пределах России для русских заводов сравнительно с изделиями заграничных предприятий». В этой свя-

зи правительство, «желая содействовать, с одной стороны, развитию электротехнической промышленности в России и озабочиваясь, с другой стороны, быть в независимости от иностранной промышленности, признало необходимым для многих военных учреждений, как например, военного ведомства, морского ведомства, а также ведомства путей сообщения, почтово-телеграфного ведомства и других, — не допускать изделий заграничных заводов» на русский рынок⁷¹.

Более того, съезд считал необходимым распространить подобную практику и на гражданские учреждения. В докладе комиссии отмечалось, что «городские, общественные и земские учреждения сдавая заграничным предпринимателям или фирмам электротехнические устройства, ограничиваются во многих случаях только тем, что обеспечивают свои интересы более или менее выгодными для себя договорами, упуская при этом из виду те выгоды, которые они имели бы для себя, заставив хотя бы заграничного предпринимателя применять изделия исключительно русского производства. Этим путем были бы достигнуты выгоды, имеющие общегосударственное значение:

- 1) увеличение числа электротехнических заводов в России, и тем самым развитие внутренней конкуренции;

- 2) образование контингента опытных и практически образованных электротехников;

- 3) возможность продолжения эксплуатации устроенного иностранными предпринимателями сооружения в случае их неисправности своими средствами;

- 4) более верное привлечение иностранного капитала для электротехнических предприятий в России, так как иностранные предприниматели, зная о том, что при городских, общественных и земских учреждениях отдается предпочтение при одинаковых условиях изделиям русских заводов перед иностранными, могут иметь более обеспеченный доход на свой капитал, вкладывая его в российское предприятие»⁷².

Таким образом, в решении проблем развития электротехники в России в условиях острой конкуренции с иностранными предпринимателями в этой отрасли первый съезд однозначно поддерживал отечественных производителей.

Второй Всероссийский электротехнический съезд проходил в Москве с 28 декабря 1901 г. по 5 января 1902 г. На съезде присутствовало 603 делегата и было заслушано в шести отделах 64 доклада. Основное число докладов носили технический характер и были связаны с развитием собственно электротехники. Тем не менее, как и на первом съезде, большое внимание было уделено развитию электротехнического образования. Кроме этого съезд обсудил такие типич-

ные проблемы отраслевых организаций, как страхование рабочих, влияние действующего таможенного тарифа на заграничные электротехнические изделия на развитие электротехнической промышленности в России и др.⁷³

Особенно подробно на съезде обсуждался вопрос, поднятый еще на предыдущем форуме: «О постановке преподавания электротехники в электротехнических учебных заведениях». По этой проблеме на съезде были заслушаны доклады, в которых была проанализирована постановка подготовки в коммерческих школах специалистов для электротехнической промышленности. В докладе «К вопросу о постановке преподавания в низших электротехнических школах» отмечалось, что было бы более рационально не добавлять отдельные предметы в уже существующих технических училищах, а открывать самостоятельные электротехнические училища или преобразовывать уже существующие училища, открывая в них отделения: техническое и электротехническое. Целью преподавания в низшем электротехническом училище, по мнению автора доклада, должна быть подготовка во-первых, лиц, производящих (под руководством инженеров) электротехнические установки всякого рода, во-вторых, — лиц, работающих на сделанных уже установках, и в третьих, — лиц работающих на заводах, производящих принадлежности для электротехнических установок⁷⁴.

Еще одной проблемой, которая была в целом характерна для русской школы — это многопредметность и обширность курсов. При этом преимущество, как правило, отдавалось общему образованию, в ущерб специальному образованию. Это достигалось за счет введения большого числа обязательных второстепенных предметов, знание которых может быть полезно окончившим курс в будущей деятельности. Такая же опасность существовала и при составлении программ электротехнических школ, которые, как полагал докладчик, должны были быть по возможности кратки.

Главная задача таких школ должна была состоять не в том, чтобы сообщить ученикам те или иные истины для запоминания, а в обучении умению производить опыт и наблюдение и в умении строить на основании их правильные заключения, т.е. научиться логически рассуждать. В этой связи требовалось коренное изменение самой программы специальных предметов и метода их преподавания. Ученик по окончании школы должен был выйти с глубоким убеждением, что всякое явление имеет свои причины и происходит по непреложным законам. А поскольку явления в большинстве случаев сложны и причин их появления много, то необходимо сообщить ученику умение разбираться в этих причинах, умение отделять главные от второстепенных.

Особое внимание в процессе обучения должно было уделяться постановке практических работ. При этом главнейшая задача практических работ, по крайней мере, по электротехнике, должна была заключаться в ознакомлении учеников с обращением с машинами и аппаратами и уходом за ними. Ученик должен быть ознакомлен не только с идеей устройства машины или аппарата, но и с действием наиболее распространенных из них или принятых в учреждении, имеющем связь с училищем⁷⁵.

Еще одна проблема, на которую обратил внимание автор доклада, заключалась в необходимости по возможности сократить программы обучения в низших технических школах в целях предоставления ученикам возможности скорее окончить курс. Для этого необходимо было отказаться от разделения учеников на классы поскольку в этом случае учителю приходится иметь дело с многочисленным и разнообразным составом учащихся и в результате учитель не может руководить самостоятельной работой учеников, а вынужден ограничиваться при обширных принятых программах и малом числе учебных дней в году, лишь спросом учеников и кратким объяснением нового материала⁷⁶.

Наконец, безусловно, важнейшим оставался вопрос о правах, даваемых школой окончившим ее. Автор доклада считал более правильным выдавать завершившим обучение свидетельство о прохождении ими курса школы с тем, чтобы после 2-х летней практической деятельности в любой отрасли электротехники, по их личному выбору, они подвергались экзамену при школе, по итогам которого им бы выдавался аттестат, предоставляющий права, соответствующие правам, даваемым другими подобными училищами⁷⁷.

Постановка специального электротехнического обучения в России была делом новым, поэтому для съезда был важен реальный опыт, накопленный в этом деле в Европе. Европейское электротехническое образование началось с открытия в 1880 г. первой специализированной двухгодичной школы подготовки техников и инженеров в области электротехники в Париже (Телеграфная школа). Поэтому не случайно на съезде был заслушан доклад о высшем электротехническом образовании во Франции. Этот опыт был важен еще и потому, что к началу XX в. в России, несмотря на достаточно быстрый рост электротехнической промышленности, специальных электротехнических училищ и электротехнических отделений в вузах было не достаточно. По мнению съезда в деле создания высшей электротехнической школы в России необходимо было привлечь частную инициативу. Именно опыт привлечения частных средств для создания в ноябре 1894 г. при электротехнической лаборатории «Международного общества электриков» сначала среднего электротехнического

училища, которое позднее переросло в высшее электротехническое училище в Париже, представлял несомненный интерес.

Хотя на третьем электротехническом съезде (1902—1903 г.) вопрос об организации электротехнического образования не обсуждался, поскольку Постоянный Комитет, который занимался составлением программы работы съезда, учел, что одновременно с этим съездом будет проходить, также в Санкт-Петербурге, третий съезд Деятелей по техническому и профессиональному образованию, где будет уделено место и электротехническому образованию. Тем не менее, выполняя постановления второго съезда, при Техническом училище Ведомства учреждений Императрицы Марии в Москве было открыто особое электротехническое отделение, необходимое для подготовки кадров для Московского района, о чем извещалось в Дневнике съезда⁷⁸.

Вопросы технического образования являлись предметом обсуждения практически на каждом электротехническом съезде. В связи с важностью проблемы для ее рассмотрения, как правило, создавался в рамках повестки дня специальный Отдел, где заслушивались основные доклады по этой теме. Отдел «Электротехническое образование» работал на первом (1900 г.), втором (1902 г.), пятом (1909 г.) и шестом (1911 г.) съездах.

Помимо технического образования важное место в работе съездов занимал анализ выполнения поручений, сформулированных для Постоянного Комитета съезда. Согласно постановлению пятого съезда при Постоянном Комитете и при Императорском Русском Техническом Обществе была образована Комиссия по вопросам о систематическом изучении водяных сил в России. По итогам работы этой Комиссии, съезд постановил продолжить полномочия Постоянного Комитета по разработке проекта организации изучения водных сил в России и поручил Комитету, не ожидая окончания работ этой Комиссии, пересмотреть и объединить в одно все ходатайства, возбужденные съездами по вопросам, связанным с утилизацией водных сил для электрической передачи энергии, и вновь возбудить их, особенно подробно мотивируя ходатайства, касающиеся устройства линий для целей электрической передачи энергии⁷⁹.

Седьмой Всероссийский электротехнический съезд состоялся в Москве с 27 декабря 1912 г. по 5 января 1913 г. Это был наиболее представительный съезд. Список постоянных членов включал 718 фамилий⁸⁰.

Программа, подлежащих обсуждению на съезде проблем состояла из 11 пунктов и помимо производственных вопросов, таких как:

- Вопросы права в области электротехнической промышленности;
- Вопросы статистики электротехнической промышленности;
- Различные промышленные применения электричества и т.п.

Уже традиционно в повестку дня был включен вопрос «О постановке низшего, среднего и высшего электротехнического образования». Однако по этой теме реально на съезде был заслушан только один доклад И.Н. Водопьянова о постановке электротехнического образования в Ермаковском низшем техническом училище с электротехнической специальностью⁸¹.

Что касается проблемы открытия высшей электротехнической школы в Москве, которая активно обсуждалась на предыдущих съездах, то эта тема не рассматривалась вообще и скорее всего само учебное заведение, хотя и было официально учреждено, так и не начало свою работу. Во всяком случае, проследить это по материалам съездов не представляется возможным, поскольку седьмой съезд фактически оказался последним дореволюционным съездом, представлявшим интересы электротехнической промышленности. Постоянный Комитет, учрежденный съездами, продолжал работать до 1916 г.

Что касается инициативы создать Московские Высшие Электротехнические Курсы, то она по каким-то причинам провалилась. В письме проф. А.А. Эйхенвальда, зачитанном 13 апреля 1915 г. на Общем собрании О-ва Электротехников отмечалось, что попытки некоторых членов Общества учредить в Москве частную высшую электротехническую школу, в слушатели которой предполагалось принимать, главным образом, уже готовых инженеров не увенчались успехом. Неудача в учреждении этого учебного заведения, как представляется связана, прежде всего, с отсутствием необходимых средств на его открытие, собрать которые в условиях Первой мировой войны оказалось невозможным.

В отраслях промышленности, связанных с металлообработкой и машиностроением съезды начали созываться только с 1890-х гг., что также было инициировано С.Ю. Витте, разработавшего программу социально-экономического развития России, предусматривавшую, прежде всего, развитие национальных отраслей промышленности. В рамках этой программы правительство стало активно поддерживать формирование отраслевых организаций предпринимателей, обеспечивавших высокие темпы индустриализации страны.

Машиностроение и металлообработка были представлены съездами металлзаводчиков Северного и Прибалтийского районов (1902 г.) и съездами представителей металлообрабатывающей промышленности, учрежденном уже в 1916 г. Тяжелая промышленность была также представлена Съездом представителей паровозостроительных заводов и Съездом русских техников и заводчиков по цементному, бетонному и железобетонному делу.

Первый съезд представителей металлообрабатывающей промышленности работал в Санкт-Петербурге с 29 февраля по 1 марта 1916 г. Съезд заслушал ряд докладов, посвященных работе отрасли в условиях военного времени:

«О необходимости учреждения постоянных съездов представителей металлообрабатывающей промышленности»;

«О деятельности металлообрабатывающей промышленности на оборону»;

«О значении частной металлообрабатывающей промышленности в деле снабжения армии военными припасами».

Всего повестка дня съезда включала 7 вопросов, центральным из которых, безусловно, был вопрос, связанный с выяснением значения металлообрабатывающей промышленности в деле государственной обороны. В работе съезда приняли участие более 100 человек, в том числе представители Морского и Военного министерств, министерства торговли и промышленности, а также 85 представителей ведущих машиностроительных, механических и электротехнических предприятий⁸².

К сожалению, этот съезд оказался последним и не смог оказать сколько-нибудь существенного влияния на положение дел в металлпромышленности.

Программа развития национальной торгово-промышленной политики, разработанная в министерстве финансов в 1893 г. предусматривала также создание внешних благоприятных условий для прочного и последовательного развития отечественного промышленного производства и различных родов торговли. Решение этой задачи предусматривало развитие транспортных коммуникаций, включая активное железнодорожное строительство, совершенствование железнодорожных тарифов, а также развитие традиционных видов транспорта, прежде всего — водного.

Тем не менее, приоритет в транспортном строительстве отдавался железным дорогам. Вопросы, связанные с развитием этого вида транспорта рассматривались на общих съездах представителей русских железных дорог, которые начали свою деятельность еще с конца 1860-х гг. К середине 1860-х гг. в России уже существовало более 40 частных железнодорожных компаний, между которыми развивались конкуренция и борьба за клиента. Это, с одной стороны, вело к соответствию спроса и предложения в сфере транспортных услуг, но с другой — усложняло организацию прямого железнодорожного сообщения и снижало предсказуемость хозяйственных результатов производителей российского экспорта, главным образом хлебных грузов.

В 1870—1880-е годы, несмотря на проведение регулярных Общих съездов, тарифная конъюнктура железнодорожных перевозок оставалась довольно неустойчивой. Железные дороги в своей маркетинговой политике использовали как ценовые сговоры, так и настоящие тарифные войны. В такой обстановке с 1888 г. стали проводиться специальные Общие тарифные съезды. Принятые ими решения утверждались государственными органами — Тарифным комитетом, а в случае необходимости — Советом по тарифным делам.

Первый Общій тарифный съезд русских железных дорог прошёл с 11 мая по 3 июня 1888 г. Очень характерен состав его участников: 68 представителей от 32 частных железных дорог, по одному — от МПС, Минфина, Временного управления казённых железных дорог, постоянной комиссии при Общем съезде и ещё несколько человек от групповых съездов железных дорог. Съезд установил Единую шкалу тарифов на хлебные грузы прямого сообщения к портам и пограничным станциям с разбивкой от различных пунктов отправления. Впоследствии ежегодно собиралось, как правило, несколько общероссийских тарифных съездов, а также широко практиковалось проведение местных. Важно подчеркнуть, что основой для формирования грузовых тарифов являлись цена грузов в пунктах производства и потребления, спрос на перевозки и другие коммерческие рыночные показатели. Также обращает на себя внимание и существовавшая в данное время весьма демократичная процедура прохождения тарифных вопросов и принятия по ним решений. Начиная с 1902 г., на Общих тарифных Съездах было принято решение о публикации, кроме Протоколов, Указателя вопросов рассмотренных на каждом съезде. Съезды собирались, как правило, через каждые 1—2 месяца и обсуждали большое число вопросов. На них рассматривались вопросы об уровне тарифов на отдельные грузы, о правилах перевозок и применении тарифов, о вывозных тарифах, льготные тарифы и другие вопросы.

Помимо железных дорог, традиционно важную роль в развитии торговли играл водный транспорт, а главной внутренней транспортной артерией в конце XIX — начале XX вв. оставался Волжский водный путь, который соединял непрерывным сообщением 22 губернии от Астрахани до Петербурга. Его особое значение заключалось в том, что этот путь связывал наиболее богатые центры зернового производства с основными потребительскими рынками страны. Общая стоимость волжского судоходства к началу XX в. оценивалась примерно в 121 млн. руб., что превышало показатели по другим экономическим регионам. Причем объёмы перевозок, несмотря на развитие железнодорожного транспорта, постоянно увеличивались. Если в 1890 г. в период навигации на одно волжское судно приходилось

в среднем — 4,9 рейса, то в 1895 г. — 7,2 рейса; в 1900 г. — 8,2 рейса; в 1906 г. — 11 рейсов. При этом постоянно увеличивался и вес отправляемых грузов. Если в 1890 г. по Волге было всего перевезено 327 млн. пуд. разных грузов, то в 1895 г. — 564 млн. пуд., в 1900 г. — 788 млн. пуд., а в 1906 г. — 822 млн. пудов⁸³.

Ключевым пунктом в Волжской навигации являлся Нижний Новгород. Поэтому закономерно, что самая крупная и влиятельная региональная организация предпринимателей, связанная с речным транспортом и водными перевозками — Съезд судовладельцев Волжского бассейна — возникла именно здесь. Первый судоходный съезд в Нижнем Новгороде был созван еще в сентябре 1875 г. Программа съезда включала 11 вопросов, касавшихся исключительно отраслевых проблем. Однако уже на этом съезде был сформулирован вопрос о распространении действовавших на Волге и Каме правил плавания на все судоходные реки Волжского бассейна, что, по сути, предполагало необходимость иметь ежегодные съезды в Нижнем Новгороде в определенное время. Целью этих съездов должно было стать доведение до судоходных деятелей информации о положении дел в отрасли и о сообщении этим съездам тех работ, какие будут предложены Министерством путей сообщения на предстоящий год. Для разработки вопросов, подлежащих обсуждению на съезде, из 22-х участников съезда была избрана комиссия в составе 12 человек, которая представила свои заключения по существу вопросов рассмотренных на съезде, и сделала по ним соответствующие постановления⁸⁴.

Второй судоходный съезд был созван в 1876 г. Программа съезда была предложена министром путей сообщения и помимо вопросов, уже выдвигавшихся на первом съезде, включала и ряд новых вопросов, детальную разработку которых было предложено произвести постоянному комитету. Всего съезд обсудил порядка 10 вопросов и сделал по ним соответствующие заключения⁸⁵.

На Третьем судоходном съезде, состоявшемся также в 1876 г. был окончательно сформирован Постоянный комитет во главе с М.И. Шиповым, который и представил на съезде разработанные доклады по всем вопросам программы. Наконец, последний четвертый судоходный съезд был созван в Нижнем Новгороде в 1890 г. под председательством нижегородского губернатора Н.М. Баранова. На съезде работали уже 4 секции, а сам съезд с перерывами работал семь месяцев⁸⁶.

Всего за период с 1875 по 1890 гг. помимо съездов в Нижнем Новгороде состоялось еще несколько съездов в Рыбинске, Ростове-на-Дону и других городах. Всего порядка 20 местных съездов. Кроме того состоялись еще два общих съезда в Петербурге в 1878 и 1890 гг.,

но все они обсуждали чисто технические вопросы, связанные с развитием судоходства⁸⁷.

Однако судоходные съезды, которые собирались каждый раз по специальному разрешению министра путей сообщения по согласованию с министром внутренних дел так и не стали постоянно действующей организацией. Проблема заключалась не только в том, что съезды могли обсуждать только проблемы, касающиеся исключительно судоходства. Судовладельцев не устраивало то, что в обязанности председателя входило наблюдение за тем, чтобы на съезде не обсуждались вопросы, не включенные в повестку дня, в противном случае работа съезда немедленно прекращалась. Не смотря на количество проведенных съездов, они, как и Всероссийские торгово-промышленные съезды, носили в целом эпизодический характер, а их решения не были обязательными для выполнения, что делало эти организации по сути бесполезными. Сложившееся положение уже не удовлетворяло экономически окрепших к началу XX в. волжских транспортников. Поэтому речь шла о создании организации, сформированной по принципу отраслевых съездов.

Впервые вопрос о постоянной организации судоходных съездов был поставлен в повестку дня Судоходного съезда, состоявшегося 8 декабря 1903 г. Однако первый съезд судовладельцев Волжского бассейна, в качестве постоянной отраслевой организации состоялся в Нижнем Новгороде только в декабре 1908 г. В работе съезда, кроме представителей Министерства путей сообщения, Министерства торговли и промышленности, представителей округов путей сообщения, ряда Волжских биржевых комитетов и представителей железных дорог, приняло участие 95 представителей судоходных компаний и судовладельцев⁸⁸.

Программа Первого съезда включала 9 основных вопросов, распределенных среди трех секций. По итогам работы съезда было принято 17 постановлений, в том числе по вопросу о формировании средств съезда. Была установлена прогрессивная шкала налогообложения, что позволило сформировать исполнительные органы съезда в виде Совета съезда, состоящего из 12 членов. Более того, съезд высказался за формирование отделов Совета съезда на местах по примеру других организаций, а также за увеличение числа постоянных членов Совета⁸⁹.

Если программа первого съезда содержала всего 9 вопросов, то программа работы второго очередного съезда включала уже 36 вопросов. Причем, помимо текущих проблем, связанных с установлением норм налогообложения судовладельцев, улучшением состояния рек, землечерпанием и др., которые будут обсуждаться практически

на каждом съезде, на данном съезде была поднята проблема обязательного присутствия судовладельцев Волжского бассейна в тарифных и иных представительствах в Петербурге. Для решения этой задачи предполагалось открыть в столице постоянное представительство съезда. Однако решение этого вопроса предполагало дополнительное финансирование, что требовало существенного увеличения бюджета съездов. Если в первый год существования организация сформировала бюджет в 7 тыс. руб., то к 1910 г. с учетом открытия представительства в Петербурге он должен был возрасти до 23 тыс. руб. Также планировалось организовать представительство съездов «в значительных пунктах рек Волжского бассейна». Кроме того, съезд рассмотрел комплекс вопросов связанных с решением социальных проблем трудовых коллективов, в частности организации страхования рабочих и судовых служащих в случае потери работы или получения инвалидности. Обсуждалась проблема организации биржи труда для судовых рабочих, а также впервые был поставлен вопрос об охране экологии Волги, в связи с применением высочайше утвержденных Правил об ограждении Каспийско-Волжских путей от загрязнения нефтью. Правда эта проблема была поднята не по инициативе участников съезда, а по инициативе государственного органа — Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог⁹⁰.

Перспективы развития транспортных коммуникаций обсуждались и на других съездах. Четвертый съезд судовладельцев (15—17 января 1912 г.) включил в повестку дня вопрос о развитии Мариинской водной системы, построенной еще в XVIII в. и нуждавшейся в реконструкции. Что касается вопроса о соединении Волги с сибирскими реками, то по этому вопросу волжские судовладельцы встретили сопротивление со стороны петербургских судовладельцев, заявивших о преждевременности такого соединения. Тем не менее, съезд вполне определенно высказался за подготовку ходатайства перед правительством о скорейшем осуществлении этого проекта. Всего в повестку дня работы съезда было включено 30 вопросов. Для их рассмотрения на съезде было организовано 5 секций. В ведении первой секции находились вопросы о проекте правил перевозки, перекачки и хранения на судах нефтяных грузов; второй — вопросы пользования руслами рек для нужд судоходства и необходимости землечерпания; третьей — о сооружении железнодорожных мостов через судоходные реки Волжского бассейна; четвертой — о ценах на нефтяное топливо; пятой — о реформе речного образования⁹¹.

Последний пятый съезд судовладельцев Волжского бассейна проходил в Нижнем Новгороде с 10 по 13 февраля 1913 г. На съезде присутствовало около 180 делегатов. По традиции был рассмотрен

достаточно широкий круг проблем, включавший традиционные вопросы: страхования рабочих и служащих в судоходных предприятиях в связи с утверждением 23 июня 1912 г. общероссийского Закона о страховании рабочих; о больничных кассах (предложения должны были быть представлены к 27 мая 1913 г. к открытию страхового съезда судовладельцев); о реформе речного образования и др.⁹²

Всего до начала Первой мировой войны, когда деятельность съездов была официально приостановлена, состоялось пять съездов судовладельцев Волжского бассейна и в 1916 г. планировался созыв шестого съезда. Таким образом, с 1908 по 1913 гг. съезды судовладельцев Волжского бассейна обсудили широкий круг вопросов, связанных не только с развитием самого волжского судоходства, но и с рассмотрением перспективных проектов общегосударственного значения. Надо отметить, что некоторые предложения до сих пор не потеряли своей важности. Например, проблема сохранения экологии Волги и развития Волжского бассейна через реконструкцию всей судоходной системы Европейской части России, поставленная еще в 1908 г. на первом съезде Волжских судовладельцев.

Региональные съезды, как правило, группировались вокруг всероссийских союзов, хотя и не пытались создавать вместе с ними объединенные организации. Исключением являлись съезды представителей промышленности и торговли, которые стали собираться, начиная с 1906 г. Эти организации пытались объединить не только представителей отдельных отраслей промышленности, но и торговли, интересы которой представляли биржевые общества и комитеты, однако, в полной мере решить вопрос объединения региональных отраслевых съездов и территориальных биржевых обществ в рамках общих съездов так и не удалось.

Формирование механизмов взаимодействия государства и предпринимательства в России

Практически все отраслевые съезды формировали свои постоянно действующие органы. Эти органы чаще всего создавались в виде Советов съездов, а также в виде Бюро, Комитетов или Совещательных контор. Несмотря на разнообразие наименований их практическая деятельность мало чем отличалась друг от друга. Наиболее распространенной формой исполнительной власти являлись Советы съездов, которые организовывали текущую работу в промежутках между съездами, занимались подготовкой ходатайств в вышестоящие органы и осуществляли контроль за их исполнением.

Советы съездов являлись наиболее распространенной формой исполнительной власти съездов и формировались, как правило, на выборной основе. При этом сами Советы для решения конкретных проблем или представительства интересов съездов в столице и других регионах страны могли формировать временные или постоянные органы, например — Бюро съездов. Эти органы также могли формироваться как на выборной основе, так и назначаться сверху и, в этом смысле, являлись еще одной формой исполнительной власти в период между съездами.

В частности, для проведения работы между съездами Каспийско-Волжских рыбопромышленников было сформировано Бюро Общего съезда, которое начало работать с 1911 г. на выборной основе. Положение о Бюро было официально утверждено Главным Управляющим земледелия и землеустройства. Согласно этому Положению, Бюро учреждалось для подготовки вопросов на очередной съезд, а также исполнения его постановлений и избиралось в количестве 12 человек на общем съезде из числа его участников постоянно проживающих в г. Астрахани не менее 3-х лет. При этом предполагалось, что треть состава Бюро будет обновляться ежегодно, а собрания Бюро должны были созываться не реже одного раза в 6 месяцев и считались правомочными, если в них принимали участие не менее 5 человек.

Функциями Бюро были подготовка представления в Главное управление землеустройства и земледелия по поручению съезда, обеспечение созыва съезда, включая составление проекта программы и утверждение ее у Астраханского губернатора и Главноуправляющего землеустройством и земледелием. Кроме того, Бюро распоряжалось средствами съезда, собирало пожертвования на его нужды, а также готовило необходимые статистические сведения и печатало труды съезда⁹³.

Текущую работу по защите интересов рыбопромышленников между съездами вел также Комитет Каспийско-Волжских промыслов, который в отличие от Бюро не выбирался из числа участников съезда, а по сути, назначался министром земледелия и государственных имуществ. Приоритетными в деятельности Комитета, как и в деятельности других отраслевых организаций, были тарифные проблемы. Комитет постоянно ходатайствовал о льготных железнодорожных тарифах на перевозку рыбных грузов, об условиях хранения рыбных товаров, о развитии технологий в рыбной промышленности и т.п. Центральным в деятельности Комитета оставался вопрос о тарифах.

Наличие двух, постоянно действующих органов одного съезда не являлось исключением, Советы ряда отраслевых съездов также формировали специальные Бюро, которые помогали Советам решать

текущие отраслевые проблемы. Отличие съездов Каспийско-Волжских рыбопромышленников заключалось в том, что здесь деятельность исполнительного органа — Бюро, сформированного на выборной основе, фактически дублировалась другим исполнительным органом — Комитетом, назначенным профильным министром, что не устраивало рыбопромышленников, поскольку Комитет выполнял не столько решения съездов, сколько распоряжения министерства. Вопрос о преобразовании Комитета поднимался на VIII общем съезде, состоявшемся в Астрахани в сентябре 1913 г. На съезде предлагалось внести изменения в существующее Положение о съездах, в частности изменить параграф 17 Положения, определяющий порядок выбора представителей в Комитет, на чем настаивали, прежде всего, крупные рыбопромышленники⁹⁴.

Однако крупным предпринимателям так и не удалось изменить сложившееся положение в силу двух причин. Во-первых, мелких предпринимателей активно поддерживала местная и даже центральная пресса, что являлось дополнительным стимулом их активности на съездах и приводило к солидарному голосованию по принципиальным вопросам. Во-вторых, само Министерство земледелия и государственных имуществ, которое курировало работу съездов, не желало менять сложившееся положение дел.

Позиция министерства в решении этой проблемы вполне оправдана и закономерна с экономической точки зрения. Несмотря на то, что государство формально было заинтересовано в поддержке крупной рыбопромышленности, так как именно она приносила основной доход и, следовательно, платила основные сборы, но, с другой стороны, крупные рыбопромышленники являлись главными нарушителями существующего рыбного законодательства, и ущерб от этой деятельности был несравненно больше, чем от мелких ловцов.

Несколько особое положение занимали Постоянные Советательные Конторы, которые не только представляли и защищали интересы предпринимателей, но в ряде случаев выступали в качестве самостоятельных организаций.

Таких организаций было всего две — в черной и цветной металлургии. Если в черной металлургии советательная контора была учреждена еще в 1888 г. (регулярно функционировала, начиная с 1892 г.) и представляла интересы 44-х наиболее крупных металлургических фирм, владевших в совокупности до 77% производственных мощностей в черной металлургии и, в этом смысле, являлась фактически самостоятельной организацией⁹⁵, то в цветной металлургии Советательная контора действовала с 1903 г. по решению съезда золото- и платинопромышленников и представляла его ин-

тересы. Совещательная контора располагалась в Санкт-Петербурге и по Высочайше утвержденному Положению имела право собирать сведения о состоянии золотой и платиновой промышленности в России, обсуждать и разрабатывать вопросы, касающиеся нужд этой промышленности в России, самостоятельно возбуждать ходатайства об этих нуждах и контролировать их продвижение в государственных структурах. Кроме того, контора брала на себя обязательство вырабатывать или дополнять программы местных съездов золото-промышленников и участвовать в их работе через своих представителей, вести переговоры с правительственными учреждениями, издавать периодический орган, посвященный интересам золотого и платинового дела (С 1903 г. — Вестник золотопромышленности; с 1907 г. — Золото и платина), а также доставлять Министерству земледелия и государственных имуществ, по его требованию, сведения, касающиеся золотопромышленности.

За министерством оставался надзор за тем, чтобы действия Конторы не выходили из пределов дозволенной ей деятельности, для чего в ее работе должны были принимать участие чины министерства. Цель учреждения Конторы раскрывалась в инструкции Министра государственных имуществ, которая практически дублировала текст Положения о Постоянной Конторе, из чего можно сделать вывод, что и сам проект положения был разработан в профильном министерстве⁹⁶.

Совещательная Контора, по сути, являлась официальным представительством нескольких региональных золотопромышленных съездов в столице и даже организовала созыв двух всероссийских золотопромышленных съездов в Санкт-Петербурге. Большинство же отраслевых организаций имели свои штаб-квартиры в регионах, собственно там, где они осуществляли основную производственную деятельность, но для того чтобы более оперативно контролировать прохождение ходатайств по инстанциям и реагировать на изменение ситуации они должны были также открывать свои представительства в столице. Более того, некоторые съезды даже переносили всю работу исполнительных органов из региона в столицу. В частности, Съезд горнопромышленников Урала в 1904 г. перевел свой Совет из Екатеринбурга в Санкт-Петербург, где находились Управления большинства крупных предприятий Урала, там же со временем стали собираться и сами съезды. Подобное решение обосновывалось уже имевшимся практическим опытом. В частности, другая авторитетная отраслевая организация — Съезды горнопромышленников Юга России, учрежденная в Харькове и сформировавшая свои исполнительные органы — Совет съездов, вынуждена была, в силу отдаленности от административного центра иметь в Санкт-Петербурге

постоянных уполномоченных, которые проводили через центральные правительственные учреждения постановления съездов.

Круг вопросов, которыми занимались исполнительные органы съездов был примерно одинаков и относился в основном к области корпоративных интересов предпринимателей. Практически все организации рассматривали в той или иной мере тарифные вопросы, связанные либо с производством, либо с продажей, либо с перевозкой готовой продукции. Эти вопросы, как правило, адресовались правительству и оформлялись в виде конкретных ходатайств.

Вторая группа вопросов касалась текущих производственных проблем отрасли и занимала основное время повестки дня съездов и работы их постоянно действующих органов.

Третья проблема, которая постоянно была в центре внимания съездов — это так называемый «рабочий вопрос», точнее комплекс вопросов, связанных с проблемами страхования, медицинского обслуживания, нормирования рабочего времени, охраны и оплаты труда и т.п. Эти вопросы чаще всего инициировались правительством и крайне неохотно рассматривались самими съездами.

Наконец четвертая группа проблем, которая формально не входила в компетенцию работы съездов — это решение социальных проблем трудовых коллективов и регионов деятельности съездов, а также их благотворительная работа. Надо отметить, что наиболее эффективно эти проблемы решали организации, представлявшие добывающие отрасли экономики.

Весь этот комплекс проблем делегировался исполнительным органам и, как правило, на очередном съезде заслушивался отчет о проделанной работе. С тем, чтобы повысить эффективность работы Советов отраслевые организации предпринимателей практиковали формирование временных или постоянных комиссий, которые занимались организационными вопросами, а также собирали статистику и проводили специальные исследования, связанные с выполнением поручений съезда.

Эффективность работы съездов и их исполнительных органов во многом зависела от состояния бюджета организации. Как показало проведенное исследование, государство, инициировав созыв представительных организаций предпринимателей, уклонилось от их финансирования. Бюджеты отраслевых съездов формировались первоначально за счет добровольного обложения на нужды съездов. Однако эта форма финансирования оказалась малоэффективной и постепенно организации переходили на принудительные сборы с постоянных членов съездов. Эти сборы устанавливались в зависимости от объемов произведенной продукции. Тот, кто производил больше, тот и платил больше, но при этом получал пропорциональ-

ное количество голосов на съезде, что позволяло крупным предпринимателям навязывать свои решения мелким участникам.

Еще одной формой исполнительной власти съездов являлся Постоянный Комитет, который также выполнял текущую работу между съездами. Постоянный Комитет созданный Всероссийскими электротехническими съездами в период работы очередного съезда публиковал отчеты о своей деятельности, а также проводил подготовительную работу по подготовке очередного съезда и отчитывался об исполнении постановлений предшествующего. Постоянный Комитет входил с ходатайством в Министерство внутренних дел и Министерство финансов об утверждении правил пользования электротехническими устройствами. Одновременно с этим ходатайством Постоянным Комитетом были внесены ходатайства «Об организации специального правительственного надзора за электрическими устройствами и за эксплуатацией электротехнических сооружений» и «Об утверждении правил о порядке разрешения электротехнических установок высокого и повышенного напряжений». Оба ходатайства находились на рассмотрении в Техническо-Строительном Комитете Министерства внутренних дел. Отличием Постоянного Комитета от других исполнительных органов являлось то, что он мог формировать временные комиссии⁹⁷.

Таким образом, отраслевые съезды сформировали целый спектр исполнительных органов, включавших: Советы, Бюро, Комитеты, постоянные и временные Комиссии, которые помимо выполнения комплекса вопросов, связанных с организацией работы самих съездов, в период между съездами должны были проводить текущую работу и контролировать прохождение в государственных инстанциях ходатайств, принятых на съездах и адресованных, как правило, отраслевым министерствам. Особое место занимали Постоянные Совещательные Конторы, которые обладали более широкими полномочиями и проводили свою работу под непосредственным контролем профильного министерства.

Механизм взаимодействия государства и организованного представительства предпринимателей носил так называемый «ходатайствующий» характер.

«Ходатайство», рассматриваемое в экономическом значении этого термина, это официальная просьба или представление, адресованное государственным органом или общественной организацией в вышестоящие инстанции. В данном случае речь идет о представлениях, направляемых исполнительными органами всероссийских или региональных отраслевых съездов по поручению головных организаций в адрес правительства, а также профильных министерств или департа-

ментов с просьбой оказать содействие в решении той или иной проблемы, связанной с производственными, социальными или правовыми вопросами. Такой характер взаимоотношений был установлен сверху, правительством и практически не менялся на протяжении всей истории существования отраслевых организаций. Даже в период Думской монархии (1906—1917 гг.), когда часть полномочий, связанных, прежде всего с нормативно-правовым обеспечением деятельности представительных организаций, перешла к Государственной думе, правительство не торопилось отказываться от своих прав.

Съезды имели право направлять свои ходатайства по различным вопросам в различные правительственные учреждения, но соблюдая определенный иерархический порядок. Например, на съездах Уральских горнопромышленников этот порядок выглядел следующим образом: Председатель съезда — Уральское горное управление — Горный департамент — министр земледелия и государственных имуществ (с 1905 г. — министр торговли и промышленности). Таким образом, ходатайство продвигалось по инстанциям снизу вверх, что требовало достаточно продолжительного времени исчислявшегося, как правило, от нескольких месяцев до года, а учитывая тот факт, что количество таких обращений постоянно возрастало, сроки их рассмотрения и принятия окончательных решений также затягивались.

Более того, далеко не все ходатайства и докладные записки учитывались правительством. В исследованиях, особенно советского периода, сформировался устойчивый миф о том, что отраслевые съезды контролировались крупными капиталистами, которые успешно лоббировали в правительстве свои интересы. Это касается и съездов горнопромышленников Юга России, который характеризуется, как мощная представительная организация монополистического капитала, которая «выражала перед правительством прежде всего интересы крупного капитала». При этом, «часто формулируя свои ходатайства в духе защиты интересов всех промышленников и на благо процветания всей отечественной промышленности, съезды руками финансовых магнатов проводили политику крупнейших монополий. Если же съезды и принимали иногда формально решения в интересах мелких и средних капиталистов, то, как правило, они оставались только на бумаге»⁹⁸.

Анализ отчетов и материалов Советов съездов показал, что это далеко не всегда соответствовало действительности. Достаточно часто в отчетах исполнительных органов по вопросам контроля происхождения подготовленных на основании решений съездов ходатайств фигурировали фразы: «Об исходе означенного ходатайства сведений не имеется» или «Означенные ходатайства Совета удовлетворены не были»⁹⁹. Подобные ответы свидетельствовали о том,

что взаимоотношения правительства и отраслевых организаций предпринимателей вряд ли можно охарактеризовать со стороны последних как лоббистские.

Еще одна проблема, которой занимались практически все исполнительные органы отраслевых съездов была связана с решением так называемого «рабочего вопроса», вернее комплекса вопросов, связанных с проблемами страхования, медицинского обслуживания, решения других социальных вопросов своих трудовых коллективов. Для Совета съездов Волжских судовладельцев главным оставался вопрос государственного страхования так называемых судовых рабочих и служащих. Эта тема возникала на всех съездах, начиная с первого съезда в 1908 г. и заканчивая последним в 1913 г. В конечном счете, Совету удалось решить этот вопрос через организацию Волжского судоходного страхового общества¹⁰⁰.

Активную работу по подготовке ходатайств в интересах всего судоходства проводил Совет общих съездов судовладельцев, который начал собираться в Санкт-Петербурге с 1908 г. Однако результативность этой работы нельзя назвать высокой. Из 15 постановлений съезда Советом за 1908—1909 г. было исполнено только 4 поручения. Что касается остальных поручений, то резолюции по ним содержали следующие формулировки:

- «Находится в стадии предварительной разработки»,
- «Отложено до окончания войны»,
- «Советом осуществляются поручения Съезда по мере возможности»,
- «Доведено до сведения подлежащего ведомства».

Справедливости ради необходимо заметить, что ряд поручений, даваемых съездом Совету носил достаточно объемный характер и требовал подготовки не одного, а нескольких документов и, следовательно, других сроков выполнения. Например, постановление «По вопросам страхования рабочих в судоходных предприятиях», сформулированное общим съездом в 1914 г. предполагало, как минимум, семь отдельных поручений. Кроме того Совету было поручено возбудить ходатайства «О желательности создания морского торгового устава, отвечающего требованиям времени» и «О пересмотре таможенного Устава с целью облегчения положения русских судов в своих портах», что требовало серьезной и продолжительной работы¹⁰¹.

Одним из важнейших в деятельности исполнительных органов отраслевых съездов являлась проблема контроля за принятием и выполнением ходатайств подготовленных ими по поручению своих организаций. В целом эта работа была достаточно эффективной, однако, в ее организации, как показало проведенное исследование, имелся це-

лый комплекс проблем, которые объяснялись как объективными, так и субъективными причинами. Прежде всего, количество ходатайств, которые направляли отраслевые съезды было весьма значительным и в этой связи актуальным оставался вопрос о сроках их рассмотрения и полученных положительных или отрицательных решениях. Кроме того, проблема эффективности ходатайств постоянно возникала на заседаниях самих съездов и их исполнительных органов.

Анализ подготовленных Советом съезда Терских нефтепромышленников по поручению съезда ходатайств показал, что целый ряд вопросов вполне мог быть решен без привлечения государственных органов. Однако государственные органы были необходимы, прежде всего, из-за недостатка средств выделенных Совету съезда нефтепромышленниками для решения поставленных вопросов. Поэтому Совет рассчитывал получить недостающие средства от государства. Здесь также явно просматривается коррупционная составляющая, поскольку в резолюции предлагается установить такие пути сношения между Советом и государственными учреждениями, которые гарантировали бы скорейшее продвижение ходатайств. Безусловно, свою долю ответственности в неэффективности такого рода взаимоотношений несут и государственные органы, поскольку Положение о съездах устанавливало именно такой стиль взаимодействия государства и бизнеса.

Поэтому в вопросах продвижения своих ходатайств исполнительные органы съездов могли полагаться только на себя, а не на согласованное решение всех представительных организаций. При этом, хотя отраслевые съезды и поддержали идею создания Общепермских съездов представителей промышленности и торговли, которые стали формироваться после 1906 г., однако, сделали это очень неохотно и с массой оговорок¹⁰².

Анализ результативности обращений предпринимателей свидетельствует о том, что в рассматриваемый период становится правилом обязательное реагирование государственных органов на запросы и обращения предпринимательских организаций. Но, как следует из анализа документов съездов, эта обязательность со стороны государства не гарантировала быстрое принятие положительного решения. В рамках исследуемого периода, например, поволжские предприниматели постоянно ставили перед правительством вопрос о понижении тарифов на перевозку жидкого топлива (мазут) в интересах развития судоходной промышленности. Однако Министерство финансов, формально реагируя на запросы (частичный пересмотр тарифов), не решало эту проблему кардинально, что приводило к удорожанию водных перевозок и создавало преференции для железнодорожного транспорта, то есть благоприятствовало государственному сектору экономики в ущерб частному.

С другой стороны, подобная политика поощряла межотраслевую конкуренцию между нефтедобывающими и перевозящими компаниями. Исследование показало, что бюджет съездов Бакинских нефтепромышленников более чем в 10 раз превышал бюджет съездов судовладельцев Волжского бассейна, что не позволяло последним конкурировать на равных.

Таким образом, для выполнения текущей работы в период между съездами, подготовки ходатайств и контроля за их прохождением в государственных инстанциях, создавались, в основном на выборной основе, исполнительные органы — Советы съездов. Помимо Советов текущими делами организаций занимались: Бюро съездов, Постоянные Комитеты. Совещательные Канторы и т.п. Однако, несмотря на разное наименование, зачастую эти органы выполняли одни и те же функции, при этом возникали ситуации, когда в рамках одной организации действовали два исполнительных органа, что, в отсутствие четкой нормативно-правовой базы, порождало ненужную конкуренцию и дублирование функций. Все это затягивало принятие окончательных решений по ходатайствам и тем самым снижало эффективность работы исполнительных органов съездов.

Заключение

В заключении необходимо отметить, что деятельность отраслевых съездов была наиболее эффективной относительно других представительных объединений предпринимателей, прежде всего потому, что правительство во главу угла ставило задачи развития национальной промышленности и, следовательно, считало своей обязанностью оказывать отечественным предпринимателям всяческое содействие в конкурентной борьбе с иностранным капиталом.

Механизм взаимодействия, предложенный отраслевым съездам правительством, носил, практически на протяжении всего периода их функционирования, так называемый «ходатайствующий» характер, когда работа представительных организаций находилась под жестким административным контролем со стороны профильных министерств. Негативным фактором такого типа отношений являлось то, что даже крупные отраслевые съезды, контролировавшие ведущие отрасли экономики, чаще всего стремились переложить решение конкретных производственных проблем на плечи государства.

Для эффективного контроля выполнения постановлений съездов, практически все региональные отраслевые организации имели свои представительства в столице, что позволяло ускорить прохож-

дение ходатайств в правительственных структурах. Эффективность работы представительств также зависела от финансирования их деятельности со стороны головной организации.

Значительное место в работе съездов и их исполнительных органов помимо решения производственных вопросов занимали социальные проблемы, связанные с разработкой трудового законодательства, страхования, медицинского обслуживания и образования, в том числе повышения уровня специального технического образования. Многие съезды активно занимались благотворительной деятельностью.

Определенные перспективы для установления более равноправного сотрудничества между государственными органами и представительными организациями бизнеса возникли в результате Первой российской революции, когда Николай II, подписав Манифест 17 октября 1905 г., даровал некоторые политические свободы. Однако и в условиях Думской монархии (1907—1917 гг.), государство, по сути, продолжало проводить прежнюю политику, тем самым сдерживая социально-экономическую и политическую активность предпринимательского сообщества.

Таким образом, отраслевые съезды вынуждены были работать в сложившихся условиях, учитывая наличие политических и иных ограничений. В целом, оценивая многостороннюю деятельность всероссийских и регионально-отраслевых съездов можно сделать вывод, что они были адекватной формой представительства интересов российских предпринимателей на рубеже XIX—XX вв. Именно они осуществляли определенные функции посредника между государством и деловым сообществом и закладывали основы системы социального партнерства.

Библиография

- Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922.
Бессолицын А.А. Становление предпринимательских организаций в Поволжье (конец XIX — начало XX века). Волгоград, 2004.
Биржа и русская промышленность. СПб., 1915. № 5—6.
Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967.
Бондаренко Е.Л. Съезды горнопромышленников Юга России — крупнейшая представительная организация монополистического капитала России // Вестник Московского университета. Серия VIII. № 1. 1961. С. 52—59.
Буранов Ю.А. Съезды Уральских горнопромышленников в конце XIX — в начале XX вв. // Вопросы истории капиталистической России. Проблемы многоукладности. Свердловск, 1972. С. 268—282.
Вестник мукомольного дела и хлебной торговли. СПб, 1904. № 9.
Вестник мукомольного дела и хлебной торговли. СПб., 1894. № 100.
Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. СПб., 1912.
Волжанин. Астрахань, 1906. №№ 2, 3, 6.
Воронцова Е.А. Предпринимательские организации в России: историография, источники, история. М., 2013.

- Высочайше утвержденные 4 марта 1906 г. Временные правила о Союзах и Обществах. СПб., 1906.
- Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. 1963. № 2. С. 57—80.
- Глезмер С. К проекту «Положения о выборных учреждениях торгово-промышленного класса и о биржевом устройстве». СПб., 1906.
- Гушка А.О. Представительные организации торгово-промышленного класса в России. СПб., 1912.
- Дневник третьего Всероссийского электротехнического съезда в С.-Петербурге. СПб., 1904. № 8.
- Доклады и материалы Совета съездов XXXII съезду горнопромышленников Юга России. Харьков, 1908.
- Ераманский А. Крупная буржуазия в 1905—1907 гг. // Общественное движение в России в начале XX века. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1910. С. 30—100;
- Ерманский А. Союзы работодателей // Современный мир. СПб., 1909. № 12. С. 25—42.
- Изнар Н.Н. Записки инженера // Вопросы истории. 2004. № 12. С. 69—95.
- Каминка А.И. Предпринимательские союзы. СПб., 1909.
- Краткий обзор деятельности Съезда Бакинских нефтепромышленников по народному образованию за время с 1897 по 1912 гг. Баку, 1913.
- Краткий отчет о деятельности Совета съездов судовладельцев в 1914 г. Пг., 1915.
- Лаврычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861—1900 гг. М., 1974.
- Лившин Я.И. «Представительные» организации крупной буржуазии в России в конце XIX — начале XX вв. // История СССР. 1959. № 2. С. 95—117.
- Лившин Я.И. Монополии в экономике России: Экономические организации и политика монополистического капитала. М., 1961.
- Лурье Е.С. Организация и организации торгово-промышленных интересов в России. СПб., 1913.
- Лященко П.И. Мукомольная промышленность России и иностранные потребительские рынки. СПб., 1914.
- Нефтяное дело. СПб., 1914. № 8.
- Нижегородская биржа. Нижний Новгород, 1914. № 5.
- Нижегородская биржа. Нижний Новгород. 1913. №№ 19, 20.
- Нижегородская торгово-промышленная газета. 1912. №№ 265, 266.
- Нисселович Л.Н. О торгово-промышленных учреждениях. Доклад на съезде фабрикантов и заводчиков. СПб., 1882.
- Нисселович Л.Н. Торгово-промышленные совещательные учреждения в России. Исторический очерк. СПб., 1887.
- Отчет о деятельности Совета съезда XXXVI очередному съезду нефтепромышленников в г. Баку. Баку, 1916.
- Отчет председателя первого съезда горнопромышленников южной России. Таганрог, 1874.
- Прикаспийская газета. Астрахань, 1903. № 31.
- Промышленность и торговля. СПб., 1914. № 12.
- Протоколы заседаний II съезда углепромышленников Юга России. Новочеркасск, 1877.
- Рукусуев Е.Ю. Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX — начале XX века: организация и направления деятельности. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2013.
- Русский мельник. Киев, 1908. № 1; 1913. № 2.
- Русский мельник. Киев, 1909. № 4.
- Русский мельник. Киев, 1911. № 2.
- Рыбoproмышленность. СПб., 1914. № 5.
- Сеф С.Е. Буржуазия в 1905 году: по неизданным архивным материалам. М.; Л., 1926.
- Совет съезда горнопромышленников Юга России. Харьков, 1913.
- Торгово-промышленная газета. СПб., 1904. №№ 229, 234.
- Тридцать лет деятельности Товарищества нефтяного производства «Бр. Нобель» (1879—1909 гг.). СПб., 1913.
- Труды I съезда представителей Металлообрабатывающей промышленности. Пг., 1916.
- Труды XV съезда горнопромышленников Юга России. Часть I. Харьков, 1891.
- Труды XXXVIII съезда горнопромышленников Юга России. Харьков, 1914.

- Труды первого Всероссийского электротехнического съезда. СПб., 1901. Т. 1.
 Труды второго Всероссийского электротехнического съезда. СПб., 1903. Т. 1.
 Труды шестого Всероссийского электротехнического съезда. СПб., 1911. Вып. 1.
 Труды седьмого Всероссийского электротехнического съезда. СПб., 1913. Вып. 1.
 Труды первого съезда судовладельцев Волжского бассейна. Вып. 1. Нижний Новгород, 1909.
 Труды X съезда горнопромышленников Юга России. Часть I—II. Харьков, 1886.
 Фомин П.И. Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России. Харьков, 1908.
 Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904—1914 гг.: проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987.
 Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981.
 Шнейдер В. О совещательных учреждениях по делам торговли и промышленности. СПб., 1884.

Примечания

- ¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1152. Оп. 11. Д. 447. Л. 13—45.
- ² Нисселович Л.Н. О торгово-промышленных учреждениях. Доклад на съезде фабрикантов и заводчиков. СПб., 1882; Его же. Торгово-промышленные совещательные учреждения в России. Исторический очерк. СПб., 1887.
- ³ Ераманский А. Крупная буржуазия в 1905—1907 гг. // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1910. Т. 2. Ч. 2. С. 30—100; Его же. Союзы работодателей // Современный мир. СПб., 1909. № 12. С. 25—42.
- ⁴ Каминка А.И. Предпринимательские союзы. СПб., 1909.
- ⁵ Лурье Е.С. Организация и организации торгово-промышленных интересов в России. СПб., 1913.
- ⁶ Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922; Сеф С.Е. Буржуазия в 1905 году: по неизданным архивным материалам. М.; Л., 1926.
- ⁷ Лившин Я.И. «Представительные» организации крупной буржуазии в России в конце XIX — начале XX вв. // История СССР. 1959. № 2. С. 95—117; Его же. Монополии в экономике России: Экономические организации и политика монополистического капитала. М., 1961.
- ⁸ Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. 1963. № 2. С. 57—80; Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967; Лаврычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861—1900 гг. М., 1974; Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981; Его же. Царизм и буржуазия в 1904—1914 гг.: проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987.
- ⁹ Воронцова Е.А. Предпринимательские организации в России: историография, источники, история. М., 2013.
- ¹⁰ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904—1914 гг. С. 127.
- ¹¹ Гушка А.О. Представительные организации торгово-промышленного класса в России. СПб., 1912. С. 6—7.
- ¹² Там же. С. 36—37.
- ¹³ РГИА. Ф. 1152. Оп. 11. Д. 447. Л. 16.
- ¹⁴ Шнейдер В. О совещательных учреждениях по делам торговли и промышленности. СПб., 1884. С. 48—50.
- ¹⁵ Там же. С. 58—60.
- ¹⁶ Там же. С. 61.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 1152. Оп. 11. Д. 447. Л. 13.
- ¹⁸ Там же. Л. 13.
- ¹⁹ Там же. Л. 14.
- ²⁰ Там же. Л. 16.
- ²¹ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904—1914 гг. С. 214—216.
- ²² Воронцова Е.А. Указ. соч. С. 65.

- ²³ Отчет председателя первого съезда горнопромышленников южной России. Таганрог, 1874. С. 2.
- ²⁴ Фомин П.И. Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России. Харьков, 1908. С. 14.
- ²⁵ Труды X съезда горнопромышленников Юга России. Часть I. Харьков, 1886. С. 115–123.
- ²⁶ Фомин П.И. Краткий очерк истории съездов горнопромышленников юга России. С. 15–16.
- ²⁷ Там же. С. 16.
- ²⁸ Там же. С. 17.
- ²⁹ Совет съезда горнопромышленников Юга России. Харьков, 1913. С. 24–32.
- ³⁰ Там же. С. 29.
- ³¹ Глезмер С. К проекту «Положения о выборных учреждениях торгово-промышленного класса и о биржевом устройстве». СПб., 1906. С. 1–2.
- ³² Глезмер С. Указ. соч. С. 2–3.
- ³³ Отчет председателя первого съезда горнопромышленников южной России. Таганрог, 1874. С. 3.
- ³⁴ Протоколы заседаний II съезда углепромышленников Юга России. Новочеркасск, 1877. С. 158.
- ³⁵ Труды X съезда горнопромышленников Юга России. Часть II. Харьков, 1886. С. 3–6.
- ³⁶ Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. СПб., 1912. С. 132.
- ³⁷ Труды XV съезда горнопромышленников Юга России. Часть I. Харьков, 1891. С. 380–381.
- ³⁸ Фомин П.И. Указ. соч. С. 109–113.
- ³⁹ Труды XXXVIII съезда горнопромышленников Юга России. Харьков, 1914. С. I–XII.
- ⁴⁰ Буранов Ю.А. Съезды Уральских горнопромышленников в конце XIX – в начале XX вв. // Вопросы истории капиталистической России. Проблемы многоукладности. Свердловск, 1972. С. 270.
- ⁴¹ Труды Первого съезда нефтепромышленников. Баку, 1885. С. 4.
- ⁴² Труды Первого съезда нефтепромышленников ... С. 4–5.
- ⁴³ РГИА. Ф. 23. Оп. 10. Д. 284. Л. 123–127.
- ⁴⁴ Тридцать лет деятельности Товарищества нефтяного производства «Бр. Нобель» (1879–1909 гг.). СПб., 1913. С. 313–314.
- ⁴⁵ Краткий обзор деятельности Съезда Бакинских нефтепромышленников по народному образованию за время с 1897 по 1912 гг. Баку, 1913. С. 16–17.
- ⁴⁶ Тридцать лет деятельности Тов-ва нефтяного производств «Бр. Нобель». С. 121–124.
- ⁴⁷ Отчет о деятельности Совета съезда XXXVI очередному съезду нефтепромышленников в г. Баку. Баку, 1916. С. I–II.
- ⁴⁸ Рукосуев Е.Ю. Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX – начале XX века: организация и направления деятельности. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2013. С. 36–37.
- ⁴⁹ Воронцова Е.А. Указ. соч. С. 393.
- ⁵⁰ Рукосуев Е.Ю. Указ. соч. С. 46.
- ⁵¹ Биржа и русская промышленность. СПб., 1915. № 5–6. С. 11–12, 17–18.
- ⁵² Лященко П.И. Мукомольная промышленность России и иностранные потребительские рынки. СПб., 1914. С. 56–57, 102–105.
- ⁵³ Вестник мукомольного дела и хлебной торговли. СПб., 1894. № 100. С. 552–553.
- ⁵⁴ РГИА. Ф. 20. Оп. 10. Д. 556. Л. 115.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 22. Оп. 2. Д. 2237. Л. 233.
- ⁵⁶ Русский мельник. Киев, 1908. № 1. С. 8; 1913. № 2. С. 102.
- ⁵⁷ Бессолицын А.А. Становление предпринимательских организаций в Поволжье (конец XIX – начало XX века). Волгоград, 2004. С. 209.
- ⁵⁸ РГИА. Ф. 398. Оп. 70. Д. 25275. Л. 53–54.
- ⁵⁹ Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 194. Оп. 1. Д. 1042. Л. 84.

- ⁶⁰ Прикаспийская газета. Астрахань, 1903. № 31.
⁶¹ Торгово-промышленная газета. СПб., 1904. №№ 229, 234.
⁶² Волжанин. Астрахань, 1906. №№ 2, 3, 6.
⁶³ РГИА. Ф. 398. Оп. 71. Д. 26341. ЛЛ. 88, 90, 94.
⁶⁴ Там же. Оп. 72. Д. 29293. Л. 48.
⁶⁵ Рыбопромышленность. СПб., 1914. № 5. С. 410—413.
⁶⁶ Там же. С. 413.
⁶⁷ ГАО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 2547. Л. 10.
⁶⁸ Труды первого Всероссийского электротехнического съезда. СПб., 1901. Т. 1. С. 54—57.
⁶⁹ Там же. С. 62.
⁷⁰ Там же. С. 30—33.
⁷¹ Там же. С. 32—33.
⁷² Там же. С. 33.
⁷³ Труды второго Всероссийского электротехнического съезда. СПб., 1903. Т. 1. С. 67—70.
⁷⁴ Там же. С. 166—167.
⁷⁵ Там же. С. 168—169.
⁷⁶ Там же. С. 170—172.
⁷⁷ Там же. С. 173—174.
⁷⁸ Дневник третьего Всероссийского электротехнического съезда в С.-Петербурге. СПб., 1904. № 8. С. 7—8.
⁷⁹ Труды шестого Всероссийского электротехнического съезда. СПб., 1911. Вып. 1. С. 43.
⁸⁰ Труды седьмого Всероссийского электротехнического съезда. СПб., 1913. Вып. 1. С. 2—24.
⁸¹ Там же. С. 31.
⁸² Труды I съезда представителей металлообрабатывающей промышленности. Пг., 1916. С. 3.
⁸³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 4. Л. 14—17.
⁸⁴ Труды первого съезда судовладельцев Волжского бассейна. Вып. 1. Нижний Новгород, 1909. С. 1—2.
⁸⁵ Там же. С. 6—7.
⁸⁶ Там же. С. 8—12.
⁸⁷ РГИА. Ф. 190. Оп. 4. Д. 4951. Л. 4—6.
⁸⁸ Труды первого съезда судовладельцев Волжского бассейна. С. 48—51.
⁸⁹ Там же. С. 67.
⁹⁰ РГИА. Ф. 49. Оп. 1. Д. 210. Л. 16.
⁹¹ Нижегородская торгово-промышленная газета. 1912. №№ 265, 266.
⁹² Нижегородская биржа. Нижний Новгород. 1913. №№ 19, 20.
⁹³ ГАО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 417. Л. 2—3.
⁹⁴ РГИА. Ф. 398. Оп. 72. Д. 28273. Л. 13—15.
⁹⁵ Лившин Я.И. «Представительные» организации крупной буржуазии. С. 108.
⁹⁶ РГИА. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 34—35, 42—45.
⁹⁷ Дневник третьего Всероссийского электротехнического съезда. С. 6—8.
⁹⁸ Бондаренко Е.Л. Съезды горнопромышленников Юга России — крупнейшая представительная организация монополистического капитала России // Вестник Московского университета. Серия VIII. № 1. 1961. С. 56.
⁹⁹ Доклады и материалы Совета съездов XXXII съезду горнопромышленников Юга России. Харьков, 1908. С. 56—57.
¹⁰⁰ Нижегородская биржа. Нижний Новгород. 1914. № 5.
¹⁰¹ Краткий отчет о деятельности Совета съездов судовладельцев в 1914 г. Пг., 1915. С. 5—6.
¹⁰² Изнар Н.Н. Записки инженера // Вопросы истории. 2004. № 12. С. 88.

Влияние внутриполитических проблем государства на развитие авиации и авиационной промышленности России в 1909—1914 гг.

Аннотация: Данная статья посвящена анализу роли государства при создании в России авиационной промышленности. Поскольку именно государственные заказы играли ключевую роль в этом процессе, принятие решений в этом направлении представляет собой важнейший аспект для понимания как истории авиации, так и политической истории нашей страны.

Статья носит проблемный характер и затрагивает такие аспекты как появление двух центров политического влияния при формировании государственной политики в области авиации; сложности при согласовании размещения первых заказов на аэропланы внутри России; слабое инвестирование в авиационную промышленность, наряду с законодательными препятствиями для этого; отсутствие постоянного роста заказов промышленным предприятиям; частая смена управлений в Военном министерстве, ответственных за развитие авиационной промышленности.

Ряд общих проблем Российской империи, как например: политический кризис, постепенная децентрализация власти, недостаток финансов, слишком позднее появление программ по модернизации армии и флота, недооценка противника и характера будущей войны, и наоборот переоценка собственных возможностей, особенно, при мобилизации промышленности не могли не сказаться на боеспособности авиационных подразделений.

В статье делается попытка показать взаимосвязь общеполитических проблем с проблемами развития авиации и авиационной промышленности.

Ключевые слова: история авиации, авиационная промышленность, военно-воздушный флот, политический кризис, государственные инвестиции в авиапромышленность, проблемы военного законодательства 1869 г., государственное управление авиапромышленностью 1909—1914 гг.

Изучение истории авиации в России окажется весьма плодотворным, если попытаться рассмотреть ее развитие не только с позиций внутренних движущих факторов, но и в связи с общеисторическими реалиями. Небольшой промежуток времени между 1905 и 1917 гг. весьма насыщен событиями, поскольку в это время страна жила в совершенно непривычной для себя политической обстановке. Бурное развитие разнообразных производств на основе капиталистических

* Попов Алексей Михайлович — выпускник исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, amprov2015@mail.ru

отношений, частное предпринимательство, политический плюрализм, выборные принципы формирования законодательной власти на фоне действующей монархии характеризовали этот период, создавая особые «правила игры». Начало политической жизни в новых условиях ознаменовалось роспуском двух первых Государственных дум. Начиная с 3 июня 1907 г., политическая система России получила название Третьеиюньской монархии, которая появилась на свет в результате государственного переворота. Поначалу для этой системы был характерен альянс между правительством во главе с П.А. Столыпиным и одной из основных парламентских партий «Союзом 17 октября»¹.

Именно этот альянс позволил провести через парламент и начать реализацию целого ряда реформ, получивших название «стольпинских». Кризис Третьеиюньской политической системы начал проявляться еще до убийства П.А. Столыпина, в начале 1911 г., но после его смерти взаимодействие парламента и правительства начало все более и более разлаживаться. Как раз в период кризиса политической системы, созданной П.А. Столыпиным, начинаются действительные шаги по созданию в России военно-воздушного флота. Существующая в настоящий момент литература по его дореволюционной истории склонна рассматривать организационные шаги в этом направлении не только в отрыве от политической истории России, но и без должного внимания к трудностям политического характера. Надо сказать, что в настоящий момент пока недостаточно сведений, чтобы вписать историю авиации в общеполитический контекст, однако это не означает, что не стоит начинать эту работу.

Целью настоящей статьи является анализ некоторых проблем зарождения авиационной промышленности в России, которые, на взгляд автора, имели крайне серьезные последствия в военное время. Во-первых, стоит обратить внимание на ключевую роль государства в процессе становления авиации в России, а также на те возможности, которыми оно располагало. Так или иначе все рассматриваемые проблемы связаны с действиями государственных органов власти, а, значит, понимание общих процессов, происходивших в то время в России, становится необходимым для решения всего дальнейшего круга вопросов. В частности, стоит рассмотреть вопрос о том, возможно ли было развивать авиацию силами казенной промышленности. Во-вторых, специфической для России особенностью стало появление двух центров политического влияния при формировании государственной политики в области авиации. В том числе речь пойдет о государственных и частных авиационных школах. В-третьих, весьма важной характеристикой государственной поддержки оказывается процесс согласования принятия решений по

размещению внутренних заказов. Функционирование государственного аппарата подразумевало определенную последовательность действий, и от согласования вопросов между инстанциями зависели все аспекты заказов частным предприятиям. Далее будет рассмотрен ряд проблем, связанных с особенностями инвестирования в авиационную промышленность, с законодательной базой предоставления различного рода заимствований. Немаловажно обратить внимание на рваный, непоследовательный характер размещения заказов. В этой связи уместно поговорить об удовлетворенности военного министерства достигнутыми успехами. Ну, и наконец, стоит остановиться на проблеме перемещения передачи управленческих функций внутри военного министерства. В целом в статье делается попытка охарактеризовать промышленный потенциал авиационной отрасли довоенной России. Хронологические рамки статьи определяются естественными границами от появления в России первого авиационного предприятия до начала Первой мировой войны.

Статья написана на основе документов Российского государственного военно-исторического архива. По большей части использованы неопубликованные материалы, но также немало сведений взято из двух сборников. Во-первых, из сборника «Авиация и воздухоплавание в России в 1907—1914 гг.: Сб. документов и материалов», опубликованного в конце 1960-х — 1970 гг. совместными усилиями Военно-исторического архива и Института истории естествознания и техники АН СССР. Во-вторых, несколько документов взято из электронной публикации сборника «Военная промышленность России в начале XX века 1900—1917 гг.» Под ред. Р.Ш. Ганелина (М., 2004 г.).

Статья не содержит полноценного историографического анализа, поэтому привлекаются лишь те работы, которые либо имеют значение в рамках данной темы, либо содержат в себе остро полемические тезисы. Безусловно, количество работ по истории авиации гораздо больше, чем упомянуто здесь, равно как и количество спорных утверждений. Общей бедой как прошлой, так и современной литературы является безотчетное перенесение авторами понимания роли и значения авиации в середине XX в. на время ее зарождения. Сοблазнительно рассматривать авиацию изолированно от всего остального, в частности от политических коллизий. Очень часто историки авиации пытаются рассмотреть в прошлом черты будущего, не уделяя должного внимания окружающим обстоятельствам. Отталкиваясь от советского опыта, авторы сетуют и негодуют по поводу тех или иных решений государственных лиц, дают им советы, но при этом не желают изучать их мотивацию. В итоге создалась традиция рассматривать историю авиации вне политического контекста; до сих пор

нет ни одной работы, где история авиации пересекалась бы с общей историей России. В настоящей статье делается попытка частично эти недостатки преодолеть.

В качестве вводного замечания следует обратить внимание на одно событие, которое, по мнению некоторых современных историков авиации, имело фатальные последствия для России. Одним из первых шагов в деле создания в России авиации часто называется собрание членов Совета министров, Государственного совета и Государственной думы с целью «ускорения процесса становления воздухоплавания и авиации в России», прошедшее под эгидой Академии наук 13 декабря 1909 г.² Инициатива академика Б. Голицына по созданию межведомственной комиссии «из представителей власти, науки и общественности с целью объединения усилий в создании научных и экономических основ воздухоплавания и авиации» была отвергнута П.А. Столыпиным. Премьер-министр выразил мнение, что «...авиация и воздухоплавание должны составлять предмет частной деятельности...»³. Автор монографии С.П. Елисеев делает следующий вывод: «Для создания авиации требовалась широкая государственная программа, выполнение которой помогло бы развить в стране производство специальных сталей, тросов, труб, подшипников, магнето, словом, — всего того, что впоследствии пришлось импортировать в страну вплоть до 30-х гг.»⁴.

Широкая государственная программа, о которой говорит историк, должна была опираться на абсолютную убежденность в необходимости создания авиации, как рода войск. Затем это потребовало бы целевой установки на развитие авиации в качестве важнейшего приоритета, т.е. все остальные вопросы, например развитие военно-морского флота, отодвигались на второй план. Далее необходимо было бы наделить комиссию частью исполнительной власти для проведения в жизнь ее решений. Не стоит говорить о деньгах, которые необходимо было изыскать. Отсюда вытекает необходимость согласования по всему спектру вопросов между ведомствами, с Государственным советом, Государственной думой.

На тот момент о будущей роли авиации в войнах еще никто не догадывался. Авиация развивалась постепенно, и лишь по ходу переосмысления военных конфликтов завоевывала себе ключевую позицию в стратегии боевых действий. Тогда полеты на аэропланах были еще только аттракционом. Следовательно, для ставки на развитие авиации тогда еще не было не только оснований, но и вообще предпосылок. Другое дело воздухоплавание, которое показало себя с самой лучшей стороны во время русско-японской войны, но эта сфера и так развивалась довольно интенсивно.

Одним словом, сделать развитие авиационной промышленности государственной заботой означало обречь ее на прозябание и полное отсутствие конкретных шагов. Таким образом, предложение академика Б. Голицына не могло быть принято, как в силу его преждевременности, так и в силу полной безнадежности. В то же время, схема, при которой частные предприятия занимаются производством продукции по заказам военного ведомства, была не только апробирована в самой России, но и давала конкретные позитивные результаты.

«В результате авиапромышленность возникла, как говорится, “снизу”»⁵. Вообще, иного пути появления авиапромышленности тогда не было. Даже в Германии, где Военно-воздушный флот поначалу отставал от других стран, а импульсы по его созданию исходили от государства, авиация появилась в рамках частного предпринимательства и изобретательства⁶. До того, как авиацией заинтересовались военные ведомства, ею был пройден довольно большой путь. В период между 1903 и 1909 гг. аэропланы производились в небольших мастерских кустарным способом. Если верить характеристике французской авиапромышленности, данной создателем Первого российского товарищества воздухоплавания С.С. Щетининым, то получается, что в тот, и даже в более поздний период аэропланы вообще производились с использованием рассеянной мануфактуры: «Специально созданный аэропланостроительный, механический завод Щетинина первое по времени своего возникновения аэропланостроительное предприятие в России, основан в 1909 г., в то время, когда даже во Франции, родине аэропланостроительства, все предприятия этого рода не вышли еще из стадии примитивного кустарного производства мелких мастерских, и предприимчивый французский капитал не решался еще пойти на встречу этой новой отрасли промышленности, дав ей все необходимые средства современной техники. ... Аэропланостроительные фирмы, возникшие в 1909 и 1910 гг., из которых некоторые, как Анри Фарман и Луи Блерио, приобрели теперь мировую известность, предпочитали тогда не иметь ни постоянного кадра рабочих, ни собственных мастерских и сводили свою роль только к сборке аппаратов, отдельные части которых изготовлялись мелкими мастерскими и кустарями соседних деревень»⁷.

Первое время интенсивного совершенствования аэропланов не связано было ни с инвестициями, ни с государственным интересом, ни с серьезными научными школами. Это было время «гаражного» изобретательства и авантюрных полетов на аппаратах низкого качества с огромным риском для жизни. Это было еще время игрушек, юношеских забав, и говорить о какой-то роли аэропланов в войне еще не приходилось. После перелета Луи Блерио через Ла-Манш

25 июля 1909 г. появляется интерес к авиации со стороны военных ведомств. Те страны, где уже было достаточное количество успешных аэропланостроительных фирм, могли себе позволить внутренние заказы, всем же остальным приходилось прибегать к импорту. Опираясь опять-таки на мнение С.С. Щетинина можно сказать, что только после исторического перелета «французский капитал, побуждаемый колоссально быстрыми успехами авиационного дела и открывающимися широкими перспективами овладения Францией мировым рынком для сбыта своих аэропланов, этого нового могущественного средства войны, широкой волной приливает к аэропланостроительной промышленности»⁸. Данное замечание очень важно в связи с тем, что касается мотивов инвестирования в авиапромышленность. Если страна не имела экспортных перспектив, то на частное инвестирование можно было не рассчитывать. Все это показывает, насколько еще неразвитой была и сама авиация, и понимание ее роли в будущем, насколько неясными были интересы государств в постоянной поддержке авиационной промышленности.

Если говорить о согласовании действий в деле развития авиации между различными инстанциями, то настоящая статья содержит целый ряд сведений о том, как это происходило. Если предположить, что П.А. Столыпин прекрасно знал, сколько нужно времени и сил, чтобы принять какое-либо решение и получить на это разрешение парламента, а значит и средства, а он это, безусловно, знал, как никто другой, то высказанное им мнение стоит рассматривать с позитивной точки зрения. Законопроекты по созданию межведомственной комиссии, а затем созданию ряда казенных заводов для нескольких специфических производств были заранее обречены на провал. Процесс согласования куда мелких решений, как мы увидим в дальнейшем, занимал огромное количество времени, постоянно застревал то в Думе, то между министерствами. Средства на создание государственной авиационной промышленности были несоизмеримо большими, чем те относительно небольшие средства, которые требовались для первых заказов внутри страны. У Военного министерства была возможность использовать кредиты по чрезвычайной смете по собственному усмотрению за счет сокращения каких-то других статей, но для «широкой государственной программы» их явно не хватало. Об истории принятия «больших программ» модернизации армии и флота еще будет возможность поговорить, но период с 1909 по 1914 гг. лучше всего свидетельствует о том, сколько времени на это было потрачено. Развитие авиации силами государства означало появление сторонников и противников по каждому частному вопросу, которые заводили бы согласование в тупик, поя-

вились бы лишние поводы к использованию этих вопросов для парламентской борьбы и спекуляций.

Высокотехнологичные производства, как правило, имеют вид пирамиды, в которой конечное изделие находится на вершине, а ширина основания зависит от степени его сложности. Если для отрасли необходимы специфичные материалы, т.е. такие, которые больше нигде на данный момент не востребованы, то их производство может быть коммерчески невыгодно. Именно поэтому объем спроса на конечное изделие определяет экономическую целесообразность всех входящих в пирамиду производств. Спрос на аэропланы в России формировался почти целиком государственными заказами, поэтому рассмотрение объема и динамики этих заказов является наиболее актуальной задачей в рамках исследований по ранней истории авиации в России. С другой стороны освоение специфических производств обычно идет несколькими путями, одним из которых на начальном этапе может быть деятельность учебных заведений. В частности, освоение некоторых видов литья или получение особых сплавов вполне может выполняться на базе мастерских соответствующих кафедр. Таким образом, фокус проблематики должен быть смещен на объем заказов частным предприятиям со стороны государства, формирование кадров и создание или расширение технических учебных заведений.

Отдел воздушного флота и появление первых авиационных школ

Специфическим специалистом для авиации был, конечно, летчик. Первые шаги в направлении создания военно-воздушного флота в России были связаны с обучением этих специалистов. Сложности, которые возникли при организации авиационных школ, лишней раз доказывают правоту П.А. Столыпина, когда он не стал увязывать успех авиации со сложным процессом согласования вопросов в государственных инстанциях. Самым первым учебным заведением для подготовки летчиков стал временный авиационный отдел при Офицерской воздухоплавательной школе. Он открылся сразу после завершения подготовки аэродрома 14.05.1910 года⁹. Создание авиационного отдела было одобрено Военным советом еще 26.03.1910 г., однако не было утверждено Думой, из-за чего отдел имел не вполне законные основания и был назван «временным»¹⁰, а финансирование могло быть получено только по смете 1911 г. Пока вполне законных оснований не было, отдел не мог получить все, что ему было необходимо для работы, в том числе учебные аэропланы,

поэтому заказ аэропланов за границей состоялся только в 1911 г. Все расходы на создание отдела в сумме 94017 руб. были отнесены на «имеющийся свободный кредит по инженерной смете»¹¹.

Временный авиационный отдел получил финансирование за счет внутренних резервов министерства, но после этого своего статуса не поменял, оставаясь не вполне законным. Для решения этого вопроса военное ведомство направило в Думу «представление ГИУ от 1.04.1911 об учреждении авиационного Отдела Офицерской Воздухоплавательной Школы»¹², где испрашивалось 258300 руб. единовременных расходов и 106777 руб. 11 коп. ежегодных. Согласно секретного доклада по Главному управлению Генерального штаба (ГУГШ) от 22.05.1913 г., законопроект о создании авиационного отдела офицерской воздухоплавательной школы не удостоился внимания Думы, и обрел статус закона лишь 12.05.1912 г., т.е. незадолго перед прекращением ее деятельности в июне¹³. Фактически это означало, что государственного финансирования отдел не получал в течение двух лет своего существования, опираясь только на внутренние резервы военного министерства. Пока сложно сказать, какие слухи ходили в кулуарах в 1910 г., почему законопроект был подготовлен лишь год спустя после фактического открытия школы, почему Дума более года не рассматривала этот вопрос, но такое положение дел, вероятно, мало устраивало в том числе и военное министерство.

Гораздо быстрее шло дело в частных организациях, коих число в России было весьма велико. Еще с 1904 г. в России существовал так называемый «особый комитет по усилению военного флота на добровольные пожертвования», деятельность которого координировал великий князь Александр Михайлович. Это была частная организация, собиравшая средства на создание различных единиц морской военной техники и курировавшая их постройку. Добровольные пожертвования составляли довольно приличную сумму, которая была потрачена на военно-морской флот, при этом в конце 1909 г. еще оставалось 900 тыс. руб.¹⁴ В комитете было несколько отделов, а 30.01.1910 г. был образован новый отдел воздушного флота (ОВФ). Великий князь обратился к императору с просьбой утвердить образование отдела и потратить оставшиеся средства на создание авиационной школы. Император утвердил отдел 6.02.1910 г., причем одним из условий было требование, что весь воздушный флот в случае войны будет передан военному и морскому ведомствам¹⁵. После этого направление деятельности ОВФ было утверждено на общем собрании 6.03.1910 г., целями же являлись: обучение офицеров и других лиц полетам на аппаратах тяжелее воздуха и создание запаса с полным снаряжением и оборудованием для снабжения ими авиационных отрядов.

Если вспомнить, что Военный совет (ВС) одобрил создание авиационного отдела при Офицерской воздухоплавательной школе 26 марта, то становится понятно, что первоначальные действия главного инженерного управления, которое внесло в ВС представление о создании авиационного отдела, и комитета были выполнены практически одновременно. Формулировки утверждения ОВФ и его целей показывают, что отдел частично принял на себя функции военного министерства в части подготовки военных офицеров и формирования нового рода войск. ОВФ получил право командирования действующих русских офицеров за границу с целью ознакомления и обучения авиационному делу. Будучи сугубо частной организацией, комитет стал курировать вопросы, относящиеся к прерогативам исполнительной власти. Руководителем был великий князь Александр Михайлович, и с этих пор не всегда можно было разобрать, чье влияние на развитие авиации в России было преобладающим, военного министра или великого князя.

Совпадение по времени первых шагов наводит на мысль, что деятельность ОВФ и министерства была изначально скоординирована. Это тем более кажется вероятным, если взглянуть на некоторые имена членов ОВФ: помощник военного министра, будущий военный министр А.А. Поливанов, начальник воздухоплавательной части Главного управления Генерального штаба М.И. Шишкевич, председатель III Государственной думы, лидер октябристов А.И. Гучков, председатель III и IV Государственной думы М.В. Родзянко, начальник воздухоплавательного отделения электротехнической части Главного инженерного управления В.А. Семковский, капитан 1 ранга, адъютант великого князя Н.Ф. Фогель, профессор николаевской академии К.П. Боклевский, Президент одесского аэроклуба, будущий авиастроитель А.А. Анатра. Полковник Семковский, будучи начальником воздухоплавательного отделения электротехнической части ГИУ, готовил представление в ВС о создании авиационного отдела и, по сути, был первым руководителем авиации от министерства. Генерал Шишкевич руководил авиацией от ГУГШ после передачи авиации в ведение штаба. Гучков и Родзянко имели прямое влияние на законодательческую деятельность в течение всего рассматриваемого периода. Учитывая склонность Александра Михайловича к различного рода масонству, можно высказать предположение, что все эти люди, а полный список членов комитета насчитывает около 100 фамилий, составляли внушительную и очень влиятельную организацию.

Первыми шагами стала подготовка инструкторов, посредством командирования ряда офицеров во Францию и обучения их летному делу, а также организация школы авиации в Гатчине. Однако усло-

вия климата вынудили перевести школу в Севастополь, где можно было подниматься в воздух круглый год, и в ноябре 1910 г. началось обучение первого набора слушателей. Полеты производились на аэропланах, которые тогда еще полностью закупались за границей. Школа была основана на остатки частных пожертвований на нужды морского флота, но и этих средств хватило ненадолго. Несмотря на то, что вместе с утверждением ОВФ последовало разрешение на сбор новых добровольных пожертвований, для содержания школы этого явно не хватало. Уже в начале 1911 г. Александр Михайлович был вынужден обратиться к военному министру В.А. Сухомлинову с просьбой об ассигновании средств на содержание школы: «принимая во внимание, что авиационная школа, подготавливая исключительно военных летчиков, ... преследует цель государственную, содержание ее [школы] в будущем исключительно на средства Комитета... было бы весьма затруднительным»¹⁶. Просьба была удовлетворена, комитет получил 1050 тыс.руб. на покупку земли и возведение зданий, а также по 100 тыс.руб. на содержание школы в течение 1911—1914 гг. В целом комитет (как на воздушный, так и на морской флот) получил от Военного министерства в течение 1913 г. 700 тыс. руб., а всего приход составил 1 785 111,74 руб.¹⁷

Таким образом, мы видим существование частной параллельной системы управления авиацией, функции которой заключаются в обучении офицеров и нижних чинов, организации и обеспечения зарубежных командировок кадровых офицеров, осуществление закупок специального оборудования как в стране, так и за рубежом. Финансируется комитет на добровольные пожертвования, а позже и на средства военного ведомства. Однако говорить о том, что комитет был частью государственного аппарата, неправомерно. В этой связи совершенно неверно представлять организационную структуру системы управления авиацией в том виде, будто ОВФ подчинялся ГИУ¹⁸. Одной из причин появления параллельной структуры является, помимо прочего, крайне долгий и сложный путь принятия решений на государственном уровне. Потребность в определенном количестве летчиков понимали все, но военное министерство образцовывает одну школу, а не две и не три. Вторая школа создается частной организацией. Да, в результате воздушный флот получил некоторое количество военных летчиков. Казалось бы, неважно, где они были подготовлены (если уровень подготовки одинаково высок), однако это были вовсе не одинаковые учебные заведения.

Во-первых, управлением «второго центра» занималось частное лицо, хоть и императорской крови. Это создавало традицию воспитания личного состава, верного авторитету этого лица. Во-вторых,

согласно воспоминаниям Александра Михайловича, В.А. Сухомлинов весьма скептически отнесся к идее создания в России военно-воздушного флота¹⁹. С одной стороны, одновременные с министерством действия по созданию школ «подмывают» высказывания великого князя и указывают все же на заинтересованность министерства в создании авиации. С другой стороны, если учесть, что генерал Сухомлинов был сторонником централизации власти, то перенос некоторых ее функций на частную организацию не мог вызвать у него восторга. Это явление характеризует наличие сложностей во взаимоотношениях министра и будущего заведующего авиацией в действующей армии. Ну и наконец, акцент внимания на частном характере школы в Севастополе позволяет лишний раз убедиться в потере государством монополии на формирование оборонительных сил. Не последнюю роль в этом сыграла Государственная дума, не нашедшая времени на рассмотрение законопроекта о создании авиационной школы в течение почти всего 1911 и нескольких месяцев 1912 г. Помимо этого законопроекта, Дума проигнорировала еще один серьезный документ, о котором речь пойдет ниже.

Проблемы подготовки кадров для летного состава были на виду и на слуху в то время, однако не так часто попадаются документы, где бы говорилось о принятии срочных мер по подготовке инженеров, способных обеспечивать технологическое и конструкторское развитие авиационной промышленности. В этом смысле странным выглядит тезис А.Ю. Каратеева о создании «системы подготовки специалистов»²⁰. Если для советского времени этот разговор вполне уместен, то для рассматриваемого здесь периода говорить именно о системе вряд ли возможно. Автор много повествует о создании различных воздухоплавательных кружков, обществ, особых курсов, в том числе под руководством Н.Е. Жуковского. Все это очень интересно и ценно, но оснований говорить о «системе» образования пока не достаточно. Как бы в подтверждение этого сам автор пишет: «Роль государства в развитии подготовки авиационных инженеров в этот период (это касается и дореволюционной России и России советской) нельзя назвать значительным. Сперва причиной была недооценка роли авиации в мирной жизни и военных действиях, а затем — экономические затруднения...»²¹.

Немногом ранее А.Ю. Каратеев пишет: «основной формой авиационно-технического образования, таким образом, на первых порах стало учреждение курсов воздухоплавания при политехнических вузах»²². Возникает впечатление, что политехнические вузы никакого отношения к государству не имели и существовали независимо от него. Конечно, это было не так. Буквально на следующей странице

автор сам это отмечает: «Военное министерство считало необходимым дать летчикам не только практические навыки управления воздушным судном, но и некоторые научные знания и организовало четырехмесячные теоретические курсы авиации при Петербургском политехническом институте (с 1911 г.) и Императорском московском техническом училище (с 1914 г.)»²³. Следовательно, государство все же занималось подготовкой специалистов, но признавать это в своих выводах автор не стал. Проще и привычнее говорить в любимом историками техники ключе о противопоставлении «русского таланта» государственной косности и бюрократии.

Вот, например, одно из типичных утверждений: «возникновение и развитие авиационного технического образования в России напрямую связано с успехами отечественного технического образования в целом. «Русская система» преподавания, заключающаяся в соединении серьезной теоретической подготовки с получением практических навыков, зарекомендовала себя за границей еще в 70-х годах XIX в. Высшему техническому образованию уделялось много внимания со стороны просвещенных слоев российского общества»²⁴. Вообще, как правило, говорят о «немецкой системе подготовки технических специалистов», а в отношении России о преобладании «классического образования» над техническим. Что это за великая «система», признанная во всем мире в указанное время, автор не раскрывает и не доказывает. В общем, все лучшее в нашей истории принадлежит русскому человеку (народу или «просвещенным слоям российского общества»), а все неудачи, в том числе в области техники связаны с нерасторопностью государства.

Однако даже факты, изложенные в работе, позволяют сделать вывод о наличии некоторых усилий со стороны государства в лице Министерства народного просвещения, Военного и Морского министерств по подготовке технических специалистов. Можно ли говорить о системе или это были еще только рефлекторные попытки что-то изменить, вопрос остается открытым. Вместе с тем возникают уже поднятые для авиационных школ вопросы о финансировании, обеспечении оборудованием, подчинении центров подготовки специалистов. Как и кем рождались эти планы, как согласовывались, как проходили утверждение в Думе, как зависели от большой политики, все эти вопросы не имеют пока ответов. Мы до сих пор имеем очень расплывчатое представление о профиле подготовки. Лучшее всего дело обстоит с пониманием подготовки военных летчиков, более или менее понятно с авиационными инженерами (с рядом оговорок), но промышленности требовались и другие специалисты. Война предъявила очень серьезные требования к развитию

отечественной промышленности, и следом за ростом заказов начали расти объемы подготовки специалистов для авиации, начался процесс разделения по специализациям. Книга А.Ю. Каратеева как раз отражает эти явления, правда, без какой бы то ни было структуры в этом отношении. Темпы роста авиапромышленности, да и промышленности в целом оказались ключевыми факторами при формировании всего спектра специалистов. Государство могло бы готовить их опережающими темпами, но, похоже, не стало этого делать. Таким образом, количество технических специалистов, их уровень, степень специализации, общее количество специализаций, глубина подготовки находились в прямой зависимости от спроса со стороны государства. Говорить об авиационной промышленности, а значит, и о технических специалистах для нее можно только с того момента, как государство начинает поддерживать ее своими заказами, формируя спрос не только на конечные изделия, но и на все комплектующие.

Согласование решений по размещению первых заказов

В России к 1909 г. еще не было не только серийных авиационных заводов, но даже небольших полукустарных мастерских. Первые мастерские появляются после 1909 г., но большинство из них совершенно не могут рассматриваться в качестве сколько-нибудь серьезных производственных площадок. Даже те немногие, которые со временем превратятся в авиационные предприятия, на тот момент выполняли мизерные, единичные заказы для аэроклубов или частных энтузиастов. На основании анализа целого ряда документов Российского государственного военно-исторического архива можно с уверенностью сказать, что авиационная промышленность не появилась бы в Российской империи, если бы государство не стало заниматься размещением заказов на авиационную технику внутри страны.

Самый первый заказ аэропланов в России, как и следовало ожидать, был сделан ОВФ для авиационной школы в Севастополе, о чем свидетельствует «отчет о деятельности отдела воздушного флота с 1 апреля 1911 по 25.01.1912»²⁵. К весне 1911 г. школа уже располагала 37 аэропланами, из которых 4 было заказано в России еще до открытия школы, т.е. осенью 1910 г. В эту цифру не входят два аэроплана Антуанетт, признанные негодными для армейской службы. К сожалению, отчет ОВФ за 1911 г. не содержит сведений о фирме, получившей заказ на 4 аппарата, но все же бросается в глаза тот факт, что почти все самолеты были заказаны за границей. Если верить Д.А. Соболеву, то по крайней мере один аэроплан был заказан

Первому российскому товариществу воздухоплавания²⁶. В распоряжении школы оказались аппараты двух типов: Фарман и Блерио. Примечательно, что в отчете содержатся сведения об устаревании к ноябрю 1911 г. вышеназванных марок аппаратов и вытеснении их новыми аэропланами Ньюпора. Забегая вперед, стоит отметить, что первый заказ Военного министерства был сделан на аппараты Фармана и Блерио в начале 1912 г., а потом министерство сочло более правильным переключиться на заказы аэропланов Ньюпор.

Весь 1910 г. проходят обсуждения вопросов, связанных с авиацией. Всей деятельностью занималось Главное инженерное управление (ГИУ), точнее воздухоплавательное отделение электротехнической части ГИУ. Поначалу требовалось совсем небольшое количество аэропланов для оснащения авиационных школ и учебных мастерских. В рамках решения данной задачи ГИУ, как и ОВФ, закупало аппараты за границей, преимущественно во Франции. Однако скоро началась реализация плана создания военно-воздушного флота России, предложенного ГИУ и принятого Военным советом 20.05.1911 г.²⁷ Согласно плану, в течение 1911–1912 гг. требовалось сформировать 10 авиационных отрядов в составе воздухоплавательных рот, причем два из них должны были быть сформированы в течение 1911 г., а 8 — за 1912 г. По смете, затраты на ежегодное содержание одного отряда составляли 63172 руб. При каждой воздухоплавательной роте должен был появиться отряд, в котором предполагалось наличие 6 аэропланов. Всего же предполагалось создание 18 отрядов по числу воздухоплавательных рот, а весь процесс должен был завершиться в 1914 г. Единовременные средства на создание авиационных отрядов должны были быть получены за счет чрезвычайных кредитов военного министерства, а в случае их нехватки вотируются парламентом. На постоянные же расходы требовалось также получить разрешение Думы.

Принятие и утверждение плана ГИУ положило начало большой работе. Необходимо было оборудовать аэродромы, сформировать штат, закупить оборудование, устроить ангары для постоянного хранения аэропланов и закупить палатки для походного размещения, организовать аэродромные службы, доставку топлива, надлежащий ремонт, закупить обоз, лошадей, автомобили. Кроме того, требовалась закупка массы разных мелочей: особая форма, шлемы, куртки, очки, мебель и мн. др. Всего на организацию 18 отрядов планировалось потратить 2687200 руб., «из коих по чрезвычайной смете 1911 г. 350000 руб., остальной же кредит имеется в виду испросить к отпуску в 1912–1914 гг.»²⁸.

Разумеется, в центре внимания оказалась заготовка аэропланов и моторов к ним. Из простых расчетов следует, что требовалось приоб-

рести 108 аэропланов. Эта программа должна была реализовываться постепенно. Первые два отряда, подлежащие укомплектованию в 1911 г., были сформированы за счет закупок за рубежом, а к вопросам поставок на следующий 1912 г. приступили осенью. В конце 1911 г. Воздухоплавательный комитет ГИУ признал возможным оснащение 6 авиационных отрядов произвести за счет русских заводов. Из каждых 6 аэропланов предполагалось заказать 4 аппарата Фармана и 2 Блерио. Как видно, выбор фирм для заказа совпадал с выбором ОВФ. Кроме того, ГИУ озаботилось приобретением двух запасных моторов на отряд, которые предполагалось заказать за границей. Представление ГИУ от 16.11.1911 г. о закупке было в основном удовлетворено Военным советом²⁹.

Представление ГИУ и утверждение его Военным советом содержат некоторые интересующие нас детали. Во-первых, ГИУ представило мнение, что аппараты Блерио следует приобрести за границей «ввиду сложной конструкции». Однако ВС отклонил это положение, утвердив при этом заказ этих аэропланов трем заводам, о которых речь пойдет ниже. Изначально начальник ГИУ генерал Н.Ф. Александров высказывал мнение о том, что все аппараты следует заказать за границей и даже обратился к великому князю с просьбой поспособствовать этому³⁰. Хотя этот отчет ГИУ датируется 7 октября 1911 г. и содержит уже измененное к тому времени мнение, но склонность чиновников ГИУ к заграничному заказу подтверждается запросом, который отправило ГИУ в отдел промышленности Министерства торговли и промышленности еще 27 сентября³¹. В запросе шла речь о заказе 36 аэропланов Блерио, т.е. всех, подлежащих заказу в 1912 г. К сожалению, пока нельзя понять, что ответил отдел промышленности, но в представлении в ВС ГИУ говорит уже о 24 Фарманах и 12 Блерио, предлагая последние заказать за границей. В своей докладной записке от 19.11.1911, т.е. через три дня после утверждения ВС представления ГИУ, военный министр формулирует следующее: «С целью развития и поощрения промышленности по строительству воздухоплавательных аппаратов, главным образом самолетов, военному ведомству должно быть предоставлено право заказывать эти аппараты преимущественно на отечественных заводах, хотя бы и по более дорогим ценам, чем за границей...»³². Замена 24 аппаратов Блерио на Фарманы представляется логичным шагом ввиду более простой конструкции последних, а значит, более вероятным успехом при освоении производства в России. Таким образом, как первоначальный выбор фирм, так и ориентация ГИУ на заграничные заказы совпадают с деятельностью ОВФ. Однако итоговое уже решение коренным образом отличалось

от изначальных предположений. В процессе согласования представления ГИУ Военное министерство и ВС приняли решение в пользу поддержки отечественных мастерских.

Во-вторых, ГИУ рекомендовало в качестве поставщиков определенные предприятия: Русско-Балтийский вагонный завод в Риге (РБВЗ), Велосипедную фабрику «Дукс» в Москве, завод «Мотор» в Риге и отчасти товарищество «Авиата» в Варшаве. Выбор вышеупомянутых фирм был продиктован совершенно определенными соображениями: «В целях обеспечения нашей армии постройкой воздухоплавательных аппаратов наибольшее значение имеет, по-видимому, развитие производства аэропланов на больших заводах, обладающих оборотными средствами и занимающихся постройками наряду с другими производствами. Специальные заводы, хотя бы они получали заказы военного ведомства, необеспеченные в достаточной мере работой, неизбежно обречены на закрытие. ... Во всяком случае, для полного обеспечения нашей армии летательными аппаратами необходимо поддерживать заказами более крупные частные заводы и мастерские, открыть производство летательных аппаратов на казенных заводах артиллерийского ведомства, что не встречает особых затруднений и требует лишь небольшого оборудования этих заводов»³³.

Аргументация ГИУ не только показывает логику рассуждений чиновников этого ведомства, но и, поскольку ожидалось, что ВС этими доводами удовлетворится, демонстрирует одно из главенствующих направлений политики государства в области поддержки частной военной промышленности. Суть сводится к тому, что целесообразно давать заказы наиболее крупным предприятиям, имеющим оборотные средства и могущим увеличивать или сворачивать производство без серьезных затруднений. Это сильно напоминает политику создания гигантских универсальных предприятий, которую проводил еще С.Ю. Витте. Хотя на тот момент его влияние было крайне слабым, идеи, как видно, были еще весьма актуальны. Ставка на крупные предприятия избавляла государство от обеспечения их оборотными средствами, а вместе с тем, давала некоторую гарантию того, что предприятие не закроется в условиях нерегулярности получения заказов. Здесь прослеживается некоторая неуверенность в том, что государственных заказов будет достаточно для нормального существования предприятия, что «Специальные заводы, хотя бы они получали заказы военного ведомства, необеспеченные в достаточной мере работой, неизбежно обречены на закрытие». А это, в свою очередь, говорит о том, что ГИУ не видело широкой перспективы развития авиации, ибо вопрос о постоянной загрузке предприятий даже не ставился. В этом проявилась общая концепция

военного министерства: подготовка к войне заключалась в накоплении вооружений, а не в развитии потенциала промышленности.

Характерно, что В.А. Сухомлинов по прочтении представления ГИУ 19.11.1911 г. писал председателю Совета министров В.Н. Кокцову: «Первое российское товарищество воздухоплавания в Петербурге устроило специальный завод для постройки аэропланов. При полном почти отсутствии частных заказов и не имея оборотного капитала, завод этот даже при поддержке казенными заказами вряд ли будет в состоянии конкурировать с упомянутыми выше заводами» и далее «в настоящее время военным ведомством заготавливаются 24 аэроплана Фармана и 12 аэропланов Блерио, назначенных для снабжения авиационных отрядов воздухоплавательных частей. По обсуждении вопроса о заготовке этих аппаратов в воздухоплавательном комитете с участием специалистов-летчиков было признано возможным 24 аэроплана Фармана построить на русских заводах, за исключением моторов и винтов, а 12 аэропланов Блерио, отличающихся сложной и ответственной конструкцией, признано необходимым строить на заводе Блерио во Франции. Тем не менее, признавая необходимым установить в России производство аэропланов всех систем, военное ведомство имеет в виду заказать на русских заводах, кроме 24 аэропланов Фармана, еще 6 аэропланов Блерио, приобретая за границей лишь остальные 6 аэропланов Блерио, чтобы, таким образом, в каждом авиационном отряде иметь по одному надежному аэроплану Блерио, построенному под наблюдением самого г. Блерио, и по одной копии с него, построенной на русских заводах. Из числа подлежащих заготовке 36 аэропланов по разверстке предположено заказать Первому российскому товариществу воздухоплавания 6 аэропланов Фармана и 2 Блерио»³⁴.

Заседание Военного совета от 16.12.1911 г. изменило и эту, последнюю формулировку: «заказ 6 аппаратов Блерио за границу не представляется необходимым и может быть исполнен в России теми же заводами, которым предполагается заказать остальные 6 таких же аппаратов»³⁵. Военный совет не вполне разделял мнение чиновников ГИУ. Вместо товарищества «Авиата», как это предлагало ГИУ, ВС утвердил размещение заказа в цехах «Первого российского товарищества воздухоплавания С.С. Щетинин и К^о» (ПРТВ), которое ГИУ как раз отметило как нежелательного поставщика, указывая на специализированный его характер. В итоге три завода: «Дукс», РБВЗ и ПРТВ в январе 1912 г. получили заказ на изготовление аэропланов для русского Военно-воздушного флота. Заказ распределялся так: «Дукс» — 6 Фарманов и 4 Блерио, РБВЗ — 6 Фарманов и 4 Блерио, ПРТВ — 12 Фарманов и 4 Блерио.

Стоит отметить, что ПРТВ получило заказ на 12 Фарманов, тогда как другие два завода только по 6. Решение проблемы оборотных средств для данного заказа было найдено путем выдачи 50-ти процентной ссуды под залог недвижимости, что тоже было зафиксировано в решении ВС. Помимо отсутствия других производств, ПРТВ, судя по их собственному свидетельству³⁶, отличался еще одной особенностью. Это предприятие было основано еще в 1909 г. и, учитывая опыт французских коллег, сразу задумывалось как серийное, специализированное, с образцово отлаженной системой производства. Товарищество преуспело в этом, поскольку, начиная с 1910 г., систематически получало государственные награды, признававшие высокое качество изделий, даже более высокое, чем заграничные аналоги. Возможно, именно это обстоятельство, т.е. изначальная постановка специализированного производства, явилось определяющим для предпочтения Военным советом ПРТВ.

Подводя итог обстоятельствам первых контрактов, необходимо еще раз подчеркнуть, что авиация планировалась довольно незначительной, а для обеспечения ее не требовалось крупной и мощной авиационной промышленности. Наверное, это была самая большая ошибка, ибо во время войны потребность в авиации росла с каждым днем, а производительность заводов хронически отставала. Планы по обеспечению аэропланами первых авиационных отрядов эволюционировали от заказа 36 машин за границей до заказа их в России трем отечественным мастерским. Как следует из документов, заказ аппаратов Блерио был более желателен с военной точки зрения, но принятое решение демонстрирует политическую волю в отношении поддержки русской промышленности, поступившуюся как тактическими, так и экономическими приоритетами. Именно этот нюанс отличает политику министерства в отношении авиации от политики ОВФ в 1910 г. Вместе с тем решение ВС о поддержке ПРТВ, как специализированного авиационного предприятия, в противовес мнению ГИУ, показывает, что логика расчета на крупные универсальные предприятия уже не была монопольной в правительстве.

Итак, первые два авиационных отряда были укомплектованы в 1911 г. за счет импорта аэропланов (12 штук), шесть отрядов подлежали укомплектованию за счет внутренних заказов (36 штук) и еще два отряда были сформированы за счет машин, переданных ОВФ (12 аэропланов³⁷). Планы по формированию 18 авиационных отрядов, из которых 2 в 1911 г., 8 в 1912, и остальные в течение 1913—1914 гг. приняты вполне конкретные очертания после серии январских заказов трем российским заводам. Уже упоминавшаяся докладная записка В.А. Сухомлинова Николаю II от 19.11.1911 г. со-

держит еще несколько примечательных формулировок. Например, министр сообщает о планах создать 45 авиационных отрядов, причем вместо 6 аппаратов снабдить их 12, что означало заказ 540 машин³⁸. К сожалению, ничего не сказано о сроках таких поставок, но по-видимому, речь шла о времени после 1914 г., после формирования 18 первых отрядов. Резолюция царя на записке была: «общие предложения одобряю». Еще будет возможность вернуться к этому любопытному документу, поскольку помимо просьбы о поддержке вотирования планов там высказывались некоторые соображения, интересные с точки зрения общего управления авиацией.

Весной 1912 г. политическая обстановка была весьма тревожной. Шла итало-турецкая война, назревал крупный конфликт на Балканах, и военное министерство начало спешную подготовку к возможному участию России в нем. Еще в начале 1912 г. воздухоплавательное отделение ГИУ отправляет письмо в ГУГШ со сметными расчетами создания 45 авиационных отрядов³⁹. Надо сказать, что такое количество отрядов неслучайно. Судя по «докладу о состоянии воздухоплавания и авиации во Франции и Германии», Франция готовилась к созданию 44 эскадрилий по 6 аэропланов с двумя резервными⁴⁰. Россия, стараясь не отставать от союзницы, планировала нечто подобное. По планам, только в 1913 г. было предположено создание 19 полевых и 3 крепостных отрядов сверх 18 уже утвержденных отрядов. Но уже не позднее, чем через два месяца в документах прослеживается увеличение потребности страны в аэропланах и крайняя спешка. Как уже говорилось ранее, внимание к Ньюпорам было приковано уже в конце 1911 г. Вряд ли одного только первого приза на соревнованиях, о котором говорит Д.А. Соболев⁴¹, было бы достаточно для столь крупных заказов, которые последовали в 1912 г. Судя по всему, опасность начала боевых действий гораздо в большей степени заставила форсировать прежние планы, равно как и внедрить систему резервирования аэропланов (по аналогии с Францией). В начале апреля начальник ГИУ Н.Ф. Александров докладывал помощнику министра А.А. Поливанову об исполнении приказа от 31 марта⁴². Согласно приказу, все авиационные отряды, подлежащие формированию в 1912 г., должны были комплектоваться аэропланами Ньюпор; необходимо было разработать представление о заготовке аэропланов для 12 полевых и 1 крепостного отряда, 50% запасных аэропланов для 19 отрядов, а также 25 Ньюпоров и 6 Фарманов для Офицерской воздухоплавательной школы. Вместе с тем, необходимо было приобрести для школы аэропланы «боевого типа». Получалось Ньюпоров: для 13 отрядов 78 штук, в запас для 19 отрядов 57, для школы 20 и еще 5 учебных, плюс 6 учебных Фарманов, итого 155 военных и 5 учебных Ньюпоров.

ГИУ предлагало заказать 103 аппарата для 12 отрядов и для школы на заводе Ньюпор во Франции, обязав фирму выполнить заказ срочно, а также построить завод в России. Запасные же аэропланы, числом 57, заказать внутри страны. Однако уже 14 апреля воздухоплавательный отдел электротехнической части ГИУ направляет запрос в отдел промышленности Министерства торговли и промышленности с просьбой рассмотреть предложение о заказе 50 аппаратов Ньюпор во Франции и 120 в России⁴³. Министерство промышленности 21 апреля ответило, что ничего против не имеет, кроме заказа аэропланов во Франции⁴⁴. В итоге в июле 1912 г. был произведен заказ 155 Ньюпоров IV в России: по 59 ПРТВ и «Дукс» и 37 РБВЗ. Снова, как и в случае первого заказа можно заметить очевидный дрейф в сторону развития внутренней авиационной промышленности, в котором исходную позицию занимает ГИУ, а окончательную — военный совет.

Итак, обстоятельства первых заказов показывают разное понимание чиновниками путей создания и развития военно-воздушного флота. Не исключено, что крен в сторону заказов за рубежом или на отечественных предприятиях являлся следствием политической борьбы. Известно, что великий князь Александр Михайлович вместе с другими великими князьями боролся с военным министром В.А. Сухомлиновым. Поскольку в Париже уже была создана силами великого князя комиссия по закупкам, первый вариант развития, за который выступало ГИУ, автоматически усиливал противников министра. Второй вариант был выгоден министру с точки зрения политической борьбы, но и был выгоден стране. С другой стороны, В.А. Сухомлинов по документам оказывается не против предложений ГИУ, спокойно транслируя их прочим министерствам и императору. Получается, что на данный момент нет безусловной уверенности в том, какие именно силы стояли за принятием решений в пользу развития отечественной авиапромышленности.

В отношении поддержки предприятий заказами также отмечено два подхода: поддержка крупных универсальных предприятий и поддержка мелких специализированных мастерских. Многие чиновники не видели будущего в поддержке специализированных предприятий в силу ограниченности потребностей государства. В противовес такой точке зрения, заметной в представлениях ГИУ, ГУГШ предлагал все более и более широкие программы. Принятие этих программ куда в большей степени затрагивало весь государственный механизм, что, возможно, стало причиной их неудовлетворения. Как и в случае с авиационными школами, принятие парламентом основного закона по формированию авиационных частей задержалось на довольно продолжительное время.

Прочие довоенные заказы и снижение активности государства при формировании заказов в 1913 г.

Действительно, заказы трем российским фирмам в июле 1912 г. стали самыми крупными в довоенный период⁴⁵. Возникают вопросы запланированных и действительных сроков сдачи аэропланов. Забегая немного вперед, стоит сказать о больших проблемах в отношении исполнения контрактов, но для начала немаловажно оценить дальнейший объем государственных заказов. В конце весны 1913 г. в одном из отчетов ГУГШ встречается такая формулировка: «так как эти аппараты составляют уже второй комплект, то военное ведомство ввиду наступившего успокоения поневоле мирится с этими хроническими запозданиями русских заводов, не желая неустойками подрывать их деятельность»⁴⁶. Степень беспокойства Военного министерства постепенно снижалась, наступило «успокоение». Общее число аэропланов в России к этому моменту, включая все, которые еще не были сданы (96 экземпляров), составляло, согласно того же отчета, 298 аппаратов.

То, что количество аппаратов в армии за период май 1913 — июль 1914 г. практически законсервировалось, доказывает доклад Управления военно-воздушного флота (УВВФ)⁴⁷ от 2.06.1916 г.⁴⁸. Цель доклада — показать изменения парка аэропланов за время войны. ВВФ на момент мобилизации состоял только из 244 аэропланов. Здесь не учтено количество аэропланов в школах авиации, еще какая-то часть, разумеется, выбыла, какие-то аппараты были списаны, но очевидно, что качественного скачка не произошло. В свою очередь, это говорит о том, что авиационная промышленность провела не самое лучшее время с лета 1913 по лето 1914 г.

Фактически, на основании этих цифр мы можем говорить о том, что по большому счету новых задач не возникло. Конечно, шли процессы замены устаревших моделей, освоения производства новых аэропланов, продолжали реализовываться прежние контракты. Из 59 Ньюпоров IV, заказанных летом 1912 г. ПРТВ, ВС в заседании 17.10.1912 разрешил заменить 30 на новые Фарманы-16, которых всего надлежало построить в России 85⁴⁹. Весной 1913 г. были заключены новые контракты на Фарман 22 и Фарман 22бис⁵⁰. Это были новые машины, производство которых в основном осваивалось на «Дуксе», их число было сравнительно невелико. Были и другие контракты, о которых речь еще впереди, но главным является тот факт, что планы создания ВВФ в России, форсированные в начале и в середине 1912 г., по сути вернулись к своему состоянию на осень 1911 г., когда планировалось создание 45 авиационных отрядов в течение 1913—1914 гг. Таким образом, мы имеем два основных им-

пульса к стимулированию отечественной авиационной промышленности: осенью 1911 и летом 1912 г., когда были приняты меры к созданию сначала 18, а потом 45 отрядов.

В этой связи стоит заметить, что торможение темпов Военным министерством не планировалось. После передачи всех дел в ГУГШ летом 1912 г., управление разработало новый план формирования ВВФ. Секретный доклад по ГУГШ № 138 от 22.05.1913 г. свидетельствует о планах по созданию уже 63 авиационных отрядов, причем с опорой на боевой тип аэроплана последних моделей. В отчете ничего не говорится о резервировании, но даже без него, с учетом потребностей школ и обновления моделей, требовалось бы заказать более 400 новых машин. Есть все основания полагать, что план этот принят не был, точнее был отложен. По данным Н.Козлова, 24 июня 1914 г. была принята так называемая «большая программа», в которой содержались цифры того же масштаба, что и в планах ГУГШ в конце 1912 — начале 1913 гг., а именно 67 авиационных отрядов⁵¹. Большая программа модернизации армии была действительно принята 24 июня 1914 г. после продолжительных споров в Думе и Государственном совете⁵². Таким образом, становится очевидным, что создание авиации оказывается в зависимости от общих сложностей обсуждения и принятия концепций развития военных и морских сил России. Планы ГУГШ по строительству ВВФ, предусматривавшие затраты 44 млн. руб. в течение 1913—1915 гг., не могли быть приняты ни осенью 1912, ни весной 1913 г., а только тогда, когда стратегия развития вооруженных сил обрела силу закона. Надо сказать, что в счет этой программы Главное военно-техническое управление уже заключило ряд контрактов весной 1914 г., но темп уже был потерян. Это означает, что уровень потребности в авиационной технике, заданный государством частным предприятиям имел максимум летом 1912 г. Следовательно, основные производственные характеристики предприятий, такие как число обученных рабочих, количество станков, производственные и складские площади, получив импульс в это время, в дальнейшем потеряли стимул к увеличению.

Впрочем, даже те контракты, которые заключило ГВТУ весной 1914 г. по большей части не были выполнены. Всего было заказано 292 аэроплана новейших систем, но к началу войны результат был мизерным⁵³. Прежде, чем перейти к рассмотрению причин задержек при выполнении контрактов, стоит остановиться на производительности, которую требовал заказчик. Первые контракты на 36 аэропланов в начале 1912 г. подразумевали дифференцированные сроки в зависимости от модели и объемов партии. Быстрее всех со своим контрактом справилось ПРТВ, завершив постройку 16 машин на

два месяца раньше срока, а именно к началу апреля 1912 г.⁵⁴ С учетом чуть более двух месяцев, это означает производительность около 8 аэропланов в месяц. Наиболее успешным поставщиком по контракту на Ньюпор IV оказался московский завод «Дукс», ему удалось завершить контракт до конца 1912 года⁵⁵. Это означает, что завод произвел почти 60 экземпляров за время около 6 месяцев, т.е. 10 с небольшим аэропланов в месяц, и это было, напомним, в период самых серьезных опасений ввиду надвигающейся войны. В данном случае важна даже не та производительность, которую показали заводы, а та, которую подразумевали заказы. Следовательно, сроки производства, предусмотренные контрактами, подразумевали производительность около 10 аппаратов в месяц. Производительность в 10—12 аэропланов в месяц перед войной подтверждается докладом по УВВФ от 2.06.1916 г.⁵⁶. Однако стоит еще раз оговориться, что эта цифра вполне устраивала Военное министерство. К середине 1916 г. производительность завода общества «Дукс» дошла до 50 экземпляров, хотя потребность армии в аэропланах все еще была существенно выше. Если бы военное ведомство требовало до войны производительности хотя бы в два-три раза больше, путь к удовлетворению потребности армии во время войны был бы существенно короче.

Можно подсчитывать количество произведенных и сданных самолетов, но все же производительность предприятия и отрасли в целом является более значимой характеристикой (хотя не всегда бесспорной) для оценки производственного потенциала. В статье Д.А. Соболева трудолюбиво собраны данные по большинству контрактов с авиационными предприятиями и в конце представлены таблицы, показывающие устойчивый годовой рост отрасли. Однако цифры настолько малы, что основные выводы работы нельзя принять безоговорочно. В частности, за 1912 г. произведено всего 114 машин, а за 1913 — 182⁵⁷. Если принять во внимание, что по контракту № 5414 от 16 июля 1912 г. ПРТВ должно был сдать 59 аппаратов в 1912 г., а сдал только 10, то цифра 47 в 1913 г. является показателем неисправности поставщика. С точки зрения планирования это форс-мажор, а значит, ее вполне можно «вернуть» в 1912 г. Тогда мы получим цифру 161 за 1912 год и 135 за 1913, что уже не дает возможности утверждать о планомерном росте объемов выпуска и тем более росте производительности. Если же принять во внимание, что в 1914 г. была принята программа, которая дала старт большим заказам, более того, началась война, потребовавшая резкого увеличения объемов выпуска, то совокупная цифра за 1914 г. не вполне может быть принята в качестве показателя довоенного уровня производства. Таким образом «устойчивый рост»⁵⁸ довоенной индустрии сменяется очевидной стагнаци-

ей и даже упадком после «успокоения» внешнеполитических угроз. Это означает, что роста промышленного потенциала не происходило в течение времени с начала 1913 по середину 1914 г.

После тревожного 1912 г. наступило «успокоение». В вышеупомянутом секретном докладе по ГУГШ № 138 от 22.05.1913 г. не раз упоминается о тревожности политической обстановки, когда все вопросы воздухоплавания и авиации передаются в ГУГШ. В следующем докладе № 142 от 23.05.1913 как раз говорится об успокоении. Сутью этого доклада является сравнение боевого потенциала России с Германией и Австро-Венгрией: «При самых благоприятных подсчетах для Германии и Австрии число военных летчиков в совокупности в обоих государствах лишь немногим превосходит число наших военных летчиков. Если же принять во внимание, что весьма значительную часть своих летчиков Германия должна направить в сторону Франции, то на нашей стороне получится значительный перевес в авиационных отрядах на западной границе. Не считая же Австрии, мы и в настоящее время оказываемся по авиации сильнее Германии, удерживая свое место вслед за Францией»⁵⁹. Желая показать успехи деятельности ГУГШ, были проигнорированы многие сведения о специфике развития авиации в Германии.

В одном из сообщений о выставке в Берлине от 1.04.1912 г. имеется много любопытных сведений об этой специфике⁶⁰. В частности, говорится об очень быстрых темпах роста авиапромышленности, о преобладании «боевого», т.е. бронированного типа самолетов, об особых требованиях к моторам, которые сразу рассчитывались на повышенный вес из-за брони. Упоминается 18 аэропланостроительных фирм и 15 моторных фирм, имеющих развитое производство, а средняя мощность моторов составляла 100 л.с., доходя даже до 200. Один из выводов гласил: «Эта выставка весьма ясно определила авиационный материал, находящийся в распоряжении нашего соседа, и выводы подтверждают уже высказанное мною мнение, что нашим 50-сильным бипланам, заказанным инженерным ведомством, явится невозможным принести какую-либо пользу при существовании у неприятеля боевых быстроходных монопланов». Кроме этого, автор говорит: «Таким образом, авиация может уже собственными силами изготовлять нужный ей авиационный материал и числом промышленных фирм уже конкурирует с Францией (во Франции имеется 18 авиационных фирм)». Через год ситуация в Германии вряд ли была хуже, но, несмотря на это, в официальных документах царил спокойная уверенность в своих силах.

Мало оснований сомневаться в том, что некоторые аспекты доклада по ГУГШ, и в частности по вопросам превосходства над Германией

по числу аэропланов, были транслированы дальше: Совету министров, Государственной думе и императору. Таким образом, можно говорить о существовании в то время очень опасной иллюзии в отношении промышленного потенциала, которая не в последнюю очередь привела к отсутствию серьезных поддерживающих мер со стороны государства в период с 1913 по середину 1914 г. Другая проблема в деле развития авиации совпадает с общей военной проблемой согласования программы развития вооруженных сил, которая была принята только накануне войны. И, наконец, еще одна проблема связана с неисправностью отечественных предприятий, о чем стоит поговорить особо.

Финансовые трудности

Опасения ГИУ насчет недостаточности оборотных средств таких предприятий, как ПРТВ, оказались небезосновательными. Этот тип предприятия уже тогда был назван «специализированным». Стоит напомнить, что ГИУ возражало против заключения контрактов со специализированными предприятиями, поскольку они не смогут существовать в условиях эпизодического размещения заказов. Это могло привести к тому, что государство потеряло бы возможность заказывать авиационную технику. Напротив, наилучшим типом предприятия ГИУ считало крупные универсальные предприятия, способные существовать долгое время без заказов на аэропланы. В частности, к такому типу относился московская фабрика «Дукс», которая задолго до начала производства аэропланов вполне успешно производила велосипеды.

Первый заказ на 12 Фарманов и 4 Блерио был совсем небольшим, но все же вряд ли он был бы исполнен без финансовой поддержки. Проблемы возникли с другим контрактом — с контрактом на 59 аэропланов Ньюпор IV, заключенным с ПРТВ в июле 1912 г. Об этом позволяет судить письмо, направленное в ГУГШ весной 1913 г. В нем ПРТВ просило ГУГШ об отсрочке по этому контракту, а вместе с тем рассказывалась вся история создания завода и работы его на благо отечества, которая должна была показать исключительность этого предприятия⁶¹. Если верить письму, первый контракт, а вместе с ним и два последующих небольших контракта, были исполнены образцово. Весной 1912 г. последовало изменение в отношении оснащения авиационных отрядов. Вместо аэропланов Фармана, ГИУ стало рассматривать аппараты Ньюпор IV в качестве основных для ВВФ. Эта перемена привела к тому, что следующие контракты должны были касаться поставок именно этих машин.

Первый контракт лучше всех выполнило ПРТВ, завершив поставку на два месяца раньше срока. С контрактом на Ньюпоры возникли сложности, которые привели к завершению всей работы только в конце 1913 г., т.е. с опозданием на год. Причины этого, согласно письму Товарищества, заключаются в следующем. Во-первых, недостаток оборотных средств, а во-вторых, отсутствие помещений для сборки и хранения аэропланов. Контракт на 59 аэропланов новой конструкции подразумевал существенное укрупнение производства. Необходимы были новые производственные площади, оборудование, склады, нужно было набрать и обучить новых рабочих. Кроме того, новая конструкция всегда требует изменения технологического процесса. Разумеется, необходимо также осуществить закупки сырья, готовых и полуготовых частей и узлов. При серийном производстве технологические операции выполняются сразу для всей партии изделий, а посему для отлаженного производства принципиально важно иметь материалы и заготовки для всей партии сразу.

Описывая ситуацию, С.С. Щетинин, в частности, написал в марте 1913 г.: «Тогда перед заключением нами контракта, по ныне исполняемому нами заказу, мы, ради облегчения выполнения такового, вошли в ГИУ с ходатайством о выдаче нам, при подписании контракта, ввиду недостатка в оборотных средствах, аванса, в размере 50% от суммы заказа. ГИУ поддержало наше ходатайство и вошло с соответствующим мотивированным представлением в ВС. ВС по чисто формальным основаниям и отсутствию законных форм выдачи подобного аванса, лишен был возможности удовлетворить наше ходатайство»⁶². Фраза об «отсутствии законных форм выдачи подобного аванса» обращает на себя особое внимание.

С одной стороны, аванс по январскому контракту фирме был выдан, следовательно, законная возможность все же была. С другой стороны, сумма аванса качественно отличается от январской. Июльский контракт был заключен на сумму 663 тыс. руб.⁶³, что подразумевало аванс в 330 тыс. руб. Аванс же в январе может быть оценен цифрой всего около 23 тыс. руб.⁶⁴ Январский контракт был обеспечен залогом, в качестве которого было принято все недвижимое и заводское имущество Товарищества. Свод военных постановлений 1869 г., регулировавший, среди прочего, и военные поставки, устанавливает, что «залог обеспечивают: ... задаточные деньги, выдаваемые контрагентам вперед в счет контрактной платы»⁶⁵. Залог являлся необходимым условием заключения контракта с частным предприятием, которое рисковало своим имуществом. По своей сути залог служил гарантией выполнения контракта, а в случае предоставления ссуды, и гарантией ее возврата. Таким образом, можно за-

ключить, что имущество Товарищества не обеспечивало неустойку и аванс в 330 тыс. руб., чем и объясняется невозможность выдачи такой ссуды.

Отсюда становится понятно, почему перерастание небольших мастерских в крупные специализированные предприятия было затруднено — не хватало имущества под залог для получения значительных авансов. Получался замкнутый круг: для получения крупных ссуд нужно было иметь в распоряжении имущество, стоимостью своей достаточное для залога (и это при том, что часть залога должна была покрыть возможную неустойку в случае срыва поставки); чтобы приобрести такое имущество, нужны были деньги; чтобы их заработать, нужны были контракты, а для выполнения крупного контракта нужны были оборотные средства, которые могли быть даны военным министерством только под залог имущества.

Наилучшим подтверждением того, что именно недостаток финансовой поддержки был причиной многих сложностей ПРТВ, является доклад начальника Главного управления Генерального штаба Я.Г. Жилинского помощнику военного министра А.А. Поливанову от 12.10.1913⁶⁶. В докладе содержится мнение о необходимости удовлетворить просьбу Товарищества и предоставить ему правительственную беспроцентную ссуду в 350 тыс. руб. Среди прочего имеет место такая формулировка: «тяжелое финансовое положение товарищества началось сравнительно давно, вследствие отсутствия у него достаточных оборотных средств и необходимости, в силу этого, прибегать для выполнения заказов к различного рода займам и финансовым операциям, сводившим к нулю все выгоды и прибыли... эти затруднения влияли и на аккуратность соблюдения им сроков поставки аэропланов... финансовые затруднения товарищества не заставили его поступиться качеством изготавливаемых им аэропланов».

Одной из причин неисправности ПРТВ главное военно-техническое управление считало отсутствие лицензионного соглашения с французской фирмой: «Только «Дукс» в Москве заключил договор с домом Ньюпора, получив от него все рисунки, образцы и необходимые указания, и сдал вовремя все заказанные «Ньюпоры», они летали почти так же хорошо, как французские. РБВЗ и Щетинин предприняли постройку без разрешения Ньюпора. Щетинин сдал самолеты с опозданием свыше шести месяцев, а РБВЗ — с опозданием на год. Выпущенные этими заводами аппараты представляют собой несовершенные копии в отношении многих важных деталей «Ньюпора»⁶⁷. Не исключено, что именно недостаток средств не позволил ПРТВ заключить договор с обществом Ньюпора во Франции о предоставлении чертежей. Характерная деталь состоит в том,

что ГВТУ, на мнение которого ссылается Д.А. Соболев, упоминает о плохом качестве аппаратов ПРТВ, в противовес хорошему качеству машин, произведенных «Дуксом». Это наводит на подозрение в предвзятости ГВТУ, поскольку, во-первых, требования к сдаче были весьма жесткими, и, если аппараты были приняты в казну, это уже свидетельствовало об удовлетворительном качестве. Во-вторых, мнение начальника ГУГШ, наоборот, указывает на вполне приличное качество. В-третьих, отсутствие оборотных средств никак не отражено в мнении ГВТУ. Ну и наконец, не стоит забывать о том, что ГВТУ, как преемник ГИУ, не получило поддержки ВС по вопросу предоставления контракта обществу «Авиата» в 1911 г., и что именно ПРТВ было рекомендовано как нежелательное предприятие для работы по правительственным заказам. В любом случае вопрос отсутствия лицензионной поддержки, несомненно, должен рассматриваться с точки зрения финансовых возможностей.

Хронология событий показывает следующее. ПРТВ получает первый заказ в январе 1912 г. и, вместе с ним, финансовую поддержку в размере половины стоимости заказа. Работа выполняется раньше срока, и предприятие зарекомендовывает себя с наилучшей стороны. Затем размещается еще пара мелких заказов, которые также вполне исправно исполняются. Летом 1912 г. Товарищество получает новый, самый крупный, заказ на новый тип аэроплана, но финансовой поддержки, как раньше, уже не имеет. Отсутствие оборотных средств, возможно, в том числе и на приобретение научно-технической документации, вынуждают обратиться к заказчику за помощью. Просьба не удовлетворяется, и контракт срывается. Итак, отсутствие оборотных средств для ПРТВ оставалось фатальным на протяжении всего 1913 г. Этот пример говорит о серьезном ограничении, которое накладывал Свод военных постановлений на форму взаимодействия государства с частными фирмами в мирное время. Некоторые законодательные акты этого свода очень плохо способствовали развитию в стране высокотехнологичной техники, и явно устарели. В 1860—1870 гг. предметы вооружения в основном производились казенными заводами, тогда как с начала XX в. доля частных поставщиков постоянно росла. Необходимость их поддержки и развития становилась все более серьезным фактором обороноспособности.

История с Путиловским заводом, который тщетно старался получить ссуду для обеспечения контракта 1903 г. на 750 трехдюймовых полевых орудий и 1600 лафетов к ним⁶⁸, показывает, что развитие частного рынка вооружений тормозилось как раз законодательной базой. Это, в свою очередь, ставит вопрос об ее изменении, о том, делались ли такие попытки со стороны Военного министерства или

Министерства промышленности и торговли или еще кого бы то ни было? Пока ответа на этот вопрос нет.

Теоретически возможность получить крупную ссуду все же существовала. Статья 96 Основных государственных законов Российской империи подразумевает, что постановления по военному или военно-морскому ведомствам могут быть «Высочайше утверждены», но при условии обеспеченности их средствами этих ведомств или соответствующими кредитами. Это означает, что при наличии утвержденного Государственной думой кредита и согласия императора вопрос со ссудой мог быть решен положительно в обход военного законодательства. Однако тогда возникают другие вопросы: какое ведомство или какой человек мог быть настолько заинтересован в поддержке предприятия, что решился бы на подобную инициативу, утвердила бы Дума такой кредит, ну и, наконец, пошел бы император на это? Пока неясно, были ли вообще подобные прецеденты.

Что касается Думы, то стоит еще раз вернуться к вопросу о создании авиационной школы. Этот законопроект был рассмотрен и принят только спустя 13 месяцев. Такая же участь постигла и план по сформированию 18 авиационных отрядов, согласованный ВС 4.10.1911 г. Согласно секретного доклада по Главному управлению генерального штаба от 22.05.1913 г., законопроекты о создании авиационного отдела Офицерской воздухоплавательной школы и о сформировании 18 авиационных отрядов от 7.04.1911 и 4.10.1911 соответственно не удостоились вниманием Думы, и обрели статус закона лишь после рассмотрения 12.05.1912 г., т.е. незадолго перед прекращением ее деятельности в июне⁶⁹. Четвертая Государственная дума собралась только 15 ноября 1912 г., т.е. еще полгода вопросы не могли быть решены обычным порядком. При наличии такого рода сложностей во взаимоотношениях с Думой изменение Свода военных постановлений становилось почти невероятным.

Что оставалось делать ПРТВ, равно как и другим предприятиям, для поиска оборотных средств? Они обратились к отечественным банкам⁷⁰. В отношении характеристики финансовых организаций С.С. Щетинин отмечал, что даже во Франции капитал стал проявлять интерес к авиации только после перелета Блерио через Ла-Манш, ввиду открывшейся перспективы экспорта аэропланов в другие страны. У России таких перспектив не было, и банки, не доверяя авиационным мастерским, просто отказали в кредите. Иностранные кредиторы, зачастую из Германии, ставили своим условием вхождение в совет директоров, что не устраивало С.С. Щетинина. Тогда появились отдельные «частные лица», которые предложили свои услуги как в части кредитов, так и в части поставок сырья. Результатом

такого сотрудничества, по словам С.С. Щетинина, стали крупные задержки в поставках и шантаж со стороны этих лиц. Непроизводительные потери времени составили 60%, и в результате это вызвало задержку по контракту, испрашивание отсрочки по которому стало главной темой цитируемого письма. Для спасения ситуации ГИУ разместило заказ на изготовление 20 аэропланов Фармана нового (7-го) типа (к 1913 г. появились новые аппараты Фармана, сильно заинтересовавшие ГУГШ). Если верить письму, контракт на 20 Фарманов был выполнен за два первых месяца 1913 г. Выполнение заказа дало приток оборотных средств, которые позволили приступить наконец к выполнению контракта от 16.07.1912 г.

В частности, деньги были потрачены на строительство новых сборочных цехов, а также складов для размещения готовой продукции. Дело в том, что на заре авиации моторы еще не работали при отрицательной температуре (загустевало масло). Это стало причиной, как уже указывалось выше, переноса первой школы авиации в Севастополь, и это же было причиной того, что приемка изделий на заводских аэродромах представителем военного ведомства не могла осуществляться, поскольку необходимым этапом приемки были летные испытания. Как следствие, готовые изделия в течение нескольких месяцев не могли быть приняты в казну и отправлены в части. Это привело к тому, что аэропланы зимой фактически не изготавливались в связи с затовариванием складов и сборочных помещений. Решение этой проблемы было связано с покупкой дополнительных площадей, а, значит, опять с инвестированием.

Процесс расширения производства лучше всего характеризует увеличение промышленного потенциала. ПРТВ к весне 1914 г. увеличило производственные площади, вдвое выросло число станков, количество рабочих достигло 400⁷¹. Те же процессы происходили на РБВЗ и «Дуксе». Все это было следствием стимулирующих импульсов со стороны государства. Универсальные предприятия, такие как РБВЗ и «Дукс», могли также себе позволить самоинвестирование, а потому они имели больше шансов на успех после их прекращения. Самым успешным, пожалуй, оказался «Дукс», который обладал возможностью не только расширения производства и «переключения» акцентов с аэропланов на аэросани или велосипеды, но и, возможно, на покупку дорогих лицензий, что сокращало время на освоение производства, и, тем самым, уменьшало накладные расходы. И все же срыв контрактов был обычным делом, с которым продолжало мириться военное ведомство «ввиду успокоения». Причина этого, помимо прочего, в том, что на реализацию крупных контрактов не хватало оборотных средств особенно для специализированных

предприятий. Именно это обстоятельство легло в основание предпочтения ГИУ универсальных компаний перед специализированными. В итоге вопрос развития авиации в стране оказался в прямой зависимости от инвестиций, которых не только не хватало, но и отсутствовало законное основание для их ассигнования. Разумеется, время становления производства увеличивалось, сроки контрактов затягивались, модернизация армии проводилась более медленными темпами, однако это не особенно тревожило политиков.

ГИУ и ГУГШ – туда и обратно

В деле формирования спроса на продукцию авиационных предприятий до 1914 г. явно присутствуют два центра: Главное инженерное управление (позже Главное военно-техническое управление) и Главное управление Генерального штаба. Как уже было показано выше, наивно предполагать явное противостояние между ними, хотя бы потому, что многие ключевые посты занимали люди, близкие великому князю Александру Михайловичу и входящие в ОВФ. Кроме того, политические реалии того времени представляют собой очень сложный клубок взаимосвязей внутри ведомств, между министерствами, с Советом министров, с Премьером, с Государственным советом, Думой и отдельными ее фракциями. Разобраться во всех хитросплетениях пока не представляется возможным, но кое-что отметить все же можно.

Во-первых, можно с уверенностью сказать, что ГИУ имело больше склонности к заграничным заказам. Уже упоминавшийся доклад Н.Ф. Александрова от 7.10.1911 г. о заказе самолетов имеет любопытную формулировку: «ГИУ обратилось в ОВФ с просьбой ускорить ответом на запрос ГИУ о возможности приобретения военным ведомством аэропланов через заграничную комиссию, постоянно находящуюся в Париже»⁷². Отсюда следует, что механизм заграничных заказов на тот момент существовал и действовал через ОВФ и великого князя Александра Михайловича, а также, что подобного канала у Военного министерства не было. Во-вторых, ГИУ стремилось поддерживать универсальные предприятия, чтобы не связываться с выдачей ссуд; в-третьих, планы ГИУ куда менее амбициозны и обширны, чем планы ГУГШ. Роль военного министра в этих процессах пока плохо просматривается: он одинаково одобряет как первоначальные планы ГИУ, так и окончательные решения Военного совета. Однажды, весной 1912 г. Министерство промышленности и торговли заблокировало заграничный заказ на 50 Ньюпоров. На историческом ВС 1.12.1911, когда было принято решение дать

казак ПРТВ вместо «Авиаты», присутствовал начальник школы воздухоплавания в Севастополе полковник Одинцов (т.е. человек ОВФ и великого князя). Выписка из протокола составлена так, будто его влиянию принадлежит перемена мнения, однако пока не будут изучены протоколы общего собрания Совета, подтвердить или опровергнуть это будет невозможно. Вот, пожалуй, и все, что бросается в глаза сразу. Не исключено, что постепенно в высших сферах (например, у В.А. Сухомлинова) возникло недовольство ГИУ и тем, как оно реализует планы по созданию авиации. Возможно, тут сказались интриги и вечное противостояние Военного министерства и ГУГШ*, но «в сентябре 1912 г. все вопросы воздухоплавания были переданы из ГИУ в ведение ГУГШ»⁷⁴. Теперь главным куратором вопросов авиации стало Воздухоплавательное отделение ГУГШ, начальником которого был генерал-майор М.И. Шишкевич. В упомянутом уже секретном докладе по ГУГШ авторы подвергают резкой критике ГИУ и приводят доказательства его нерасторопности. Не вдаваясь сейчас в подробности, стоит отметить, что с этого момента масштаб планируемых действий существенно увеличился.

Приказ № 397 о передаче всех дел по авиации и воздухоплаванию в ГУГШ вышел 30 июля 1912 г.⁷⁵ С процессом передачи вышла какая-то странная история. Можно с уверенностью говорить о том, что еще 15.06.1911 г. начальник ГУГШ Я.Г. Жилинский подал военному министру Сухомлинову докладную записку о передаче руководства из ГИУ в ГУГШ⁷⁶. Из текста записки следует, что после летних маневров на один из докладов министр наложил резолюцию: «Нахожу необходимым все авиационное дело сосредоточить в руках начальника Генерального штаба». Записка представляет собой первоначальную проработку вопросов передачи всех дел в ГУГШ, причем в том числе говорится о необходимости проведения вопроса создания соответствующей структуры в ГУГШ и упразднения ее в ГИУ через Военный совет. Ссылка на ст. 96 основных законов говорит о том, что этот вопрос может быть решен лично императором без участия в нем парламента.

Следующий документ — это докладная записка военного министра В.А. Сухомлинова Николаю II от 19.11.1911 г., в которой министр говорит о планах по заказу 540 аэропланов. Кроме этого, и, наверное, это главное, в записке, военный министр предлагает передать в ГУГШ следующее: Офицерскую воздухоплавательную школу, руководство специальной подготовкой и службой воздухоплавательные части, вопросы снабжения армии имуществом, разработку специальных программ обучения⁷⁷. Характерно, что император наложил резолюцию «общие предположения одобряю». Казалось бы во-

прос решен, особенно, если предложение Жилинского провести эти вопросы по 96 статье верно, но, как мы знаем, это событие произошло только в конце лета 1912 г.

В конце 1913 г. после решения ВС от 18 октября вопросы курирования авиации возвращаются в ведение инженерного ведомства. Приказ № 666 от 20.12.1913 г. переименовывает ГИУ в Главное военно-техническое управление в составе нескольких отделов. Один из отделов — Технический Отдел — имел в своем составе Воздухоплавательное отделение, которое и стало ведать вопросами организации поставок. Однако за ГУГШ остались вопросы армейского свойства: тактика, применение, организация. Вместе с тем, ГУГШ разрабатывал «идеологию» применения авиации в армии⁷⁸, что влекло за собой прямое влияние на их характер. Из журналов комиссии по учреждению ГВТУ следует, что председатель комиссии, помощник министра инженер-генерал А.П. Вернандер* высказал несколько соображений: «Результаты приобретения аппаратов на рынке оказались на практике очень неудовлетворительными... . Еще хуже дело обстоит с воздухоплаванием. Там система аппаратов еще разнообразнее. Для успеха же дела важно, чтобы каждый хорошо знал свой аппарат. Для аппаратов можно установить сроки службы. На рынке спрос предъявляется к аппаратам, развивающим большую скорость. Для военного дела эта сторона не имеет преобладающего значения (курсив мой. — А.П.). В будущем аппараты на рынке не должны бы приобретаться, так как по учреждении ГВТУ на это управление будет возлагаться задача по разработке для войск аппаратов одного типа для данного периода. В общем же разработка типов аппаратов будет лежать на техническом управлении, а решение вопроса, годится ли этот тип или нет, будет зависеть от соглашения с ГУГШ»⁸⁰.

И снова, как и в отчете ГУГШ, мы видим критику предшественников. На этот раз отчетливо проглядывает незаинтересованность генерала в скорости аэропланов и стремление к унификации парка машин. Главное же отличие от предыдущих периодов состоит в том, что теперь вопросами воздухоплавания будут заниматься два ведомства, а их взаимодействие еще только предстоит наладить. С.П. Елисеев совершенно справедливо замечает, что это действие приведет к «децентрализации управления»⁸¹. Приведенные им высказывания начальника ГИУ, воздухоплавательной части ГУГШ и технического отделения ВЧ ГУГШ явно указывают на их сопротивление этому решению. Также представляются основательными соображения по поводу аналогий с созданием Управления военного воздушного флота (УВВФ) в 1916 г., которое вобрало в себя все вопросы по управлению авиацией. Стоит заметить, что начальником

УВВФ стал генерал-майор Н.В. Пневский — начальник одного из отделений воздухоплавательной части ГУГШ в 1913 г. (еще в чине полковника) и непосредственный подчиненный начальника Воздухоплавательной части М.И. Шишкевича. Это означает, что единое управление авиацией генетически восходило к ГУГШ, но не к ГВТУ. Кроме того, о странной работе ГВТУ свидетельствует то, что основное руководящее подразделение, а именно Воздухоплавательное отделение было сформировано только к 1 мая 1914 г.⁸²

Из текста С.П. Елисеева можно сделать вывод, что «малая программа», принятая 10.07.1913 г., не была реализована из-за процесса передачи управления из ГУГШ в ГВТУ. Хотя прямо этого не утверждается, но зато с уверенностью говорится о принятии «малой программы», предполагавшей создание 67 авиационных отрядов и вотировании Думой соответствующих средств под нее⁸³. Вызывает сомнение полное совпадение «большой программы» лета 1914 г. и «малой программы» лета 1913 г. Зачем два раза принимать одно и то же? Текст Л.Г. Бескровного, на который ссылается автор, не содержит формулировок «о принятии малой программы», там речь идет только об обсуждении дальнейших планов по перевооружению армии. Если же программа была принята и получены средства, почему заказы не последовали сразу? Если программа не была принята, то ее и нельзя было реализовать. Однако можно согласиться с тем, что процедура смены управляющих центров не способствовала эффективной работе. Пока сложно сказать, с чем было связано то обстоятельство, что управление авиационными поставками трижды переходило из одного ведомства в другое в течение трех лет, но можно предположить, что это связано с политическими изменениями в России.

Во время войны авиационная промышленность Российской империи оказалась микроскопична по сравнению с Германией и Францией. Имея производство десятков тысяч единиц военной техники, эти страны опередили Россию и качественно, и количественно, хотя Россия перед войной рассчитывала на военное превосходство над будущим противником. История авиационной промышленности показывает схожие черты с проблемами в других видах вооружений. Вследствие отсутствия интересов со стороны частного капитала в производстве военной техники государство являлось, как правило, единственным заказчиком. Роль развития потенциала военной промышленности была недооценена, что привело к слишком большому времени ее мобилизации. Такого количества времени, как показал ход истории, у России не было. Отсутствие оборотного капитала, наряду с наличием формальных, юридических сложностей для его предоставления подрядчику законсервировало рост производства.

В тех обстоятельствах, которые существовали в России, альтернативы частной авиационной промышленности, поддерживаемой государственными заказами, не существовало, как не существовало ее ни в одной другой стране.

История всех решений по вопросам развития авиации в России демонстрирует большие потери времени. Одной из негативных причин этого являлась необходимость в утверждении их в Государственной думе, занятой в то время совершенно другими вопросами. Утверждение проекта авиационной школы, а также вотирование первых планов по созданию военно-воздушного флота состоялось лишь в мае 1912 г. В итоге первые аэропланы для целей обучения военных летчиков, равно как и сами военные летчики, появляются на средства частной организации под контролем великого князя Александра Михайловича. С того времени влияние военного министра на вопросы развития авиации не было монопольным, а само министерство передало часть своих функций, в частности подготовку офицеров, неправительственной организации. Степень влияния великого князя на все министерские решения еще только предстоит выяснить, однако уже сейчас можно сказать с уверенностью, что в отдел воздушного флота особого комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования входили едва ли не все государственные и общественные деятели, за исключением военного министра В.А. Сухомлинова. Кроме развития авиационных школ сведения об учреждении и расширении других учебных заведений для поддержки развивающейся авиационной промышленности и всего, что для нее необходимо, пока не имеют системного характера.

Обстоятельства первых контрактов показывают, что в правительстве имели место два подхода к формированию авиационных подразделений. Первый в большей степени опирался на заграничные заказы, второй же — на поддержку отечественных предприятий. Вместе с тем, для первого подхода характерна ставка только на универсальные отечественные предприятия, а для второго — еще и на специализированные авиационные мастерские. В первом приближении можно говорить о том, что первый подход в то время был характерен для главного инженерного управления Военного министерства, которым руководил Н.Ф. Александров, а выработкой решений занималось воздухоплавательное отделение электротехническая часть ГИУ под руководством В.А. Семковского. Кто по мере согласования представлений ГИУ оказывал наибольшее влияние, что в конце концов привело к размещению судьбоносных заказов внутри России, пока сказать сложно. Роль военного министра, как председателя Военного совета, здесь очевидна, поскольку именно Военный

совет принимал решения, отличные от изначальных представлений ГИУ. Однако личная роль В.А. Сухомлинова в этом процессе пока просматривается плохо.

Как и для всех остальных родов войск, концепция накопления вооружений вместо развития промышленного потенциала сыграла с авиацией злую шутку. Повинуясь страху оказаться втянутой в вооруженный конфликт на Балканах, Россия форсировала планы по созданию авиационных отрядов. Заказы 1912 г., призванные обеспечить войска необходимым числом аэропланов, дали мощный импульс к развитию авиационной промышленности. Однако потом, после наступления успокоения, требования к производительности и исправности предприятий снизились или остались на прежнем уровне. Заказчика вполне устраивала производительность 10–12 аэропланов в месяц каждого из предприятий, что было, конечно, крайне мало по сравнению с потенциалом Германии.

Уверенность в своих силах, ощущение себя на устойчивом втором месте после Франции по числу аэропланов и летчиков породило опасную иллюзию. Во Франции, а позже и в Германии объемы военно-воздушных флотов не определяли и не определялись промышленным потенциалом. Фирмы этих стран имели возможность продавать свои изделия не только государству, но и за рубеж. Поэтому частный капитал этих стран имел достаточно уверенности в окупаемости вложенных в авиацию средств. И кроме того, конечно, эти страны были куда более индустриально развиты. Понимание иллюзорности статического сравнения с вероятным противником могло бы подтолкнуть принятие ряда стратегических решений. К сожалению, оценки промышленного потенциала хотя бы по числу авиационных фирм не было произведено.

Успокоенность привела к потере полутора лет и не позволила выйти на новый качественный уровень развития отечественного производства. За многими решениями по авиационным вопросам просматривается политическая борьба. Не исключено, что принятие программы ГУГШ на формирование 63 авиационных отрядов с заказом всех составляющих русским заводам, было отложено до окончательного решения по «большой программе» модернизации армии, принятой только накануне Первой мировой войны.

Уже в предвоенное время обнаруживается существенная проблема в части финансирования авиационных, да и всех прочих специализированных предприятий. Свод военных постановлений 1869 года, в качестве законодательной базы, регулировавшей взаимоотношения заказчика и исполнителя, не позволял выдавать ссуды на суммы, превышающие движимое и недвижимое имущество предприятия. Такое положение вещей обрекает предприятия такого рода

на вымирание или жалкое существование. Во всяком случае, рассчитывать на эти предприятия в качестве ключевых звеньев обороноспособности уже не приходится. Но и для всех прочих предприятий, ввиду изменяющегося спроса и отсутствия полной уверенности в будущих заказах, развитие своего производственного потенциала не входит в число приоритетных задач. «Правила игры» дают возможность развиваться только по принципу: есть заказ — есть развитие, нет заказа — нет развития.

Также предстоит еще выяснить причины перемещения управленческих функций из ГИУ в ГУГШ и обратно в ГВТУ. Весьма странным выглядит решение разделить функции между ГУГШ и ГВТУ накануне войны. Борьба между этими ведомствами прослеживается на всем протяжении рассматриваемого периода. Какие силы стояли за этими процессами? Несогласованность политики вполне могла привести к тяжелым последствиям во время войны. В этой связи уже не кажется странным ни создание управления военно-воздушного флота в 1916 г., ни назначение Александра Михайловича заведующим авиацией и воздухоплаванием в действующей армии.

Таким образом, в предвоенное время не были подготовлены ни узкоспециализированные специалисты для отрасли, ни развит промышленный потенциал. В свою очередь, это привело к тому, что сложнейшие проблемы были выявлены только во время войны, и многие из них так и не были решены. Спроса на авиационную промышленность едва хватало для существования аэропланостроительных предприятий, и этого было совершенно недостаточно для развития производства деталей, узлов и агрегатов внутри страны, необходимых для комплектации аэроплана. И если производство относительно простых в то время аэропланов хотя бы давало иллюзию, то в отношении авиационных двигателей не было и этого; если к моменту зарождения авиации в России аэроплан мог производиться кустарно, то двигатель внутреннего сгорания прошел уже почти 50 лет эволюции, и был уже по-настоящему высокотехнологичным изделием.

Одно несомненно: история авиации является неотъемлемой частью истории России, и вряд ли хотя бы одно решение может быть понято без учета особенностей ее политического строя и характера взаимоотношений между инстанциями.

Библиография

- Jonatan A. Grant. Big business in Russia. The Putilov company in late imperial Russia, 1868–1917, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1999.
- Авиация и воздухоплавание в России в 1907–1914 гг.: Сб. документов и материалов. Вып. 3. М., 1970.

- Авиация и воздухоплавание в России в 1907—1914 гг.: Сб. документов и материалов. Вып. 4. М., 1970.
- Авиация и воздухоплавание в России в 1907—1914 гг.: Сб. документов и материалов. Вып. 5. М., 1972.
- Великий Князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Иллюстрированная Россия. 1933. (Прил.) <http://militera.lib.ru/memo/russian/a-m/15.html>
- Военная промышленность России в начале XX века. 1900—1917. Сборник документов. М., 2004.
- Высочайше утвержденный Особый комитет по усилению военного флота на добровольные пожертвования. Отчет за 8-м лет. СПб., 1913.
- Гайда Ф.А. П.А. Столыпин: консерватор и проблемы модернизации // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. № 5. С. 79—107.
- Елисеев С.П. Организационное строительство военной авиации России (1910—1917 гг.). М., 2008.
- Каратеев А.Ю. Авиационные инженеры в России и СССР. Подготовка кадров в 1909—1945 гг. М., 2013.
- Карташев А.В. История подготовки военных авиационных специалистов в России. Ставрополь, 2007.
- Козлов Н. Очерк снабжения русской армии военно-техническим имуществом в мировую войну. М., 1926.
- Соболев Д.А. К 100-летию отечественной авиапромышленности: российское самолетостроение в 1910—1917 гг. // ВИЕТ. 2011. № 1. С. 105—153.
- Соболев Д.А., Хазанов Д.Б. Немецкий след в истории отечественной авиации. М., 2000.
- Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014.

Примечания

- ¹ Гайда Ф.А. П.А. Столыпин: консерватор и проблемы модернизации // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. № 5. С. 87.
- ² Елисеев С.П. Организационное строительство военной авиации России (1910—1917 гг.). М., 2008. С. 14.
- ³ Цит. по: Елисеев С.П. Указ соч. С. 14.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Соболев Д.А. К 100-летию отечественной авиапромышленности: российское самолетостроение в 1910—1917 гг. // ВИЕТ. 2011. № 1. С. 107.
- ⁶ Соболев Д.А., Хазанов Д.Б. Немецкий след в истории отечественной авиации. М., 2000. С. 30.
- ⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 77899. Л. 91—101.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Карташев А.В. История подготовки военных авиационных специалистов в России. Ставрополь, 2007. С. 13.
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 802. Оп. 3. Д. 1283. Л. 12.
- ¹¹ Там же. Л. 16.
- ¹² Там же. Л. 17.
- ¹³ Там же. Ф. 2000. Оп.7. № 231. Л. 11.
- ¹⁴ Высочайше утвержденный Особый комитет по усилению военного флота на добровольные пожертвования. Отчет за 8-м лет., СПб., 1913. С. 5.
- ¹⁵ Там же. С. 6.
- ¹⁶ Авиация и воздухоплавание в России в 1907—1914гг.: Сб. документов и материалов. Вып. 3. М., 1970. С. 28.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 7. № 241. Л. 12.

- ¹⁸ Елисеев С.П. Указ. соч. С. 23.
- ¹⁹ Великий Князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Иллюстрированная Россия. 1933. (Прил.) <http://militera.lib.ru/memo/russian/a-m/15.html>
- ²⁰ Каратеев А.Ю. Авиационные инженеры в России и СССР. Подготовка кадров в 1909–1945 гг. М., 2013. С. 7.
- ²¹ Там же. С. 124.
- ²² Там же. С. 68.
- ²³ Там же. С. 70.
- ²⁴ Там же. С. 56.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 7. Д. 237. Л. 1–14.
- ²⁶ Соболев Д.А. Указ. соч. С. 107.
- ²⁷ РГВИА. Ф. 802. Оп. 3. Д. 1283. Л. 38.
- ²⁸ Там же. Л. 40.
- ²⁹ Там же. Л. 71.
- ³⁰ Авиация и воздухоплавание в России в 1907–1914 гг.: Там же. Вып. 3. С. 118.
- ³¹ РГВИА. Ф. 802. Оп. 3. Д. 1283. Л. 66.
- ³² Авиация и воздухоплавание в России в 1907–1914 гг.: Там же. Вып. 3. С. 139.
- ³³ РГВИА. Ф. 802. Оп. 3. Д. 1283. Л. 74.
- ³⁴ Военная промышленность России в начале XX века. 1900–1917. Сборник документов. М., 2004. С. 395–396.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 802. Оп. 3. Д. 1283. Л. 71.
- ³⁶ Там же. Оп. 1. Д. 77899. Л. 91–101.
- ³⁷ Авиация и воздухоплавание в России в 1907–1914 гг. Вып. 3. С. 139.
- ³⁸ Там же. С. 140.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 802. Оп. 3. Д. 1453. Л. 19–22.
- ⁴⁰ Там же. Л. 1–9.
- ⁴¹ Соболев Д.А. Указ. соч. С. 116. «Тем временем по рекомендации находящегося во Франции великого князя Александра Михайловича на вооружение русской армии приняты моноплан Ньюпор-4. Этот самолет в 1911 г. завоевал первый приз Военного министерства Франции, что сыграло главную роль в этом решении».
- ⁴² Авиация и воздухоплавание в России в 1907–1914 гг. Вып. 4. М, 1970. С. 45–49.
- ⁴³ РГВИА. Ф. 802. Оп. 3. Д. 1347. Л. 10–12.
- ⁴⁴ Там же. Л. 13.
- ⁴⁵ Соболев Д.А. Указ. соч. С. 116.
- ⁴⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 7. Д. 231. Л. 15.
- ⁴⁷ УВВФ было образовано в марте 1916 г. вместо Воздухоплавательного отделения ГВТУ.
- ⁴⁸ РГВИА. Ф. 369. Оп. 8. Д. 21. Л. 34–45.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 2000. Оп. 7. Д. 159. Л. 7.
- ⁵⁰ Соболев Д.А. Указ. соч. С. 117.
- ⁵¹ Козлов Н.. Очерк снабжения русской армии военно-техническим имуществом в мировую войну. М., 1926. С. 60.
- ⁵² Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014. С. 65.
- ⁵³ Козлов Н. Указ. соч. С. 71.
- ⁵⁴ РГВИА. Ф. 802. Оп. 3. Д. 1453. Л. 26.
- ⁵⁵ Соболев Д.А. Указ. соч. С. 117.
- ⁵⁶ РГВИА. Ф. 369. Оп. 8. Д. 21. Л. 34–45.
- ⁵⁷ Соболев Д.А. Указ. соч. С. 151. Рис. 19 и 20.
- ⁵⁸ Там же. С. 150.
- ⁵⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 7. Д. 231. Л. 17.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 802. Оп. 3. Д. 1453. Л. 60–72.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77899. Л. 91–101.
- ⁶³ Там же.

- ⁶⁴ Там же. Ф. 802. Оп. 3. Д. 1283. Л. 71.
- ⁶⁵ Свод военных постановлений 1869 года. Кн. 18, ст. 66.
- ⁶⁶ Авиация и воздухоплавание в России в 1907—1914 гг. Вып. 5. М., 1972. С. 125—127.
- ⁶⁷ Цит. по: Соболев Д.А. Указ. соч. С. 116.
- ⁶⁸ Jonatan A. Grant. Big business in Russia. The Putilov company in late imperial Russia, 1868—1917. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. P. 64.
- ⁶⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 7. Д. 231. Л. 11.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77899. Л. 91—101.
- ⁷¹ Соболев Д.А. Указ. соч. С. 118.
- ⁷² Авиация и воздухоплавание в России в 1907—1914 гг. Вып. 3. М., 1970. С. 118.
- * ГУГШ не всегда входил в Военное министерство и подчинялся военному министру. До 1909 года ГУГШ был самостоятельной организацией и подчинялся Совету государственной обороны (СГО), распущенному в том же 1909 г., возможно, из-за слишком явного предпочтения сухопутных войск военно-морскому флоту. Самостоятельным начальником ГУГШ был и В.А. Сухомлинов.
- ⁷⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 7. Д. 231. Л. 12.
- ⁷⁵ Козлов Н.. Указ. соч. С. 58.
- ⁷⁶ Авиация и воздухоплавание в России в 1907—1914 гг. Вып. 3. С. 82.
- ⁷⁷ Там же. С. 139—142.
- ⁷⁸ РГВИА. Ф. 805. Оп. 1. № 2. Л. 3.
- * Генерал Вернандер назначен А.В. Сухомлиновым на должность помощника военного министра с 2.05.1912 г. после отправки в отставку А.А. Поливанова.
- ⁸⁰ РГВИА. Ф. 805. Оп. 1. № 2. Л. 5.
- ⁸¹ Елисеев С. П. Указ. соч. С. 29.
- ⁸² Там же. С. 36.
- ⁸³ Там же. С. 29.

Веринчук К.Д.*

Дифференциация заработной платы промышленных рабочих России в годы Первой мировой войны

Аннотация: Данная статья посвящена вопросу дифференциации заработной платы промышленных рабочих России в годы Первой мировой войны. В статье анализируются как общие тенденции дифференциации оплаты труда рабочих во время войны, так и положение в отдельных отраслях промышленности. Методика, предложенная в работе, позволяет оценить уровень дифференциации и ее изменения с учетом разных половозрастных групп в разных отраслях. Результаты показывают разнонаправленность наблюдаемых процессов и отражают существенные сдвиги в структуре рабочей силы и оплате труда.

Ключевые слова: дифференциация заработной платы, Первая мировая война, промышленные рабочие России, оплата труда в промышленности.

Первая мировая война стала большим испытанием для дореволюционной России и повлекла за собой целый ряд факторов, оказавших существенное влияние на всю экономику в целом и на промышленность в частности. Обратимся к тем факторам, которые прямо или косвенно были связаны с положением рабочих и оплатой их труда.

Первый из них — мобилизация трудоспособного населения в годы войны. За три с лишним года войны в армию было призваны 24% всех взрослых работоспособных мужчин из городов, в то время как в деревне этот показатель мог достигать 50%¹. Конечно, среди миллионов призванных в армию мужчин подавляющее большинство было занято в сельском хозяйстве, но были и тысячи промышленных рабочих (около 20% всего кадрового состава²). Не желая терять квалифицированных работников в этот сложный период, владельцы промышленных предприятий просили государство об отсрочке от призыва в армию. Часто это было необходимым условием для выполнения военных заказов, и просьба удовлетворялась. Однако в случае участия этих рабочих в стачках (или неявки на работу) они подлежали немедленному призыву на фронт, что оговаривалось в специальном циркуляре МВД от 13 июля 1915 г.³ Процент призванных на фронт мужчин представляется довольно значительным,

* Веринчук Ксения Дмитриевна — магистрант Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: k.verinchuk@gmail.com

но стоит помнить, что эти взрослые мужчины составляли около 10% всего населения России⁴.

Второй важный фактор — эвакуация предприятий западных окраин, которая не могла не сказаться на состоянии промышленности. Польский и Прибалтийский промышленные районы играли значительную роль в производстве паровых котлов, двигателей, кислот, красителей, крупных кож и пряжи, шерстяных тканей и других продуктов. В целом в результате военных действий империя лишилась около одной трети своих заводов; стоит отметить, что часть их удалось эвакуировать с оккупированных территорий, хотя организовывалась эвакуация не лучшим образом⁵.

Наконец, третий оказавший существенное влияние на экономику фактор — нарушение внешнего товарообмена: там, где проходили торговые пути через западную и черноморскую границу империи, теперь пролегли линии фронта. Поэтому иностранные товары ввозились главным образом через Архангельск и Владивосток, но пропускная способность прилегающих к этим портам железных дорог была ограниченной, что отрицательно сказалось на снабжении отечественной промышленности иностранным сырьем и полуфабрикатами.

Война дала мощный толчок развитию металлообрабатывающей отрасли, химической, нефтедобывающей и некоторым другим. Благодаря государственным заказам приток средств в эти отрасли значительно возрос, открывались новые предприятия, привлекая рабочую силу. Например, согласно переписи 1918 г. (по Центральному и Петроградскому району), с 1913 г. по 1916 г. число рабочих в металлообрабатывающей отрасли возросло на 99,5%, а продукция на 220,1%⁶. Далее, второе место по динамике роста принадлежало химической отрасли, что было в первую очередь вызвано необходимостью производить больше взрывчатых веществ. Здесь число рабочих выросло на 116,5%, а валовая продукция на 64%⁷. Другие же группы промышленных производств оказывались менее востребованными и пережили упадок во время войны, например, шелкоткацкое, хлопчатобумажное, стекольное, винокуренное и другие производства. Деревообрабатывающая промышленность тоже переживала не лучшие времена, фабрик от года к году закрывалось все больше⁸. С одной стороны, это освобождало рабочую силу, перетекавшую в другие отрасли, продукция которых была более востребована в условиях войны. С другой стороны, все меньше производилось товаров широкого потребления, в приобретении которых в первую очередь были заинтересованы крестьяне, предлагавшие за это продукты сельского хозяйства. Это нарушало обмен между городом и деревней и способствовало экономическому дисбалансу.

Наряду с этим в экономике происходил такой важный процесс, как замещение труда взрослых мужчин трудом женщин, подростков и малолетних. 19 октября 1915 г. появилось Высочайше утвержденное положение Совета Министров, разрешающее широкое применение труда женщин, подростков на всех предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности, работающих на оборону, в частности, во вредных производствах⁹. Таким образом, введенные ранее ограничения на ночные и сверхурочные работы для данных категорий были сняты, что несколько облегчило положение предпринимателей. Женщинам, подросткам и детям можно было меньше платить за ту же самую работу, при этом они часто не обладали необходимой квалификацией для фабричного труда, что отрицательно сказывалось на производительности и качестве товара. Однако в условиях войны предприниматели старались извлечь максимальную выгоду из ситуации и часто шли на подобные риски.

Как бы исследователи ни оценивали влияние Первой мировой войны на отечественную экономику, ни у кого не вызывают сомнения значительные перемены в жизни населения страны, которые повлекла за собой война. Вечный ее спутник, инфляция с каждым годом набирала обороты, дороговизна стала повсеместным явлением. Это порождало сильное недовольство — в особенности среди промышленных рабочих. Ситуация на фабриках в те годы отличалась повышенной «текучкой» кадров, люди нередко переходили с одного предприятия на другое. В этих условиях предприниматели считали необходимым не только регулярно повышать заработную плату, но и прибегать к выдаче пособий, чтобы поддержать уровень жизни рабочих и таким образом удержать их на предприятиях. Однако цены на продукты и предметы широкого потребления росли гораздо быстрее, чем зарплаты рабочих. «Заработная плата в условиях военного времени повышается. Это — факт, который подтверждается многочисленными примерами. Но... совершенно не в тех пределах, как это стараются представить промышленники»¹⁰, — писал об этом современник. Положение рабочих быстро менялось, некоторые профессии оказывались более востребованными в условиях военного времени. В связи с этим политика оплаты труда менялась от отрасли к отрасли и даже от предприятия к предприятию.

Дифференциация заработной платы в контексте рабочей истории

Проблема оплаты труда и дифференциации зарплаты рабочих интересовала российских ученых уже после начала промышленного переворота в 1880-х гг., когда рабочие начали формироваться как

новый социальный слой. В нашей работе эти исследования используются и как источник, и как историография. Многочисленные исследования того периода показывают, что эта проблема считалась важной и заслуживающей внимания. «Плата составляет важнейшую принадлежность договоров найма; она является вознаграждением за труд и притом единственным и специальным источником доходов, обеспечивающим существование рабочих», — пишет по этому поводу В.П. Литвинов-Фалинский¹¹. Например, в известной книге Е.М. Дементьева «Фабрика, что она дает населению и что она у него берет» целая глава посвящена заработной плате¹². Дементьева привлекает вопрос дифференциации оплаты труда, к которому он обращается несколько раз: во-первых, сравнивая заработки мужчин с заработками женщин, подростков и детей, во-вторых, рассматривая разницу заработков в зависимости от отрасли. Вопросом роста заработной платы занимался и известный экономист К.А. Пажитнов, посвящая этому как отдельные статьи¹³, так и главы в своем трехтомнике «Положение рабочего класса в России». Большое внимание уделил этой теме другой, еще более известный исследователь — М.И. Туган-Барановский — в своей работе «Русская фабрика в прошлом и настоящем»¹⁴.

И.М. Козьминых-Ланин посвятил несколько публикаций положению рабочих, и в частности — их заработкам. Наиболее известной является книга «Зарботки фабрично-заводских рабочих Московской губернии», изданная в 1911 г., а также «Грамотность и заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии», изданная в 1912 г. В любой из этих книг содержатся сведения о половозрастной и отраслевой дифференциации в оплате труда.

Опыт изучения реальной заработной платы привел к тому, что в начале XX в. у исследователей сформировалось более или менее единое мнение о положении рабочих. Учитывая многочисленные преимущества индустриального развития России, увеличения заработков и общего улучшения условия повседневной жизни рабочих, экономисты подчеркивали, что рост номинальной заработной платы не всегда успевают за ростом цен и что для благосостояния рабочих много еще предстоит сделать.

Примерно с конца 1915 г. российское общественное мнение все чаще обращается к нуждам рабочих, и вполне естественно, что этот процесс достиг наивысшей точки после двух революций 1917 г. Среди исследователей, занимавшихся в 1920-х гг. изучением заработной платы, было много ученых «старой закалки», что обеспечило преемственность ранней советской статистики по отношению к дореволюционной. В большей степени их занимало современное им положение рабочих и диф-

ференциация зарплаты, связанная с появлением тарифной системы оплаты труда. Однако иногда они обращались и к более раннему времени: об этом свидетельствуют статьи З. Миндлина, Ф. Маркузона и других¹⁵. Кроме того, именно в 1920-е гг. вышло первое издание известной монографии С.Г. Струмилина «Проблемы экономики труда» (1925), где, помимо ценных теоретических положений о заработной плате, целый раздел посвящен оплате труда дореволюционных рабочих.

В процессе становления советской идеологии вопрос о заработной плате рабочих перестал быть политически нейтральным — независимо от периода, который выбирал исследователь. Поэтому проблема дифференциации заработной платы в дореволюционный период фактически исчезла, была сведена к постоянной констатации тяжелого положения всех без исключения рабочих. Этого не могли преодолеть даже самые авторитетные исследователи-экономисты: С.Г. Струмилин, А.Г. Рашин, Ю.И. Кирьянов. Раз за разом ученые были вынуждены приходиться к подобным выводам: «исторический опыт свидетельствовал о том, что ни царизм, ни буржуазия не были в состоянии сколько-нибудь удовлетворительно решить рабочий вопрос¹⁶». Другой стороной этой проблемы стало огромное количество публикаций по рабочей истории дореволюционного периода, включая заработную плату. Вряд ли имеет смысл перечислять их здесь, так как в силу упомянутого мною игнорирования проблемы дифференциации они не представляют практического интереса для нашей работы. Тем не менее, мы можем направить читателя к обширному библиографическому изданию «Положение пролетариата России. Указатель литературы», составленному Ю.И. Кирьяновым, в котором большой раздел посвящен именно заработной плате¹⁷.

В 1990-е гг. были сняты идеологические барьеры, препятствующие всестороннему изучению интересующих нас проблем. В процессе дальнейшего развития исследований по экономической России широко распространилось изучение мотивации рабочих, оплаты их труда. Интересным новшеством стал интерес к роли предпринимателей и к истории российской буржуазии в целом. Началась переоценка старых, когда-то казавшихся незыблемыми положений, которая продолжалась в 2000-х гг.

Исследования дифференциации оплаты труда рабочих возобновились, и в этой области появилось несколько интересных работ, в которых использовался анализ микроданных с применением современных методик экономического исследования. Одна из первых таких работ вышла в 1997 г. — это статья Л.И. Бородкина и Т.Я. Валетова, посвященная дифференциации оплаты труда промышленных рабочих на пяти металлообрабатывающих предприятиях

Петрограда в 1914—1916 гг.¹⁸ Источником послужили первичные материалы фабрично-заводского обследования 1916 г., проведенного Министерством торговли и промышленности (подробнее о нем будет сказано ниже). Это был первый «кейс» по данной проблеме, за ним последовали другие. В более поздней статье тех же авторов была подробно изучена дифференциация зарплаты рабочих-текстильщиков Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина¹⁹. Другой пример — недавняя статья И.В. Шильниковой о динамике заработной платы рабочих Ярославской большой мануфактуры²⁰, и здесь тоже были использованы данные обследования 1916 г. Увлекаясь микроанализом, в то же время исследователи обращались к теоретической стороне проблемы, используя наработки зарубежной историографии, в которой изучение неравенства оплаты труда получило широкое распространение. В этой связи отметим статью Л.И. Бородкина «Неравенство доходов в период индустриальной революции. Универсальна ли гипотеза о кривой Кузнецца?»²¹, которая задала тон дальнейшим исследованиям, вписав изучение динамики дифференциации зарплаты рабочих в общий контекст российской индустриализации.

Наконец, серьезным этапом в изучении дифференциации заработной платы дореволюционных рабочих стала коллективная монография «Не рублем единым: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков в дореволюционной России»²². В этой работе большая глава посвящена динамике заработной платы на текстильных предприятиях в конце XIX — начале XX в. и ее дифференциации.

Все это позволяет нам говорить о том, что в конце 1990-х и в течение 2000-х гг. были заложены основы исследования дифференциации заработной платы рабочих в дореволюционной России. Однако вопрос остается мало изученным в силу того, что большая часть работ представляет собой кейсовые исследования положения рабочих на отдельных (хотя и крупных) предприятиях двух ведущих отраслей, следовательно, это частные примеры. В связи с этим мы считаем, что анализ статистических данных, имеющих широкий охват и дающих больший обзор, внес бы определенный вклад в изучение данного вопроса. И если есть источники, позволяющие провести подобный анализ, мы должны использовать их, чтобы расширить свое представление о рынке труда в дореволюционной России. Каков был уровень дифференциации заработной платы рабочих в последние годы существования империи? Какова была его динамика? Как повлияли военные годы на дифференциацию? И самое главное — как мы можем объяснить эти изменения? Вот вопросы, которые рассматриваются в данной работе.

Обследование 1916 г. в публикации И.М. Козьминых-Ланина

Основным источником моего исследования являются результаты масштабного обследования 1916 г., проведенного Министерством промышленности и торговли совместно с Министерством труда. На основе трех разных анкет были собраны данные о заработной плате рабочих за июнь 1914 и июнь 1916 гг. Формуляры анкеты заполнялись предпринимателями под контролем фабрично-заводской инспекции, источником послужили фабрично-заводские книги и документы²³. Обследование охватило более половины всех рабочих, подконтрольных фабрично-заводской инспекции — 53,98% в 1914 г. и 59,10% в 1916 г.

К сожалению, полностью результаты этого обследования так никогда и не были опубликованы. Его материалы сохранились частично и рассыпаны в разных архивах: к примеру, первичные сведения по некоторым фабрикам и заводам сохранились в архивных фондах РГИА и ЦИАМ. Наконец, в 1918 г. была опубликована статистическая сводка «Заработки фабрично-заводских рабочих России». Составителем сводки стал инженер-механик И.М. Козьминых-Ланин. Нам немного известно о жизни этого замечательного деятеля отечественной статистики. Родившись в 1874 г., в начале XX в. Козьминых-Ланин служил фабричным инспектором Московской губернии²⁴, а после революции 1917 г., по-видимому, работал в Статистическом отделе Московского областного продовольственного комитета. За десять лет (с 1908 по 1918 гг.) он стал автором около пятнадцати статистических сборников и справочных изданий, и почти все они были посвящены положению рабочих в Московской губернии²⁵. «Заработки фабрично-заводских рабочих России» — это последняя изданная им книга. В предисловии он сообщает читателю, что это только первая часть из трех, задуманных для публикации. Однако выполнить задуманное не удалось, две последние книги не появились в печати, и какова была судьба инженера после 1918 г., нам неизвестно. Тем не менее, заслуги Козьминых-Ланина в области отечественной статистики признаются историками, и редкая работа по социально-экономической истории дореволюционной России этого периода обходится без обращения к его трудам. Однако среди них упомянутая книга используется довольно редко; вероятно, это связано со спецификой опубликованных данных. Например, Ю.И. Кирьянов в книге «Жизненный уровень рабочих России» часто цитирует работы Козьминых-Ланина, но не «Заработки фабрично-заводских рабочих России». А Н.Я. Воробьев в своих «Очерках по истории промышленной статистики» даже не упоминает об обследовании 1916 г.

Итак, «Заработки фабрично-заводских рабочих России» содержат многочисленные таблицы, источником для которых стала ан-

кета формы № 1, составленная во время этого обследования. В них опрошенные рабочие сгруппированы по величине ежедневного заработка. Категории заработной платы представлены в виде нескольких интервалов: самая первая категория — заработок до 50 коп., затем от 50 до 75 коп., всего пятнадцать категорий, последняя из которых — заработок больше 10 руб. При этом каждая таблица отражает положение в одной из 14 групп производств, начиная группой производств по обработке хлопка и заканчивая прочими группами производств. Формуляр анкеты № 1 предполагает учет половозрастной структуры промышленности: отдельно указываются доходы взрослых мужчин, взрослых женщин, подростков мужского пола, подростков женского пола и детей обоих полов.

Дневной заработок рабочих, по сообщению И.М. Козьминых-Ланина, рассчитывался следующим образом: вся заработанная за месяц сумма делилась на количество отработанных за тот же месяц урочных часов. При этом учитывался заработок за урочное и сверхурочное время, а также харчевые и квартирные деньги.

Несомненно, что крупным достоинством этого источника является учет половозрастной структуры промышленности и ранжировка зарплаты по категориям. Гораздо чаще в литературе попадаются разрозненные данные о средней зарплате, по которым невозможно получить представление о дифференциации заработной платы среди рабочих разного пола и возраста внутри отраслей производства и между ними. Здесь же мы имеем уникальную возможность провести подробный анализ такого рода.

Как уже отмечалось, и для июня 1914 г., и для июня 1916 г. были учтены заработки более половины всех рабочих, подконтрольных фабричной инспекции. С одной стороны, это делает обследование действительно масштабным. Но с другой стороны, фабрично-заводская инспекция наблюдала за ценовыми предприятиями (за исключением горно-заводских, которые подчинялись другому ведомству). Поэтому стоит отметить тот факт, что полученные сведения описывают преимущественно ценовую обрабатывающую промышленность того времени. Мелкое кустарное производство почти всегда оставалось за рамками статистики того времени, но оно не играло большую роль в общем объеме производства.

Особенность обследования заключалась в том, что учитывались сверхурочные заработки рабочих, но не сверхурочное время. Неизвестно, чем руководствовались чиновники, проводившие обследование, в выборе такого подхода. Получается, что заработок и время работы учитывались непропорционально, учитывая тот факт, что во время войны количество сверхурочных часов должно было возра-

сти. В связи с этим можно сделать вывод, что полученные данные о ежедневном заработке могут оказаться завышенными по отношению к 1914 г., когда доля сверхурочных работ была меньше.

Таким образом, несмотря на ряд недостатков, которые следует учесть при использовании, эти сводки являются ценным источником по экономической истории России во время Первой мировой войны.

Методика работы с источником

Перейдем теперь к описанию конкретных методик работы с источником. Для того, чтобы дать количественную оценку дифференциации заработной платы или доходов в целом, используются разные показатели. Один из самых популярных способов проанализировать неравенство — кривая Лоренца. Строится она так: на оси абсцисс нанесено число объектов, получающих доход (это могут быть хозяйства или отдельные работники), а на оси ординат — доля в общем объеме доходов²⁶. Кривая в этой системе координат показывает распределение доходов между работниками или хозяйствами. Хотя кривая Лоренца в совокупности с индексом Джини популярны у исследователей благодаря своей полноте и достоверности, мы не можем их использовать, так как не располагаем данными об общем объеме доходов рабочих. Однако представляется возможным рассчитать другой часто используемый показатель неравенства — децильный коэффициент q . Он представляет собой отношение средней заработной платы 10% самых высокооплачиваемых рабочих (d_1) к средней заработной плате 10% самых низкооплачиваемых рабочих (d_9). Например, если коэффициент q равен 2,5, то это означает, что рабочие с самой высокой зарплатой в среднем получают в 2,5 раза больше, чем рабочие с самой низкой зарплатой.

Остановив свой выбор на этом показателе, можно перейти к расчетам. Децильный коэффициент рассчитывается по формуле $q=d_9/d_1$. Чтобы установить среднюю сумму ежедневного заработка у интересующей нас части рабочих, в нашем случае приходится пользоваться средним значением внутри каждого интервала. Скажем, если интересующие нас 10% самых низкооплачиваемых рабочих находятся в интервале ежедневного заработка от 50 до 75 коп., среднее значение будет 62,5 коп. А в интервале от 5 до 6 рублей, например, это будет 5,5 руб. Этот способ получения средней заработной платы для децили применялся Л.И. Бородкиным и Т.Я. Валетовым при работе с аналогичными источниками по металлообрабатывающим предприятиям Санкт-Петербурга²⁷. Разумеется, возможно и более сложная методика оценки среднего заработка в интервале. Например, можно аппроксимировать

распределение зарплаты рабочих внутри интервала по линейному закону. Однако априори невозможно утверждать, какая из этих методик является оптимальной, и мы остановились пока на более простой.

В большинстве случаев искомые 10% охватывают больше одного интервала. Скажем, 8% нижней децили получают зарплату от 50 до 75 коп., 1,5% — от 75 до 100 коп., а еще 0,5% — от 1 руб. до 1,5 руб.. Принимая нашу дециль за 100%, мы считаем среднюю зарплату в нижней децили по всем трем интервалам:

$$0,8 \times 62,5 + 0,15 \times 87,5 + 0,05 \times 125 = 69,375 \approx 69,4$$

Получается, что в этом случае средняя заработная плата нижней децили d_1 равна 69, 4 копейкам. Те же расчеты мы производим с верхней децилью (d_9).

Пользуясь данными Козьминых-Ланина, удалось рассчитать децильный коэффициент q по каждой из 14 групп производств в 1914 и 1916 гг. Здесь стоит отметить, что в книге Козьминых-Ланина «группами производств» называются 14 отраслей промышленности, которые выделялись в классификации фабрично-заводской инспекции* (см. Приложение 1). В нашей работе термины «группа производств» и «отрасль» используются как взаимозаменяющие.

В каждой группе производств были подсчитаны значения d_1 , d_9 и q . Структура таблиц позволила получить наборы этих показателей для следующих категорий: взрослые мужчины, взрослые женщины, подростки мужского пола, подростки женского пола, малолетние обоих полов. Результаты расчетов в Приложении представлены в виде таблиц, содержащих коэффициенты, а также в виде графиков, наглядно отражающих те или иные изменения.

Приступая к анализу результатов, стоит помнить, что он основан на подсчете децильного коэффициента, который имеет свое приближение, связанное с использованием среднеинтервального значения, то есть методика предполагает некоторое допущение о характере интервалов. Поэтому и выводы наши связаны с этой методикой.

Общие тенденции динамики дифференциации оплаты труда

Некоторые тенденции, характерные для обрабатывающей промышленности в целом, стали очевидными сразу после первичного анализа полученных данных. В целом можно констатировать, что

* В наших расчетах использовались данные 12 отраслей, так как данные нефтяной отрасли и «прочих производств» вызывают вопросы и представляются сложными для обработки.

в изучаемый период имела места общая тенденция к росту уровня дифференциации зарплаты в годы войны. Из представленных групп производств этого не происходит только в отрасли обработки хлопка и отрасли обработки животной продукции (об особенностях которых речь пойдет ниже). При этом сам коэффициент варьируется от 2,20 до 12,63 в 1914 г. и от 4,65 до 19,83 в 1916 г. Такая значительная разница может вызвать удивление, но стоит помнить о том, что этот показатель оценивается в целом по отрасли. В нашем исследовании мы находим целесообразным отказаться от анализа этого показателя по следующей причине: он дает мало информации о реальном уровне дифференциации, поскольку это среднее значение децильного коэффициента, на которое сильно влияют низкие зарплаты малолетних и подростков. В процентном отношении эти половозрастные категории не занимали большой доли в общей массе рабочих, даже учитывая тот факт, что во время войны использования их труда стало более частым. Однако заработок детей и подростков оставался очень низким, что приводит к скачку коэффициента дифференциации на фоне растущих заработков взрослых. Так как взрослые женщины и взрослые мужчины составляли абсолютное большинство рабочих во всех без исключения группах производств, представляется естественным в первую очередь внимательно рассмотреть изменения децильных коэффициентов именно у этих половозрастных групп, не обращая внимания на общий для отрасли показатель.

Итак, наша задача — проследить тенденции по отраслевым и половозрастным показателям. Исходя из данных о разных отраслях промышленности, мы можем выдвинуть несколько гипотез. Во-первых, было бы логично предположить, что на дифференциацию заработной платы будет влиять общая динамика развития отрасли. Если обратиться к отраслевым данным, для разных групп производств выявится разный характер динамики неравенства. Кроме того, отрасли по-разному втянуты в военные заказы — это еще один влиятельный фактор. Во-вторых, нельзя упускать из виду такой важный момент, как изменение гендерной структуры занятости. Массовая мобилизация во время войны приводит к частичному замещению мужского труда женским, а так же трудом детей и подростков. Более чем вероятно, что этот фактор также оказывает влияние на характер неравенства в оплате труда.

Надо сказать, что полученную картину неравенства в оплате труда промышленных рабочих трудно назвать единообразной. В сложных, кризисных условиях войны разные группы производств ведут себя по-разному, подчиняясь влиянию перечисленных нами факторов, а возможно, и некоторых других. Однако, несмотря на разноо-

бразие, мы сочли возможным сгруппировать изученные нами отрасли по характеру изменения дифференциации оплаты труда. Таких групп получилось четыре, и отдельно нами была выделена группа производств по обработке металла. Рассмотрим теперь каждую из этих групп и выясним причины обнаруженных изменений в динамике дифференциации оплаты труда.

Отрасли, в которых наблюдается рост дифференциации среди взрослых мужчин и снижение ее среди взрослых женщин

Эта категория включает всего одну отрасль, что напрямую связано с ее особым положением во время войны, о чем будет подробно сказано ниже. Обратимся к нашим данным по группе производств по обработке металла и производству машин, отображенным в таблице 1.

Таблица 1

Дифференциация оплаты труда рабочих группы производств по обработке металла

VIII группа производств (обработка металл., производств. машин, аппаратов и орудий ремесел)						
	d1 (коп. в день)		d9 (коп. в день)		q	
	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.
Взрослые мужчины	73,70	133,10	438,60	881,60	5,95	6,62
Взрослые женщины	25,00	77,80	219,80	405,90	8,79	5,22
Подростки-мужчины	25,00	43,60	164,30	375,00	6,57	8,60
Подростки-женщины	25,00	45,50	101,90	239,80	4,08	5,27
Малолетние	25,00	25,00	113,20	161,00	4,53	6,44
Всего	45,30	87,30	421,90	820,00	9,31	9,39

Источники: Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 333. Рассчитано по: Козьминих-Ланин И.М. Заработки фабрично-заводских рабочих России. М., 1918. С. 10–11.

Коэффициент дифференциации q среди мужчин незначительно увеличился (с 5,95 до 6,62), а среди женщин — значительно уменьшился (8,79 до 5,22). Чтобы объяснить эту динамику, рассмотрим повнимательнее эту группу производств. Отрасль металлообработки и машиностроения — лидер по объему оборонных заказов среди всех отраслей российской промышленности в годы войны. О динамике

ее развития мы можем судить по данным промышленной переписи 1918 г., которая учла эту отрасль довольно полно: на территории 31 губернии, охваченной переписью, трудилось 59% всех занятых в этой отрасли²⁸. металлообработка концентрировалась, главным образом, в Центральном и Петроградском промышленных районах, которые были наиболее развиты в индустриальном отношении и притом удалены от линии фронта. В 1914 г. валовая продукция отрасли составила 522 985 довоенных руб., а в 1916 г. — уже 1 223 817 руб. Однако требования, вызванные военным временем, повлияли не только на общую динамику производства, но и на внутреннюю структуру отрасли. Важной особенностью развития отечественного машиностроения во время войны является позитивная динамика новых производств, а также увеличение производственных мощностей заводов благодаря введению в эксплуатацию новых станков более совершенной конструкции. Растет выпуск аэропланов, двигателей, трансформаторов, телеграфных и телефонных аппаратов, радиоаппаратуры. Выпуск металлообрабатывающих станков, который в 1913 г. составлял 7 114 000 руб., в 1916 г. возрос до 7 131 000 руб. Для достижения таких успехов сокращалось производство товаров, рассчитанных на потребление в мирное время, например, ткацких и сельскохозяйственных машин, а подобные производства могли быть переоборудованы для производства на нужды фронта.

Описанные нами изменения не могли произойти без соответствующих изменений в рабочей силе. Рост числа рабочих в этой отрасли также был значительным, рабочих здесь стало больше на 99,5%²⁹. Конечно, при таком значительном росте производства росла потребность в любых рабочих, в том числе неквалифицированных. Но интенсификация производства и переоборудование предприятий могли проводиться только силами опытных рабочих-специалистов. Спрос на такой труд был очень высоким, а предложение — ограниченным. «Приблизительно к маю 1915 г., — пишет современник, — достаточно ясно обнаружилось, что рынок не в силах удовлетворить спроса на первоклассных мастеров. <...> А затем, к осени 1915 г., не стало уже опытных мастеров и таких широких специальностей, как токарное дело и литейное»³⁰. Когда в 1915 г. при московском военно-промышленном комитете открылось бюро промышленного труда, которое ставило своей задачей трудоустройство военнопленных, беженцев и иностранцев, сразу же была выявлена огромная потребность в рабочих-металлистах³¹. При этом стоит отметить, что потребность была именно в рабочих-мужчинах, поскольку в этой отрасли замена мужского труда женским была затруднительна. Спрос на них только в Москве составлял 25% от общего спроса на рабочую силу, а в спро-

се других городов эта категория доходила до половины, включая чернорабочих этой отрасли³². Впрочем, она все равно совершалась, хотя и не так интенсивно, как в других производствах³³. Спрос был настолько велик, что летом 1915 г. московский тюремный инспектор предлагал московскому военно-промышленному комитету использовать труд заключенных, которые были квалифицированными слесарями³⁴, и примерно тогда же с Дальнего Востока поступило предложение прислать на московские заводы 1000 китайцев-металлистов³⁵. Неудивительно, что зарплаты росли соответственно: по данным Московского промышленного района, средний месячный заработок одного взрослого рабочего-мужчины только с января по июнь 1916 г. увеличился на 92,7%³⁶. А если обратиться к статистике 15 предприятий Петрограда, то средний почасовой заработок токаря (одна из самых высокооплачиваемых профессий) увеличился с 44 коп. до 74 коп. в период 1915–1916 гг., и за тот же период заработок чернорабочего также значительно вырос — с 13 коп. до 20 коп.³⁷

Именно высоким уровнем спроса на мужской труд можно объяснить незначительный рост дифференциации оплаты труда взрослых мужчин: стремясь удержать рабочих на предприятиях, предприниматели повышали и без того высокую зарплату квалифицированных рабочих-специалистов, но при этом были вынуждены повысить и зарплату менее квалифицированных категорий рабочих-мужчин. В 1916 г. факт роста зарплаток рабочих-мужчин не вызывал никакого сомнения: «Для металлообрабатывающего производства можно констатировать не только общую параллельность процесса повышения заработной платы с процессом истощения рынка рабочими-металлистами, но и установить, что наибольшая нужда в этих специалистах отозвалась наибольшим сдвигом реальной заработной платы в сторону повышения»³⁸.

Интересно, что данные статистики подтверждаются микроанализом материалов Харьковского паровозостроительного завода — крупного предприятия, полностью занятого выполнением военных заказов в 1914–1916 гг. С одной стороны, завод имел постоянную потребность в новых рабочих. В марте 1916 г. правление направило Харьковскому военно-промышленному комитету письмо, в котором сообщало о числе и квалификации требующихся рабочих: завод нуждался в 102 квалифицированных металлистах (включая 40 слесарей, т.е. рабочих очень высокой квалификации) и 106 чернорабочих³⁹. Заработная плата этих категорий росла неодинаково: в 1914 г. слесарю Харьковского паровозостроительного завода платили от 1 до 5,3 руб. в день, а в 1916 г. от 1,20 до 10,90 руб., в то время как чернорабочий получал в 1914 г. от 0,77 до 1,4 руб. в день, а в 1916 г. от 1,2 до 2,77 руб. Таким образом, средняя зарплата слесаря выросла

с 3,15 до 6,05 руб., чернорабочего — с 1,08 до 1,98 руб., средняя же заработная плата по всему заводу выросла с 1,95 до 2,62 руб. в день.

Особенный интерес представляет политика правления Харьковского завода в отношении заработных плат. В мае 1916 г. в результате забастовки было решено дать следующие прибавки рабочим: для получающих до 50 руб. в месяц — 20%, до 75 руб. — 15%, до 100 руб. — 10%, и от 100 до 200 руб. — 5%⁴⁰. По-видимому, правление предприятия пыталось по возможности компенсировать последствия инфляции для самых малооплачиваемых категорий рабочих.

Отрасли, в которых наблюдается снижение дифференциации среди взрослых мужчин и рост ее среди взрослых женщин

Мы можем выделить несколько групп производств, в которых уровень дифференциации снижается среди взрослых мужчин и возрастает среди взрослых женщин. Вероятно, динамика дифференциации в этом случае может быть объяснена эффектом замещения труда взрослых мужчин трудом женщин, детей и подростков. Это группа производств по обработке химических веществ, группа производств по обработке льна и пеньки, а так же группа производств по обработке шерсти. Динамику соответствующих показателей для этих групп производств можно увидеть в таблице 2. Для взрослых мужчин самое значительное снижение децильного коэффициента мы наблюдаем в обработке льна и пеньки (с 6,17 до 4,87), а самое значительное повышение среди взрослых женщин — в обработке шерсти (с 5,96 до 7,86).

Прежде всего стоит отметить, что в указанных группах производств и до войны было занято немало взрослых женщин. Среди рабочих, участвовавших в обследовании 1916 г., в 1914 г. их было более трети от общего числа занятых в каждой группе. К 1916 г. соотношение изменилось следующим образом: в химических производствах взрослые женщины стали составлять 42,3%, в производствах по обработке шерсти — 43,81% в производствах по обработке льна и пеньки — 53,66%.

Что касается подростков, то, хотя их число сильно увеличилось, их доля от общего числа занятых оставалась небольшой. Если посмотреть на количество обследованных подростков мужского и женского пола в 1916 г., в химической отрасли их было 4,42% и 4,66% соответственно, в обработке шерсти 5,25% и 8,28% соответственно, а в обработке льна и пеньки 5,04% и 8,89% соответственно. Еще менее многочисленной была группа малолетних, обычно их доля равнялась 3–4%. Единственным исключением является группа произ-

Таблица 2

Децильный коэффициент дифференциации оплаты труда и валовая продукция в химических производствах, производствах по обработке шерсти и производствах по обработке льна и пеньки.

	Химические производства		Обработка шерсти		Обработка льна и пеньки	
	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.
Коэффициент дифференциации q для взрослых мужчин	6,67	6,19	7,29	6,59	6,17	4,87
Число взрослых мужчин, учтенных обследованием 1916 г.	22973	21661	36195	26184	28101	23670
Коэффициент дифференциации q для взрослых женщин	6,12	7,27	5,96	7,86	2,9	3,71
Число взрослых женщин, учтенных обследованием 1916 г.	14433	19732	27002	29291	36949	47569
Валовая продукция (в тысячах довоенных рублей)	237911	392595	191107	191947	146659	130650

Источники: Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 324, 328. Рассчитано по: Козьминых-Ланин И.М. Указ. соч. М., 1918. С. 4–7, 14–15.

водств по обработке льна и пеньки, здесь в 1916 г. малолетние обоих полов составляли 5,71% всех рабочих (больше было только в группе производств по обработке минеральных веществ).

Итак, общее число и процентная доля взрослых женщин, подростков и малолетних полов в рассматриваемых производствах существенно возросли. Мужчин же, напротив, становилось все меньше. Если в 1914 г. они составляли от 49 до 55% всех обследованных рабочих в этих группах производств, то в 1916 г. доля взрослых мужчин в них сократилась до 26–46%.

По данным Л.Б. Кафенгауза, общее число рабочих в обработке льна и пеньки, а также в химической отрасли за годы войны увеличилось⁴¹. Последняя отрасль по темпам и уровню роста числа рабочих занимала второе место после группы производств по обработке металла. В группе производств по обработке шерсти число рабочих уменьшилось, но для этого были внешние причины, о которых будет сказано ниже.

Однако рост числа взрослых работниц-женщин был не единственным общим фактором для этих групп производств. Другой, не менее важный — востребованность этих отраслей в военное время. Безусловным лидером здесь является химическая отрасль, рост в которой происходил в основном за счет производства взрывчатых ве-

ществ: в 1914 г. их было произведено на 96 150 000 рублей, а в 1916 г. уже на 209 761 000. Рост валовой продукции тем более впечатляет, что отечественная химическая промышленность столкнулась с серьезными препятствиями в связи с почти полным прекращением ввоза сырья, что вызвало стремительный рост цен⁴². Помимо того, значительная часть предприятий была сосредоточена в Польском и Прибалтийском районах, и в течение войны производство приходилось переносить в отдаленные, не затронутые боевыми действиями районы, что было источником дополнительных проблем.

Похожие сложности обнаружили и в группе производств по обработке шерсти. Дело в том, что более половины всего шерстяного производства было сосредоточено в Польше, поэтому с началом войны производственные мощности этих предприятий оказались недоступны⁴³. В то же время остальные фабрики оказались заваленными военными заказами, так как армия нуждалась в тяжелых шерстяных тканях для шинелей. Едва возникшее производство тонкой шерсти и вовсе сошло на нет.

По сравнению с химическим и шерстяным производством обработка льна и пеньки пережила меньше потрясений. Здесь богатые внутренние ресурсы сырья позволили этой отрасли в полной мере развернуться. Это развитие подталкивалось обилием военных заказов на мешочные, брезентовые и другие специальные ткани для армии.

Итак, перечисленные группы производств развивались по сходной схеме. Здесь благодаря военным заказам успешно росло производство, в котором все больше мест занимали взрослые женщины. Востребованность этих отраслей в военное время обеспечила их устойчивое развитие, но оно не было приоритетным. Потребность в квалифицированных рабочих-мужчинах была здесь ниже, так как значение имело изменение внутренней структуры отрасли и переход на определенные группы товаров, а не интенсификация и динамичная модернизация всей группы производств, как это было в отрасли металлообработки. Поэтому в этих группах производств женщины вполне успешно заменяли мужчин, что повлекло рост заработной платы у наиболее квалифицированных работниц и, следовательно, рост дифференциации среди взрослых женщин. В то же время из-за призыва сократилось количество мужчин, а задачи привлечь на производство более квалифицированные кадры, по-видимому, не стояло. Поэтому среди взрослых мужчин дифференциация заработной платы сокращалась.

Таким образом, мы выделили группу отраслей — химическая промышленность, обработка шерсти и обработка льна и пеньки — в которых динамика дифференциации может быть объяснена эффектом замещения труда взрослых мужчин трудом женщин, подростков и малолетних.

Отрасли, в которых наблюдается снижение уровня дифференциации среди взрослых мужчин и среди взрослых женщин

Теперь обратимся к тем группам производств, в которых дифференциация заработной платы снизилась и у взрослых мужчин, и у взрослых женщин. Причиной тому явились эффекты развития этих отраслей, о которых будет рассказано подробнее. Это группа производств по обработке хлопка, группа производств по обработке животной продукции и группа производств по обработке смешанного текстиля и волокнистых веществ.

Обратив внимание на данные таблицы 3, можно увидеть, что везде происходило снижение уровня дифференциации, причем иногда оно было незначительным (с 6,85 до 6,35 у взрослых мужчин в обработке животной продукции), а иногда — наоборот, значительным (с 4,39 до 2,02 у взрослых женщин в обработке волокнистых веществ). Стоит отметить, что для этих отраслей в целом характерен довольно низкий уровень дифференциации для отечественной промышленности.

Как и в случае с теми отраслями, где сильнее всего сказался эффект замещения, эти три группы производств так же были востребованы и обеспечены потоком военных заказов. Хлопчатобумажная продукция шла на обмундирование и другие нужды вроде бинтов; обработка животной продукции давала прежде всего товары из кожи (ремни, перчатки, сапоги, седла и т.п.), а также мыло и свечи; наконец, обработка волокнистых веществ — это производство пуговиц и фуражек, готового белья, лент и галунов, трикотажных изделий. Однако в остальном тенденции развития каждой группы производств были не столь единообразны, поэтому нам стоит внимательнее рассмотреть каждую из них.

Начнем с группы производств по обработке животной продукции. Здесь для взрослых мужчин коэффициент дифференциации снизился, но незначительно — с 6,85 до 6,35, а для взрослых женщин более заметно — с 8,69 до 7,14. В 1913 г. 75% всей валовой продукции этой группой производств давала кожевенная отрасль, которая в течение 1914—1916 гг. работала довольно оживленно. Среди легкой промышленности положение кожевенной отрасли напоминало положение химической отрасли и металлообработки: возник высокий спрос на товары, которые с учетом весьма ограниченных производственных мощностей оказалось нелегко удовлетворить⁴⁴. Известно, что на территории оккупированных западных областей находились крупнейшие кожевенные заводы. Их закрытие пришлось компенсировать всеми возможными средствами. В середине 1915 г. обнаружился недостаток кожевенных мастеров, и спрос на их труд резко вырос⁴⁵.

Таблица 3

Децильный коэффициент дифференциации оплаты труда и валовая продукция в группе производств по обработке хлопка, группе производств в обработке животной продукции и группе производств по обработке волокнистых веществ.

	Обработка хлопка		Обработка животной продукции		Обработка волокнистых веществ	
	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.
Коэффициент дифференциации φ для взрослых мужчин	5,33	4,73	6,85	6,35	3,78	3,13
Число взрослых мужчин, учтенных обследованием 1916 г.	166803	105115	14424	14985	3022	3761
Коэффициент дифференциации φ для взрослых женщин	5,08	3,34	8,69	6,14	4,39	2,02
Число взрослых женщин, учтенных обследованием 1916 г.	217774	237453	4660	6730	2759	6553
Валовая продукция (в тысячах довоенных рублей)	998439	866424	130295*	139473	46368	92631

Источники: Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 328, 329. Рассчитано по: Козьминых-Ланин И.М. Указ. соч. С. 2–3, 6–7, 12–13.

Необходимость выполнять военные заказы вызывала постройку новых заводов. Интересно, что с каждым годом новые кожевенные фабрики становились крупнее: в 1914 г. было открыто 12 фабрик, на которых в среднем работало 27,2 человека, а в 1916 г. была открыта 41 фабрика со средним числом рабочих 38,7 человек⁴⁶. Об укрупнении предприятий всей группы производств свидетельствует тот факт, что только с 1913 по 1915 г. количество предприятий, на которых было занято менее 10 рабочих, уменьшилось вдвое (с 103 до 51), и почти так же — количество предприятий, на которых было занято до 20 рабочих (со 185 до 93)⁴⁷. При этом фабрик с более 1000 рабочих в 1913 г. было всего три, а в 1915 г. — уже восемь. Судя по данным таблицы 3, на крупных кожевенных предприятиях был меньше уровень неравенства в оплате труда. Возможно, это одна из причин того, почему в группе производств по обработке животной продукции мы наблюдаем снижение дифференциации в оплате труда и взрослых мужчин, и взрослых женщин.

Обратимся теперь к данным группы производств по обработке волокнистых веществ и смешанного текстиля. Среди всех текстильных

отраслей именно эта развивалась наиболее динамично и легче всех пережила военные потрясения и сокращения производств. Валовая продукция не только не снизилась, как, например, в обработке хлопка, но почти удвоилась — с 46 368 000 до 92 631 000 руб. Прекращение ввоза трикотажных товаров из Польши привело к открытию новых предприятий, которые так же работали на удовлетворение нужд армии⁴⁸. При этом производство товаров гражданского потребления сокращалось. Соответственно выросло и количество рабочих: по данным Козьминых-Ланина, обследованное 1916 г. учло 6064 рабочих в июне 1914 г. и 12062 в июне 1916 г.⁴⁹ Как и во всех текстильных отраслях, взрослые женщины к 1916 г. составляли более половины всех занятых, но особенный интерес представляет рост доли подростков. В 1914 г. среди учтенных обследованное 1916 г. рабочих было 2,9% подростков мужского пола и 1,42% подростков женского пола, а в 1916 г. их стало 7,03% и 6,69% соответственно. При этом количество взрослых мужчин сократилось до одной трети всех рабочих.

В этой группе производств мы наблюдаем самый низкий уровень дифференциации заработной платы среди всех отраслей имперской промышленности: в 1916 г. коэффициент q был равен 3,13 у взрослых мужчин и 2,02 у взрослых женщин. При этом отрасль отличает и высокий уровень заработной платы. Еще в 1914 г. средний заработок 10% самых низкооплачиваемых рабочих был равен 77,10 коп. в день у взрослых мужчин и 49,6 коп. у взрослых женщин, в то время как на предприятиях по обработке хлопка этот уровень был существенно ниже — 46,6 коп. и 25 коп. соответственно.

Это особенное положение рабочих данной отрасли может быть объяснено географическим распределением производств. Обычно влияние данного фактора сложно проследить, так как отрасли часто охватывают все пространство империи и множество губерний, но обработка волокнистых веществ представляет исключение, так как была сконцентрирована только в двух губерниях — Московской и Петроградской. Здесь находилось соответственно 105 и 38 предприятий по обработке волокнистых веществ из 204 по всей России. Заработная плата здесь была выше, чем в провинции, что было обусловлено дороговизной столичной жизни.

По-другому дело обстояло в группе производств по обработке хлопка. Хотя Центральный промышленный район лидировал в этой сфере, предприятия были распространены по всей территории империи. Несмотря на востребованность товаров и постоянное выполнение военных заказов, производство в течение всей войны сокращалось. Текстильная промышленность столкнулась с несколькими препятствиями. Во-первых, это общая для всей промышленности пробле-

ма — призыв в армию мужчин-рабочих. В июне 1916 г. из всех рабочих предприятий по обработке хлопка, участвовавших в обследовании 1916 г., более 60% составляли взрослые женщины. Для текстиля в целом это не было чем-то удивительным (в отличие от металлообработки, например), так как эти производства традиционно считались «женскими», в них и до войны были заняты преимущественно рабочие женского пола, и спрос на их труд был довольно значителен в 1915—1916 гг.⁵⁰. К примеру, в августе 1916 г. на Петроградской бирже труда спрос на труд рабочих-мужчин в текстиле был равен 554 рабочим, а спрос на труд рабочих-женщин — 1471 работницам⁵¹.

Во-вторых, это сокращение подвоза хлопка из-за границы; иностранный хлопок составлял почти 46% всего российского спроса на хлопок, и приходилось срочно переходить на отечественное сырье⁵². Впрочем, переход этот прошел не так сложно, как мог бы, благодаря хорошему урожаю технических культур за два года войны. В-третьих, это кризис импорта в химической промышленности, о чем говорилось выше, который привел к росту цен на красящие вещества, без которых не обходилась работа набивных и красильных фабрик, что и привело к сокращению производства⁵³. Валовая продукция хлопчатобумажной отрасли сократилась с 998 439 000 руб. до 866 424 000 руб. за два года войны.

Совокупность этих факторов, а также специфика военных заказов привели к тому, что основной тенденцией в хлопчатобумажной отрасли стало сокращение сложных, высокотехнологичных производств. Например, чистые ситценабивные и отделочно-красильные фабрики с 1913 по 1916 гг. сократили свое производство на 46,9%⁵⁴. Армия нуждалась в тяжелых грубых тканях, и в условиях оттока рабочей силы приходилось жертвовать менее востребованными товарами вроде набивных тканей, вельвета и бархата. Это очень важный момент, влияющий на занятость в этой отрасли. Дело в том, что именно в этих отраслях обработки хлопка были заняты наиболее высококвалифицированные рабочие, например, граверы, резчики, набойщики. Поэтому описанная ситуация в хлопчатобумажной промышленности привела к тому, что их труд не был востребован так, как труд высококвалифицированных химиков или металлистов. Требовался количественный, а не качественный рост производства, и притом избирательный. На наш взгляд, с этим и связано общее снижение уровня дифференциации. Примечательно, что даже общий показатель дифференциации для всей отрасли снижается. Это значит, что рост неравенства в оплате труда малолетних и подростков не может свести на нет уравнительную тенденцию в оплате труда взрослых мужчин и женщин.

Эту тенденцию можно проследить на основании данных микроанализа, которыми мы располагаем благодаря исследованиям других историков. И.В. Шильникова обнаружила в фонде Большой Ярославской мануфактуры материалы обследования июня 1916 г., что дало ей возможность проанализировать динамику заработков рабочих на этом крупном текстильном предприятии. По ее подсчетам, децильный коэффициент для мужчин снизился с 2,69 до 2,62 за с 1914 по 1917 г., а для женщин снизился с 1,81 до 1,37 за тот же период⁵⁵. Получается, что эти данные подтверждают наши выводы о дифференциации зарплаты, полученные на основании анализа всей отрасли. Тот факт, что снижение неравенства среди мужчин было незначительным, по мнению историка, объясняется «наличием нескольких высокооплачиваемых “мужских” профессий, которые предполагали высокий уровень квалификации и были очень востребованными на ЯБМ. Эти работники получали высокие прибавки к зарплате в годы войны, поскольку от них во многом зависела возможность выполнения военного заказа по производству корпусов для гранат»⁵⁶.

И.В. Шильникова выдвигает интересную гипотезу, что динамика заработной платы рабочих была обусловлена целенаправленной политикой предпринимателей, которые старались материально поддержать в первую очередь низкооплачиваемые категории рабочих, тем самым сознательно снижая уровень дифференциации. Это нашло отражение в том, как назначались прибавки к заработной плате, которые в связи с растущей инфляцией стали не таким уж редким явлением. С начала 1915 г. по начало 1917 г. всем рабочим Ярославской Большой мануфактуры было сделано 6 прибавок. Первые три увеличивали заработок в процентном выражении (всем на 10%, например), а последние три — на одинаковую для всех сумму (сначала 5 коп. в день, потом 20 коп., потом еще 10 коп.). Эта перемена произошла по неоднократным просьбам рабочих, которые видели в этом путь к сокращению неравенства.

По сведениям периодической печати, весной 1915 г. на фабрике товарищества Покровской мануфактуры П.Н. Грязнова всем рабочим была сделана прибавка к заработку в размере 10 коп.⁵⁷, но неизвестно, была ли это единовременная мера или такие прибавки стали постоянными.

Однако можно с уверенностью утверждать, что похожая ситуация складывалась на фабриках Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина, динамика оплаты труда на которых подробно исследована в коллективной монографии «Не рублем единым: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России»⁵⁸. На этих крупных текстильных предприятиях с начала 1915 г. назначались процентные прибавки к жалованью. Например, с 1 апреля 1915 г. рабочим прибавлялось 8% дневного заработка⁵⁹. Потом к ним добавились абсолютные

прибавки: например, с 1 июня 1916 г. всем мужчинам-рабочим прибавлялось по 30 коп., а женщинам — по 22 коп. А вот уже с 1917 г., за рамками рассматриваемого нами периода, прибавки стали назначаться по особой шкале в соответствии с заработком рабочего (низкооплачиваемые категории получали большую прибавку).

Таким образом, данные микроанализа подтверждают выводы, которые мы можем сделать на материалах статистики. Вполне возможно, что в этой отрасли динамика дифференциации находилась под сильным влиянием целенаправленной политики предпринимателей, но для доказательства данной гипотезы потребуется больше данных.

Отрасли, в которых наблюдается рост уровня дифференциации среди взрослых мужчин и среди взрослых женщин

Предпоследняя из рассматриваемых нами групп отраслей включает в себя только две отрасли — по обработке минеральных веществ и по обработке бумаги. Рассмотрим таблицу 4, которая содержит данные по этим производствам.

В обеих отраслях рост дифференциации для взрослых мужчин оказался небольшим — с 7,42 до 7,60 в обработке бумаги и с 7,34 до 8,82 в обработке минеральной продукции. Но вот коэффициенты дифференциации в обеих отраслях для взрослых женщин увеличились гораздо существеннее — с 6,62 до 9,56 и с 4,85 до 11,38 соответственно. В чем причина такой необычной динамики? Попробуем разобраться.

Во-первых, стоит отметить общий упадок этих групп производств. Здесь не было крупных военных заказов. В бумажной отрасли ощущалось некоторое оживление в начале войны (повысился спрос на бумагу, возросли тиражи газет и журналов), но потом оно сошло на нет, а сокращение объемов торговли привело к сокращению производства оберточной и упаковочной бумаги; кроме того, свою роль сыграло сокращение поставок целлюлозы, которая привозилась из Польши и Прибалтики⁶⁰.

В итоге производство бумаги с 1914 г. по 1916 г. сократилось с 248689 до 214273 тонн в год, а производство картона — с 34055 до 19658 тонн в год. Не лучшее дело обстояло и в группе производств по обработке минеральной продукции. С одной стороны, это производство керамики, фарфора, менее востребованных во время войны, чем в мирное время; производство стекла — а сухой закон привел к резкому сокращению производства бутылок для спиртного.

В итоге из 122 заводов, учтенных переписью 1918 г., 35 закрылись за период 1913—1916 гг.⁶¹ С другой стороны, это производство товаров для

Дифференциация оплаты труда и валовая продукция в группе производств по обработке бумаги и в группе производств по обработке минеральной продукции

	Обработка бумаги, полиграфия		Обработка минеральной продукции	
	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.
Коэффициент дифференциации q для взрослых мужчин	7,42	7,60	7,34	8,82
Коэффициент дифференциации q для взрослых женщин	6,62	9,56	4,85	11,38
Число взрослых мужчин, учтенных обследованием 1916 г.	20367	14603	33398	17661
Число взрослых женщин, учтенных обследованием 1916 г.	7272	9604	8124	8102
Валовая продукция (в тысячах довоенных рублей)	80 439	67 813	Нет данных	Нет данных

Источники: Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 330. Рассчитано по: Козьминых-Ланин И.М. Указ. соч. С. 8–11.

строительства — цемента, кирпичей, черепицы, обработанного камня и т.п. Эта отрасль оказалась в самом тяжелом положении с точки зрения и сбыта, и снабжения. Свою роль здесь сыграло, прежде всего, резкое сокращение частного строительства, а потом — топливный и транспортный кризисы. К примеру, производство строительного кирпича в течение 1914–1916 гг. сократилось с 2144 млн. штук до 921 млн. штук⁶².

Сокращение производства приводило к закрытию заводов и избытку рабочей силы; например, весной 1916 г. было отмечено падение заработной платы среди работников полиграфии⁶³. В целом рабочих стало меньше: в 1914 г. взрослые мужчины составляли 62% всех учтенных обследованиях 1916 г. рабочих бумагообрабатывающих производств, а в 1916 г. только 49%. Но при этом доля женщин увеличилась не столь значительно — с 22,1% до 32,6%. Обследование июня 1916 г. отразило и перемены в группе производств по обработке минеральных веществ: в 1914 г. было учтено 50864 работника, а в 1916 г. — 32184 работника. Здесь стало работать меньше мужчин, но их места не занимались женщинами и подростками, поскольку в том не было необходимости.

Если мы обратимся к таблицам 5 и 6 и посмотрим на значение средних заработных плат для верхней и нижней децили в 1914–1916 гг., то можно увидеть определенную тенденцию в обеих группах производств.

Таблица 5

**Дифференциация оплаты труда в группе производств
по производству изделий из бумаги**

	d1 (коп. в день)		d9 (коп. в день)		q	
	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.
взрослые мужчины	46,90	73,80	348,20	560,90	7,42	7,60
взрослые женщины	25,00	25,00	165,50	239,10	6,62	9,56

Рассчитано по: Козьминых-Ланин И.М. Указ. соч. С. 8—9.

Таблица 6

**Дифференциация оплаты труда в группе производств
по обработке минеральных веществ.**

	d1 (коп. в день)		d9 (коп. в день)		q	
	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.
взрослые мужчины	42,60	65,70	312,80	579,50	7,34	8,82
взрослые женщины	25,00	25,00	121,30	284,60	4,85	11,38

Рассчитано по: Козьминых-Ланин И.М. Указ. соч. С. 10—11.

Средняя зарплата низкооплачиваемых категорий мужчин хотя и выросла, но не так значительно, как в других группах производств. А вот заработная плата низкооплачиваемых категорий женщин почти не изменилась. Это значит, что заработки всех работниц, вошедших в нижнюю дециль (10%), как были ниже 50 коп., так и остались ниже 50 коп., что справедливо для обеих групп производств.

Такая ситуация является свидетельством упадка, в условиях которого предприниматели не считали целесообразным значительное повышение заработных плат. Здесь не стояла задача привлечь дополнительно чернорабочих или квалифицированных рабочих, но высокооплачиваемых рабочих нужно было удержать на производстве. Поэтому в группе производств по обработке бумаги и в группе производств по обработке минеральных веществ мы наблюдаем рост дифференциации у всех половозрастных категорий.

Прочие отрасли

В ходе нашего анализа несколько групп производств проявили схожую динамику, объяснить которую оказалось сложнее, чем в других случаях. Это группа производств по обработке пищевой продук-

ции, группа производств по обработке дерева и группа производств по обработке шелка. Обратимся к таблице 7.

Можно увидеть, что динамика дифференциации оплаты труда в этих отраслях была примерно одинаковой — рост дифференциации среди взрослых мужчин и снижение ее среди взрослых женщин. Сходную динамику мы могли наблюдать в группе производств по обработке металла. Однако в данном случае она будет объясняться совсем другими причинами.

Таблица 7

Дифференциация оплаты труда и валовая продукция групп производств по обработке пищевой продукции, по обработке шелка и по обработке дерева

	Обработка пищевой продукции		Обработка дерева		Обработка шелка	
	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.
Коэффициент дифференциации φ для взрослых мужчин	10,04	10,78	4,76	6,65	3,83	4,19
Коэффициент дифференциации φ для взрослых женщин	4,96	4,56	5,28	4,49	5,14	3,53
Число взрослых мужчин, учтенных обследованием 1916 г.	28957	27525	29278	18473	4185	2002
Число взрослых женщин, учтенных обследованием 1916 г.	19749	29075	4860	5808	12614	10166
Валовая продукция (в тысячах довоенных рублей)	1549274	1410147	149263	87745	43487	38905

Источники: Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 328, 333, 335. Рассчитано по: Козьминых-Ланин И.М. Указ. соч. С. 4–5, 9–10, 12–13.

Дело в том, что, в отличие от бурно развивавшейся в годы войны металлообработки, эти три отрасли пережили существенный спад. Везде мы наблюдаем падение валовой продукции. В обработке пищевой продукции этот процесс был связан с введением сухого закона и сокращением производства алкоголя, тем не менее, он был в значительной мере компенсирован ростом производства муки и других пищевых продуктов. Падение валовой продукции в обработке шелка связано со снижением во время войны спроса на шелк, который по сути являлся предметом роскоши.

Однако наиболее значительный спад коснулся обработки дерева: эта отрасль была ориентирована на экспорт, который был резко ограничен с началом войны⁶⁴. В итоге из 480 заводов, учтенных промышленной переписью 1918 г., постоянно действовали только 380, остальные либо закрывались на время, либо закрылись совершенно⁶⁵.

Нехватка имеющихся данных не позволяет нам предложить удовлетворительное объяснение динамики дифференциации. Если в обработке шелка и дерева мы еще наблюдаем сходные процессы — падение валовой продукции, сильное сокращение общей рабочей силы и особенно мужской, медленный рост зарплат и малая востребованность продукции, то приравнять к этим группам производств пищевую отрасль было бы ошибкой. Дело в том, что во время войны был сухой закон, который свел на нет производство алкоголя; таким образом, если при анализе мы не будем учитывать винокуренное производство, то пищевая отрасль гораздо удачнее справилась с военным кризисом: мы увидим и рост валовой продукции, и общего числа рабочих⁶⁶.

Возможно, свет на данную ситуацию прольет включение географического фактора (учет сведений по различным губерниям) в число рассматриваемых нами. Но это уже следующий этап исследования, а пока мы обратимся к тем факторам, влияние которых нам удалось проследить в ходе анализа динамики дифференциации оплаты труда.

Факторы дифференциации оплаты труда рабочих в годы Первой мировой войны

Нетрудно заметить, что полученная в результате обработки данных картина имеет мозаичный характер и непроста в интерпретации. Как правило, представляется возможным объяснить динамику каждой группы производств отдельно, в то время как выявить общие закономерности — задача гораздо более трудная.

Можно предложить следующее объяснение. Трудно отрицать большие успехи дореволюционной индустриализации: темпы роста российской промышленности, несмотря на разные количественные оценки ученых, остаются весьма высокими даже в сравнении с другими европейскими странами в период их индустриализации⁶⁷. Однако в силу преобладания сельского, крестьянского населения Россия продолжала быть прежде всего аграрной страной⁶⁸. В тех экономиках, где капитализм еще не достиг высокой степени развития, динамика заработной платы может быть неустойчивой, склонной к беспорядочным колебаниям. Таким образом, хаотичность динамики дифференциации оплаты труда можно связать с эффектом

недостаточно развитого рынка труда. Это видно не только на наших данных: сравнительный анализ оплаты труда квалифицированных и неквалифицированных рабочих России и США в 1853–1910 г. показал, что российские зарплаты менее стабильны и более подвержены изменениям конъюнктуры⁶⁹.

Конечно, это не единственное возможное объяснение. Стоит упомянуть еще несколько, которые уже использовались в нашем исследовании. Первым и, скорее всего, самым важным действующим фактором был высокий спрос на квалифицированный рабочий труд. Исторически в России цена квалифицированного труда была выше, чем в других европейских странах⁷⁰. Вероятно, это было связано с нехваткой квалифицированных рабочих на предприятиях: большая часть рабочих были выходцами из крестьян, а не потомственными грамотными рабочими. Война повлекла за собой призыв многих рабочих на фронт, среди оставшихся наблюдался высокий уровень «текучки», то есть перехода рабочих с предприятия на предприятие. В таких условиях задача удержать самых квалифицированных рабочих становится принципиально важной для любого предприятия. Это справедливо для всех отраслей обрабатывающей промышленности, но в особенности для стратегически важных для обеспечения войны отраслей, которые расширяли производство, строили новые заводы и поэтому нуждались в притоке рабочей силы. В первую очередь это металлообрабатывающая отрасль, динамику которой мы подробно рассмотрели.

Второй фактор, влияющий на дифференциацию — разница в оплате труда мужчин и женщин. Имеющиеся данные подтверждают, что, независимо от того, принадлежала ли женщина-работница к самой низкооплачиваемой категории рабочих или к самой высокооплачиваемой, ее зарплата была иногда в два раза меньше, чем у мужчины-рабочего в той же категории. Причины этого современники-экономисты и исследователи-историки называли разные, но подробно рассматривать их не является задачей данной работы. Более интересно то, что это соотношение справедливо как для июня 1914 г., так и для июня 1916 г.. Во многих отраслях зарплата взрослых женщин только в 1916 г. достигает того уровня, на котором находилась зарплата взрослых мужчин в 1914 г. (см. Приложение 2). Эта разница не может не влиять на рост общего уровня дифференциации, так как за время войны женщин на предприятиях стало больше, а зарабатывали они по-прежнему меньше, чем мужчины.

Здесь легко перейти к следующему фактору, а именно к изменению половозрастной структуры рабочей силы в промышленности. Как уже упоминалось, в течение войны количество несовершенно-

летних обоих полов и взрослых женщин на производстве увеличилось. Количество занятых малолетних, например, в некоторых отраслях увеличилось в два раза, количество подростков — на четверть или на треть. Это немногочисленные категории в общем объеме рабочих: 4—14% подростков мужского пола, 4—9% подростков женского пола, 1—4% малолетних обоих полов. Зарботки детей и подростков (особенно женского пола) были крайне невелики. В 13 из 14 групп производств средний заработок самой низкооплачиваемой категории малолетних не вышел за пределы 25 коп. в день (для сравнения: средний заработок самой низкооплачиваемой категории взрослых женщин вышел за этот предел в 11 группах из 14). Однако наиболее квалифицированная (насколько это вообще возможно) часть детей и подростков занимала рабочие места взрослых мужчин, и их заработок возрастал. Поэтому среди детей и подростков дифференциация в оплате труда была огромной.

Фактор целенаправленной социальной политики предпринимателей представляет особый интерес. Мы можем сделать предположение о влиянии правлений предприятий на дифференциацию зарплат рабочих. Дело в том, что надбавку к заработной плате предприятие могло давать по-разному. Если это была процентная надбавка, то от этого в большей мере выигрывали высокооплачиваемые категории (сравним 10% от 6 руб. в день и 10% от 20 коп. в день). Если же надбавка выделялась на одинаковую для всех сумму (часто 10 или 20 коп. в день), то от этого выигрывали низкооплачиваемые категории (рабочий, получавший 20 коп., в два раза увеличивает свой заработок). Можно предположить, что на тех предприятиях и в тех группах производств, где промышленники чаще давали процентную надбавку, дифференциация зарплаты имела тенденцию к повышению, а там, где зарплату повышали на одну и ту же сумму, уровень дифференциации мог снизиться. К сожалению, в этом случае мы не располагаем сколько-нибудь надежными статистическими данными, чтобы подтвердить или опровергнуть эту теорию.

Наконец, последний фактор, о котором хотелось бы упомянуть — географический. Мы учитывали его только в тех случаях, где влияние было совершенно очевидно (например, в группе производств по обработке смешанного текстиля), однако легко предположить, что более глубокий анализ распределения производств отдельных отраслей по губерниям может дополнить и расширить наше понимание динамики дифференциации оплаты труда, а возможность провести пространственный анализ процессов дифференциации оплаты труда открывает дальнейшие перспективы исследования.

Заключение

В начале XX в. российская промышленность динамично развивалась в процессе индустриализации. Первая мировая война сильно повлияла на этот процесс, хотя в разных отраслях проявлялись разные эффекты. Некоторые производства не испытывали недостатка в оборонных заказах, и в них продолжался рост валовой продукции и общего числа рабочих; некоторые же производства переживали упадок, связанный с невостребованностью продукции во время войны или с трудностями с поставками сырья. Изменилась не только структура промышленности, но и состав занятых в ней рабочих. Для последних война привела, с одной стороны, к росту цен и удорожанию жизни, с другой стороны — к повышению внимания к оплате труда промышленных рабочих и росту заработных плат рабочих в условиях инфляции. Однако этот рост был неодинаковым для рабочих разной квалификации, разного пола и занятых в разных отраслях. Вопрос о степени дифференциации заработной платы российских рабочих представляется весьма важным, так как она являлась предметом социальных конфликтов и политики предпринимателей. Однако, как показал обзор источников и историографии, этот вопрос слабо исследован, несмотря на то, что существуют источники, подходящие для его изучения.

Итак, на основе статистической публикации Козьминых-Ланина, которая обобщает результаты масштабного обследования июня 1916 г., мы провели подсчет децильных коэффициентов заработной платы российских рабочих в период Первой мировой войны. Специальная методика, предложенная в работе, позволяет нам оценить уровень дифференциации и ее изменения с учетом разных половозрастных групп в разных отраслях. Результаты показывают разнонаправленность наблюдаемых процессов; обработанные данные отражают существенные сдвиги в структуре рабочей силы и оплате труда в российской промышленности, дают широкое поле для анализа и интерпретации. Подтвердились и проявились некоторые устойчивые для дореволюционной промышленности тенденции, но были обнаружены и конъюнктурные изменения, отразившиеся как на отдельных отраслях, так и на всей сфере в целом. Деление отраслей на группы в зависимости от изменения дифференциации оплаты труда рабочих позволило выявить специфику развития отраслей; стоит отметить особенное положение металлообрабатывающей отрасли, которую мы выделяем как отдельную группу. Это связано с тем, что металлообработка играла в оборонной промышленности более значительную роль, чем все остальные отрасли, и это, как мы увидели, в значительной степени сказалось на дифференциации оплаты труда рабочих в этой отрасли. Полученные данные могут быть в дальнейшем верифицированы с помощью данных микроанализа.

Приложение 1

Средняя заработная плата нижней децили (коп. в день), средняя заработная плата верхней децили (коп. в день), децильный коэффициент и количество учтенных рабочих для 12 групп производств

1 группа производств (хлопок)							Всего учтено рабочих	
	d1		d9		q		1914 г.	1916 г.
	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.		
взрослые мужчины	46,60	80,20	248,42	379,40	5,33	4,73	166803	105115
взрослые женщины	25,00	57,00	127,12	190,00	5,08	3,33	217774	237453
подростки мужского пола	25,00	41,70	105,00	182,40	4,20	4,37	14723	15438
подростки женского пола	25,00	26,30	91,80	150,40	3,67	5,72	20806	24407
малолетние	25,00	25,00	62,60	107,70	2,50	4,31	5807	9639
всего	25,00	53,90	172,70	272,00	6,91	5,05	425873	392052

2 группа производств (шерсть)							Всего учтено рабочих	
	d1		d9		q		1914 г.	1916 г.
	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.		
взрослые мужчины	25,00	50,10	182,20	334,90	7,29	6,68	36195	26184
взрослые женщины	25,00	25,00	149,00	196,40	5,96	7,86	27002	29291
подростки мужского пола	25,00	25,00	79,90	176,60	3,20	7,06	3138	3510
подростки женского пола	25,00	25,00	77,00	159,80	3,08	6,39	4417	5535
малолетние	25,00	25,00	35,30	39,30	1,41	1,57	1567	2336
всего	25,00	25,00	156,00	276,70	6,24	11,07	72319	66856

3 группа производств (шелк)							Всего учтено рабочих	
	d1		d9		q		1914 г.	1916 г.
	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.		
взрослые мужчины	50,60	80,70	194,00	338,00	3,83	4,19	4185	2002
взрослые женщины	25,00	52,90	128,50	187,00	5,14	3,53	12614	10166
подростки мужского пола	25,00	25,90	80,70	333,50	3,23	12,88	279	380
подростки женского пола	25,00	25,00	131,40	134,50	5,26	5,38	1744	1749
малолетние	25,00	25,00	25,00	72,50	1,00	2,90	946	642
всего	25,00	35,60	151,00	226,80	6,04	6,37	19768	14939

4 группа производств (обработка льна, пеньки и джута)							Всего учтено рабочих	
	d1		d9		q			
	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.
взрослые мужчины	25,90	74,90	159,60	364,50	6,16	4,87	28101	23670
взрослые женщины	25,00	50,80	72,50	188,70	2,90	3,71	36949	47569
подростки мужского пола	25,00	25,00	74,90	155,70	3,00	6,23	4561	4471
подростки женского пола	25,00	25,00	71,00	131,70	2,84	5,27	6721	7878
малолетние	25,00	25,00	42,70	89,10	1,71	3,56	4091	5065
всего	25,00	35,10	141,80	273,10	5,67	7,78	80423	88653

5 группа производства (смешанные производства по обработке волоконистых веществ)							Всего учтено рабочих	
	d1		d9		q			
	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.
взрослые мужчины	77,10	146,00	291,70	641,20	3,78	4,39	3022	3761
взрослые женщины	49,60	106,50	155,20	215,50	3,13	2,02	2759	6553
подростки мужского пола	25,00	83,90	70,45	212,70	2,82	2,54	176	845
подростки женского пола	25,00	79,70	62,50	185,30	2,50	2,32	86	804
малолетние	25,00	27,10	25,00	231,50	1,00	8,54	21	53
всего	117,40	68,30	258,00	462,30	2,20	6,77	6064	12016

6 группа производств (производство бумажное, изделий из бумаги и полиграфич.)							Всего учтено рабочих	
	d1		d9		q			
	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.
взрослые мужчины	46,90	73,80	348,20	560,90	7,42	7,60	20367	14603
взрослые женщины	25,00	25,00	165,50	239,10	6,62	9,56	7272	9604
подростки мужского пола	25,00	25,00	141,60	217,70	5,66	8,71	3071	2782
подростки женского пола	25,00	25,00	98,90	154,80	3,96	6,19	1252	1599
малолетние	25,00	25,00	68,20	111,00	2,73	4,44	867	862
всего	25,00	29,20	276,10	366,40	11,04	12,55	32829	29450

7 группа производств (механическая обработка дерева)							Всего учтено рабочих	
	d1		d9		q		1914 г.	1916 г.
	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.		
взрослые мужчины	62,60	102,00	297,80	678,60	4,76	6,65	29278	18473
взрослые женщины	25,00	62,90	131,90	282,70	5,28	4,49	4860	5808
подростки мужского пола	25,00	61,80	133,90	350,20	5,36	5,67	4182	3716
подростки женского пола	25,00	25,00	98,50	198,60	3,94	7,94	781	775
малолетние	25,00	25,00	67,10	162,50	2,68	6,50	271	346
всего	34,90	70,10	281,00	629,50	8,05	8,98	39372	29118

8 группа производств (обработка металл., производств. машин, аппаратов и орудий ремесел)							Всего учтено рабочих	
	d1		d9		q		1914 г.	1916 г.
	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.		
взрослые мужчины	73,70	133,10	438,60	881,60	5,95	6,62	164107	221977
взрослые женщины	25,00	77,80	219,80	405,90	8,79	5,22	8376	52126
подростки мужского пола	25,00	43,60	164,30	375,00	6,57	8,60	15856	26354
подростки женского пола	25,00	45,50	101,90	239,80	4,08	5,27	710	4927
малолетние	25,00	25,00	113,20	161,00	4,53	6,44	951	2009
всего	45,30	87,30	421,90	820,00	9,31	9,39	190000	307393

9 группа производств (обработка минеральных веществ)							Всего учтено рабочих	
	d1		d9		q		1914 г.	1916 г.
	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.		
взрослые мужчины	42,60	65,70	312,80	579,50	7,34	8,82	33398	17661
взрослые женщины	25,00	25,00	121,30	284,60	4,85	11,38	8124	8102
подростки мужского пола	25,00	25,00	102,30	15,25	4,09	0,61	4006	2382
подростки женского пола	25,00	25,00	75,10	11,98	3,00	0,48	2563	1809
малолетние	25,00	25,00	38,40	7,73	1,54	0,31	2773	2230
всего	25,00	25,00	303,22	495,60	12,13	19,82	50864	32184

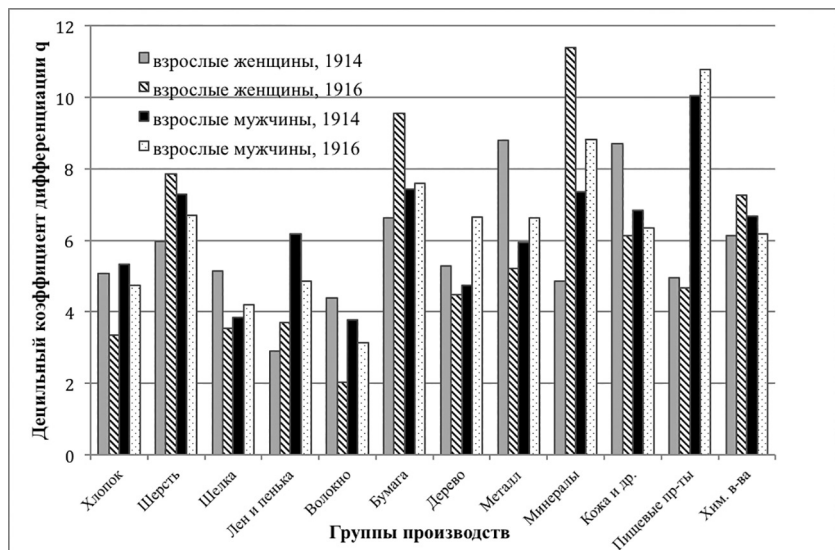
10 группа производств (обработка животной продукции)							Всего учтено рабочих	
	d1		d9		q		1914 г.	1916 г.
	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.		
взрослые мужчины	49,20	101,30	337,20	643,20	6,85	6,35	14 424	14 985
взрослые женщины	25,00	62,00	217,20	381,00	8,69	6,15	4 660	6 730
подростки мужского пола	25,00	43,60	183,20	209,90	7,33	4,81	1 784	2 261
подростки женского пола	25,00	25,30	153,40	260,60	6,14	10,30	937	1 171
малолетние	25,00	25,00	675,00	141,00	27,00	5,64	372	354
всего	25,00	89,40	315,70	588,20	12,63	6,58	22 177	25 501

11 группа производств (обработка пищевых и вкусовых веществ)							Всего учтено рабочих	
	d1		d9		q		1914 г.	1916 г.
	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.		
взрослые мужчины	25,00	56,10	251,10	604,50	10,04	10,78	28957	27525
взрослые женщины	25,00	43,90	124,10	200,00	4,96	4,56	19749	29075
подростки мужского пола	25,00	25,00	74,70	206,60	2,99	8,26	3065	4349
подростки женского пола	25,00	25,00	69,60	147,60	2,78	5,90	2191	3770
малолетние	25,00	25,00	30,40	87,50	1,22	3,50	210	355
всего	25,00	38,00	210,60	392,40	8,42	10,33	54172	65074

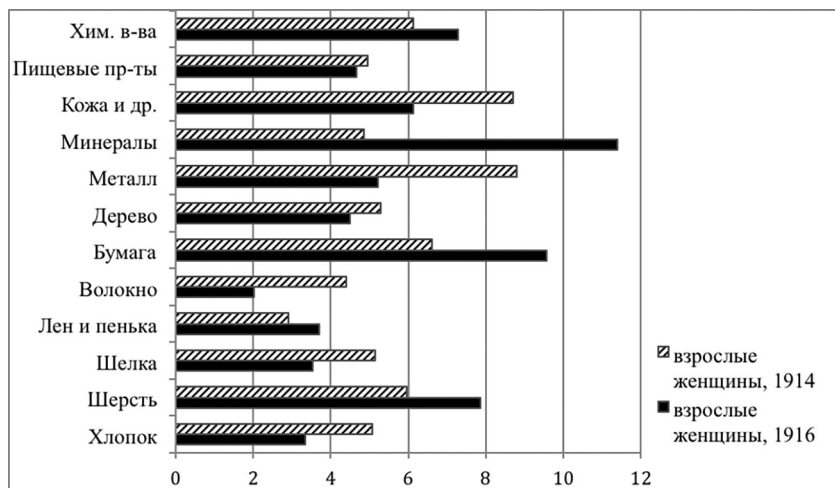
12 группа производств (химическое производство)							Всего учтено рабочих	
	d1		d9		q		1914 г.	1916 г.
	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.	1914 г.	1916 г.		
взрослые мужчины	46,30	101,40	309,00	627,40	6,67	6,19	22973	21661
взрослые женщины	25,00	56,20	153,10	408,40	6,12	7,27	14433	19732
подростки мужского пола	25,00	39,40	102,70	224,80	4,11	5,71	1804	2062
подростки женского пола	25,00	25,00	72,70	126,60	2,91	5,06	1615	2173
малолетние	25,00	25,00	76,00	120,30	3,04	4,81	1009	1021
всего	25,00	49,50	263,90	537,80	10,56	10,86	41834	46649

Приложение 2. Диаграммы

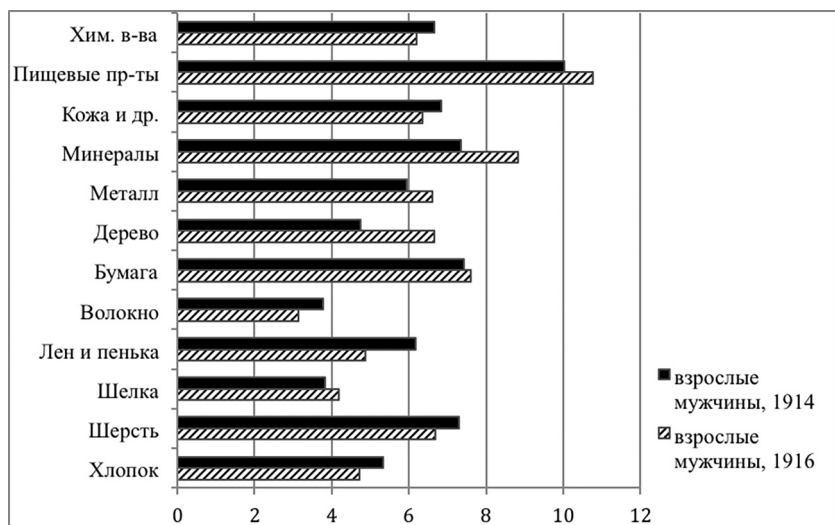
Децильный коэффициент дифференциации (q) для взрослых рабочих обоих полов

2. Децильный коэффициент дифференциации (q) для взрослых женщин

3. Децильный коэффициент дифференциации (q) для взрослых мужчин

Библиография

- The economics of World War I / Ed. by Stephen Broadberry and Mark Harrison. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Арский Р. Заработная плата в военное время (в России) // Летопись. 1916. № 5. С. 233–243.
- Бородкин Л.И. «Великий перелом» и динамика реальной зарплаты рабочих-текстильщиков Москвы // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 6. Волгоград, 2004. С. 203–208.
- Бородкин Л.И. Неравенство доходов в период индустриальной революции. Универсальна ли гипотеза о кривой Кузнеца? // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: Сб. статей. М., 2001. С. 331–353.
- Бородкин Л.И., Валетов Т.Я. Микроанализ данных о квалификации и динамике заработной платы рабочих-текстильщиков Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина (конец XIX—начало XX в.) // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001. С. 351–388.
- Бородкин Л.И., Валетов Т.Я. Измерение и моделирование неравенства в оплате труда промышленных рабочих в России в начале XX в. // Компьютер и экономическая история. Барнаул, 1997. С. 8–32.
- Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1897.
- Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / Под ред. В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшникова. М., 2007.
- Касаров Г.Г. Московские рабочие в годы первой мировой войны (июль 1914 г. – февраль 1917 г.). М., 1996.
- Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.). М., 1994.
- Козьминых-Ланин И.М. Зарботки фабрично-заводских рабочих России /июнь 1914 – июнь 1916 гг. М., 1918.
- Маркевич А., Харрисон М.. Первая мировая война, гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М., 2011.
- Миндлин З. Рабочее время и заработная плата в предприятиях Московской области за 1914–1918 г. // Статистика труда. 1919. № 8–10. С. 8–14.
- «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России / Л.И. Бородкин, Т.Я. Валетов, Ю.Б. Смирнова, И.В. Шильникова. М., 2010.
- Первая Мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. М., 2014.
- Полупанов Д. Война и кадры промышленных рабочих // Промышленность и торговля. 1916. № 18. С. 512–516.
- Полупанов Д. Заработная плата // Промышленность и торговля. 1916. № 43. С. 333–338.
- Полупанов Д. Рабочий рынок за два года войны // Промышленность и торговля. 1916. № 28–29. С. 49–55.
- Полупанов Д. Рабочий рынок // Промышленность и торговля. 1915. № 27. С. 498–502.
- Полупанов Д. Рабочий рынок // Промышленность и торговля. 1916. № 24–25. С. 684–688.
- Таль Л.С. Очерки промышленного рабочего права. М., 1918.
- Туган-Барановский М.И. Влияние войны на народное хозяйство // Вопросы мировой войны. Сборник комитета по устройству этапного лазарета имени Высших учебных заведений Петрограда. Пг., 1915.
- Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. СПб., 1900.

- Филатов И.В. Теоретическое наследие С. Кузнеця и проблемы модернизации постсоциалистических стран // Социально-экономическая трансформация в России. М., 2002. С. 77–98.
- Шильникова И.В. Трудовые конфликты и материальное положение рабочих на российских текстильных предприятиях в годы Первой мировой войны: анализ архивных материалов // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 3. С. 243–254.
- Эдельштейн В. К учету потребности в рабочих // Промышленность и торговля. 1915. № 20. С. 243–246.
- Эдельштейн В. Проблемы регулирования заработной платы // Промышленность и торговля. 1916. № 48. С. 449–451.

Примечания

- ¹ The economics of World War I / Ed. by Stephen Broadberry and Mark Harrison. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 269.
- ² Первая Мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белосува, А.С. Манькина. М., 2014. С. 227.
- ³ Таль Л.С. Очерки промышленного рабочего права. М., 1918. С. 24.
- ⁴ The economics of World War I. P. 235.
- ⁵ Там же. P. 239.
- ⁶ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 186.
- ⁷ Там же. С. 189.
- ⁸ Там же. С. 194.
- ⁹ Собрание узаконений. 1915. № 311. 31 октября. Ст. 2312.
- ¹⁰ Арский Р. Заработная плата в военное время (в России) // Летопись. 1916. № 5. С. 243.
- ¹¹ В.П. Литвинов-Фалинский. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1904. С. 141.
- ¹² Глава III. Заработная плата фабричных рабочих // Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. [М.], 1897. С. 116–204.
- ¹³ Пажитнов К. Движение заработной платы и цен на предметы потребления за последнее время в России // Образование. 1909. № 4.
- ¹⁴ Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. Т. I. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. СПб., 1990.
- ¹⁵ Миндлин З. Рабочее время и заработная плата в предприятиях Московской области за 1914–1918 г. // Статистика труда. 1919. № 8–10. С. 8–14; Маркузон Ф. Заработная плата фабрично-заводских рабочих г. Москвы за 1913–1920 гг. // Материалы по статистике труда. Вып. 10. М., 1921. С. 2–46.
- ¹⁶ Кириянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. М., 1979. С. 274.
- ¹⁷ Положение пролетариата России. Указатель литературы. Выпуск II. М., 1972.
- ¹⁸ Бородкин Л.И., Валетов Т.Я. Измерение и моделирование неравенства в оплате труда промышленных рабочих в России в начале XX в. // Компьютер и экономическая история. Барнаул, 1997. 238 с.
- ¹⁹ Бородкин Л.И., Валетов Т.Я. Микроанализ данных о квалификации и динамике заработной платы рабочих-текстильщиков Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина (конец XIX – начало XX вв.) // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001. С. 351–388.
- ²⁰ Шильникова И.В. Трудовые конфликты и материальное положение рабочих на российских текстильных предприятиях в годы Первой мировой войны: анализ архивных материалов // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 3. С. 243–254.
- ²¹ Бородкин Л.И. Неравенство доходов в период индустриальной революции. Универсальна ли гипотеза о кривой Кузнеця? // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: Сб. статей. М., 2001. С. 331–355.

- ²² «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России / Л.И. Бородкин, Т.Я. Валетов, Ю.Б. Смирнова, И.В. Шильникова. М., 2010.
- ²³ Козьминых-Ланин И.М. Зарботки фабрично-заводских рабочих России. М., 1918. С. 4.
- ²⁴ Володин А.Ю. История фабричной инспекции в России, 1882—1914 гг. М., 2009. С. 129.
- ²⁵ Вот некоторые из его работ: Грамотность и зарботки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1912; Зарботки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1911; Сверхурочные работы на фабриках и заводах Московской губ. (Зарботки за сверхурочные работы). М., 1914; Семейный состав фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1914.
- ²⁶ Шильникова И.В. Указ. соч. С. 252.
- ²⁷ Бородкин Л.И., Валетов Т.Я. Измерение и моделирование неравенства в оплате труда. С. 8—32.
- ²⁸ Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 186.
- ²⁹ Там же. С. 186.
- ³⁰ Полупанов Д. Рабочий рынок за два года войны // Промышленность и торговля. 1916. № 28—29. С. 49.
- ³¹ Промышленность и торговля. 1915. № 17. С. 161.
- ³² Полупанов Д. Рабочий рынок // Промышленность и торговля. 1915. № 27. С. 499.
- ³³ Полупанов Д. Война и кадры промышленных рабочих // Промышленность и торговля. 1916. № 18. С. 512.
- ³⁴ Промышленность и торговля. 1915. № 31. С. 632.
- ³⁵ Там же. № 24. С. 401.
- ³⁶ Полупанов Д. Зарботная плата // Промышленность и торговля 1916. № 43. С. 334.
- ³⁷ Арский Р. Зарботная плата в военное время. С. 245.
- ³⁸ Полупанов Д. Зарботная плата. С. 334.
- ³⁹ ГАХО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 2567. Л. 100. Цит. по материалам электронного ресурса «Эволюция трудовых отношений в российской промышленности» (<http://www.hist.msu.ru/Labour/>).
- ⁴⁰ ГАХО. Ф. 3. Оп. 287. Д. 5834. Л. 56. Цит. по материалам электронного ресурса «Эволюция трудовых отношений в российской промышленности» (<http://www.hist.msu.ru/Labour/>).
- ⁴¹ Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 313, 316.
- ⁴² Туган-Барановский М.И. Влияние войны на народное хозяйство // Вопросы мировой войны. Сборник комитета по устройству этапного лазарета имени Высших учебных заведений Петрограда. Пг., 1915. С. 331.
- ⁴³ Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 202.
- ⁴⁴ Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 204.
- ⁴⁵ Полупанов Д. Рабочий рынок за два года войны. С. 50.
- ⁴⁶ Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 204.
- ⁴⁷ Статистический ежегодник за 1913—1917 гг. Труды ЦСУ. Том VII, выпуск 2. М., 1922. С. 37.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Козьминых-Ланин И.М. Зарботки фабрично-заводских рабочих. С. 6—7.
- ⁵⁰ Полупанов Д. Рабочий рынок за два года войны. С. 50
- ⁵¹ В. Эдельштейн. К учету потребности в рабочих // Промышленность и торговля. 1915. № 20. С. 245.
- ⁵² Туган-Барановский М.И. Указ. соч. С. 309.
- ⁵³ Там же. С. 310.
- ⁵⁴ Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 201.
- ⁵⁵ Шильникова И.В. Указ. соч. С. 243—254.

- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Промышленность и торговля. 1915. № 15. С. 100.
- ⁵⁸ Не рублем единым: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России / Л.И. Бородкин, Т.Я. Валетов, Ю.Б. Смирнова, И.В. Шильникова. М., 2010.
- ⁵⁹ Там же. С. 91.
- ⁶⁰ Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 205–206.
- ⁶¹ Там же. С. 194.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Полупанов Д. Заработная плата. С. 334.
- ⁶⁴ Туган-Барановский М.И. Указ. соч. С. 299.
- ⁶⁵ Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 193.
- ⁶⁶ Там же. С. 197.
- ⁶⁷ Бородкин Л.И. Дореволюционная индустриализация и ее интерпретации // Экономическая история. Обзорение. Вып. 12. М., 2006. С. 200.
- ⁶⁸ Статистический ежегодник за 1913 год. СПб., 1914. С. 86.
- ⁶⁹ Бородкин Л.И. Неравенство доходов в период индустриальной революции. С. 353.
- ⁷⁰ Там же.

История банковского дела

Общие черты в раннем развитии эмиссионных банков Северной Европы¹

Аннотация: Данная статья представляет собой сравнительный исторический обзор раннего этапа развития банковского дела в странах Балтийского моря. В этом регионе банки, выпускающие банкноты, появились довольно рано. У этих банков был ряд заметных общих черт, которые явно отличают раннюю североευропейскую модель протоцентрального банка от доктрины реальных векселей, лежащей в основе модели классического центрального банка, которая позже стала общепризнанной в мировом масштабе. Наиболее интересной общей особенностью североευропейских протоцентральных банков является структура их активов. В отличие от доктрины реальных векселей, ставящей в центр операцию учета векселей, эти эмиссионные банки предоставляли преимущественно ипотечный кредит. В статье также рассматривается переход к доктрине реальных векселей в странах Балтийского моря, который в основном произошел во второй половине XIX в. В данном исследовании также предлагаются несколько предварительных гипотез, объясняющих сходство в развитии банков в регионе.

Ключевые слова: центральные банки, история денежного обращения, доктрина реальных векселей, Россия, Скандинавия, Пруссия.

Введение

Страны Балтийского моря представляют особый интерес для изучения ранних практик центральных банков, потому что государственные банки, выпускавшие банкноты, появились в этом регионе относительно рано, и их операции достигли значительного масштаба по меркам своего времени. Например, хорошо известно, что первым банком в Европе, начавшим выпуск банкнот, был шведский Стокгольмский банк (Stockholm Banco). Интересным фактом является также то, что в первые десятилетия XIX в., общая стоимость банкнот в обращении российского Государственного ассигнационного банка превышала стоимость банкнот Банка Англии, даже если оценивать ее не по номиналу, а по текущему обменному курсу.

* Таркка Юха (Tarkka Juha) — доктор социальных наук (Банк Финляндии); перевод с английского — С.А. Саломатина (кандидат исторических наук, Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова).

Более того, изучение ранних центральных банков в Северной Европе интересно, потому что позволяет выявить удивительно общие черты развития. Структура и принципы операций ранних эмиссионных банков в североευропейском регионе демонстрируют настолько заметное сходство, что можно говорить об особом североευропейском типе протоцентрального банка. Эта модель заметно отличалась от классической модели центрального банка, которая стала основной линией развития финансовой истории². Особая североευропейская модель, как правило, сохранялась в странах Балтийского моря вплоть до второй половины XIX в., пока не была постепенно вытеснена классической моделью.

Особые черты североευропейских протоцентральных банков (этим термином можно обозначить ранние эмиссионные банки) становятся понятны в сравнении с классической моделью центрального банка, которая постепенно в течение XIX в. стала доминирующей в мире в целом (однако в США только после 1913 г.).

Классическая модель центрального банка основана на идеях двух теоретических направлений: банковской школы (доктрина реальных векселей) и денежной школы. В XIX в. Банк Англии и Банк Франции считались образцами классической модели, достойными прямого заимствования для построения системы денежно-кредитных институтов в большинстве менее развитых стран того времени. Их влияние как моделей было особенно сильным во второй половине XIX в., когда целый ряд стран реформировали свои денежно-кредитные системы в связи с подготовкой к введению золотого стандарта.

Тем не менее, история центральных банков не начинается с учреждения институтов классического типа. Задолго до того, как классическая модель стала доминирующей, в Европе действовали несколько эмиссионных банков разного типа. Зачастую в основе их операций лежали другие, доклассические практики и идеи банковского дела. Протоцентральные банки в странах Балтийского моря являются одним из таких примеров.

В данной статье рассматривается ранняя история развития центральных банков в регионе от начального периода до того момента, как они стали полноценными центральными банками в классическом понимании. Термин «протоцентральный банк» используется здесь, чтобы подчеркнуть, что двухуровневая банковская система во главе с центральным банком еще не сформировалась в полной мере в изучаемый период.

В данном исследовании сначала анализируются экономические теории той эпохи, повлиявшие на выбор моделей банков. На этом фоне явно видна разница между чертами центрального банка в клас-

сической и североευропейской моделях. Затем вниманию читателя предлагается обзор истории протоцентральных банков в странах Балтийского моря, после чего рассматривается дальнейшая история развития этих банков, постепенно приведшая к отказу от модели раннего североευропейского центрального банка и переходу к принципам классического центрального банка.

Доктрины банковского дела

Специфические черты североευропейской модели центрального банка лучше всего понятны на контрасте с двумя классическими нормами банковского дела: во-первых, доктрины реальных векселей банковской школы (real bills doctrine) и, во-вторых, принципом денежной школы (currency principle). Доктрина реальных векселей превосходно сформулирована Адамом Смитом в «Богатстве народов» в 1776 г. В самом общем виде эта доктрина заключается в том, что банкам следует предоставлять только краткосрочный коммерческий (торговый) кредит, и этот кредит должен быть «самоликвидирующимся» по своей природе. Доктрина реальных векселей оказала очень большое влияние на историю денежного обращения и кредита, так как являлась общепризнанным идеалом здорового банковского дела почти весь XIX в. и вплоть до изменений, связанных с Великой депрессией и другими процессами XX в.

Доктрина реальных векселей

Классическое изложение доктрины реальных векселей, как уже сказано, приводится в «Богатстве народов» Адама Смита (1776 г.). Смит, который часто считается основоположником доктрины, является автором общеизвестной цитаты по этому поводу³. Этот знаменитый фрагмент из «Богатства народов» стоит привести полностью:

Когда банк учитывает купцу реальный вексель, трассированный действительным кредитором на действительного должника и с наступлением срока действительно оплачиваемый последним, он только ссужает ему часть стоимости, которую ему в противном случае пришлось бы держать у себя без употребления и в виде наличных денег для покрытия текущих платежей. Оплата векселя, когда наступает его срок, возмещает банку стоимость, которую он ссудил, вместе с процентами на нее. Кассы банка, поскольку его операции ограничиваются такого рода клиентами, могут быть сравнены с бассейном,

откуда постоянно вытекает одна струя, а другая притекает, принося столько же воды, сколько уносит первая, так что без особых забот и усилий вода в бассейне всегда остается на том же или почти на том же уровне. Такому банку не приходится производить никаких расходов или нести очень малые издержки для пополнения своих касс⁴.

Термин «реальные векселя» относится к определенному типу кредитного инструмента, т.е. к векселям, возникшим в результате кредитования реальной сделки по продаже товара. В этом случае промышленник продавал товар оптовому торговцу, или оптовик розничному торговцу, или, возможно, промышленник покупал сырье. Так же очень важна была практика использования векселей во внешней торговле.

Реальный вексель выписывается (трассируется) продавцом товара, и после того, как покупатель подписывает его (акцептует), он представляет собой обещание покупателя заплатить определенное количество денег в определенный срок, обычно через несколько месяцев. Однако, как правило, продавец может получить свои деньги до указанной даты, если продаст (учтет) вексель в банке, который в этом случае станет конечным кредитором и получит деньги в назначенный срок. С точки зрения банка, надежность векселя повышается тем, что оба, трассант и акцептор, несут ответственность за платеж по векселю перед банком. По мнению Смита и других сторонников доктрины реальных векселей, портфель активов эффективно управляемого банка должен состоять полностью или, как минимум, преимущественно из таких учтенных реальных векселей.

Причина, по которой Смит и его последователи рассматривали вексель как наиболее подходящую форму кредита, с которой стоит иметь дело банкам, заключалась в том, что вексель, с их точки зрения, был «самоликвидирующимся» инструментом. Это значит, что в результате той самой реальной торговой сделки, лежащей в основе вексельного кредита, с большой вероятностью появятся денежные средства, которые должник сможет уплатить в срок по векселю.

Высокая ликвидность такого вексельного портфеля дает возможность банку, выпускающему банкноты, гибко управлять активами в изменяющихся рыночных условиях. Например, если по какой-то причине уменьшится спрос на банкноты, и они будут представлены к оплате в банк, то банк может продать часть активов, чтобы получить средства для оплаты банкнот, и ликвидность кредитного портфеля позволит ему это сделать. Таким образом, инвестиционная политика, сосредоточенная на таких «самоликвидирующихся» требованиях, как краткосрочные реальные векселя, была бы целесообразна по двум причинам: во-первых, векселя, купленные (учтенные) банком,

были бы краткосрочными, а потому денежные средства обращались бы за год несколько раз и, во-вторых, «реальность» бизнеса, или коммерческих операций, должников сама по себе порождает поток личности, необходимый им для оплаты своих долгов банку.

Другой аргумент в пользу доктрины реальных векселей был макроэкономическим. Адам Смит и многие другие последователи доктрины утверждали, что, если банкноты были бы покрыты только реальными векселями, то это удерживало бы их количество в соответствии с «правильным» спросом на деньги в торгово-промышленном секторе. По мнению Смита, это было важно, потому что чрезмерный выпуск банкнот может вызвать проблемы с ликвидностью у банков, если банкноты, ненужные в обращении, вернуться в банк и будут представлены к оплате.

Для более полного понимания, почему появилась доктрина реальных векселей, и что Смит имел в виду, необходимо учитывать исторический контекст. Смит не теоретизировал в вакууме, наоборот, его формулировка доктрины реальных векселей была реакцией на события того времени и некоторую предшествующую литературу по банковскому делу. Целью Смита была полемика с другими, менее ограничительными теориями банковского дела. Он подкреплял свои аргументы историческими примерами, прежде всего из Шотландии, где банковское дело и банкнотное обращение было особенно высоко развито уже в XVIII в., и где были опробованы разные модели банков.

В частности, теория реальных векселей Адама Смита может рассматриваться как попытка опровергнуть принципы банковского дела, защищаемые его современником меркантилистом сэром Джеймсом Стюартом. Хотя Смит прямо не упоминает Стюарта в «Богатстве народов», в его переписке есть высказывание, что желание доказать несостоятельность «ложных принципов» Стюарта было одной из целей создания «Богатства народов»⁵. Именно контраст между идеями Смита и Стюарта очень ярко освещает предмет нашего исследования.

Земельные банки против реальных векселей

Что это были за «ложные принципы», которые Смит взялся опровергать? Основная работа Стюарта «Исследование о принципах политической экономии» была написана в 1767 г., т.е. почти за 10 лет до «Богатства народов». Эта книга охватывает много вопросов и банковское дело — это один из них, где мнение Стюарта резко расходится с точкой зрения Смита. Стюарт защищает идею учреж-

дения эмиссионных банков, основанных на кредите под залог земли. Монетизируя таким образом низколиквидное недвижимое имущество, эти банки смогли бы трансформировать его в более ликвидную форму, т.е. «расплавить», как утверждал Стюарт⁶.

Стюарт разделял банковский кредит на три категории: «частный» (под залог имущества, движимого или недвижимого), «меркантильный» (под залог обязательств купцов или промышленников) и «государственный» (основанный на доверии к суверенному государству). В отличие от того, что позже предложит Смит, Стюарт рассматривал меркантильный кредит, включавший торговые векселя, как наиболее необеспеченный из всех, основанный на «мнении и спекуляции». Например, «банкротство одного из крупных купцов может создать шок меркантильного кредита по всей Европе». Вместо этого Стюарт выступал со всей убежденностью за более осязаемое реальное покрытие для банкнот — фактически за залог земли⁷.

В отличие от Адама Смита, сэр Джеймс Стюарт рассматривал ликвидность залога как второстепенное соображение для рационального кредитора: «Люди, владеющие огромной земельной собственностью могут в некоторых случаях обращаться за кредитом в виде наличных денег. Есть ли причина ставить под сомнение их кредитоспособность?» Он рассматривал кредит под залог недвижимого имущества как предпочтительное покрытие для банкнот, потому что это может придать банковским учреждениям больше безопасности и устойчивости⁸.

Стюарт утверждал, что в странах, где торговля и промышленность в зачаточном состоянии, в особенности «следует учреждать банк на принципах частного кредита. Этот банк должен выпускать банкноты под залог земли и других ценностей, и прибыль банка должна возникать из процентов, долговременно взимаемых с заложенных земель». Он продолжал: «Именно такие по своей природе банки Шотландии. Эта страна полностью обязана им своим благоустройством»⁹. Стюарт имел в виду два крупных банка Шотландии, выпускавших банкноты: Банк Шотландии (Bank of Scotland) и его конкурент Королевский банк Шотландии (Royal Bank of Scotland), которые специализировались на ссудах под разные залого, но не на учете векселей¹⁰.

Стюарт был не первым, кто рекомендовал монетизацию земли. Вопрос о земельных банках и о банкнотах, покрытых недвижимостью, был очень актуален в XVIII в., начиная с сочинения Джона Ло «Рассуждения о деньгах и торговле» (1705 г.), где он впервые предложил «расплавить» земельную собственность, чтобы облегчить повсеместную, по его мнению, нехватку денег. Ло позже пытался применить свою теорию во Франции, правда с катастрофическими

последствиями, когда его Королевский банк (Banque Royale) обанкротился в 1720 г., и его банкноты обесценились¹¹.

Среди ведущих авторитетов того времени идею Стюарта о предпочтительном покрытии банкнот реальным имуществом также разделял, например, влиятельный немецкий камералист Иоганн Генрих Готлиб фон Юсти, который считал, что система Ло потерпела крах не потому, что лежавшие в ее основе идеи были в корне ошибочными, а из-за недостатка осторожности. Юсти одобрял использование бумажных денег, но подчеркивал важность поддержания доверия к их реальной стоимости¹². В своей работе 1770 г. «Grundfeste» Юсти писал, что «банк с полным покрытием является огромным благом для государства», но в то же время, по его мнению, только должным образом обеспеченная недвижимость является достаточно надежным залогом¹³.

Смит упоминает Джона Ло в «Богатстве народов» как предостерегающий пример, но аргументы Смита в защиту реальных векселей основаны главным образом на истории краха шотландского «Эр Бэнк» (Ayr Bank) в 1772 г., который случился через несколько лет после публикации книги Стюарта. «Эр Бэнк» был недолговечной банковской компанией, которая какое-то время доминировала в банкнотном обращении всей Шотландии. Как пишет Смит, она ссужала под любое «сколько-нибудь разумное обеспечение», и даже предоставляла в полном объеме необходимый капитал, подлежащий «вложению в такие предприятия, в которых возврат его поступает наиболее медленно и спустя продолжительное время, как, например, в предприятия сельскохозяйственные». Что касается учета векселей, то Смит пишет, что «Эр Бэнк» не делал различий между «реальными» и «фиктивными» векселями, учитывая одинаково и те, и другие. Другими словами, деятельность «Эр Бэнк» была в прямом противоречии с доктриной реальных векселей Смита. В итоге этот банк обанкротился, и Смит делает вывод, что страна потерпела значительный убыток от его операций¹⁴.

Смиту также было известно об отвергнутом проекте земельного банка в Англии в конце XVII в., конкурировавшим с проектом банка, основанного на операции учета векселей, т.е. с проектом Банка Англии, который стал развиваться в соответствии с доктриной реальных векселей¹⁵.

Впоследствии вокруг содержания и значения доктрины реальных векселей возобладала большая путаница. Иногда ее рассматривали как ошибочную антитезу количественной теории денег¹⁶. Такая неверная интерпретация происходила в результате приравнивания доктрины реальных векселей к «антибульонистскому» подходу в знаменитой полемике по поводу денежно-кредитной политики в пе-

риод конвертируемого фунта стерлингов в Англии в 1797—1821 гг. Антибульонисты были уверены (ошибочно), что следование доктрине реальных векселей могло само по себе защитить от инфляции. Этого никогда не утверждал ни Смит, ни практические последователи доктрины реальных векселей в XIX в. Для них доктрина реальных векселей всегда была способом защитить ликвидность банков, выпускающих банкноты, рассматриваемая как дополнение к золотому (или серебряному) стандарту, который обеспечивает стабильность стоимости денег.

Принцип денежной школы (currency principle)

Другой принципиальной частью классической доктрины центрального банка (в дополнение к доктрине реальных векселей) является принцип денежной школы, сформулированный в ходе выходящейся полемики по поводу денежно-кредитной политики в Англии в первой половине XIX в. в трудах Давида Рикардо и Сэмюэла Джонса Лойда, лорда Оверстона. В соответствии с принципом денежной школы, банкноты, полностью обеспеченные золотом или серебром, должны имитировать все свойства металлического обращения, но при этом быть более удобными и сокращать транзакционные издержки.

Принцип денежной школы уходит корнями в правила операций старых общественных обменных банков (так называемых жиро-банков, или переводных банков), т.е. великих муниципальных банков Амстердама и Гамбурга, основанных еще в первом десятилетии XVII в. Эти банки не выпускали банкнот, однако управляли системой безналичных платежей между счетами своих вкладчиков и поддерживали — или, во всяком случае, старались поддерживать — 100% серебряное покрытие своих обязательств, чтобы они не стали причиной изменения количества денег в экономике.

Очевидное преимущество принципа денежной школы заключается в гарантировании конвертируемости обязательств банка в ценный металл и, таким образом, в уверенности в стабильности стоимости денег (в современной банковской теории похожее преимущество есть у так называемых валютных советов (currency boards)). Очевидная дилемма, как сочетать этот принцип с любой кредитной деятельностью, будь то в виде долгосрочного кредитования под залог земли в североευропейской модели протоцентрального банка или в форме учета векселей в классической модели центрального банка. Решение этой проблемы обычно заключается в принципах организа-

ции банка, и история Гамбургского банка (Hamburger Bank) является в этом смысле показательным примером.

Гамбургский банк был разделен на два отдела: Разменный банк (wechsel-bank) и Ссудный банк (Lehn-bank). С одной стороны, Разменный банк поддерживал систему расчетов между депозитными счетами клиентов, конвертируемыми в серебро. С другой стороны, Ссудный банк выдавал краткосрочные ссуды под залог ценных металлов (а также время от времени кредитовал власти города)¹⁷.

Бросается в глаза, как эта структура из двух отделов похожа на принципы организации Банка Англии, утвержденные Банковским актом Роберта Пиля 1844 г.¹⁸, но для цели настоящего обзора важно отметить, что, как будет показано далее, похожая структура двух отделов в разных формах была характерна для протоцентральных банков стран Балтийского моря еще задолго до того, как она была введена в Англии.

Страны Балтийского моря

Несмотря на политические и культурные различия страны Северной Европы вокруг Балтийского моря составляли особый регион в торговом и финансовом аспектах, поэтому финансовая история этих стран имела много общих черт до Первой мировой войны. Эти страны объединяла торговля по Балтийскому морю, в которой они являлись периферией ведущих мировых торговых центров. Исторически эта модель уходит во времена Ганзейского союза. В XVIII—XIX вв. экономическую цельность региона поддерживало последовательное доминирование в его торговле и финансах Амстердама, Гамбурга и Лондона.

В период протоцентральных банков, примерно с 1760-х гг. и до принятия золотого стандарта, финансовый и торговый регион Балтийского моря включал Данию, Швецию, Пруссию, Россию (территории прибалтийских губерний — Лифляндской, Курляндской и Эстляндской), а также Финляндию и Польшу, которые были в тот период были не независимыми государствами, а частями Российской империи со своими собственными финансовыми институтами и историей. К этой группе также нужно отнести Норвегию, хотя она не имеет Балтийского побережья. В изучаемый период Норвегия была связана политическим союзом сначала с Данией, а позже со Швецией, и эти политические связи отразились на ее денежном и банковском развитии.

Включение Российской империи в число стран Балтийского моря необходимо не только потому, что ее северо-западная часть на-

прямою к нему относится, но и потому, что ее торговые и финансовые связи, а также развитие денежно-кредитных институтов, явно указывают, что в этих аспектах это была одна из стран Балтийского моря. Столица империи — Санкт-Петербург, где появились первые российские денежно-кредитные учреждения, находится на Балтийском побережье, что, возможно, предопределило многие характеристики финансовой системы страны.

Конечно, экономическая и финансовая структура Балтийского региона в течение интересующего нас периода не может быть понята без учета развития ведущих финансовых центров: во-первых, Амстердама (в XVIII в.), затем Гамбурга (в первой половине XIX в.), и в самом конце периода — Лондона.

Экономика региона была преимущественно сельскохозяйственной. За исключением крупного торгового центра Гамбурга, города региона жили главным образом за счет экспортной торговли сельскохозяйственной продукцией, такой, как зерно (из Пруссии, Польши, Прибалтийских губерний России); строевой лес и другие продукты лесного хозяйства, такие, как деготь и вар (из Швеции, Норвегии, Финляндии и России); железо и медь (из Швеции и России); рыба (из Дании и Норвегии); лен и пенька (из России, Польши, Пруссии). Крупнейшим покупателем была Великобритания. Импорт в порты Балтийского моря состоял из соли, промышленных товаров, предметов роскоши, вина и некоторых тропических продуктов¹⁹.

Денежные системы

До 1870-х гг. денежные системы в регионе были основаны на серебряном стандарте, по крайней мере, в теории (на самом деле здесь были долгие периоды, когда обесцененные и неконвертируемые бумажные деньги преобладали в странах региона, как это будет подробно рассмотрено ниже)²⁰.

Основы денежных систем региона восходят к германскому серебряному рейхсталеру (*reichsthaler*), или имперскому талеру, который начал чеканиться в государствах Священной Римской империи в XVI в. Первоначально 9 рейхсталеров должны были чеканиться из одной кельнской марки чистого серебра, поэтому один рейхсталер содержал 25,98 г чистого серебра. Эта стандартная монета стала рассматриваться как полноценный рейхсталер (*специес-рейхсталер, reichsthaler specie*), чтобы отличать его от многочисленных облегченных вариантов, которые позже появились как в Германии, так и в других странах Северной Европы²¹.

Хотя денежные системы в Балтийском регионе были похожи друг на друга, потому что они были основаны на серебре, и их корни вели к рейхсталеру, все же было значительное разнообразие в используемых денежных единицах. Далее следует краткий обзор на эту тему.

Город-государство **Гамбург** имел серебряный стандарт, основанный на рейхсталере, разделенном на 3 марки или 48 шиллингов. Для международной торговли и финансов, наиболее важный вид денег был создан знаменитым муниципальным жиробанком — Гамбургским банком; хранящиеся в нем депозиты обменивались на серебро по курсу, который подразумевал 25,28 г за банк-рейхсталер (reichsthaler banco); треть от банк-рейхсталера называлась банк-маркой (mark banco). Серебряный паритет был выбран так, чтобы денежная единица Гамбургского банка соответствовала специес-ригсдалеру, или спесие-ригсдалеру (rigsdalersspecie) — серебряной монете, чеканившейся в **Королевстве Дания** и использовавшейся для международной торговли ив качестве счетной единицы при заключении финансовых контрактов²².

Здесь нужно отметить, что как в Дании, так и в Гамбурге господствовали довольно запутанные двойные системы денежных единиц²³. Металлические деньги в основном использовались в международной торговле. Деньги, используемые в обычном денежном обращении, появившиеся в 1720-е гг., определялись термином, указывающим на их меньшую ценность — «курант-монеты». Курант-рейхсталер и его разменные монеты содержали примерно на 18% меньше серебра, чем специес-рейхсталер.

Норвегия была под датским правлением до 1814 г., и ее денежная система базировалась на датском спесие-ригсдалере. Этот стандарт был сохранен, когда Норвегия отделилась от Дании и политически объединилась со Швецией в 1814 г. в результате Наполеоновских войн²⁴.

После денежной реформы, проведенной в 1776 г., **Швеция** также получила серебряный стандарт, основанный на рейхсталере. Таким образом, шведская версия этой монеты, названная «риксдалер» и содержащая 25,7 г чистого серебра, была очень близка к датскому спесие-ригсдалеру и гамбургскому банк-рейхсталеру. Как в Гамбурге, в Швеции риксдалер также был разделен на 48 шиллингов.

Стабильность шведского риксдалера после реформы 1776 г. была недолгой. Из-за последовавшей войны шведские бумажные деньги вскоре были выпущены в чрезмерном объеме и стали неконвертируемыми в период 1789—1803 гг. и затем опять после 1809 г., обесценившись по сравнению с серебряными монетами до незначительной доли своей номинальной стоимости. Стоимость бумажных денег стабилизировалась, и обмен был восстановлен только в 1834 г.

В 1855 г. в обращение в Швеции была введена более мелкая денежная единица, основанная на серебре, называвшаяся «риксдалер риксмиунт» (riksdaler riksmunt), которая имел $\frac{1}{4}$ серебряного содержания специес-риксдалера (riksdaler specie).

Шведская, датская и норвежская денежные системы поддерживали национальные варианты рейхсталера вплоть до момента, как эти страны приняли золотой стандарт в начале 1870-х гг. и сформировали Скандинавский валютный союз²⁵.

Пруссия имела серебряный стандарт, основанный на прусском талере, который был значительно девальвированной версией классического рейхсталера. С 1750 г. 14 прусских талеров чеканились из одной кельнской марки чистого серебра (это назвалось Грауманской монетной стопой). В современных терминах это означало, что серебряное содержание прусского талера составляло 16,7 г чистого серебра²⁶.

Позже, когда процесс объединения Германии набрал обороты, прусский серебряный стандарт был принят Дрезденской монетной конвенцией 1838 г. как основа денежной унификации в рамках Германского таможенного союза²⁷. Тем не менее, Гамбург сохранил свою старую денежную систему. Эта особая денежная система Гамбурга, как и прусский серебряный талер, была заменена немецкой маркой, когда Германия приняла золотой стандарт в 1873 г.²⁸

Денежной единицей **России** был серебряный рубль, который также может рассматриваться как потомок рейхсталера. Петр Великий определил рубль на основе ввозимых в страну иностранных монет типа рейхсталера, которые имели хождение в России в то время. После нескольких этапов девальвации (уменьшения веса и пробы) в первые десятилетия XVIII в. серебряное содержание рубля оставалось почти постоянным же весь XVIII в.²⁹ Однако стабильность серебряного рубля не распространялась на бумажный рубль, который страдал от длительных периодов неконвертируемости и обесценения, о чем речь пойдет далее.

Денежная система Российской империи не была всегда полностью унифицированной. На территориях Прибалтийских губерний (**Ливония** (Лифляндия), а также **Курляндия**, позже Лифляндская и Курляндская губернии), которые вошли в состав Российской империи с 1710 г., денежный стандарт был основан на рейхсталер-альбертус (reichsthaler Albertus). Это была торговая монета, чеканившаяся первоначально в Испанских Нидерландах и содержавшая около 24,4 г чистого серебра. (Голландцы, которые чеканили подобную монету для использования в Балтийской торговле, называли ее серебряным дукатом.) В Ливонской системе один рейхсталер-альбертус был разделен на 90 грошей. Однако ливонский грош был расчетной

единицей, т.е. который на самом деле не чеканился. Вместо этого разнообразные иностранные монеты использовались как мелкие деньги, оцениваемые по текущим курсам³⁰.

Особая денежная система Ливонии имела важное значение из-за статуса Риги как крупного экспортного порта Российской империи. Однако торговля в этом регионе была сильно подорвана Наполеоновскими войнами и Континентальной блокадой. Система альбертусталера прекратила существование вскоре после этих событий, когда российское правительство предприняло меры по унификации денежной системы Лифляндской губернии с Россией. В 1810 г. рубль был введен здесь как законное средство обращения, и в 1814 г. альбертусталер и другие иностранные платежные средства были запрещены³¹.

Польша тоже была страной, аннексированной Российской империей, которая сохранила свою традиционную денежную систему, по крайней мере, в начале. Традиционной польской денежной единицей был серебряный злотый (также называемый Польским гульденом), делившийся на 30 грошей. В конце XVIII в. злотый был определен так, чтобы быть сопоставимым с прусской системой, поэтому 6 злотых равнялись 1 прусскому талеру³². После образования Царства Польского в 1815 г. в составе Российской империи на Венском конгрессе серебряное содержание золота было немного изменено, теперь под российский серебряный рубль, поэтому 20 злотых стали равняться 3 рублям.

Внутренняя автономия Царства Польского была сильно сокращена после Польского восстания 1830 г.; польская монета начала чеканиться с двойной надписью в рублях и в злотых (этот шаг был облегчен относительно простым соотношением между двумя денежными единицами). В итоге, в 1841 г., когда Россия восстановила обмен своих бумажных рублей на серебро, злотый был отменен как денежная единица, и на Польшу была распространена российская денежная система³³.

Финляндия, которая прежде была частью Швеции, была аннексирована Российской империей в 1809 г. после войны со Швецией. В результате было образовано автономное Великое княжество Финляндское, для которого российский император дал обещание сохранить в силе старую (первоначально шведскую) конституцию, законы и привилегии. Формально в княжестве была введена российская денежная система, основанная на серебряном рубле, однако на самом деле шведские бумажные деньги, номинированные в риксдалерах, продолжали господствовать в обращении в Финляндии до 1840 г., когда Финляндский банк (Банк Финляндии) окончательно унифицировал денежную систему в стране, заменив шведские банкноты своими собственными банкнотами, номинированными в рублях.

Позже, в 1860 г., Финляндия получила свою собственную денежную систему, марку, которая затем была определена как $\frac{1}{4}$ серебряного рубля (и таким образом совпала с серебряным содержанием французского франка)³⁴. Сначала бумажные марки не обменивались на серебро и обращались по курсу $\frac{1}{4}$ кредитного рубля до начала их конвертируемости в 1865 г.

Хотя серебряный стандарт составлял общую основу денежных систем в странах региона, реальное состояние денежного обращения там было гораздо менее упорядоченным. Причиной тому были войны. К началу XIX в. большинство стран *de facto* были на бумажном стандарте, когда банкноты не обменивались на серебро. В России и Дании, и какое-то время в Швеции, банкноты были неконвертируемые уже задолго до Наполеоновских войн.

Во время войн с Наполеоном стоимость бумажных денег снизилась по отношению к серебряным деньгам в странах региона в разной степени. Однако вскоре после того, как долгий период войн закончился в 1815 г., страны смогли более-менее стабилизировать стоимость своих бумажных денег. В большинстве случаев эта стабильность была достигнута на уровне значительно ниже серебряного паритета. Исключением стала Пруссия, где бумажные деньги, или казначейский билеты (*Tresorscheine*) вернулись к серебряному паритету уже в 1816 г. и стали обмениваться на серебро в 1818 г.³⁵

В других странах возврат к возобновлению обмена на серебро был достигнут позже и по мере возможностей, однако все страны шли в этом направлении друг за другом: Швеция возобновила конвертацию в 1834 г., Финляндия в 1840 г., Россия в 1843 г., Норвегия в 1842 г. и Дания в 1845 г. Конвертируемость рубля в России опять была прекращена после начала Крымской войны и восстановлена только, когда Россия присоединилась к золотому стандарту 30 лет спустя.

Развитие банков

В данном разделе анализируется, как вышеупомянутые банковские доктрины повлияли на развитие протоцентральных банков в странах Балтийского моря.

В XVIII в. и в первом десятилетии XIX в. здесь наблюдалось заметное сильное влияние концепции земельных банков. Это явление можно считать естественным из-за низкого уровня экономического развития этих стран, которые были преимущественно аграрными. Земельные банки обслуживали кредитные потребности крупных землевладельцев, которые были наиболее влиятельной социальной

группой в тот период, пока не усилились в течение XIX в. торгово-промышленные слои.

Другая интересная черта ранних банков в регионе заключалась в том, что, во всяком случае формально, эмиссия банкнот и предоставление ссуд часто были разделены на два разных отдела или учреждения, как того требовал принцип денежной школы. Однако на практике деятельность этих отделов, или банков, была тесно переплетена и дополнительная надежность, якобы достигаемая в этом случае путем разделения банковских функций на эмиссионный отдел, или банк, и ссудный отдел, или банк, кажется сомнительной.

В этом разделе последовательно анализируется процесс становления протоцентральных банков в странах региона, а затем рассматривается вопрос, как ранняя североевропейская модель была окончательно отвергнута.

Известно, что первые банкноты в Европе были выпущены в **Швеции** в 1660-х гг. частным учреждением Стокгольмским банком (Stockholms Banco), основанным в 1656 г. Тем не менее, банк вскоре обанкротился, и ликвидацией его занимался Риксдаг (шведский парламент), который основал Банк Швеции в 1668 г. После первых неудачных экспериментов с банкнотами, банк не торопился возобновлять свою эмиссионную деятельность вплоть до 1740-х гг., после чего бумажное обращение начало расти в больших масштабах³⁶.

Организационная структура Банка Швеции была похожа на Гамбургский банк тем, что была разделена на два самостоятельных отдела: разменный банк (wäxel-banco) и ссудный (låne-banco). Разменный банк принимал средства на расчетные текущие счета клиентов и выпускал банкноты. Ссудный банк принимал обычные вклады и предоставлял ссуды под различные залого.

Несмотря на похожую организацию, правила операций в Банке Швеции были намного менее ограничительными, чем в Гамбургском банке³⁷. Банку Швеции было разрешено кредитовать под залог различного имущества, такого, как драгоценные металлы, экспортные товары и недвижимость. До начала 1800-х гг. ссуды под залог недвижимости были безусловно доминирующим видом кредита частному сектору. Однако ссуды короне и королевским предприятиям часто превосходили по размеру частные ссуды³⁸.

В начале XIX в. Банк Швеции начал увеличивать краткосрочное частное кредитование. Это было сделано косвенно, через так называемые учетные конторы, которые специализировались на краткосрочном торговом кредите. Поначалу эти учреждения были независимы, у них были частные акционеры, и Банк Швеции финансировал их лишь частично. Ситуация изменилась после банкротства частных учетных кон-

тор в 1815 г. Банк Швеции продолжил их деятельность за свой счет, учредив систему полунезависимых учетных контор под своим контролем и находящихся в его полной собственности. Эти конторы не считались частью банка и вели операции под отдельным управлением³⁹.

В первой половине XIX в. операции Банка Швеции продолжались в довольно старомодном стиле. Долгосрочное ипотечное кредитование сохранялось в большом масштабе до 1860-х гг. Кратко- и среднесрочные торговые ссуды составляли растущую долю совокупных активов банка, но они предоставлялись не самим банком, а его автономными учетными конторами, которые слились с Банком Швеции только в 1860-е гг. Учет векселей, практикуемый в скромном масштабе с конца 1830-х гг., был напрямую разрешен банку только в 1845 г., и до 1850-х гг. он оставался незначительным видом деятельности. Можно сделать вывод, что примерно до середины XIX в. Банк Швеции все еще показывал явные черты модели старого земельного банка⁴⁰.

Россия. Первые российские банкноты, или ассигнации, были выпущены в 1768 г. Их популярность, так же, как и успех шведских банкнот того времени, вероятно, может объясняться тем, что большинство металлических денег в обращении было из меди, которая из-за большого веса была неудобна для крупных платежей⁴¹.

Развитие российских практик протоцентрального банка вышло на новый уровень в 1786 г., когда были основаны два важных института — Государственный ассигнационный банк и Государственный заемный банк. В соответствии с Высочайшим Манифестом об их учреждении, эти банки должны были действовать как единое целое, таким образом, взятые в месте, они представляли собой типичный североευропейский центральный банк, который выпускал банкноты, предоставлял долгосрочные займы под залог земли и кредитовал правительство в крупном объеме⁴².

После 1786 г. количество банкнот, выпущенных Ассигнационным банком, резко увеличилось, особенно в периоды войн, от конвертируемости ассигнаций на металл пришлось отказаться, их стоимость упала. Незадолго до вторжения Наполеона в Россию ассигнации были объявлены законным платежным средством, обязательным к приему для всех расчетов и контрактов в стране, однако вместо номинальной стоимости ассигнации должны были приниматься по курсу, устанавливаемому на Санкт-Петербургской бирже. Таким образом, серебряный рубль оставался официальной расчетной единицей и основой денежной системы⁴³.

Количество ассигнаций достигло пика в период Наполеоновского вторжения в Россию. Однако их стоимость находилась тогда на

самом низком уровне: ассигнационный рубль котировался на Санкт-Петербургской бирже на уровне только 20% от стоимости серебряного рубля. Несмотря на снижение стоимости, общая масса ассигнаций в обращении все равно превышала массу банкнот Банка Англии того времени: если в 1815 г. банкнот Банка Англии было 26 млн фунтов⁴⁴, то ассигнации российского Государственного ассигнационного банка, пересчитанные по данным Л. Зелиньского в фунты стерлингов по текущему курсу, составляли 36 млн фунтов⁴⁵.

Кредитная деятельность Государственного заемного банка была в широком смысле типична для сельскохозяйственного земельного банка. Он предоставлял 20-летние займы помещному дворянству под залог их земель, однако российская особенность заключалась в том, что земля в качестве залога оценивалась по числу приписанных к ней крепостных. Для финансирования своей деятельности Заемный банк принимал бессрочные вклады, сумма которых значительно выросла, особенно в 1850-е гг., а также получал средства от других учреждений государственной банковской системы (Ассигнационный банк, Коммерческий банк, о котором речь пойдет дальше).

Российское правительство также попыталось развить краткосрочное кредитование торговли. В 1797 г. был издан особый устав для учетных контор при Ассигнационном банке, учреждаемых в крупнейших российских портах для кредитования купцов, но деятельность этих учреждений оказалась относительно незначительной. Объем коммерческого кредита начал расти только после 1817 г., когда учетные конторы были преобразованы в Государственный коммерческий банк. Этот институт принимал вклады, учитывал векселя и предоставлял краткосрочные займы под залог товаров. Однако объем кредита, предоставляемого Коммерческим банком, оставался очень небольшим по сравнению с долгосрочными земельными кредитами Заемного банка; фактически Коммерческий банк переводил большую часть своих вкладов в Заемный банк для использования на нужды ипотечного кредитования. Фактически, государственные банковские учреждения в России в тот период не были реально отделены друг от друга, образуя единую систему⁴⁶.

Организация российской банковской системы в ранний период демонстрирует все основные черты, характерные для североευропейской модели: государственная собственность и контроль, акцент на долгосрочном ипотечном кредите, финансируемом эмиссией банкнот (и приемом краткосрочных депозитов), а также структура, в которой эмиссионная и кредитная функции были формально, но только формально, разделены между разными учреждениями. Примеры России и Швеции удивительно похожи еще и в том, что в обо-

их случаях государственная банковская система имеет еще и третий компонент: агентства для краткосрочного кредитования торговли, формально отделенные от эмиссионного банка. В Швеции это было организовано в виде учетных контор, а в России — в форме Государственного коммерческого банка. Однако в обоих случаях даже эта система операций краткосрочного кредита была финансово связана с эмиссионным и земельным банками.

Финляндия. Финляндский Банк (Банк Финляндии) был учрежден в 1811 г., после того, как этот регион был отторгнут у Швеции и, как уже отмечалось, аннексирован Россией, и здесь было образовано автономное Великое княжество Финляндское. Первоначально банк был подчинен финскому правительству (Императорский финляндский сенат), пока не был передан под контроль парламента (сословного сейма) в 1867 г., что соответствовало шведской системе.

Характерно, что банк был разделен на два отдела, называемых фондами, которые, тем не менее, находились под единым управлением. «Первоначальный фонд», составлявший собственный капитал и нераспределенные прибыли банка, должен был использоваться для долгосрочного кредитования под залог недвижимого имущества. Срок ссуд был 20 лет. Другой отдел, называемый «фондом мелких ассигнаций», финансировался за счет выпуска собственных банкнот банка. Кроме хранения части кассовых резервов этот фонд должен был использоваться для краткосрочного кредитования на срок от 6 месяцев до 1 года. Приоритетом здесь должны были быть ссуды промышленникам под залог их нераспроданных товарных запасов.

На самом деле долгосрочные займы под залог недвижимости составляли крупнейшую долю кредитов в банке до 1840-х гг., когда в результате денежной реформы обращение банкнот стало быстро расти и увеличившиеся таким образом ресурсы стали доступны для краткосрочного кредитования. Однако долгосрочная ипотека оставалась крупнейшей статьей актива в балансе банка до 1850-х гг. Даже после этого наибольшая часть возраставшей суммы краткосрочных кредитов была под залог материальных ценностей, т.е. товаров. Векселя не упоминались в первом уставе, и банк не занимался учетом до 1842 г. Вексельный (учетный) бизнес банка оставался ограниченным в размере даже в следующем десятилетии. Учет векселей становится основной формой кредита в Финляндском банке только в 1870-е гг.⁴⁷

Польша. Польский банк был основан в 1828 г. как часть финансовой реконструкции территорий, вошедших в состав Царства Польского, созданного на Венском конгрессе в 1815 г., во главе с российским императором как царем Польским. Польский банк был с самого

начала тесно связан с другим важным, финансируемым правительством банковским учреждением — Земским кредитным обществом⁴⁸, основанным в 1825 г. Это была ипотечная ассоциация крупных землевладельцев, фактически объединенный гарантийный фонд, который был организован в соответствии с более ранними прусскими образцами⁴⁹. При учреждении Польского банка как национального эмиссионного банка половина его капитала в 20 млн злотых была выплачена в форме ипотечных облигаций Земского кредитного общества, «выпущенных под залог национального богатства»⁵⁰.

В задачи Польского банка входило управление долгом Царства Польского другим странам и иностранным подданным, а также поддержка «расширения кредита, торговли и национальной промышленности». Банк мог выпускать банкноты, обмениваемые на серебро, в пределах стоимости своего капитала. По уставу, Польский банк мог принимать средства на текущие счета и в срочные вклады, а также предоставлять кредиты. Он мог кредитовать под залог ипотечных облигаций, или закладных листов (выпущенных Земским кредитным обществом), государственных ценных бумаг или под залог материальных ценностей (таких, как сельскохозяйственные продукты, промышленные товары и другое имущество). Банк также мог учитывать векселя. На практике учет оставался очень малой статьёй его баланса до 1860-х гг., по крайней мере, если судить по скудным балансовым данным, опубликованным Г. Радзишевским⁵¹.

В **Прибалтийских губерниях** главным финансовым центром была Рига (Лифляндская губерния). В качестве учреждения краткосрочного кредита здесь была в 1794 г. основана Рижская учетная касса, которая действовала под эгидой и под гарантиями Рижской Большой гильдии, или гильдии Святой Марии (купеческого общества Риги). В 1819 г. Учетная касса приобрела некоторые черты эмиссионного банка, начав выпускать банкноты. Эти банкноты были крупного номинала и использовались главным образом в оптовой торговле Риги, так как они были нужны, чтобы решить проблему дефицита платежных средств в купеческой среде.

Рижская учетная касса имела право выпускать банкноты в двойном размере от собственного капитала. Банкноты выпускались под залог краткосрочных депозитов разных ценных бумаг, таких, как закладные листы Лифляндского дворянского земельного кредитного общества, учрежденного в 1802 г. Это было ипотечное учреждение прусского типа, выпускавшее долгосрочные ипотечные облигации (закладные листы), гарантированные земельными владениями прибалтийского дворянства. В принципе, это можно рассматривать как элемент модели земельного банка в эмиссии банкнот Рижской учет-

ной кассы. Однако на практике количество банкнот Рижской учетной кассы в обращении было очень незначительным⁵².

Дания имела очень бурную банковскую историю в интересующий нас период. Копенгагенский ассигнационный, вексельный и земный банк (Den K benhavnnske Assignations-, Veksel- og Laanebank), называемый также «Курантбанк», был основан в 1736 г., чтобы поддержать торговлю в городе. Банк получил исключительное право выпуска банкнот (ассигнаций), номинированных в датском курант-ригсдалере (отсюда и название банка).

По уставу, банк мог кредитовать под широкий список залогов, включая товары. Кредитование было в принципе ограничено краткосрочными операциями, сроком менее 6 месяцев. Однако большинство ограничений, первоначально наложенных на кредитную операцию банка, постепенно перестали приниматься во внимание. Ссуды часто переписывались на новый срок, поэтому они стали фактически долгосрочными, и выдавались под залог недвижимого имущества, иногда даже вообще без залога. В 1757 г. банкноты банка стали неконвертируемыми, что позволило более свободно увеличивать кредитование. Неконвертируемые банкноты сохранялись в Дании следующие 90 лет⁵³.

После британской атаки на Копенгаген в 1807 г. Дания вступила в войну на стороне Франции. В военный период объем банкнот в обращение быстро увеличивался, и их стоимость начала падать. К декабрю 1810 г. банкноты составляли только 22% от их серебряного номинала. В 1812–1813 гг. стоимость банкнот упала еще больше, и в 1813 г. Курантбанк был окончательно закрыт, началась широкомасштабная денежная и банковская реформа, была введена новая денежная единица, ригсбанкдалер (rigsbankdaler, талер государственного банка).

Для выпуска и управления новой валютой было основано временное учреждение — Ригсбанк (Государственный банк). Меры, примененные тогда, относились к числу чрезвычайных. По декрету, Ригсбанк получил первичную (приоритетную) закладную на 6% годовых со всей недвижимой собственности в Дании, которые владельцы должны были выплатить серебром. До тех пор, пока закладные оставались в Ригсбанке, собственники должны были платить по ним 6,5% годовых. Таким образом, Ригсбанк являлся экстраординарной структурой: это был не только эмиссионный банк, основанный на земельном кредите, но и обеспечение для его банкнот было получено в форме принудительного налогообложения⁵⁴.

Ригсбанк был всего лишь временным институтом, и в 1818 г. был основан новый эмиссионный банк, Национальный банк Дании (Danmarks Nationalbank, первоначально называвшийся Nationalban-

ken i Kjøbenhavn). Банк был организован в соответствии с принципами классической модели. Это была частная акционерная компания с королевским чартером. Несмотря на свои привилегированные позиции, включая монопольное право выпуска банкнот, Национальный банк Дании был частной компанией, законодательно отделенной от правительства.

Хотя организационные принципы и юридический статус Национального банка Дании явно соответствовали классической теории, экономические обстоятельства подразумевали, что реальная банковская политика могла измениться только постепенно. В качестве первоначальных активов и источников дохода, Национальный банк получил принудительные ипотечные закладные своего предшественника. Несмотря на теорию реальных векселей, лежащих в основе модели этого банка, было ясно, что с унаследованной от Ригсбанка земельной структурой активов потребуется время на переход к классической модели, особенно с учетом того, что банк должен был проводить дефляционную денежно-кредитную политику, чтобы стабилизировать стоимость банкнот. В результате, до середины 1830-х гг., большинство ресурсов банка использовалось для изъятия необходимого количества банкнот из обращения, чтобы постепенно поднять их стоимость до серебряного паритета, что удалось сделать к 1835 г. Конечно, это препятствие для расширения кредитования продлило жизнь земельной структуре активов банка. Тем не менее, когда датский ригсдалер окончательно стал обмениваться на серебро (1845 г.), по новому законодательству только 1/6 часть покрытия банкнот могла состоять из ссуд под залог недвижимости. Это знаменовало явный отказ от традиции земельного банка⁵⁵.

Норвежская банковская история имеет общие корни с датской. Норвежский банк (Norges Bank) был основан в 1816 г., вскоре после отделения Норвегии от Дании. Первоначально предполагалось, что 25% имеющихся в наличии средств банка будут использованы на учет векселей, но этой цели достичь не удалось. Вместо этого ссуды под залог недвижимости были безусловно преобладающей формой кредита в Норвежском банке с самого начала, в первые десятилетия своей деятельности он даже был одним из крупнейших земельных эмиссионных банков в Северной Европе.

Например, в 1830 г., почти все банковское кредитование было под залог недвижимости, и в начале 1840-х гг., — все еще 84%. В оправдание этого заявлялось, что земельное кредитование является более надежным по сравнению с вексельным — старый меркантилистский аргумент, уже знакомый нам по трудам сэра Джеймса Стюарта. Более того, Норвежский банк вынужден был проводить строгую дефляци-

онную денежно-кредитную политику, пока конвертируемость банкнот на серебро не была окончательно достигнута в 1842 г. До этого момента из-за такой ограничительной политики было трудно расширить кредитную деятельность банка на новые сферы. Даже после этого на векселя приходилась меньшая доля активности банка, и в конце 1850-х гг., когда ускорились темпы роста операции учета векселей, кредитование было все еще сосредоточено главным образом на долгосрочной ипотеке. Вексельный портфель Норвежского банка превысил размер ипотечного портфеля впервые только в 1862 г.⁵⁶

Пруссия. Прусская история протоцентральных банковских практик начинается в 1760-х гг. после Семилетней войны. Прусская банковская история следует модели земельного банка не в полной мере по сравнению с другими странами Балтийского региона, хотя дворяне-землевладельцы, или юнкеры, составляли значительную силу в прусских землях.

Возможное объяснение особого пути, по которому пошло прусское развитие, связано с тем, что дефицит платежных средств для землевладельцев преодолевался с помощью другого типа финансовых институтов — кооперативных ипотечных кредитных ассоциаций, или кредитных союзов, называемых «Landschaften». Это были обязательные для всех дворян-землевладельцев ассоциации, учрежденные каждой провинции, члены которых взаимно гарантировали ипотечные долги друг друга (эти долги обращались на рынке в форме ипотечных облигаций). Первый Landschaft был учрежден в провинции Силезия (1769 г.), в 1780-х гг. получили свои Landschaften провинции Померания, Западная Пруссия и Восточная Пруссия. Landschaften можно рассматривать в качестве альтернативы идее эмиссионного земельного банка. Ипотечные облигации, выпущены под гарантии Landschaften, были так популярны, что приравнивались к бумажным деньгам, часть из них даже обменивалась на серебряную монету⁵⁷.

История настоящих эмиссионных банков в Пруссии началась с Королевского банка (Königliche Bank), который был основан в 1765 г. в Берлине⁵⁸. Как много других североευропейских протоцентральных банков, Королевский банк был разделен на два отдела: Разменный банк (Жиробанк) и Заемный банк. В задачи Жиробанка входил прием денег на текущие счета и выпуск банкнот, обмениваемых на металлическую монету, однако Жиробанк оказался не очень успешным, и объем выпущенных им банкнот оставался очень небольшим⁵⁹.

Заемный отдел Королевского банка был более значительным. Он, в свою очередь, был разделен на 2 отдела: учетный и ломбардный. Учетный отдел должен был учитывать краткосрочные векселя сроком до 2 месяцев, а ломбардный отдел должен был предоставлять

кредит под залог, который в соответствии с уставом 1766 г. мог состоять только из золота, серебра или драгоценностей. Таким образом было явно выражено намерение проводить строгую, нацеленную на поддержание ликвидности банковскую политику, стоящую далеко в стороне от идеи земельного банка. В то же время по причине скромного успеха Жиробанка деятельность Заемного банка приходилось финансировать за счет процентных вкладов⁶⁰.

Несмотря на довольно жесткие требования к залому в первоначальном уставе, Королевский банк вскоре добавил к этим операциям фактически долгосрочное кредитование правительства, а после 1794 г. — кредитование под залог недвижимости. Большая доля кредитования Королевского банка велась под залог сельскохозяйственной земли в Южной Пруссии, т.е. в той части Польши, которая была аннексирована Пруссией в 1793 и 1795 гг. Инвестиции банка в польскую ипотеку и связанный с этим бум на рынке недвижимости на захваченных территориях продолжался почти десять лет⁶¹. Однако поражение Пруссии в 1806 г. в войне с Наполеоном стало причиной финансового кризиса и оказалось фатальным для Королевского банка. Банк был вынужден прекратить платежи и фактически бездействовать с 1806 по 1817 г. Даже после этого значительная часть его активов находилась в процессе медленной ликвидации⁶².

После Наполеоновских войн обращение бумажных денег в Пруссии происходило главным образом в форме казначейских билетов, и Королевский банк был не активен как эмиссионный банк. Его операции были незначительными в пределах процентных вкладов как основного источника средств. Однако он выпускал некоторое количество банкнот крупного номинала (Kassenscheine, или депозитные сертификаты) в 1820-е гг. и до 1834 г., когда обращение бумажных денег в Пруссии было унифицировано и полностью перешло в ведение казначейства⁶³.

Выпуск банкнот возобновился в Пруссии только в 1847 г., когда Королевский банк был преобразован в новый институт — Прусский банк (Preussische Bank). Это уже было учреждение, следующее доктрине реальных векселей, т.е. сосредоточенное только на краткосрочном кредите, и во все большей степени в форме учета векселей⁶⁴.

Переход к политике реальных векселей

Примерно в середине XIX в. все страны региона уже находились в процессе перехода к новой финансовой системе. Эта тенденция заключалась в изменении модели финансовой системы от протоцентральных земельных банков к классическому центральному бан-

ку на основе доктрины реальных векселей. Все страны двигались в одном и том же направлении, не смотря на значительную разницу в скорости и временных границах этих изменений. Этот процесс начался уже в 1840-е гг. и завершился, когда Россия присоединилась к золотому стандарту в 1890-е гг.

Первой страной региона, завершившей этот переход, стала **Пруссия**, где Королевский банк был преобразован в Прусский банк по указу 1846 г. Реформа была предпринята потому, что предложение денег, которое в Пруссии в тот период было представлено банкнотами, выпускавшимися казначейством, считалось слишком негибким. Поэтому было решено вернуться к более традиционной системе предложения денег, когда банкноты выпускаются центральным банком. По уставу, целью Прусского банка было способствовать денежному обращению, обеспечивать доступность капитала, поддерживать торговлю и промышленность и предотвращать чрезмерный рост процентной ставки.

Д. Зиглер отметил, что устав Прусского банка был составлен так, чтобы предложение денег больше отвечало спросу на деньги и кредит, и что его составители в некоторой степени следовали рекомендациям английской банковской школы⁶⁵. На самом деле новая система во многих отношениях была похожа на Банк Франции. Металлические (серебряные) деньги и векселя были теперь выбраны в качестве покрытия для банкнот, на практике векселя также стали преобладающей формой кредита, предоставляемого Прусским банком с самого начала операций⁶⁶. Стоит также отметить, что в Пруссии казначейские билеты (государственные бумажные деньги, которые назывались *Kassenanweisungen*) продолжали циркулировать в некоторой степени параллельно банкнотам⁶⁷.

Прусский банк позже стал ядром Государственного банка Германской империи, Рейхсбанка, который был основан после объединения Германии. Новый банк действовал в соответствии с золотым стандартом и в новой валюте, немецкой марке, которая заменила прусский талер. Как свой предшественник, Рейхсбанк был основан строго на доктрине реальных векселей, и учет векселей являлся в нем основной формой кредитования. Некоторое количество краткосрочных «ломбардных» ссуд банк предоставлял под залог таких ценных бумаг, как облигации и проч.

Одним из банковских учреждений, поглощенных Рейхсбанком в 1875 г., стал старый Гамбургский банк. Этот банк испытывал серьезные трудности в период глубокого кризиса 1857 г., когда большое число гамбургских банкирских домов вынуждено было приостановить платежи, и сам Гамбургский банк был под огнем критики из-за

неспособности облегчить кризис ликвидности. После этого, по мнению Г. Сивекинга, призывы к банковской реформе в Гамбурге уже невозможно было сдерживать. Ощущение, что применение принципа денежной школы является слишком негибким в Гамбурге, стало повсеместным; точно так же, как этот принцип оказался бесполезен в Англии во время крупнейших банковских кризисов в XIX в.⁶⁸

В **Дании** переход к политике реальных векселей был завершен примерно в то же самое время, что и в Пруссии. Как было указано выше, Национальный банк Дании был устроен в соответствии с доктриной реальных векселей с самого начала, в 1818 г. Очевидно, что целью был центральный банк английского или французского типа. Более того, Национальный банк Дании был основан как частная компания по образцу Банка Англии и Банка Франции.

Однако, как также было сказано выше, оказалось, что ситуация в экономике не созрела ни для политики реальных векселей, ни для незамедлительного введения конвертируемости банкнот на серебро. Последовал долгий переходный период, в течение которого Национальный банк Дании следовал ограничительной денежной политике до тех пор, пока стоимость банкнот не поднялась до паритета с серебром, и большинство ипотечных ссуд не были выплачены. Эта цель была достигнута только примерно к 1835 г. После изменения законодательных основ деятельности банка в 1845 г. Национальный банк Дании, можно сказать, действовал в соответствии с линией классического центрального банка. Однако этот переход не был абсолютным. Даже после того, как Дания присоединилась к золотому стандарту в 1875 г., Национальный банк все еще имел больше ипотечных облигаций, чем векселей в своем портфеле⁶⁹.

В **Норвегии** специализированный земельный банк был основан в 1855 г., и это облегчило переориентацию Норвежского банка в своей кредитной политике с ипотеки на учет векселей. Мировой кризис 1847 г. продемонстрировал, что структура активов Норвежского банка, в то время еще в значительной степени состоящая из земельных ссуд, не очень подходит для эмиссионного банка, т.к. она была слишком негибкой и не давала возможности банку использовать учетную ставку как инструмент регулирования потоков капитала и количества банкнот в обращении, а также это делало очень уязвимым банк с точки зрения ликвидности. Однако парламент успешно сопротивлялся сокращению ипотечного кредитования⁷⁰. Из-за этого политического сопротивления переход к «чистой» политике реальных векселей так и не состоялся, хотя Норвегия перешла к золотому стандарту в 1875 г. Даже при явном преобладании учета векселей в кредитном портфеле Норвежского банка в период золотого стандар-

та, значительная часть его активов продолжала вкладываться в долгосрочные ипотечные ссуды⁷¹.

В **Швеции** переход от протоцентральных банковских практик к классической модели центрального банка был также постепенным и занял долгий период времени. В течение 1860-х гг. баланс Банка Швеции был постепенно очищен от ссуд под недвижимость, которые тогда уже не были так важны в количественном отношении. Одновременно все возрастало значение краткосрочных ссуд, предоставляемых через автономные учетные конторы Банка Швеции. В 1864 г. самому банку было разрешено учитывать векселя, и бывшие учетные конторы были поглощены банком. До 1874 г. новый учетный отдел оставался под отдельным от остального банка управлением.

В самом общем виде можно сказать, что в Швеции переход к практикам классической модели центрального банка был завершен почти одновременно с принятием золотого стандарта в 1873 г. Однако доля векселей в портфеле банка росла лишь постепенно, так что они не составляли крупнейшей доли активов до 1880-х гг.⁷² Здесь следует отметить, что в течение нескольких десятилетий в Швеции частным банкам также позволялось выпускать банкноты в обращение. Частные банкноты, которые обменивались на металлические монеты или на банкноты Банка Швеции, были разрешены в 1834 г. и занимали значительную долю рынка примерно с 1840 г., достигнув 60% максимума в 1870-е гг. Частные банкноты были отменены в 1903 г.⁷³

В **России** старая банковская система столкнулась с непреодолимыми трудностями вскоре после тяжелого мирового финансового кризиса в 1857 г. В ноябре 1857 г. обменный курс бумажного рубля упал, и следующей весной начался отток депозитов из государственных банков. Ситуация была критической, что следует из факта, что в течение только 1859 г. депозиты в государственных банках уменьшились на две трети. Ситуацию еще более усложнило, что этот банковский кризис случился в то самое время, когда правительство готовило большую земельную реформу, связанную с отменой крепостного права⁷⁴.

В 1860 г. был основан новый центральный банк — Государственный банк Российской империи. Этот банк был учрежден на основе старого Государственного коммерческого банка и к нему перешли большинство активов и пассивов Государственного заемного банка и Экспедиции государственных кредитных билетов (к которой ранее, в 1843 г. перешла эмиссионная функция от упраздненного старого Государственного ассигнационного банка)⁷⁵.

По крайне мере в теории, новый российский центральный банк был организован в соответствии с классическими принципами док-

трины реальных векселей. В особенности структура кредита частному сектору позволяет судить о том, что банк полностью изменился. Земельный кредит больше не разрешался. Вместо этого банк мог предоставлять кредит частному сектору в форме учета векселей сроком менее 6 месяцев. Он также мог предоставлять краткосрочный кредит под залог ценных металлов или государственных ценных бумаг, частных облигаций, а также акций, гарантированных правительством. Однако типично в стиле ранней североευропейской модели банк мог кредитовать под залог экспортных и импортных товаров, т.е. товарных накладных, или документов на товары⁷⁶.

Переход от кредитов под залог сельскохозяйственной земли к краткосрочному коммерческому, или торговому, кредиту знаменует радикальное изменение в организации предложения денег по сравнению с предшествующими государственными банковскими учреждениями, в которых 90% кредитов частному сектору были сельскохозяйственной ипотекой⁷⁷. С другой стороны, стоит отметить, что в течение десятилетий после реформы правительство, а не частный сектор, оставалось главным должником Госбанка. Это явно снижало экономическое значение изменений, произошедших в кредитной доктрине. В первые десятилетия своей деятельности Государственный банк Российской империи был сильно зависим от казначейства (Департамент государственного казначейства при Министерстве финансов), что, конечно, было связано с его ролью в финансировании государственного долга⁷⁸.

Зависимость нового Государственного банка от казны со всей очевидностью подчеркивает тот факт, что в тот период российские банкноты формально оставались обязательствами казначейства, и Госбанк просто выкупал и обменивал их за его счет. Сумма этих банкнот сверх их металлического покрытия просто вносилась в баланс банка как задолженность казначейства. Эта практика продолжалась до реформы золотого стандарта в России в эпоху министра финансов графа С.Ю. Витте в 1890-х гг.⁷⁹

Переход к политике реальных векселей и независимому центральному банку в России был связан с усилиями российского правительства в продвижении к золотому стандарту. Векселя начали доминировать в портфеле активов Государственного банка в конце 1880-х гг. Под руководством С.Ю. Витте обменный курс рубля по отношению к валютам золотого стандарта был стабилизирован в начале 1890-х гг., и в 1897 г. была достигнута полная конвертируемость рубля на золото. Другой задачей, с которой нужно было справиться, оставалась необходимость сокращения непокрытого долга правительства Государственному банку. Эта проблема была успешно решена к концу века. Однако стоит отметить, что важной особенностью

финансовой системы России в начале XX в. были очень большие золотые резервы центрального банка относительно банкнот в обращении. Эта особенность, конечно, снижает экономическое значение кредитной доктрины — реальных векселей или любой другой⁸⁰.

В **Польше** переход к классическому центральному банку произошел параллельно процессу интеграции Польского банка в банковскую систему Российской империи. Это началось вскоре после Январского восстания 1863 г. Кредитные практики банка также изменились, так как банк переориентировался в своей деятельности на учет векселей. Это можно интерпретировать как первый шаг в направлении принципов доктрины реальных векселей вместе с общероссийской банковской реформой⁸¹. Тогда же начался процесс унификации польской финансовой системы с российской. В 1870-е гг. контроль над Польским банком был передан российскому министру финансов, и банк лишился права на выпуск банкнот. Ликвидация дел старого Польского банка проходила с 1885 г., и в 1894 г. он был поглощен Государственным банком Российской империи⁸².

В **Лифляндской губернии** (Ливонии) единственным региональным общественным институтом, немного похожим на эмиссионный банк, была вышеупомянутая Рижская учетная касса. Ее эмиссионная функция была скромной, и после российской банковской реформы 1860-х гг. это учреждение также было реформировано и модернизировано, в соответствии с новой реальностью. Банкноты перестали выпускаться, и Рижская учетная касса была в 1873 г. преобразована в подчиненный городской думе коммерческий банк под названием Рижский городской учетный банк (Rigaer Stadt-Diskontobank)⁸³.

Если в Польше национальный эмиссионный банк был постепенно интегрирован в банковскую систему Российской империи, развитие **Финляндии** пошло в другом направлении. Несмотря на то, что Финляндия была частью Российской империи, переход к классической модели центрального банка произошел здесь на национальной основе. Медленное развитие Финляндского банка, который в начале был довольно примитивным протоцентральный банком, в направлении классических операционных принципов началось в 1840 г., когда банку был разрешен учет векселей⁸⁴. До этого момента, долгосрочный сельскохозяйственный кредит под закладные был преобладающей формой кредитования в банке.

Доля коммерческого, или торгового, кредита в активах Финляндского банка начала расти вскоре после окончания Крымской войны в 1856 г. Перелом произошел в 1859 г.⁸⁵ Однако большая часть торгового кредита продолжала предоставляться в старомодной манере под залог товаров, т.е. документов на экспортируемые товары. Век-

сель стал явно доминирующей формой кредита в Финляндском банке совсем поздно, фактически только после 1878 г., когда Финляндия присоединилась к золотому стандарту⁸⁶.

Заключение

Практики протоцентральных банков в странах Балтийского моря демонстрировали поразительное сходство в столетний период перед переходом к золотому стандарту. Существующий здесь североευропейский тип протоцентрального банка очевидно может быть определен через высокую степень доверия реальному залoгу (особенно земле, а также товарам). Одновременно векселя, которые были предпочтительной формой кредитования в классической модели центрального банка, были полностью здесь исключены или имели малое значение в качестве покрытия для банкнот. Североευропейская модель подчеркивает предполагаемую солидность своего залoга, приравниваемую к его вещественности, осязаемости, тогда как доктрина реальных векселей, используемая в классической модели, примером которой являлись Банк Англии и Банк Франции, уделяла основное внимание ликвидности залoга.

Вторая характерная черта североευропейской модели заключается в институциональном разделении банковских функций по разным отделам, фондам или даже тесно друг с другом связанным отдельным банкам. Первоначально это было сделано главным образом для того, чтобы поддержать уверенность в том, что бумажные деньги не будут выпущены в избыточном объеме, и их стоимость будет подвергнута риску. Возможно в этом смысле повлияли примеры обменных банков, таких, как Амстердамский банк и Гамбургский банк.

Третья характерная черта североευропейских протоцентральных банков заключается в типично государственной (общественной) форме собственности и контроля за банковскими институтами (в противоположность формально частной корпорации с чартером (документом на право ведения операций) от правительства, которая была идеалом классической модели центрального банка в Англии и Франции).

Особенности североευропейской модели центрального банка уходят корнями в экономическую структуру региона: в его потребности, в преобладающие виды имущества, которое могло использоваться в качестве банковского залoга. Эти особенности также отражают интересы доминирующих властных групп и социальных слоев в странах региона.

В любом случае, явное сходство черт развития протоцентральных банков в эпоху, предшествовавшую золотому стандарту, предполага-

ет, что на развитие финансовых институтов здесь оказывали мощное влияние как экономическая и социальная структура этих стран, так и статус региона как финансовой периферии. Эта мысль, конечно, не отрицает силы идей и интеллектуальных влияний. Возможно сельскохозяйственная периферия вокруг Балтийского моря в конце XVIII в. и в начале XIX в. была особенно плодородной почвой для идеи земельных банков и бумажных денег, обеспеченных земельным кредитом.

Довольно трудно указать со всей определенностью единственную причину, предопределившую переход от протоцентральных банков к классическим центральным банкам в регионе Балтийского моря. В самом широком смысле, этот переход был осуществлен во второй половине XIX в., быстрее всех двигалась Германия, медленнее и более постепенно менялись Скандинавские страны, трансформация в Российской империи еще более отставала из-за задержки реформ, связанных с переходом к золотому стандарту, вплоть до последнего десятилетия XIX в.

Почему эти изменения произошло повсеместно? Есть несколько альтернативных объяснений. Старая модель рухнула со всей впечатляющей очевидностью только в России, где финансовые проблемы, созданные Крымской войной (и финансовыми эксцессами железнодорожного бума после нее, которые нет возможности обсуждать здесь подробно), возможно, стали непосредственной причиной краха. В то же время, российская система ипотечного кредита, которая лежала в основе старой банковской системы, не имела перспектив в своей традиционной форме, потому что она была связана с институтом крепостничества.

Есть несколько возможных причин, которые могли стать поводом ко всеобщему переходу к классической, основанной на вексельном кредите, модели центрального банка во всем регионе. Я предлагаю три основные версии, которые в некоторой степени тесно переплетены друг с другом.

Во-первых, экономическое развитие изменило структуру экономики региона. Индустриализация, улучшение коммуникаций и рост экспортной торговли увеличили предложение векселей в объеме, пригодном для покрытия выпуска банкнот. В результате переход к классической модели стал возможным. В то же самое время политическое влияние промышленников и купцов увеличилось за счет политического влияния землевладельцев. Это могло стать стимулом к переходу от поддержки земельных интересов к увеличению привлекательности политики реальных векселей.

Во-вторых, в области экономической теории произошло становление идеологии экономического либерализма, из-за чего правительства стали разделять менее интервенционистский и менее

ограничительный подход к финансовой политике. Последовавший подъем частного банковского сектора (и, таким образом, переход к двухуровневой банковской системе) перевел протоцентральные банки и их кредитные практики, основанные на земельном кредите, в разряд старомодных и более-менее излишних.

В-третьих, в области финансов распространение золотого стандарта и рост финансового потенциала таких центров, как Лондон и Париж, ведущих центров международного золотого стандарта, сделало естественным желание адаптироваться к финансовой организации этих центров. Страны Северной Европы явно хотели улучшить свою кредитоспособность, чтобы более гибко заимствовать на международном рынке капитала для различных целей, в частности, для железнодорожного строительства. Финансовая интеграция второй половины XIX в. является важным потенциальным объяснением институционального развития в странах, находящихся на периферии мировой финансовой системы.

Какой бы ни была главная причина, тем не менее ясно, что идея эмиссионного банка, основанного на долгосрочном земельном кредите, к середине XIX в. считалась устаревшей. К концу века доктрина реальных векселей стала общепризнанной теорией, в соответствии с которой должны быть организованы эмиссионные банки, и она оставалась такой, по крайней мере, до Великой депрессии.

В заключение, остается в силе важный вопрос: был ли переход от протоцентрального банка к классическому центральному банку чисто пассивным результатом «реального» экономического развития, или этот переход оказал самостоятельное, прогрессивное влияние на рыбок в экономическом росте, индустриализации и финансовой стабильности в экономиках стран Балтийского моря? Это очень интересная проблема экономической истории, определенно заслуживающая более тщательного изучения.

Библиография

- Adam U. *The Political Economy of J.H.G. Justi*. Bern: Peter Land, 2006. P. 189–194.
- Anderson G., Tollison R. Sir James Steuart as the Apotheosis of Mercantilism and His Relation to Adam Smith // *Southern Economic Journal*. Vol. 51. 1984. № 2. P. 456–468.
- Bank of England Liabilities and Assets, 1696 Onwards // *Bank of England Quarterly Bulletin*. Vol. 7. 1967. № 2. P. 159–163.
- Brisman S. *Den stora reformperioden, 1860–1904* // *Sveriges Riksbank, 1668–1924: Bankens tillkomst och verksamhet*. Vol. IV. Stockholm: Norstedt, 1931.
- Brisman S. *Sveriges affärsbanker*. Stockholm: Grundläggningstiden, 1924.
- Brisman S. *Sveriges Riksbank, 1668–1918: Bankens tillkomst och verksamhet*. Vol. I. Stockholm: Norstedt, 1918.

- Brisman S. Tiden 1803–1834 // Sveriges Riksbank, 1668–1924: Bankens tillkomst och verksamhet. Vol. IV. Stockholm: Norstedt, 1931.
- Buchholtz A. Geschichte der Juden in Riga. Riga: Kümmel, 1899.
- Checkland S.G. Scottish Banking. A History 1695–1973. Glasgow: Collins, 1975. P. 258–260.
- Conant C. A History of Modern Banks of Issue. New York: Putnam, 1915.
- Davidson D. Riksbanken, 1834–1860 // Sveriges Riksbank, 1668–1924: Bankens tillkomst och verksamhet. Vol. IV. Stockholm: Norstedt, 1931.
- Frederiksen D. Mortgage Banking in Germany // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 9. 1894. № 1. October. P. 47–76.
- Goodhart C. A. E. The evolution of central banks. Cambridge: MIT Press, 1988.
- Heckscher E. De svenska penning-, vikt- och mättsystemen. En historisk översikt. Stockholm: Norstedt, 1941.
- Heckscher E. The Bank of Sweden in its Connection with the Bank of Amsterdam // *History of the Principal Public Banks* / Ed. by J. van Dillen. The Hague: Martinus Nijhoff, 1934 (Reprint: London: Frank Cass, 1964).
- Heller K. Die Geld- und Kreditpolitik des Russischen Reiches in der Zeit der Assignaten (1768–1839/43). Wiesbaden: Franz Steiner, 1983.
- Hoch S. The Banking Crisis, Peasant Reform, and Economic Development in Russia, 1857–1861 // *The American Historical Review*. Vol. 96. 1991. № 3. June. P. 795–820.
- Horsefield K. The Origins of the Bank Charter Act, 1844 // *Economica*. New Series. Vol. 11. № 44. 1944. November. P. 180–189.
- Jasiukowicz S. Der landschaftliche Kreditverein im Königreich Polen, 1825–1910. München: Wolff, 1911.
- Justi J.H.G. von. Die Grundfeste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten, oder ausführliche Vorstellung der gesamten Policy-Wissenschaft. Erster Band. Aalen: Scientia, 1965. P. 620–635.
- Kirby D., Hinkkanen M.-L. The Baltic and the North Seas. London: Routledge, 2000.
- Klovland J. Monetary Aggregates in Norway, 1819–2003 // *Historical Monetary Statistics for Norway, 1819–2003* / O. Eitrheim et al. Norges Bank Occasional Papers. № 35. 2004.
- Kruse J. Allgemeiner und besonders Hamburgischer Kontorist. Hamburg, 1782.
- Lakomaa E. Free Banking in Sweden, 1830–1903: Experience and Debate // *The Quarterly Journal of Austrian Economics* Vol. 10. 2007. № 2. P. 122–141.
- Mints L. A History of Banking Theory in Great Britain and the United States. Chicago: University of Chicago Press, 1945.
- Murphy A. John Law: Economic Theorist and Policy-Maker. Oxford: Clarendon, 1997.
- National Monetary Commission. Banking in Russia, Austro-Hungary, The Netherlands and Japan. Washington, Government Printing Office, 1911.
- Niebuhr von M. Geschichte der Königlichen Bank in Berlin. Berlin: Decker, 1854. (Reprint: Glashütten, 1971.)
- Oddy J.J. European Commerce. Vols. I–II. Philadelphia: Humphreys, 1807.
- Parker Willis H. Monetary Reform in Russia // *The Journal of Political Economy*. Vol. 5. 1897. № 3. June. P. 277–315.
- Pipping H. Kultakannanturvissa. SuomenPankki, 1878–1914. Helsinki, 1969.
- Pipping H. Myntreformenår 1865. Helsingfors, 1928.
- Pipping H. Paperiruplasta kultamarkkaan. SuomenPankki, 1811–1877. Helsinki, 1961.
- Poschinger von H. Bankwesen und Bankpolitik in Preussen I. Berlin: Springer, 1878.
- Poschinger von H. Bankwesen und Bankpolitik in Preussen II. Berlin: Springer, 1879.
- Radziszewski H. Bank Polski. Warszawa: Bank Polski, 1910.
- Richter E. Das preussische Staatsschuldenwesen und die preussischen Staatspapiere. Breslau: Maruschke & Behrend, 1869.
- Rittmann H. Deutsche Münz- und Geldgeschichte der Neuzeit bis 1914. Solingen: Brockhaus, 2003. S. 62–63.
- Rygg N. Norges Bank historie I. Oslo, 1918.

- Rygg N. Norges Banks historie II. Oslo, 1954.
- Sargent T. Macroeconomic Theory. New York, NY: Academic Press, 1979.
- Schön J. Das Polnische Bankwesen. Katowice: Kattowitzcher Buchdruckerei und Verlag, 1928.
- Schybergson E. Finlands Bank 1811—1911. Helsingfors, 1914.
- Shaw W. The History of Currency 1252 to 1894. London: Wilson & Milne, 1895. (Reprint: Boston: Elibron, 2005.) P. 378—383.
- Sievekings H. Die Hamburger Bank // History of the Principal Public Banks / Ed. by J. van Dillen. The Hague: Martinus Nijhoff, 1934 (Reprint: London: Frank Cass, 1964).
- Sievekings H. Die Hamburger Bank, 1619—1875. Hamburg: Festschrift von Melle, 1933.
- Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. New York, NY: Knopf, 1991.
- Soetbeer A. Beiträge und Materialien zur Beurtheilung von Geld- und Bankfragen. Hamburg: Voigt, 1855. P. 90—100.
- Steuart J. An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy. Edinburgh: Oliver and Boyd, 1966.
- Stieda von E. Das livländische Bankwesen in Vergangenheit und Gegenwart. Leipzig: Deichert, 1909.
- Svendsen K., Hansen K. Dansk pengehistorie 1700—1914. Kobenhavn: Danmarks Nationalbank, 1968.
- Tarkka J. The North European Model of Early Central Banking // Designing Central Banks / Ed. by D. Mayes, G. Wood. London: Routledge, 2009. P. 34—67.
- Tarkka J. The North European Model of Early Central Banking: Collateral Policy Before the Real Bills Doctrine // The Critical Function of History and Banking in Finance / Ed. by V. Ikonen, D. Ross. Frankfurt am Main: EABH, 2014. P. 139—152.
- Tarkka J., Kuusterä A. Bank of Finland 200 Years. Vol I. Imperial Cashier To Central Bank. Helsinki: Otava, 2011.
- Wandschneider K. Lending to Lemons. Landschaft Credit in Eighteenth-Century Prussia // Housing and Mortgage Markets in Historical Perspective / E. White et al. Chicago: University of Chicago Press, 2014. P. 305—326.
- Wilcke J. Kurantmønten, 1726—1788. Kobenhavn: Gad, 1927.
- Wójtowicz G., Wójtowicz A. Monetary History of Poland. Warszawa: Twigger, 2005.
- World Coins: Standard Catalog of World Coins 1801—1900. Iola: KP Books. 2004.
- Ziegler D. Zentralbankpolitische Steinzeit? Preussische Bank und Bank of England im Vergleich // Geschichte in Gesellschaft. Vol. 19. 1993. №. 4. S. 475—505.
- Zieliński L. Die Rubel jetzt und vor 100 Jahren. Jena: Fischer, 1898.
- Бугров А.В., Лебедев С.К. Динамика и структура операций, 1880-е — начало 1890-х гг. // История Банка России. 1860—2010. В 2 т. Т. 1. М., 2010. С. 211—229.
- Драган О.В. Устав 1894 г. и расширение операций банка // История Банка России. 1860—2010. В 2 т. Т. 1. М., 2010. С. 236—272.
- Левичева И.Н. Становление и развитие Государственного банка // Из истории государственной кредитной системы России. Вторая половина XVIII — начало XIX в. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2004.

Примечания

¹ Эта статья с существенными дополнениями, исправлениями и новыми интерпретациями основана на некоторых более ранних работах автора, см.: Tarkka J. The North European Model of Early Central Banking // Designing Central Banks. / Ed. by D. Mayes, G. Wood. London: Routledge, 2009. P. 34—67; Tarkka J. The North European Model of Early Central Banking: Collateral Policy Before the Real Bills Doctrine // The Critical Function of History and Banking in Finance. / Ed. by V. Ikonen, D. Ross. Frankfurt am Main: EABH, 2014. P. 139—152.

² Напр., см.: Goodhart C. A. E. The evolution of central banks. Cambridge: MIT Press, 1988.

- ³ Mints L. A History of Banking Theory in Great Britain and the United States. Chicago: University of Chicago Press, 1945. P. 25.
- ⁴ Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. New York: Кнопф, 1991. P. 269. (Первое издание 1776 г.) Цит по: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов [пер. с англ.] М.: Эксмо, 2009. (Антология экономической мысли). С. 315 (*прим. перев.*).
- ⁵ Напр., см.: Anderson G., Tollison R. Sir James Steuart as the Apotheosis of Mercantilism and His Relation to Adam Smith // Southern Economic Journal. Vol. 51. 1984. № 2. P. 456–468.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Steuart J. An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy. Edinburgh: Oliver and Boyd, 1966. P. 471–475. (Первое издание 1767 г.)
- ⁸ Ibid. P. 481.
- ⁹ Ibid. P. 476–477.
- ¹⁰ Checkland S.G. Scottish Banking. A History 1695–1973. Glasgow: Collins, 1975. P. 258–260.
- ¹¹ Murphy A. John Law: Economic Theorist and Policy-Maker. Oxford: Clarendon, 1997.
- ¹² Adam U. The Political Economy of J.H.G. Justi. Bern: Peter Land, 2006. P. 189–194.
- ¹³ Justi J.H.G. von. Die Grundfeste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten oder ausführliche Vorstellung der gesamten Policy-Wissenschaft [Основы могущества и благосостояния государств, или Подробное изложение всеобщей политической науки]. Erster Band. Aalen: Scientia, 1965. P. 620–635. (Первое издание 1760 г.)
- ¹⁴ Smith A. Op. cit. P. 281–282. Цит по: Смит А. Указ. соч. С. 324 (*прим. перев.*); Checkland S.G. Op. cit. P. 124–131, 260–270.
- ¹⁵ Murphy A. Op. cit. P. 50–51.
- ¹⁶ Sargent T. Macroeconomic Theory. New York: Academic Press, 1979. P. 92.
- ¹⁷ Soetbeer A. Beiträge und Materialien zur Beurtheilung von Geld- und BankFragen. Hamburg: Voigt, 1855. S. 90–100.
- ¹⁸ Horsefield K. The Origins of the Bank Charter Act, 1844 // *Economica*. New Series. Vol. 11. No. 44. 1944. November. P. 180–189.
- ¹⁹ Oddy J.J. European Commerce. Vols. I–II. Philadelphia: Humphreys, 1807; Kirby D., Hinkkanen M.-L. The Baltic and the North Seas. London: Routledge, 2000. Chapter 7.
- ²⁰ Золотые монеты чеканились во многих странах задолго до золотого стандарта, но их влияние на денежные системы стран Балтийского моря было или незначительным или вообще отсутствовало, поэтому денежные системы региона можно без сомнения определять как основанные на серебре до 1870-х гг.
- ²¹ О происхождении талера и развитии денежных систем Германии см.: Rittmann H. Deutsche Münz- und Geldgeschichte der Neuzeit bis 1914. Solingen: Brockhaus, 2003. S. 62–63.
- ²² Sieveking H. Die Hamburger Bank // *History of the Principal Public Banks* / Ed. by J. van Dillen. The Hague: Martinus Nijhoff, 1934 (Reprint: London: Frank Cass, 1964). P. 149–150; Svendsen K., Hansen K. Dansk pengehistorie 1700–1914. Kobenhavn: Danmarks Nationalbank, 1968. S. 13–16.
- ²³ Аналогичная система действовала также в Любеке и в соседних герцогствах, Мекленбург-Шверин и Шлезвиг-Гольштейн, последнее из которых до 1860-х гг. принадлежало Датской короне.
- ²⁴ Rygg N. Norges Bank historie I. Oslo, 1918.
- ²⁵ Heckscher E. De svenska penning-, vikt- och måttssystemen. Enhistorisköversikt. Stockholm: Norstedt, 1941.
- ²⁶ Shaw W. The History of Currency 1252 to 1894. London: Wilson & Milne, 1895. (Reprint: Boston: Elibron, 2005.) P. 378–383.
- ²⁷ Позже, когда в 1857 г. была введена метрическая система, Грауманская монетная стопа, используемая в Германском таможенном союзе, была переопределена так, чтобы 30 талеров теперь должны были чеканиться из 500 г чистого серебра. Это было практически эквивалентно предыдущему соотношению.

- ²⁸ Rittmann H. Op. cit.
- ²⁹ Parker Willis H. Monetary Reform in Russia // The Journal of Political Economy. Vol. 5. 1897. No. 3. June. P. 277–315; Heller K. Die Geld- und Kreditpolitik des Russischen Reiches in der Zeit der Assignaten (1768–1839/43). Wiesbaden: Franz Steiner, 1983.
- ³⁰ Buchholtz A. Geschichte der Juden in Riga. Riga: Kümmel, 1899; Stieda von E. Das livländische Bankwesen in Vergangenheit und Gegenwart. Leipzig: Deichert, 1909.
- ³¹ Buchholtz A. Op. cit. P. 28.
- ³² Kruse J. Allgemeiner und besonders Hamburgischer Kontorist. Hamburg, 1782.
- ³³ World Coins: Standard Catalog of World Coins 1801–1900. Iola: KP Books, 2004; Wójtowicz G., Wójtowicz A. Monetary History of Poland. Warszawa: Twigger, 2005.
- ³⁴ См.: Pipping H. Myntreformen år 1865. Helsingfors, 1928.
- ³⁵ Richter E. Das preussische Staatsschuldenwesen und die preussischen Staatspapiere. Breslau: Maruschke & Behrend, 1869.
- ³⁶ Brisman S. Sveriges Riksbank, 1668–1918: Bankens tillkomst och verksamhet. Vol. I. Stockholm: Norstedt, 1918. В 1789–1803 гг. банкноты Банка Швеции конкурировали с бумажными деньгами, выпускавшимися шведским казначейством. Казначейские билеты преобладали в обращении, пока не были переданы на баланс Банка Швеции в 1803 г.
- ³⁷ Heckscher E. The Bank of Sweden in its Connection with the Bank of Amsterdam // History of the Principal Public Banks / Ed. by J. van Dillen. The Hague: Martinus Nijhoff, 1934 (Reprint: London: Frank Cass, 1964).
- ³⁸ Brisman S. Sveriges Riksbank 1668–1918: Bankens tillkomst och verksamhet. Vol. I. S. 10–13.
- ³⁹ Brisman S. Sveriges affärsbanker. Stockholm: Grundläggningstiden, 1924. S. 17–60.
- ⁴⁰ Davidson D. Riksbanken, 1834–1860 // Sveriges Riksbank, 1668–1924: Bankens tillkomst och verksamhet. Vol. IV. Stockholm: Norstedt, 1931; Brisman S. Tiden 1803–1834 // Ibid.; Brisman S. Den stora reformperioden, 1860–1904 // Ibid.
- ⁴¹ Heller K. Op. cit. S. 20–22.
- ⁴² Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). I собр. Т. 18. № 13219; Т. 22. № 16407.
- ⁴³ Zieliński L. Die Rubel jetzt und vor 100 Jahren. Jena: Fischer, 1898.
- ⁴⁴ Bank of England Liabilities and Assets, 1696 Onwards // Bank of England Quarterly Bulletin. Vol. 7. 1967. No. 2. P. 159–163.
- ⁴⁵ Zieliński L. Op. cit. S. 10.
- ⁴⁶ Heller K. Op. cit. S. 258–259.
- ⁴⁷ Pipping H. Paperiruplasta kultamarkkaan. Suomen Pankki, 1811–1877. Helsinki, 1961. Tables 2, 3, 5; Tarkka J., Kuusterä A. Bank of Finland 200 Years. Vol. I. Imperial Cashier To Central Bank. Helsinki: Otava, 2011.
- ⁴⁸ Позже Земским кредитным обществом губерний Царства Польского (*прим. пер.*).
- ⁴⁹ Jasiukowicz S. Der landschaftliche Kreditverein im Königreich Polen, 1825–1910. München: Wolff, 1911. S. 31–47.
- ⁵⁰ Radziszewski H. Bank Polski. Warszawa: Bank Polski, 1910. S. 508.
- ⁵¹ Radziszewski H. Op. cit. S. 522–530.
- ⁵² Stieda von E. Op. cit.
- ⁵³ Wilcke J. Kurantmønten, 1726–1788. Kobenhavn: Gad, 1927. S. 322–344.
- ⁵⁴ Svendsen K., Hansen K. Op. cit. S. 87–115.
- ⁵⁵ Ibid. S. 125–145.
- ⁵⁶ Rygg N. Norges Bank historie I. S. 231–241; Klovland J. Monetary Aggregates in Norway, 1819–2003 // Historical Monetary Statistics for Norway, 1819–2003 / O. Eitheim et al. Norges Bank Occasional Papers. No. 35. 2004. P. 208.
- ⁵⁷ Wandschneider K. Lending to Lemons. Landschaft Credit in Eighteenth-Century Prussia // Housing and Mortgage Markets in Historical Perspective / E. White et al. Chicago: University of Chicago Press, 2014; Frederiksen (1894). P. 305–326; Frederiksen D. Mortgage Banking in Germany // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 9. 1894. No. 1. October. P. 47–76.

- ⁵⁸ Берлинский Королевский Заемный и Жиробанк (*прим. перев.*).
- ⁵⁹ Niebuhr von M. Geschichte der Königlichen Bank in Berlin. Berlin: Decker, 1854. (Reprint: Glashütten, 1971); Poschinger von H. Bankwesen und Bankpolitik in Preussen I. Berlin: Springer, 1878. S. 131.
- ⁶⁰ Niebuhr von M. Op. cit. S. 189–196.
- ⁶¹ Ibid. S. 71–76.
- ⁶² Poschinger von H. Bankwesen und Bankpolitik in Preussen I. S. 215–219.
- ⁶³ Ibid. S. 224–226.
- ⁶⁴ Poschinger von H. Bankwesen und Bankpolitik in Preussen II. Berlin: Springer, 1879. S. 15–23, 366; Ziegler D. Zentralbankpolitische Steinzeit? Preussische Bank und Bank of England im Vergleich // Geschichte in Gesellschaft. Vol. 19. 1993. No. 4. S. 475–505.
- ⁶⁵ Ziegler D. Op. cit.
- ⁶⁶ Poschinger von H. Bankwesen und Bankpolitik in Preussen I. S. 229–233; Poschinger von H. Bankwesen und Bankpolitik in Preussen II. S. 15–48.
- ⁶⁷ Richter E. Op. cit. S. 250–255.
- ⁶⁸ Sieveking H. Die Hamburger Bank, 1619–1875. Hamburg: Festschrift von Melle, 1933. S. 103–110.
- ⁶⁹ Svendsen K., Hansen K. Op. cit. S. 131–134, 220–222, 331–335.
- ⁷⁰ Rygg N. Norges Bank historie I. S. 231–237; Rygg N. Norges Banks historie II. Oslo, 1954. S. 113–116.
- ⁷¹ Klovland J. Monetary Aggregates in Norway, 1819–2003. Table A1.
- ⁷² Davidson D. Riksbanken, 1834–1860.
- ⁷³ Lakomaa E. Free Banking in Sweden, 1830–1903: Experience and Debate // The Quarterly Journal of Austrian Economics Vol. 10. 2007. No. 2. P. 122–141.
- ⁷⁴ Hoch S. The Banking Crisis, Peasant Reform, and Economic Development in Russia, 1857–1861 // The American Historical Review. Vol. 96. 1991. No. 3. June. P. 795–820.
- ⁷⁵ ПСЗ. II собр. Т. 35. Ч. 1. № 35847; Zieliński L. Op. cit.
- ⁷⁶ Левичева И.Н. Становление и развитие Государственного банка // Из истории государственной кредитной системы России. Вторая половина XVIII – начало XIX в. М., 2004. С. 75–106, 173–201.
- ⁷⁷ Zieliński L. Op. cit.
- ⁷⁸ Conant C. A History of Modern Banks of Issue. New York: Putnam, 1915. P. 260.
- ⁷⁹ Parker Willis H. Op. cit. P. 277–315.
- ⁸⁰ National Monetary Commission. Banking in Russia, Austro-Hungary, The Netherlands and Japan. Washington, Government Printing Office, 1911; Бугров А.В., Лебедев С.К. Динамика и структура операций, 1880-е – начало 1890-х гг. // История Банка России. 1860–2010. В 2 т. Т. 1. М., 2010. С. 211–229; Драган О.В. Устав 1894 г. и расширение операций банка // Там же. С. 236–272.
- ⁸¹ Wójtowicz G., Wójtowicz A. Op. cit. P. 139–141.
- ⁸² Schön J. Das Polnische Bankwesen. Katowice: Kattowitzer Buchdruckerei und Verlag, 1928. S. 80–82.
- ⁸³ Stieda von E. Op. cit. S. 149–157, 459.
- ⁸⁴ Schybergson E. Finlands Bank 1811–1911. Helsingfors, 1914. P. 96–102; Tarkka J., Kuusterä A. Bank of Finland 200 Years.
- ⁸⁵ Pipping H. Paperiruplasta kultamarkkaan. Suomen Pankki, 1811–1877. S. 529.
- ⁸⁶ Pipping H. Paperiruplasta kultamarkkaan. Suomen Pankki, 1811–1877. Tables 3, 5; Pipping H. Kultakannan turvissa. Suomen Pankki, 1878–1914. Helsinki, 1969. Table 3.

Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» и его владельцы**

Аннотация: Статья посвящена предпринимательской деятельности еврейских банкиров Евзеля и Горация Гинцбургов. Начав с должности кассира у одного витебского помещика-откупщика, через несколько лет Евзель Гинцбург сам стал крупным откупщиком, а затем владельцем известного банкирского и торгового дома «И.Е. Гинцбург» в Петербурге и Париже. После смерти отца в 1878 г. фирму возглавил Гораций Гинцбург. Кроме банкирских дел Гинцбурги активно участвовали в образовании и финансировании многочисленных акционерных торгово-промышленных компаний, страховых обществ, коммерческих и земельных банков. На примере отца и сына Гинцбургов показан процесс создания значительных капиталов в России в XIX в., превращение купцов-откупщиков в крупных финансистов. В статье также рассматриваются причины, приведшие банкирский дом «И.Е. Гинцбург» к серьезным финансовым затруднениям, администрации и закрытию.

Ключевые слова: купцы, откуп, откупщики, черта оседлости, евреи, банкирский и торговый дом, фирма, «И.Е. Гинцбург», кредитный рубль, администрация.

Представители семьи еврейских купцов, банкиров и промышленников Гинцбургов часто упоминаются в научных и популярных публикациях по истории России XIX — начала XX вв. Слишком разносторонними и многообразными были их интересы в различных сферах предпринимательства, финансов, науки, искусства, просвещения, благотворительности. Гинцбургам посвящены несколько сочинений, опубликованных в разное время на иврите, немецком и русском языках¹. В основном в них рассматривается общественная деятельность трех поколений Гинцбургов, направленная на защиту интересов евреев и отстаивании их прав в России. Из современных научных трудов особо следует выделить монографию академика Б.В. Ананьича о банкирских домах в России, в которой фирме «И.Е. Гинцбург», ее созданию, основным коммерческим операциям, участию в золотодобывающей промышленности уделена отдельная глава². Однако остается немало недостаточно или совсем неизученных сюжетов, связанных с предпринимательской деятельностью Гинцбургов. К ним следует отнести причины возникновения фи-

* Лизунов Павел Владимирович — доктор исторических наук, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, pavelv1@mail.ru

** Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (РГНФ) проект № 12—01—00076 а.

нансовых затруднений и ликвидации банковской и торговой фирмы «И.Е. Гинцбург», положение которой многие современники считали незыблемым.

Потомки рабби Иехи-эль из Порто

По утверждению автора сочинения по генеалогии рода Гинцбургов Д.Г. Маггида, их дальним предком был рабби Иехи-эль из Порто. Его внук рабби Симеон (Симон) Бен-Абраам (1506—1585) жил в баварском городке Гюнцбурге (нем. Günzburg), от которого и произошла фамилия. Симеон Гинцбург пользовался также именем Ульм (нем. Ulm), от названия другого городка, расположенного недалеко от Гюнцбурга. Из-за преследований, которым евреи подвергались в Германии с XVI в., Симеон и некоторые из его сыновей переселились в Польшу. Обосновавшись в Познани, Гинцбург пользовался влиянием на короля польского и великого князя литовского Сигизмунда II Августа³. В качестве представителя познанской еврейской общины Гинцбург участвовал в заседаниях королевского совета. В ряде еврейских сочинений о нем упоминается, как человеке мудром, ученом математике и астрономе. Он был богат, щедр и скромн. Умер Симеон Гинцбург в возрасте 79 лет, оставив после себя 6 сыновей.

В течение почти 300 лет, до начала XIX столетия в еврейских книгах постоянно встречаются имена потомков рабби Симона Гинцбурга — Ашер Гинцбург (?—1791), Аарон-Иуда-Лейба Гинцбург (?—1804) и др. Представители этого рода были в числе известных раввинов Германии и Польши. Но только живший во второй половине XVIII в. Нафталий-Герц Гинцбург (?—1794/7?) из Вильны прервал семейную традицию и посвятил себя коммерческой деятельности, которую продолжил его сын Габриэль-Яков (Гавриил Яковлевич) (1793—1852)⁴. Торговые дела вынуждали его постоянно менять места жительства. К 1810 г. Гинцбург обосновался в Витебске и участвовал в торгах местной Казенной палаты на получение питейного откупа на 1810—1814 гг.⁵ В январе 1812 г. у Габриэля Гинцбурга и его жены Леи-Сары (Ли), в девичестве — Рашкис, родился сын Иосиф-Евзель (Йоссель). Кроме сына у них были еще две дочери: Леонора (Элька, Елка, Елена), вышедшая замуж за Хайма-Йеошуа-Гершеля Розенберга из Житомира и Бейле (Белла), вышедшая замуж за Зева-Вольфа-Ицхака Мерперта. Габриэль-Яков Гинцбург умер 2 мая 1852 г. в Симферополе, куда переселился незадолго до своей смерти⁶.

Габриэль Гинцбург в память о себе хотел основать в Симферополе какое-нибудь общепольное заведение для евреев. Перед смертью

он завещал 4200 руб. сер. на благотворительные цели. Предложение открыть на эти деньги больницу для еврейского населения принадлежало Таврическому гражданскому губернатору В.И. Пестелю. Однако пожертвованных денег оказалось недостаточно. Тогда было решено увеличить сумму добровольными пожертвованиями и за счет части коробочного сбора с евреев. Самое деятельное участие в сборе средств принял купец Соломон Нейман. Через 2 года, в 1854 г. больница на 6 мужских и 4 женских коек, с необходимым оборудованием была открыта⁷.

Евзель Гинцбург: от провинциального кушца до столичного банкира

Сын Габриэля Гинцбурга — Иосиф-Евзель Габриэлович (Евзель Габриелевич, Осип Гаврилович) (1812—1877/8), получив традиционное еврейское воспитание в доме родителей, продолжил дело деда и отца. В 16 лет Евзель Гинцбург женился на Рассе (Расе, Раисе, Розе) (1810—1892), дочери содержателя почтовой станции в г. Орша Витебской губернии Давида Зискиндовича Дынина (?—1848) и Моттел (Матильды), в девичестве Горбовитцер (1790?—1845?). Заведование почтовой станцией в Орше, бывшей центральной станцией между Петербургом, Киевом, Москвой и Варшавой, было делом чрезвычайно ответственным, которое доверялось лицам, пользовавшимся большим доверием властей. В преклонном возрасте Расса Давидовна любила рассказывать, как император Александр I при проезде через Оршу любил заглянуть к ним в дом, чтобы отведать блюда еврейской кухни. Братом ее был крупный кишиневский и одесский купец Абрам Давидович Дынин, ранее служивший в откупной конторе Е.Г. Гинцбурга⁸. По словам Г.Б. Слиозберга, Расса Давидовна была «богобоязненная, исключительно добрая женщина», имевшая «благотворное влияние на всю семью»⁹.

В браке Евзеля и Расса Гинцбургов родились 4 сына: в 1831 г. — Зискинд (Александр), в 1833 г. — Нафтали-Герц (Гораций, Горас, Орас, Герцык, Герцель), в 1840 г. — Ури (Ур, Урий, Уриэль), в 1848 г. — Соломон-Давид и в 1844 г. — дочь Хая-Матлея (Хася, Хана, Ева-Матильда), в замужестве Фульд. В разное время семья жила в Витебске, Киеве, Звенигородке и Каменец-Подольске.

С молодых лет Е.Г. Гинцбург преуспел в коммерции. Служил кассиром, затем заведовал делами одного богатого витебского помещика-откупщика, а в 1840 г. в возрасте 28 лет сам стал откупщиком в западных губерниях. Занятие откупной деятельностью предусматривало обладание солидным капиталом, который позволял предо-

ставлять казне обеспечение в виде крупного денежного залога или недвижимого имущества. В 1843 г. Евзель Гинцбург записался в витебские купцы 1-й гильдии, чтобы иметь допуск к подрядам, «питейной продаже» и «кормчей аренде». Это свидетельствовало о величине его средств и финансовых возможностях. В 1843—1847 гг. отец и сын совместно содержали «каменецкий винный откуп», отданный помещику Киевской губернии Антону Трофимову и переуступленный им Габриэлю и Евзелю Гинцбургам¹⁰.

22 октября 1848 г. высочайшим указом «за оказанные особые заслуги» отец и сын витебские купцы Габриэль и Евзель Гинцбурги с семьями были возведены в звание потомственных почетных граждан¹¹. Из-за разного написания имени сына Евзеля Гинцбурга Горация в документах, поданных на получение потомственного почетного гражданства, и последовавшего уточнения, звание ему было пожаловано позже, в августе 1850 г.¹²

Во время Крымской войны Евзель Гинцбург содержал винный откуп в Крыму и осажденном Севастополе, отпуская вино по ценам не выше утвержденных правительством для мирного времени и даже ниже. Занимавший должность директора канцелярии главнокомандующего Крымской армией А.Д. Крылов в своих записках вспоминал, что ему по служебным обязанностям приходилось иметь дела «с севастопольским откупщиком мелкой руки в полу-еврейской одежде Гинцбургом»¹³. Распутица и отсутствие шоссе в Крыму затрудняли подвоз к армии продовольствия из Симферополя в Севастополь. Гинцбург, обязанный условиями договора снабжать вином войска в Севастополе, не имея достаточных средств, «просил как милости о разрешении ему доставлять не полугар, а 100° спирт и на месте его рассыропливать (разводить. — П.Л.)». В своих просьбах Гинцбург ссылаясь на то, что доставка вина представляет для него «громадные заботы, страх и разорение»¹⁴.

Поверенный Гинцбурга Ярославский позже рассказывал, что его хозяин оставил Южную сторону осажденного Севастополя с касой одним из последних, чуть ли не одновременно с командующим гарнизоном¹⁵. Главнокомандующий 2-й армией генерал-адъютант А.Н. Лидерс после окончания Крымской войны свидетельствовал, что Гинцбург «оказывал постоянное особенное усердие к безостановочному продовольствию войск винной порцией, содержал для себя значительные запасы вина в указанных интендантством пунктах и вообще без всякого промедления удовлетворял всем требованиям войск, в разных пунктах расположенных и часто с одного места на другое передвигаемых, отпуская притом вино по ценам не только не свыше высочайше утвержденных для мирного времени, но и с уступ-

кою»¹⁶. В годы войны Гинцбург был также поставщиком продовольствия и обмундирования для русской армии.

За отпуск «полугарного вина безденежно на 16 тыс.» солдатам, прибывшим в Крым, и особенно 6-й пехотной дивизии, совершившей переход через Перекоп, Гинцбургу 29 марта 1854 г. была объявлена высочайшая благодарность¹⁷. В 1853—1855 гг. Евзель Гинцбург за свой счет содержал находившихся в Каменец-Подольске 56 семейств нижних чинов, призванных на службу, за что получил две высочайшие благодарности. За угощение порцией вина и закуской 57-го Донского казачьего полка во время следования через Мелитопольский уезд Гинцбургу была объявлена новая высочайшая благодарность. В 1855 г. в ознаменование прибытия в Крым Александра II Гинцбург преподнес всем участвовавшим в войне войскам по чарке водки на человека, за что в очередной раз получил высочайшую благодарность¹⁸.

После окончания войны положение Гинцбурга окрепло еще сильнее. «За полезные вообще действия и постоянно оказываемое усердие к пользе казне» он был награжден золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на Андреевской ленте¹⁹. Награждение состоялось 10 августа 1856 г. несмотря на то, что накануне, в июне императору поступил донос на корыстолюбие и алчность откупщиков, среди которых одним из первых упоминалось имя Гинцбурга, заработавшего на откупах несколько миллионов рублей серебром. Автор анонимного письма указывал, что «со дня существования России не было еврея, который имел бы состояние на миллион рублей ассигнациями». Однако царь начертал на доносе: «Оставить без последствий»²⁰. В феврале 1858 г. Гинцбург получил бронзовую медаль на Аннинской ленте в память войны 1853—1856 гг.²¹

В официальных документах конца 1850-х гг. неоднократно встречаются лестные отзывы разных особ о Е.Г. Гинцбурге, как человеке солидной репутации и заслуживающего доверия в коммерческих делах. Среди таких лиц были Виленский военный и гражданский и Ковенский генерал-губернатор В.И. Назимов, генерал-адъютант граф А.Г. Строганов, Керч-Еникалинский градоначальник П.А. Антонович 1-й, военный губернатор Симферополя и Таврический гражданский губернатор граф Н.В. Адлерберг, исполняющий должность Подольского гражданского губернатора В.Ф. Пфеллер, архиепископ Минский и Бобруйский Михаил, попечитель Киевского учебного округа Н.Р. Ребиндер и др.²²

Однако народная молва связывала миллионы Е.Г. Гинцбурга с разными сомнительными махинациями. Так как обогащение произошло весьма скоропалительно, то происхождение богатства приписывалось выпуску фальшивых бумажек, как тогда часто объяснялось

всякое быстрое составление значительного капитала. То же говорили и об откупщике-миллионере И.О. Утине²³.

Утверждали, что в годы Крымской войны Гинцбург заработал более 8 млн руб. сер. Это широко распространенное мнение нашло отражение в памфлете публициста и историка В.О. Михневича: «Знаменитый род *баронов* Гинцбургов ведет свое начало со времен несчастливой и разорительной Крымской войны, когда, по преданию, сложенному русским солдатом сам Господь Бог в ужасе “стоял на горе Арарате и смотрел, как грабят в комиссариате”, при дружном содействии подрядчиков. В числе последних выступил тогда впервые на историческое поприще славы, богатства и почестей и родоначальник наших баронов. Начав “поставку” чуть ли не с одной бочки зелена вина, он, путем патриотического усердия и посредством каких-то гениально-искусных химических манипуляций, превращавших стоградусный пьяный спирт в совершенно почти трезвую воду, в кратчайшее время благоприобрел столько “карбованцев”, сколько их даже во сне не снилось самому библейскому царю Соломону...»²⁴.

Директор канцелярии Военного министерства князь В.И. Васильчиков в 1859 г. во всеподданнейшем докладе прямо обвинял Гинцбурга «приобретшего несметные богатства» во время Крымской войны в том, что тот «заставлял солдат... употреблять, вместо подкрепительного вина, омерзительную смесь водки низшего достоинства с мутною водою»²⁵.

После окончания Крымской войны Е.Г. Гинцбург взял в откуп питейное дело в Западном крае. Неизвестный автор сатирического сочинения, посвященного Гинцбургу приводит перечень мест его откупных чарочных и акцизных сборов, находившихся в «Витебской, Могиланской, Минской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Каменец-Подольской, Волынской, а также бывшей Полтавской, Харьковской, Черниговской, Киевской, Таврической губерниях, Бессарабской области и вообще в Бело, Мало и Новороссии, Литвы и Самогитии, где только евреям проживать и откуп содержать можно и проч. и проч.». Сочинение, датированное 1857 г., сохранилось в документах другого известного купца и откупщика — В.А. Кокорева²⁶.

Главная откупная контора Евзеля Гинцбурга находилась в Каменец-Подольске. В губерниях и уездах, где Гинцбург имел откупа, создавались местные конторы. Каждая из них состояла из управляющего откупом, бухгалтера и его помощника, кассира, писцов при конторе, главного и младших ревизоров, дистанционных поверенных, сверхчастных и частных поверенных, разливного и оптового подвальных, смотрителей казенных винных магазинов, кормчей стражи, рабочих и сторожей. Конторские служащие с самых высо-

ких и до самых незначительных должностей набирались в основном из евреев²⁷. Из них впоследствии вышло несколько известных финансистов вроде Л.М. Розенталя и А.И. Зака, которые заняли видное положение в кредитных учреждениях Петербурга²⁸. Родной брат последнего, позже известный ученый и писатель И.И. Зак также был бухгалтером в банкирской конторе «И.Е. Гинцбург» в Петербурге, а затем служил в качестве директора банка в Минске.

Более 26 лет на службе в конторе Гинцбургов состоял С.М. Барац — крупный специалист по бухгалтерии, банковскому делу и вексельному праву, автор ряда работ по финансовым, экономическим и юридическим вопросам²⁹. В течение 26 лет сотрудником фирмы «И.Е. Гинцбург» был А.Э. Альванг, который в 1897 г. открыл собственный банкирский дом в Петербурге. Некоторое время в петербургской конторе Гинцбурга изучал бухгалтерию и счетоводство сын тайного советника Менгеса, состоявшего на службе при дармштатском дворе. Позже Менгес-младший исполнял должность личного секретаря у болгарского князя Александра I, заведя всеми его денежными делами. Сам князь Александр симпатизировал Гинцбургу и доверял ему вести свои личные дела, как и дела других представителей Гессенского дома Баттенбергов³⁰. Позже А. Менгес занимал должность генерального уполномоченного принца Людвига Баттенбергского, а также управляющего его домом и вел дела с банкирской конторой «И.Е. Гинцбург»³¹.

Положение еврейских купцов-откупщиков было весьма значительным. Они представляли собой привилегированный слой еврейского населения, людей богатых и влиятельных. Казенные подряды, поставки и откупа составляли весьма выгодный промысел для многих еврейских купцов. По словам одного из современников, еврей-откупщики были «новоиспеченные аристократы», которые «во многом напоминали иудейских вельмож времен Нехемии (наместник Иудеи в 446/5—434/3 до н.э. — П.Л.)»³².

Другой современник, еврейский публицист, юрист по образованию И.Г. Оршанский отмечал: «Откупщик и подрядчик, у евреев, — синонимы богачей. Почти все богатые евреи занимались или тем, или другим из этих промыслов. Еще памятно многим время Крымской войны, когда подрядчики, благодаря гибкой совести и своеобразному взгляду на казну... наживали миллионы. А об откупах и говорить нечего. Не говоря уже о самих откупщиках, тысячи евреев жили и наживались под благодатным крылышком откупов»³³. Безусловно, что автор в первую очередь имел в виду Гинцбурга.

Ограничения в правах, тяготевших над еврейской массой, были менее чувствительны для евреев-откупщиков. Задолго до получения

еврейскими купцами 1-й гильдии права повсеместного проживания в Российской империи откупщики пользовались свободой передвижения, подолгу и фактически беспрепятственно жили в столицах и других городах вне черты оседлости. По указу от 9 сентября 1848 г. еврейским купцам 1-й гильдии разрешалось содержать питейные откупа не только в пределах губерний, входящих в черту оседлости, но также в местах в нее не входящих³⁴. Откупщики были одними из первых евреев, отказавшихся от традиционного национального одеяния, прически и многих других особенностей тогдашнего еврейского быта³⁵.

Откупщики постоянно находились в деловых сношениях с различными органами власти. Им приходилось бывать в канцеляриях и кабинетах губернаторов, министров и генералов. С ними считались, как с важными особами, пополнявшими доходами государственную казну. В 1859—1862 гг. только один Е.Г. Гинцбург ежегодно платил в казну более 3,7 млн руб., получаемых от питейного откупа. По словам американского историка Бенджамина Натанса, это «ставило его в высший эшелон откупщиков империи»³⁶. Больше платили только отставной поручик Д.Е. Бенардаки (свыше 19 млн руб.), коммерции советник И.О. Утин (6,8 млн руб.), действительный статский советник Н.Ф. Рюмин (более 5,5 млн руб.) и статский советник Н.Ф. Базилевский (5,3 млн руб.)³⁷. Ежегодная чистая прибыль Гинцбурга по самым разным и весьма приблизительным оценкам составлял от 500 тыс. руб. и выше.

Не всякий мог стать контрагентом казны в откупном деле, важном и в финансовом, и в экономическом отношениях. Допускались к торгам лишь лица особенно благонадежные, имя которых могло служить гарантией безупречного выполнения контракта с казной. Помимо того, откупщики должны были обладать значительным состоянием, которое позволяло бы им представлять казне обеспечение в виде крупного денежного залога или недвижимого имущества. Евреи ограничено допускались в число откупщиков. Требовалась исключительная репутация, чтобы правительство решило доверить им откуп. Евзель Гинцбург во многом благодаря известности своей семьи в Западном крае смог в молодом возрасте стать одним из откупщиков³⁸.

Е.Г. Гинцбург пользовался большим доверием в западных и южных губерниях России. В г. Рогачеве Могилевской губернии, являвшимся перекрестком двух больших путей, соединявших Киев с Петербургом, Москвой и Варшавой, и всей округе в широком обращении были билетики с его подписью, которые за недостаточностью мелкой разменной монеты ходили как настоящие деньги³⁹.

Когда в 1858 г. стали распространяться слухи об отмене откупов, многие из комиссионеров не хотели в это верить и старались их

опровергнуть. И действительно, в 1859 г. откупа были продлены еще на 4 года. Однако 26 октября 1860 г. Государственный совет утвердил мнение о введении акцизной системы, но откупщики продолжали утверждать, что откупа сохраняться. Даже когда 4 июля 1861 г. было высочайше утверждено «Положение о питейном сборе»⁴⁰, комиссионеры еще надеялись, что откупную систему не отменят. Боясь потерять свой доход, они в 1862 г. предложили правительству проект создания «Агентства по питейному сбору и товарищества для сооружения железных дорог». Для сохранения питейного откупа, в проекте предлагалось «взамен назначенного с 1863 года казенного управления» создать «ответственное агентство из частных лиц» и передать ему продажу вина сроком на 11 лет, начиная с 1 января 1863 г. Агентство должно было отвечать за поступление в казну питейного дохода в размере свыше 100 млн руб. и принять на себя строительство 2800 верст железных дорог. Были определены следующие направления: 1) из Москвы в Курск через Калугу и Орел; 2) из Курска одна линия в Одессу через Киев, другая в Харьков, а оттуда к грушевским антрацитным копиям или прямо в Ростов-на-Дону с веткой до Таганрога; 3) из Рыбинска до станции Бологое; 4) из Перми до Тюмени через Уральский хребет, для соединения сибирских рек с Волгой. Проект был передан управляющему министерством финансов М.Х. Рейтерну для представления Александру II. Среди подписавших проект были крупнейшие откупщики Д.Е. Бенардаки, Е.Г. Гинцбург, А.И. Горвиц, В.С. Каншин, Г.Л. Капгер, С.Н. Карали, В.А. Кокорев, И.Е. Кондоянаки, Н.Д. Лохвицкий, П.П. Скараманга, И.О. Утин и др., всего 20 человек⁴¹.

Было объявлено о подписке на 400 паев предполагаемой компании на сумму 60 млн руб. залогами и деньгами. Нашлось немало желающих. Из числа учредителей подписались В. Кокорев на 40 паев, Д. Бенардаки — на 40, И. Утин — 20, Г. Капгер — 10, Е. Гинцбург — 10 паев. По одному паю взяли сыновья последнего Зискинд и Гораций. К 1 июля 1862 г. подписалось 54 человека, разобравших 296 из 400 паев⁴². Однако учредить «Агентство по питейному сбору» не удалось. Александр II отверг представленный проект и изъявил свою волю, «чтобы новая акцизная система была введена в действие с 1 января 1863 года»⁴³.

Евзель Гинцбург стал первым евреем-землевладельцем в Бессарабии. Он сумел приобрести в Яском, Сорокском, Аккерманском и Бендерском уездах несколько десятков тысяч десятин земли. 2 марта 1857 г. Бессарабским областным гражданским судом была засвидетельствована купчая крепость на приобретенные Гинцбургом у молдавского бояра Ворника Богдана Ласкари за 98800 руб. 7600 фалеч

земли (почти 9900 дес.) из состава вотчины Пилиней и Валя-Царградальей в Ясском и Сорокском уездах. 14 марта того же года была утверждена купчая на купленные Гинцбургом у статского советника Бальша 3044 дес. земли в Бендерском уезде за 41094 руб. 29 марта был засвидетельствован договор на приобретенные Гинцбургом у княгини Гики 6560 дес. в Бендерском уезде за 81475 руб. 1 апреля была признана купчая крепость на купленные Гинцбургом у тайного советника Ф.П. Фонтонома за 66640 руб. 4400 дес. в Бендерском уезде. В 1863 г. Гинцбург приобрел у Д.Е. Бенардаки 2252 дес. в Ясском уезде и 2083 дес. в Сорокском уезде. В разное время Гинцбург приобрел несколько имений в Таврической и Подольской губерниях⁴⁴. Во всех случаях им покупались земли незаселенные крестьянами. В течение нескольких лет цены на землю в Бессарабии выросли в 5–6 раз⁴⁵. Это послужило поводом к недовольству местного дворянства и просьбам воспретить евреям приобретать помещичьи имения в Юго-Западном крае. В 1868–1872 гг. вопрос о запрете Гинцбургу и вообще евреям покупать земли в западных губерниях обсуждался в канцелярии Министерства внутренних дел⁴⁶.

Часто бывая по коммерческим делам в Петербурге, Евзель Гинцбург сумел установить тесные связи в высших столичных сферах и финансовых кругах. У него сложились хорошие отношения с министром финансов Ф.П. Вронченко. За оказанные услуги Гинцбург неоднократно поощрялся различными наградами. В августе 1854 г. «за оказанное им усердие при соглашении с откупщиками» он был награжден золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на Владимирской ленте⁴⁷. В марте 1863 г. был пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени, в июле 1865 г. — орденом Св. Анны 3-й степени. В июле 1867 г. «в воздаяние отлично усердной службы и особых трудов члена комитета детского приюта его императорского высочества принца Ольденбургского» Гинцбург был удостоен ордена Св. Станислава 2-й степени. В июне 1869 г. ему были дарованы знаки ордена Св. Станислава 2-й степени, украшенные императорской короной. В 1871 г. он получил орден Св. Анны 2-й степени. Прусским королем Вильгельмом I Гинцбург был награжден орденом Красного орла 3-й степени, на принятие и ношение которого последовало высочайшее соизволение Александра II⁴⁸.

В 1874 г. Е.Г. Гинцбург был пожалован званием коммерции советника. В представлении особо отмечалось, что «в среде купечества обращают на себя внимание, полезною своею деятельностью и обширными оборотами» целый ряд купцов. О самом Гинцбурге сообщалось, что он «производит банкирские операции на весьма значительную сумму», а «фирма его пользуется известностью в Ев-

ропе, он имеет конторы в Петербурге и Париже и сношения со значительными европейскими торговыми домами», он содействовал образованию в России десятка акционерных банков и двух страховых обществ, для которых собрал капиталы; способствовал учреждению «многих товариществ для сахарного дела». В представлении указывалось, что лично ему принадлежат сахарные заводы в Подольской и Киевской губерниях, с оборотом до 2 млн руб. в год, он участвовал в трех золотопромышленных компаниях в Восточной Сибири, состоял членом многих благотворительных обществ, имел российские и иностранные ордена⁴⁹.

С конца 1850 — начала 1860-х гг. началось переселение богатых еврейских купцов в Петербург. Одним из первых обосновался в столице Е.Г. Гинцбург, поселившись в доме вдовы О.А. Рюминой на Дворцовой наб., 12. Записавшись во временное петербургское 1-й гильдии купечество, в ноябре 1859 г. он основал в столице банкирский дом «И.Е. Гинцбург» с капиталом в несколько миллионов рублей. В России частные банкирские заведения тогда только нарождались. В Петербурге их было всего несколько. Появление фирмы «И.Е. Гинцбург» в столице Российской империи было следствием опубликования 16 марта 1859 г. закона разрешавшего еврейским купцам 1-й гильдии постоянно проживать вне черты оседлости⁵⁰. Этот закон появился во многом благодаря инициативе самого Е.Г. Гинцбурга, возбудившему перед правительством ряд ходатайств о расширении прав евреев в России.

Вслед за Гинцбургом в столицу переселились другие богатые еврейские откупщики и подрядчики: А.И. Горвиц, А.М. Варшавский, братья М.П. и Л.П. Фридланды (Фридлянды), И.М. Малкиель и др. Вскоре в Петербурге насчитывалось около десятка богатых еврейских семейств, так называемых «больших евреев» или «еврейских нотаблей». За ними в столицу потянулась вереница разных их служащих и доверенных — «малых евреев», которые, в свою очередь, «выписывали» своих родственников и знакомых. Так, в петербургскую банкирскую контору Е.Г. Гинцбурга перешли некоторые его служащие по акцизному откупу: Барац, братья Зак, Левин и др.

Выдающийся еврейский поэт-сатирик и публицист Л.О. Гордон («еврейский Некрасов») пересказал рассуждения одного петербургского еврея-старожилы о новой еврейской общине в столице: «Что тогда был Петербург? — пустыня; теперь же ведь это — Бердичев!»⁵¹.

О евреях, устремившихся на жительство в Петербург, анонимный автор, являвшийся доверенным лицом Гинцбургов по золотопромышленным делам в Восточной Сибири (возможно, это был Остряков⁵²), писал: «В выходящих из черты оседлости происходила полная

метаморфоза: откупщик превращался в банкира, подрядчик — в предпринимателя высокого полета, а их служащие — в столичных денди»⁵³.

Подтверждение тому содержится в мемуарах Паулины Венгеровой, принадлежавшей к высшим слоям еврейского общества. Она отмечала: «Со временем стало очевидно, что евреи добились неожиданно большого влияния в области торговли и промышленности. Никогда прежде евреи в Санкт-Петербурге не вели такой благополучной жизни, поскольку столичные финансы частично находились в их руках. Возникли еврейские банки. Были основаны акционерные компании, руководимые евреями. Биржевые и банковские операции достигли небывалого размаха. Здесь, на бирже евреи чувствовали себя в своей стихии. Бывало, что игра на бирже в один день сказочно обогащала некоторых маклеров. Бывало и так, что люди мгновенно разорялись. Этот вид коммерческой деятельности был в России чем-то новым. Однако евреи прямо-таки гениально осваивали ее правила, даже те, чье образование исчерпывалось Талмудом»⁵⁴. Превращение удачливого еврейского купца-откупщика в успешного владельца банкирского и торгового дома в полной мере относилось к Евзею Гинцбургу.

Многие петербургские ассимилированные евреи сильно отличались от своих соплеменников, проживавших в черте оседлости. На это обратил внимание английский еврейский банкир сэр Мозес Монтефиоре, посетивший Россию в 1872 г. В своем дневнике он записал: «Я имел счастье видеть значительное количество наших единоверцев, отмеченных наградами императора различного достоинства. Ныне евреи здесь (в Петербурге. — П.Л.) одеваются подобно обыкновенным джентльменам в Англии, Франции или Германии»⁵⁵. Именно так, по-европейски выглядели Е.Г. Гинцбург и его сыновья, одевавшиеся у дорогих парижских портных. Поэт Осип Мандельштам вспоминал, как в детстве в петербургской синагоге увидел барона Г.Е. Гинцбурга и А.М. Варшавского. Он был поражен их нееврейской внешностью: «в цилиндрах, прекрасно одетые, лоснящиеся богатством, с изящными движениями светских людей»⁵⁶.

Еще в 1857 г. Е.Г. Гинцбург вместе со всей своей семьей и семьями старших сыновей Зискинда и Юрация отправились в Париж и поселились в гостинице «Трех императоров» (l'hôtelTrois-Empereurs). Они занимали весь первый этаж отеля, стоимостью от 80 до 100 тыс. фр. в год⁵⁷. Анфилады залов и комнат окнами выходили на три разные стороны: 20 окон — на улицу Сент-Оноре (rueSaint-Honoré), весь фасад — на площадь Пале-Рояль (place du Palais-Royal) и улицу Риволи (ruedeRivoli).

30 января 1857 г. по случаю годовщины своего рождения Евзель Гинцбург, по сообщениям парижской прессы «дал великолепный вечер в своих позолоченных апартаментах на улице Риволи». Было приглашено элитное парижское общество, состоящее из известных политиков, финансистов, литераторов. Присутствовали «дамы блистательной красоты и молодости», среди которых своими нарядами и бриллиантами выделялись Расса и Анна Гинцбурги. Вечер начался с вокального и инструментального концерта, в котором участвовали знаменитые музыканты. В 2 часа ночи гостям был предложен великолепный ужин, «соперничавший с пирами царей Артаксеркса и Валтасара». Бал закончился в 4 часа. Этот праздник признали одним из самых красивых в Париже в ту зиму⁵⁸.

В мае следующего 1858 г. Гинцбурги дали очередной бал, который, по словам очевидцев, был «полон богатой экстравагантности», в котором приняли участие более 1000 гостей. Много было известных лиц: аристократы, чиновники, дипломаты, финансисты, промышленники, литераторы и др. 16 ярко освещенных, как днем, залов были обильно украшены цветами. Несколько залов были специально обтянуты шелковыми тканями. Для расширения помещений разобрали перегородки. Прием начался в 10 часов вечера. Приглашенные артисты дали великолепный концерт, после которого начались танцы, продолжавшиеся до 4 часов ночи. Играли два оркестра, можно было перекусить и охладиться напитками в двух буфетах. Поданный в 2 часа ночи в двух залах горячий ужин был особо изыскан, меню состояло из разнообразных «раритетных кулинарных» блюд. Было подано 100 фазанов, более 500 бутылок вина. Утверждали, что Гинцбурги потратили как минимум 50 тыс. фр., а может и больше. Только на одни цветы была израсходована огромная сумма денег. В прессе сообщалось о «полном успехе» праздника, о котором еще будут долго вспоминать⁵⁹.

Появление Евзеля Гинцбурга в Париже французские газеты сравнивали с «бомбой». Его называли «богатым евреем-волшебником». Уверяли, что «он вбил в себе в голову» пригласить к себе «все предместье Сен-Жермен, плохо зная эту часть французского общества», состоящую из старинной и новой французской знати. Он рассылал им приглашения, сопровождая их браслетами, серьгами и другими драгоценностями, чем добился признания⁶⁰. Его называли «одним из первых иностранных миллионеров основателей космополитических салонов» в Париже⁶¹.

Пребывание в Париже затянулось, и Гинцбурги решили более основательно обосноваться там. В 1860 г. они перебрались в огромную квартиру снятую ими на улице Прессбург (rue de Presbourg), 8, где прожили 10 лет.

6 марта 1862 г. в Париже состоялась свадьба дочери Е.Г. Гинцбурга Матильды (Хаи-Матлеи) с племянником французского министра финансов при Наполеоне III нотариусом Полем Фульдом (1837—1917). По этому поводу был дан великолепный бал. Приданное невесты, по утверждению французской прессы было одним из самых значительных, возможно самым большим в Париже. Размер его превосходил 100 тыс. фр.⁶²

В мае 1867 г. Е.Г. Гинцбург купил в центре Парижа, недалеко от Триумфальной арки около 2788 кв. м. престижной земли и сразу приступил к строительству собственного дома, общей площадью 1722 кв. м. Архитектором был приглашен Шарль Руо де Флери. Отделку особняка доверили скульптору Фредерiku Луи Богино, украсившему фасады здания женскими и мужскими фигурами, а также декором сельскохозяйственной и индустриальной тематики. Интерьер в доме оформляли художники Шарль Шаплен, Александр Доминик Денуэл и Алекс Жозеф Мацеролли. Строительство было завершено в 1870 г. и семья Гинцбург переехала в собственный дом (l'hôtel de Gunzburg).

Один его фасад с садом выходил на площадь Этуаль (place de l'Étoile), а другой — на улицу Тильзит (rue Tilsitt), 7. С нее был парадный вход с небольшим «двором». Две другие стороны здания выходили на авеню де Ваграм (l'avenue de Wagram) и авеню Мак-Магон (l'avenue Mac-Mahon). Особняк с высоким цокольным этажом, двумя этажами и мансардой был обнесен кованной чугунной оградой. В доме имелись погреба, собственная котельная, единое водоснабжение, бытовой газ и электричество, были даже гидropневматической лифт и телефон. Напротив особняка на той же улице Тильзит было построено еще одно строение для различных служб⁶³.

Осев в Париже, Евзель Гинцбург вместе с сыном Горацием продолжали вести коммерческие дела в России, деля жизнь между Петербургом и Парижем, где оставались их семьи. Со временем Гинцбург-старший все реже и реже приезжал в Россию, предпочитая подолгу жить во Франции. Последняя его поездка в Петербург состоялась с июля по ноябрь 1874 г.⁶⁴ С середины 1870-х гг. из-за болезни он постоянно находился в Париже, где умер 31 декабря 1877 г. (12 января 1878 г.) от апоплексического удара⁶⁵.

Е.Г. Гинцбург был похоронен 2 (14) января на парижском кладбище Монпарнас (Le cimetière du Montparnasse) в фамильном склепе, где покоилась скончавшаяся годом ранее его невестка — Анна Гесселевна⁶⁶. Она умерла 27 ноября (9 декабря) 1876 г.

На похоронах Евзеля Гинцбурга присутствовали его сыновья, внуки, племянники, двоюродные племянники, русский чрезвычай-

ный посланник во Франции князь Н.А. Орлов, все сотрудники посольства, французские финансисты⁶⁷.

Громадное состояние и фирма «И.Е. Гинцбург» перешли к трем сыновьям Евзеля Гинцбурга — Горацию, Урию и Соломону. Согласно завещанию отца пользование наследственными правами обуславливалось сохранением сыновьями российского подданства, а также веры предков. В духовном завещании Гинцбург распорядился не отчуждать Таврические имения, превышавшие 50 тыс. дес. земли, до смерти последнего из своих наследников, а доходы от них направлять по усмотрению старшего сына Горация только на благотворительные цели. Выполняя волю отца, братья в 1879 г. через министра юстиции Д.Н. Набокова обратились к Александру II с просьбой все крымские имения отца «обратить в полную и неотъемлемую собственность особого учреждения под названием “Наследственного учреждения семейства Гинцбург”» с правами юридического лица. Целью для основания семейного фонда была финансовая поддержка всех без исключения потомков Е.Г. Гинцбурга. Такое право Гинцбургам было даровано⁶⁸. В 1905 г. наследники приняли решение образовать «капитал в обеспечение благотворительных выдач, для чего... совершить залог части таврических имений»⁶⁹. Вследствие не вполне удачного управления имениями в Крыму доход от них был сравнительно невелик и не превышал 60—70 тыс. руб. в год, но их рыночная стоимость была весьма значительной.

Вдова барона Гинцбурга Раиса Давидовна по завещанию супруга получила в пожизненное пользование недвижимое владение, которое приносило ежегодный доход не менее 30 тыс. руб., но поскольку в числе наследства такого имения не было, то с ее согласия сыновья договорились пожизненно переводить матери через парижскую контору банкирского дома «И.Е. Гинцбург» по 10 тыс. фр. в каждый месяц, т.е. 120 тыс. фр. в год, что соответствовало сумме 30 тыс. руб. сер.

Дочь Хая-Матлея Фульд по распоряжению отца получила земельный участок в Париже на улице Тройон и дом на улице Тильзит, 7, которые она по соглашению оставила в общей массе наследства завещанного братьям. После двух неудачных попыток наследников Е.Г. Гинцбурга продать особняк с торгов, его в июне 1886 г. за 2,2 млн фр. приобрел железнодорожный магнат граф Спирidon Филипп Виталий⁷⁰. Хая-Матлея получила всю свою наследственную долю сполна, в том числе и определенный ей в завещании 1 млн фр. на устройство и содержание детей, а также пожизненную ежегодную ренту 50 тыс. фр.

Кроме того, Евзель Гинцбург завещал на постройку Большой хоральной синагоги в Петербурге 70 тыс. руб., из которых большая часть была перечислена еще при его жизни⁷¹.

На смену банкирскому дому «Штиглиц и К^о»

18 ноября 1859 г. в извещении об открытии в Петербурге банкирского и торгового дома «И.Е. Гинцбург» Евзель Гинцбург доводил до всеобщего сведения, что им уполномочены на управление делами фирмы его сын Гораций и петербургский купец 1-й гильдии Фердинанд Гене⁷². За Е.Г. Гинцбургом, как «главным компаньоном», сохранялось общее руководство делами фирмы.

Старший сын Евзеля Гинцбурга Зискинд, не проявлял особой склонности к коммерческой деятельности, мало интересовался делами семейной фирмы, вел «беспутную парижскую жизнь» и умер в возрасте 47 лет в Неаполе в 1878 г. Отец еще до его смерти фактически отрекся от него и сделал своим преемником второго сына — Горация⁷³. 31 мая 1861 г. во французской прессе появилось сообщение, подписанное Евзелем и Зискиндом (Александром), в котором уведомлялось, что отныне последний обязуется не заключать никаких денежных операций, не подписывать никаких обязательств, не совершать никаких платежей без разрешения своего отца⁷⁴.

Конторы банкирского и торгового дома «И.Е. Гинцбург» в 1860-х гг. имелись в Симферополе, Рогачеве, Звенигородке и Киеве⁷⁵.

15 ноября 1869 г. в Париже было открыто отделение петербургского банкирского дома «И.Е. Гинцбург». Согласно договору компаньонами являлись Евзель Гинцбург, в качестве старшего партнера, и его сыновья Гораций и Соломон. Следующий договор был заключен 14 сентября 1875 г. В 1877 г. Евзель Гинцбург прекратил личное участие в управлении банкирским домом⁷⁶. Заведывание парижским отделением перешло к его младшему сыну Соломону (1848—1905). Он постоянно жил в Париже и лишь изредка приезжал в Россию, предоставляя ведение дел в Петербурге своему доверенному Л.Л. Мейеру.

Парижское отделение банкирского дома «И.Е. Гинцбург» располагалось на ул. Друо (Rue Drouot), 11, позднее — на ул. Святого Георга (Rue Saint-Georges), 1, затем — на бул. Осман (Boulevard Haussmann), 25⁷⁷.

В мае 1886 г. в Петербурге братья Гораций и Соломон Гинцбурги заключили между собой новый договор торгового товарищества о совместном управлении банкирским домом в Петербурге и Париже под фирмой «И.Е. Гинцбург». Оба брата совместно с фридрихсгамским и петербургским купцом 1-й гильдии Адольфом Грубе, а также «вкладчицей, не поименованной в торговом реестре» являлись владельцами торгового и банкирского предприятия на правах полного товарищества. Подобный договор между Горацием, Соломоном

Гинцбургами и А. Грубе сроком на 10 лет был подписан 5 октября 1888 г. в Париже. Уставной капитал составлял 2 млн фр.⁷⁸

Банкирский и торговый дом «И.Е. Гинцбург» в Петербурге почти сразу приобрел европейский вид и характер операций, совершенно отличавшихся от прежней откупной конторы⁷⁹. Новая деятельность требовала более высокой организации дела, выделения и развития специальных подразделений. Создаются отделы текущих счетов и вкладов, вексельный, комиссионный (инкассовый), переводов, фондовый, товарный, корреспондентский, экспедиционный, юрисконсультский и др., совершенствуется деятельность кассы и бухгалтерии. Довольно быстро банкирский дом «И.Е. Гинцбург» стал одним из крупнейших финансовых учреждений не только Петербурга и России, но и Европы.

Петербургская контора банкирского дома «И.Е. Гинцбург» находилась в Адмиралтейской части, на Конногвардейском бул., 17, где занимала огромное помещение. Фасады здания выходили также на Галерную ул., 20 и Замятин пер., 4. Вход в контору находился со стороны Замятина пер. Дом принадлежал известному столичному миллионеру, откупщику И.О. Утину и был построен по его заказу в конце 1850-х гг. архитектором Р.И. Кузьминым. Парадные фасады здания, выходящие на Конногвардейский бул. и Галерную ул., обильно декорированы в стиле барокко многочисленными женскими фигурами и путти, выполненными по моделям скульптора Д.И. Иенсена. В этом огромном доходном доме с мансардой располагалась не только контора банкирского и торгового дома «И.Е. Гинцбург», но правления ряда компаний, учрежденных Гинцбургами. Весь бельэтаж здания с 1876 г. занимала семья Горация Гинцбург. Остальная часть дома сдавалась внаём. В 1879 г. Г.Е. Гинцбург приобрел дом в собственность, а в 1892 г. продал его Петербургскому обществу страхования от огня имущества и страхования пожизненных доходов и денежных капиталов.

По мнению современников, фирма «И.Е. Гинцбург» заменила в Петербурге банкирский дом «легендарного Штиглица», ликвидированного в октябре 1859 г. свои дела⁸⁰. С прекращением частных банкирских дел барона А.Л. Штиглица основные операции с векселями перешли к «И.Е. Гинцбург», частично «Э.М. Мейер и К^о».

С.М. Барац вспоминал, что через его руки в конторе банкирского дома «И.Е. Гинцбург» проходило ежегодно от 40 до 45 тыс. штук векселей из общей массы около 1,2 млн. штук как выписанных из-за границы на Россию, так и выданных в России (частично по дискунту, частично по инкассо). Барац утверждал, что по операции инкассо векселей, присылаемых как из России, так и из-за границы, фирма

«И.Е. Гинцбург» не имела соперников, потому что возникла за 12—15 лет до появления в Петербурге достаточного числа акционерных коммерческих банков, а также потому, что, имея свой филиал в Париже, пользовалась широкой известностью в Европе. Эту позицию по количеству комиссионных векселей фирма Гинцбургов сохраняла до конца своего существования. По размерам учета и переучета векселей она конкурировала с самыми крупными петербургскими кредитными учреждениями, опубликованные отчеты и балансы которых свидетельствовали о том, что ни одному из них не удавалось превзойти по объемам вексельных операций банкирскую контору «И.Е. Гинцбург»⁸¹.

Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» в Петербурге являлся официальным корреспондентом банков Ротшильдов в Париже, Лондоне, Франкфурте и Вене. Тесные деловые контакты сложились с банкирскими домами С. Варбурга в Гамбурге, Г. Блейхредера и «Мендельсон и К^о» в Берлине, фон Габера во Франкфурте-на-Майне, Э. Госкье и Камондо в Париже и др. Через контору «И.Е. Гинцбург» после закрытия «Штиглиц и К^о» переводили деньги многие русские, отправлявшиеся за границу или там находящиеся.

Одним из постоянных клиентов банкирской фирмы «И.Е. Гинцбург» был писатель И.С. Тургенев, который регулярно переводил и получал через нее крупные суммы денег (до 15 тыс. руб.), приобретал и продавал ценные бумаги на разные суммы. Так в письме к Г.Е. Гинцбургу от 8 (16) февраля 1881 г. Тургенев просил своего «любимейшего друга» 5000 руб. «употребить на покупку каких-нибудь верных бумаг и присообщить к 45000 харьковским облигациям», хранящимся в банкирской конторе «И.Е. Гинцбург»⁸².

Сам писатель плохо разбирался в финансовых вопросах и доверял свои денежные и имущественные дела Г.Е. Гинцбургу, уполномочивал его на продажу или заклад своего родового имения Спаского-Лутовинова, хранил в его банкирской конторе свои деньги и ценные бумаги. Кроме деловых отношений между Тургеневым и Гинцбургом сложились теплые дружеские взаимоотношения.

Клиентом конторы «И.Е. Гинцбург» был писатель М.Е. Салтыков-Щедрин, который также пользовался ее услугами, обменивал деньги, покупал и продавал ценные бумаги. В своей переписке Салтыков-Щедрин отмечал добросовестность работы служащих банкирского дома, особенно С.М. Бараца. Однако о самом банкире Г.Е. Гинцбурге писатель отзывался не очень лестно⁸³.

Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» неоднократно предоставлял ссуды для нужд российского правительства. Так во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. сумма его подписки на внутренний

5%-ый заем 1878 г. (Второй восточный заем), выпущенный для покрытия чрезвычайных военных расходов, составила 10 млн руб. Подобный размер подписки, по словам Б.В. Ананьича, был столь значительным, что «дает основание ставить это финансовое учреждение в один ряд с крупными акционерными банками». На такую же сумму подписался Государственный банк и Петербургский Частный коммерческий банк⁸⁴.

В качестве учредителей отец и сын Гинцбурги принимали активное участие в образовании и финансировании многочисленных акционерных обществ в России. При их содействии открылись более 10 акционерных банков⁸⁵, среди которых были Киевский Частный коммерческий банк (1868), Петербургский Учетный и ссудный банк (1869), Одесский Коммерческий банк (1870), Ревельский Коммерческий банк (1871), Русский для внешней торговли банк (1871), Ростовский-на-Дону Коммерческий банк (1871), Самарский Земельный банк (1872), Сибирский Торговый банк (1872), Виленский Земельный, банк (1872), Бессарабско-Таврический земельный банк (1872). Директором Учетного и ссудного банка стал бывший главный бухгалтер банкирского дома «И.Е. Гинцбург» А.И. Зак, а Г.Е. Гинцбург вошел в правление этого банка.

Г.Е. Гинцбург был одним из пайщиков образованного 1 января 1869 г. в Петербурге банкирского дома под названием «Товарищество на вере, Жадимеровский, Баймаков и К^о», с капиталом 200 тыс. руб., внесенных товарищами и пайщиками⁸⁶. Фирма «И.Е. Гинцбург» была одним из кредиторов столичного банкирского дома К.К. Фелейзена⁸⁷.

В мае 1872 г. Е.Г. Гинцбург, И.А. Варгунин, В.И. Сазиков, И.Д. Якобсон и др. заключил договор о содействии к учреждению Петербургского Кредитного банка⁸⁸. Однако воплотить данный проект не удалось.

21 февраля 1880 г. в Париже был учрежден акционерный «Русский и французский банк» (Banque Russe et Française) с капиталом 25 млн фр. Основание этого банка французская и русская пресса приписывала усилиям банкирского дома «И.Е. Гинцбург», имевшему свое отделение в Париже, и постоянно проживающего во Франции Ф.И. Петрокино. В административный совет банка с французской стороны входили С.Е. Гинцбург — глава парижского отделения фирмы «И.Е. Гинцбург», Ф.И. Петрокино и И.П. Скараманга, с российской — Г.Е. Гинцбург, Э.М. Мейер, В.А. Половцов и А.И. Катугар⁸⁹.

В 1870—1873 гг. Е.Г. Гинцбург совместно с французскими банкирами Рафаэлем-Луи Бишофсхеймом, Густавом Хальфеном, Луи-

Жаном Кенигсвартером, Леопольдом Голдсмитом и Андре Лютшером входил в Совет директоров учрежденного Франко-Египетского банка (*Banque franco-égyptienne*)⁹⁰.

Гинцбурги активно вкладывали капиталы в страховое дело, участвуя в учреждении Русского общества перестрахования (1869), Варшавского страхового от огня общества (1870), Киевского взаимного от огня страховании (1872) и Страхового общества «Россия» (1881). Г.Е. Гинцбург состоял директором Русского общества перестрахования и до 1892 г. — членом правления Страхового общества «Россия».

Фирма «И.Е. Гинцбург» также активно участвовала в коммерческих проектах в других сферах предпринимательства. Евзель Гинцбург стал одним из главных акционеров компании Цепного (туэрного) пароходства по р. Шексне (1861). Своей целью она ставила буксировать таурным (цепным) способом суда по рекам Оке, Шексне и Москве от Нижнего Новгорода до городов Коломны и Москвы, от Рыбинска до Белозерского канала. Согласно уставу компания обязывалась в течение трех лет со дня учреждения открыть действия на р. Шексне, а затем и других реках. Учредители обещали предоставить владельцам судов возможность пользоваться цепями компании, если на них будут установлены специальные приспособления⁹¹.

Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» принимал деятельное участие в учреждении и финансировании Товарищества Киевского сахарно-рафинадного завода (1868), Товарищества Чонгарских соляных промыслов (1875), Товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов (1881), акционерного общества «Электролит» (1898) др. Гинцбурги являлись крупнейшими акционерами Биби-Эйбатского нефтепромышленного общества (1899), главными пайщиками в Товариществе Могилянского свеклосахарного завода (1880). В 1893 г. банкирский дом «И.Е. Гинцбург» совместно с петербургскими купцами 1-й гильдии И.И. Дурдиным, братьями А.Г. и Г.Г. Елисеевыми и тайным советником В.А. Ратьковым-Рожновым приобрели бывший «Славянский пиво- и медоваренный завод», который стал называться Петербургским акционерным обществом «Новая Бавария».

Фирма «И.Е. Гинцбург» не принимала непосредственного участия в железнодорожном строительстве в России. Однако при ее содействии осуществлялись железнодорожные концессии в огромных размерах. Банкирский дом Гинцбургов сделался главным кредитным учреждением для всех строившихся и эксплуатирувавшихся железных дорог. Основные операции были сосредоточены на реализации железнодорожных займов гарантированных правительством.

Еще только приступив к банковской деятельности фирма «И.Е. Гинцбург» получила ведение дел петербургского агентства Рижско-Динабургской железной дороги, которыми ранее занимался торговый дом «А. Жадимировский и Сыновья», сложивших с себя эти обязанности в связи с ликвидацией⁹².

Евзель Гинцбург владел наибольшим числом акций Главного общества российских железных дорог (1857)⁹³. По соглашению с правлением Русского общества пароходства, торговли и Одесской железной дороги (1870) банкирские учреждения «И.Г. Гинцбург» и «Леон Розенталь» в Петербурге, «Ефрусси и К^о» и «Рафалович и К^о» в Одессе и банкир М.Г. Вейкерсгейм в Вене брали обязательство реализации капитала по 155435 акциям Одесской железной дороги на сумму 15543500 руб. и по производству всех работ и поставок⁹⁴. Кроме того, от них зависели условия и время выпуска акций. Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» участвовал в финансировании Общества Либавской железной дороги (1871) и ряда других обществ.

Другой специализацией банкирского дома «И.Е. Гинцбург» с начала 1870-х гг. стало финансирование золотопромышленных предприятий на Алтае, в Восточной Сибири и Забайкалье. Несмотря на имевшееся в российском законодательстве праве евреев заниматься золотодобычей (Устав о частной золотопромышленности, высочайше утвержденный 24 мая 1870 г.) Гинцбургам пришлось столкнуться с бюрократическими препонами. Назначенный в 1871 г. генерал-губернатором Восточной Сибири Н.П. Синельников отправил запрос министру финансов М.Х. Рейтерну для подтверждения этого положения. Рейтерн направил запрос в Горный департамент, который в свою очередь потребовал заключения по данному вопросу от Департамента торговли и мануфактур, а тот переправил его в Министерство внутренних дел. Последнее нашло, что «все различные, возбуждаемые относительно евреев вопросы должны быть отложены на неопределенное время, для рассмотрения их в совокупности»⁹⁵. Лишь в 1872 г. после ряда согласований между Министерством финансов, внутренних дел и II Отделением собственной его императорского величества канцелярии было признано, «что из числа евреев могут заниматься в Сибири золотопромышленностью... купцы 1-й гильдии, которые... приобрели право приписываться ко всем вообще городам Российской империи»⁹⁶. На этом основании Гинцбурги получили официальное свидетельство на право ведения золотопромышленной деятельности в Восточной Сибири.

Г.Е. Гинцбург, выступая от имени банкирского дома, от имени отца и по его доверенности, а также от своего имени был участником нескольких крупных золотопромышленных предприятий Рос-

сии. Он владел 280 паями из 1000 Алтайского золотопромышленного дела. В число пайщиков входили генерал-адъютант А.А. Галл, принц Александр Гессенский, генерал от инфантерии П.П. Дурново, тайный советник Е.И. Ламанский, В.А. Ратьков-Рожнов, статский советник Д.В. Стасов, торговый дом «Мейер и К^о», генерал-лейтенант В.И. Асташев. Гинцбург имел 1 пай из 100 Амгунской золотопромышленной компании, пайщиками которой были К.А. Варгунин, статский советник И.Л. Гольдштандт, братья Д.И. и Ф.И. Петрокино, статский советник Н.М. Полежаев, А.Ю. Ротштейн, П.А. Скаманга и др.

Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» приобрел 100 паев из 300 Безрезовского золотопромышленного товарищества. Среди пайщиков были генерал-лейтенант Н.О. Адельсон, принц Людвиг Баттенберг, граф И.И. Воронцов-Дашков, баронесса Е.Ф. Ган, генерал-лейтенант К.И. Гершельман, П.П. Дурново, Е.И. Ламанский, герцог Н.М. Лейхтенбергский, действительный статский советник А.А. Половцов, братья графы П.А. и П.А. Шуваловы и др. Гинцбурги имели 4 пая из 100 Верхне-Амурской золотопромышленной компании. Паями также владели А.М. Абаза, контр-адмирал А.К. Асланбегов, графиня А.Д. Головина, В.А. Ратьков-Рожнов и др. В распоряжении Гинцбургов находилось 247 из 500 паев Забайкальского золотопромышленного товарищества Катышенцева, Каншина и др. Пайщиками были П.Ф. Родоконаки, В.А. Ратьков-Рожнов, торговый дом «Мейер и К^о» и др.

Г.Е. Гинцбург располагал $\frac{1}{2}$ % от всего добытого золота и 20 паями из 400 Миасского золотопромышленного дела. Кроме него пайщики имели К.А. Варгунин, Петербургский Международный коммерческий банк, П.П. Дурново, И.Д. Красносельский, Ю.С. Нечаев-Мальцов, Э.Е. Линдес, В.А. Ратьков-Рожнов и др. Гинцбурги приобрели 6 и $\frac{1}{12}$ пая из 44 Удереиской золотопромышленной компании. В собственности банкирского дома «И.Е. Гинцбург» числились 30 паев из 100 «Южно-Алтайского золотопромышленного дела «П.Д. Мальцев и К^о»». В числе пайщиков были генерал-лейтенант Н.О. Адельсон, генерал-майор Н.И. Бобриков, генерал-лейтенант Н.П. Брок, А.А. Галл, генерал-адъютант К.И. Гершельман, князь А.К. Имеретинский, Е.В. Ламанский, Ю.С. Нечаев-Мальцов, Л.С. Поляков, М.Н. Прокудин-Горский, В.А. Ратьков-Рожнов, торговый дом «Мейер и К^о», барон К.К. Фелейзен, граф П.А. Шувалов.

Г.Е. Гинцбург был одним из основных пайщиков Ленского золотопромышленного товарищества. Скупая векселя иркутских купцов — основателей общества он разорил сначала одного, затем другого. В результате банкирский дом «И.Е. Гинцбург» полу-

чил 410 паев из 900. Среди пайщиков были В.А. Ратьков-Рожнов, П.Ф. Родоканаки, Российское золотопромышленное общество, торговый дом «Э.М. Мейер и К^о». Директорами правления были Г.Е. Гинцбург, управляющий торговым домом «Э.М. Мейер и К^о», статский советник К.Ф. Винберг, инженер С.Е. Палашковский, Альфред Горациевич Гинцбург и купец И.Д. Красносельский⁹⁷.

В мае 1895 г. Г.Е. Гинцбург стал соучредителем крупного акционерного предприятия получившего название «Российское золотопромышленное общество». Среди основанных Гинцбургами предприятий было акционерное общество «Платина» (1899) с основным первоначальным капиталом 1,2 млн руб., разделенных на 2400 акций по 500 руб. каждая. Обществу принадлежали платиновые и золотоносные прииски в Пермской губернии в Верхнетурском уезде по рекам Иса, Тура и Актай, а также в Кунгурском уезде по реке Серебряной.

Однако самым масштабным из всех золотодобывающих предприятий Гинцбургов было Ленское золотопромышленное общество, ведавшее большим числом приисков, разбросанных на обширных пространствах Иркутской губернии и Якутской области. Основной капитал «Лензолота» составлял 4,5 млн руб. разделенный на 9 тыс. акций по 500 руб. В феврале 1897 г. по предложению Г.Е. Гинцбурга основной акционерный капитал был увеличен на 1,5 млн руб. выпуском 3 тыс. акций по 500 руб. каждая. 5 февраля 1898 г. акции «Лензолота» были допущены к котировке на Петербургской бирже. В марте того же года по ходатайству чрезвычайного общего собрания акционеров капитал общества был увеличен еще на 3 млн руб. выпуском 6 тыс. новых акций. По размерам «Лензолото» являлось не только самым крупным золотопромышленным предприятием в России, но и одним из крупнейших в мире. Оно имело свою Бодайбинскую железную дорогу, связывавшую прииски с большой землей. В 1909 г. Товарищество основало собственное пароходство. За границей, в Англии были заказаны крупные, мощные пароходы: «Барон Гораций Гинцбург», «Карл Винберг», «Альфред», металлические баржи большой грузоподъемности для работы на реках Лене и Витиме.

Гинцбурги инвестировали капиталы в ряд французских компаний. Они имели доли в Câbles télégraphiques, Accumulateurs Dinin, Paris & Rhône, Est-Lumière, Mines d'Algérie et de Tunisie, Pétrofina, Société St. Louis du Rhône и др.

Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» установил прочные партнерские отношения со многими как российскими, так и европейскими банкирами и промышленниками. Часто они подкреплялись брачными узами. Гинцбурги были связаны родством с Е.М. Ашкена-

зи, Л.И. Бродским, С. Варбургом, Э. Ротшильдом, С. Голдсмитом, И. Сасун, Л. фон Гутманом и др.

Гораций Гинцбург и Евгений Ашкенази были женаты на родных сестрах Анне и Луизе, в девичестве Розенберг. Соломон Гинцбург женился на дочери парижского банкира Соломона Голдсмита Генриетте-Эрнестине. На дочерях сахарозаводчика Л.И. Бродского Гетте женился Исаак Горацевич Гинцбург, а Кларе — Владимир Горацевич Гинцбург. Александр Горацевич Гинцбург женился на дочери С. Варбурга Розе, которая приходилась ему двоюродной сестрой. Петр Горацевич был женат на Ивонне — дочери известного французского финансиста и мецената Эмиля Дейтша де ля Мерта. Дочь Евзеля Гинцбурга Хая-Матлея вышла замуж за Поля Фульда. Их старшая дочь Эмилия вышла замуж за Эмиля-Соломона-Жоржа Хальфина, другая дочь Мари-Генриетта стала женой барона Эдмона (Эдуарда) де Ротшильда, третья Сузанна — супругой французского живописца, композитора и судовладельца Рауля Градиса.

Гораций Гинцбург: «Банкир и биржевой Ваал...»

По мере расширения коммерческой деятельности отца, к управлению семейными делами приобщался Гораций Евзелевич (Осипович) Гинцбург, «постоянно состоящий с ним в нераздельном капитале» («числящийся в капитале отца», «при отце») еще с конца 1840-х гг.⁹⁸ Он с юношеских лет сопровождал родителя в его деловых поездках, в том числе и в Петербург.

Гораций родился 14 января 1833 г. в Звенигородке Киевской губернии, детство и отроческие годы провел в Каменец-Подольске, где проживала семья и были главные коммерческие интересы отца. В соответствии с желанием отца он получил одновременно религиозное еврейское и светское образование, в частности изучал современные иностранные языки. По обычаю того времени состоятельные евреи избегали отдавать своих детей в ходеры и давали им образование дома, приглашая учителей. Древнееврейскому языку, Талмуду, Пророкам и Библии его обучал известный деятель еврейской культуры (Хаскалы) гебраист Мордехай Сухоставер, автор опубликованного в 1829 г. введения к сочинению средневекового теолога и философа Моше Маймонида (Рамбам) «Море Небухим» («Путеводитель сомневающимся»). В течение многих лет Сухоставер был секретарем Евзеля Гинцбурга⁹⁹.

Другим преподавателем Горация был Э.Б. Левин, бывший учитель житомирского раввинского училища, преподаватель образ-

цовой талмуд-торы Лурье в Минске, знаток законодательства об евреях. Он служил в Каменецкой откупной конторе Е.Г. Гинцбурга. С открытием банкирского дома «И.Е. Гинцбург» в Петербурге Левин также переселился в столицу, где занимался коммерческими делами как ошмянский купец 2-й гильдии. Он являлся доверенным лицом и личным секретарем по еврейским делам у Евзеля, а потом у Горация Гинцбургов. Они доверяли Левину ведение своих дел в сношениях с различными учреждениями и ведомствами, а также частными лицами¹⁰⁰.

Круг полномочий Левина был весьма широк. Гинцбурги поручали ему «по всем долгам платежи требовать, в случаях неуплаты векселя протестовать, заемные письма по не платежу заявлять и таковые как и другие разного рода долговые обязательства куда следует ко взысканию представлять, о наложении ареста на движимые и запрещения на недвижимые имущества, а также о личном задержании должников ходатайствовать...»¹⁰¹. Позже добавилось еще одна функция: «куда следует представлять» паспорта и документы служащих в конторах Гинцбургов евреев, ходатайствовать о выдаче им видов на жительство и эти документы представлять в Департамент внутренних сношений Министерства иностранных дел и получать их обратно¹⁰².

В начале 1870-х гг. Евзель Гинцбург перестал поручать Левину в ведение своих коммерческих дел и поручил в соответствии с его призванием «исключительно заниматься еврейским вопросом, следить за всем тем, что пишут за и против... и делать... все возможное в защиту против нападок» на евреев¹⁰³. Левин первым собрал все действующие российские законы о евреях и издал их на средства Г.Е. Гинцбурга. Им были подготовлены многочисленные докладные записки о положении евреев в России, которые представлялись Гинцбургами в разные учреждения. Особенно много работал Левин во время знаменитой Высшей комиссии по пересмотру действующих о евреях в Империи законов (1883—1888) под председательством графа К.И. Палена. В комиссию в качестве экспертов были приглашены и евреи, в том числе и Г.Е. Гинцбург¹⁰⁴. Лишь в начале 1890-х гг. Левин, уже глубоким стариком, после более чем 40 лет службы у Гинцбургов ушел на покой.

В июле 1853 г. 20-летний Гораций Гинцбург женился на своей 15-летней кузине Анне (Хане) Гесселевне (1838—1876). Она была дочерью его родной тетки Эльки Габриэловны и житомирского купца Хаима-Йеошуа-Гершеля (Гесселя Марковича) Розенберга. Он был сотрудником откупной конторы Е.Г. Гинцбурга, а позже стал самостоятельным негодантом, киевским купцом 1-й гильдии, потомственным почетным гражданином. В Киеве Розенберг занимал

видное положение в сахарной промышленности. Другие четыре его дочери также вышли замуж за известных банкиров и финансистов. Теофила-Ривка-Това стала женой банкира Сигизмунда Варбурга, Роза — Йосефа фон Гирша, Розалия — будапештского финансиста Герцфельда (позже разорившегося и поддерживаемого Г.Е. Гинцбургом), Луиза — одесского банкира Е.М. Ашкенази. Все сестры отличались красотой, получили европейское воспитание и образование¹⁰⁵.

Анна Гесселевна по утверждению современников была женщиной «редких душевных качеств», имевшая громадное влияние не только на своего мужа, но и тестя¹⁰⁶. Она родила 8 сыновей: в 1855 г. — Габриэля-Якова, в 1858 г. — Давида, в 1859 г. — Мордехая-Альфреда (Марка), в 1863 г. — Александра-Моисея, в 1865 г. — Авраама-Альфреда, в 1870 г. — Дмитрия-Исаака, в 1872 г. — Петра-Бениамина, в 1873 г. — Владимира-Георга-Вольфа и 3 дочери: в 1862 г. — Луизу, в 1865 г. — Матильду и в 1877 г. Анну-Любовь-Татяну-Сарру. После тяжелых родов младшей дочери она скончалась и была похоронена в Париже на кладбище Монпарнас.

Значительную часть времени Гораций Гинцбург проводил в Париже, и парижская жизнь наложила особый отпечаток на его личность и характер. По своему положению в обществе он принадлежал к так называемому кругу «la JuiveriedelahauteBanque» (еврейство высших банковских кругов), как его именовали французы. В Париже Гинцбург сошелся с Джемсом-Мейером Ротшильдом и его сыном Альфонсом Ротшильдом, позже с английским лордом Натаниэлем Ротшильдом. Вместе они создали несколько учреждений объединявших евреев Востока с единоверцами на Западе.

С 1860-х гг. дела банковского дома стали требовать постоянного пребывания Горация Гинцбурга в России, не желая расставаться со своей семьей, он перевез ее из Парижа в Петербург. С 1874 г. он состоял самостоятельно в петербургском купечестве 1-й гильдии и вел дела семейного торгового и банковского дома «И.Е. Гинцбург».

На деловой почве установились тесные связи Горация Гинцбурга с родным братом императрицы Марии Александровны (супруги Александра II) принцем Александром Гессен-Дармштадским, служившим в русской армии. Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» стал заведовать финансовыми делами семьи великого герцога Гессенского. Его сын князь болгарский Александр I также симпатизировал Гинцбургу и доверял ему вести свои личные дела, как и других представителей Гессенского дома Баттенбергов¹⁰⁷. При каждой поездке в Петербург представители гессенского дома посещали Г.Е. Гинцбурга.

Когда Александр Баттенберг стал болгарским князем, то он предложил Гинцбургу принять участие в постройке железной дороги в

Болгарии и учреждении Национального банка. Болгарские министры и уполномоченные вели с ним переговоры. Гинцбург дал согласие и даже отправил в Софию своего представителя Н.И. Утина, который весьма энергично принялся за дело. Гинцбурга и Утина всячески поддерживал российский дипломатический агент и генеральный консул в Болгарии А.М. Кумани. Но после свершившегося государственного переворота в 1881 г. в Систове дела Гинцбурга в Болгарии закончились ничем¹⁰⁸.

С мая 1868 по 1872 г. Г.Е. Гинцбург состоял гессен-дармштадтским генеральным консулом в Петербурге¹⁰⁹. В 1870 г. великий герцог Людвиг III Гессен-Дармштадский пожаловал Горацию Гинцбургу баронский титул¹¹⁰. Впрочем, «злые языки» утверждали, что звание было куплено. После объединения Германии в 1872 г. должность консула была упразднена, но отношения с гессенским домом сохранились. В 1874 г. великий герцог пожаловал баронский титул и Евзелю Гинцбургу. Высочайшим повелением императора Александра II Гинцбургам с 1879 г. было разрешено пользоваться баронским титулом в России потомственно. Однако пожалование иностранного титула не давало прав на дворянство в России. Гинцбурги, как и Гауфы, оставались в звании потомственных почетных граждан, в каком они состояли до получения баронского титула¹¹¹.

Сомнительный баронский титул Гинцбурга вызывал немало язвительных шуток современников. Популярный в свое время публицист, поэт-сатирик В.П. Буренин отзывался так:

Барон Мордухай благородный
Владелец банкирской конторы...¹¹²

Не менее известный писатель и публицист В.О. Михневич, излагавший свою версию истории семьи Гинцбургов, полагал, что «нынешний представитель фамилии Гинцбургов ничего не имеет общего с темным родоначальником (кроме, конечно, унаследованных от него капиталов), по роду и качеству занятий, да, может быть, не любит об этом и вспоминать. Барон — человек просвещенный, с деликатными и изящными вкусами, весьма ревнив к своему баронскому титулу и, яко барон, имеет “свои фантазии” — фантазии возвышенные и грандиозные, соизмеряемые миллионами банкирских операций»¹¹³.

Другой современник, поэт-сатирик П.К. Мартьянов посвятил барону Г.Е. Гинцбургу следующее четверостишие¹¹⁴:

Банкир и гешефтмахер, биржевой Ваал,
Израильян кагала — туз-магнат,
Под Севастополем составил капитал
За счет народа и солдат.

Сословное положение Гинцбургов было не совсем обычным, даже беспрецедентным. С одной стороны, они числились в соответствующих книгах Департамента герольдии Правительствующего сената как потомственные почетные граждане. В то же время Департамент герольдии на основании высочайшего повеления о предоставлении Гинцбургам права пользоваться потомственно баронским титулом занес их в книгу титулованного дворянства.

Гинцбурги составили герб, представлявший собой щит, разделенный на четыре части. В первой и четвертой частях на белом поле было расположено изображение согнутой в локте руки в латах с копьем, на котором повязан красный вымпел. Во второй и третьей частях на красном поле были изображены пчелиный кокон и три пчелы. Щит венчала баронская корона, сверху которой находился шлем с перьями и еще одной дворянской короной, а также клейнодом в виде вздыбленного оленя. Щитодержателями был лев и олень, стоящие на кронштейне, в орнаменте которого располагался девиз: «Laboremus» (Будем трудиться). Герб был утвержден Департаментом герольдии, но правительство прав дворянства за Гинцбургом не признало. Иудей-дворянин в Российской империи было явлением чрезвычайно редким, даже «парадоксальным феноменом»¹¹⁵.

Прецедентов получения дворянства евреями известно несколько. Банкир Л.С. Поляков в 1897 г. за службу попечителем Мариинского благотворительного приюта в Москве и Ивановского-Девичьего училища в Петербурге получил дворянство по чину действительного статского советника и ордену Св. Станислава 1-й степени. Издатель А.Ф. Маркс получил дворянство за службу в качестве почетного члена Попечительства для сбора пожертвований на воспитание сирот и устройства бедных детей, а также по ордену Св. Владимира 4-й степени, композитор и пианист А.Г. Рубинштейн — за заслуги оказанные Петербургской консерватории и ордену Св. Владимира 4-й степени, И.С. Блюх — за службу членом Ученого комитета Министерства финансов, председателем Варшавского биржевого комитета и Варшавского купеческого общества, а также ордену Св. Владимира 4-й степени. Среди возведенных в дворянство евреев были Иван Синадин (по ордену Св. Владимира 4-й степени и службу почетным мировым судьей), Меркурий Комаров (по чину действительного статского советника и «особо полезную деятельность на поприще торговли»)¹¹⁶. По переписи 1897 г. в Российской империи проживало 196 потомственных и 2905 личных дворян-евреев обоего пола¹¹⁷.

Дворянский титул согласно статьям 22 и 37 Законов о состояниях и статьи 143 Учреждения орденов и других знаков отличий Свода

законов Российской империи давался при получении чина действительного статского советника, орденов Св. Станислава 1-й степени и Св. Владимира 4-й или 3-й степеней (до 1900 г.), с распространением прав на всех детей, рожденных до пожалования. Дворянство могло быть даровано за благотворительную деятельность и крупные пожертвования. Именно так приобрели привилегированный статус большинство евреев-дворян в России. На это рассчитывал и Г.Е. Гинцбург.

20 мая 1863 г. Гинцбург был определен почетным членом Комитета детского приюта имени принца Петра Георгиевича Ольденбургского. 9 февраля 1871 г. он был избран почетным членом Совета Дома призрения и ремесленного образования бедных детей в Петербурге, состоявшего под покровительством Александра II. В феврале 1873 г. Советом Дома презрения детей он был избран членом Распорядительного комитета, а в 1875 г. Общим собранием членов Дома призрения был избран членом Совета. В том же году наследник цесаревич Александр Александрович назначил Гинцбурга старшим почетным членом Дома призрения. За особые заслуги по представлению Попечительского совета приюта принца Ольденбургского имя барона Гинцбурга в 1893 г. было занесено на мраморную доску. Основанием было то, что за время службы он пожертвовал приюту 35 тыс. руб.¹¹⁸

С 1873 г. по высочайшему соизволению Гинцбург состоял членом-благотворителем Общества попечения о раненных и больных воинах, как ежегодно жертвующий на его нужды по 500 руб. Тогда же «за участие в обеспечении Ремесленного училища цесаревича Николая» Г.Е. Гинцбург получил портрет Александра II с его собственноручной надписью¹¹⁹.

В феврале 1880 г. на основании всеподданнейшего доклада министра финансов С.А. Грейга «о полезной деятельности на поприще торговли и промышленности» Г.Е. Гинцбургу было пожаловано звание коммерции советника¹²⁰. За содействие к успешному размещению 5%-ых банковых билетов 5-го выпуска 25 июня 1883 г. он всемилостивейшее был пожалован чином статского советника, а в ноябре 1884 г. по Министерству финансов получил следующий чин действительного статского советника¹²¹. 31 октября 1886 г. Гораций Гинцбург был назначен членом Совета торговли и мануфактур и состоял им в течение двух четырехлетий¹²².

В 1885 г. Г.Е. Гинцбург пожертвовал на выдачу пособий обедневшим лицам биржевого купечества особый капитал, составлявший 5700 руб. Являясь членом Попечительского совета Биржевой барочной больницы в память императора Александра II Гинцбург оказы-

вал регулярные пожертвования на ее содержание. Только в 1898 г. он внес в кассу Петербургского биржевого комитета 10 тыс. руб. в счет капитала в 25 тыс. руб., пожертвованного им на сооружение при Биржевой больнице особого барака для больных¹²³.

В 1891 г. Гинцбург пожертвовал 75 тыс. руб. на образование особого капитала при Императорском Институте экспериментальной медицины, за что был «удостоен изъявления высочайшей благодарности»¹²⁴.

Ежегодно барон Г.Е. Гинцбург вносил по 3 тыс. руб. в Комитет общества для распространения просвещения между евреями в России. Также на образование еврейского юношества он неоднократно жертвовал суммы по 2700 руб.¹²⁵

Список всевозможных пожертвований Гинцбурга на различные нужды и полученные высочайшие поощрения занимал большую часть его Формулярного списка о службе. По утверждению Слиозберга, Гинцбург на благотворительность тратил от 500 до 700 тыс. руб. в год¹²⁶.

С 1873 по 1892 г. Г.Е. Гинцбург состоял гласным Петербургской думы и принимал участие в заведывании школьным делом, находившемся в ведении Школьной комиссии, председателем которой был его друг М.М. Стасюлевич. Будучи гласным Гинцбург предложил городу за 8 млн руб. выкупить все имевшиеся предприятия газового и электрического освещения и основать новое «Центральное общество столичного освещения» всех улиц, площадей, магазинов, казенных, общественных зданий и частных квартир Петербурга. Однако монопольное положение новой компании не нашло поддержки у городских властей. В 1892 г. вышло новое Положение о городском самоуправлении, по которому в городах внутренних губерний, в том числе и в Петербурге, евреи исключались из всех органов городского самоуправления.

В 1901 г. был образован Совет Фондового отдела Петербургской биржи. В его состав вошли наиболее влиятельные столичные финансисты, среди которых был Г.Е. Гинцбург. Он оставался членом Совета до своей смерти. Председатель Петербургского биржевого комитета и Совета фондового отдела А.Я. Прозоров отмечал, что «барон Гинцбург пользуется самой лестной для него и вполне залуженной репутацией в торгово-промышленных сферах России», а его заслуги в коммерческой сфере «неоднократно были признаваемы и поощряемы правительством»¹²⁷.

Г.Е. Гинцбург был награжден несколькими российскими и иностранными орденами. 1 января 1888 г. он был отмечен орденом Св. Станислава 1-й степени по Министерству финансов, 30 августа

1879 г. — Св. Владимира 3-й степени по Дому призрения и ремесленного образования бедных детей в Петербурге, 28 августа 1877 г. — Св. Владимира 4-й степени, 2 августа 1874 г. — Св. Анны 2-й степени, 30 июня 1872 г. — Св. Станислава 2-й степени — три последних ордена были пожалованы по Приюту принца Ольденбургского. Кроме того, Гинцбург имел знак Красного креста. Из иностранных наград Гинцбург имел орден Ольденбургского герцога Петра-Фридриха-Людвига 4-й степени, кавалерский орден Франца-Иосифа, пожалованный австрийским императором и командорский крест Филиппа Великодушного со звездой, пожалованный великим герцогом Гессенским¹²⁸.

В 1896 г. Г.Е. Гинцбург получил две серебряных медали в память императора Александра III на Александровской ленте и в память коронации Николая II на Андреевской ленте. В 1897 г. он получил темно-бронзовую медаль за труды по первой всеобщей переписи населения на ленте из государственных цветов¹²⁹.

В 1896 г. попечитель приюта принца Ольденбургского Ф.И. Базилевский и в 1897 г. Петербургский биржевой комитет ходатайствовали о награждении Г.Е. Гинцбурга очередным орденом Св. Анны 1-й степени «по случаю... священного коронации» Николая Александровича¹³⁰. Однако по всеподданнейшему докладу министра финансов С.Ю. Витте, высочайшего соизволения на награждение не последовало. Основанием отказа стало то, что данный орден не мог быть пожалован Гинцбургу «как лицу занимавшему должность ниже IV класса (ст. 5 т. III Свода законов Учреждения орденов, изд. 1892 г.)»¹³¹.

Несколько раз барон Г.Е. Гинцбург пытался получить потомственное российское дворянство, положенное ему по чинам и орденам, и подавал прошения на имя императора, чтобы «устранить... неопределенность» своего положения¹³². Последняя попытка получить дворянство была предпринята Гинцбургом в 1903 г. к своему 70-летию, но прошение вновь было отклонено Николаем II. Основанием для отказа стало законодательное положение о запрете для евреев «внесения в губернские родословные книги»¹³³.

Это запрещение последовало вскоре после того как права дворянства были пожалованы банкиру Л.С. Полякову, вызвавшее значительное недовольство в дворянской среде. Согласно Г.Б. Слюзбергу, Канцелярия по принятию прошений на высочайшее имя, которое возглавлял барон А.А. Будберг, представило на имя Николая II доклад с весьма подробным перечислением заслуг Гинцбурга, но само изложение дел, было настолько неясно, что из него император не понял сущность ходатайства. Николай II отказал, полагая, что речь

идет не о признании прав дворянства за Гинцбургом, а о разрешении ему быть внесенным в дворянские книги, в изъятие из незадолго до того принятого закона, запрещавшего включать евреев, получивших по службе чин действительного статского советника и вместе с ним права дворянства, в дворянские общества и записывать их в родовые книги губерний¹³⁴.

По утверждению личного секретаря Гинцбурга Г.Б. Слиозберга, барон и без дворянского звания представлял собою «совершенный тип аристократа в лучшем смысле этого слова»¹³⁵. Высокий, статный, с изящными манерами, с мягким и добродушным взглядом, с почти постоянной приветливой улыбкой на устах, он был олицетворением благородства. Все в нем располагало — и манера говорить (впрочем, по-русски он изъяснялся менее легко, чем по-французски), и жесты, спокойная, полная достоинства манера держаться, отсутствие каких-либо резких выражений, даже в тех случаях, когда предмет беседы ему был неприятен. В оценке Слиозберга, Гинцбург был человеком мягким, податливым и даже внешне не производил впечатления сильной, волевой личности¹³⁶.

Как и его отец, Г.Е. Гинцбург был глубоко религиозным человеком. Он искренне был уверен, что иудаизм вечен и является предтечей всякой культуры. Этого своего убеждения он никогда и ни от кого не скрывал, а напротив, постоянно его высказывал. Слиозберг вспоминал, что о чем бы ни шла речь, какая бы не обсуждалась тема, барон любил всегда ссылаться на то, что в еврейских книгах уже давно имеется их разрешение, поскольку иудаизм универсален и в нем содержится решение всех проблем человечества. Его любимой фразой было: «да ведь в Талмуде давно все сказано»¹³⁷.

Отличительной чертой Г.Е. Гинцбурга был его безграничный пиетет к памяти своего отца. Для него не существовало другого высшего авторитета, и он часто говорил: «Мой отец так поступал или находил нужным так поступать». Родитель был главным мерилом для его повседневной деятельности. Он как будто всю свою жизнь исполнял его заветы, будто тень отца стояла за ним и советовала, как надо поступать в разных ситуациях¹³⁸.

Г.Е. Гинцбург соблюдал, насколько это было возможно, ритуальные требования иудаизма и чтил субботу. Но особенно торжественные были в доме барона пасхальные трапезы накануне первого и второго дня Пасхи — седер, к участию в которой приглашались самые близкие друзья. Хозяин в точности выполнял весь обряд седера, производя впечатление патриарха, исполнителя Божьего завета. Быть приглашенным к седеру считалось особой честью.

Религиозность Гинцбурга внушала уважение представителям других конфессий. Никто, даже министры не назначали ему аудиенцию в субботний день, т.к. знали, что в этот день барон не может пользоваться экипажем, а ходить пешком ему утомительно. В субботу он не подписывал никаких бумаг. Все служащие в конторе знали об этом, и все спешное заготовлялось и подавалось на подпись заблаговременно, в пятницу. В субботние дни он даже сам не открывал писем и телеграмм. Ему подавали их уже вскрытыми¹³⁹.

Для подавляющего большинства евреев России Гинцбурги являлись «культовыми» фигурами. Еврейское население России почитало их, как защитников своих интересов и чаяний, штадланами (ходатаями) по делам единоверцев перед властями. По инициативе Евзеля Гинцбурга правительство разрешило построить первую синагогу в Петербурге, в котором он возглавлял еврейскую общину. В 1863 г. он инициировал учреждение Общества для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ) и почти полностью его субсидировал. После смерти отца Гораций Гинцбург возглавил петербургскую еврейскую общину и ОПЕ.

В значительной степени на средства Гинцбургов в Петербурге была построена Большая хоральная синагога. Во время церемонии торжественного освящения Большой синагоги 8 декабря 1893 г. руководители общины открыли серебряным ключом центральную дверь и внесли в зал 7 свитков Торы. Первый свиток нес председатель правления общины барон Г.О. Гинцбург, за ним шли с зажженными свечами М.А. Варшавский и Л.Я. Поляков. Сыновья Евзеля Гинцбурга в память об отце пожертвовали самую почитаемую принадлежность любой синагоги — Арон Кодеш (священный ковчег) для хранения свитков Торы¹⁴⁰.

Когда в 1905 г. по России прокатилась волна еврейских погромов, Гинцбург организовал и возглавил Комитет помощи жертвам погромов.

Общественная деятельность барона Гинцбурга не ограничивалась исключительно только еврейскими вопросами. В Петербурге ни одно крупное начинание не проходило без участия Г.Е. Гинцбурга, чаще в виде денежного пожертвования. Он финансировал Институт экспериментальной медицины, Общество для доставления средств Высшим женским курсам, Общество для пособия слушательниц врачебных и педагогических курсов и др. В память своего сына Марка, умершего в 1878 г., в Академии искусств Гинцбург создал фонд для выдачи премий еврейским художникам, но назначались они редко, т.к. доступ в Академию для евреев был ограничен. Барон Гинцбург являлся одним из учредителей Археологического института, в котором был избран почетным членом и членом правления, был од-

ним из учредителей и председателем правления Общества дешевых гигиенических квартир для еврейского населения (1900). В благотворительной деятельности участвовала и его супруга Анна Гесселевна. Она патронировала Сиротский дом для евреев на Васильевском острове.

Г.Е. Гинцбург интересовался наукой и искусством, был близок с литераторами В.К. Арсеньевым, П.Д. Боборыкиным, И.А. Гончаровым, А.Н. Пыпиным, М.Е. Салтыковым-Щедриным, В.В. Стасовым, М.М. Стасюлевичем, И.С. Тургеневым, музыкантами Л.С. Ауэром, К.Ю. Давыдовым, братьями А.Г. и Н.Г. Рубинштейнами, художниками М.М. Антокольским, А.П. Боголюбовым, Н.И. Крамским, философами К.Д. Кавелиным, В.С. Соловьевым, юристами А.Ф. Кони, В.Д. Спасовичем, врачами И.В. Бертенсоном, С.П. Боткиным и др.¹⁴¹

Барон Гинцбург был в товарищеских отношениях с генерал-майором И.Д. Черником, одним из приближенных императора Александра II, генералом графом Н.Н. Муравьевым-Амурским, государственным секретарем и министром финансов А.А. Абазой, товарищем министра финансов П.Н. Николаевым, управляющим Государственным банком Е.И. Ламанским, бароном М.А. Корфом, братьями графами Н.В. и В.В. Левашовыми, братьями графами П.А. и П.А. Шуваловыми, которые участвовали в золотопромышленных делах Гинцбургов. Завсегдатаями в доме барона был начальник штаба гвардии генерал Н.И. Бобриков, позже генерал-губернатор Финляндии, генерал К.И. Гершельман. Гинцбург был хорошо знаком с комендантом Петербурга генералом Н.О. Адельсоном, министром народного просвещения графом И.И. Толстым. Среди посещавших дом барона был генерал П.П. Дурново, с 1905 г. — генерал-губернатор Москвы, также пайщик в золотопромышленных предприятиях Гинцбургов.

Г.Е. Гинцбург был участником знаменитых «экономических обедов», инициатива и организация которых принадлежала В.П. Безобразову. Раз в месяц собирались в одном из ресторанов Петербурга экономисты, государственные деятели, иногда министры и их товарищи, представители финансовых кругов. Во время обедов и после них происходили оживленные дебаты на заранее объявленную тему. Избранный состав аудитории вынуждал ораторов основательно готовиться к выступлению, благодаря чему застольные беседы превращались в серьезное обсуждение, а сами встречи — в некое совещательное учреждение по вопросам русской экономической политики. Прения продолжались иногда допоздна. С «экономическими обедами», имевшими огромное влияние на русскую жизнь, считались все крупные российские политики. Их даже называли «экономическим парламентом»¹⁴². Барон Гинцбург, не принадлежавший к числу ис-

кусных ораторов, во время обедов чаще молчал. Попытки председателя дать Гинцбургу высказать компетентное мнение по тому или иному финансовому вопросу заканчивались тем, что тот ограничивался несколькими предложениями или передавал слово своему постоянному соседу по столу директору Учетного и ссудного банка А.И. Заку¹⁴³.

Не все отношения Гинцбурга с высокопоставленными особами основывались на бескорыстной основе, часто имелась личная обоюдная выгода. Журналист Л.М. Клячко уверял, что министр внутренних дел граф Н.П. Игнатъев во время завтраков с Гинцбургом в одном из кабинетов ресторана «Донон» иногда впадал в «искусственную дремоту». Тогда все почтительно выходили из кабинета, дабы не беспокоить титулованную особу. Через несколько секунд «правая рука» Гинцбурга и его секретарь по еврейским вопросам Д.Ф. Фейнберг осторожно входил в кабинет и вкладывал в боковой карман «дремлющего» министра пакет с деньгами и скромно выходил. Переждав несколько минут, он заглядывал в кабинет и если Игнатъев все еще дремал, то это означало, что надо еще добавить. По уверению Клячко, однажды граф Игнатъев потребовал от Гинцбурга собрать 2 млн руб. за прекращение еврейских погромов. Конечно, не все что писал Клячко, вызывает полное доверие, но в данном случае он ссылался на рассказ одного из участников этих завтраков с графом Игнатьевым — Фейнберга¹⁴⁴.

Кроме этого, есть еще одно свидетельство, приводимое Г.Б. Слизберггом, который ссылался на самого Гинцбурга. Он вспоминал, что во время одного из приемов барона Игнатьевым, последний недвусмысленно намекнул, что ожидает от евреев взноса значительной суммы денег, будто бы собранных и переведенных в банкирский дом «И.Е. Гинцбург»¹⁴⁵.

Не лишен интереса факт причастности барона Г.Е. Гинцбурга к тайной монархической организации «Священная дружина», состоящей из многих высокопоставленных особ, и ее финансирования. Впервые об этом написала нелегальная газета «Народная воля». В номере от 5 февраля 1882 г. содержалась заметка под заглавием «Лига добровольцев-шпионов», в ней сообщалось, что «мысль об этом учреждении зародилась во время летнего путешествия Александра III» в 1881 г. и так понравилась, «что превратилась в постоянное учреждение» — «Лигу», которая поставила своей целью борьбу с кралолюю и искоренение всех нелегальных проявлений русской жизни». Главными деятелями «Священной дружины» называли графа П.П. Шувалова, графа И.И. Воронцов-Дашкова, министра внутренних дел Н.П. Игнатьева, обер-прокурора Синода К.П. Побе-

доносцева, графа А.А. Бобринского, П.П. Дурново, великих князей Владимира и Алексея. Народовольцы к ним причисляли и барона Г.Е. Гинцбурга¹⁴⁶.

Известный писатель, масон М.А. Алданов в письме другому масону А.В. Давыдову утверждал: «Русские богатые евреи, как впрочем и некоторые православные миллионеры... давали деньги революционерам. Как курьез (и малоизвестный), сообщу Вам, что еврейские миллионеры давали деньги... и контрреволюционной “Священной дружине”. Она получила немало денег от барона Г. Гинцбурга, от Полякова и от киевского сахарозаводчика... Зайцева, который давал деньги на это Витте»¹⁴⁷. Однако эти обвинения не подкреплялись никакими документами.

Лишь в 1960-х гг. исследовательнице Л.Т. Сенчаковой удалось обнаружить в ЦГАОР СССР (Центральный государственный архив Октябрьской революции, с 1992 г. — Государственный архив Российской Федерации) список из 709 членов «Священной дружины», среди которых был барон Гинцбург¹⁴⁸. Схожий документ содержится в бумагах журналиста М.К. Лемке¹⁴⁹.

Двусмысленность ситуации заключалась в том, что, с одной стороны, барона Гинцбурга упрекали в поддержке революционно настроенной еврейской молодежи. Так, бывший активный участник революционного движения 1860—1870-х гг. Н.И. Утин (сын миллионера И.О. Утина), отойдя от политической деятельности, управлял на Урале Сергинско-Уфалейскими горными заводами Гинцбурга. А с другой стороны, Гинцбург был членом «Священной дружины», некоторых представителей которой (конечно, не его) подозревали в организации еврейских погромов. Впрочем, никаких доказательств подобных обвинений не было и нет.

Причастность Г.Е. Гинцбурга к «Священной дружине» можно объяснить его знакомством со многими ее «главными деятелями», а также теплыми чувствами к Александру II. После его убийства народниками Гинцбург даже заказал Антокольскому скульптуру погибшего императора в полный рост и хотел установить ее в Петербургской хоральной синагоге. Но это оказалось невозможно, тогда Гинцбург подарил ее Академии художеств¹⁵⁰.

«Падение Титана»

В начале марта 1892 г. банкирский дом «И.Е. Гинцбург» пережил сильнейшее потрясение — приостановку платежей, учреждение администрации и закрытие. В конце 1891 г. фирма стала ощущать се-

резные затруднения. Это было время сильного падения курса русского рубля, в результате чего банкирский дом нес огромные потери.

Министерство финансов давно было обеспокоено резкими колебаниями денежного курса. Особенно остро вопрос встал в конце 1880-х гг. В первой половине 1880-х гг. курс колебался около средней цены 63 коп. за кредитный рубль, с 1885 г. он стал быстро падать и 16 февраля 1888 г. опустился до цены 50 коп. Весной 1888 г. начинается столь же быстрый подъем курса рубля. В апреле стоимость его составляла 69 коп., а к осени 1890 г. достигла 81,83 коп. Однако через год к 7 ноября 1891 г. курс кредитного рубля вновь опустился до 57,80 коп.¹⁵¹

Крайняя неустойчивость денежного курса отражалась на экономике страны. Известны случаи, когда резкие колебания курса рубля происходили в продолжение одного биржевого дня. Нестабильность рубля делала его удобным объектом для биржевой игры и спекуляции.

«Местом такой спекулятивной игры, — считало Министерство финансов, — являются, главным образом, наши биржи...»¹⁵², а также некоторые заграничные биржевые центры, которые «в широких размерах производят спекулятивные сделки на курс кредитного рубля, с преобладающей тенденцией в сторону понижения, превращая своими операциями кредитный рубль в предмет игры и ажиотажа и поддерживая тем неустойчивость и постоянное колебание нашего рубля...». Министерство финансов неоднократно повторяло, что русские кредитные билеты стали излюбленным объектом биржевой спекуляции, превратившись в настоящий товар, обращающийся в значительных размерах на заграничных биржах¹⁵³. Русские банкирские учреждения обвинялись в том, что они высылали по почте запасы кредитных рублей за границу для спекуляции с ними. В России в спекуляцию на курс кредитного рубля были втянуты некоторые коммерческие банки, банкирские дома и конторы, а также частные лица.

Управляющий Министерством финансов И.А. Вышнеградский в июне 1887 г. представил в Комитет финансов записку с соображениями о мерах по упорядочению вексельного курса и денежного обращения. В записке указывалось на значительный вред от обесценивания русского кредитного рубля и еще больше от его колебаний. Вышнеградский высказывал убеждение, что устранение этого зла при помощи постепенного доведения ценности кредитного рубля до нарицательной его стоимости представляется едва ли выполнимым, но даже не желательным. По мнению управляющего Министерством финансов, следовало стремиться к упрочению ценности кредитного рубля, приняв за основание средний курс, который держался в по-

следнее время. Устранение колебаний рубля и упорядочение денежного обращения, полагал Вышнеградский, возможно лишь при условии допущения свободного размена кредитных билетов на звонкую монету. Для этого необходимо значительное усиление разменного фонда, разрешить сделки на металлическую валюту, а также провести ряд других мероприятий. Эта записка рассматривалась 28 июня 1887 г. на заседании Комитета финансов, в котором участвовали бывшие министры финансов М.Х. Рейтерн и Н.Х. Бунге. Большинство голосов предложение Вышнеградского было поддержано. Данное положение Комитета финансов 10 июля 1887 г. было утверждено Александром III¹⁵⁴.

Политика Вышнеградского и действия Министерства финансов способствовали укреплению курса кредитного рубля. Вследствие хорошего урожая 1890 г. и значительного вывоза отечественных продуктов за границу курс рубля стал повышаться. Временами он доходил до 80 коп. за рубль. Однако подъем вексельного курса вскоре привел к серьезным последствиям в торговле и промышленности: цены на русские товары понизились сначала за границей, а затем и на внутреннем рынке. Финансовое ведомство отмечало: «Улучшение курса удешевляло цены иностранных товаров на русских рынках и облегчало оплату этих товаров таможенными пошлинами, взимаемыми золотом»¹⁵⁵. Министерство финансов делало вывод о «необходимости ограждения нашей промышленности от низких цен, вызванных высотой курса» кредитного рубля.

В апреле 1891 г. Вышнеградский во всеподданнейшем докладе, опасаясь, что дальнейшее «повышение вексельного курса грозит нанесением ущерба благосостоянию нашего отечества», предлагал установить предел золотого содержания рубля на уровне 62,5 коп. Министр финансов, готовивший введение золотое денежное обращение в России, настаивал немедленно приступить к приобретению золота и продаже кредитных билетов. Доклад был одобрен Александром III. 28 июля 1892 г. был издан указ, дающий министру финансов право производить временные выпуски бумажных денег. Это был обыкновенный и самый верный способ сдерживать повышение рубля. В результате искусственных мер регулирования среднегодовой курс кредитного рубля в 1891 г. составлял 66,8 коп., а в 1892 г. — 62,0 коп.¹⁵⁶

Эти правительственные меры в значительной степени затрагивали интересы банкирских учреждений и вполне могли вызвать у них серьезные финансовые проблемы. Из газетных публикаций следовало, что банкирский дом «И.Е. Гинцбург», в особенности его парижский филиал, «не мог выдержать крупных курсовых потерь последнего времени». Банкирский дом играл на курсе кредитного

рубля — и играл не на его повышение, а на понижение. Однако курс рубля поправился; цена золота пошла вниз, и Гинцбург понес огромные потери.

Владельцы банковского дома «И.Е. Гинцбург» до последнего дня надеялись, что им будет оказана государственная поддержка. Еще 28 февраля 1892 г., за три дня до закрытия, фирма выдала чеки по специальному счету на один из столичных банков на 200 тыс. руб., которые этим банком не были уплачены. Из них 100 тыс. руб. были предъявлены Торгово-Промышленным банком.

Утром во вторник 3 марта 1892 г. с быстротой молнии по Петербургу разнесся слух о несостоятельности банковского дома «И.Е. Гинцбург». Опасаясь за репутацию фирмы, Г.Е. Гинцбург через управляющего А.И. Грубе официально объявил на Петербургской бирже о приостановке платежей банковского дома и о переходе его в ликвидацию. Известие было крайне неожиданным и вызвало переполох среди делового мира. Многие до приезда на биржу ничего еще не знали о случившемся и были ошеломлены этой новостью. Большая часть биржевых операций была отложена до окончательного выяснения произошедшего события. На бирже все говорили только о случившейся катастрофе. Возникшая растерянность среди биржевиков была вызвана положением банковского дома «И.Е. Гинцбург» в экономике страны. Со времени открытия в 1859 г. он принимал самое деятельное участие в учреждении многочисленных коммерческих и поземельных банков, торговых, промышленных обществ, пароходных товариществ и пр. Владельцы фирмы заседали в правлениях крупных российских предприятий. Векселя дома «И.Е. Гинцбург» считались первоклассными и учитывались ниже официального банковского дисконта, его операции по трассировке иностранных векселей составляли десятки миллионов рублей. Со времени ликвидации фирмы «Штиглиц и К^о» в России не было банковского дома, который имел такое значение как «И.Е. Гинцбург»¹⁵⁷.

Столичный градоначальник генерал-лейтенант П.А. Грессер опасаясь возможных волнений вкладчиков, доверивших свои сбережения банковскому дому «Е.И. Гинцбург», по опыту прежних банковских потрясений, распорядился послать усиленный наряд полиции на Конногвардейский бульвар для охраны банка. Однако к его удивлению возле закрывшейся конторы оставалось все спокойно; ни один вкладчик, ни один владелец депо ценных бумаг не спешил получить свое имущество. Более того, 4 марта банковская контора «И.Е. Гинцбург» совершенно свободно выдавала вклады и депозиты¹⁵⁸.

Биржевое собрание весь день 3 марта находилось под влиянием известия о приостановке деятельности банковского дома

«И.Е. Гинцбург». Все ценные бумаги банковских учреждений, и особенно тех, которые, по мнению биржевиков, имели тесные связи с банкротом, были предметом крупных предложений и понизились в цене. Заявления директоров некоторых столичных банков о сравнительно незначительных потерях, угрожавших им в результате закрытия фирмы «И.Е. Гинцбург», подействовали успокоительно, чему немало содействовало сообщение о том, что все ценности, переданные на хранение банкирскому дому, находятся в полной сохранности.

Приостановка платежей банкирским домом «И.Е. Гинцбург» сказала на состоянии российского вексельного курса. Хотя при большом числе курсовых срочных сделок, заключенных фирмой в Петербурге и Берлине, невозможно было определить, преобладает ли в ее обязательствах спекуляция на повышение курса рублей, купленных на срок, или же на понижение.

Известия из Петербурга о прекращении платежей банкирского дома «И.Е. Гинцбург» отразились на европейских биржах, особенно Парижской и Берлинской. В Париже сообщение было настолько неожиданным, что многие отказывались верить ему. Первые телеграммы из Петербурга были настолько краткими и неопределенными, что никто не мог понять размеров произошедшего. Парижское отделение банкирского дома «И.Е. Гинцбург» продолжало платить по чекам до 10 часов утра 4 марта, но само никаких сумм не принимало. Затем по совету Парижского Коммерческого суда оно прекратило платежи, хотя, по слухам, кассовая наличность позволяла производить платежи еще в течение нескольких дней¹⁵⁹.

Новость о несостоятельности вызвала повышение вексельного курса на Лондон с 99 до 99,75 руб. за 10 ф. ст., но слабое настроение продолжалось недолго. В Берлине биржевики, играющие на повышения курса кредитного рубля, продолжали покупку рублей в больших размерах, как на берлинском, так и российском рынках. Берлинская биржа при своем открытии была уже осведомлена о произошедшем «петербургском событии», как осторожно выражались корреспонденты в первых телеграммах из Петербурга. В Берлине в тот же день были произведены покрытия по сделанным за счет «И.Е. Гинцбург» запродажам. В немецких банках сводили счета по отдельным делам с приостановившей платежи фирмой «И.Е. Гинцбург» и старались навести точные справки — уплачены ли в Париже ее срочные векселя в субботу и понедельник. Это остановило дальнейшее понижение российской валюты. Курс векселей на Лондон опять понизился до 98,90 руб. Однако к концу недели вновь произошло изменение с иностранными векселями, и

курс на Лондон повысился сначала до 99,15 руб., а потом до 99,25 и 99,30 руб. За германские марки платили 48,70 руб. за 100 р. м. и за франки — 39,50 руб. за 100 фр.¹⁶⁰

На спекулятивном рынке несостоятельность фирмы «И.Е. Гинцбург» имела весьма серьезные последствия. Бумаги коммерческих банков, которых подозревали в связи с ней, значительно понизились. Акции Русского для внешней торговли банка, котировавшиеся накануне по 267—268 руб. и находившие по этой цене покупателей, во вторник упали до 258 руб. Акции Международного банка с 455 руб. понизились до 444 руб., акции Учетного и ссудного банка — с 545 до 530 руб., Волжско-Камского банка — с 728 до 722 руб., Частного банка — с 292 до 285 руб.¹⁶¹

В первые дни распространялись всевозможные слухи о банкротстве Гинцбургов. Говорили, что скандал с крахом придуман с «задней мыслью», что «несостоятельности вовсе нет, но есть желание добиться льгот евреям». Гинцбург, полагали, был уверен, что будут приняты правительственные меры дабы «потушить дело» и будут даны новые уступки для евреев. В Петербурге еще до краха ходили «какие-то темные слухи о негодовании, возбужденном в еврейском короле (Г.Е. Гинцбурге. — П.Л.) крутыми мерами против нарушения “черты еврейской оседлости”, и об его желании “порвать всякие связи с Россией”»¹⁶². При этом даже недоброжелатели, вроде ярого антисемита А.П. Пятковского, признавали, что Гинцбурга нельзя признать «злостным банкротом... его, может быть, следовало причислить к банкротам неосторожным»¹⁶³.

Не менее оживленно обсуждали, кто является таинственной вкладчицей банкирского дома «И.Е. Гинцбург», имя которой не называлось. Молва утверждала, что эта неизвестная особа — великая княгиня Мария Павловна, жена великого князя Владимира Александровича¹⁶⁴. Однако неизвестной вкладчицей, как вскоре выяснилось, была жена покойного брата Г.Е. Гинцбурга Зискинда — баронесса Розалия Исааковна, урожденная Эттингер (1829—1897).

В течение целой недели все петербургские издания, а вслед за ними и провинциальные газеты перепечатывали известия о положении дел фирмы «И.Е. Гинцбург» из «Биржевых ведомостей» и сообщали разные сведения, которые позже оказались «утками, начиненными чесноком и ложью»¹⁶⁵. Особо усердствовали журналисты В.В. Комаров и П.В. Монтевердере. Публицист М. Цион пересказывал старые слухи, не имеющие никаких отношения к несостоятельности Г.Е. Гинцбурга. Якобы тот был давно влюблен в жену своего друга М.М. Стасюлевича Любовь Исааковну (дочь миллионера И.О. Утина), и «что более уродливую женщину трудно найти»¹⁶⁶.

Немало публикаций о приостановке платежей «И.Е. Гинцбург» появилось в европейской прессе. Так газета «*Berliner Börsen-Courier*» писала: «...несостоятельность фирмы “И.Е. Гинцбург”, считавшейся первоклассной в Петербурге, состояние которой оценивали в 10 млн руб., нужно поставить наряду с самыми крупными катастрофами, имевшими место в банковских сферах в течение многих лет». Тогда всем еще были свежи воспоминания о крахе в конце 1890 г. всемирно известного лондонского банкирского дома «*Brothers Baring & Co.*»¹⁶⁷.

Согласно объявленному банкирским домом «И.Е. Гинцбург» предварительного баланса, актив его исчислялся в 8,75 млн руб., но состоял исключительно из трудно реализуемого имущества: золотых приисков на Урале и Сибири, Сергиево-Уфалейских горных заводов, водопроводов в Астрахани, домов в Петербурге и Москве, земельной собственности в Таврической губернии и Бессарабском крае. Пассив по заявлению владельцев фирмы составлял 5,5 млн руб. (по расчетам кредиторов — от 6,75 до 7 млн руб.).

Основными кредиторами дома «И.Е. Гинцбург» являлись заграничные банки, в основном в Берлине и Париже, с которыми тот вел арбитражные вексельные операции. Петербургские банкирские учреждения большей частью имели специальные покрытия и непокрытое их участие составляло по осторожным подсчетам от 300 до 400 тыс. руб. Русский для внешней торговли банк определял размер возможных потерь в 100 тыс. руб., Учетный и ссудный банк — 400 тыс. руб.

Составление окончательного баланса заняло неделю, причиной задержки было отсутствие отчетных цифр от парижского отделения банкирского дома. 10 марта, вечером в Петербурге состоялось собрание главных кредиторов банкирского дома «И.Е. Гинцбурга», на котором главой фирмы был наконец-то представлен ее точный баланс или состояние счетов к 1 марта 1892 г.

Число присутствовавших кредиторов составляло около 40 человек. Собрание единодушно постановило учредить администрацию для постепенной ликвидации дел фирмы. К этому решению единогласно присоединились все кредиторы парижского отделения банкирского дома «И.Е. Гинцбург». Единодушные кредиторы явление редкое при подобных катастрофах, объяснялось доверием, которым продолжала пользоваться фирма и после постигшего ее несчастья¹⁶⁸.

Баланс представлял актив в размере 13930078 руб., состоящий из кассовой наличности и на текущих счетах в 236236 руб., портфеля векселей на 150386 руб., разных процентных бумаг на 6180285 руб., городского недвижимого имущества, оцененного в 771728 руб., вы-

данных ссуд под процентные бумаги на 84597 руб., закладных на сахарный завод «Заволжский» на 200971 руб. и различных должников на 6305872 руб. По заявлению представителей банкирского дома все суммы актива приняты по минимальной оценке, чтобы объявить администрацию, которая не назначалась, если актив в балансе превышал сумму пассива.

Общая сумма пассива исчислялась в размере 14133815 руб., из которых 7235866 руб. составляли долги кредиторам (различным учреждениям и частным лицам), 434589 руб. — счета акцептованных тратт и переводов (векселей), 1182705 руб. — сомнительные векселя, 4080655 руб. — заложенные процентные бумаги. Предполагаемая потеря по балансу парижского отделения фирмы оценивалась в 1 млн руб. и сомнительные кредиты — в 200 тыс. руб. Дефицит составлял 203737 руб.¹⁶⁹Общее собрание кредиторов постановило ходатайствовать о назначении администрации по делам банкирского дома «И.Е. Гинцбург».

Среди главных кредиторов банкирского дома «И.Е. Гинцбург», как окончательно выяснилось, были Бессарабско-Таврический банк (Одесса) на сумму 705,5 тыс. руб., Нижегородско-Самарский земельный банк (Москва) — 666 тыс. руб., Русский для внешней торговли банк — 474 тыс. руб., Англо-Австрийский банк (Лондон) — 372 тыс. руб., графы А.В. и С.В. Орловы-Давыдовы — 372 тыс. руб., В.Н. Хмелинский (Псков) — 315 тыс. руб., «Роберт Варшауер и К^о» (Берлин) — 270 тыс. руб., «Русский и Французский банк» (Париж) — 240 тыс. руб., «I. HenriSchreder&C^o» (Лондон) — 207,7 тыс. руб., «M.M. Warburg&C^o» (Гамбург) — 190 тыс. руб., Рижский биржевой банк — 181 тыс. руб., NationalBankfürDeutsche (Берлин) — 176 тыс. руб., «M. Эфрусси и К^о» (Париж) — 174 тыс. руб., «Ф.К. Краузе и К^о» (Берлин) — 152 тыс. руб., «Э. Госкье и К^о» (Париж) — 138 тыс. руб., Киевский земельный банк — 114,5 тыс. руб., Немецкий банк в Берлине (лондонское агентство) — 110,8 тыс. руб., «Яков Грибанов с сыновьями» — 100 тыс. руб., «WilliamBrandt'sSons&C^o» — 98 тыс. руб., BerlinerHandels-Gessellschaft (Берлин), ComtedeTalleyrand-Perigord (Париж) — 67 тыс. руб., Dormeilfreres (Париж) — 65 тыс. руб., Харьковский земельный банк — 62 тыс. руб., И.Д. Эрлих (Николаев) — 53 тыс. руб., Роберт Борхардт (Берлин) — 51 тыс. руб. и еще около 40 разных фирм и лиц, претензии которых не превышали по отдельности 50 тыс. руб.¹⁷⁰

Однако представленный баланс вызвал серьезные сомнения. Прежде всего, в активе банкирского дома «И.Е. Гинцбург» в рубрике векселей была показана сумма 150386 руб., а в пассиве показана более значительная сумма векселей 1182705 руб., оплата которых

была маловероятна. Между тем счет вексельных операций дома, по разным оценкам, составлял от 6 до 10 млн руб. Баланс не показывал какова доля риска фирмы по переучтенным в столичных банках российским векселям в сумме около 7 млн руб. и сколько она понесет убытка по курсовым операциям.

Вексельный раздел был не единственной сомнительной частью в балансе, составленном банкирским домом. Еще более вопросов вызывал раздел, относящийся к счету дебиторов. В активе этот счет был показан в размере 6305882 руб. Но из приложенных к балансу документов следовало, что в числе дебиторов фирмы почти на половину указанной суммы фигурировали члены семьи: Соломон Гинцбург — 75 тыс. руб., Гораций Гинцбург — 1372 тыс. руб., Урий Гинцбург — 2818 тыс. руб. и др. Но из счета последнего было списано 1700 тыс. руб. как невозвратная потеря, так что за ним осталось признанного фирмой благонадежного долга на 1118 тыс. руб. Всего, таким образом, банкирский дом считал за семьей Гинцбургов более 2600 тыс. руб. из 6306 тыс. руб., значившихся в активе за должниками фирмы. Но если банкирский дом «И.Е. Гинцбург» оказался несостоятельным, то чем обеспечивалась состоятельность перечисленных членов семьи Гинцбургов для уплаты весьма крупной суммы на покрытие претензий кредиторов долга, было непонятно. Это не могло не вызывать беспокойства кредиторов. Даже стали возникать подозрения, а действительно ли банкирский дом «И.Е. Гинцбург» сделался несостоятельным без всякой вины со своей стороны. Появились предположения, что дела фирмы пошатнулись не со вчерашнего дня. Также вызывало непонимание указанная в балансе сумма в 1 млн руб. в качестве потери парижским отделением фирмы «И.Е. Гинцбург»¹⁷¹.

Но самым необъяснимым было, почему банкирский дом, ворочающий десятками миллионов рублей, считавшийся одним из самых надежных и солидных банков Европы, прекратил свои платежи. Было непонятно, почему фирма, имевшая обширные деловые и родственные связи, не воспользовалась ими. Невозможно поверить, что не нашлось никого, кто смог бы оказать помощь в размере 203737 руб. фирме, векселя которой считались первоклассными (prima) и бланку которой все банкиры верили на миллионы. Удивительно, что из-за такого незначительного убытка, который был показан в балансе, банкирский дом «И.Е. Гинцбург» прекратил свое существование. Предполагали, что цифра убытка парижского филиала была значительно занижена.

После публикации баланса фирмы «И.Е. Гинцбург», который давал основание рассчитывать на благоприятный исход ликвидации,

курсы банковских бумаг на Петербургской бирже снова поправились. Акции Русского для внешней торговли банка с 258 поднялись до 265 руб., Учетного и ссудного банка с 530 — до 535 руб., Международного банка с 444 — до 452 руб. и Волжско-Камского банка с 722 — до 728 руб., фактически до отметок накануне банкротства дома «И.Е. Гинцбург».

В полной сохранности оказались все частные вклады (депозиты), доверенные банкирскому дому «И.Е. Гинцбург» на сумму 30 млн руб. Они находились в тех же пакетах, в которых были сданы на хранение. В банкирском доме, в основном, хранились капиталы ограниченного числа частных лиц, главным образом представителей петербургской аристократии¹⁷². Особым доверием он пользовался в придворных кругах. Вклады, хранившиеся в банкирском доме, после объявления о приостановке платежей сразу выдавались хозяевам. Несостоятельность банка вообще не задела «широкую публику». «И.Е. Гинцбург» не стремился привлечь денежные средства средних и мелких вкладчиков. Фирма никогда не рекламировала себя, не давала объявлений в прессе. При этом известность банкирского дома была широко распространена в обществе. Его репутация солидного банкирского заведения ранее не подвергалась сомнению. Незыблемость его финансового положения никогда особо не обсуждалась. Репутация казалась абсолютно безупречной: аферами банкирский дом не занимался, дутых ценностей не рекламировал, выигрышных билетов «в рассрочку» не продавал. И до последнего момента никому в голову не приходило, что старинный банкирский дом может обанкротиться.

Причин несостоятельности банкирской фирмы «И.Е. Гинцбург» было много. По утверждению газеты «*Berliner Börsen-Courier*», Гораций Гинцбург много времени уделял занятиям наукой и благотворительностью. К тому же, барон подолгу жил в Париже, предоставив всецело ведение дел банкирского дома А.И. Грубе, который почти без его участия руководил петербургской конторой. Грубе уже вводил раньше фирму в неимоверно большие спекулятивные обязательства не только с русскими фондами, но и ценными бумагами, котировавшимися на европейских биржах. С ним были связаны неудачные операции по трассировочному и вексельному отделам, приведшие фирму к значительным потерям. В Петербурге уже давно вызвали удивление крупные трассировки банкирского дома «И.Е. Гинцбург» на родственную фирму «М.М. Варбург и К^о» в Гамбурге.

По слухам, приводимым в газете «*Berliner Börsen-Courier*», филиальное отделение «И.Е. Гинцбург» в Париже особенно в послед-

ние годы пустилось в крупную биржевую игру, преимущественно на заграничных рынках. По мнению газеты, несмотря на все старания фирмы, ей так и не удалось добиться прочного положения в высоких финансовых сферах Парижа. Среди причин, приведших к прекращению платежей, было то, что большую часть своих капиталов фирма вложила в недвижимое имущество. Таким образом, полагала газета, причины краха сводились, с одной стороны, к широкой спекулятивной деятельности фирмы, а с другой — к кризису, охватившему Россию вследствие сильных неурожаев 1891 и 1892 гг.¹⁷³

Другая немецкая газета «*Berliner-Zeitung*» сообщала, что банкирский дом «И.Е. Гинцбург» заключил на Берлинской бирже огромные обязательства с кредитными рублями, размер которых трудно определить, т.к. они большей частью были основаны на премиях и стеллажах¹⁷⁴. Когда наступил срок покрытия, курс рубля изменился не в пользу банка.

Почти все европейские газеты одной из главных причин приостановки платежей называли неудачную деятельность парижского отделения. Оно понесло большие убытки на акциях африканских золотых приисков и акциях «Русского и Французского банка», членами правления которого состояли Гораций и Соломон Гинцбурги. Парижское отделение приобрело 3600 акций «Русского и Французского банка». Номинальная стоимость акций составляла 500 фр. Однако их биржевая цена была значительно ниже. Еще до объявления несостоятельности филиальное отделение приступило к масштабной реализации этих акций, вызвав падение их курса с 300—290 до 275 фр. Причины падения цены на акции не могли установить пока не прояснилась ситуация с домом «И.Е. Гинцбург». 4 марта в Париже состоялось общее собрание «Русского и Французского банка». По заявлению его председателя общая сумма требований банка к фирме «И.Е. Гинцбург» приблизительно составляла 600 тыс. фр.¹⁷⁵ Кроме того, парижское отделение приняло участие в невыгодной ссудной операции с аргентинской провинцией Санта-Фэ, заключенной «Русским и Французским банком» с Обществом поземельного кредита этой провинции. По утверждению французской прессы это «совершенно нереализуемое участие» обошлось парижскому отделению «И.Е. Гинцбург» почти в 10 млн фр.¹⁷⁶

По утверждению редактора-издателя журнала «Наблюдатель» А.П. Пятковского, «немалое воспособление банкротству “дома” оказал и сынок маститого банкира, Урий Гинцбург». Пятковский полагал, что «сей достопочтенный отпрыск банкирского рода повел в Париже такую жизнь и пустился в такие рискованные операции, что задолжал банку — ни много, ни мало — около трех миллионов ру-

блей, из которых одна половина прямо списана в убыток, а другая... признана благонадежною к уплате...»¹⁷⁷.

По словам одного из служащих банкирского дома, еще в юности Урий Гинцбург был «предобрый, но не серьезный молодой человек». Он недолгое время проучился в Гогенгеймской сельскохозяйственной академии и захотел устроить по немецкому образцу большое (около 5000 дес. земли) имение Гинцбургов в Могильне Подольской губернии, в котором находился сахарный завод. Урий Гинцбург выписывал из-за границы разные сельскохозяйственные орудия и инвентарь, которые не применялись по назначению и ржавели в сараях. Хозяйство же велось экономами самым примитивным образом¹⁷⁸.

И хотя в Европе Гинцбурги пользовались большим доверием, но неудачные коммерческие предприятия Урия Гинцбурга во второй половине 1870-х гг. послужили поводом к разным неблагоприятным слухам о нем. После провала устроенных им предприятий Урий удалился от дел в Дрезден, но и там его имущественное положение было поставлено под сильное сомнение, так что его личные векселя могли находить помещение только с потерей в 20%. Последние годы жизни Урий прожил в Париже, лишь изредка приезжая в Петербург.

По одной из широко распространенных версий кризис банкирского дома «И.Е. Гинцбург» был вызван его участием в размещении 3%-го золотого займа 1891 г., который остался не реализованным. Не желая обращаться к частным кредитным учреждениям, барон Г.Е. Гинцбург обратился за помощью к министру финансов И.А. Вышнеградскому, с просьбой предоставить кредит в размере 5 млн руб. из средств Государственного банка. Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» уже дважды в 1875 и 1888 гг., когда находился в затруднительной ситуации¹⁷⁹, прибегал к помощи Государственного банка и получал значительные временные кредиты. Решение вопроса требовало всеподданнейшего доклада министра финансов. Несмотря на то, что такой кредит был сначала обещан, вопреки ожиданиям в последнюю минуту Вышнеградский изменил свое намерение и не поддержал ходатайство, а напротив дал отрицательный отзыв. В результате Гинцбург в кредите было отказано.

А.А. Половцов в своем дневнике со ссылкой на товарища министра финансов П.Н. Николаева записал, что Вышнеградский обещал помощь Гинцбургу если тот «восстановит хорошие отношения между ним, Вышнеградским, и Ротшильдом». Поскольку Гинцбург ответил, что это не в его силах, то министр финансов решил ему отказать¹⁸⁰.

По делам банкирского дома «И.Е. Гинцбург» была назначена администратия, в которую вошли И.В. Блесиг, Л.В. Гантовер, И.П. Да-

раганов, М.Н. Журавлев, К.Г. Подменер, Д.В. Стасов, Г.Т. Терк и Н.И. Филипьев. Располагалась она в огромном доме Г.Е. Гинцбурга на Конногвардейском бульваре. Уже на 13 декабря 1892 г. администрация назначила выдачу первого дивиденда в размере 20%, признанных претензией¹⁸¹. В короткое время администрация полностью удовлетворила требования всех кредиторов не только капитальным долгом, но и процентами за время просрочки¹⁸².

В начале 1896 г. администрация в отношении банкирского дома «И.Е. Гинцбург» была прекращена. Его владельцы получили удостоверение, что «за удовлетворением всех кредиторов, администрация, учрежденная по делам баронов Горация и Соломона Евзелевичей Гинцбург и потомственного почетного гражданина Адольфа Ивановича Грубе, торговавших под фирмою “И.Е. Гинцбург”, прекратила свои действия, о чем донесено Петербургскому Коммерческому суду и в надлежащем порядке опубликовано»¹⁸³. Однако банкирский дом в прежнем виде не стал возобновлять свои операции.

Еще в апреле 1893 г. братья Гораций и Соломон Гинцбурги договорились после прекращения администрации ликвидировать семейный банкирский и торговый дом. Соломон Гинцбург отказывался за себя и своих правопреемников от права пользоваться фирмой «И.Е. Гинцбург» и предоставил это право старшему брату и его наследникам. Все имущество дома, «значащееся в активах баланса администрации за 1892 г., сколько таковых к тому времени окажется, будут составлять собственность барона Горация Евзелевича, который затем принимает на себя одного платежа всех долгов по товариществу «И.Е. Гинцбург», какие по закрытии администрации останутся непогашенными». Г.Е. Гинцбург обязался выплатить брату несколькими частями 340 тыс. руб.¹⁸⁴

В общем нераздельном владении Гинцбургов оставались огромные недвижимые имения в Симферопольском, Перекопском, Евпаторийском и Днепровском уездах, в Бессарабской губернии Оргеевского уезда имение Бологан-Иванос и в той же губернии Бенедерского уезда имение Дженена-Абад, доставшиеся братьям от отца.

С 1897 г., после окончания администрации Гораций Гинцбург возобновил коммерческие дела под прежним названием торговый и банкирский дом «И.Е. Гинцбург». При этом размеры операций фирмы в значительной степени сократились и свелись к ведению текущих дел в различных предприятиях с ее участием.

После ликвидации совместного банкирского дома Соломон Гинцбург пробовал самостоятельно вести бизнес во Франции, но не удачно. 1 (15) сентября 1905 г. в 6.47 утра в своей парижской

квартире на улице Альма (rudel'Alma), 21 он покончил с собой выстрелом из револьвера. Пуля попала в сердце, смерть последовала моментально. Это самоубийство вызвало сенсацию в парижском финансовом мире, и объяснялось крупными денежными потерями, которые покойный понес накануне самоубийства¹⁸⁵.

Ко времени окончания администрации по делам банкирского дома «И.Е. Гинцбург» Ленское золотопромышленное общество стало давать значительную прибыль, и материальное положение семьи Гинцбург в значительной степени было восстановлено. Однако в апреле 1912 г. на Ленских приисках произошла известная забастовка рабочих, перешедшая в открытое столкновение с войсками и закончившаяся расстрелом забастовщиков. Было убито 107 и ранено 80 человек¹⁸⁶.

После «ленской трагедии» Гинцбурги вместе с другими членами правления вышли из состава Ленского акционерного общества и ограничили свое участие и в других золотопромышленных предприятиях. Однако к этому времени барона Г.Е. Гинцбурга уже не было в живых. Он скончался 17 февраля (2 марта) 1909 г. в 1.40 ночи на 76 году жизни. Барон Гинцбург болел раком желудка, диагностированным у него еще в 1901 г. В начале 1909 г. ему сделали операцию, но состояние здоровья стало ухудшаться. Последние месяцы жизни он был прикован к постели и провел в страшных мучениях. Весь день перед смертью барон находился в агонии, не теряя, однако, сознания, но лишившись речи¹⁸⁷.

Вечером 17 февраля в 20.30 была отслужена первая панихида по барону Гинцбургу. До назначенного времени на квартиру покойного стали собираться друзья, представители власти и всех существовавших в Петербурге еврейских организаций. Присутствовали С.Ю. Витте, бывшие члены 1-й Государственной думы М.М. Винавер, М.И. Шефтель и Л.М. Брансон, Г.Б. Слизберг, доктор Л.А. Каценельсон, И.Я. Гинцбург, А.П. Философова, С.Д. Дубнов, директор консерватории А.К. Глазунов, Д.К. Джигоргули, Б.А. Каминка, Д.В. Стасов, М.М. Стасюлевич, М.И. Кулишер, М.И. Вавельберг, М.А. Варшавский и др. 18 февраля в 14.00 была отслужена была вторая панихида у гроба барона Гинцбурга.

Отпевание барона Гинцбурга состоялось 22 февраля в воскресенье в Петербургской хоральной синагоге. Перед выносом тела в квартире покойного в 11.00 кантором И.Г. Ресселем была совершена краткая молитва при пении хора синагоги. Огромная квартира не могла вместить всех, пришедших почтить память усопшего. Весь Конногвардейский бульвар, прилегающие к дому улицы, и весь путь к синагоге представлял море людей, едва сдерживаемых усилен-

ным нарядом полиции. В 12.00 катафалк с телом барона прибыл к заполненной народом синагоге, куда внесли гроб. Это было отступлением от еврейского похоронного ритуала и делалось в исключительных случаях. Внутрь пропускали только по особым билетам. На похоронах присутствовали многие видные представители административного и военного мира. Заупокойное богослужение в синагоге совершил Рессель с хором под звуки органа. Из синагоги гроб в сопровождении многотысячной процессии был доставлен в 16.00 к Варшавскому вокзалу и помещен в траурный вагон. В 20.00 вагон с телом барона был прикреплен к скорому поезду и отправлен во Францию. Тем же поездом на погребение в Париж отправилась вся семья покойного и еврейские депутации из разных городов. Похоронные расходы составили 20 тыс. руб.¹⁸⁸

Один из сыновей Г.Е. Гинцбурга — Александр, по его словам, однажды имел возможность беседовать с принцессой Викторией Баттенбергской, старшей сестрой российской императрицы Александры Федоровны. Когда речь зашла о покойном бароне Гинцбурге, принцесса сообщила, что его смерть произвела большое впечатление при царском дворе, а Николай II по этому поводу сказал: «Вот человек, о котором никогда ничего дурного никто не говорил»¹⁸⁹. Впрочем, этот рассказ можно отнести к семейным преданиям.

По духовному завещанию Горация Гинцбурга, составленному еще 8 апреля 1883 г., он был похоронен в фамильном склепе на монпарнаском кладбище в Париже, рядом с прахом отца, матери, братьев, жены и сына Марка¹⁹⁰. Он просил вскрыть завещание, как русского подданного либо в Петербурге, либо в Российском генеральном консульстве в Париже, если там будет находиться большинство его наследников, но не ранее исполнения религиозного обряда «Шива» (семи дней скорби по усопшему).

В завещании барон Гинцбург своим детям писал: «Покойный дед Ваш с 1848 года постоянно поддерживал и защищал все касающееся улучшения положения евреев в России, в чем и я старался быть его ревностным последователем, а теперь прошу Вас: не оставлять этого предмета в забвении; все благотворительные учреждения и дела, носящие имя Вашего деда или покойной Вашей матери никогда не покидать, а напротив поддерживать по мере сил и возможности и стараться привести в действительное исполнение все... предначертания Вашего деда, которые останутся после меня еще не оконченными». Отец советовал наследникам во всех своих «предприятиях по возможности как можно дольше держаться вместе, сосредоточивать все дела в Петербурге, кроме, конечно, случая *forçesajeure*»¹⁹¹. Из общей от всех дел чистой прибыли, какая за покрытием расходов,

отчислениями в запасной капитал и за выдачей тантиемов окажется, он просил не вынимать из дела в свою долю прибыли, а лишь часть ее, какая кому потребуется, чтобы не причинять затруднений и расстройств в делах, а напротив содействовать их развитию и процветанию. В случае возникновения каких-либо недоразумений и неудовольствий при толковании и исполнении завещания Гинцбург просил, не вдаваясь «в неприятные друг другу состязания и не обращаясь к суду, предоставить спорные вопросы разбирательству и разрешению своих друзей: Е.И. Ламанского, М.М. Стасюлевича и П.Н. Николаева, а также выслушать разъяснения заведующих центральной бухгалтерией и других отделов торгового дома»¹⁹².

Согласно последнему завещанию Г.Е. Гинцбурга, составленному в 1904 г., все его имущество в России и за границей, за исключением родового недвижимого имущества, наличные деньги, банковские билеты, разные фонды, акции, облигации, паи, страховые полисы, процентные и другие ценные бумаги, счета, векселя, тратты, разного рода долговые документы, а также участие в различных предприятиях в равных частях достались его детям: Габриэлю-Якову, Давиду, Александру-Моисею, Альфреду-Аврааму, Дмитрию-Исааку, Петру-Бениамину и Владимиру-Григорию-Вольфу Горацевичам, Луизе, по мужу Сасун, Матильде, по мужу фон Гутман и Анне, по мужу Ашкенази¹⁹³.

Сыновья Горация Гинцбурга входили в число совладельцев, директоров и членов правлений ряда предприятий, в которых участвовали в качестве учредителей или вкладчиков их дед и отец. Однако их влияние на дела не было определяющим.

Старший Габриэль-Яков Гинцбург (1855—1926) получил образование и звание бакалавра наук в Парижском университете. С 1885 г. он находился на Дальнем Востоке, что, вероятно, было связано с золотопромышленными интересами банкирского дома «И.Е. Гинцбург» в Восточной Сибири. Более 15 лет он прожил в Китае, где выполнял поручения Министерства иностранных дел, состоя в распоряжении военного агента и являясь членом совета временного правительства Тянь-Цзине. 2 декабря 1905 г. он был причислен к Министерству финансов¹⁹⁴. В 1896 г. за особые заслуги по представлению Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского, при котором состоял, он был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. Во время Русско-Китайской войны (1900—1901) Габриэль Гинцбург находился при главнокомандующем русской армии адмирале Е.И. Алексееве. «В воздаяние» за службу в 1902 г. указом Николая II был пожалован орденом Св. Анны 2-й степени. В 1906 г. был награжден медалью Красного креста «в память участия в деятель-

ности Общества во время Русско-Японской войны 1904—1905 гг.»¹⁹⁵. Довольно тесно Г.Г. Гинцбург был связан с А.М. Безобразовым. После возвращения с Дальнего Востока Габриэль получил должность директора правления Компании цепного пароходства по р. Шексне, был членом Товарищества Чонгарских соляных промыслов. В 1914 г. за особые заслуги по приюту принца Петра Ольденбургского» получил чин статского советника¹⁹⁶. Впрочем, о его деятельности известно мало¹⁹⁷.

Второй сын Давид Горадиевич Гинцбург (1858—1910) был известным востоковедом, гебраистом, арабистом, писателем и общественным деятелем. После окончания кандидатом Петербургского университета он состоял на службе по Министерствам иностранных дел и Народного просвещения, в последнем был членом Ученого комитета, имел чин статского советника. Давид Гинцбург был председательствующим петербургской еврейской общины, состоял членом комитетов ОПЕ и Общества распространения земледельческого труда среди русских евреев, председателем Центрального комитета Еврейского колонизационного общества, учредителем Общества востоковедения и др. Кроме того, он являлся председателем Волжско-Каспийского нефтяного и торгового общества, членом правления Товарищества Сергино-Уфалейских горных заводов, одним из директоров правления Товарищества Могилянского свеклосахарного завода и Товарищества Чонгарских соляных промыслов.

Сын Г.Е. Гинцбурга Марк (1859—1878), подающий надежды молодой художник, учился с 1874 по 1878 г. в Париже под руководством профессора А.П. Боголюбова. В 1878 г. получил от Академии художеств малую серебряную поощрительную медаль за картины «Грациелла» и «Патриций». Участвовал с этими картинами на Всемирной выставке в Париже в 1878 г. и во Всероссийской выставке в Москве в 1882 г.¹⁹⁸ Умер в 19-летнем возрасте, еще при жизни отца.

Александр-Моисей Гинцбург (1863—1948), корнет запаса, был произведен из вольноопределяющихся в офицеры 17-го Драгунского Вольнского его императорского величества князя Константина Николаевича полка в 1884 г. По чину получил личное дворянство. Выйдя в 1885 г. в отставку он состоял при отце. После его смерти Александр возглавил фирму «И.Е. Гинцбург» и продолжил торговые и банкирские дела «под наблюдением» братьев Давида и Альфреда и душеприказчика отца присяжного поверенного М.И. Шефтеля¹⁹⁹. На фирменных бланках подпись А.Г. Гинцбурга стояла под печатью «Продолжающий дела И.Е. Гинцбурга». Он был одним из совладельцев и директоров Товарищества Могилянского свеклосахарного завода, Ленского золотопромышленного товарищества,

Верхне-Амурской золотопромышленной компании, Березовского золотопромышленного товарищества, акционерного общества «Платина», Компании цепного пароходства по р. Шексне, председателем правления нефтепромышленного и торгового акционерного общества «Петроль», директором правления Товарищества Чонгарских соляных промыслов.

Авраам-Альфред Гинцбург (1865–1936) после окончания 2-й Петербургской классической гимназии в 1883 г. вольнослушателем поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Окончив один курс, в 1885 на правах вольноопределяющегося он вступил рядовым в военную службу. Как выдержавший экзамен на офицерское звание Авраам-Альфред в январе 1887 г. был произведен в корнеты того же полка что и его брат Александр. Альфред Гинцбург был последним евреем, которого с высочайшего разрешения допустили к сдаче офицерского экзамена. В сентябре 1888 г. он был зачислен в запас армейской кавалерии²⁰⁰. Обучался в Высшей горной школе в Париже и в Америке, где получил образование горного инженера. С 1892 по 1895 г. он состоял на службе сначала инженером, а затем управляющим Ленского золотопромышленного товарищества. Кроме того, он был членом правления Общества гигиенических дешевых квартир для еврейского населения, входил в администрацию по делам общества Сергинско-Уфалейских горных заводов. Во время Первой мировой войны Авраам-Альфред находился в действующей армии, после революции уехал во Францию.

Исаак-Дмитрий Гинцбург (1870–1916?) после окончания курса Петербургского университета состоял при отце, как и брат Петр-Вениамин Гинцбург (1872–1948). Дмитрий в годы Первой мировой войны погиб на Кавказе. Петр жил во Франции и управлял делами своего тестя Эмиля Дейтша де ля Мерта.

Георг-Владимир Гинцбург (1873–1932), учился во 2-й Петербургской гимназии, окончив ее в 1892 г., вольнослушателем поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, окончив его по 1-му разряду. После учебы Георг-Владимир состоял на службе при Министерстве финансов. Он был членом правления Акционерного общества Хамовнического пиво-медоваренного завода в Москве, Товарищества Махаринецкого и Красносельковского свеклосахарных заводов. До революции 1917 г. жил с семьей в Киеве.

Особенно активную коммерческую деятельность во Франции вел племянник Горация Гинцбурга, официальный маклер Парижской биржи Габриэль-Яков (Жан) Зискиндович Гинцбург (1853–1929), бывший лейтенант русской армии, участник Русско-Турецкой войны

1877—1878 гг. Вместе с Германом Рафаловичем он был среди первых подписчиков на акции *Banquefranco-égyptienne* (Франко-Египетского банка). Благодаря Гинцбургу с января 1895 г. акции многочисленных южноафриканских шахт, торговавшиеся на Лондонской бирже, стали котироваться в кулиссе Парижской фондовой биржи. Он в 1895 г. совместно с другими учредителями был основателем *Banque française d'Afrique du Sud* (Французского банка Южной Африки), созданного для финансирования золотых рудников в Южной Африке, главным образом компании «Randfontein». Из нескольких золотых рудников в Южной Африке он с другими инвесторами и Французским банком Южной Африки создал крупную французскую компанию под названием «Cofradog». Гинцбург был одним из директоров банков *Créditmobilier* и *Banquefrançaisepourlecommerceetl'industrie* (Французского банка для торговли и промышленности). Гинцбург был близко связан с министром финансов Франции Морисом Рувье. Он принимал деятельное участие во франко-японских переговорах о заключении международного займа Японией в 1907 г.²⁰¹

С ликвидацией в 1892 г. семейной банкирской фирмы «И.Е. Гинцбург» в Петербурге и ее филиала в Париже в России закончилась эпоха универсальных банкирских и торговых домов, начало которой положил банкирский дом «Штиглиц и К^о» (1803—1860). После закрытия фирмы «И.Е. Гинцбург» в российской банковской сфере больше не возникало подобных значительных банкирских заведений. Их роль окончательно перешла к акционерным коммерческим банкам. Ни один из действовавших в конце XIX — начале XX в. крупных банкирских домов Петербурга («Генрих Блокк», «Г. Вавельберг», «Лампе и К^о», «Э.М. Мейер и К^о»), Москвы («Братья Рябушинские», «Братья Джамгаровы», «И.В. Юнкер и К^о»), Одессы («Федор Рафалович»), Киева («Я.Б. Эпштейн», «С. Френкель», «Л.В. Ашкенази»), Варшавы («В-м Ландау», «И.С. Блюх») не могли сравниться ни по размерам капиталов, ни по величине оборотов, ни по своему влиянию с фирмами «Штиглиц и К^о» и «И.Е. Гинцбург». Некоторые банкирские дома в 1911—1912 гг. были преобразованы в акционерные коммерческие банки: «Г. Вавельберг» в Петербургский Торговый банк (1911), «Братья Рябушинские» в Московский банк (1912), «И.В. Юнкер и К^о» в Московский Промышленный банк (1912). Еще несколько банкирских заведений в своем развитии шли в том же направлении. Этот процесс был приостановлен начавшейся Первой мировой войной, а затем окончательно прекращен после Октябрьской революции 1917 г.

Причин закрытия банкирского дома «И.Е. Гинцбург», как сказано выше, было несколько. Все они тесным образом были связаны

друг с другом или вытекали одна из другой. Их анализ дает основание утверждать, что первопричина расстройств дел была связана с вложением дома «И.Е. Гинцбург» значительной части активов в многочисленные торгово-промышленные предприятия и разного рода недвижимость. Колоссальные суммы инвестировались, в особенно капиталоемкие золотодобывающие предприятия, прибыль от которых могла быть получена в долгосрочной перспективе. Постоянная нехватка свободных средств, вынуждала владельцев фирмы участвовать в крупномасштабных биржевых спекуляциях на курсе кредитного рубля. Именно они, в конце концов, привели банкирский дом к огромным финансовым потерям и стали основанием для отказа министром финансов И.А. Вышнеградским в кредите ее владельцам. Существенную роль в кризисе банкирского дома «И.Е. Гинцбург» сыграло парижское отделение фирмы.

Библиография

- Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860—1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991.
- Гейлер И.К. Сборник сведений о процентных бумагах (фондах, акциях облигациях) России. Руководство для помещения капиталов. СПб., 1871.
- Н.Н. Из впечатлений минувшего века. Воспоминания среднего человека // Еврейская старина. 1914. Т. 7. С. 234—246, 429—442.
- Натанс Б. За чертой. Евреи встречаются с позднимперской Россией. М., 2007.
- Оршанский И.Г. Евреи в России. Очерки экономического и общественного быта русских евреев. СПб., 1877.
- Пятковский А.П. Государство в государстве (К истории еврейского вопроса в России и в Западной Европе). СПб., 1901.
- Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. 3.
- Слиозберг Г.Б. Барон Г.О. Гинцбург, его жизнь и деятельность. К столетию его рождения. Париж, 1933.
- Слиозберг Г.Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Т. 1—2. Париж, 1933.

Примечания

¹ Berlin M.I. Ein Wort über die Familie Günzburg. SPb., 1858; Maggid D. Zur Geschichte und Genealogie der Günzburger. SPb., 1899; Rothenburg E.G., Friedberg B. Zur Genealogie der Familie Günzburg Frankfurt a. M., 1903; Слиозберг Г.Б. Барон Г.О. Гинцбург, его жизнь и деятельность. К столетию его рождения. Париж, 1933; Ginzburg S.M. Di famiiliye Baron Gintzburg; drey doros shtadlonos, tsedoken un haskoleh // Ginzburg S. Historishe verk. Bd. 2. N-Y., 1937. Z. 117—159; Клир Дж. К. Круг Гинцбургов и политика штатланута в императорской России // Вестник еврейского университета в Москве. М.; Иерусалим, 1995. № 3 (10). С. 38—55; Кельнер В.Е. Давид Магид и его генеалогия Гинцбургов // Там же. 1996. № 1(11). С. 160—169.

² Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860—1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. С. 37—71. То же. 2-е изд. М., 2006. С. 67—98.

- ³ Грец Г. История евреев. От древнейших времен до настоящего. От изгнания евреев из Испании и Португалии до поселения маранов в Голландии. Т. 10. Одесса, 1908. С. 375.
- ⁴ В некоторых источниках его называют витебским раввином.
- ⁵ Письмо П.И. Сумарокова — Н.С. Мордвинову // Архив графов Мордвиновых. Т. 4. СПб., 1902. С. 247.
- ⁶ Слиозберг Г.Б. Барон Г.О. Гинцбург, его жизнь и деятельность. К столетию его рождения. С. 16—17.
- ⁷ Отечественные записки. 1854. Т. 95. №. 7. Отд. VI. С. 13; [Варадинов Н.] История Министества внутренних дел. СПб., 1862. Ч. III. Кн. 4. С. 165.
- ⁸ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб.). Ф. 2129. Оп. 3. Д. 91. Л. 180; Слиозберг Г.Б. Указ. соч. С. 34—35.
- ⁹ Слиозберг Г.Б. Указ. соч. С. 26.
- ¹⁰ Рапорт в Департамент Неокладных сборов от Подольской Каменской палаты // ЦГИА СПб. Ф. 2129. Оп. 3. Д. 91. Л. 73—73 об., Определение Кишиневского Окружного суда // Там же. Л. 180—180 об.
- ¹¹ О возведении витебского 1 гильдии купца Габриэля Гинцбурга и сына его Евзеля в потомственное почетное гражданство // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1343. Оп. 38. Д. 1066. Л. 3—5; Формулярный список потомственного почетного гражданина с.-петербургского временного купца 1-й гильдии Евзеля Гавриловича Гинцбурга. Составлен 30 июня 1872 г. // ЦГИА СПб. Ф. 419. Оп. 1. Д. 441. Л. 2—3.
- ¹² РГИА. Ф. 1284. Оп. 205. Д. 182. Л. 1—5; Там же. Ф. 1343. Оп. 38. Д. 1066. Л. 51—54; Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел. Т. 1. Отд. IV. Дела о правах состояния. СПб., 1854. С. 138—139.
- ¹³ [Крылов А.Д.] К истории отмены винных откупов в России (Из записок тайн. сов. А.Д. Крылова). 1858—1862 гг. // Русская старина. 1889. Т. 27. Кн. 3. С. 574.
- ¹⁴ Там же. С. 575.
- ¹⁵ Скальковский К.А. Воспоминания молодости (По морю житейскому) 1843—1869. СПб., 1906. С. 109.
- ¹⁶ Цит. по: Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860—1914 гг. Л., 1991. С. 38.
- ¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 419. Оп. 1. Д. 441. Л. 2—3.
- ¹⁸ Там же. Л. 3—5 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 6 об. —7.
- ²⁰ Цит. по: Ананьич Б.В. Указ. соч. С. 38; О награждении почетного гражданина Гинцбурга // РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 143. Л. 73—74.
- ²¹ ЦГИА СПб. Ф. 419. Оп. 1. Д. 441. Л. 11—12.
- ²² Там же. Л. 2—23.
- ²³ Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 326.
- ²⁴ Михневич В.О. Наши знакомые: Фельетонный словарь современников. 1000 характеристик русских государственных и общественных деятелей, ученых, писателей, художников, коммерсантов, промышленников и пр. СПб., 1884. С. 56—57.
- ²⁵ [Крылов А.Д.] К истории отмены винных откупов в России. С. 578.
- ²⁶ Сатирический листок по случаю рождения у Гинцбурга сына Шмульки // РГИА. Ф. 1108. Оп. 1. Д. 326. Л. 1—2.
- ²⁷ Котик Е. Мои воспоминания. СПб., 2009. С. 123.
- ²⁸ Паперна А.И. Воспоминания // Пережитое. Сборник, посвященный общественной и культурной истории евреев в России. СПб., 1911. Т. 3. С. 353—354.
- ²⁹ Барац С.М. Задачи вексельной реформы в России (По поводу Проекта устава вексельного 1893 г.). СПб., 1896. С. 34—35.
- ³⁰ Паренсов П.Д. В Болгарии (Воспоминания офицера генерального штаба) // Русская старина. 1906. Т. 126. Кн. 4. С. 68; Кн. 5. С. 327.
- ³¹ РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 1179. Л. 97—111.
- ³² Н.Н. Из впечатлений минувшего века. Воспоминания среднего человека // Еврейская старина. 1914. Т. 7. С. 242.

- ³³ Оршанский И.Г. Евреи в России. Очерки экономического и общественного быта русских евреев. СПб., 1877. С. 9.
- ³⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 (далее — ПСЗ РИ 2). Т. XXIII. Отд. 1. Ст. 22567. С. 572—574.
- ³⁵ Г.В. Откупщики в России // Еврейская энциклопедия. СПб., 1912. Т. 12. С. 163.
- ³⁶ Натанс Б. За чертой. Евреи встречаются с позднейимперской Россией. М., 2007. С. 86.
- ³⁷ Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. 3. С. 62.
- ³⁸ Слюзберг Г.Б. Указ. соч. С. 18—19.
- ³⁹ Бибииков П.А. От Петербурга до Екатеринославля // Время. 1863. № 2. С. 11.
- ⁴⁰ ПСЗ РИ 2. Т. XXXVI. Отд. 2. Ст. 37197. С. 39—70.
- ⁴¹ Главные основания агентства по питейному сбору и товариществу для содержания железных дорог // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. Приложение. 1862. 14 июля. № 28.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб., 1868. С. 298—299; Горюшкина Н.Е. «Объявить откупщикам, что проект их отвергается»: о противодействии откупщиков винной реформе 1863 г. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2012. № 1. Ч. 1. С. 241—245.
- ⁴⁴ Выпись из первой части актовой книги петербургского нотариуса П.С. Корнеева // ЦГИА СПб. Ф. 356. Оп. 1. Д. 13877. Л. 27, 29—30.
- ⁴⁵ Лернер О.М. Евреи в Новороссийском крае. Исторические очерки. По данным из архива бывшего Новороссийского генерал-губернатора. Одесса, 1901. С. 164—165, 169, 177.
- ⁴⁶ О запрете петербургскому купцу, еврею Гинцбургу приобретать имения в западных губерниях // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 386. Л. 1—9; О запрещении евреям приобретать земельные участки в западных губерниях // Там же. Д. 392.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 143. Л. 74; ЦГИА СПб. Ф. 419. Оп. 1. Д. 441. Л. 3 об. — 4.
- ⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 419. Оп. 1. Д. 441. Л. 16 об. — 17, 20 об. — 22.
- ⁴⁹ Список лиц возведенных по департаменту торговли и мануфактур в звание коммерции и мануфактур советников с 1854—1881 г. // РГИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 34. Л. 4; ЦГИА СПб. Ф. 419. Оп. 1. Д. 441. Л. 2 об. — 3; Список лиц, получивших звание коммерции советников с 1830 по 1917 гг. // РГИА. Ф. 23. Оп. 26. Д. 414; О награждении потомственных почетных граждан Гинцбурга, Паллизена, Ненюкова, Куконова, Полякова и Щербакова званием коммерции советника // Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 26. Л. 5—5 об.
- ⁵⁰ ПСЗ РИ 2. Т. XXXIV. Отд. 1. Ст. 34248. С. 206—207.
- ⁵¹ Н.Н. Указ. соч. С. 429—430.
- ⁵² Докладная записка поверенного от Гинцбурга о праве его на производство в Сибири золотого промысла // РГИА. Ф. 821. Оп. 9. Д. 86. Л. 39—43 об.
- ⁵³ Н.Н. Указ. соч. С. 431.
- ⁵⁴ Венгерова П.Ю. Воспоминания бабушки. Очерки культурной истории евреев России в XIX веке. Иерусалим; М., 2003. С. 244.
- ⁵⁵ Цит. по: Натанс Б. Указ. соч. С. 153.
- ⁵⁶ Мандельштам О.Э. Шум времени. Хаос иудейский // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. М., 1991. С. 66.
- ⁵⁷ Paris aventureux. Avec une dédicace à Marguerite Rigolboche. Paris, 1860. P. 11.
- ⁵⁸ L'Univers israélite: journal des principes conservateurs du judaïsme. 1857. № 1. Septembre. P. 285—286.
- ⁵⁹ Le Monte illustre. 1858. 8 mai. T. 2. № 56. P. 290.
- ⁶⁰ Le Figaro. 1878. 15 janvier. № 15.
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² L'Abeille impériale. 1862. 15 mars. № 5. P. 5.

- ⁶³ Выпись из первой части актовой книги петербургского нотариуса П.С. Корнеева // ЦГИА СПб. Ф. 356. Оп. 1. Д. 13877. Л. 27 об. — 28.
- ⁶⁴ Письмо Е.Г. Гинцбурга — Э.Б. Левину // ЦГИА СПб. Ф. 2129. Оп. 3. Д. 91. Л. 135; Письмо Э.Б. Левина — Е.Г. Гинцбургу // Там же. Л. 144.
- ⁶⁵ Извещение о смерти барона Евзеля Гинцбурга // ЦГИА СПб. Ф. 2129. Оп. 3. Д. 91. Л. 186; РГИА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 17. Л. 1; Голос. 1878. 3 (15) января, 4 (16) января; Новое время. 1878. 3 (15) января, 4 (16) января; Le Figaro. 1878. 13 janvier. № 13.
- ⁶⁶ Голос. 1876. 1 (13) декабря. № 332.
- ⁶⁷ Le Figaro. 1878. 16 janvier. № 16.
- ⁶⁸ По проекту положения об учреждении барона Гинцбурга // РГИА. Ф. 1261. Оп. 3 (1880 г.). Д. 17. Л. 1—3.
- ⁶⁹ Министр внутренних дел — министру финансов // РГИА. Ф. 1405. Оп. 107. Д. 20418 Л. 1—1 об.; По проекту положения об учреждении барона Гинцбурга // РГИА. Ф. 1261. Оп. 3 (1880 г.). Д. 17. Л. 1—3.
- ⁷⁰ LeGaulois. 1886. 5 juillet. № 1407.
- ⁷¹ Выпись из первой части актовой книги петербургского нотариуса П.С. Корнеева // ЦГИА СПб. Ф. 356. Оп. 1. Д. 13877. Л. 27—28 об.
- ⁷² Извещение об открытии банкирского дома «И.Е. Гинцбург» // ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 871. Л. 1—2; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1288. Оп. 1. Д. 2944. Л. 1.
- ⁷³ НатансБ. Указ. соч. С. 59.
- ⁷⁴ La Presse. 1861. 7 juin.
- ⁷⁵ Сборник статей по еврейской истории и литературе, издаваемый Обществом для распространения просвещения между евреями в России. СПб., 1866. Т. 1. С. 8, 17.
- ⁷⁶ Recueil des arrêts du Conseil d'Etat statuant au contentieux des décisions du tribunal des conflits et de la cour comptes. Paris, 1888. Т. 51. P. 156—157.
- ⁷⁷ Annuaire des banquiers et agents de change de France et des principales villes de l'étranger. Bordeaux, 1872. P. 138; Archives commerciales de la France. 1875. 23 septembre. P. 836. № 38; 1878. 7 juillet. № 57; Le Gaulois. 1881. 19 mai. № 614; 1891. 25 janvier. № 3071.
- ⁷⁸ Le Droit financier. Paris, 1888. P. 493—494.
- ⁷⁹ Н.Н.Указ. соч. С. 429.
- ⁸⁰ Пятковский А.П. Государство в государстве (К истории еврейского вопроса в России и в Западной Европе). СПб., 1901. С. 225.
- ⁸¹ Барац С.М. Указ. соч. С. 34—35.
- ⁸² Письмо И.С. Тургенева — барону Г.О. Гинцбургу от 16/8 февраля 1881 г. // РО РНБ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1805. Л. 1—1 об.; То же // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. В 28 т. Т. 13. Кн. 1. Л., 1968. Письма 1880—1882 гг. С. 54.
- ⁸³ Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений. В 20 т. М., 1977. Т. 19. Кн. 2. С. 297; Т. 20. С. 157—158, 189, 218—219.
- ⁸⁴ Ананьич Б.В. Указ. соч. С. 43.
- ⁸⁵ Представление председателя С.-Петербургского биржевого комитета А.Я. Прозорова директору Департамента Торговли и мануфактур от 2 ноября 1898 г. // РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1180. Л. 22 об.
- ⁸⁶ Доклад об основании и действиях фирмы, «Товарищество на вере Жадимировский, Баймаков и К^о» и об отношениях к ним ее пайщиков. Второе приложение к отчету // Отчет о действиях конкурсного управления, учрежденного по делам несостоятельного должника Ф.П. Баймакова, торговавшего под фирмой «Товарищество на вере Ф.П. Баймаков и К^о». СПб., 1878. С. 2—4; Лизунов П.В. «Крах конторы Баймакова...» // Экономическая история. Ежегодник. 2010. М., 2010. С. 111—142.
- ⁸⁷ Особый журнал Комитета министров 15 марта 1888 г. об учреждении администрации по делу банкирского дома Фелейзена // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4650. Л. 136; Лизунов П.В. Семья петербургских биржевых маклеров и банкиров Фелейзен // Экономическая история. 2013. № 3 (22). С. 8—16.

- ⁸⁸ Договор о содействии к учреждению Петербургского Кредитного банка // ЦГИА СПб. Ф. 2112. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–3.
- ⁸⁹ Бовыкин В.И. Французские банки в России. Конец XIX — начало XX в. М., 1999. С. 37–38.
- ⁹⁰ Circulaire. Monteaux et Lunel. 1870. 4 avril. № 10; Annales industrielles. 1873. 2 mars. P. 66.
- ⁹¹ Устав акционерной компании Цепного пароходства по р. Шексне. СПб., 1904. С. 3–4.
- ⁹² Общее обозрение // Журнал для акционеров. 1859. 2 декабря. № 151. С. 1268.
- ⁹³ Главное общество российских железных дорог. Отчет Совета управления за 1860 год. СПб., 1861. С. 108, 158; Лизунов П.В. Петербургские купцы, фабриканты и банкиры Штиглицы. СПб., 2014. С. 310–370.
- ⁹⁴ Гейлер И.К. Сборник сведений о процентных бумагах (фондах, акциях облигациях) России. Руководство для помещенных капиталов. СПб., 1871. С. 374–375.
- ⁹⁵ Докладная записка поверенного от Гинцбурга о праве его на производство в Сибири золотого промысла // РГИА. Ф. 821. Оп. 9. Д. 86. Л. 39 об.
- ⁹⁶ О праве еврейских купеческих детей на занятие золотопромышленностью // РГИА. Ф. 821. Оп. 9. Д. 86. Л. 80 об.
- ⁹⁷ [Бисарнов М.Д.] Список главнейших русских золотопромышленных компаний и фирм по официальным данным составил М. Бисарнов, горный инженер. СПб., 1896. С. 2, 5, 14, 24, 47, 73, 78, 144, 161; То же. СПб., 1897. С. 4, 6, 22, 42, 97, 156–157, 179, 307, 356.
- ⁹⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Л. 52.
- ⁹⁹ Слиозберг Г.Б. Указ. соч. С. 33–34.
- ¹⁰⁰ Доверенности Э.Б. Левину на ведение дел баронов Е.Г. и Г.Е. Гинцбургов // ЦГИА СПб. Ф. 2129. Оп. 3. Д. 90. Л. 1–11.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 1.
- ¹⁰² Там же. Л. 7.
- ¹⁰³ Письмо Е.Г. Гинцбурга — Э.Б. Левину. Париж 30 октября (11 ноября) 1872 г. // Там же. Л. 63–63 об.
- ¹⁰⁴ Слиозберг Г.Б. Указ. соч. С. 99.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 35–36.
- ¹⁰⁶ Слиозберг Г.Б., Гессен Ю.И. Гинцбург, Гораций Осипович (Евзелевич), барон // Еврейская энциклопедия. Т. 6. СПб., 1911. С. 526.
- ¹⁰⁷ Паренсов П.Д. Из прошлого. В Болгарии (Воспоминания офицера генерального штаба) // Русская старина. 1906. Т. 126. Кн. 4. С. 68; Кн. 5. С. 327.
- ¹⁰⁸ Там же. Т. 126. Кн. 4. С. 68.
- ¹⁰⁹ Алфавитный указатель к приказам по С.-Петербургской полиции. СПб., 1870. С. 218.
- ¹¹⁰ Всеподданнейшее прошение барона Гинцбурга // РГИА. Ф. 1412. Оп. 4. Д. 401. Л. 1; Там же. Ф. 1405. Оп. 68. Д. 7595. Л. 1–1 об.
- ¹¹¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 68. Д. 7595. Л. 23–25; Формулярный список о службе... барона Горация Гинцбурга // РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1180. Л. 11 об. — 12; Списки титулованным родам и лицам Российской империи. СПб., 1892. С. 215–216; Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886. С. 223–224.
- ¹¹² Буренин В.П. Песни и шаржи. 2-е изд. СПб., 1892. С. 19.
- ¹¹³ Михневич В.О. Указ. соч. С. 56–57.
- ¹¹⁴ Мартыанов П.К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX века. СПб., 1890. С. 59.
- ¹¹⁵ Беккер С. Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 170.
- ¹¹⁶ Примеры возведения в дворянство по чинам и орденам // РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1180. Л. 24–24 об.
- ¹¹⁷ Беккер С. Указ. соч. С. 170.

- ¹¹⁸ Описание заслуг... барона Горация Гинцбурга // РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1180. Л. 3.
- ¹¹⁹ Формулярный список о службе... барона Горация Гинцбурга // РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1180. Л. 7 об.
- ¹²⁰ Там же. Л. 12 об. — 13.
- ¹²¹ Там же. Л. 14 об. — 15.
- ¹²² Там же. Оп. 1. Д. 34. Л. 5 об.
- ¹²³ Там же. Оп. 2. Д. 1180. Л. 20, 23.
- ¹²⁴ Там же. Л. 4—4 об. Л. 6—17.
- ¹²⁵ Там же. Л. 10 об. — 11, 12 об. — 13.
- ¹²⁶ Слюозберг Г.Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Т. 2. Париж, 1933. С. 219.
- ¹²⁷ РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1180. Л. 20—23.
- ¹²⁸ Наградной список Г.Е. Гинцбурга // РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1180. Л. 4—4 об.; Формулярный список о службе... барона Горация Гинцбурга // Там же. Л. 8—9 об.
- ¹²⁹ Формулярный список о службе... барона Горация Гинцбурга // РГИА. Ф. 1412. Ф. 4. Оп. 401. Л. 24 об.
- ¹³⁰ Ходатайства о награждении // РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1180. Л. 2.
- ¹³¹ Там же. Л. 2—2 об., 20; Справка // Там же. С. 18—19; Ответ Департамента торговли и мануфактур В.И. Ковалевского председателю Петербургского комитета А.Я. Прозорову // Там же. С. 21—21 об.
- ¹³² Всеподданнейшее прошение барона Гинцбурга // РГИА. Ф. 1412. Оп. 4. Д. 401. Л. 1—3.
- ¹³³ Шталмейстер барон А.А. Будберг — министру императорского двора // РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 31. Л. 10; Там же. Ф. 1412. Оп. 4. Д. 401. Л. 35—38 об.
- ¹³⁴ Слюозберг Г.Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Т. 1. Париж, 1933. С. 265.
- ¹³⁵ Слюозберг Г.Б. Барон Г.О. Гинцбург, его жизнь и деятельность. С. 52.
- ¹³⁶ Слюозберг Г.Б. Дела минувших дней. Т. 2. С. 216.
- ¹³⁷ Слюозберг Г.Б. Барон Г.О. Гинцбург, его жизнь и деятельность. С. 54.
- ¹³⁸ Там же. С. 56.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ Новая иллюстрация. 1894. Т. LI. № 1 (1301). С. 16.
- ¹⁴¹ Тургеневский сборник / Под ред. А.Ф. Кони. Пб., 1921. С. 145.
- ¹⁴² Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. От начала русской образованности до наших дней. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1891. С. 309, 323.
- ¹⁴³ Пятковский А.П. Указ. соч. С. 227.
- ¹⁴⁴ Клячко Л.М. За чертой // Еврейская летопись. Л.; М., 1926. Сб. 4. С. 130.
- ¹⁴⁵ Слюозберг Г.Б. Указ. соч. С. 75.
- ¹⁴⁶ Народная Воля. 1882. 5 февраля. № 8—9; Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века: Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912. С. 304; М.А. В.Н. Фигнер // Новый журнал. Нью-Йорк, 1942. С. 350—351.
- ¹⁴⁷ Давыдов А.В. Воспоминания 1881—1955. Париж, 1982. С. 228.
- ¹⁴⁸ Сенчакова Л.Т. «Священная дружина» и ее состав // Вестник МГУ. Серия 9. История. 1967. № 2. С. 75.
- ¹⁴⁹ Лемке М.К. Святая дружина Александра III (Тайное общество борьбы с крамолой). 1881—1882 годы. По неизданным документам. СПб., 2012. С. 832.
- ¹⁵⁰ Слюозберг Г.Б. Указ. соч. С. 59.
- ¹⁵¹ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1895. № 51. С. 997.
- ¹⁵² О временных мерах к усилению надзора за биржами // РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 90. Л. 2.
- ¹⁵³ О воспрещении сделок на разность по покупке и продаже золотой валюты, тратт и т.п. ценностей, писанных на золотую валюту. Изложение дела // РГИА. Ф. 560. Оп. 35. Д. 1689. Л. 80; Там же. Ф. 1287. Оп. 9. Д. 3450. Л. 1; Вессель Н.Х. Наша новая государ-

- ственная финансовая деятельность (1892–1894 гг.). СПб., 1894. С. 246; Гурьев А.Н. К реформе Государственного банка. СПб., 1893. С. 116–117.
- ¹⁵⁴ Министерство финансов 1802–1902. Ч. 2. СПб., 1902. С. 105–107; Кашкаров М.П. Денежное обращение в России. Историко-статистическое исследование. Т. 1. СПб., 1898. С. 194.
- ¹⁵⁵ РГИА. Ф. 1152. Оп. XII. 1887 г. Д. 78. Ч. 2. Л. 8.
- ¹⁵⁶ Степанов В.Л. От крушения системы Канкрин к новой реформе // Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. М., 1994. С. 108.
- ¹⁵⁷ Новости и отголоски // Биржевые ведомости. 1892. 4 (16) марта. № 63; Биржевая хроника // Новое время. 1892. 4 (16) марта
- ¹⁵⁸ Крах фирмы И.Е. Гинцбург // Петербургский листок. 1892. 5 (17) марта. № 63; Слиозберг Г.Б. Указ. соч. С. 127.
- ¹⁵⁹ Биржевые вопросы дня // Биржевые ведомости. 1892. 8 (20) марта. № 67.
- ¹⁶⁰ Биржевая неделя // Биржевые ведомости. 1892. 8 (20) марта. № 67; Биржевые вопросы дня // Там же.
- ¹⁶¹ Биржевая неделя // Биржевые ведомости. 1892. 8 (20) марта. № 67.
- ¹⁶² Пятковский А.П. Указ. соч. С. 229–230.
- ¹⁶³ Там же.
- ¹⁶⁴ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 169–170.
- ¹⁶⁵ По поводу положения дел фирмы г. Гинцбург // Петербургский листок. 1892. 11 (23) марта. № 69.
- ¹⁶⁶ Богданович А.В. Указ. соч. С. 169–170.
- ¹⁶⁷ Биржевые ведомости. 1892. 6 (18) марта. № 65.
- ¹⁶⁸ Новости и биржевая газета. 1892. 10 марта. № 68.
- ¹⁶⁹ Ликвидация фирмы «И.Е. Гинцбург» // Биржевые ведомости. 1892. 11 (23) марта. № 70; Баланс торгового дома «И.Е. Гинцбург» // Новое время. 1892. 11 (23) марта; По поводу положения дел фирмы г. Гинцбург // Петербургский листок. 1892. 11 (23) марта № 69.
- ¹⁷⁰ Биржевые ведомости. 1892. 11 (23) марта. № 70.
- ¹⁷¹ Баланс торгового дома «И.Е. Гинцбург» // Новое время. 1892. 11 (23) марта.
- ¹⁷² Слиозберг Г.Б. Указ. соч. С. 125–126.
- ¹⁷³ Биржевые ведомости. 1892. 6 (18) марта. № 65.
- ¹⁷⁴ Там же.
- ¹⁷⁵ Биржевые ведомости. 1892. 8 (20) марта. № 67.
- ¹⁷⁶ Петербургский листок. 1892. 11 (23) марта. № 69.
- ¹⁷⁷ Пятковский А.П. Указ. соч. С. 227.
- ¹⁷⁸ Н.Н. Указ. соч. С. 440–441.
- ¹⁷⁹ Счет г. администраторов с банкирским домом И.Е. Гинцбург на 1 октября 1874 года. СПб., 1875.
- ¹⁸⁰ [Половцов А.А.] Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т. 2. 1887–1892. М., 1966. С. 445.
- ¹⁸¹ Биржевые ведомости. 1892. 30 ноября (12 декабря). № 330.
- ¹⁸² Отчет администрации по делам торгового дома И.Е. Гинцбург. Т. 1–3. СПб., 1893–1894.
- ¹⁸³ Удостоверение // РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 1179. Л. 67–68.
- ¹⁸⁴ Соглашение об условиях ликвидации // РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 1179. Л. 55, 65–66 об.
- ¹⁸⁵ Биржевые ведомости. 1905. 02 (16) сентября.
- ¹⁸⁶ Бунт на ленских приисках // Вечернее время. 1912. 5 (18) апреля; Всеподданнейший отчет члена Государственного совета, сенатора, тайного советника Манухина по исполнению Высочайше возложенного на него 27 апреля 1912 года расследования о забастовке на Ленских приисках. СПб., 1912.
- ¹⁸⁷ Биржевые известия. 1909. 17 февраля. № 608; Биржевые ведомости. 1909. 18 февраля. № 41; Baron Horacede Gunzburg's Seventieth Birthday // The Jewish Chronicle. 1903. 13 February. S. 15; Марк Матвеевич Антокольский: Его жизнь, творения,

- письма и статьи / Под ред. В.В. Стасова. 1853—1883. СПб.-М., 1905. С. 880—881; Толстой И.И. Дневник. Т. 1. 1906—1909. СПб., 2010. С. 534.
- ¹⁸⁸ Баланс торгового дома «И.Е. Гинцбург» на 16 февраля 1909 г. // ЦГИА СПб.; Ф. 2049. Оп. 1. Д. 1605. Л. 1.
- ¹⁸⁹ Слюозберг Г.Б. Указ. соч. С. 68.
- ¹⁹⁰ Духовное завещание барона Г.Е. Гинцбурга от 8 апреля 1883 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 1605. Л. 1.
- ¹⁹¹ Там же. Л. 1—1 об.
- ¹⁹² Там же. 2—2 об.
- ¹⁹³ РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 1179. Л. 88; Завещание барона Горация Евзелевича Гинцбурга // ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 1602. Л. 2; Там же. Д. 1613. Л. 8—8 об.; Там же. Д. 1616. Л. 174—175.
- ¹⁹⁴ Выписка из приказа // ЦГИА СПб. Ф. 394. Оп. 1. Д. 6268. Л. 23.
- ¹⁹⁵ Свидетельство // Там же. Л. 19—20.
- ¹⁹⁶ Формулярный список о службе барона Габриэля-Якова Горацевича Гинцбурга. 1909 г. // ЦГИА СПб. Ф. 394. Оп. 1. Д. 6268. Л. 1—4; Сведения о детях барона Гинцбурга // РГИА. Ф. 1412. Оп. 4. Д. 401. Л. 24—24 об.
- ¹⁹⁷ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб., 2008. С. 505.
- ¹⁹⁸ Булгаков Ф.И. Наши художники (Живописцы, скульпторы, мозаичисты, гравёры и медальеры) на академических выставках последнего 25-летия: биографии, портреты художников и снимки с их произведений. Т. 1. СПб., 1890. С. 110.
- ¹⁹⁹ Официальное извещение о разрешении продолжения дел торгового дома «И.Е. Гинцбург» А.Г. Гинцбургу // ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 1613. Л. 3; Справочная книга о лицах с.-петербургского купечества... СПб., 1911. С. 132; Справочная книга о лицах с.-петербургского купечества... СПб., 1916. С. 56.
- ²⁰⁰ РГИА. Ф. 1412. Оп. 4. Д. 401. Л. 24—24 об.; Формулярный список о службе барона Авраама-Альфреда Гинцбурга. 1904 г. // ЦГИА СПб. Ф. 394. Оп. 1. Д. 2437. Л. 3—8.
- ²⁰¹ Барышев Э.А. Япония и парижский финансовый рынок после русско-японской войны (сентябрь 1905 — март 1907 г.) // Япония: Ежегодник. 2012. Вып. 41. С. 367—388.

История советской экономики

**«Барнсдальская история», или нефтяная концессия,
которая оказалась никому не нужна**

Аннотация: В статье представлена история концессии американской «Международной Барнсдальской корпорации» в Баку в начале 1920-х годов; определяется степень ее влияния на технико-технологическое развитие советской нефтяной промышленности и причины неудовлетворительных результатов.

Ключевые слова: нефтяная промышленность СССР, индустриализация, концессия, техническая помощь, «Международная Барнсдальская корпорация», Генри Мейсон Дей, Гарри Форд Синклер, «Азнефть», А.П. Серебровский, вращательное бурение, электрификация нефтепромыслов, насосная эксплуатация скважин.

В истории экономических и научно-технических связей СССР и стран Запада в начале 1920-х годов Барнсдальская концессия занимает особое место. Договоры, заключенные «Международной Барнсдальской корпорацией» (International Barnsdall Corp.; далее — МБК) и Азербайджанским нефтяным комитетом (с 1923 г. — трест «Азнефть») на бурение и эксплуатацию нефтяных скважин под Баку, стали одними из первых концессионных договоров Советской России и способствовали прорыву «экономической блокады», развитию новых технологий в нефтедобыче. Их значение высоко оценивается как зарубежной, так и отечественной историографией¹. Между тем, история этой концессии описана фрагментарно, имеет существенные лакуны и даже искажения². Историки по-разному классифицируют договоры, заключенные с МБК, называют их и концессионными, и «договорами технической помощи», и подрядными. Требуется уточнения степени влияния их на модернизацию советской нефтяной промышленности: были ли они «эпохальными», как об этом писал Э. Саттон, или являлись лишь попыткой «наскоком» сорвать бакинский нефтяной «куш»?

На основе недавно опубликованных и еще неопубликованных архивных документов мы расскажем историю этой концессии.

* Евдошенко Юрий Викторович — кандидат исторических наук, редактор исторической литературы ЗАО «Издательство “Нефтяное хозяйство”», yue@yandex.ru

Константинопольский гамбит

Появление Барнсдальской концессии в Баку связано с операциями по прорыву «торговой блокады», которые совершались в 1921 г. в Константинополе. Туда в апреле и июле на пароходах, груженных советскими нефтепродуктами, в качестве сопровождающего приехал председатель Азнефтекома А.П. Серебровский, которому при большом сопротивлении Наркомата внешней торговли РСФСР на некоторое время выдали разрешение на самостоятельные экспортно-импортные операции и поиск концессионеров.

Другим участником событий стал Ф.Я. Рабинович, полномочный представитель Наркомвнешторга РСФСР и Совета Труда и Обороны (СТО) в Закавказье. Его появление связано с «советизацией» Закавказья, которая завершилась установлением Советской власти в Грузии в марте 1921 г.³ Это был тот «умный человек», которого В.И. Ленин просил найти для ведения единой внешнеторговой политики в Закавказье в своей записке от 28 апреля 1921 г. заместителю наркома внешней торговли А.М. Лежаве⁴. Именно на нем, Рабиновиче, члене партии с 1902 г., управляющем секретариатом НКВТ, остановила свой выбор комиссия, которую по постановлению Политбюро ЦК РКП(б) составили Ленин, Сталин и Лежава. Директивы, данные торгпреду и утвержденные 6 мая 1921 г. Политбюро, указывали на «выдающуюся роль», которую должна была сыграть концессионная политика в поднятии хозяйственного уровня и развития производительных сил Закавказья⁵.

Советским представителям предстояло решать комплексные внешнеэкономические задачи. Во-первых, они должны были продавать нефтепродукты и искать покупателей для других закавказских товаров — табака, чая и т.п. Во-вторых, «архиважнейшим» являлся поиск импортёров оборудования, товаров широкого потребления и продовольствия. Эти две задачи были взаимосвязаны, поскольку, по сути, речь шла об обмене, например нефтепродуктов, «на предметы оборудования и снабжения рабочих одеждою и продовольствием»⁶. Третья задача — поиск концессионеров — в идеале должна была также решаться в комплексе с двумя первыми⁷. Еще перед первой поездкой Серебровского в Константинополь В.И. Ленин писал ему: «Архиважнейательно 1/4 Баку (а то и 2/4) сдать концессионерам (на условиях помощи из-за границы и продовольствием и оборудованием сверх размеров, необходимых для концессионера [здесь и далее выделено автором. — Е.Ю.].) Только тогда есть надежда на остальные 3/4 (или 2/4) догнать (а затем и обогнать) современный передовой капитализм»⁸.

С американской стороны за решение этих задач взялся предприниматель Генри Мейсон Дей (Henry Mason Day, 1886—1957).

Американец по происхождению, он вырос в Париже, хорошо знал французский язык, в 1920 г. возглавлял American Foreign Trade Corporation, имевшую экономические интересы в Турции, и совершил 8-месячную деловую поездку по Крыму, Кавказу, Турции и Египту. 4 января 1921 г. газета «Нью-Йорк Таймс» поместила красноречивый отзыв Дея о необходимости признания Советской России Соединенными Штатами, дабы — не упустить «своей доли торговли, пока ее целиком не захватила Великобритания»⁹. В общем, Г.М. Дей неслучайно оказался в константинопольской конторе французского общества «Сосифросс» (Societe Commerciale Industrielle financiere pour Russie — «Торгово-промышленное и финансовое общество для России»), которое одно из первых в обмен на нефтепродукты согласилось поставлять технические материалы и оборудование в Баку.

В офисе «Сосифросса» Дей встретил Серебровского и в ходе короткого знакомства оказал ряд важных услуг. Так, в период обострения отношений советских представителей с турецкой полицией он помог председателю Азнефтекома нелегально выехать из Константинополя на американском миноносце¹⁰. Обратным же судном Ф.Я. Рабинович переправил деньги для закупок Наркомвнешторга. В Константинополе Дей познакомил «красных коммерсантов» с директором Оттоманского банка, где те получили возможность безопасно хранить необходимые им суммы. В благодарность за услуги и благожелательное отношение к РСФСР американцу были предложены для возможной концессии нефтяная, угольная, лесная и табачная отрасли. После всего этого Ф.Я. Рабинович сообщал В.И. Ленину: «За время этих переговоров гр. Дей произвел впечатление человека энергичного, имеющего весьма солидные деловые связи в финансовом и промышленном кругах Америки, и я нашел целесообразным, имея в виду его поездку в Америку, предложить ему заняться составлением финансовых групп, способных вступить с нами в переговоры относительно концессии»¹¹. 23 августа 1921 г. американские корреспонденты сообщили из Константинополя о назначении Г.М. Дея торговцем «представителем» Закавказских Советских Республик (ЗСР). «Дей отказался обсуждать условия сделки, — писала «Нью-Йорк Таймс», — но понятно, что если она состоится, то Америка получит монопольные концессии для американских товаров»¹².

Важно подчеркнуть, что Г.М. Дей не был нефтяником, хотя, по словам Серебровского, был «знаком несколько (выделено нами. — Е.Ю.) с постановкой нефтяного дела в Америке, бывал на промыслах и видел, как там добывается нефть»¹³.

О дальнейших событиях Ф.Я. Рабинович сообщал В.И. Ленину и А.М. Лежаве в своем письме от 21 февраля 1922 г.

27 августа 1921 г. Г.М. Дей уехал в США искать концессионеров. 24 октября его представитель Эдвард Гриффин сообщал, что тот заручился поддержкой «Барнсдальской корпорации» и готов в ноябре приехать с экспертами и потенциальными покупателями. 8 декабря сам Дей, подогревая внешнеполитические ожидания своих советских партнеров, сообщал им о «весьма сочувственном отношении» правительственных и торгово-промышленных кругов Америки к возможным соглашениям. 15 декабря он вернулся в Константинополь, перед этим встретившись в Лондоне с наркомвнешторгом Л.Б. Красиным. Тот телеграфировал в Москву: «Массон [так!] Дей возможно уполномочен Гувером обследовать экономические перспективы Кавказа. Держаться с ним надо осторожно, не обещая больше, чем можно дать, но и не расхолаживая. Лучше просить его делать конкретные предложения на основании работы его экспертов, тогда посмотрим». В январе 1922 г. Дей, Гриффин, два эксперта — по нефти и руде, бывший американский консул (вероятно из Константинополя или Тифлиса), представитель Оттоманского банка и переводчик прибыли в Тифлис, где встретились со специально созданной комиссией Объединенного внешторга ЗСР и ВСНХ РСФСР. Перед этим на заседаниях комиссии было решено, что нефтяные и табачные концессии будут разрабатываться представителями ВСНХ, а лесные и торговые — органами Грузии¹⁴.

Отношение Л.Б. Красина, одного из главных двигателей концессионного дела, к предложениям Г.М. Дея, А.П. Серебровского и собственного представителя Ф.Я. Рабиновича долгое время было критическим. Он вообще считал, что «с Константинополем торговать нельзя; там-де жулье»¹⁵. А риск того, что Дей, репутация и экономические возможности которого были известны Л.Б. Красину, не сможет привлечь серьезные промышленно-финансовые силы, был велик. «Дэй [так!] — типичный американский делец, организовавший в свое время “Американское общество иностранной торговли” и пытавшийся завязать торговые отношения с Кавказом, — сообщал американский адвокат НКВД Чарльз Рехт (иногда — Рихт). — Его фирма скоро обанкротилась. Вслед за этим другая фирма, представителем которой он оказался, заключила договор с кавказским представителем Внешторга в Константинополе на крупную партию муки. Доставленная мука оказалась негодной, и кавказскому внешторгу грозило в результате этой сделки потерпеть убыток в 70 тысяч долларов»¹⁶. Тем не менее Л.Б. Красин не только не выступил против, но и, встретившись один раз с Г.М. Деем, продолжал встречаться, о чем регулярно сообщали американские газеты.

Расчет наркома был прост: любая информация о заключении концессионных сделок должна была вбить клин между американцами и англичанами в борьбе за нефтяные концессии, а также внутри

американского бизнес-сообщества и политического истеблишмента. Дей подыгрывал Красину, поскольку до 1921 г. был известен в США разве что своей женитьбой на европейской оперной диве, меццо-сопрано Элизабет Де Селдинг. Теперь он получил полуофициальный статус «советского агента» (именно это выражение использовалось газетой «Нью-Йорк Таймс») и таким образом повышал собственную значимость и свои шансы на поиск более крупных инвесторов, готовых рискнуть капиталами в Советской России.

Тем не менее, 1 марта 1922 г. Н.П. Горбунов сообщал В.И. Ленину, что «Красин считает предложения Дея легковесными и рассматривает их, как американскую разведку»¹⁷.

В это время Г.М. Дей после переговоров и поездки по местам концессий — в Тифлис и Баку — готовился к отъезду из Константинополя в США. Он вез предложение президенту «Барнсдальской корпорации» о встрече с Л.Б. Красиным в Генуе или любом другом европейском городе¹⁸. Президент корпорации Роберт Лоо (R. Law) не поехал, но уже 23 марта «Нью-Йорк Таймс» опубликовала его официальное заявление о достигнутых в Тифлисе договоренностях о контурах будущей концессии: бурение новых скважин и получение еще неких «эксклюзивных» прав на бакинских месторождениях.

«Барнсдальская корпорация» являлась американским холдингом, который возник на базе «Барнсдальской нефтяной компании», одной из старейших в США, и включал в себя 24 торгово-промышленных компании, в том числе 17 — нефтегазовых (3000 скважин и ежесуточная добыча 7,5 тыс. барр. нефти), 6 — горно-заводских и одно электрическое трамвайное общество. Общий капитал превышал 30 млн. долл.¹⁹ Несмотря на то, что А.П. Серебровский утверждал, что корпорация подконтрольна группе Рокфеллера («замаскированный филиал «Стандарта»), подтверждения этому нигде обнаружить не удалось, напротив имеющаяся информация говорит о независимом характере фирмы²⁰.

Р. Лоо публично подтвердил создание специально для бакинско-го проекта дочерней «Международной Барнсдальской корпорации» (учредительное собрание состоялось в октябре 1921 г.²¹) и передачу 25% ее акций президенту Г.М. Дею, который получал статус вице-президента головной корпорации²².

Выступление Р. Лоо стало серьезным успехом как Л.Б. Красина, так и Г.М. Дея. Их последующие встречи, которые проходили в кулуарах Генуэзской конференции, теперь уже вызвали не просто любопытство прессы, а заинтересованное внимание деловых кругов. Ведь крупнейшие международные форумы того времени в Сан-Ремо, Генуе и Гааге проходили под знаком англо-американских нефтяных противоречий,

которые еще подогревались сообщениями о ведении переговоров советскими представителями с различными немецкими, итальянскими и французскими группами, стремившимися, говоря современным языком, снять свои страны с «американской нефтяной иглы»²³.

10 июля 1922 г. Л.Б. Красин получил от Г.М. Дей из Нью-Йорка список американской делегации для поездки в Москву. На следующий день «Нью-Йорк Таймс» со ссылкой на «Ассошиейтед Пресс» опубликовала его, акцентировав внимание на том, что «группа, возможно, отправится из Берлина в Москву аэропланом»²⁴. «В общем и целом, — писал наркомвнешторг, — эта американская группа, несомненно, состоит из людей типа спекулянтов, но при настоящих условиях мы пока не можем надеяться на договоры с наиболее солидными фирмами, и если бы удалось обеспечить хоть в минимальной степени наши интересы, то я был бы за заключение договора с группой Дэй и не сомневаюсь, что это двинуло бы дело [концессий] с мертвой точки»²⁵. Однако в составе делегации, помимо представителей МБК находились вице-президент американского банкирского дома «Блэйр и Ко» (Blair & Co), по словам Красина, — «весьма солидного финансового предприятия», и директор его лондонского филиала. Их присутствие вызвало особенно благоприятный отзыв Л.Б. Красина, т.к. косвенно свидетельствовало о росте внимания к Барнсдальскому проекту со стороны финансистов США.

Представляя себе все риски, Л.Б. Красин, а вслед за ним В.И. Ленин и часть советских и партийных руководителей были готовы рисковать ради поиска серьезных иностранных инвесторов.

Московские переговоры

Еще 16 мая 1922 г. из Нью-Йорка Г.М. Дей послал в Геную Л.Б. Красину меморандум с конкретными предложениями по концессии. Он просил те самые ¼ бакинских месторождений, о которых писал Серебровскому Ленин, и предлагал создать смешанное общество, где бы 49% акций принадлежало РСФСР²⁶.

28 июля американская делегация выехала из Берлина в Москву, где 5 августа в Главном концессионном комитете (Главконцеском или ГКК) приступила к обсуждению деталей. Ее членов пригласили затем в Управление нефтяной промышленности Главного топливного управления ВСНХ, где геолог Д.В. Голубятников на карте продемонстрировал самые лучшие из нетронутых разработкой участков на Сураханском и Биби-Эйбатском месторождениях — наиболее перспективных на тот момент.

К 8 августа предварительные условия американцев были следующими. РСФСР должна предоставить концессионерам на 50 лет: 764 десятины нефтеносной земли в Сураханах и на Биби-Эйбате, «свободные от всяких обязательств, от прежних аренд и от каких бы то ни было претензий»; перерабатывающие инсталляции мощностью 250 тыс. барр. нефти в сутки (72 млн. пуд. в год); магистральный нефтепровод Баку — Батум; освободить будущее предприятие от ввозных и вывозных пошлин и т.д. Основной капитал смешанного общества должен был составить 10 млн. долл., а МБК должна была вложить 5 млн. долл. (в первый год — 3 млн.) первоначального капитала, за что получала 51% акций²⁷.

Промышленные запасы этих участков, по оценке российских специалистов, составляли 7,64 млрд. пуд. и обеспечивали среднегодовую добычу 150 млн. пуд. в течение всего срока концессии. А потому, сравнив запросы американцев с условиями аренды казенных нефтеносных земель до революции, советские нефтяники назвали предложения партнеров «наивной дерзостью»: объем доходов государства и объем основного капитала в соотношении с площадью и качеством арендуемых земель были значительно ниже дореволюционных. «Производственные задания Компания Барнсдалл при проектируемых ею незначительных затратах сумеет выполнить лишь при условии хищнической работы на фонтаны и при затрате в первые годы всех прибылей на расширение дела, т.е. РСФСР в первые годы никакой выгоды от этого дела не получит», — писал Л.Б. Красину начальник Управления нефтяной промышленности ВСНХ И.М. Губкин. Для нормального ведения работ, по оценке Губкина, МБК должна была вложить в дело более 80 млн. долл.²⁸

К концу августа на советско-американских заседаниях под председательством И.М. Губкина были выработаны новые условия, которые и легли в основу соглашений.

2 сентября Г.М. Дей сообщил о своем принципиальном согласии с ними, но с некоторыми изменениями. Он увеличивал срок договора от 10, как предлагали советские нефтяники, до 15 лет и свое долевое отчисления — от 10 до 15%, мотивируя это большим внешнеполитическим значением концессии. «В высшей степени важно для заинтересованных сторон, — писал Дей, — чтобы группа пионеров-американцев имела бы успех в своих начинаниях сотрудничества с Советским Правительством в деле реабилитации ресурсов России. Хороший прецедент, установленный в результате успешной реализации этих договоров, принесет неисчислимую пользу заинтересованным сторонам»²⁹.

Теперь концессия строилась на двух договорах — на бурение и на эксплуатацию скважин, без образования нового юридического лица,

но с условием ежемесячных заседаний совместной комиссии МБК и «Азнефти» для согласования и оценки работ. Площадь концессии сужалась до 500 десятин и переносилась на Балахано-Раманино-Сабунчинское месторождение — старейшее и давно разрабатываемое. МБК должна была поставить сначала 25 комплектов для насосной добычи нефти с последующим доведением до 100, установив 90% их на старых скважинах. Концессионер получал 15% от валовой добычи скважин, им обслуживаемых. Он должен был также бурить вращательным способом новые или углублять старые скважины до перспективной кирмакинской свиты, открытой незадолго до революции, получая за каждую пробуренную сажень 80 зол. руб. После достижения глубины 100 саж. стоимость бурения каждых последующих 10 сажень увеличивалась еще на 10 зол. руб. Предельная глубина определялась в 350 саж. Обязательным условием двух договоров являлось применение электроэнергии, которую бесплатно предоставляла «Азнефть». Концессионеру также бесплатно поставлялись лес, цемент, вода, строились буровые вышки. МБК за свой счет ввозила все оборудование, но «Азнефть» должна была компенсировать его стоимость с 5%-ной надбавкой. Советский трест также должен был вернуть МБК ввозные и вывозные пошлины³⁰.

В сентябре 1922 г. шло согласование. Проекты договоров были посланы во все заинтересованные инстанции — ВСНХ, НКВД, ЦК Союза горнорабочих, Совет нефтяной промышленности и др. Доработка велась в Концессионной комиссии ВСНХ. Изменения коснулись площади концессии (она уменьшилась до 400 десятин), максимальной глубины бурения (она увеличилась до 450 саж.), числа комплектов насосного оборудования, поставляемого в первый год работы (увеличилось от 25 до 40). Долевое отчисление от добычи из пробуренных или добуренных концессионером скважин увеличилось до 20%, а за установленные насосы сохранялось на уровне 15%. Срок концессии был определен в 15,5 лет.

Предварительное подписание договоров А.П. Серебровским и Г.М. Деем состоялось: 17 сентября — по эксплуатации и 20 сентября — по бурению, однако предстояла ратификация этих договоров высшими инстанциями — ГКК и СТО, после чего они могли считаться действительными.

Утверждение прошло в СТО утром 20 сентября 1922 г. Докладчиком являлся председатель ГКК А.М. Лежава. МБК особым постановлением СТО разрешалось открыть операции в РСФСР³¹. Во второй половине дня обсуждение договоров прошло и в ГКК. В кабинете Лежавы собрались: наркомвнешторг Л.Б. Красин, начальники: Главтопа ВСНХ — И.Т. Смилга, Управления нефтяной

промышленности — И.М. Губкин, «Азнефти» — А.П. Серебровский и представители других заинтересованных ведомств (без американцев, конечно). Правка, внесенная на обоих заседаниях, не была принципиальной, хотя и уточняла некоторые статьи договоров³².

Вопрос об участии первых лиц государства в обсуждении Барнсдальской концессии остается открытым. В своих воспоминаниях, написанных в 1936 г., А.П. Серебровский по уже сложившейся традиции приписывает как В.И. Ленину, так и в еще большей степени И.В. Сталину роль участников, не только отслеживавших, но и направлявших процесс переговоров на всех стадиях. «Главные основания этого договора, — писал бывший начальник “Азнефти”, — были проведены такими, как говорил Владимиру Ильичу тов. Сталин. Именно здесь проведена была идея о бурении. Основы этого договора были предварительно обсуждены с тов. Сталиным»³³.

Действительно, участники этой истории, прежде всего А.П. Серебровский и Ф.Я. Рабинович, ставили в известность обоих деятелей. Известно, что В.И. Ленин живо интересовался ходом переговоров, пока ему позволяло здоровье. Однако каких-то следов активности большевистских лидеров на стадии подготовки пока не обнаружено. Постановление СТО о начале работ МБК было подписано заместителем Ленина по СТО — А.И. Рыковым.

Перед ключевыми заседаниями СТО и ГКК 20 сентября в тот же день (не ранее!) управделами ГКК поставил И.В. Сталина в известность о предстоящем обсуждении³⁴. 21 сентября Политбюро ЦК РКП(б) также рассмотрело вопрос «О концессии в Баку на бурение скважин» и задним числом не возражало против заключения договоров с МБК. Единственное более-менее серьезное замечание касалось суперарбитров. В качестве таковых члены Политбюро предлагали 6 или более представителей Российской Академии наук³⁵. Однако, этот пункт так и не вошел в текст договоров.

22 сентября 1922 г. Совнарком РСФСР выдал А.П. Серебровскому доверенность на подписание соглашений с Г.М. Деем³⁶. Лишь после этого они вступили в силу. Таким образом, в различных источниках датой подписания указываются три дня: 17 сентября — подписание первого договора, 20 — подписание второго договора и утверждение обоих договоров в СТО и ГКК и 22 сентября — легитимация договоров СНК.

23 сентября И.В. Сталин, уже после утверждения соглашений, «по просьбе ЦК» запросил в НКИД сведения «о солидности (или не солидности) американской фирмы, заключившей с РСФСР на днях договор по бурению и тартанию нефти». Ответ заведующего отделом англо-романских стран НКИД Г.И. Вайнштейна заклю-

чал в себе нелицеприятный отзыв американского адвоката Ч. Рехта о Г.М. Дее, который был приведен выше. Судя по сталинскому запросу и ответу, ни Сталин, ни НКВД определенной информации о МБК и ее связях с материнской компанией не имели. Причем ни у кого из них не было даже тех сведений о «Барнсдальской корпорации», которыми владел Главконцесском (структура, основной капитал, объем добычи нефти и т.п.)³⁷. Тем не менее, весьма вероятно, что в дальнейшем И.В. Сталин стоял за спиной А.П. Серебровского, предпринимавшего подчас определенные шаги без формальных полномочий и стремившегося превратить «концессионный договор в договор о технической помощи», как он писал, «в соответствии с указаниями тов. Сталина»³⁸.

В целом, договоры с МБК стали компромиссом, который позволил учесть незначительность капитала концессионера и большие внутрисоветские и внешнеполитические препятствия этой и другим концессиям. «Можно с удовлетворением отметить новую и весьма приемлемую для России форму привлечения капитала в нефтяном деле, — констатировал Л.Б. Красин. — <...> мы остаемся полными хозяевами нефтяных промыслов, американский же капитал выступает лишь подрядчиком бурильных и тартальных работ <...> Эта схема заслуживает самого широкого развития в нефтяных районах, и товарищи бакинцы должны приложить все усилия, чтобы первый такой договор выполнялся бы без всяких препятствий, так как успех первого подрядчика, несомненно, привлечет других охотников, а это послужит мощным толчком к развитию нашего нефтяного экспорта»³⁹.

Оставалось лишь проверить жизнеспособность этой схемы в экономической среде, которая сложилась в Советской России к началу 1920-х гг.

Долгие проводы

Проект начался со скандала. 21 сентября 1922 г. «Правда» на первой полосе опубликовала статью А.П. Серебровского «Американцы и бурение на бакинских промыслах», где излагались основные условия договора, которые, как правило, составляют коммерческую тайну. Вслед за центральной газетой они появились в отраслевой прессе и просочились в американскую и европейскую печать⁴⁰.

Г.М. Дей тут же пожаловался Л.Б. Красину, который срочно написал в Политбюро ЦК РКП(б) «гневное» письмо, сравнив утечку информации с «экономическим шпионажем». «У меня был Мазон Дэй, — писал Красин, — <...> и с большим недоумением указывал

на большие неудобства, проистекающие для него от опубликования условий договора. <...> Во-первых, нет никакой надобности сообщать во всеобщее сведение, по каким именно ценам получил подряд Мэзон Дэй <...> Во-вторых, и это самое главное, опубликование может привести к срыву всего дела. Заграничные и бывшие русские нефтепромышленные фирмы, между ними такие мировые тресты, как “Стандарт Ойл”, “Шелл”, “Ройал Детш” (“Шелл” и “Рояль Датч”. Прим. — Е.Ю.) и другие, <...> ознакомившись с заключенным нами подрядным договором, несомненно, забудут тревогу и примут все меры к тому, чтобы задушить либо купить Мэзон Дэй <...> “Стандарт Ойл” и другие достаточно мощны и влиятельны, чтобы по всей Европе и Америке организовать своего рода блокаду, запрещающую подрядным фирмам заключать или осуществлять подобного рода договоры»⁴¹.

Действительно, параллельно с подготовкой и заключением этой сделки в Европе консолидировались силы бывших собственников национализированных промыслов. Наибольшую активность проявлял глава англо-голландского нефтяного концерна «Роял Датч Шелл» Г. Детердинг, в кабинете которого была организована «Международная группа нефтяных обществ России». В нее помимо «Шелл», франко-бельгийских и русских нефтепромышленников-эмигрантов, пострадавших от национализации, вошла и компания «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси», в 1920 г. купившая российскую собственность «Т-ва бр. Нобель»⁴². В документах организации бывших собственников отмечалось, что эксплуатация конфискованных участков возможна лишь после их возвращения или выплаты компенсации «законным владельцам»⁴³. Еще накануне подписания московских договоров МБК глава «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси» У. Тигл высказался отрицательно по поводу этой сделки, если она затронет интересы бывших собственников⁴⁴. После этого все замерло в ожидании реакции.

25 октября президент «Барнсдальской корпорации» Р. Лоо написал личное письмо В.И. Ленину, в котором поблагодарил за внимание, оказанное Г.М. Дею, заверил вождя в наилучшем отношении к Советскому правительству и обещал вскоре сообщить о времени приезда в Россию рабочей группы и начале технических поставок⁴⁵. Точных сроков он не назвал, а потому при встрече с Серебровским Ленин скептически оценил подписанные договоры и засомневался «в том, придут ли вообще американцы, не является ли это письмо вежливым отклонением вопроса и, может быть, корпорация от обязательств своих откажется под влиянием Комитета Детердинга»⁴⁶. В течение осени 1922 г. управделами СНК и СТО Н.П. Горбунов от

имени В.И. Ленина регулярно забрасывал А.П. Серебровского телеграммами с вопросом о начале работ, по-прежнему выражая недоверие вождя к этому проекту.

Между тем частным порядком в Баку поступило сообщение о приготовлениях МБК к работе, которое через некоторое время было переправлено в Кремль. Его прислал связанный с «Барнсдальской корпорацией» инженер-эмигрант К.П. Свимонов своему бакинскому товарищу, экономическому обозревателю журнала «Азербайджанское нефтяное хозяйство» М.В. Шику. 25 ноября 1922 г. Свимонов «конфиденциально» сообщал: «Я <...> на днях выезжаю в Баку. Это в связи с Barnsdall Corp., которая также выезжает в Баку в составе нескольких инженеров. <...> видел и его главу м-р Mason Day несколько раз и старался убедить их в полной целесообразности их предприятия в Баку. Я глубоко уверен, что задуманное ими дело пойдет. И, по-видимому, они оба серьезно принялись за реализацию этой концессии»⁴⁷.

Однако в письме Свимонов указал и на «загвоздку», о которой ему, «как лицу близко стоящему к русской стороне дела», не говорили. «Standard очень косо смотрит на все это, — писал он, намекая на причину возникших у компании трудностей, — но это понятно: Нобель и Standard одно и то же. Barnsdall Corp, — солидное предприятие и одно из старейших в Америке. Несомненно если удастся наладить чисто юридическую сторону этого предприятия, то их помощь Бакинской промышленности будет колоссальная»⁴⁸.

А «юридическая сторона» была не вполне чистой, что отчетливо понимал Г.М. Дей. В первых проектах им особыми пунктами хотя и предусматривалась возможность эксплуатации национализированных частновладельческих участков, но при этом в качестве компенсации предусматривалось приобретение акций планируемого общества бывшими собственниками⁴⁹.

«Представители Компании заявляют, — сообщал И.М. Губкин Л.Б. Красину о ходе переговоров, — что из осмотра карт, показанных Управлением Нефтяной Промышленности, выяснилось, что эти земли свободны от всяких претензий, заявок и исков. В действительности это не так. Представителям Компании было определено указано, что в число 232 десятин Биби-Эйбата входит около 180 десятин в морской бухте, которые были разобраны разными фирмами⁵⁰. Но вся подготовка и заключение договоров проходили под легендой, что бурение скважин и их эксплуатация насосами будут вестись на бывших казенных землях. «Масон Дей, возвратившись осенью из России, представил свой договор о концессии с Советским Правительством на обсуждение вашингтонскому правительственному

департаменту, причем там ему было заявлено, что раз земли, о которых идет речь, не являются конфискованными, то правительство не только не будет чинить ему препятствий, но, наоборот, департамент относится к его плану весьма благожелательно», — писал бакинский журнал, ссылаясь на сообщения западных газет⁵¹. Однако эти выводы были поспешны, а Г.М. Дей, вероятно, выдавал желаемое за действительное, поскольку Государственный департамент США пришел к выводу, что «законные права частных собственников и арендаторов будут нарушены с самого начала как первым, так и вторым договором», поскольку в Баку не может быть 400 десятин земель, свободных от притязаний частных лиц или компаний⁵².

Всего в «Азнефти» к тому моменту находилось в эксплуатации 1500 десятин. По оценкам журнала Совета Съезда бакинских нефтепромышленников «Нефтяное дело», в 1911 г. в пределах разрабатываемой промысловой площади на Апшеронском полуострове у казны было от 300 до 500 десятин свободной «заведомо нефтеносной» земли⁵³; к тому же в 1912 г. были приняты законы об изъятии (с компенсацией) и передаче казне 1600 десятин крестьянских земель, расположенных в зоне нефтяных месторождений⁵⁴. Наделение нефтепромышленников свободными казенными землями в Баку в 1912—1917 гг. хотя и проводилось, но незначительно. В 1922 г. знаток Бакинского нефтяного района Д.В. Голубятников констатировал наличие 2353 десятин «нефтеносной земли» в 7 старых районах и столько же в 7 новых⁵⁵. Таким образом, при желании можно было найти «юридически чистые» земли, но чтобы получить их в концессию, МБК должна была вложить сумму гораздо больше той, которой располагала. К тому же, по договору фонтанная добыча, которая неизменно сопровождает начало эксплуатации свежих земель, не считывалась концессионеру.

В итоге, 21 января 1923 г. «Нью-Йорк Таймс» в связи с готовящимся отъездом в Баку группы инженеров напомнила, что МБК лишена поддержки правительства США и действует на свой страх и риск⁵⁶.

Отрицательное отношение Государственного департамента США и противодействие группы «Стандарт Ойл» должны были сказаться на дальнейшем развитии концессии, прежде всего в области кредитования. И уже после заключения договоров Г.М. Дей продолжал делать различные предложения Л.Б. Красину для урегулирования претензий «Стандарта», называя их «самым крупным препятствием на пути Русско-Американских отношений»⁵⁷.

Тем не менее, МБК готовилась к выполнению договоров. По условиям она должна была в течение пяти месяцев осмотреть участок работ, определить тип необходимого оборудования и в течение года

завезти 20 станков, после чего начать бурение не менее 10 и оборудовать насосами 40 скважин. Объем вложений в течение первого года должен был составить 1 млн. долл.

22 января 1923 г. МБК заключила договор с машиностроительной фирмой «Люсей Мануфэкчуринг Компани» (Lucey Manufacturing Company), по которому та обязалась в течение года предоставить оборудование в кредит на сумму 1,5 млн. долл. Сбывалось то, на что так долго рассчитывали Ленин и Красин, — в страну должно было поступить новейшее оборудование в кредит. Позже Г.М. Дей подчеркивал, что выбор поставщика определялся не волей МБК, а желанием «Азнефти», которая еще до заключения концессионных договоров начала поставлять оборудование «Люсей», а потому хотела, чтобы ввозимые концессионером машины были совместимы с общей линейкой импортируемого оборудования.

Однако события развивались по худшему сценарию.

Во-первых, в 1923 г. в США разразился кризис. В марте сообщения о неблагоприятном состоянии «Люсей» проникли в прессу. В мае одна из банковских фирм в ответ на запрос сообщила о серьезном дефиците средств у этой компании, а затем о ее предбанкротном состоянии и внешнем управлении. В сентябре от доверенных лиц были получены сведения, что «некоторые контрагенты Люсей задерживают исполнение заказов [в том числе и для МБК] впредь до выяснения финансового положения предприятий Люсей»⁵⁸. Но о сложностях этой фирмы Г.М. Дей не сообщал, а, сославшись на обострение политической ситуации в зоне черноморских проливов, попросил полугодовой отсрочки исполнения договоров.

Во-вторых, Г.М. Дей 21 марта 1923 г. обратился к А.П. Серебровскому с просьбой вычеркнуть из перечня работ углубление старых скважин, наиболее существенную и важную для «Азнефти» часть договора на бурение. Это диктовалось тем, что первые 150—200 сажень были относительно легкими для вращательного бурения и обеспечивали основной «куш» подрядчика, затем требовался тампонаж (изоляция водоносных горизонтов) и другие специальные работы, затрудняющие и замедляющие процесс. Начальник «Азнефти» против увеличения сроков не возражал, но отказ от углубления старых скважин существенно менял мотивацию договоров с МБК и был невыгоден «Азнефти», техническая политика которой в то время строилась на массовом вводе в эксплуатацию старых и заброшенных скважин. А.П. Серебровский справедливо сослался на отсутствие у него полномочий на изменение договоров, утвержденных высшими органами государственной власти, и направил свои заключения А.И. Рыкову, Л.Б. Красину и И.М. Губкину. Американцам же он

предложил заложить 10—20 новых скважин и параллельно добиваться изменения договоров в Москве⁵⁹.

Чуть позже бакинские нефтяники признают, что углубление старых скважин на кирмакинскую свиту «требует много времени и стоит больших денег», а потому сами предпочли на эту глубину бурить заново⁶⁰. Но в то время московские эксперты посчитали условия бурения вполне выгодными для МБК, поскольку оплата буровых работ была выше, чем у дореволюционных подрядчиков, а сверх этого концессионер получал долевое отчисление и налоговые льготы, чего не было до революции⁶¹.

Заявить об этом американцам новый председатель ГКК Г.Л. Пятаков отказался, предложив А.П. Серебровскому «самому найти надлежащую форму действий». При этом он напутствовал: «До тех пор, пока Мейзон Дей не ввез еще в Россию почти никакого имущества, не вложил в это дело еще почти ни копейки, он может в любой момент разорвать договор, почти ничем не рискуя. Поэтому Вам надлежит с достаточной ловкостью избежать каких-то письменных обязательств в смысле отказа от углубки существующих скважин, но в то же самое время добиться с ним какого-либо соглашения по этому пункту». В своем письме Пятаков сослался на какие-то «проверенные сведения», что Г.М. Дей получил инструкцию от правительства США не вести бурение на «чужих», т.е. принадлежавших ранее частным фирмам нефтеносных участках. «Этим и объясняется нежелание Мейзон Дея производить углубку существующих скважин, — писал председатель ГКК, — т.к., разумеется, существующие скважины не могут не быть “чужими”»⁶². Какие договоренности на этот счет были достигнуты, пока неизвестно, но по факту МБК так и не углубила ни одной старой скважины.

В апреле 1923 г. Г.М. Дей и Дж.Ф. Люсей, владелец одноименной компании, добивались в Баку и Москве изменения условий договоров. 12 апреля заместитель председателя СНК А.И. Рыков своим письмом уведомил их о согласии продлить срок поставки оборудования еще на полгода, но при обязательном условии — чтобы «не позднее 15 июля с.г. было зафрахтовано или доставлено в Баку машинное оборудование стоимостью в 100.000 долларов или два полных оборудования станков для бурения». Теперь МБК должна была к 1 января 1924 г. завезти оборудование стоимостью не менее 500 тыс. долл., а остальное — к 1 апреля 1924 г.⁶³

Пока шла подготовка МБК к работе, на сцену вышло новое действующее лицо — Гарри Форд Синклер (Harry Ford Sinclair, 1876—1956), глава «Синклер Консолидейтед Ойл Корпорейшен». Сын аптекаря он сам создал свою корпорацию, успешно выдерживал

борьбу с «великой семеркой» Дж. Рокфеллера внутри США и бросил ей вызов за пределами своей страны⁶⁴. В начале 1920-х годов Синклер активно и безуспешно боролся за получение концессий в Анголе, Италии, Дальневосточной республике (на Сахалине). В Северной Персии он перешел дорогу «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси» и на этой почве стал сближаться с Советской Россией, также претендовавшей на персидские концессии. Синклер имел и другие, более существенные предложения к советскому правительству.

1 июля 1923 г. Г.Ф. Синклер, сенатор и бывший секретарь Департамента внутренних дел США А.Б. Фолл, президент «Барнсдальской корпорации» Р. Лоо в сопровождении Г.М. Дея и других высокопоставленных сотрудников МБК прибыли в Москву. Дей на правах «старожила» играл роль посредника. Перед приездом делегации Л.Б. Красин сообщил Г.Л. Пятакову о предполагаемом соглашении, «обнимающем всю совокупность нефтяных интересов России». Синклер в компании с «Барнсдальской корпорацией» и несколькими банками предлагал на основе смешанного общества принять на себя добычу, переработку, транспорт и продажу нефти и нефтепродуктов в России и за рубежом. Речь шла о концессии нефтяной промышленности «в общегосударственном масштабе»⁶⁵. Примечательно, что для начала Синклеру предложили пойти по барнсдальскому сценарию», т.е. взять долговременный подряд на бурение и добычу в Баку и Грозном, приведя в пример договоры МБК⁶⁶, но подобная комбинация не устроила амбициозного американца.

Участие Г.Ф. Синклера в установлении советско-американских экономических связей отмечено отечественной историографией, но с МБК его никак не связывали⁶⁷. Хотя совместная поездка Г.Ф. Синклера, Р. Лоо и Г.М. Дея оказалась неслучайной. В 1924 г., когда стало известно о прекращении действия договоров с МБК, Р. Лоо заявил газетам, что его корпорация давно «продала свою долю участия в «интернациональной Барнсдальской Корпорации» частному синдикату, принявшему на себя все права и обязанности «арнсдальской Корпорации»⁶⁸. Наименование этого анонимного синдиката становится ясным после прочтения бюллетеня Главконцесскома № 56 за 1923 г. Там со ссылкой на «Нью-Йорк Таймс» сообщалось: «Уатс, вице-президент Синклер Ойл Корпорейшен, назначен председателем Правления Барнсдальской Корпорации. Мэйсон Дей, председатель Барнсдальской Корпорации, назначен представителем Синклеровской организации в России»⁶⁹. Таким образом Г.Ф. Синклер стал хозяином МБК. Возможно, именно в ходе июльской поездки американцев, которые, в общем, не добились того, чего хотели, менее решительный и более осторожный Р. Лоо решил отказаться от

невыгодного контракта с «Азнефтью», а МБК стала частью корпорации Синклера и его большой игры, начатой с советским правительством⁷⁰.

Такая переуступка была на руку МБК, поскольку повышала ее шансы на выживание, ведь экономические и политические возможности Г.Ф. Синклера в то время были куда более значительными, чем у Р. Лоо. Впоследствии Дей использовал фигуру Синклера, который обещал советскому правительству кредит в 216 млн. долл., как средство давления на «Азнефть» через вышестоящие инстанции⁷¹.

Тем не менее, осенью 1923 г. Г.М. Дей вышел с новым ходатайством об изменении сроков. Невыполнение обязательств он мотивировал тем, что заказанное оборудование не было изготовлено по причине банкротства «Люсей», квалифицировав его как форс-мажор. 8 ноября 1923 г. СНК СССР по представлению Главконцесскома принял постановление — банкротство поставщика форс-мажором не считать, но, тем не менее, «продлить сроки на производство бурения, <...> с тем, чтобы на первые 500.000 долл. оборудование было ввезено не позднее 1 марта 1924 г. и на вторые 500.000 долл. не позднее 1 июня 1924 г.»⁷².

Американцы в Баку

Переживания В.И. Ленина были напрасными. Г.М. Дей сразу же после подписания договоров заявил, что начнет свои действия в Баку в феврале следующего года⁷³. И действительно, в конце января 1923 г. американские газеты сообщили об отъезде специалистов МБК в Баку. 3 февраля они достигли Константинополя, 20-го выехали в Батум, а 5 марта, наконец, достигли Апшерона. По их маршруту через несколько дней проследовали Г.М. Дей и Дж.Ф. Люсей. О продвижении американцев Серебровский регулярно оповещал Кремль. Это была именно та рекогносцировочная поездка, в ходе которой представители концессионера и поставщика оборудования должны были ознакомиться с условиями работ для дальнейшего подбора соответствующего оборудования. Всего приехало шесть инженеров: трое — от МБК, трое — от «Люсей».

Гостей встретили радостно. Местные газеты поместили портреты и в течение нескольких дней писали о них. «Маленькая кучка американцев прибыла сюда с самыми лучшими намерениями, — говорил в интервью вице-президент МБК Ф.Х. Чадборн, — но успех их работы зависит от доброй воли русских рабочих и от отношения А.П. Серебровского»⁷⁴.

В политической верхушке страны и в обществе не было однозначного отношения к концессиям, особенно в нефтяной промышленности. Однако благодаря настойчивости и тактической изощренности В.И. Ленина некоторым концессионерам удавалось преодолевать сопротивление в высших сферах, хотя среда для концессий была неблагоприятной. В самой нефтяной промышленности, включая ВСНХ и тресты, отношение к ним было отрицательным. Нефтяники соглашались с необходимостью технической реконструкции, но ее залогом большинство считало успешное обеспечение техникой и материалами, заграничные командировки, а не приезд иностранцев. Прошедший с 31 декабря 1921 по 10 января 1922 г. I Всероссийский съезд нефтеработников высказался однозначно против концессий⁷⁵. Такой же вывод делал и ГКК, соглашаясь с нефтяными концессиями лишь «по соображениям политического характера»⁷⁶.

А.П. Серебровский, который в официальных выступлениях проявлял сдержанное отношение к концессионерам, придерживался того же мнения. 22 апреля 1923 г., через месяц после приезда американцев в Баку, он в письме Г.Л. Пятакову позволил себе откровенность. Соглашаясь на уступки Г.М. Дею, он писал: «Я это сделал только потому, что полагал этим согласиём попасть в тон общей линии нашего Правительства в отношении американцев-концессионеров». И далее: «Если я ошибаюсь и Правительству вообще нежелательно давать американцам какую-либо пощадку, то лично для меня, Серебровского, кроме удовольствия из этого ничего не последует: должен Вам доложить, что наоборот пребывание американцев в Баку никому здесь не доставляет никакого удовольствия». Квинтэссенцией стали заключительные слова письма: «Я же позволю себе, как ярому контр-концессионисту, выразить уверенность, что в недалеком будущем Баку избавится от этих концессионеров, которые теперь не нужны»⁷⁷.

11 и 20 июля 1923 г. два парохода с оборудованием МБК отплыли из Лондона в Батум. Журнал «Нефтяной бюллетень» сообщал: «15 июля в Баку прибыли 11 американских экспертов по различным отраслям нефтяной промышленности. Кроме того на пути в Батум находятся 18 инструкторов и буровых мастеров, следует также много технического оборудования»⁷⁸. Г.М. Дей предлагал направить еще буровую бригаду из Румынии, но от этой идеи, вероятно, отказались. В начале сентября заместитель начальника «Азнефти» М.В. Баринов сообщал в Москву, что «инженеры Барнсдальской Корпорации <...> заняты подготовительными работами, наймом рабочих и пр.

Машины и оборудование частью прибыли уже в Баку, частью находятся в Батуме»⁷⁹.

Концессионеры наняли 39 человек из местного населения. Вместе с ними работало 5 американцев, вероятно, остальная часть, выполнив свои обязанности по налаживанию работы, вернулась на родину.

МБК заключила коллективный договор с Азербайджанским отделом Всесоюзного союза горнорабочих. В соответствии с ним заработная плата рабочим концессии выдавалась в червонцах или дензнаках по официальному курсу дня выдачи. Ставка по 1-му разряду составляла 16 черв. руб., вскоре она была поднята до 18 и 20 и в целом была выше, чем в «Азнефти» и у других ее подрядчиков⁸⁰, в то же время отличалась незначительными по сравнению с ними премиальными за успешную проходку (так называемые «футовые»). Компания выплачивала также квартирные: по 5 черв. руб. — холостым, по 10 — женатым, делала отчисления с зарплаты в фонд месткома (2%) и для «культнужд» (8%)⁸¹.

Для работ МБК выделили 3-й участок XIV Балаханской промышленной группы в южной части месторождения. При выборе советская сторона приняла во внимание, что проходимые бурением породы там были более устойчивы к обвалам, а значит — «более вероятно возможность эксплуатации скважин глубокими насосами»; планируемые к закладке скважины должны были составить компактную промысловую единицу, которую и предстояло развивать американцам⁸².

К работе в Баку МБК приступила 3 октября 1923 г., эту дату отметил в своем отчете М.В. Баринов⁸³. К тому моменту «Азнефтью» для компании было построено три буровые вышки — высокие башни обшитые досками, районный геолог Балаханов составил план расположения 20 новых скважин и наметил несколько скважин из старого фонда для углубления, подготовил свод геологических разрезов⁸⁴.

Поскольку комплектование оборудованием двух скважин было завершено только в ноябре, то бурение первой скважины началось лишь 1 декабря 1923 г. За первый месяц было пройдено 130 саж. «Успех несомненный, — писали в своем отчете профсоюзные деятели, — но сделать из этого выводы пока воздерживаемся; необходимо проследить, как у них пойдет работа в дальнейшем, при ее развертывании»⁸⁵. В дальнейшем скорость упала: в январе было пройдено 103 саж., в феврале — 52⁸⁶.

13 февраля 1924 г. в скважине произошла поломка труб. Ликвидация аварии заняла два месяца. 18 апреля бурение возобновилось, прошли еще 30 саж.

1 марта 1924 г. нужно было продлевать трудовой договор, но Союз горнорабочих предложил МБК увеличить ставку оклада до 20 черв. руб. и добавить буровым рабочим «футовых» — 20% (в «Азнефти» надбавка составляла 50%). Начались переговоры. Управляющий сначала согласился на 10%, затем отказался, сославшись на отсутствие полномочий. Конфликт затянулся, участились случаи невыхода на работу. 27 апреля американский директор Инок попытался рассчитать рабочих. 30-го началась забастовка. Под давлением профсоюза 3 мая рабочим был выдан их обычный заработок. 8 мая американцы согласились увеличить ставку 1-го разряда до 18 черв. руб., но отказались оплачивать забастовочные дни. В конце концов, 18 мая было подписано соглашение по новой ставке. Вопрос о 10% «футовых» был передан в Москву на разрешение ЦК Всероссийского союза горнорабочих и представителя фирмы⁸⁷. 19 мая рабочие вышли и работали до 28 мая, пока вновь не произошла авария. В июне бурение было остановлено⁸⁸.

Параллельно с работами между «Азнефтью» и МБК накапливалось недоверие и зрел конфликт. Первое продление договора не было утверждено законодательно и 16 октября 1923 г. «Азнефть» по предписанию Главконцесскома потребовала выполнения «штрафных» пунктов договоров, в соответствии с которыми просрочка обеспечивалась бесплатной поставкой концессионером одного бурового станка и одного глубинного насоса⁸⁹. В свою очередь МБК потребовала оплатить уже завезенное оборудование.

Условия договора предусматривали оплату натурой, но по какой цене должны идти взаимозачеты, не было прописано и лишь указывалось, что цену «гарантирует Азнефть». Нюанс заключался в том, что в то время «Азнефть» вела убыточный экспорт, задачей которого было завоевание рынков и получение валюты, а не прибыль. СССР попросту демпинговал на внешнем рынке, обеспечивая хоть какую-то рентабельность своей нефтяной отрасли за счет высоких внутренних цен на нефтепродукты. Вероятно, и Г.М. Дей рассчитывал получить натуроплату по такой же заниженной цене. Кроме того, через своего московского представителя В.Г. Лопухину он возмущался тем, что на европейских рынках неминуемо столкнется с Нефтесиндикатом, монополизировавшим торговлю советскими нефтепродуктами, и ему невозможно будет продать свою «натуроплату». Еще он указывал на то, что МБК в Баку чинятся всякого рода препятствия, «свидетельствующие о самом неприязненном отношении к ним администрации промыслов». В целом, Дей склонял советскую сторону к пересмотру договоров⁹⁰.

На жалобы А.П. Серебровский отвечал, что готов предоставить американцам нефтепродукты «по самым низким ценам, существо-

вавшим на мировом рынке»⁹¹, но, даже согласовав цены, те долго не могут определиться с собственными условиями получения и вывоза товара и в течение двух месяцев так ничего не прислали по этому поводу. Неплатежи концессионеру он связывал с операционной несогласованностью партнеров: правила платежей государственного треста были строго регламентированы, а советские регламенты расходились с международными. «Корпорация не представила нам до сих пор ни одного счета и просила только авансы в счет расчетов. Азнефть и в этом случае не возражала, т.к. считала себя обязанной идти всегда навстречу желаниям Корпорации», — писал начальник «Азнефти» в ответ на обвинения⁹².

Неприязненное отношение к американцам у А.П. Серебровского, как уже отмечалось, действительно было, но он считал, что официально трест «Азнефть» вполне благожелателен к ним. «Мы очень сожалеем, что эти обвинения выражены в огульной форме без указаний на какие-либо конкретные факты, которые <...> можно было бы опровергнуть фактическими данными. Наоборот, отношение наше к американцам с самого начала было корректно-предупредительное», — писал он в высшие инстанции. В качестве примера А.П. Серебровский указывал на техническое и ремонтное обслуживание МБК своими мастерскими, в то время как сами американцы вместо обустройства мастерской превратили ее в склад, предоставление необходимых инструментов (в том числе и для ловильных работ), которых не оказалось у МБК. Единственное, в чем «Азнефть» была непреклонна и чего добивалась от американцев (по мнению А.П. Серебровского, в этом и выразилось «недоброжелательное отношение») — отодвинуть от скважин или изолировать искрящие электромоторы, чтобы предотвратить регулярно происходившие на промыслах «Азнефти» пожары⁹³. «Такое отступление от общих правил, — писал Серебровский, — могущее иметь для нас тяжелые последствия, нами временно допущено исключительно с целью не создавать американским инженерам затруднений и в надежде, что они принимают меры к устранению этого недочета их установки». Отказ получили американцы и в вопросе устройства парового отопления буровой, поскольку это не было принято в «Азнефти» и могло бы вызвать подобные притязания со стороны советских рабочих. При этом им было разрешено использовать для отопления электроэнергию, которую поставляла «Азнефть» бесплатно⁹⁴.

Обмен взаимными упреками тянулся всю зиму 1923—1924 г. и весну, приняв по оценке юридического отдела ГКК «острый характер»⁹⁵.

15 апреля 1924 г. Концессионная комиссия ВСНХ пришла к заключению, что «задержка платежа, а также выдача явно преумень-

шенного аванса, дает концессионеру право утверждать, что Азнефть нарушает договор со всеми последствиями, отсюда вытекающими». Со своей стороны начальник «Азнефти» в докладе от 18 апреля 1924 г. и в телеграмме от 21 мая 1924 г. указывал на неисполнение МБК условий, указанных в постановлении СНК СССР от 8 ноября 1923 г.: к 1 марта концессионер не ввез ни одного глубинного насоса, а поставленное оборудование стоило не 500 тыс. долл., как следовало по договору, а меньше — 220 тыс. И если до этого времени ГKK выступал нейтральным посредником и требовал от А.П. Серебровского выполнения условий договоров и утряски всех недоразумений с американцами, то получив от него не только конкретные объяснения, но и сообщение о невыполнении принципиальных пунктов соглашения (и это — после двухразового перенесения сроков), Главконцесском изменил свою позицию и заподозрил американцев в сознательном затягивании.

30 апреля 1924 г. член Главконцескома А.Е. Минкин предложил Концессионной комиссии ВСНХ, как наблюдающему органу, потребовать от МБК объяснений. «Обращение к Барнсдальской Корпорации с контртребованиями желательно и потому, — писал Минкин, — что представители концессионера, Мейсон Дей в своих обращениях в Лондонскую Концессионную Комиссию и в своих письмах пытаются создать впечатление, будто Азнефть виновна в систематическом нарушении договора. Материал, представленный тов. Серебровским, достаточен для опровержения этих заявлений. Предъявление контртребований, к тому же обоснованных фактическими данными, устранил впечатление, будто Азнефть попросту не исполняет договора и заставит концессионера более внимательно относиться к выполнению принятых им обязательств»⁹⁶.

Тем временем, в конце мая 1924 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о командировании А.П. Серебровского в Париж и Лондон «по делам Нефтесиндиката»⁹⁷. Эти города стали частью его евро-американского турне, предпринятого, как писал Серебровский, по инициативе И.В. Сталина⁹⁸. «Принимая во внимание, — сообщалось в письме зампреда Концессионной комиссии ВСНХ в ГKK, — что начальник Азнефти тов. Серебровский выехал в СШС Америки, между прочим, и для личных переговоров с руководителями Барнсдальской Корпорации по поводу сложившихся взаимоотношений с Азнефтью, следует пока воздержаться от решения вопроса о взыскании с Корпорации пени за просрочку в доставке оборудования, чтобы не затруднить положение т. Серебровского при его переговорах»⁹⁹.

16 июля 1924 г. от А.П. Серебровского из Лондона была получена телеграмма о достижении соглашения с Г.М. Деем, суть которого

сводилась: к выплате концессионеру с 1 августа четырьмя ежемесячными частями 220 тыс. долл., прекращению дальнейших его работ и передаче всего имущества тресту «Азнефть». По сути, речь шла о ликвидации концессии. Выплаты не исчерпывали всей суммы затрат МБК, но определение задолженности должно было произойти после детального изучения расходов¹⁰⁰. В тот же день А.П. Серебровский телеграммой попросил лондонского уполномоченного Нефтеиндиката Б.С. Мальцмана начать расчеты с МБК из сумм, причитающихся «Азнефти» за продажу ее нефтепродуктов¹⁰¹. Эти телеграммы вызвали негативную реакцию в ГКК, который пожаловался председателю ВСНХ Ф.Э. Держинскому на А.П. Серебровского, указав на отсутствие у последнего официальных полномочий для решения вопроса о прекращении действия договоров с МБК.

По мысли Г.М. Дея ему «Азнефть» была должна еще 100 тыс. долл., в то время как советская сторона предлагала подсчитать все и вычесть то, что не было обусловлено пунктами контрактов — автомобили, закупки на внутреннем рынке и т.п. Решение вопроса затягивалось.

МБК начала информационную подготовку расторжения договоров. Американские инженеры жаловались корреспондентам газет, что «Компания испытывает большие затруднения с рабочими, которые три раза объявляли забастовку, причем последний раз забастовка задержала бурение в момент, когда уже оставалось 60 футов до нефти»¹⁰². В одном из сообщений авторитетного «Oil and Gas Journal» говорилось, что «бурение было доведено до 2.300 футов и был достигнут нефтяной пласт, когда получилось распоряжение из Москвы прекратить работы»¹⁰³.

Американцы лукавили, связывая свои трудности с забастовками, которые, безусловно, влияли на скорость работ, однако они умалчивали о том, что основные задержки все-таки были связаны с авариями в скважине и длительными ловильными работами. Азербайджанское отделение Союза горнорабочих зафиксировало лишь одну забастовку рабочих МБК — в начале мая 1924 г. Она длилась 18 дней и еще три дня доставали оставленный забастовщиками в скважине инструмент. А ликвидация аварии в первом случае заняла более 2 месяцев, а во втором — не менее полутора месяцев. Но если «забастовки», пусть и не прямо, но бросали тень на советскую сторону, то регулярные аварии указывали на ошибки самого концессионера. Такой же полуправдой являлось и «распоряжение из Москвы» о прекращении работ, поскольку большинство читателей источником подобного распоряжения видело не представительство МБК в советской столице (как было на самом деле), а государственные ор-

ганы СССР (именно так интерпретировали эту информацию телеграфные агентства и пресса¹⁰⁴).

Член ГКК А.Е. Минкин назвал эти сообщения «тенденциозными». «Настоящие причины желания создать специальную атмосферу в этом вопросе более глубоки, — писал он в НКВД, — нам из неофициальных бесед с представителями корпорации известно, что они намерены ликвидировать дело, и возможно, что для оправдания своих действий они прибегнут и к прессе». ГКК предлагал воздержаться от ответной кампании и подождать развития событий, предполагая разрешение конфликта мирным путем¹⁰⁵.

30 августа 1924 г. бакинский управляющий МБК Инок прислал в «Азнефть» письмо, в котором, ссылаясь на сообщение Г.М. Дея о трудностях взаимоотношений с профсоюзом и задержку платежей по выполненным обязательствам, просил осмотреть и принять от него скважины и имущество МБК. Концессионер в одностороннем порядке прекращал выполнение обязательств. Заместитель председателя Концессионной комиссии ВСНХ Л.Г. Ляндау посчитал это явным нарушением договора и запретил принимать скважины до решения вопроса Главконцесскомом¹⁰⁶. Вслед за этим директор Бакинской нефтяной промышленности ЦУГпрома ВСНХ И.Н. Стрижов предложил «Азнефти» «не принимать от Барнсдальцев скважины и материалы, приостановить платежи и предложить Барнсдальцам выполнять договоры»¹⁰⁷. В ответ американский директор через «неизвестное лицо» передал ключи от буровых и складов и выехал в Москву «для прекращения договора». Юристы концессионных учреждений посчитали, что трудности с профсоюзами не относятся к предмету договорных отношений и во внимание приниматься не должны, но при вынесении спора между МБК и «Азнефтью» на третейский суд, тот, учтя все обстоятельства дела, решит его в пользу МБК. В этих обстоятельствах была рекомендована «скорейшая ликвидация договорных отношений»¹⁰⁸.

23 октября Главконцесском обратился в СНК СССР с предложением о рассмотрении дела МБК и «вчинении иска» за убытки, если таковые обнаружатся после всех подсчетов¹⁰⁹.

30 октября вопрос дошел до Политбюро ЦК ВКП(б), которое разрешило начать в европейской печати кампанию против МБК. В ее центре должны были стоять указания на несоблюдение концессионером важнейших пунктов договоров. Было указано на необходимость подготовки Главконцесскомом справки «об экономических итогах концессии на подрядное бурение» для окончательного решения вопроса в СТО¹¹⁰.

В Баку под руководством начальника Бакинского горного округа была создана специальная комиссия из представителей «Азнефти»,

местных органов Рабоче-крестьянской инспекции и прокуратуры, которая должна была описать имущество и результаты работ МБК, оценить и оформить их передачу «Азнефти»¹¹¹.

11 февраля 1925 г. СНК СССР рассмотрел вопрос, но окончательного решения не принял, предписав «представить справку о понесенных убытках и полученных материальных выгодах в связи с ликвидацией Барнсдальской Корпорации»¹¹². Итоговый документ был готов в апреле. Результаты подсчетов оказались следующими: стоимость имущества и работ МБК составила 256.699,3 долл., стоимость услуг и товаров, предоставленных концессионеру «Азнефтью», — 244.803,5 долл., сальдо в пользу американцев — 11.895,8 долл. Проходка составила 3.137 футов (более 940 м; вместо 20 тыс. футов по договору). «Задачи договора были, несомненно, шире, — писал заместитель председателя Концессионной комиссии ВСНХ Д. Соловей заместителю председателя ВСНХ Г.Л. Пятакову. — Эти задачи выполнены не были, и договор в целом не дал того производственно-технического эффекта, который от него ожидался». Учтя эти обстоятельства, Концессионная комиссия ВСНХ пришла к выводу, что, поскольку реальных убытков «Азнефть» не понесла, «целесообразно считать вопрос ликвидированным в том виде, в каком он оказался ликвидированным силою событий»¹¹³. 4 июня 1925 г. ГКК уведомил СТО о том, что А.П. Серебровский телеграммой от 19 мая 1925 г. распорядился уплатить МБК остаток и «что с уплатой этой суммы все расчеты с Барнсдальской Корпорацией являются законченными»¹¹⁴.

Так завершилась «Барнсдальская история», длившаяся четыре года.

Импорт «нефтяных» технологий: особенности и успехи

Историки советско-американских отношений часто связывают появление и развитие вращательного бурения, насосной эксплуатации скважин и повсеместную электрификацию нефтепромыслов с деятельностью МБК на том основании, что якобы до начала работ американских концессионеров в СССР не было ни вращательного бурения, ни штанговых насосов и не применялось электричество, а внедрению новаций мешал консерватизм промысловых инженеров «Азнефти»¹¹⁵.

Эта точка зрения расходится с действительностью.

Самое простое — влияние МБК на внедрение штанговых глубинных насосов (ШГН) для откачивания нефти из скважин. Эта техно-

логия была испробована в Баку еще до революции. В «Справочнике нефтеработника», изданном «Азнефтью» в 1925 г., отмечалось, что первые опыты с ШГН были поставлены британской «Европейской корпорацией» на рубеже 1900-х — 1910-х гг., «опыт был удачен, война и Революция окончательно свели на нет данные этого опыта»¹¹⁶. В единичных скважинах насосы применялись вплоть до национализации¹¹⁷, но в Баку все-таки до революции массового применения насосы не нашли. А в новых нефтяных районах — Майкопском и Эмбенском — насосная эксплуатация скважин утвердилась в начале 1910-х гг., и тартания, как способа добычи, там не применяли¹¹⁸. Советский этап внедрения ШГН в «Азнефти» начался в апреле 1923 г., когда в скважине был установлен первый насос, но «барнсдальцы» к этому не имели никакого отношения¹¹⁹.

Трудность внедрения ШГН в Баку заключалось не столько в отсутствии оборудования, сколько в решении проблемы подъема из скважин жидкости, содержащей большой процент песка (осаждаясь на клапанах насоса, он либо разрушал манжеты, либо блокировал его работу). И здесь, возможно, опыт американцев, использовавших насосы в аналогичных условиях в Калифорнии, мог бы пригодиться. Но, поскольку концессионеры не ввезли и не установили ни одного насоса, то говорить о каком бы то ни было их влиянии на внедрение ШГН не приходится. Бакинским инженерам нужно было самостоятельно приспособлять американское оборудование под условия своих месторождений (конечно, используя и данные американской практики — из литературы и командировок), но без «барнсдальцев».

Второй технологический «успех» МБК в СССР связывают с заменой паровой энергии для нефтепромыслов на электрическую. При этом говорят о «прогрессивности» электроэнергии и общей технологической отсталости российской нефтяной промышленности. Но упреки в отсталости — не всегда справедливы. Они ни в коей мере не должны относиться к энергетике нефтяного хозяйства.

Первая электростанция, причем не для освещения, а для передачи энергии двигателям, под Баку была сооружена «Т-вом бр. Нобель» еще в 1897 г. и являлась едва ли не первым опытом такого масштаба в мировой нефтяной промышленности¹²⁰. В начале XX в. электрификацией бакинских промыслов занимались ведущие российские энергетик: проф. М.А. Шателен, инженеры Р.Э. Классон и Л.Б. Красин, А.В. Винтер, которые построили там первые в России районные электростанции¹²¹. Бакинский нефтепромысловый район стал школой российской энергетик, поскольку там проходили практику десятки студентов-электротехников, работавших затем по всей стране. «Промысла крупных и части средних фирм еще не-

фтепромышленниками были переведены на электрическую энергию с уничтожением паровой, часть же средних и почти все мелкие фирмы оставались еще на паровой энергии. В первый период после национализации новых электромоторов нельзя было иметь, надо было обходиться теми, какие были налицо. Весь запас электромоторов сосредоточен был, таким образом, на промыслах бывших крупных фирм»¹²², — вспоминал о дореволюционной электрификации заместитель технического директора по промыслам «Азнефти» В.Н. Делов. В 1907 г., по данным Совета съезда бакинских нефтепромышленников, добыча нефти с помощью электроэнергии достигла 62,2 млн. п., в 1908 г. — 80,6 млн. и в 1909 г. — 95,9 млн. и составила почти 20% общей добычи бакинской нефти¹²³. По данным М.А. Шателена, в 1916 г. в Баку из 3750 скважин было электрифицировано 1638. В 1920 г. в Балаханском районе, т.е. в том районе, где работала МБК, было электрифицировано 152 скважины и лишь 128 были оборудованы паровыми машинами¹²⁴.

Развитие электроэнергетики на бакинских промыслах сдерживалось отсутствием электродвигателей, приспособленных к требованиям нефтяников. Заведующий электромеханической мастерской «Азнефти», изобретатель автоматического электрорегулятора подачи долота на забой (так называемого «автомата Скворцова») М.М. Скворцов писал, что «разработка способа применения электрической энергии для вращательного бурения на бакинских промыслах совпала с началом мировой войны, вследствие которой в этой разработке не принимали участия крупные электротехнические фирмы, занятые в то время военными заказами, так что местным техникам предстояло решить задачу применения для вращательного бурения уже имевшегося на промыслах в достаточном количестве трехфазного асинхронного мотора»¹²⁵. Кардинального решения в условиях разрухи, естественно, не нашлось.

В 1921 г. в Советской России узнали, что в США у «Дженерал Электрик» появился электродвигатель меньшей мощности (15/30 л.с.), чем у традиционного для Баку (110 л.с.). Новый агрегат имел две скорости — для привода насосов и для подъема бурильных труб, и выдерживал неравномерные нагрузки, свойственные процессам бурения и добычи¹²⁶. Именно этот экономичный мотор вошел в комплект буровых установок, поставленных «Люсей Мануфэччуринг» — как для МБК, так и для «Азнефти». При этом конструкция агрегатов оказалась различной — «моторы у Барнсдальской корпорации открытые, а контроллеры вертикальные и тоже открытые, тогда как моторы, доставленные Азнефти, герметически закрыты и позволяют работать в местах нахождения взрывчатого газа, контролл-

леры горизонтальные, погруженные в масляные баки, совершенно безопасные в пожарном отношении, т.к. все включения совершаются в масле». Оборудование, заказанное «Азнефтью», было более приспособлено к бакинским условиям, а МБК, вероятно, решило сэкономить, чем и вызвало справедливые нарекания А.П. Серебровского. При этом советские инженеры вели поиск импортных аналогов и делали попытки создания отечественных электродвигателей для нефтяной промышленности¹²⁷.

К 1929 г. паровое и нефтемоторное хозяйства были в «Азнефти» ликвидированы. Это был беспрецедентный процесс, поскольку во всем мире не меньше дешевизны энергии ценились гибкость и диверсификация энергообеспечения. Посетивший в том же году калифорнийские промыслы коммунист-«хозяйственник» Я.В. Лаврентьев писал: «На первый взгляд кажется странным, почему это американцы при дешевой электрической энергии бурят, например, паром или эксплуатируют газомоторами; но когда присмотришься внимательнее, многое становится ясным и в американской обстановке целесообразным. А именно: что пар, хоть и дороже электричества, однако, это — такая гибкая и покорная энергия, равной которой мы пока не знаем, тогда как электрической силой не только мы, но и все, пока учимся управлять»¹²⁸. Безоглядная ставка на электрический привод сыграла злую шутку с советскими нефтяниками. Почти 100%-ная электрификация при слабости машиностроительной базы, оторванности новых промыслов от энергосетей и неофициальном запрете других источников энергии — пара и двигателей внутреннего сгорания, которые позволяли вести работы автономно (что очень важно для нефтяников)¹²⁹, превратилась в очередную кампанию и привела к отставанию освоения новых районов в 1930-х гг. Частичная реабилитация «традиционных» источников энергии произошла лишь после возвращения из США комиссии начальника Главнефти М.В. Барнинова в 1936 г.¹³⁰

Третий технологический аспект деятельности МБК в Баку — бурение. Ее влияние на развитие бурения в СССР значительно больше, но в целом также неоднозначно.

Начальный период развития вращательного бурения в России изучен слабо. Первые попытки были предприняты в 1906 г. «Т-вом бр. Нобель» и «Русским товариществом “Нефть”», всего через несколько лет после его применения в нефтяной промышленности США (1901—1902 гг.). Однако они были неудачными. Следующая попытка была предпринята в 1911 г., когда некий дворянин А.А. фон Габер (фирма «Люкке и фон Габер») привез из США и установил на своем участке под Баку два роторных буровых стан-

ках¹³¹. Инженер А.П. Семенов, работавший у этого нефтепромышленника, вспоминал: «Я увидел, что постанковка у него бедная и неправильная. Хотя и был американский мастер, но само бурение кустарно ведется. <...> я увидел, что он вывез в Баку очень слабый тип [станка]. <...> Еще не уходя от ф. Габера, я познакомил директора “Русского товарищества “Нефть”» с американским бурением, убеждая его в огромном значении вращательного бурения, и фирма по моей смете выписала из Америки два станка и пригласила двух американских мастеров¹³². В 1913 г. бакинский промышленник А. Гулиев с помощью американцев пробурил первую вращательную скважину на газ в Ставрополе-Кавказском¹³³. К октябрю 1916 г. только в Сураханах (одном из промысловых районов Баку) работало уже 27 вращательных станков¹³⁴, а всего до национализации было пробурено 35 вращательных скважин¹³⁵.

В советское время первая вращательная скважина была начата за год до заключения договора с МБК — 17 сентября 1921 г., а за три последующих года (т.е. параллельно с ходом работ концессионера) было пробурено 33 вращательные скважины¹³⁶. В 1922 г. в Сураханах были организованы курсы для подготовки буровых мастеров. С января по май 1922 г. в «Азнефти» число бригад вращательного бурения выросло от 10 до 21, а к октябрю планировалось иметь 25 буровых бригад, столько же имелось станков вращательного бурения¹³⁷. К середине 1923 г. «Азнефти» удалось довести число станков до 43—44¹³⁸. Таким образом, роторное бурение и обучение ему рабочих начались в «Азнефти» до приезда «барнсдальцев».

Тем не менее, в течение довольно длительного времени инженеры МБК находились в Баку и, безусловно, оказали некоторое влияние на развитие вращательного бурения. Для бакинских буровиков большое значение имело применение американцами специальных соляных ванн для закалки долот и методика их заправки (заточки), что являлось прерогативой металлургов. Увидев впервые эти решения, бурильщики «Азнефти» применили их. Также по примеру «барнсдальцев» бакинцы стали использовать специальные инструменты по отбору грунта в скважинах («Это приспособление сослужило во вращательном бурении того времени громадную службу, находя применение временами даже и сейчас, несмотря на наличие весьма совершенных колонковых буров и способов электроразведки для определения характера проходимых пород»). Американцы также продемонстрировали приемы организации работ буровой бригады. «В общем, наши бурильщики, с неослабным вниманием следящие за работой Барнсдальской корпорации, — писал управляющий Сураханской конторой бурения М.Б. Бронштейн, — сумели быстро

отличить хорошее от плохого и взять у американцев то, что могло принести пользу в их работе»¹³⁹.

Но тот же М.Б. Бронштейн указывал, что наибольшим препятствием для развития вращательного бурения в Баку являлось отсутствие навыков и приспособлений для ловли в скважине оборвавшихся труб и прихваченного грунтом инструмента¹⁴⁰. Из документов явствует, что американцы собственного ловильного инструмента не привезли и сами испытывали серьезные трудности с ликвидацией подобных аварий.

Чтобы оценить особенности импорта новых технологий в нефтяном деле нужно принять во внимание, что наличие определенных навыков, мощных станков и качественных инструментов еще не определяет скорости и качества бурения. По результатам работы МБК специалисты «Азнефти» сообщали в Москву: «Не всегда можно ожидать успехов от работы иностранцев-инженеров и мастеров в наших условиях, что доказывает практика прежних английских фирм в Баку и нынешняя работа по бурению скважин Американской Барнсдальской корпорацией, бурящей на Балаханской площади в Баку, скорость бурения которой оставляет желать многого»¹⁴¹.

«Барнсдальцы» были далеко не первыми американскими буровиками, которые работали в России. Скважина на Кубани, от которой долгое время велось начало промышленного развития нефтяной промышленности в нашей стране, в 1864 г. бурилась американской бригадой и в результате была брошена из-за аварии¹⁴². Для внедрения новых способов бурения в Баку «Т-во бр. Нобель» также пригласило иностранных мастеров — из Галиции и Пенсильвании, но, как сообщала фирма, «эти люди, особенно американцы, оказались рутинерами, имевшими опытность только для американского грунта, ничего сходного не имевшего с кавказским»¹⁴³. Работавший в 1910-х гг. в Баку английский горный инженер Дин (M.J. Deen) так писал о применении новых технологий бурения: «... Различные эксперименты в Баку с канадским и промывным способами бурения не отвечали ожиданиям. Ошибка была в том, что системы бурения, давшие хорошие результаты в известном районе, переносились в Баку без соображения с условиями, при которых вышки должны работать»¹⁴⁴. Эти обстоятельства очень важны, поскольку в России добывались успеха лишь те из иностранцев, кто работал длительное время и имел возможность пройти ту же школу, которую проходили местные мастера, что позволяло переносить опыт не механически, а творчески, приспособлявая все новое к местным условиям. В этом случае знания, сноровка, новейшее оборудование и соответствующий опыт давали необходимый производственный эффект. Так, неу-

дачный выбор буровых станков фирмы «Люсей», констатированный американскими и советскими инженерами, заставил в итоге сменить поставщика. Это стало возможным только после определенного периода работы МБК в Баку¹⁴⁵. Однако получить полноценный опыт «барнсдальцы» попросту не успели, а потому скважина, пробуренная МБК, по скорости проходки оказалась «самой заурядной бакинской скважиной последних 6 месяцев»¹⁴⁶.

Анализируя сообщения иностранной прессы о развитии Барнсдальской концессии, сотрудники НКВД сообщали, что «один [американский] инженер заявил, что бурение, которое в Америке заканчивается в шесть недель, требует на Кавказе 2 года»¹⁴⁷. А утверждение Э. Саттона о бурении «барнсдальцами» в Баку 15 скважин¹⁴⁸ не находит документального подтверждения: ни в каких платежных документах они не проходят. Для строительства такого числа скважин у концессионера не было ни станков, ни штата специалистов. Как отмечал старший инженер Техбюро «Азнефти» по рационализации и удешевлению производства В.К. Леveckий, вращательное бурение совершенствовалось «отчасти по образцам американской практики, отчасти самобытно»¹⁴⁹. Однако неудачи американцев заставили изменить тактику усвоения западного опыта: вместо приглашения новых иностранцев было послано 20 опытных буровых мастеров и металлостроителей в США.

Таким образом, общий объем и динамика работы МБК не позволяют говорить о каком-то существенном влиянии этой компании на развитие насосной эксплуатации скважин, электрификации промыслов и вращательного бурения в России. Гораздо большее значение имело комплексное и кропотливое изучение американского опыта по литературе и в заграничных командировках, настойчивое приспособление его к условиям советских месторождений, приглашение «иноспециалистов» на длительный срок.

«Барнсдальские договоры»: издержки централизации и малого капитала

Подведение итогов работы МБК в СССР связано с общей трактовкой договоров, заключенных ею. Часть историков относит эти соглашения к договорам технической помощи, но с такой оценкой трудно согласиться. Так, например, зампред ГКК Т.В. Сапронов признавал, что до 1923 г. «практика еще не знала договоров о технической помощи»¹⁵⁰.

Контракты МБК не являлись договорами технической помощи, прежде всего, по формальным признакам. Ведь подобные соглаше-

ния являлись вполне определенным типом договоров, подразумевавшим «организацию у нас нового, ранее неизвестного производства по методам, нами ранее не применявшимся». Неотъемлемой частью договора о технической помощи являлся элемент обучения. «Если же иностранная фирма производит определенную работу, причем этот момент обучения отсутствует, как равно и отсутствует момент передачи методов, секретов, изобретений и т.д., то мы имеем дело либо с договором подряда, либо с договором купли-продажи», — говорилось в документах ГКК¹⁵¹. Технической помощью также можно считать оказание консультаций иностранным партнером на базе разработанных им усовершенствований применявшихся в СССР технологий. При этом такая консультация и элементы обучения должны были фиксироваться соответствующими пунктами контракта, как, например, в классическом договоре о технической помощи, заключенном с американской «Винклер-Кох инж. Ко»¹⁵². А в соответствии с договорами МБК не должна была оказывать консультации и вести обучение советского персонала. А.П. Серебровский отмечал лишь, что такая учеба «не противоречила договору». Поэтому-то руководство Балаханского промысла приставило к американским бригадам советских рабочих и эта операция, по словам Серебровского, превратила концессионный договор в договор о технической помощи¹⁵³. Но с этой точки зрения любая юридически оформленная работа с иностранцами могла бы считаться технической помощью, поскольку при общении происходит определенная передача опыта.

Другой аргумент в пользу тезиса о «технической помощи» МБК — организация поставок для «Азнефти» нового, неприменяемого ею оборудования — также не находит подтверждения, поскольку аналогичная техника стала поступать из США еще до появления концессионера. Между «Азнефтью» и американскими поставщиками (прежде всего «Люсей Мануфэкчуринг Ко», обслуживавшей МБК) установились двусторонние связи, в рамках которых и осуществлялись поставки. Как указывалось выше, не МБК определяла выбор поставщика, оказавшегося крайне неудачным, а «Азнефть». К тому же ввоз нового оборудования, который А.А. Иголкин считал основным достижением договора с МБК¹⁵⁴, осуществлялся, прежде всего, для нужд самой концессии, а его передача советской стороне должна была состояться лишь через 15,5 лет. К тому времени его вряд ли можно было считать новым. Таким образом, поставка «барнсдальцами» двух буровых станков и некоторых комплектующих для бурения также не является технической помощью, поскольку основной ее целью являлось не материально-техническое содействие своему партнеру, а собственная производственная деятельность.

Сложнее определить — были ли договора МБК концессионными или подрядными?

Само понятие «концессия» в СССР носило идеологическую окраску, а потому им пользовались крайне выборочно, а сама концессионная политика определялась политической конъюнктурой¹⁵⁵. Концессионный комитет ВСНХ в своем заключении по договорам МБК сообщал ГКК: «По существу это — договоры подряда [подчеркнуто в документе], как таковые не подлежащие рассмотрению в Главном Концессионном Комитете. Поэтому и Концессионный Комитет ВСНХ воздерживается от оценки коммерческой выгоды их для Азнефти»¹⁵⁶. По этой же причине А.П. Серебровский, как и другие участники событий, называвший в деловой переписке МБК «концессионером», перед рабочими на конференции промыслово-заводских комитетов 18 октября 1922 г. говорил, что «промысла в концессию мы не отдаем, а отдали лишь, как раньше Нобель, Ротшильд и др. отдавали бурить подрядчикам»¹⁵⁷. Его воспоминания также проникнуты неоднозначностью оценок, их лейтмотив сводится к тому, что концессионный договор был превращен в договор технической помощи и подряда.

Тем не менее, именно Главконцесском курировал эти «подрядные договора». В отличие от подрядчика концессионер вкладывает деньги, строит капитальные сооружения (в данном случае — скважины) и затем эксплуатирует их. От дореволюционных подрядчиков «барнсдальцы» отличались длительным сроком договоров (на что указывал Б.М. Шпотов), налоговыми льготами, юридически обусловленным объемом капиталовложений (подрядчик нес лишь операционные расходы) и расширенными обязанностями — не только бурение, но и добыча нефти. По замыслу сторон, МБК, созданная специально под бакинский проект (что очень важно), должна была разбурить и в течение 15,5 лет эксплуатировать определенный производственный участок. К тому же ни один подрядчик не передавал свое оборудование заказчику, как это предполагали договоры МБК, но все концессионеры обязательно делали это.

Учитывая, что «концессия» это — долговременный подряд у государства на выполнение определенных видов работ, договора, заключенные МБК, вполне можно отнести к договорам так называемого II типа — «смешанная концессия», основанная на совместном капитале, поскольку «Азнефть» должна была возмещать МБК стоимость ввезенного оборудования¹⁵⁸. Другое дело, что полностью эта концессия не реализовалась, остановившись лишь на первой стадии строительства, что и дало повод квалифицировать концессионный договор как подрядный.

Причин неудач Барнсдальской концессии несколько и они носят двусторонний характер.

Залогом успешности любой концессии является технико-экономическое обоснование. Оно — фундамент всей дальнейшей работы. Но с советской стороны в то время сделка с МБК подчинялась внешне- и внутривластным задачам, что дезориентировало выработку взаимовыгодных экономических условий концессии. Это наглядно демонстрирует эволюция договоров МБК — от полноценного смешанного общества до «долговременного подряда».

Особенностью советских концессий являлось отсутствие четко концессионного законодательства и связанная с этим вовлеченность в процесс принятия решений большого числа политических органов и административных учреждений всех уровней. При этом технические специалисты и экономисты, единственные компетентные люди, оказывались на периферии принятия решений, а их замечания попросту игнорировались. Так, все попытки специалистов доказать В.И. Ленину, что задуманные планы сдачи в концессию старых бакинских площадей лишены экономического интереса для потенциальных концессионеров либо будут слишком кабальными для страны, оказались тщетными. Здесь вождь скорее готов был назвать председателя Главконфети З.Н. Доссера «дураком» и обвинить его в запугивании специалистов, чем признать обоснованность их аргументов. «Найдется ли концессионер на этих условиях, это, конечно, “проблематично”. Но об этом никто из политиков, не сошедших с ума, не стал бы спрашивать ни Доссера, ни спецов», — писал вождь в своем «Письме о нефтяных концессиях»¹⁵⁹.

В результате советскому исполнителю договоров, тресту «Азнефть», отводилась третьестепенная роль, а управление концессией превращалось в длительную бюрократическую процедуру, в то время как личные контакты и инициатива бизнес-партнеров позволяли находить компромиссы даже при отрицательном отношении А.П. Серебровского к концессионеру.

Заинтересованность «Азнефти» в выполнении контрактов с МБК имела свою динамику. Если на начальной стадии трест был заинтересован в концессионере (несмотря на позднейшие «анти-концессионные» лозунги А.П. Серебровского), то по мере налаживания производственных отношений внутри самой «Азнефти» интерес к МБК падал. Так, 19 января 1925 г. перед обсуждением итогов Барнсдальской концессии в СНК СССР А.П. Серебровский объяснял свою мотивацию завышенными планами и отсутствием необходимых средств в 1922 г. «Ввиду этого, — писал он, — мы считали целесообразным сдать в небольшой части бурение и эксплуатацию сква-

жин американскому концессионеру «Барнсдальская Корпорация» <...> надежды Азнефти ни в какой мере не осуществились и концессионер оказался ненужностью.

Особого давления Азнефть на концессионера не производила, так как в это время значительно начали повышаться [собственные] проходка и добыча»¹⁶⁰.

У МБК были свои сложности, мешавшие нормальному выполнению обязательств. Прежде всего, это — отсутствие достаточных средств и угроза санкций со стороны влиятельных собственников национализированного в России имущества. Это лишило Г.М. Дея возможности получить дополнительные капиталы и полноценную концессию. Договора МБК оказались лишь временным компромиссом и не удовлетворяли Дея с самого начала, о чем говорят начавшиеся сразу после подписания попытки их пересмотра и отсутствие желающих пойти по его пути¹⁶¹.

Действительно, по условиям договоров МБК лишилась основной цели нефтяника — фонтана, который позволял не только с лихвой окупать предпринимательский риск, но и компенсировал затраты на операции по механизированной добыче нефти, дорогостоящие ремонтно-изоляционные работы в скважинах. Любопытен отзыв опытного американского инженера В.С. Морриса, который до конца 1923 г. руководил работами МБК в Баку. 20 июня 1923 г. после разговора с Г.М. Деем А.П. Серебровский сообщил председателю ГКК Г.Л. Пятакову, что Моррис «доложил Синклеру, что не стоит заключать договор, ибо участки обводнены; трудно их восстановить, что керосинопровод Баку — Батум испорчен и т.д.»¹⁶². Примечателен отказ Г.Ф. Синклера идти по пути МБК, а после захождения в тупик других совместных с СССР проектов этого предпринимателя Барнсдальская концессия была обречена. Она оказалась не нужной ни советской стороне, ни американской.

Таким образом, заключенная без достаточного технико-экономического расчета, в угоду политическим требованиям (с советской стороны) и без политической и финансовой поддержки (с американской стороны), Барнсдальская концессия была лишена прочного фундамента. А потому изменение политической и экономической конъюнктуры в СССР, осознание взаимной невыгодности контрактов привело к столь спокойному разрыву договоров.

Производственные результаты концессии были ничтожными (была пробурена всего одна скважина, не было установлено ни одного штангового глубинного насоса, не получено ни тонны нефти), а ее влияние на технологическое развитие — незначительным. При этом «барнсдальцы» внесли некоторые изменения в технологию бурения

в Баку, но в целом их вклад не был революционным. Техническое перевооружение советских нефтепромыслов осуществлялось хотя и с использованием иностранного опыта, но во многом благодаря собственной эволюции, путем проб и ошибок.

Библиография

- Godde H.A., Williams W.L. Оборудование для бурения и эксплуатации скважин на нефтяных промыслах в Калифорнии // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1923. № 10. С. 449—456.
- Levine S. The Oil and the Glory: The Pursuit of Empire and Fortune on the Caspian Sea. NY, 2007.
- Sutton A. Western Technology and Soviet Economic Development. Vol. 1. 1917—1930. Stanford, 1968.
- [Богдановский С.Д.] Американский нефтяной капитал под следствием // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1923. № 3. С. 543—547.
- Борьба паровой машины с электромотором на нефтяных промыслах в Соед. Штатах // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1923. № 11—12. С. 610—612.
- Вапенгейм Н. Скорость бурения вращательным способом в Америке и Баку // АНХ. 1924. № 11. С. 44—49.
- Василенко А.Б. Каспийская нефть в геополитической стратегии руководства Советской России (1917—1922 гг.) // Нефть страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917—1991) / Под ред. В.Ю. Алекперова. М., 2005. С. 8—43.
- Винтер А.В. Моя счастливая жизнь // Год шестнадцатый. Альманах второй. М., 1933.
- Голубятников Д.В. Фонд запасных нефтеносных земель в Бакинском районе // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1922. № 1—4. С. 11—27.
- Доклад о положении Бакинской нефтяной промышленности на 1 апреля 1923 г. Баку, 1923.
- Евдошенко Ю.В. Американский крекинг советской индустриализации // Индустриальная Россия. Вчера, сегодня, завтра. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2012.
- Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 2011.
- Жуков Ю.Н. Нефтяной фактор в политике советской правящей элиты // Нефть страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917—1991) / Под ред. В.Ю. Алекперова. М., 2005. С. 44—104.
- Ив-ич. Из практики глубоких насосов // АНХ. 1925. № 6—7. С. 10—13.
- Иголкин А.А. Советская нефтяная промышленность в 1921—1928 гг. М., 1999.
- Идельсон Я.С. Добыча нефти глубокими насосами на промыслах Эмбенского района // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1924. № 10. С. 693—697.
- Капелюшников М.А. Технический анализ вращательного бурения американским способом // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1924. № 8. С. 261—269.
- Козловский Е. Промышленно-экономические итоги бакинской выставки двигателей внутреннего сгорания // Нефтяное дело. 1912. № 20. С. 6—9.
- Косторниченко В.Н. Иностранный капитал в советской нефтяной промышленности (1918—1932 гг.). Волгоград, 2000.
- Косторниченко В.Н. Концессионная политика Советского руководства в нефтяной промышленности в 20-е — 30-е гг. XX в. // Нефть страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917—1991) / Под ред. В.Ю. Алекперова. М., 2005. С. 261—350.
- Красин Л.Б. К вопросу о расходе энергии на тартанье нефти желонками при работе электромоторами // Труды Бакинского отделения Императорского Русского технического общества. 1904. № 2. С. 69—89.

- Левецкий В.К. Рационализация промыслового дела «Азнефти» (октябрь 1924 — май 1925 гг.) // Нефтяное хозяйство. 1925. № 7. С. 31—41.
- Ленинский сборник. Вып. 20 / Под ред.: В.В. Адоратского, В.М. Молотова, М.А. Савельева, В.Г. Сорина. М., 1932.
- Матвейчук А.А. У истоков нефтяной промышленности России. М., 2000.
- Маутнер В. Вокруг русской нефти // Нефтяное хозяйство. 1925. № 11—12. С. 858—862.
- Москва — Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921—1941: в трех томах. Сб. док. Т. 1. 1921—1928. М., 2009.
- Обзор бакинской нефтяной промышленности за два года национализации. 1920—1922 гг. Пг., [б.г.]
- Перлин Л. Заграничные группировки бывших собственников нефтяных предприятий в России // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1924. № 10. С. 812—813.
- Рустамбеков Ф.А. По поводу статьи Д.В. Голубятникова «Результаты обследования нефтяных промыслов Бакинского района осенью 1922 г.» // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1923. № 9. С. 210—219.
- Рустамбеков Ф.А. Предположения Азнефти о технической рационализации нефтедобычи по пятилетней программе // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1924. № 10. С. 663—687.
- Севастьянов Г.Н. Москва — Вашингтон: На пути к признанию. 1918—1933. М., 2004.
- Семенов А.Ф. К характеристике вращательного бурения в Сураханах // Азербайджанское нефтяное хозяйство. 1924. № 11. С. 50—53.
- Серебровский А.П. Опыт применения американских методов в нефтяной промышленности. Баку, 1929.
- Скворцов М. Об электрическом приводе системы Lucey и General Electric Co для станков вращательного бурения // Азербайджанское нефтяное хозяйство. 1924. № 11. С. 64—70.
- Славкина М.В. Российская добыча. М., 2014.
- Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918—1926. Сб. док. М., 2002.
- Справочник нефтероботника. Справочная книжка для лиц технического персонала нефтяных промыслов / Под ред. Г.А. Саркисянца и Д.М. Химана. Баку: Азнефть, 1925.
- Титков Н.И. Паросиловое хозяйство на промыслах США // Нефтяное хозяйство. 1939. № 9. С. 25—29.
- Толстоногов Н. Итоги экономического года и договор с американцами // Азербайджанское нефтяное хозяйство. 1922. № 9. С. 1—4.
- Тридцать лет деятельности Товарищества нефтяного производства братьев Нобель. 1879—1909. СПб., 1909.
- Хромов С.С. Иностранные концессии в СССР: в двух томах. М., 2006.
- Шателен М. К вопросу об электрификации нефтяных промыслов // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1921. № 9—12. С. 100—106.
- Шахназаров Д. Выбор типов электрического привода для эксплуатации промыслов Азнефти // АНХ. 1935. № 5. С. 64—68.
- Шик М. К договору с американцами // АНХ. 1923. № 2—3. С. 18—19.
- Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917—1930 гг.) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму» (очерк истории). СПб., 2002.
- Шпотов Б.М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920-е — 1930-е годы: лабиринты экономического сотрудничества. М., 2013.
- Шпотов Б.М. Участие американских промышленных компаний в советской индустриализации, 1928—1933 гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2005. М., 2005. С. 179—184.
- Эргарт А.А. Естественный горючий газ и его применение в городе Ставрополе // Труды Ставропольского общества для изучения Северо-Кавказского края в естественно-историческом, географическом и антропологическом отношении. Ставрополь-губернский, 1915. Т. III. Вып. 2—3. С. 29—104.

Примечания

¹ Sutton A. *Western Technology and Soviet Economic Development*. Vol. 1. 1917–1930. Stanford, 1968; Иголкин А.А. Советская нефтяная промышленность. 1921–1928 гг. М., 1999. С. 118; Косторниченко В.Н. Иностраннный капитал в советской нефтяной промышленности (1918–1932 гг.). Волгоград, 2000; Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 гг.) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму» (очерк истории). СПб., 2002. С. 162–163; Levine Steve. *The Oil and the Glory: The Pursuit of Empire and Fortune on the Caspian Sea*. NY, 2007; Шпотов Б.М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920-е – 1930-е годы: лабиринты экономического сотрудничества. М., 2013; Славкина М.В. Российская добыча. М., 2014. С. 106–108.

² Так, заключение договора связывается с посещением СССР делегацией бизнесменов во главе с Г. Синклером в 1923 г. (см.: Севастьянов Г.Н. Москва – Вашингтон: На пути к признанию. 1918 – 1933. М., 2004. С. 74) или созданием торгового «Нефтесиндиката» (см.: Жуков Ю.Н. Нефтяной фактор в политике советской правящей элиты // Нефть страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991) / Под ред. В.Ю. Алекперова. М., 2005. С. 64); очень часто путают «Барнсдальскую корпорацию» (американский промышленный холдинг), которая непосредственного отношения к концессии не имела, и «Международную Барнсдальскую корпорацию», дочернюю структуру этого холдинга, созданную специально под бакинский проект и заключившую договор с «Азнефтью» (см.: Иголкин А.А. Указ. соч. С. 112; Москва – Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921–1941: в трех томах. Сб. док. Т. 1. 1921–1928. М., 2009. С. 65).

³ Василенко А.Б. Каспийская нефть в геополитической стратегии руководства Советской России (1917–1922 гг.) // Нефть страны Советов ... С. 38.

⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 172.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 158. Л. 8. (эл. ресурс: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=58463> – дата обращения 8 февраля 2015 г.).

⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 123–124, 383.

⁷ Примечательны в этом отношении телеграммы В.И. Ленина весны–лета 1921 г.: Г.К. Орджоникидзе – «...Грузинское правительство меньшевиков заключило ряд концессий. Надо изо всех сил постараться возобновить эти старые концессии, как можно скорее и всячески постараться заключить новые, чтобы достать за концессии продовольствие...» и Л.Б. Красину – «...Не дадим концессии, если не согласятся давать нам 50–100% привозимого ими для себя продовольствия и оборудования, с гарантированной оплатой» // Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 118–119, 281.

⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 123.

⁹ Says Soviet Gold is held in Sweden // *New-York Times*. 1921. January 4.

¹⁰ «Мезон Дей и я поехали к американскому послу за город, на дачу, в тот же вечер. Посол внимательно выслушал представителя «Стандарт Ойл Компани» [Серебровский считал Г.М. Дея представителем этой фирмы. – Е.Ю.] и сказал, что он рад помочь их друзьям, тем более что интересно посмотреть, какова будет физиономия английского посла, когда он узнает обо всей этой истории. <...> Посол посоветовал переночевать у Мезон Дея, а затем утром к 9 часам подъехать на автомобиле к американской катерной пристани. Там меня будут ждать и на катере доставят к американскому миноносцу, который стоит на рейде. Этот миноносец доведет меня до Бату-ма», – вспоминал А.П. Серебровский // (РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1. Д. 85. Л. 78–80).

¹¹ РГАСПИ. Ф. 49. Оп. 4. Д. 204. Л. 4.

¹² American a soviet agent? // *The New-York Times*. 1921. August 23.

¹³ Серебровский А.П. Опыт применения американских методов в нефтяной промышленности. Баку, 1929. С. 6–7.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 49. Оп. 4. Д. 204. Л. 5 об.–7 об.

¹⁵ В.И. Ленин – А.М. Лежаве, 5 июня 1921 г. // Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 253.

- ¹⁶ Москва — Вашингтон: политика и дипломатия Кремля ... Т. 1. С. 65.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 204. Л. 3.
- ¹⁸ Там же. Л. 9.
- ¹⁹ Там же. Л. 8.
- ²⁰ Там же. Ф. 85. Оп. 1. Д. 85. Л. 115—116. «Стандарт Ойл Компани» была крупнейшей нефтяной компанией в США, пока в 1911 г. по специальному антitrustовскому закону не была разделена на семь компаний, которые контролировались ее бывшим владельцем Дж. Рокфеллером и, как считали, по-прежнему монопольно владели рынком. Однако, постепенно степень влияния Рокфеллера стала изменяться, и в сенатской комиссии сенатора Р. Ла Фолетта президент «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси» У. Тигл, подозреваемый в получении контроля над «Барнсдальской нефтяной компанией», дал показания, что его общество не имеет никакого отношения к ней, за исключением предоставления несколько лет назад финансового займа. Эти показания были признаны правдивыми (см.: С.Б. [Богдановский С.Д.] Американский нефтяной капитал под следствием // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1923. №. 3. С. 544).
- ²¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 847. Л. 20.
- ²² Barnsdall confirms Baku oil negotiations // The New-York Times. 1922. March 23.
- ²³ Севастьянов Г.Н. Указ. соч. С. 56—58; Иголкин А.А. Указ. соч. С. 96. «Еще в Генуе началась сложная игра американских нефтяных акул, встревоженных возможностью сговора с Россией без их участия, которое с необходимостью должно было привести к ослаблению позиции американских нефтяников, — писали дипломаты И.В. Сталину в августе 1922 г. — Этот страх заставлял американские круги давить на конференцию в смысле разрыва, чтобы не довести дела до какого-либо сговора с Россией без американцев. Шум, поднятый всей европейской прессой о якобы заключенном соглашении Красина с «Шелл», был результатом американских пружин, пущенных в нужный момент в действие» // Москва — Вашингтон: политика и дипломатия Кремля ... Т. 1. С. 51. С другой стороны, появление собственных более-менее мощных нефтедобывающих компаний в европейских странах (Франции, Германии, Италии и др.), полностью зависимых от поставок из США, было невыгодно американским нефтяным гигантам.
- ²⁴ American obtains Baku oil concessions // The New-York Times. 1922. July 11.
- ²⁵ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 848. Л. 31—31 об.
- ²⁶ Там же. Л. 15, 18.
- ²⁷ Там же. Л. 33—35.
- ²⁸ Там же. Л. 39 об.—40.
- ²⁹ Там же. Л. 42.
- ³⁰ Там же. Л. 45—46, 51—52.
- ³¹ Там же. Ф. 8350. Оп. 3. Д. 32. Л. 3. См. также: ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 848. Л. 74, 75.
- ³² Там же. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 848. Л. 69.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1. Д. 85. Л. 119.
- ³⁴ Вероятно, такая ситуация не устраивала И.В. Сталина и по его инициативе Политбюро ЦК ВКП(б) 21 февраля 1924 г. приняло решение — «все проекты концессионных договоров, подлежащих утверждению Совнаркома, предварительно отсылать в Политбюро и ставить на утверждение СНК лишь по истечении недельного срока по получении проекта договора в Секретариате Политбюро» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 417. Л. 2 (эл. ресурс <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=63316> — дата обращения 3 марта 2015 г.).
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 313. Л. 2—3 (эл. ресурс <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=60974> — дата обращения 8 февраля 2015 г.).
- ³⁶ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 3. Д. 32. Л. 24.
- ³⁷ Москва — Вашингтон: политика и дипломатия Кремля ... Т. 1. ... С. 64—66.
- ³⁸ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1. Д. 85. Л. 147—148.
- ³⁹ Цит. по: Иголкин А.А. Указ. соч. С. 112.

- ⁴⁰ Americans to work Russian Oil Trust // The New-York Times. 24 September. 1922; Договор между американцами и Азнефтью // Горнорабочий. 1922. № 18—19. С. 54—55; Толстоногов Н. Итоги экономического года и договор с американцами // Азербайджанское нефтяное хозяйство (далее — АНХ). 1922. № 9. С. 3; Прибытие американцев в Баку // Нефтяное хозяйство. 1923. № 3. С. 559; Маутнер В. Вокруг русской нефти // Нефтяное хозяйство. 1925. № 11—12. С. 859.
- ⁴¹ Хромов С.С. Иностранные концессии в СССР: в двух томах. Т. 2. М., 2006. С. 192.
- ⁴² Перлин Л. Заграничные группировки бывших собственников нефтяных предприятий в России // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1924. № 10. С. 812.
- ⁴³ Маутнер В. Вокруг русской нефти ... С. 861.
- ⁴⁴ Standard Oil Chief hopeful for Russia // The New-York Times. 1922. August 12.
- ⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 204. Л. 22.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 85. Оп. 1. Д. 85. Л. 120—121.
- ⁴⁷ Там же.. Ф. 19. Оп. 4. Д. 204. Л. 30.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 848 Л. 35.
- ⁵⁰ Там же. Л. 38.
- ⁵¹ Шик М. К договору с американцами // АНХ. 1923. № 2—3. С. 18—19.
- ⁵² Sutton A. Western Technology ... 1917—1930. P. 21—22.
- ⁵³ К вопросу об отдаче в разработку нефтеносных участков // Нефтяное дело. 1911. № 21. 16 ноября. С. 35.
- ⁵⁴ Нефтеносная земля // Каспий. 1912. 24 ноября. С. 3.
- ⁵⁵ Голубятников Д.В. Фонд запасных нефтеносных земель в Бакинском районе // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1922. № 1—4. С. 24.
- ⁵⁶ Sending engineers to Baku // The New-York Times. 1923. January 21.
- ⁵⁷ «Я глубоко убежден, — писал Г.М. Дей Л.Б. Красину 4 апреля 1923 г., — и это убеждение добыто не путем каких-либо абстрактных рассуждений, что может быть установлен удовлетворяющий обе стороны модус вивенди, согласно которому известная часть увеличенной продукции будет идти на погашение и на окончательную ликвидацию претензий Стандарт Ойль. Если такой план сможет быть проведен, то выгода получится в двух отношениях: во-первых чрезвычайно возрастет продукция нефти и во-вторых будет устранено самое большое препятствие на пути возобновления Русско-американских отношений. Предложение постепенного погашения из избытка продукции ни коим образом не является экономическим невыгодным для России и в то же время не может быть рассматриваемо как принципиальная уступка со стороны Советского Правительства» // (ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 847. Л. 51).
- ⁵⁸ Там же. Л. 61, 124.
- ⁵⁹ Там же. Л. 38, 46, 47.
- ⁶⁰ Рустамбеков Ф.А. Предположения Азнефти о технической рационализации нефтесодобчи по пятилетней программе // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1924. № 10. С. 665.
- ⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 847. Л. 39—39 об.
- ⁶² Там же. Л. 40 об.
- ⁶³ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 204. Л. 46.
- ⁶⁴ Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 2011. С. 234.
- ⁶⁵ Об этом предложении Г.Ф. Синклера см.: Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918 — 1926. Сб. док. М., 2002. С. 297—303, 309—326.
- ⁶⁶ Москва — Вашингтон: политика и дипломатия Кремля ... Т. 1. С. 101—102; см. также: Советско-американские отношения. Годы непризнания ... С. 299—303.
- ⁶⁷ Косторниченко В.Н. Иностранный капитал в советской нефтяной промышленности (1918—1932 гг.); Жуков Ю.Н. Нефтяной фактор ... С. 71—88.
- ⁶⁸ Прекращение работ по бурению «Барнсдальской Корпорацией» // АНХ. 1924. № 11. С. 90—91.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 941. Л. 291. В данном случае речь шла о МБК, поскольку в СССР не придавали большого значения точности наименования компании и часто слово «Международная» в названии МБК игнорировалось. Председателем правления головной «Барнсдальской корпорации» до самой смерти в 1936 г. оставался Р. Лоо.

⁷⁰ История отношений Г.Ф. Синклера и Советской России еще нуждается в исследовании. Об этом см.: Жуков Ю.Н. Нефтяной фактор в политике ... С. 78–88; Косторниченко В.Н. Концессионная политика Советского руководства в нефтяной промышленности в 20-е – 30-е гг. XX в. // Нефть страны Советов. – Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991) / Под ред. В.Ю. Алекперова. М., 2005. С. 320–338.

⁷¹ Так, работавший в Лондоне Ф.Я. Рабинович писал в Москву: «1 февраля нас посетил Мейсон Дей, являющийся в настоящее время европейским агентом Генри (правильно – Гарри. – Е.Ю.) Синклера, с которым Главконцесском в Москве вел переговоры касательно концессии в Баку и в Грозном и займа в 216.000.000 долларов. <...> считаем нужным сейчас же обратить Ваше внимание на жалобы Мейсон Дея по вопросу о ходе работ в связи с контрактным бурением в Баку, выполняемым в настоящее время Барнсдалл Корпорейшен <...> Такое отношение администрации Азнефти к принятым на себя обязательствам помимо того, что неправильно само по себе, кроет в себе весьма серьезные и нежелательные последствия.

Договор с Барнсдалл Корпорейшен является первым, заключенным с серьезной американской группой. Теперь с Синклером, теснейшим образом, связанным с упомянутой корпорацией, ведутся весьма серьезные и большие концессионные переговоры. Само собою разумеется, что точное и быстрое выполнение принятых Серебровским на себя обязательств будет иметь большое влияние на дальнейшие переговоры.

Кроме того, группа Синклер, которая включила в себя группу Барнсдалл, является наиболее влиятельной в Америке по вопросам, связанным с политическими сношениями между Америкой и СССР». (ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 847. Л. 160).

⁷² ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 3. Д. 32. Л. 21, 1.

⁷³ American to work Russian Oil Trust // The New-York Times. 1922. September 23.

⁷⁴ Прибытие американцев в Баку // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1923. № 3. С. 559.

⁷⁵ I Всероссийский съезд нефтеработников // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1921. № 9–12. С. 206, 216.

⁷⁶ Хромов С.С. Иностраные концессии в СССР ... Ч. 1. С. 137.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 847. Л. 94–94 об.

⁷⁸ [Внутренняя хроника. Баку] // Нефтяной бюллетень. 1923. № 11. С. 13.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 847. Л. 92.

⁸⁰ Там же. Ф. 5459. Оп. 4. Д. 79. Л. 101.

⁸¹ Там же. Д. 72. Л. 155.

⁸² Там же. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 848. Л. 62.

⁸³ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 5. Д. 679. Л. 10.

⁸⁴ Доклад о положении Бакинской нефтяной промышленности на 1 апреля 1923 г. Баку, 1923. С. 12.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 4. Д. 72. Л. 149.

⁸⁶ Там же. Д. 79. Л. 30.

⁸⁷ Там же. Оп. 9. Д. 99. Л. 70–71.

⁸⁸ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 5. Д. 679. Л. 10.

⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 847. Л. 137.

⁹⁰ Там же. Л. 165–166.

⁹¹ Г.М. Дей писал, что «г-н Серебровский, предложил ему продукты по ценам, приблизительно превышающим на 100% те, по которым он был согласен продавать, и продавал другим» (Там же. Л. 177).

⁹² Там же. Л. 170.

- ⁹³ «В установке у Барнсдальской Корпорации был недостаток в конструкции контроллеров, которые все были открытые, а не в масляных баках, так что при достижении забоя 300—330 саж., когда мотор часто работал с перегрузкой, особенно в случаях пониженного напряжения, главный контроллер искрил», — писал заведующий электромеханической мастерской «Азнефти» М.М. Скворцов (Скворцов М. Об электрическом приводе системы Lucey и General Electric Co для станков вращательного бурения // АНХ. 1924. № 11. С. 64).
- ⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 847. Л. 168—169 об.
- ⁹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 846. Л. 10.
- ⁹⁶ Там же. Д. 847. Л. 211—211 об.
- ⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 423. Л. 6—6 об.
- ⁹⁸ Там же. Ф. 85. Оп. 1. Д. 85. Л. 283.
- ⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 847. Л. 255.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 227.
- ¹⁰¹ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 5. Д. 679. Л. 7.
- ¹⁰² Советско-американские отношения. Годы непризнания ... С. 397—398.
- ¹⁰³ Прекращение работ по бурению «Барнсдальской Корпорацией» // АНХ. 1924. № 11. С. 90.
- ¹⁰⁴ См., например: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 846. Л. 38, 43.
- ¹⁰⁵ Советско-американские отношения. Годы непризнания ... С. 401—402.
- ¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 846. Л. 6 об.
- ¹⁰⁷ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 5. Д. 679. Л. 1.
- ¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 846. Л. 9—13.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 37.
- ¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 459. Л. 20.
- ¹¹¹ Прекращение работ по бурению «Барнсдальской Корпорацией». С. 90.
- ¹¹² ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 5а. Д. 846. Л. 10.
- ¹¹³ Там же. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 846. Л. 172—173 об.
- ¹¹⁴ Там же. Ф. 5446. Оп. 5а. Д. 846. Л. 20.
- ¹¹⁵ Sutton A. Western Technology ... 1917—1930. P. 23—27; Косторниченко В.Н. Иностранный капитал ... С. 203—204.
- ¹¹⁶ Справочник нефтероботника. Справочная книжка для лиц технического персонала нефтяных промыслов / Под ред. Г.А. Саркисянца и Д.М. Химана. Баку, 1925. С. 307.
- ¹¹⁷ Ив-ич. Из практики глубоких насосов // АНХ. 1925. № 6—7. С. 10.
- ¹¹⁸ См. например: Идельсон Я.С. Добыча нефти глубокими насосами на промыслах Эмбенского района // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1924. № 10. С. 694.
- ¹¹⁹ Заведующий бригадой установки ШГН Л.Л. Тиферис вспоминал: «Первый насос я получил со склада готовый, а первый тип станка-качалки, собиравшийся из утилизационного материала от ударного бурения, был разработан инженером Б.Я. Стародубом. Бригадой т. Гордеева, Худякова и других была оборудована первая скважина для эксплуатации глубоким насосом на Биби-Эйбате в буровой № 45. <...> Скважина была из заброшенных, и через некоторое время после установки станка и спуска насоса она начала давать нефть. Это событие, собственно, и надо считать началом установки глубоких насосов в Азнефти (апрель 1923 г.)» (РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1. Д. 85. Л. 429—430); см. также: Опыты с глубокими насосами в Баку // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1923. № 6. С. 937—938.
- ¹²⁰ Тридцать лет деятельности Товарищества нефтяного производства братьев Нобель. 1879—1909. СПб.: Вильборг, 1909. С. 62.
- ¹²¹ См., например: Красин Л.Б. К вопросу о расходе энергии на тартане нефти желонками при работе электромоторами // Труды Бакинского отделения Императорского Русского технического общества. 1904. № 2. С. 69—89; Винтер А.В. Моя счастливая жизнь // Год шестнадцатый. Альманах второй. М., 1933.
- ¹²² Центральный архив ФСБ России (далее — ЦА ФСБ). Ф. Р-45122. Т. 1. Ч. 2. С. 102—103.

- ¹²³ В техническом обществе // Каспий. 1910. № 278. 8 декабря. С. 5; Козловский Е. Промышленно-экономические итоги бакинской выставки двигателей внутреннего сгорания // Нефтяное дело. 1912. № 20. С. 8.
- ¹²⁴ Шателен М. К вопросу об электрификации нефтяных промыслов // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1921. № 9—12. С. 101. Об электрификации бакинских промыслов см.: Шахназаров Д. Выбор типов электрического привода для эксплуатации промыслов Азнефти // АНХ. 1935. № 5. С. 64—65.
- ¹²⁵ Скворцов М.М. Об электрическом приводе системы ... С. 64.
- ¹²⁶ Шателен А.М. К вопросу об электрификации ... С. 102—103.
- ¹²⁷ Скворцов М.М. Об электрическом приводе ... С. 65, 70.
- ¹²⁸ Лаврентьев Я.В. На промыслах Калифорнии // АНХ. 1929. № 7. С. 152. Об этой проблеме см.: Godde H.A., Williams W.L. Оборудование для бурения и эксплуатации скважин на нефтяных промыслах в Калифорнии // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1923. № 10. С. 449 (и предисловие И.Н. Стрижова к этой статье — «Проблемы электрификации»); Борьба паровой машины с электромотором на нефтяных промыслах в Соед. Штатах // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1923. № 11—12. С. 610.
- ¹²⁹ Например, «вредители» в конце 1920-х гг. одним из пунктов обвинения имели задержку развития электрификации и усиленное развитие парового хозяйства на нефтепромыслах, а в 1930-х, когда применение пара на нефтепромыслах практически прекратилось, — препятствие развитию парового хозяйства.
- ¹³⁰ Об этом см.: Титков Н.И. Паросиловое хозяйство на промыслах США // Нефтяное хозяйство. 1939. № 9. С. 25—29.
- ¹³¹ Капелюшников М.А. Технический анализ вращательного бурения американским способом // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1924. № 8. С. 261.
- ¹³² ЦА ФСБ. АСД Р-45122. Т. 63. Л. 99—100.
- ¹³³ Эргарт А.А. Естественный горючий газ и его применение в городе Ставрополе // Труды Ставропольского общества для изучения Северо-Кавказского края в естественно-историческом, географическом и антропологическом отношении. Ставрополь-губернский, 1915. Т. III. Вып. 2—3. С. 92—93.
- ¹³⁴ Семенов А.Ф. К характеристике вращательного бурения в Сураханах // АНХ. 1924. № 11. С. 50.
- ¹³⁵ Рустамбеков Ф.А. По поводу статьи Д.В. Голубятникова «Результаты обследования нефтяных промыслов Бакинского района осенью 1922 г.» // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1923. № 9. С. 215.
- ¹³⁶ Семенов А.Ф. К характеристике ... С. 50.
- ¹³⁷ Обзор бакинской нефтяной промышленности за два года национализации. 1920—1922 гг. Пг., [б.г.] С. 99.
- ¹³⁸ Рустамбеков Ф.А. По поводу статьи Д.В. Голубятникова ... С. 210—211.
- ¹³⁹ Цит. по: РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1. Д. 85. Л. 201—202.
- ¹⁴⁰ Первый Всесоюзный горный научно-технический съезд // Нефтяное хозяйство. 1926. № 5. С. 702.
- ¹⁴¹ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 5. Д. 60. Л. 16.
- ¹⁴² Матвейчук А.А. У истоков нефтяной промышленности России. М., 2000. С. 114.
- ¹⁴³ Тридцать лет деятельности Товарищества нефтяного производства братьев Нобель. ... С. 60.
- ¹⁴⁴ По поводу бурения на нефть в России // Нефтяное дело. 1915. № 14. С. 36.
- ¹⁴⁵ В одном из своих писем Г.М. Дей писал: «Один из наших вице-председателей Вильям Моррис, который руководит нашими операциями в Баку, телеграфирует мне, что, ввиду плохого качества материалов, купленных у фирмы Люси и оплаченных Азнефтью, он с Серебровским решили заменить материал гораздо более тяжелыми и лучшими машинами, которые должны в значительной мере способствовать быстрой бурения и его результатам и что списки этого нового материала посланы в Нью-Йорк для выполнения» (ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 847. Л. 96).
- ¹⁴⁶ Вагенгейм Н. Скорость бурения вращательным способом в Америке и Баку // АНХ. 1924. № 11. С. 46.

- ¹⁴⁷ Москва — Вашингтон: политика и дипломатия Кремля ... Т. 1. ... С. 398.
- ¹⁴⁸ Sutton A. Western Technology ... 1917 — 1930 23.
- ¹⁴⁹ Левецкий В.К. Рационализация промыслового дела «Азнефти» (октябрь 1924 — май 1925 гг.) // Нефтяное хозяйство. 1925. № 7. С. 31.
- ¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 7а. Д. 760. Л. 3.
- ¹⁵¹ Цит. по: Косторниченко В.Н. Иностраный капитал ... С. 201.
- ¹⁵² Евдошенко Ю.В. Американский крекинг советской индустриализации // Индустриальная Россия. Вчера, сегодня, завтра. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2012. С. 316. О «технической помощи» см.: Шпотов Б.М. Участие американских промышленных компаний в советской индустриализации, 1928—1933 гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2005. М., 2005. С. 179—184.
- ¹⁵³ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1. Д. 85. Л. 147. См. также: Шпотов Б.М. Американский бизнес и Советский Союз ... С. 29.
- ¹⁵⁴ Иголкин А.А. Указ. соч. С. 112.
- ¹⁵⁵ В этом отношении примечательны слова одного из аппаратных работников: «... Я вспоминаю, как однажды Стрижов пришел к нам из Главгортопа, где он тогда служил и сообщил, что партия и правительство считают необходимым передать нефтяное дело в концессию, и что необходимо обосновать это специальными подсчетами и докладами, из которых было бы видно, что нефтяная промышленность требует для своего восстановления и развития таких крупных капиталовложений и наличия таких технических сил, которые не под силу Союзу, и спасти поэтому положение может только концессионная политика. По материалам и цифрам, которые мы подобрали, Стрижов составил доклад и спешно выехал в Берлин для переговоров с группой зарубежных капиталистов, представлявших, по-видимому, интересы прежних владельцев. Помню, что перед своим отъездом он говорил, что каждая иностранная концессия есть точка опоры для иностранного капитала и, следовательно, для овладения экономикой страны, а отсюда и всей страной. <...> вскоре после своего возвращения из Берлина Стрижов сказал нам о том, что теперь разговоры о концессиях считаются контрреволюцией и, наоборот, надо пропагандировать идею восстановления и развития нефтяного дела собственными средствами, привлекая иностранный капитал лишь в качестве вспомогательного средства, используя, главным образом, современные технические приемы добычи и оборудование для этого». (ЦА ФСБ. АСД Р-45122. Т. 36. Л. 465—466).
- ¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 3. Д. 32. Л. 4.
- ¹⁵⁷ Пленумы и конференции // Горнорабочий. 1922. № 18—19. С. 63.
- ¹⁵⁸ Шпотов Б.М. Американский бизнес и Советский Союз ... С. 29.
- ¹⁵⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 335. Ни в коем случае мы не можем согласиться с В.Н. Косторниченко в том, что отрицательные мнения специалистов (И.М. Губкина, И.Н. Стрижова, А.И. Цевчинского и Н.Н. Смирнова) о концессиях, посланные В.И. Ленину, были получены под давлением председателя Главконфети З.Н. Доссера (см.: Ленинский сборник. Вып. 20 / Под ред.: В.В. Адоратского, В.М. Молотова, М.А. Савельева, В.Г. Сорина. М., 1932. С. 128—137; Косторниченко В.Н. Иностраный капитал ... С. 110).
- ¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 846. Л. 77—77 об.
- ¹⁶¹ В декабре 1922 г. некий Стюарт, американский гражданин, вышел с предложением заключить договор на бурение, подобный договору МБК, но сделка не состоялась (РГАЭ. Ф. 3139. Оп. 4.Д. 4). Долговременный подряд на бурение и добычу предлагался не только Г.Ф. Синклеру, но и дочерним структурам «Рояль Датч Шелл», о чем рассказывал арестованный в 1928 г. инженер А.В. Иванов (ЦА ФСБ. АСД Р-45122. Т. 100. Л. 50—50 об.). Никто не соглашался работать в таких условиях.
- ¹⁶² ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 941. Л. 195.

СССР на внешнеэкономическом фронте в годы Великой Отечественной войны

Аннотация: Главным направлением внешнеэкономической деятельности СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. было участие в программе Ленд-лиза — военно-экономической помощи СССР со стороны США при содействии Великобритании, Канады и других стран. В статье показано, как работала система военного сотрудничества, по каким маршрутам поставки попадали в СССР (северный, иранский, тихоокеанский и авиатрасса «Аляска—Сибирь»). Показаны объем, состав, динамика поставок наиболее важных для Советского Союза товаров (продукты питания, грузовые автомашины, паровозы, самолеты, корабли, танки и другие). Объясняются причины трудностей организации поставок по Ленд-лизу в первые годы войны, и как они преодолевались. Говорится о том, что Советский Союз также поставлял важную продукцию в США и Великобританию («обратный Ленд-лиз»). Подчеркивается важность программы Ленд-лиза для обеспечения общей Победы стран антигитлеровской коалиции над фашизмом.

Ключевые слова: ленд-лиз, «Большая тройка», Великая Отечественная война, маршруты поставок, военная техника, продовольственные поставки.

Задачей статьи является выявление основных направлений и значения военно-технического сотрудничества СССР с зарубежными странами в годы войны, на базе имеющейся литературы по данной проблематике, в том числе последних публикаций. Главным направлением сотрудничества в указанный период являлась программа Ленд-лиза. История программы Ленд-лиза — военно-экономической помощи СССР со стороны США при содействии Великобритании, Канады и других стран в 1941–1945 гг. — относится к числу весьма популярных, но все еще недостаточно полно изученных аспектов истории Второй мировой войны. Тема имеет большое значение для исследования проблемы вклада внешнеэкономических источников в дело достижения победы в войне, а также более общей проблематики модернизации экономики СССР, роли в ней технической помощи и заимствования.

* Быстрова Ирина Владимировна — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, irin-bystrova1@yandex.ru

Несмотря на то, что российские архивы по данной тематике были открыты для исследователей только в последние годы, в 1990-е годы в России уже появился ряд работ, посвящённых таким ее аспектам, как Северные конвои (первопроходцем в данном случае был М.Н. Супрун¹, а также история авиатрассы «Аляска-Сибирь»², роль тихоокеанского маршрута Ленд-лиза. К числу общих фундаментальных исследований относятся монография Н.В. Бутениной³, в которой рассматривается программа Ленд-лиза в целом (для всех стран) с экономической точки зрения, и книга историков В.Н. Краснова и И.В. Краснова⁴, где излагается основная хронология помощи СССР. Ряд новых архивных документов из фонда Правительственной Закупочной Комиссии СССР в США был использован в книге Н.И. Рыжкова⁵, которая, к сожалению, не содержит научно-справочного аппарата, и не может считаться научным изданием.

Большое значение для изучения темы в сравнительном аспекте имеет перевод с английского и публикация в России зарубежных исследователей, в частности, книги Р. Джонса, в которой приведены и проанализированы американские данные о поставках по Ленд-лизу, на основе опубликованного в США официального отчета о военной помощи⁶.

Система военно-экономических взаимоотношений с окружающим миром стала складываться с первых лет советской власти. Главным принципом советской экономики являлась монополия государства на внешнеторговую деятельность. После некоторого ослабления этой монополии в период новой экономической политики 1920-х годов, внешняя торговля была поставлена под полный контроль государства, и осуществлялась через главный орган управления внешнеэкономической деятельностью — Наркомат внешней торговли и его подразделения, а также через органы военного ведомства. Данный принцип был положен в основу политики СССР в области военно-технического сотрудничества. Экспортно-импортные операции в области вооружений и военной техники (ВиВТ), получившие также название в советских документах «военно-техническое сотрудничество с зарубежными странами» (ВТС), естественно стали областью наиболее жесткого контроля со стороны государственных органов. Для осуществления закупок и поставок ВВиТ еще в 1921 г. был создан отдел внешних заказов Народного комиссариата по военным и морским делам, который занимался закупками военного имущества за границей.

Важным рубежом в становлении ВТС СССР и США стало учреждение в 1924 г. советско-американской торговой корпорации «Амторг», которая стала своего рода торгпредством СССР в США. С момента образования корпорация находилась в Нью-Йорке и

имела шесть отделов: административный, экспортный, импортный, сельскохозяйственный, финансовый и экономический. Работали в «Амторге» советские служащие, командированные в США из своих внешнеэкономических объединений (штат в разное время колебался от 350 до 500 человек)⁷.

По данным современных российских специалистов в области ВТС, «значительное количество советской техники было произведено по лицензиям на основе американских образцов ВиВТ (бронетехника, транспорт и авиация), закупленных через “Амторг”. В области бронетехники таковыми являлись два американских танка М. 1931 (прототип БТ-2) и лицензия на производство, контракт 1930 г.; американский танк Т. 1932 (советский индекс БТ-32), 1932 г.; закупка для БТ-2 и БТ-5 американских авиадвигателей “Либерти”, 1931—1933 гг. В секторе транспорта — это контракт на оснащение мощностей по производству автомобилей “Форд А” и “Форд АА” (советские автомобили ГАЗ), контракт 1929 г. В сфере авиации можно отметить... закупку в 1938 г. летающей лодки “Консолидейтед 28”, которая выпускалась малой серией под названием “Амторг”... Через “Амторг” сопровождался контракт с американской авиационной компанией “Кертисс Райт”, вполне вероятно, что была закуплена лицензия на производство двигателей “Райт” R-1820, советский аналог которых под обозначением М-25 устанавливался на истребителях И-16 и И-15 Поликарпова, И-14 Туполева; советский авиадвигатель М-6, аналог американского “Либерти-12”, устанавливался на истребителях И-1 Поликарпова, И-2 Григоровича.

Кроме США, закупки техники, комплектующих и лицензий на производство осуществлялись в Европе: Англии, Германии, Голландии⁸. С развитием отечественной оборонной промышленности СССР стал поставщиком военной техники в ряд зарубежных стран. С 1930 г. до начала Второй мировой войны он поставлял вооружения в Китай, Испанию (особенно крупные поставки имели место во время войны 1936—1939 гг.), Турцию, Чехию, Польшу, Латвию, Литву и Финляндию.

Экспорт и импорт вооружений в СССР был связан с соблюдением режима особой секретности. Как отмечено выше, система военно-технического сотрудничества с иностранными государствами управлялась специальным государственным органом («посредником»), в руках которого концентрировались все вопросы ВТС. Об особой секретности этой деятельности свидетельствовало название специального подразделения в составе НКВТ, созданного в 1939 г. — это был так называемый «Инженерный отдел». В 1942 г. он был переименован в Управление «Техноэкспорт» и занимался в годы войны организаци-

ей импорта в СССР военной техники из США, Великобритании и Канады. Управление вошло в состав Всесоюзного объединения «Ирансовтранс» (через Иран в СССР перегонялись самолеты «Харрикейн», «Спитфайр», и другие, поставлялась американская бронетехника).

После нападения Германии на СССР внешнеэкономические отношения с новыми союзниками, прежде всего с Великобританией и США, приобрели особый характер. В июле — августе 1941 г. СССР подписал два межправительственных соглашения с Великобританией «О совместных действиях в войне против Германии» и «О товарообороте, кредите и клиринге», которые явились юридической основой для поставок в СССР военной техники. Уже в августе 1941 г. Великобритания предоставила СССР для оплаты товаров кредит в 10 млн. фунтов стерлингов на пять лет из расчета 3% годовых. Платежи между странами осуществлялись на основании клиринга — системы безналичных расчетов за товары, услуги, основанной на взаимном зачете встречных требований и обязательств. Соглашение действовало до 1945 г.

По этому соглашению шли в основном так называемые «невоенные» поставки, которые стали поступать из Великобритании в СССР сразу после подписания соглашения, а начиная с сентября 1941 г. они стали проводиться на условиях Ленд-лиза («передача в аренду и займы»). В 1942 г. сумма кредита увеличилась до 25 млн. ф. ст. Согласно договоренности, сумма кредита должна была увеличиваться путем переговоров по мере ее исчерпания. Следует подчеркнуть, что советско-британские экономические поставки носили взаимообразный характер: Великобритания экспортировала в СССР энергосиловое и другое промышленное оборудование, цветные металлы, отдельные виды сырьевых ресурсов; Советский Союз поставлял лес, лен, хлопок, пушнину и другие товары.

Военные поставки из Великобритании в СССР включали самолеты, автомобили, бронетранспортеры, зенитные и противотанковые орудия, патроны, снаряды, стратегическое сырье (каучук, алюминий, медь, олово, свинец), промышленное и строительное оборудование, горючие и смазочные материалы, продовольствие⁹.

Военно-экономическое сотрудничество между странами «Большой тройки» началось уже вскоре после нападения Германии на СССР. 22 июня 1941 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль, а через два дня Ф. Рузвельт выступили с предложениями о помощи русским. Вскоре после нападения Германии на СССР в Вашингтон прибыла советская военная миссия во главе с генерал-лейтенантом Ф. Голиковым. Делегация вместе с послом СССР в США К. Уманским, исполнявшим роль переводчика, посетила генерала

Д. Маршалла и других официальных лиц США. Был создан межправительственный комитет по оказанию помощи России, куда вошли Г. Гопкинс и К. Уманский. Президент Ф. Рузвельт принял решение предоставить СССР беспроцентный заем в один миллиард долларов для оплаты оборонных поставок. Эта сумма была почти полностью израсходована на первичные (до октября 1941 г.) закупки, а остаток — 10,53 млн. долл., СССР должен был оплатить по бартеру или золотом. К концу войны эта сумма была почти полностью списана¹⁰.

Важнейшее значение для принятия решения об оказании военно-экономической помощи СССР сыграло героическое сопротивление Красной Армии и советского народа германской агрессии в первые месяцы войны, и твердое намерение советского руководства продолжать войну до победного конца. США и Великобритания договорились о передаче СССР части поставок, предназначенных Великобритании и Канаде, и об использовании для перевозок британских кораблей и транспортной авиации. Поэтому поставки из Великобритании начали поступать уже в конце августа — сентябре 1941 г., а из США — с ноября 1941 г. Первый протокол о ленд-лизовских поставках был подписан 1 октября на исторической Московской конференции в Москве.

Ленд-лиз, или «аренда — займы», представлял собой лизинг, т.е. передачу в аренду какого-либо имущества, включая военную и другую технику. Необходимость такой помощи возникла в 1940 г. в связи с вступлением Великобритании в войну с Германией. Продажа ей вооружений за наличный расчет или в кредит оказалась невозможной из-за больших объемов поставок и нехватки у Великобритании наличных долларов¹¹. Закон о Ленд-лизе («Акт об обороне Соединенных Штатов»), предложенный президентом США Ф. Рузвельтом, стал предметом ожесточенных дебатов в Конгрессе США в январе 1941 г. Этому предшествовала общественная дискуссия, в ходе которой большинство простых американцев поддержало идею оказания «безвозмездной» помощи воюющим странам, в первую очередь Великобритании. После принятия в Конгрессе 11 марта 1941 г., закон о ленд-лизе был утвержден Рузвельтом. С октября 1941 года закон о Ленд-лизе был официально распространен на СССР.

2 ноября 1941 г. посол США в СССР Л. Штейнгард вручил в Куйбышеве представителю Наркомата иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому памятную записку для Сталина от Рузвельта, в которой излагалось содержание личного послания президента США. Президент, в частности, заявлял: «1) Что он ознакомился с Протоколом Конференции Трех держав в Москве и обсудил с членами американской миссии изложенные в нем данные; 2) Что он одобрил все списки военного снаряжения и вооружения и отдал распо-

ряжение, чтобы сырьевые материалы были предоставлены по мере возможности и как можно скорее; 3) Что он отдал распоряжение начать поставки немедленно и продолжать производить их в возможно наибольшем объеме; 4) Чтобы избежать финансовых затруднений, он отдал распоряжение о немедленном проведении мероприятий, при которых поставки могут производиться согласно закону о передаче вооружения взаймы или в аренду на сумму до 1000000000 долларов». Предложение было с благодарностью принято Сталиным в его письме Рузвельту от 4 ноября¹².

В письме И.В. Сталину от 13 февраля 1942 г. Ф. Рузвельт сообщил, что «Советское Правительство разместило у нас заказы на товары и вооружения, превышающие миллиард долларов, который был предоставлен в распоряжение Советского Правительства прошлой осенью согласно закону о передаче вооружения взаймы или в аренду и на основании обмена письмами между нами. В связи с этим я предлагаю, чтобы по этому закону второй миллиард долларов был предоставлен в распоряжение Вашего Правительства на тех же самых условиях, на которых был предоставлен и первый миллиард». Предложение было принято в ответном письме Сталина от 18 февраля также «с искренней благодарностью»¹³.

Общие принципы регулирования расчетов по ленд-лизу заключались в следующем: «1. Предусматривалось, что поставляемые стране-лизингополучателю материалы: машины, различная военная техника, оружие, другие предметы, уничтоженные, утраченные и изношенные во время войны, не подлежали оплате страной-получателем»; «2. Имущество, оставшееся в этой стране после окончания войны и пригодное для гражданских целей, полагалось оплатить полностью или частично на основе предоставленных Соединенными Штатами долгосрочных кредитов»; «3. Законом о ленд-лизе предусматривался возможный отказ в снабжении материалами по причине секретности (в первую очередь оборудования) и необходимости первоочередного удовлетворения нужд собственных вооруженных сил»; «4. Сохранившиеся военные материалы остаются у страны-получателя, но правительство США сохраняет за собой право истребовать их»; «5. Предусматривалось, что оборудование, не изготовленное к концу войны, и другие подлежащие ленд-лизу материалы, находящиеся на складах государственных учреждений США, могут приобретаться странами, для которых они заказаны, с предоставлением Соединенными Штатами долгосрочного кредита»; «Срок поставок по закону о ленд-лизе устанавливался вначале до 30 июня 1942 г., а затем он ежегодно продлевался. Последний срок был определен до 30 июня 1946 г.

Несмотря на закрепленное в законе решение, 21 августа 1945 г. правительство США в одностороннем порядке объявило о прекращении поставок»¹⁴.

Самые большие по стоимости поставки по Ленд-лизу получила из США Великобритания на сумму около 30 млрд. долларов (при этом имел место так называемый «обратный ленд-лиз» в виде строительства баз для военно-морских сил США в Великобритании, экспорта сырья, продовольствия, военного снаряжения и др. на сумму 787 447 ф. ст.). Поставки из США в СССР с 11 марта 1941 г. по 1 октября 1945 г. оценивались правительством США в сумму свыше 11 млрд. долларов. Военные поставки из Великобритании в СССР с 1 октября 1941 по 31 марта 1946 г. 308 млн. ф. ст., а также сырье, продовольствие, станки, лекарства на сумму 12 млн. ф. ст.¹⁵

Одним из важных внешнеторговых партнеров СССР в годы Великой Отечественной войны являлась Канада. После установления прямых дипломатических отношений с Канадой (12 июня 1942 г.) СССР получил кредит в 10 млн. канадских долларов для закупки пшеницы и муки (продовольственные поставки за счет этого кредита были завершены в 1944 г.). С 1943 г. Канада перешла к прямым поставкам военных материалов и продовольствия в СССР (поставлялись бомбардировщики типа «Москито», грузовики «Додж», алюминий, станки, никель, пшеница)¹⁶.

Главными направлениями союзных поставок в СССР были северный, южный (персидский, или иранский коридор) и тихоокеанский маршруты, а также авиатрасса «Аляска-Сибирь». Наибольшее количество грузов было перевезено по тихоокеанскому маршруту — до 47% всех поставок. Однако в силу того, что в этом регионе шла война между США и Японией, а СССР соблюдал нейтралитет, по этому пути шли так называемые невоенные поставки (нефтепродукты, станки, оборудование, продовольствие). Иранский и дальневосточный маршруты были самыми безопасными, но длинными путями. Наиболее опасным, но кратчайшим маршрутом стал маршрут через Северную Атлантику в Мурманск и Архангельск, названный самими моряками «холодный коридор ада»¹⁷. Доставка грузов этим путем занимала всего 10—14 суток. По нему было доставлено около четверти всех грузов, в том числе почти половина всех поставок вооружений.

Программа оказания помощи СССР имела организационные особенности по сравнению с системой англо-американского сотрудничества. Если в Великобритании поставки контролировались администрацией союзных поставок, созданной в октябре 1941 г., то в СССР «поставки шли на основе специальных протоколов, которые ежегодно согласовывались в ходе специальных переговоров между

обеими сторонами. За годы войны было заключено четыре таких протокола. Они устанавливали максимальные объемы товаров и материалов, которые США могли предоставить нашей стране»¹⁸. Это были Первый (Московский) Протокол, который действовал с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 г., Второй (Вашингтонский, от 10.10. 1942 г.) Протокол, Третий (Лондонский, от 19.10.1943 г.) и Четвертый (Оттавский, от 17.04. 1945 г.) Протоколы. Два первый протокола не были выполнены полностью, в периоды действия Третьего и Четвертого протоколов заявки СССР выполнялись уже в полном объеме. В первые два года войны недопоставки и невыполнение обязательств по протоколам являлись «камнем преткновения» во взаимоотношениях союзников.

Уже с осени 1941 г. союзнические поставки стали одним из главных приоритетов в работе руководителей «Большой тройки». В послании И.В. Сталину от 7 ноября 1941 г. У. Черчилль подчеркнул: «Я надеюсь, что наши поставки вывозятся из Архангельска с такой же быстротой, как они туда поступают... Прошу Вас обеспечить, чтобы наши техники, следующие с танками и самолетами, имели бы полную возможность передать это вооружение Вашим людям при наилучших условиях. В настоящее время наша миссия в Куйбышеве оторвана от этих дел. Она хочет лишь помочь. Мы отправляем это вооружение с риском для себя, и мы весьма желали бы, чтобы оно использовалось самым лучшим образом. Вероятно, необходимо Ваше распоряжение».

Сталин лично контролировал это направление внешнеэкономической деятельности. Еще 7 сентября он отдал распоряжение о реконструкции Архангельского порта. Важным шагом явилось назначение вскоре после прибытия первого конвоя — 15 октября уполномоченным ГКО по перевозкам на Севере знаменитого советского полярника И.Д. Папанина. Он сумел мобилизовать работу местных органов власти на решение задачи приемки и обработки грузов, поступавших с союзными караванами. К ноябрю 1941 г. в Архангельск были доставлены краны и лебедки из Ленинграда, Мурманска, Владивостока, выделено около ста автомобилей, 15 барж, 6 буксиров; три военизированные рабочие колонны численностью до трех тысяч грузчиков. Началась реконструкция Мурманского порта.

Следует отметить огромный личный вклад И.Д. Папанина в организацию доставки грузов, прибывавших по северному маршруту. Выдающийся полярник считал доставку материалов, поступавших по ленд-лизу, нужных фронту «как воздух», делом первостепенной важности. Приведем только один пример из литературы. Как писал историк В.В. Дремлюг, первый конвой, прибывший в Мурманск

11 января 1942 г., PQ-8, доставил 3 тысячи тонн высококачественного бензина для нужд Красной Армии. В дни прибытия конвоя немцы бомбили порт ежедневно. В этих условиях «руководитель британской миссии военно-транспортных перевозок Маккормик предложил И.Д. Папанину во избежание взрыва танкеров и разрушения части порта отправить суда обратно с кораблями военного эскорта. Однако на оперативном совещании у И.Д. Папанина было принято другое решение. Танкеры в глубокой тайне отвели в далеко отстоящий от основных причалов Лесной порт и быстро разгрузили в железнодорожные цистерны бензин, так необходимый фронту».

Всего за период войны «Мурманский порт принял и обработал 379 пароходов, на которых было доставлено 322,9 тыс. тонн различного вооружения и боевой техники. Все эти годы работа Мурманского порта проходила под неослабным наблюдением уполномоченного ГКО И.Д. Папанина и его штаба»¹⁹.

В целом в 1941 г. Великобритания, как докладывал Сталину главный руководитель советской внешнеэкономической деятельности, член Государственного Комитета Обороны, нарком внешней торговли А.И. Микоян, «более или менее точно и аккуратно» выполнила свои обязательства по поставкам²⁰.

В США ситуация оказалась значительно сложнее. В 1941 г. американцы направили в СССР всего 182 танков вместо 750 по Московскому Протоколу, всего 204 самолета вместо 600. После нападения Японии на Перл-Харбор и вступления США в войну сотни самолетов, танков и пушек, подготовленных для отправки в СССР, были вместо этого направлены на нужды обороны США²¹.

Руководитель американской программы Ленд-лиза Э. Стэттиниус так писал о причинах срыва поставок в СССР в 1941 г.: «У нас, в США, после Перл-Харбора многие порты были перегружены. В первые месяцы возникли неизбежные неурядицы, так как было необходимо одновременно отправлять за море американские войска и войсковые припасы, а также продолжать поставки союзникам. Первоначально в качестве главного атлантического порта для поставок в Россию был избран Бостон, но... нагрузка на этот порт стала слишком большой».

Отправка кораблей в Россию сильно отставала от первоначального графика, так как корабли были теперь нужны нашим собственным вооруженным силам, а Советское правительство могло прислать за грузами лишь небольшое количество судов в наши атлантические порты. В декабре нам, правда, удалось заметно увеличить поставки в Советский Союз, но в следующем месяце они сократились; в январе 1942 года было послано на один корабль меньше,

чем в декабре 1941-го, а в феврале это число составило всего пять кораблей.

Положение с кораблями было главной, но далеко не единственной причиной задержек военно-экономических поставок в СССР. Армия и флот после 7 декабря ненадолго заморозили поставки самолетов и танков, но это обстоятельство само по себе не вызвало серьезных затруднений. Трудность состояла в своевременном и быстром размещении заказов, чтобы обеспечить вовремя доставку товаров»²².

В личном послании президенту США Ф. Рузвельту 18 февраля И.В. Сталин высказал претензии по вопросу неудовлетворительной организации дела военно-экономических поставок в СССР: «Пользуясь случаем, я хотел бы обратить Ваше внимание на то, что в данное время соответствующие органы СССР при реализации предоставленного СССР займа встречаются с большими трудностями в транспортировке в порты СССР закупленных в США вооружения и материалов. Мы считали бы в данных условиях наиболее целесообразным порядок транспортировки вооружения из Америки тот, который с положительными результатами применяется для транспортировки предметов вооружения из Англии в Архангельск, но которого до сих пор не удалось осуществить в отношении поставок из США. Этот порядок заключается в том, что британские военные власти, поставляющие вооружения и материалы, сами отбирают пароходы, а также организуют погрузку в порту и конвоирование пароходов до порта назначения. Советское Правительство было бы весьма признательно, если бы этот же порядок доставки вооружения и конвоирования пароходов в порты СССР был принят и Правительством США»²³.

Эти претензии возымели свое действие — выполнение поставок СССР взял под свой личный контроль президент Рузвельт. Как писал Стеттиниус, «17 марта президент Рузвельт распорядился представить графики дат поставок материалов и отправки кораблей. Он писал Дональду Нельсону:

«Я хочу, чтобы все военные материалы, обещанные согласно протоколу, отправлялись по назначению как можно быстрее, независимо от того, как это повлияет на другие разделы нашей программы».

Адмиралу Лэнду он писал:

«В первую очередь следует осуществить поставки, предусмотренные Московским протоколом. Я хотел бы, чтобы вы выделили дополнительное количество кораблей, требуемых на центрально- и южноамериканском направлениях, независимо от других соображений».

Такие же письма были направлены им в Военное и Военно-морское министерства. Это был, по сути, ряд приказов, а в тех жестких

обстоятельствах — единственная надежда на выполнение условий протокола».

В результате советская программа получила импульс для ускорения: «в марте поставки достигли 214 000 тонн против 91 000 тонн за месяц до этого. Из американских портов в Россию отправилось 43 корабля — столько же, сколько в январе и феврале вместе взятых. Однако 31 из них предстояло опасное путешествие по Северной Атлантике.

В апреле мартовский тоннаж грузов удвоился. Но 62 из 78 кораблей пришлось идти северным маршрутом»²⁴.

Президент Рузвельт осознавал особую роль СССР в войне и установил, по выражению российского историка В.О. Печатнова, «исключительный статус советского ленд-лиза: от советской стороны (в отличие от тех же англичан) не требовалось обоснования ее заявок, которые в то же время получали безусловный приоритет над всеми другими». Председатель специально созданного в октябре 1942 г. для контактов с русскими по вопросам Ленд-лиза Комитета советского протокола Г. Гопкинс придерживался формулы «Давать, давать и не расспрашивать»²⁵.

Вместе с тем, американцы оказывали помощь по Ленд-лизу далеко не бескорыстно. Военные заказы оказались выгодными для американской промышленности, способствовали снижению безработицы, росту занятости и преодолению последствий экономического кризиса. Еще один важнейший аспект значения Ленд-лиза был отмечен в книге «Загадки ленд-лиза», написанной еще в годы войны Э. Стеттиниусом, возглавлявшим Управление военных ресурсов, администрацию Ленд-лиза, которая напрямую подчинялась президенту, и в 1944 г. ставшим Госсекретарем США. Говоря о значении Ленд-лиза для американцев, он процитировал свой доклад перед Конгрессом 25 января 1943 г.: «Эту помощь невозможно измерить в цифрах. Не существует стандартных оценок, с помощью которых, например, можно было бы сопоставить тысячу погибших русских солдат и тысячу истребителей. Все, кто погиб на полях сражений в Англии, Китае, России, в Африке и Азии, пали, защищая свою родину. Но эти народы воевали и воюют с нашим общим врагом. Их жертвы спасают жизни американцев. Пятилетняя борьба Китая с Японией, страшное бремя войны с нацистами, которое несет Красная Армия, оборона Англии и разрушение немецких промышленных центров английскими Королевскими ВВС, защита британским флотом жизненно важных морских коммуникаций — все это вместе взятое спасает США от вторжения агрессора, помогает сберечь средства для победы и ускорить ее наступление»²⁶.

Большое значение в улучшении организационной стороны программы военно-экономического сотрудничества имело создание

специального органа — Правительственной закупочной комиссии СССР в США, которая начала функционировать в США с марта 1942 г. Функции комиссии были определены Постановлением правительства СССР от 24 февраля 1942 г.: «1. Учредить Правительственную Закупочную Комиссию Союза ССР в США в составе, назначаемом Советом Народных Комиссаров Союза ССР по представлению Народного Комиссара Союза ССР.

2. Уполномочить означенную Комиссию от имени Союза ССР производить в США закупки, заказы и другие операции коммерческого, финансового и транспортного характера как с правительственными органами и организациями, так и с частными фирмами и лицами, выдавать обязательства, вести переговоры с правительственными органами и организациями США и совершать все операции, связанные с использованием займов и кредитов, предоставляемых Правительству Союза ССР Правительством США.

3. Установить, что все обязательства, принимаемые Комиссией от имени Союза ССР, должны быть подписаны двумя лицами: Председателем Комиссии или его Заместителем и одним из членов Комиссии.

4. Возложить на Народного Комиссара Внешней Торговли Союза ССР руководство работой Комиссии».

Председателем ПЗК стал генерал-майор А.И. Беляев, заместителями контр-адмирал М.Н. Акулин и бывший председатель «Амторга» К.И. Лукашев²⁷.

Комиссия получила широкие полномочия, были созданы соответствующие отделы, расширился штат военных представителей СССР на предприятиях и в портах США. Центральный аппарат Комиссии находился в г. Вашингтоне, первоначально организованы отделения в Бостоне, Балтиморе, Нью-Йорке, Филадельфии, Сан-Франциско. В сентябре 1942 г. создано отделение в г. Фербенкс на Аляске, с 1 ноября — отделение в г. Портланд (отделения в Бостоне и Балтиморе были закрыты). К 1 января 1943 г. сформировался аппарат Уполномоченного Комиссии по Западному побережью, в составе: отделений в Сиэттле, Такоме, Олимпии; отделений в Сан-Франциско, Портланде²⁸.

Военно-экономическое сотрудничество охватывало широкий спектр учреждений: заводы, авиабазы, научно-исследовательские институты США. О размахе сотрудничества свидетельствует, к примеру, простой перечень основных авиационных заводов США, с которых поступали самолеты в СССР по ленд-лизу: Р-39 и Р-63 — фирма «Белл» (Буффало), Р-40 — фирма «Кертисс» (Нью-Йорк), Р-47 — фирма «Рипаблик» (Лонг-Айленд, вблизи Нью-Йорка), А-20 (фирма «Дуглас», Санта Моника — Лос Анжелес — Талса —

Оклахома-Сити), Б-25 — фирма «Норт Америкен» (Канзас-Сити), летающая лодка-амфибия «Каталина» — фирма «Консолидейтед» (Элизабет-Сити, Новый Орлеан), С-47 «Дуглас» (фирма «Дуглас») (Санта Моника — Талса — Оклахома-Сити), С-4, «Кертисс» (Нью-Йорк)²⁹.

Значительную роль в практическом осуществлении военно-экономического сотрудничества имели контакты между представителями союзников на территории СССР. Основными районами сотрудничества являлись дипломатические центры — Москва, Куйбышев, Владивосток; порты прибытия союзных конвоев — Архангельск, Мурманск, Владивосток; авиабаза в Полтаве, где базировались американские самолеты; Советский Дальний Восток (аэродромы авиатрассы Аляска-Сибирь, и места вынужденных посадок американских самолетов); места посещения делегаций союзников — отдельные пункты советского тыла и фронта (Урал, Сталинград и Кавказ, Ленинград); на территории Ирана — места прохождения маршрута Ленд-лиза³⁰.

Проблема роли военно-экономической помощи союзников в военной экономике СССР остается дискуссионной в современной историографии. Одни авторы считают, что вклад Ленд-лиза в победу СССР над фашистской Германией был незначителен (основываясь на среднестатистическом показателе — отношении общего объема зарубежных поставок к военному производству в СССР, который составил 4%), другие придают военно-экономической помощи гораздо больший вес, отмечая, что по ряду аспектов поставки были незаменимы по своему значению (например, поставки продовольствия, грузовиков, ряда станков, которые в СССР не производились; в области военного имущества уникальными были поставки радиооборудования, десантных судов, очень существенными — поставки боевых самолетов и кораблей, порохов, алюминия, авиационного бензина)³¹.

К началу 2000-х годов российскими исследователями были выявлены следующие цифры, характеризующие существенный вклад Ленд-лиза в снабжение Красной армии по отдельным видам техники (см. таблицу 1)³².

Согласно уточненным данным, приведенным Н.И. Рыжковым в соответствии материалами недавно рассекреченных документов из российских архивов, общий объем поставок по Ленд-лизу в СССР составил 17,5 млн. тонн. Стоимость поставок из США в СССР равнялась 11,3 млрд. долларов (85,7% от всех поставок), из Великобритании — 1,7 млрд. долларов (12,8%). Кроме того, из Канады было поставлено товаров на 200 млн. долларов (1,5%). Таким образом, общая сумма всех поставок в СССР составила 13,2 млрд. долларов.

Таблица 1

Поставки техники по Ленд-лизу и сравнение с общим количеством техники, поступившей в советские воинские части в 1941—1945 гг.

Вид техники	Поступило по ленд-лизу, ед.	Всего поступило в армию, ед.	%
Танки и САУ	11, 9 тыс.	109, 1 тыс.	11
БТР	Свыше 5 тыс.	Свыше 5 тыс.	100
Самолеты	18,3 тыс.	115, 6 тыс.	16
Корабли и суда	520	2588	20
Автомобили	410 тыс.	744, 4 тыс.	55

Источник: Кузык Б., Новичков Н., Шварев В., Кенжетаев М., Симаков А. Россия на мировом рынке оружия. М., 2001. С. 730.

По своему составу поставки охватывали практически все отрасли народного хозяйства СССР. Номенклатура поставок состояла из нескольких товарных групп. В первую группу «Вооружение и военное снаряжение» входили: боевые самолеты, танки и иная бронетехника, грузовые автомобили, автомобили «джип», артиллерийские тягачи, тракторы и броневездеходы, мотоциклы, радиостанции и другая радиоаппаратура, полевые телефоны, телеграфно-телефонный кабель, полевые зарядные станции, подводный морской кабель, военные суда, палубное, артиллерийское и зенитное оружие, судовые двигатели и дизель-генераторы, судоподъемные средства.

Во вторую группу входили поставки металлов и других материалов, таких как: алюминий, дюралюминий, магний, никель, молибден, медь, кобальт, кадмий; специальная сталь и изделия из нее; другие остродефицитные металлы и изделия из них; железнодорожные рельсы, паровозные и вагонные оси, цельнокатаные колеса, бандажи к паровозным и вагонным колесам, колесные пары; нефтепродукты, в основном авиационный высокооктановый бензин и специальные масла; этиловый спирт, фенол, этиленгликоль, метанол, уротропин, глицерин, ацетон, акустическая сода и другие продукты химической промышленности; изделия, содержащие каучук; шлифовальные круги, графитовые электроды и изделия, содержащие графит; шарикоподшипники, шарики и ролики и т.п.

В третью группу «Промышленное оборудование» включались: станки, электропечи, силовой кабель, кузнечно-прессовое, прокатное, энергосиловое оборудование для горнорудной промышленности и другое промышленное оборудование; режущий и измерительный инструмент, контрольно-измерительные приборы и прочее.

В четвертую группу — товары интендантского назначения — входили: кожа подошвенная, обувь армейская, сукно армейское, хлопчатобумажная ткань, брезент и иные интендантские товары.

К пятой группе относились продовольственные товары: пшеница, мука, крупа, рис и бобы, сахар, консервированные мясопродукты, масло растительное, пищевые концентраты и т.д. В эту же группу входили медицинские поставки.

Согласно американским данным, проанализированным и обобщенным на основе опубликованного в США официального отчета о военной помощи историком Р. Джонсом, по объему — тоннажу, выраженному в т.н. длинных тоннах, поставки грузов морским путем распределялись следующим образом: продукты питания — 4,464, 977 длинных тонн, металлы — 3,575,084 дл. т., автомашины — 2,290,830 дл. т., нефтепродукты — 2,112,449, химические и другие взрывчатые вещества — 1,207,764 дл. т., другие поставки — 1,221,307 дл. т., железнодорожные транспортные средства — 468,532 дл. т., канадские и британские поставки — 968,648 дл. т., другие источники — 2,294 дл. т. Всего было поставлено 17, 500.933 дл. тонн грузов³³.

Немалыми были и потери в пути: из примерно 17,5 млн. тонн грузов, направленных в СССР по всем маршрутам, «доставлено к месту назначения 16,6 млн. тонн (1,3 млн. тонн составляли в основном потери при потоплении судов). Пик поставок импортных грузов был достигнут в 1944 году — 6 217 622 тонны»³⁴.

По данным российского исследователя М.Н. Супруна, из 17,5 млн. т грузов около $\frac{1}{3}$ составляли вооружения (самолеты, танки и БТР, радиостанции, военные корабли и т.д.), $\frac{2}{3}$ — «невоенные» поставки: металлы, нефтепродукты, станки. $\frac{1}{2}$ «невоенных поставок» составляло продовольствие.

Среди поставок вооружений заметными являлись поставки самолетов: К маю 1945 г. из 8196 импортных самолетов в РККА насчитывалось американских самолетов: 3078 «Аэрокобра», 843 «Спитфайр», 724 «Бостон», 497 «Митчелл». Советские летчики высоко отзывались о боевых качествах этих самолетов, которые применялись на направлениях главных ударов³⁵. До 80% «имущества связи», в частности, радиолокационной аппаратуры Красной Армии и флота были англо-американского производства.

В области бронетанковой техники наибольший вес имели поставки специальной и вспомогательной бронетехники (БТР, вездеходы, САУ и др.), в области артиллерии — транспортировочных средств и систем управления огнем. По уточненным данным, «в 1941—1945 гг. в Советском Союзе было произведено 109 100 танков и самоходных артиллерийских установок. По ленд-лизу поставили этой техники 12 788 единиц, что составило 10, 4% от советского производства.

Следует отметить, что с 1943 г. советская сторона отказалась от импорта целого ряда танков («Черчилль», «Матильда» М-3) из-за

их неудовлетворительного качества, и обратилась с просьбой поставить взамен 800 истребителей ежемесячно (на вооружении Красной Армии остались английские танки «Валентайн», американские «Шерман»). Бронетранспортеров было получено в СССР из США и Великобритании 7 172 единицы (цифра уточнена по сравнению с приведенной выше таблицей), или 100% потребностей армии³⁶.

Особую роль сыграли поставки тех изделий промышленности, производство которых внутри СССР было резко снижено в связи с перестройкой советской промышленности на выпуск военной продукции. К примеру, по данным Н.И. Рыжкова, поставки автотранспорта «в объеме 427 336 единиц превышали выпуск автомашин нашей промышленностью в годы войны в 2 раза (219 тысяч), и они оказали существенную помощь Красной Армии, особенно в 1944 г. В этот период джипы и «студебеккеры» составляли 70% парка нашей армии и являлись основой ее мобильности»³⁷. Необходимо отметить и поставки около 2 тыс. паровозов и 11 тыс. вагонов (в СССР за этот период было произведено 92 паровоза и около 1 тыс. вагонов).

Особое значение имели поставки морских вооружений, призванные восполнить потери советской судостроительной промышленности. В докладе на имя И.В. Сталина от 12 августа 1943 г. Нарком Военно-Морского Флота СССР адмирал Н.Г. Кузнецов с болью писал о том, что «за истекший период Отечественной войны судостроительная промышленность Союза ССР претерпела весьма крупные изменения в сторону сокращения ее производственной базы». Резко сократилось производство крупных судов: «после исключения из программы крупных и наиболее трудных для производства кораблей (линкоры и большие крейсера), в настоящее время в постройке осталось всего 18 типов крупных кораблей, причем только 5 из них (1 тральщик и 4 катера) представляют корабли новых типов, созданных в период войны, все же остальные корабли представляют из себя продукцию, освоенную еще до войны»³⁸.

Среди союзных поставок в СССР были крупные корабли: американский крейсер «Милуоки» («Мурманск») и английский линкор «Ройял Соверин» («Архангельск»). По сообщению Черчилля Сталину в послании, полученном 23 января 1944 г., «недавно в Соединенных Штатах было закончено переоборудование британского линейного корабля «Ройял Соверин». Он оборудован радиолокационными установками для всех типов вооружения. Соединенные Штаты приблизительно в это же самое время предоставят один легкий крейсер.

Правительство Его Величества и Правительство Соединенных Штатов со своей стороны охотно готовы к тому, чтобы эти суда были

приняты в британских портах советскими экипажами и отправлены в северные русские порты. Вы могли бы затем произвести те изменения, которые необходимы для арктических условий.

Эти суда были бы временно переданы в займы Советской России и плавали бы под советским флагом до тех пор, пока без ущерба для военных операций не смогут быть предоставлены итальянские суда»³⁹.

В послании Черчиллю и Рузвельту от 29 января Сталин выразил согласие принять их предложение «о переотправке из британских портов в СССР линейного корабля “Ройял Соврин” и одного крейсера и о временном использовании этих судов военно-морским командованием СССР до тех пор, пока нам не будут переданы итальянские суда в таком же тоннаже. Равным образом мы готовы будем принять от США и Англии торговые суда по 20 тысяч тонн...». Вместе с тем, советский руководитель просил о передаче СССР восьми итальянских эскадренных миноносцев и четырех подводных лодок, о чем была достигнута договоренность на Тегеранской конференции⁴⁰.

К последнему вопросу Сталин был вынужден вернуться снова в послании от 21 февраля, поскольку до тех пор, по его словам, ответа не получил. Черчилль ответил и 22 февраля и объяснил причины задержки следующим образом: «7 февраля я направил Вам послание, подписанное Президентом и мною, адресованное Послу Кларку Керру, содержание которого он должен изложить Вам лично. Дело заключается в том, что я предоставляю из британских ресурсов 8 эсминцев и 4 подводные лодки, а также линейный корабль и 20 тысяч тонн торговых судов. Соединенные Штаты предоставят крейсер и 20 тысяч тонн торговых судов. Я удивлялся, почему не получил послания от Вас с подтверждением этого, так как я надеялся, что Вы будете довольны теми условиями, которые я приложил. Мне стало известно, что Посол Кларк Керр хотел вручить послание Вам лично, однако Вы были на фронте. Я телеграфировал ему о том, чтобы он исправил это положение. В подготовке кораблей не было никакого промедления»⁴¹.

Как пишет историк Г. Поляков, «с союзниками была достигнута договоренность об отправке советских приемных команд в Англию на американских транспортах «обратного конвоя. Моряки, отправляющиеся для приемки кораблей, прибыли на Север с разных флотов»⁴².

По описанию историков В.Н. и И.В. Красновых, «объединенный конвой RA-59 вышел из Кольского залива 28 апреля 1944 г. Он состоял из 44 транспортных судов и 25 кораблей эскорта... 7 мая конвой... прибыл в один из портов Шотландии, откуда экипажи... по железной дороге были переброшены в Росайт, а команды миноносцев в Ньюкастль»⁴³.

Советский экипаж освоил и принял от англичан линейный корабль «Ройял Соверин» в течение 20 дней, подводные лодки — в период с 10 по 30 мая. Линкор был проверен на якоре и на ходу, 30 мая на нем был поднят советский флаг, и корабль получил новое название «Архангельск». При освоении лодок совершалось три-четыре выхода в море для проверки в надводном и подводном положении. «Советские флаги на лодках были подняты 30 мая одновременно с линейным кораблем». Несколько позже были освоены миноносцы⁴⁴, поскольку это были старые американские корабли, переданные англичанам, и потребовавшие существенного ремонта механизмов и вооружения.

Во время своего визита в Мурманск в апреле 1944 г. на церемонию передачи «Милуоки» американский посол А. Гарриман поинтересовался, «где в СССР собираются американские платформы и паровозы, а также грузовики, танки и самолеты и какие районы СССР снабжаются прибывающим из США продовольствием. Заместитель Наркома внешней торговли т. Борисов сообщил ему, что платформы и паровозы собираются близ Мурманска, а вооружение осматривается на месте назначения; получаемое продовольствие направляется на Карельский, Балтийский и Беломорский фронты, в Ленинград и некоторые другие районы Союза»⁴⁵.

По ряду важных продуктов союзные поставки составили значительные цифры: авиабензин — 37% к общим ресурсам (493 тыс. т); рельсы ж/д — 75%, проволока различных видов — от 43% до 93%, свинец — 40%, олово — 28,6%, алюминий — 36,7%, стальной трос — 38,5%, никель — 36,6%, кадмий — 66%, молибденовые концентраты — 81,3%, металлорежущие станки, всего — 36,6% (18 593 шт.); универсальные шлифовальные станки — 100%; бумага — 50%, мясопродукты — 33,5%, сахар — 46,4%, молочный порошок — 80%, молочные консервы — 61,3%, яичный порошок — 84% и др.

СССР также осуществлял поставки, в основном сырьевые, своим союзникам. США получили из СССР 300 тыс. тонн хромовой, 32 тыс. тонн марганцевой руды, значительное количество платины⁴⁶.

Говоря о динамике Ленд-лизовских поставок, следует отметить изменение их состава по годам, представленное в нижеследующей таблице.

По приведенным Н.И. Рыжковым сведениям, «если во время действия Первого и Второго протоколов американские и британские поставки были примерно равными, то в дальнейшем помощь из США превзошла британскую. В последующие годы изменился и состав грузов: меньше стала доля вооружений — больше промышленного и медицинского оборудования, транспортных средств, продовольствия. Так, по Третьему протоколу продовольствие составляло $\frac{1}{3}$ тоннажа»⁴⁷.

**Распределение поставок по Ленд-лизу в Советский Союз
по годам войны**

Поставки	1941	1942	1943	1944	1945
Всего в млн. долл.	20	1376	2436	4074	2764
В процентах					
Самолеты	—	22,5	17,3	16,2	12,7
Огнестрельное оружие и боеприпасы		15,8	12,7	5,6	2,6
Танки	—	13,1	2,6	4,9	4,0
Другие транспортные средства		11,0	14,1	14,6	19,3
Перевозки	—	0,8	3,2	2,5	2,1
Все военное имущество	20	63,2	49,9	43,8	40,7
Промышленные товары	80	23,2	29,6	39,3	39,5
Сельскохозяйственные продукты	—	13,7	20,5	16,9	19,8

Источник: Рыжков Н.И. Великая Отечественная: ленд-лиз. М., 2012. С. 316–317.

Важной формой внешнеэкономического сотрудничества стал также обмен между союзниками военно-технической информацией по новейшим технологиям. Так, 29 сентября 1942 г. нарком иностранных дел В.М. Молотов и посол Великобритании в СССР А. Керр (от имени «Правительства Его Величества») обменялись в Москве нотами об обмене военной информацией. Тексты соглашения были идентичны. Приведем текст ноты В.М. Молотова:

«Г-н Посол,

В ответ на Вашу ноту от сего числа имею честь сообщить, что правительство СССР, руководимое желанием придти к соглашению с Правительством Его Величества в Соединенном Королевстве об обмене информацией, относящейся к предметам вооружения, готово заключить нижеследующее соглашение:

“Правительство СССР и Правительство Соединенного Королевства будут предоставлять друг другу, по просьбе, всю информацию, включая всевозможные необходимые спецификации, чертежи и т.д., относящиеся к предметам вооружения, приспособлениям и процессам, которые применяются или в будущем могут применяться ими для ведения войны против общего врага.

Они будут также предоставлять подобную информацию по собственному почину в отношении таких новых видов вооружения, приспособлений или процессов, которые они могут применить и которые, по их мнению, представляли бы интерес для другого правительства.

Если одно из правительств сочтет, что предоставление подобной информации в каком-либо частном случае принесло бы ущерб

общим интересам, оно будет иметь право не предоставлять этой информации, но в этом случае оно укажет причины, которые привели его к этому взгляду”.

Советское Правительство согласно с тем, что настоящий обмен нотами составит соглашение между обоими правительствами⁴⁸.

В ходе войны между союзниками неоднократно возникали противоречия, в том числе по вопросам военно-экономического сотрудничества. В беседе с У. Черчиллем в Москве 13 августа 1942 г. Сталин выразил недовольство качеством и темпами поставок: «Мы получаем из Англии и США только остатки. Эти остатки посылаются в СССР тогда, когда они накапливаются. Если их нет, то нет и поставок». Черчилль ответил, что «он не принимает это заявление». Присутствовавший на беседе представитель США А. Гарриман заявил: «...выполнение поставок СССР, согласно указанию Президента, производится в первую очередь, и поэтому он... не может согласиться с заявлением т. Сталина»⁴⁹.

Посол США в СССР адмирал У. Стендли в беседе с В.М. Молотовым 5 октября 1942 г. объяснил причины этих «недоразумений»: «Главная причина, которая тормозит поставки и мешает улучшению советско-американских отношений, состоит в том, что американские промышленники неохотно принимают советские заказы. Кроме того поставки страдают от отсутствия необходимого тоннажа и эскортирования судов, направляющихся в СССР». В связи с этим Сталин заметил, что «в этом отношении в Англии дело поставлено лучше. Англия хорошо выполняет протокол, подписанный в октябре-мае в Москве»⁵⁰.

В ходе войны стремление деловых кругов США к экономическому сотрудничеству с СССР усилилось. Это объяснялось, прежде всего, героическими победами Красной Армии и успехами СССР в развитии собственной военной промышленности.

В беседе Молотова с председателем Управления по делам военного производства США Д. Нельсоном 12 октября 1943 г. последний заявил: «...сейчас американский народ с очень большим уважением относится к русскому народу. Это имеет место не только потому, что русские люди могли создать такую большую и сильную армию, но, главным образом, потому, что они смогли обеспечить эту армию снабжением, танками, самолетами, пушками». Он определил экономические основы будущего сотрудничества между СССР и США: «Американцы имеют избыток промышленного оборудования, Советский Союз имеет сырье. На этой основе может быть осуществлен обмен»⁵¹.

В беседе с Д. Нельсоном 15 октября 1943 г. И.В. Сталин заявил, что «он... может гарантировать Америке заказы на 10 тыс. парово-

зов, 50 тыс. ж/д вагонов и платформ, 30 тыс. км рельсов, паровых и гидравлических турбин общей мощностью в 300 тыс. киловатт». Советский руководитель также поднял вопрос о кредите, в котором СССР был крайне заинтересован⁵².

«Вопросы об обмене информацией и об экономическом сотрудничестве» обсуждались в ходе встречи Молотова с послом США в СССР Гарриманом 31 декабря 1944 г. Последний обозначил основные направления экономического сотрудничества в представлении американской стороны: 1) вопрос о кредите, «который вначале может быть небольшим, а затем может быть увеличен, в зависимости от возможности»; 2) «вопрос о самих поставках оборудования и снабжения»; 3) «вопрос о посылке американских специалистов для оказания технической помощи, а также советских специалистов в США».

Наибольшую сложность представлял вопрос о разграничении поставок по кредиту и по Ленд-лизу. Гарриман изложил позицию руководства США в этом вопросе таким образом: «В отношении закона о ленд-лизе имеются некоторые ограничения... Поставляемые материалы должны быть использованы исключительно для военных целей... Президенту удалось до некоторой степени расширить применение закона о ленд-лизе. В них были включены поставки продовольствия и другое снабжение для гражданского населения, если это поможет населению оказывать содействие военным усилиям, а также оборудование для предприятий, если срок до вступления их в строй достаточно короток для того, чтобы данное предприятие могло работать на войну. Однако границу между поставками для военных целей и поставками для послевоенной реконструкции невозможно провести точно. Президент Рузвельт выступил с предложением уже в то время предоставить СССР кредит для закупки в США предметов, необходимых для послевоенной реконструкции».

В результате, по выражению посла, «поставки для нужд войны по-прежнему будут поставляться по ленд-лизу. Те, что не предназначены для нужд войны, будут поставляться по кредиту».

В связи с этим Молотов отметил, что «имеется категория заказов, в отношении которой трудно решить, предназначены эти заказы для нужд войны или нет. Эта категория подлежит изучению с целью определить, какие заказы могут быть поставлены по закону о ленд-лизе, а какие — по кредиту». Гарриман с этим согласился.

Когда Молотов поставил вопрос о возмещении ущерба, нанесенного СССР в ходе войны, Гарриман выразил желание США помочь СССР в деле возмещения нанесенного ущерба и восстановления экономики страны⁵³.

В конце войны СССР принял активное участие в создании системы послевоенного устройства мира, в организации новых международных органов, в том числе в сфере внешнеторговой деятельности (прежде всего Международного валютного фонда). Советское руководство занимало позицию продолжения и развития внешнеэкономических связей с США и другими союзниками по антигитлеровской коалиции.

Во время приема члена Сената США П. Клода Пеппера, 14 сентября 1945 г. И.В. Сталин выразил позицию СССР в отношении послевоенного развития советской экономики и роли в ней «внешнего фактора»: «СССР хочет восстановить разрушенное войной и создать индустриальную базу страны и поднять уровень жизни народа. 6 месяцев назад народ СССР обратился к США с просьбой предоставить заем в 6 млрд. долларов, чтобы восстановить советскую промышленность». Критики СССР утверждали, что «если США предоставит заем СССР, то эти деньги будут использованы не на поднятие уровня жизни народа, а чтобы поддерживать в большом масштабе военную промышленность».

Отвечая на это утверждение противников СССР на Западе, «Сталин улыбнулся и заявил, что ...будет самоубийством для Советского Союза пытаться поддержать в большом масштабе военное производство. Лучшим доказательством... того, что Советский Союз сокращает свою военную промышленность, является тот факт, что демобилизовано свыше 3-х, почти 4 млн. служащих Красной Армии и демобилизация будет продолжаться до тех пор, пока Красная Армия не будет доведена до 1/3 своего состава военного времени». По мнению Сталина, «СССР и США должны найти новую... почву для сотрудничества в мирное время. Это может быть нелегко, но как Христос сказал «Ищите и обряцете»... Россия очень нуждается в американских займах»⁵⁴.

Внешнеэкономическая деятельность СССР в годы войны включала в себя не только импортные, но и экспортные операции. В качестве упомянутого выше «обратного Ленд-лиза», СССР поставил в США 300 тыс. тонн хромовой руды, 32 тыс. тонн марганцевой руды, ряд ценных металлов, в том числе платину, золото, лес, пушнину, икру и др. на сумму 2,2 млн. долл. По словам тогдашнего министра торговли США Дж. Джонса, «поставками из СССР мы не только возвращали свои деньги, но и извлекали прибыль, что было далеко не частным случаем в торговых отношениях, регулируемых нашими государственными органами»⁵⁵. Советская сторона обеспечивала обслуживание британских и американских кораблей, пришедших в северные порты, американских самолетов на авиатрассе «Аляска-Сибирь» и на авиабазе в Полтаве, частичное снабжение войск со-

юзников в Иране, предоставляла техническую и военно-стратегическую информацию.

Кроме того, следует особо выделить поставки из Советского Союза боевой техники, оснащение военных формирований ряда стран антигитлеровской коалиции в соответствии с заключенными с ними соглашениями. Так, по данным российских историков, СССР оказывал «военно-техническую помощь патриотическим силам Польши, Югославии, Чехословакии, Румынии, французскому авиополку «Нормандия-Неман» (первая французская авиационная истребительная эскадрилья «Нормандия» была сформирована в марте 1943 г. (с августа авиополк «Нормандия» в составе 303 истребительной авиационной дивизии, прошла от Орла до Кенигсберга).

Польским формированиям было передано около 700 тыс. винтовок и автоматов, 3500 орудий, 15 тыс. пулеметов, 1200 самолетов, более 1 тыс. танков. Военно-экономические поставки позволили «оснастить десятки пехотных, артиллерийских, авиационных частей и соединений, обеспечить их горючим, боеприпасами, обмундированием, снаряжением и другими видами материально-технического снабжения в ходе совместной борьбы против фашизма»⁵⁶.

Оценивая общее значение военно-экономических поставок союзников для СССР, целесообразно, на наш взгляд, сослаться на авторитетное мнение бессменного куратора программы от лица советского руководства, сыгравшего ведущую роль в организации внешнеэкономической деятельности СССР в 1941–1945 гг. А.И. Микояна: «Военно-экономические поставки нам со стороны наших западных союзников, главным образом американские поставки по ленд-лизу, оцениваю очень высоко. Хотя и не в такой степени, как некоторые западные авторы... Представьте, например, армию, оснащенную всем необходимым вооружением, хорошо обученную, но воины которой недостаточно накормлены или хуже того. Какие это будут вояки? И вот когда к нам стали поступать американская тушенка, комбиджир, яичный порошок, мука, другие продукты, какие сразу весомые дополнительные калории стали получили наши солдаты! И не только солдаты: кое-что перепало и тылу.

Или возьмем поставки автомобилей. Ведь мы получили, насколько помню, с учетом потерь в пути около 400 тыс. первоклассных по тому времени машин типа «Студебеккер», «Форд», легковые «Виллис» и амфибии. Вся наша армия оказалась фактически на колесах, и каких колесах! В результате повысилась ее маневренность и заметно возросли темпы наступления.

Да-а, без ленд-лиза мы бы наверняка еще год-полтора лишних провоевали»⁵⁷.

Союзные поставки имели и более масштабное значение для развития военной экономики СССР, как для ведения боевых операций, так и для хозяйственных целей. В современной российской литературе определены основные функции Ленд-лиза для СССР: «замещение уничтоженной в боях военной техники; поступление дефицитной или отсутствовавшей в СССР техники и материалов, предназначенных как для непосредственного использования, так и для развития собственного производства; возможность изучения советскими специалистами новейших образцов вооружений и других технических новинок; возможность высвобождения части работников, занятых выпуском военной техники и снаряжения; возможность перепрофилирования части заводов для выпуска военной продукции благодаря замене ранее производимых изделий поставками из-за рубежа; помощь в развитии инфраструктуры в местах получения ленд-лизских грузов — портового хозяйства, дорог, аэродромов и др.⁵⁸

Последовавший вскоре после окончания войны поворот союзников к холодной войне — это отдельная тема. Подводя итоги внешнеэкономической деятельности СССР в 1941—1945 гг., следует отметить, что советская экономика СССР преимущественно собственными силами решила задачи материально-технического обеспечения Победы. Однако немалый вклад внесла и военно-экономическая помощь стран — союзниц СССР. В целом в период войны 1941—1945 гг. была выработана довольно эффективная модель экономического сотрудничества между СССР и странами Запада, которая позволила одержать Победу над общим врагом.

Библиография

- Аляска-Сибирь-фронт»: История легендарной авиатрассы. Документы, комментарии, воспоминания. 1942—1945 гг. М., 2004.
- Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война: 1941—1945 / Отв. ред. С. Кудряшов. М., 2010.
- Всероссийская книга памяти. 1941—1945. Обзорный том. 2-е доп. и испр. изд. М., 2005.
- Бутенина Н.В. Ленд-лиз: сделка века. М., 2004.
- Быстрова И.В. Поцелуй через океан. «Большая тройка» в свете личных контактов. М., 2011.
- Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930—1980-е годы). М., 2006.
- Джонс Р.Х. Ленд-лиз. Дороги в Россию. Военные поставки США для СССР во Второй мировой войне. 1941—1945. Пер с англ. А.Л. Андреева. М., 2015.
- Загадки ленд-лиза: Стеттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы. М., 2000.
- Краснов В.Н., Краснов И.В. Ленд-лиз для СССР. 1941—1945. М., 2008.
- Кузык Б., Новичков Н., Шварев В., Кенжетаев М., Симаков А. Россия на мировом рынке оружия. М., 2001.

- Куманев Г.А. Рядом со Сталиным: Откровенные свидетельства. Встречи, беседы, интервью, документы. М., 1999.
- Ленд-лиз и Россия / Сост. М.Н. Супрун. Архангельск, 2006.
- Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1, 2. М., 1976.
- Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х годах: Документальные очерки. М., 2006.
- Рыжков Н.И. Великая Отечественная: Ленд-лиз. М., 2012.
- Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы / Сост. М.Н. Супрун. Вып. 3, 4. Архангельск, 2000.
- Супрун М.Н. Ленд-лиз и Северные конвои. 1941—1945 гг. М., 1997.
- Экономика Победы. К 65-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне. М., 2010.

Примечания

- ¹ Супрун М.Н. Ленд-лиз и Северные конвои. 1941—1945 гг. М., 1997.
- ² Аляска-Сибирь-фронт: История легендарной авиатрассы. Документы, комментарии, воспоминания. 1942—1945 гг. М., 2004.
- ³ Бутенина Н.В. Ленд-лиз: сделка века. М., 2004.
- ⁴ Краснов В.Н., Краснов И.В. Ленд-лиз для СССР. 1941—1945. М., 2008.
- ⁵ Рыжков Н.И. Великая Отечественная: Ленд-лиз. М., 2012.
- ⁶ Джонс Р.Х. Ленд-лиз. Дороги в Россию. Военные поставки США для СССР во Второй мировой войне. 1941—1945 / Пер с англ. А.Л. Андреева. М., 2015.
- ⁷ Кузык Б., Новичков Н., Шварев В., Кенжетаев М., Симаков А. Россия на мировом рынке оружия. М., 2001. С. 724.
- ⁸ Кузык Б., Новичков Н., Шварев В., Кенжетаев М., Симаков А. Указ. соч. С. 705.
- ⁹ См.: Рыжков Н.И. Указ. соч. С. 57.
- ¹⁰ Бутенина Н.В. Указ. соч. С. 106.
- ¹¹ См.: Экономика Победы. К 65-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне. М., 2010. С. 185.
- ¹² См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 2. М., 1976. С. 8—9 (далее — Переписка...).
- ¹³ Там же. С. 14—15.
- ¹⁴ См.: Бутенина Н.В. Указ. соч. С. 49—51.
- ¹⁵ См.: Там же. С. 279, 281, 288—289.
- ¹⁶ См.: Всероссийская книга памяти. Обзорный том. М., 2005. С. 215.
- ¹⁷ Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы / Сост. Супрун М.Н. Вып. 3. Архангельск, 2000. С. 3.
- ¹⁸ Бутенина Н.В. Указ. соч. С. 102—103.
- ¹⁹ См.: Северные конвои. Исследования, воспоминания, документы / Сост. М.Н. Супрун. Вып. 4. Архангельск, 2000. С. 47—48, 81.
- ²⁰ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 6. Оп. 4. Папка 102. Л. 7 (далее — АВП РФ).
- ²¹ См.: Супрун М.Н. Указ. соч. С. 50.
- ²² Загадки ленд-лиза: Стеттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы. М., 2000. С. 199—200 (далее — Загадки ленд-лиза...).
- ²³ Переписка... Т. 2. С. 16.
- ²⁴ Загадки ленд-лиза... С. 201.
- ²⁵ Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х годах: Документальные очерки. М., 2006. С. 49.
- ²⁶ Загадки ленд-лиза... С. 163.

- ²⁷ См.: Рыжков Н.И. Указ. соч. С. 71–72.
- ²⁸ Российский государственный архив экономики. Ф. 413. Оп. 12. Д. 6211. Л. 2–2а (далее – РГАЭ).
- ²⁹ Кузык Б., Новичков Н., Шварев В., Кенжетаев М., Симаков А.. Указ. соч. С. 730–731.
- ³⁰ Подробнее см.: Быстрова И.В. Поделуй через океан. «Большая тройка» в свете личных контактов. М., 2011.
- ³¹ См.: Супрун М.Н. Указ соч. С. 13–24; Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. Переписка... Т. 1. С. 223–224.
- ³² Кузык Б., Новичков Н., Шварев В., Кенжетаев М., Симаков А. Указ. соч. С. 730.
- ³³ Подсчитано по: Джонс Р.Х. Указ. соч. С. 291–294.
- ³⁴ Рыжков Н.И. Указ. соч. С. 221–222.
- ³⁵ Подробнее см.: Супрун М.Н. Указ. соч. С. 313–320, 350.
- ³⁶ Рыжков Н.И. Указ. соч. С. 245, 247.
- ³⁷ Там же. С. 249.
- ³⁸ См.: Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война: 1941–1945 / Отв. ред. С. Кудряшов. М., 2010. С. 292–293.
- ³⁹ Переписка... Т. 1. С. 223–224.
- ⁴⁰ Там же. С. 228.
- ⁴¹ Переписка... Т. 1. С. 244–245.
- ⁴² Северные конвои. Вып. 4. С. 220.
- ⁴³ Краснов В.Н., Краснов И.В. Указ. соч. С. 200.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 28. Пор. 72. Папка 162. Л. 24.
- ⁴⁶ См.: Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006. С. 223.
- ⁴⁷ См.: Рыжков Н.И. Указ. соч. С. 316–317.
- ⁴⁸ См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Пор. 129. Папка 14. Л. 95–96.
- ⁴⁹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 282. Л. 39 (далее – РГАСПИ).
- ⁵⁰ РГАСПИ. Д. 379. Л. 7–8.
- ⁵¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. Пор. 160. Папка 17. Л. 16.
- ⁵² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 374. Л. 51.
- ⁵³ Там же. Л. 95–97.
- ⁵⁴ Там же. Л. 86–90.
- ⁵⁵ Цит. по: Ленд-лиз и Россия / Сост. М.Н. Супрун. Архангельск, 2006. С. 118.
- ⁵⁶ См.: Всероссийская книга памяти. 1941–1945. Обзорный том. 2-е доп. и испр. изд. М., 2005. С. 200–203.
- ⁵⁷ Цит. по: Куманев Г.А. Рядом со Сталиным: Откровенные свидетельства. Встречи, беседы, интервью, документы. М., 1999. С. 38.
- ⁵⁸ См.: Экономика Победы. К 65-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне. С. 188–189.

Атомный проект СССР

Роль зарубежного опыта в реализации советского атомного проекта**

Аннотация: В статье рассматривается роль зарубежного опыта в «запуске» советского атомного проекта, вклад научно-технических «заимствований» в решение его ключевых задач. Исследование ограничено концом 1950-х гг., когда страна обрела возможность самостоятельно обеспечивать расширенное воспроизводство ядерного и термоядерного оружия. Делается вывод о том, что этому способствовала целенаправленная политика и специальная «настройка» институтов командной экономики. Создание вполне конкурентоспособного ядерно-оружейного комплекса закрепило за Советским Союзом статус мировой сверхдержавы. Но это еще не гарантировало ему выхода на траекторию устойчивого экономического роста в длительной перспективе.

Ключевые слова: советский атомный проект, зарубежный научно-технический опыт, атомная бомба, ядерное и термоядерное оружие, командная экономика.

История создания советского ядерного оружия привлекает пристальное внимание исследователей. Благодаря многочисленным изысканиям сегодня в основных чертах известно, как и почему здесь удалось добиться впечатляющего успеха¹. Вместе с тем многие аспекты этой научно-технической и организационно-производственной эпопеи изучены фрагментарно. В их числе — роль зарубежного опыта в «запуске» советского атомного проекта, вклад научно-технических «заимствований» в решение его ключевых задач.

Здесь целесообразно сделать одно уточнение. Оно касается самого понятия «советский атомный проект». Часто этим термином обозначают комплекс спланированных мероприятий по разработке и испытанию первой советской атомной бомбы. В таком случае его начало связывают с выходом в августе 1945 г. постановления Государственного комитета обороны «О специальном комитете при ГОКО», а завершение датируют августом 1949 г. — временем испы-

* Артемов Евгений Тимофеевич — доктор исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург), iia-history@mail.ru; Волошин Николай Павлович — доктор технических наук, Российский федеральный ядерный центр — ВНИИ технической физики им. академика Е.И. Забабахина (г. Снежинск), otdeldou2@vniitf.ru

** Исследование проведено при поддержке Российского государственного научного фонда (РГНФ), проект № 14–01–00053.

тания опытного ядерного заряда. Однако в последнее время растет число исследователей, склоняющихся к иной точке зрения. Атомный проект они рассматривают как приоритетную государственную программу по овладению ядерной энергией и созданию ядерно-оружейного комплекса. Его начало относят к выходу в сентябре 1942 г. распоряжения ГКО «Об организации работ по урану». В качестве верхней границы атомного проекта называются разные рубежи. Иногда его продлевают вплоть до окончания советской эпохи. Но думается, что такая хронология не вполне правомерна. Атомный проект как программа практических действий имел конкретные задачи, и их удалось в основном решить к концу 1950-х гг. Именно тогда страна обрела научно-технические и производственные возможности, необходимые для обеспечения вооруженных сил новыми системами ядерного и термоядерного оружия.

Сказанное объясняет выбор темы настоящей статьи и ее хронологические рамки. Анализ содержания «заимствованных» новаций, путей и способов их использования позволит прояснить многие особенности реализации советского атомного проекта. Но зарубежный опыт не следует сводить лишь к информации, полученной по линии разведки. Для детального знакомства с ним широко использовались и вполне легальные источники, в том числе научно-технические публикации в открытой печати. Важную роль в решении атомной проблемы сыграла техническая документация, оборудование и специальные материалы, полученные в счет репараций и по ленд-лизу. К решению ряда задач привлекались и иностранные (немецкие) специалисты. Они непосредственно использовали свои научно-технические знания и производственный опыт в интересах советского атомного проекта.

Конечно, детальная реконструкция механизмов адаптации зарубежного опыта при создании отечественного ядерно-оружейного комплекса предполагает наличие адекватной источниковой базы. Но здесь возникают определенные трудности. Дело в том, что основные документальные архивные комплексы, отражающие историю советского атомного проекта, недоступны для свободного использования. Правда активная публикация в последние годы большого массива ранее секретных документов облегчает решение этой задачи. Прежде всего, нужно упомянуть «официальный» сборник документов «по истории создания ядерного оружия в СССР»². В него включены постановления и распоряжения правительства страны, протоколы заседаний Специального комитета при Совете Министров СССР и его Технического и Инженерно-Технического советов, деловая переписка, информационные и отчетные материалы исполнительных органов атомного проекта — Первого главного управления и Мини-

стерства среднего машиностроения СССР, так называемого Бюро № 2 при председателе Спецкомитета, отвечавшего за обработку материалов, связанных с использованием внутриатомной энергии, которые поступали по «засекреченным каналам», и т.д. Стоит также отметить издание рассекреченных архивных документов из фондов Российского федерального ядерного центра — ВНИИ экспериментальной физики (г. Саров)³. Весьма информативны документы и материалы о создании и деятельности второго ядерно-оружейного центра страны — ВНИИ технической физики (г. Снежинск)⁴. Эти публикации, наряду с обширной мемуарной литературой, позволяют достаточно полно осветить роль зарубежного опыта в инициировании советского атомного проекта и решении его научно-технических и организационно-производственных задач.

Демонстрационный эффект

Возможность использования ядерной энергии была осознана научным сообществом благодаря открытию немецких ученых. В конце 1938 г. О. Ган и Ф. Штрассман установили, что под действием нейтронов происходит распад атомов урана, сопровождающийся превращением части его массы в энергию. Это известие и попытки его интерпретации, опубликованные в престижных журналах, сразу вызвали оживленную дискуссию в научной среде. Одни исследователи настаивали на том, что проблема овладения ядерной энергией уже стоит на повестке дня. Другие же относили решение данной задачи в отдаленное будущее. Аналогичные суждения высказывали и советские ученые. Они подключились к изучению ядерных процессов еще в 1920-е гг. и добились в этой области признанных результатов⁵. Им как части мирового научного сообщества сразу стало известно о сделанном открытии, важность которого была для них несомненна. Это стимулировало расширение собственных исследований. Но к перспективам практического использования ядерной энергии наиболее авторитетные советские ученые относились весьма скептически: стоящие на этом пути трудности фундаментального и технического свойства казались им непреодолимыми на данном этапе научно-технического развития. Как утверждал академик П.Л. Капица, работы в области ядерной физики «очень важны и интересны», но «сейчас с большой долей вероятности можно сказать, что атомной энергией... мы не воспользуемся с большой легкостью, а по всей вероятности не воспользуемся и совсем»⁶. И его точку зрения разделяло большинство ведущих физиков. Тем не менее, все соглашались с необходимо-

стью активизации ядерно-физических исследований. В результате в предвоенные годы были приняты меры, позволившие создать научный задел, сыгравший в дальнейшем важную роль в развертывании масштабных работ по овладению ядерной энергией⁷.

Критическое отношение ведущих советских физиков к прикладным аспектам ядерно-физических исследований имело важные последствия: с началом Великой Отечественной войны по решению Президиума АН СССР их свернули как не имеющие «актуального значения для обороны страны». Правда в академической среде высказывались мнения о неразумности такого шага. В отечественной историографии утверждается, что Г.Н. Флеров, сотрудник Ленинградского физико-технического института АН СССР, в начале 1942 г. отправил ряд писем «в самые высокие инстанции», в том числе лично И.В. Сталину, с предложением «немедленно развернуть» работы по атомной проблеме. Его информация будто бы «сработала», и «дело сдвинулось с мертвой точки»⁸. Есть и более детальная реконструкция событий, связанных с обращением Г.Н. Флерова. В одной из публикаций говорится о том, что его письмо, «вероятно», получил только С.В. Кафтанов, уполномоченный по науке Государственного комитета обороны. К тому моменту он уже располагал сведениями об активизации ядерно-физических исследований в Германии, поэтому информация Г.Н. Флерова попала на «благоприятную почву». В конечном счете, судя по воспоминаниям С.В. Кафтanova, он вместе с академиком А.Ф. Иоффе в апреле 1942 г. обратился «в ГКО с предложением о возобновлении работ по проблеме атомной энергии»⁹. Его будто бы сразу вызвали к И.В. Сталину. В ходе беседы Иосиф Виссарионович высказал сомнение в целесообразности такого шага, но Кафтанов, чуть ли не перебивая его, заявил: «Стоит рискнуть!» — и Сталин поддержал идею запуска работ по созданию ядерного оружия¹⁰.

Однако эти красочные свидетельства не подтверждаются документально. Действительно, согласно данным журнала записи лиц, принятых И.В. Сталиным, Кафтанов был у него в кремлевском кабинете 9 апреля 1942 г.¹¹, но в числе большой группы лиц. Судя по ее составу, на встрече обсуждались совсем другие вопросы. Трудно представить, чтобы в рамках этой встречи состоялся описанный выше разговор. К тому же никаких практических решений по атомной проблеме за этим не последовало. В отношении же инициативы Г.Н. Флерова достоверно известно одно: со своим предложением о развертывании работ по овладению ядерной энергией он выступил на специальном семинаре в ноябре 1941 г., но его не поддержали такие авторитеты, как А.Ф. Иоффе и П.Л. Капица. Письменное обращение Г.Н. Флерова к своему научному руководителю И.В. Кур-

чатову также не помогло¹². Другого, видимо, трудно было ожидать: И.В. Курчатов не обладал тогда ни должным авторитетом, ни административными возможностями, чтобы инициировать пересмотр решения Президиума Академии наук. Что касается высшего руководства страны, то информацию о значимости работ по овладению ядерной энергией оно получило отнюдь не из научных кругов. И это произошло при следующих обстоятельствах.

За рубежом с началом войны на научные публикации по урану был наложен запрет. Но так или иначе информация о работе над этой проблемой просачивалась в прессу и попадала в поле зрения советской разведки. Упоминания о возможности создания «супербомбы», естественно, настораживали ее руководство. Оно дало задание своим зарубежным представительствам перепроверить полученные из открытой печати сведения¹³. Настоящий прорыв в этой области удалось совершить осенью 1941 г., когда лондонская резидентура НКВД получила информацию о подготовленном для английского правительства докладе¹⁴. В нем содержался вывод о том, что атомную бомбу можно создать, и описывался алгоритм соответствующих действий. Это были те самые материалы, знакомство с которыми подтолкнуло правительство Соединенных Штатов Америки к разработке своей ядерно-оружейной программы, известной как Манхэттенский проект¹⁵. На основании агентурных сведений НКВД подготовил докладную записку на имя И.В. Сталина. В ней предлагалось создать при Государственном комитете обороны специальную комиссию «из числа крупных ученых» для оценки целесообразности проведения аналогичных работ в Советском Союзе. Но тогда эту записку, как и следующий вариант, составленный в марте 1942 г., не отправили адресату¹⁶. Видимо, Л.П. Берия счел несвоевременным ставить перед Сталиным перспективные вопросы, основываясь на не вполне проверенных сведениях. Тем не менее, полученную информацию признали весьма важной и сориентировали зарубежную агентуру на «разработку соприкасающихся» с атомной проблемой «лиц в целях получения технологических расчетных данных по самому процессу, аппаратуре и механизмам, схем и чертежей, и экономических обоснований производимых работ»¹⁷.

Принятые меры дали свои результаты. По «закрытым каналам» из Великобритании и США в растущих масштабах стали поступать сведения о проведении работ в области овладения атомной энергией. Спецслужбы пытались их перепроверить, используя в качестве экспертов ведущих ученых. Но те заняли «осторожную» позицию. Так, академик В.Г. Хлопин в ответ на запрос Главного разведывательного управления Генштаба Красной Армии в мае 1942 г. писал:

«По нашему мнению, возможность использования внутриатомной энергии для военных целей в ближайшее время (в течение настоящей войны) весьма маловероятна». Если разведывательное управление, продолжал он, располагает какими-либо другими данными, «то мы просили бы сообщить... в спецотдел АН СССР», тогда можно будет судить о положении дел «за границей»¹⁸.

Иначе восприняли поступившую из-за рубежа информацию «в высших эшелонах» власти. По свидетельству бывшего тогда заместителем председателя СНК СССР М.Г. Первухина, весной 1942 г. она дошла до В.М. Молотова¹⁹. Тот также решил проконсультироваться с учеными, признанными научными авторитетами — академиками П.Л. Капицей и А.Ф. Иоффе. Спустя тридцать лет В.М. Молотов так рассказывал об этом Ф.И. Чуеву: «Вызвал Капицу к себе, академика. Он сказал, что мы к этому не готовы и атомная бомба — оружие не этой войны, дело будущего. Спрашивали Иоффе — он также как-то неясно к этому отнесся»²⁰. Правда с самими разведанными ученых не знакомили. Согласно сохранившемуся свидетельству руководителя научно-технической разведки НКВД Л.Р. Квасникова, им показали только реферат доклада английскому правительству. Увиденное не произвело должного впечатления на П.Л. Капицу и А.Ф. Иоффе, чем и объясняются их сдержанные оценки перспектив создания атомной бомбы²¹.

Тем не менее, В.М. Молотов взял на себя ответственность за «запуск» работ по овладению атомной энергией. В жестко централизованной системе поддержка одного из высших государственных руководителей значила очень много: она позволяла игнорировать любые, даже отрицательные, заключения самых авторитетных экспертов. Но в данном случае это пошло на пользу дела. Для подготовки соответствующего распоряжения ГКО привлекли А.Ф. Иоффе и С.В. Кафтанова. 27 сентября 1942 г. проект документа направили И.В. Сталину. В сопроводительной записке, подписанной В.М. Молотовым, говорилось, что атомный проект предусматривает «возобновление исследований в области использования атомной энергии путем расщепления ядра урана. Академия наук, которой эта работа поручается, обязана к 1 апреля 1943 г. представить в Государственный комитет обороны доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива»²². Уже на следующий день, 28 сентября 1942 г., И.В. Сталин подписал распоряжение ГКО «Об организации работ по урану». Только после этого ему направили материалы, полученные «НКВД СССР из Англии агентурным путем». В сопроводительных документах, подписанных Л.П. Берией и начальником разведуправления НКВД Л. Фитиным, пояснялось, что Верховное военное командование Англии «считает принципиально решен-

ным вопрос практического использования атомной энергии урана (уран-235) для военных целей», а английский Военный кабинет занимается «организацией производства урановых бомб». «Исходя из важности и актуальности проблемы», авторы сопроводительных документов испрашивали разрешения ознакомить с разведматериалами «по урану видных специалистов с целью дачи оценки и соответствующего использования» поступившей информации²³.

После серии консультаций в качестве «оценщика» выбрали И.В. Курчатова. Видимо, здесь свою роль сыграли несколько факторов. С одной стороны, И.В. Курчатова являлся признанным специалистом в области физики ядра, с другой — был ближайшим соратником А.Ф. Иоффе, который, согласно распоряжению ГКО от 28 сентября 1942 г., нес персональную ответственность за «возобновление» исследований по урану. Естественно, к выполнению особо важных заданий, он стремился привлечь своих наиболее компетентных и «проверенных» сотрудников. По всей видимости, кандидатура И.В. Курчатова в качестве эксперта устроила и спецслужбы. Первые результаты анализа поступившей развединформации он обобщил в конце ноября 1942 г. в специальной докладной записке. С ней сразу же ознакомили В.М. Молотова, а затем — И.В. Сталина. В записке констатировалось, что специально созданный при английском правительстве Урановый комитет считает создание атомной бомбы «реально осуществимой» задачей. Но обоснованность такого вывода, отмечал И.В. Курчатова, трудно однозначно оценить, поскольку переданные ему материалы «не содержат технических подробностей о физических исследованиях по... процессу деления». Тем не менее, он писал, что «возможность введения в войну такого страшного оружия, как урановая бомба, не исключена» и, следовательно, в СССР нужно «широко развернуть» аналогичную работу. Для повышения ее результативности Курчатова предлагал поручить разведорганам «раздобыть» исчерпывающую информацию о ведущихся за рубежом исследованиях²⁴.

Его мнение, судя по всему, было с «пониманием» воспринято высшим руководством страны. Однако «запустить» атомный проект оказалось весьма непросто. В конце января 1943 г. секретариат СНК СССР, «державший дело на контроле», оценил состояние работы в этом направлении как «неудовлетворительное». Вину возложили на Академию наук, а также на М.Г. Первухина и С.В. Кафтанава, «самоустранившихся» от «наблюдения за выполнением» правительственного решения. Далее последовали «оргвыводы». Они были закреплены специальным распоряжением ГКО «О дополнительных мероприятиях в организации работ по урану» от 11 февраля 1943 г. Обязанности «повседневного руководства» атомным проектом возложили на М.Г. Пер-

вухина и С.В. Кафтанова, а научного руководства — на И.В. Курчатова. Ему порекомендовали выполнение задания, закрепленного ранее персонально за А.Ф. Иоффе, — подготовить и представить в ГКО «доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива»²⁵. Это было нестандартное решение. Во-первых, согласно «установленному порядку», выполнение такого поручения следовало возложить на конкретное ведомство, в данном случае — на Академию наук СССР, являвшуюся в советской системе своеобразным «министерством науки». Вначале так и сделали. Но руководство Академии скептически относилось к возможности практического использования ядерной энергии, что провоцировало различные организационные «сбои» и тормозило развертывание соответствующих работ. Поэтому решение атомной проблемы, вопреки обычным правилам, непосредственно замкнули на правительство. Во-вторых, научным руководителем проекта государственной важности назначили рядового заведующего лабораторией, доктора наук. Такой формальный статус, конечно, создавал И.В. Курчатову определенные трудности. Не случайно, при прямой поддержке руководства страны в сентябре 1943 г., минуя звание члена-корреспондента АН СССР, он был сразу избран академиком²⁶. В дальнейшем, отклонение от «установленного порядка» организации работ стало «фирменным стилем» атомного проекта.

Уже в самом начале своего научного руководства проектом И.В. Курчатова занял однозначную позицию в вопросе создания атомной бомбы. В марте 1943 г. он писал М.Г. Первухину: «...вся совокупность [продолжавших поступать разведматериалов] указывает на техническую возможность решения всей проблемы урана в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые, не знакомые с ходом работ... за границей». Затем Курчатова задавал вопрос: не была ли полученная информация «вымыслом, задачей которого являлась бы дезориентация нашей науки?» Но ответ на него он давал совершенно определенный: «...на основании внимательного ознакомления с материалами у меня осталось впечатление», что они отражают «истинное положение вещей»²⁷. Аналогичные оценки содержались в заключениях, подготовленных И.В. Курчатовым в следующем месяце²⁸. А в июне 1943 г. он, как и предусматривалось февральским распоряжением ГКО, обобщил свои выводы в докладной записке, адресованной В.М. Молотову. Ее суть можно свести к одной фразе: атомная бомба может стать реальностью, нужно незамедлительно переходить к практической работе по ее созданию²⁹. Его выводы признали обоснованными. У высшего руководства страны больше не возникало сомнений в возможности оснащения вооруженных сил принципиально новым оружием в ближайшей перспективе.

Опытный заряд

Выдающаяся роль разведанных в инициировании советского атомного проекта не вызывает сомнений. Но этим их значение не исчерпывалось. Уже первое знакомство с агентурными материалами наметило, как докладывал И.В. Курчатов В.М. Молотову, «важнейшие ориентиры нашего научного исследования». Ученый считал, что подобная информация позволяет «миновать многие весьма трудоемкие фазы разработки проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения»³⁰. Первым шагом в этом направлении стало овладение технологией получения «ядерной взрывчатки». Как говорил один из «отцов» американской программы создания нового оружия Эдвард Теллер, если страна налаживает производство расщепляющихся материалов, «то можно считать, что через несколько месяцев она будет обладать бомбой»³¹. Несомненно, подобные взгляды разделяло и научное руководство советского атомного проекта. В 1944 г., говоря о перспективах реализации проекта, И.В. Курчатов утверждал, что «основная трудность осуществления атомной бомбы» заключается в получении делящихся материалов³².

Согласно бытовавшим тогда представлениям, делиться мог лишь редкий изотоп урана — уран-235. Его доля в природном уране составляет одну сто сороковую часть. Поэтому весьма острой была проблема его выделения. Считалось, что для этого требуется превратить природный уран в газообразное соединение — гексафторид урана. Затем при помощи различных методов можно отобрать нужный изотоп с последующим превращением его газообразного соединения обратно в металл. Сначала в качестве наиболее продуктивного способа разделения изотопов урана рассматривалось центрифугирование. Именно на него и ориентировалось руководство советского атомного проекта. Но уже весной 1943 г. от этого взгляда отказались. Перемена в отношении стратегии разделения изотопов урана произошла благодаря знакомству с развединформацией, полученной из Великобритании. «Неожиданно» выяснилось, что англичане отдают предпочтение газовой диффузии, считая ее «единственным рациональным путем» решения проблемы. К этому выводу их подтолкнул неудачный опыт в конструировании и использовании центрифуг. Такие сведения побудили руководство советского атомного проекта изменить приоритеты³³. Отныне газодиффузионный метод стал рассматривать как основной способ получения урана-235. В основе метода лежало известное явление, когда газовая смесь, проходя через сетку с очень малыми отверстиями, разделяется на однородные компоненты. Правда эксперименты с использованием электромагнитного метода разделе-

ния изотопов урана, с помощью центрифугирования и термодиффузии продолжались, но они рассматривались в качестве запасного варианта либо как реализуемые в отдаленной перспективе.

Знакомство с развединформацией, поступившей из США, позволило определиться с еще одним способом получения делящихся материалов, который давал возможность «обойти» технически чрезвычайно сложную проблему разделения изотопов. Речь шла «об использовании в качестве материала для бомбы элемента с массовым числом 239». Его можно было получить «в урановом котле в результате поглощения нейтронов ураном-238». Как докладывал «по инстанции» И.В. Курчатов, согласно «теоретическим представлениям, попадание нейтрона в ядро эка-осмия [плутония-239] должно сопровождаться большим выделением энергии и испусканием вторичных нейтронов, так что в этом отношении он должен быть эквивалентен урану-235»³⁴. Принципиальная схема и параметры ядерного реактора («котла») стали известны также благодаря разведке. Но для его запуска требовалось до 100 т металлического урана и 1 000 т особо чистого графита, а они на тот момент в стране просто не производились. Столь же сложные проблемы возникали при создании тяжеловодного реактора, в котором в качестве замедлителя нейтронов использовался не графит, а тяжелая вода. Для него требовалось на порядок меньше урана. Однако в стране отсутствовало чрезвычайно энерго- и капиталоемкое производство тяжелой воды. Его, как и добычу и переработку урановой руды, следовало создавать с нуля.

Чтобы выиграть время, руководители проекта попытались получить металлический уран, тяжелую воду и другие специальные материалы по ленд-лизу. Американским властям были отправлены соответствующие заявки. Но сведений о том, что их удовлетворили, в российских архивах не обнаружено³⁵. Правда на сей счет есть иные свидетельства. В начале 1950-х гг. в США активно обсуждалась проблема поставки Советскому Союзу материалов, которые он использовал при создании атомной бомбы. Речь шла о металлическом уране и его химических соединениях, о природном графите, бериллии (замедлителе и отражателе нейтронов), кадмии (поглотителе нейтронов), кобальте, тяжелой воде. В годы войны их будто бы переправляли в СССР по «воздушному мосту» Аляска — Сибирь, причем эту акцию санкционировало правительство Соединенных Штатов. И только после вмешательства главного администратора Манхэттенского проекта генерала Л. Гровса поставки материалов, имевших критическое значение для решения атомной проблемы, были прекращены. Однако достоверность подобных сведений трудно проверить³⁶. Тем не менее, очевидно, что закупки отдельных видов оборудования, приборов и на-

учной литературы осуществлялись в значительных масштабах и сыграли важную роль в решении ключевых задач атомного проекта.

Следующая проблема, с которой столкнулось руководство советского атомного проекта, заключалась в определении принципов конструирования атомной бомбы. Начало собственных теоретических работ в данном направлении относится к 1944 г.³⁷ Но к этому времени из зарубежных источников уже было известно важнейшее свойство делящихся материалов: их количество, меньшее критического значения, устойчиво и безопасно, но если масса вещества превышает определенный порог, то возникает прогрессирующая реакция расщепления ядер, вызывающая колоссальной силы взрыв. Отсюда был сделан следующий вывод: при создании атомной бомбы ее активная часть должна состоять из двух половинок, причем масса каждой должна быть меньше критического значения. Эти половинки нужно соединить в кратчайшие доли секунды: чем быстрее — тем больше будет сила взрыва. Наиболее очевидный способ решения проблемы — обеспечить встречное движение двух «частей» делящегося материала под действием давления пороховых газов в закрытой с обеих сторон трубе (так называемый принцип сближения, или «пушечный» метод). Правда величину критической массы еще нужно было установить. Эта задача и стала важнейшим направлением собственных ядерно-физических исследований в 1944 г.

Результаты отечественных изысканий постоянно соотносились с поступающей из-за рубежа информацией. Одновременно велись теоретические и экспериментальные работы по выяснению условий синхронизации встречного движения двух частей делящегося материала. До начала 1945 г. метод сближения рассматривался в качестве единственного способа подрыва ядерной взрывчатки, пока из американских источников не поступила информация об еще одном варианте «осуществления» атомной бомбы³⁸. Это был так называемый «взрыв вовнутрь» (принцип имплозии, обжатия) обычной взрывчатки, окружающей делящийся материал: таким образом достигался его перевод в надкритическое состояние. Принцип имплозии позволял в несколько раз увеличить скорость сближения частиц активного материала по сравнению с «пушечным» вариантом — в результате резко повышался коэффициент использования «ядерной взрывчатки» и сила атомного взрыва. Эта информация оказалась неожиданной для наших специалистов, но они сразу смогли оценить достоинство нового метода. По заключению И.В. Курчатова, сделанному уже в марте 1945 г., его следует предпочесть «пушечному» методу и подвергнуть серьезному теоретическому и опытному анализу для отработки способов его практического применения³⁹.

Обоснованность такого вывода подтверждала информация, поступавшая по линии разведки из Германии. Дело в том, что немецкие специалисты также планировали произвести «перевод урана-235 через критическую массу» посредством взрыва окружавшей его «смеси пористого тринитолуола и жидкого кислорода»⁴⁰. Эти сведения стали важным аргументом в пользу развертывания собственных экспериментальных исследований по имплозивной схеме атомной бомбы.

Важная информация продолжала поступать из Соединенных Штатов Америки. К концу 1945 г. удалось получить подробные данные об устройстве атомной бомбы, основанной на принципе имплозии. Особенно ценными оказались описания нейтронного инициатора цепной реакции; делящегося материала в виде дельта-фазы плутония; оболочек из металлического урана и алюминия, окружавших заряд; химического взрывчатого вещества и симметризирующей линзовой системы его подрыва; особенностей сборки атомной бомбы. Важную роль в понимании механизмов атомного взрыва сыграли сведения о фундаментальных ядерно-физических константах. Были получены данные о величине сечения деления урана-235 в широком диапазоне энергий нейтронов, о сечении радиационного захвата нейтронов плутонием-239, сечениях взаимодействия нейтронов с ураном, свинцом, кислородом и водородом. Одновременно удалось добыть информацию, проясняющую особенности распространения детонационной волны в делящихся и конструкционных материалах. Все эти сведения тщательно перепроверялись в ходе собственных теоретических и экспериментальных исследований. В результате вырисовывалась ясная картина того, что нужно делать, чтобы в кратчайшие сроки добиться требуемого результата.

Однако ориентация на безоговорочное использование зарубежного опыта в создании атомной бомбы не всем казалась правильной. Наиболее последовательно против такого подхода выступал академик П.Л. Капица. Его научный авторитет и административные возможности (в августе 1945 г. он вошел в состав Специального комитета при ГКО (затем — при СНК) СССР, ставшего «генеральным штабом» атомного проекта) придавали отстаиваемой им позиции особый вес. П.Л. Капица считал, что нужно «идти своим путем», а не копировать американцев. Если стремиться «перепробовать» все, что они сделали, то выйдет «долго и дорого», утверждал ученый. Повторяя путь впереди идущего нельзя не только «перегнать», но даже и «догнать» его. Следовательно, полагал Капица, сначала нужно «выработать двухлетний план подготовки промышленности» к решению атомной проблемы, а за это время «наладить» ее «научную

часть» и уже затем, «найдя новые пути», наверстать отставание от американцев. Главную роль в атомном проекте, по мнению академика, должен был играть «научный комиссар»: ему следовало передать право согласовывать — «скреплять» — «всякие протоколы» и «приказы разных начальников». В таком качестве П.Л. Капица, судя по всему, видел себя, поскольку в противном случае он не считал возможным свое дальнейшее участие в атомном проекте. По его мнению, «ученый с мировым именем» не может себе позволить «быть слепым исполнителем», особенно в деле, которое «вырождается»⁴¹.

Предложения П.Л. Капицы не нашли поддержки у председателя Спецкомитета Л.П. Берии. Отрицательно отнеслись к ним и другие члены административного и научного руководства атомного проекта. Много позже, возвращаясь к этому вопросу, главный конструктор первой советской атомной бомбы Ю.Б. Харитон так объяснял их позицию: в тех конкретных условиях ориентироваться на «собственную конструкцию... означало увеличить риск неудачи..., что явилось бы непозволительным и легкомысленным шагом»⁴². Свою роль в отклонении предложений Капицы сыграл и личностный фактор. Его претензии на особое положение в атомном проекте вызывали растущее неприятие. В отстаивании своих взглядов академик апеллировал к И.В. Сталину, но также не получил поддержки. В декабре 1945 г. СНК СССР специальным постановлением «удовлетворил просьбу» П.Л. Капицы об его освобождении от работы в атомном проекте⁴³. Таким образом, в дискуссии о путях создания атомной бомбы была поставлена точка: освоение новейших зарубежных достижений было признано необходимым условием решения атомной проблемы. Это отнюдь не означало отказа от выдвижения и реализации собственных идей. Руководство атомного проекта прекрасно понимало, что поступление развединформации может прекратиться в любой момент. Поэтому речь шла о последовательности действий: конструирование первой атомной бомбы по зарубежным «лекалам» рассматривалось как отправной шаг в поисках собственных путей совершенствования ядерного оружия.

Важным каналом поступления иностранных научно-технических наработок на этапе создания первой атомной бомбы стали репарации. Их использование в интересах атомного проекта лично санкционировал И.В. Сталин. На встрече с Л.П. Берией, И.В. Курчатовым и В.М. Молотовым, состоявшейся в январе 1946 г., он заявил: «...надо... всемерно использовать Германию, в которой есть и люди, и оборудование, и опыт, и заводы»⁴⁴. К тому времени это уже и осуществлялось. Еще в мае 1945 г. по инициативе И.В. Курчатова и распоряжению Л.П. Берии в оккупированную Красной Армией часть Германии

командировали группу ведущих специалистов атомного проекта. Ей предписывалось «выявить, изъять и отправить в СССР запасы урана во всех его видах... оборудование специальных институтов и заводов... Изучить возможность приглашения в СССР ученых, работавших над проблемой урана»⁴⁵. Уже через месяц заместитель наркома внутренних дел генерал-лейтенант А.П. Завенягин и помощник члена ГКО генерал-майор В.А. Махнев докладывали Л.П. Берии о том, что в СССР из Германии отправлено 7 эшелонов (380 вагонов) оборудования «физических институтов и химико-металлургических предприятий», до 300 т обнаруженных запасов окиси урана и т.д. Полезным оказалось и знакомство с исследованиями немецких ученых. Выяснилось, что изыскания в основном носили академический характер, но могли быть использованы для решения практических вопросов. Поэтому «вместе с оборудованием... в СССР направили» около 70 специалистов⁴⁶.

Практика вывоза готового оборудования продолжалась и в дальнейшем. Так, с 5 марта по 20 апреля 1946 г. в Германии работала специальная группа МВД СССР «по выявлению предприятий», «занимающихся проблемой урана». Она вывезла в Советский Союз «для нужд» атомного проекта 41 вагон с различным оборудованием и подготовила к отправке еще 80 вагонов со станками, измерительной аппаратурой, лабораторными приборами и т.д.⁴⁷ На многих немецких предприятиях размещались заказы на производство оборудования для формирующейся в СССР атомной отрасли. Для освоения урановых месторождений Германии, перешедших в собственность СССР, было организовано специальное акционерное общество «Висмут». Оно стало основным поставщиком ураносодержащего сырья для советского атомного проекта. Оплата поступающих из Германии материалов и оборудования производилась в счет репараций. Большую ценность представляла «изъятая» техническая документация. Так, с середины 1945 г. по 1947 г. на территории Германии было обнаружено около 1 млн. 100 тыс. немецких патентов и патентов других государств. Их внедрение в производство внесло весомый вклад в обновление промышленной продукции страны и в освоение новейших технологий⁴⁸. Они широко использовались на предприятиях горно-металлургической и химической промышленности, машиностроения и приборостроения, электроэнергетики, работавших по заданиям атомного проекта. Это способствовало ликвидации многих его «узких мест».

На начальном этапе реализации атомного проекта росло и число привлеченных немецких специалистов. Среди них были как приехавшие из Германии по приглашению советской стороны, так и военнопленные. Они работали в специальных научно-технических

подразделениях 9-го Управления МВД СССР, переданного затем в ведение Первого главного управления при Совете Министров СССР (исполнительного органа атомного проекта). К середине 1948 г. общая численность немецких специалистов достигла 300 человек. Третью часть составляли приглашенные из Германии, остальные являлись военнопленными⁴⁹. Это был, конечно, значительный «контингент», но в общей численности научных и научно-технических работников, непосредственно участвовавших в выполнении заданий по «спецтематике», его доля не превышала 5%.

Тем не менее, немецкие специалисты внесли заметный вклад в научно-техническое обеспечение атомного проекта. В качестве примера можно привести достижения Н. Риля. Он возглавил научно-исследовательскую лабораторию на заводе № 12 (г. Электросталь), где пытались наладить выплавку урана из руд и концентратов. Эту сложную научно-техническую задачу никак не удавалось решить собственными силами. Но к началу 1948 г., благодаря совместным усилиям группы Н. Риля и советских специалистов, производство металлического урана нужного качества в промышленных масштабах было налажено. Советское правительство высоко оценило их заслуги. За разработку и внедрение в производство технологии изготовления чистого металлического урана, в частности, Н. Рилю в октябре 1949 г. присвоили звание Героя Социалистического Труда и лауреата Сталинской премии первой степени⁵⁰. Немецкие специалисты приняли активное участие и в создании технологий разделения изотопов урана. Правда здесь они играли второстепенную роль, решая в основном частные задачи, причем их усилия не всегда давали ожидаемые результаты. Так, немецкие специалисты не смогли решить такую задачу, как сокращение критических потерь гексафторида урана при пуске газодиффузионного производства на Уральском электрохимическом комбинате. Советским ученым и инженерам во главе с И.К. Кикоиным удалось самим решить проблему⁵¹. Но во многих случаях предлагаемые немецкими специалистами идеи доводились до практического применения.

Если оценивать вклад немецкого научно-технического опыта в создание первого советского атомного заряда в целом, то несомненно одно: он сыграл важную, но все же вспомогательную роль. Главные ориентиры в определении путей достижения намеченной цели задавали разведматериалы. Они аккумулировались в так называемом Бюро № 2, непосредственно подчиненном председателю Спецкомитета. Его сотрудники — кадровые офицеры спецслужб и научные работники — «обрабатывали» сведения, поступающие по линии разведки и формулировали ей задания, что еще нужно «раздобыть».

К первичным разведанным допуск имел только И.В. Курчатов. По его представлению, санкционированному Л.П. Берией, с отдельными разделами агентурных сводок могли знакомить ведущих разработчиков атомного проекта. Но основную информацию об использовании за рубежом научно-технических новациях они получали из обзоров, подготовленных Бюро № 2. Их заслушивали на заседаниях Технического (Научно-технического) совета Спецкомитета. С учетом рекомендаций последнего, принимались решения «что, когда и как делать». Так развединформация доводилась до ответственных исполнителей. Она подтверждала принципиальную возможность решения возникающих проблем, позволяла своевременно корректировать направления научного поиска, предостерегала от разработки технологий в тупиковых направлениях, способствовала сокращению сроков ввода в строй необходимых производств. В то же время нельзя недооценивать собственных усилий советских ученых. Одно дело знать, что бомбу можно создать, иметь представление о ее принципиальном устройстве, свойствах делящихся материалов, технологиях их производства и т.д., и совсем другое — понять, как достичь желаемого результата, суметь выстроить алгоритм практических действий и обеспечить его реализацию. Сложность этих задач трудно переоценить. Тем не менее, их удалось решить в самые сжатые сроки. Советский опытный ядерный заряд испытали гораздо раньше, чем ожидали все зарубежные аналитики и политики.

Ядерное и термоядерное оружие

Успешное испытание в СССР американского аналога плутониевой бомбы имело важные последствия. С одной стороны, оно подтвердило способность советской науки и техники воспроизводить «чужие» достижения, а с другой — открыло дорогу для реализации собственных замыслов. Еще до августа 1949 г. были предприняты усилия по совершенствованию технологий получения делящихся материалов. Особые надежды связывались с внедрением в производство идеи разделения изотопов урана методом циркуляционного центрифугирования. Эти работы основывались на имевшемся у советских ученых опыте. Сначала исследования проводились в Лаборатории № 4 АН СССР. Затем к ним присоединились немецкие ученые, внесшие свой вклад в достижение конечного результата. Но только коллективу ОКБ Ленинградского Кировского завода удалось в полном объеме решить проблему. В 1953 г. совместно с сотрудниками Лаборатории № 2 и ряда других организаций коллектив Осо-

бого конструкторского бюро предложил приемлемую для промышленности центрифужную технологию разделения изотопов урана. Это позволило начать строительство соответствующего опытного завода. На расчетную мощность его вывели в январе 1958 г. Именно тогда впервые в мире массовая эксплуатация газовых центрифуг стала реальностью. Это был выдающийся научно-технический прорыв: он позволял радикально снизить энергопотребление при производстве обогащенного урана. Достаточно отметить, что только первенец атомной отрасли — Уральский электрохимический комбинат, — использовавший тогда газодиффузный метод обогащения, потреблял около 3% производимой в СССР электроэнергии. Новая же технология уменьшала энергозатраты на единицу продукции в 20—30 раз⁵². Но ее внедрение на всех предприятиях отрасли потребовало, в связи с большой капиталоемкостью, около двадцати лет. Другие страны, в которых развивалась атомная промышленность, также «озаботились» разработкой и применением аналогичной технологии. Однако сложность задачи оказалась для них такова, что до сих пор, например, Соединенные Штаты Америки в полном объеме не завершили этот процесс.

Важных результатов советским ученым-ядерщикам удалось добиться в развитии ряда идей, ставших известными из зарубежных источников. Это позволило руководству атомного проекта определить перспективные направления работы. Так было, в частности, с программой совершенствования ядерных зарядов и ядерных боеприпасов. Она предусматривала поиск способов усиления имплозии и использования различных делящихся материалов в одном заряде. Такое решение приняли с учетом информации, которую передал Клаус Фукс — пожалуй, главное действующее лицо в советском «атомном шпионаже». Он предоставил сведения о том, что усиление имплозии можно получить за счет взрывного ускорения вещества сферической оболочки, окружающей плутоний. Этим достигалось его большее сжатие, в результате чего увеличивался коэффициент использования делящегося материала и возрастала мощность атомного взрыва. Использование же урана-235 и плутония-239 в одном заряде (так называемая композитная схема) давало иной выигрыш: оно позволяло существенно экономить чрезвычайно дорогой и дефицитный плутоний.

В США основанные на этих идеях заряды испытали в 1948 г. Тогда же была запущена программа создания подобных зарядов и в СССР. Ее реализовали ускоренными темпами. Детальная научная проработка «заимствованных» подходов и их воплощение в конструкторских решениях, основанных на собственных новациях, позволили изготовить «изделия», заметно превосходящие по своим характеристикам

первые американские образцы и их советский аналог. В испытанном в сентябре 1951 г. заряде РДС-2 усиление обжигания плутония достигалось путем замены одной сплошной урановой оболочки двумя более тонкими со сферической полостью между ними. В результате при сохранении того же количества плутония он имел диаметр и массу меньше, чем у первой (РДС-1) атомной бомбы, но вдвое большую мощность⁵³. А месяц спустя, в октябре 1951 г., провели испытание уже «настоящей» атомной авиационной бомбы (РДС-3), сброшенной с высоты 10 000 м. Конструкционно она являлась аналогом РДС-1. Отличие заключалось в «ядерной взрывчатке»: ее было больше, и она компоновалась по композитной (составной) схеме⁵⁴.

Испытанные боезаряды сразу «пошли в серию». Они создавались как боеприпас (авиабомба) для тяжелых бомбардировщиков. Следующим шагом в наращивании ядерного арсенала страны стала разработка атомных бомб для средних реактивных бомбардировщиков ИЛ-28, базирующихся на аэродромах европейского театра военных действий. По своим массогабаритным характеристикам они должны были быть заметно меньше. Чтобы добиться искомого результата, пришлось провести большое количество теоретических расчетов и экспериментов. Испытания, прошедшие в августе—сентябре 1953 г., подвели итоги этой работы. Первой «опробовали» атомную бомбу РДС-4. В ней использовали заряд РДС-2, но за счет иной схемы обжигания делящегося материала удалось радикально снизить массогабаритные характеристики боеприпаса. В нем использовалась оболочно-ядерная конструкция с полостью, внутри которой было подвешено плутониевое ядро. Этот боезаряд мог применяться средними реактивными бомбардировщиками. Затем прошли испытания серии бомб РДС-5. В них применялась та же конструкция, что и в РДС-4, но в качестве «взрывчатки» использовался плутоний-239 вместе с ураном-235. Испытания подтвердили расчеты советских ученых, из которых следовало, что при сильном обжигании плутония можно значительно уменьшить величину его критической массы. Это означало, что из имеющегося в наличии делящегося материала можно изготовить большее количество атомных бомб⁵⁵. Однако главный результат проведенных испытаний заключался все же в другом: они подтвердили продуктивность перехода от копирования зарубежных образцов к созданию «изделий», основанных на собственных идеях. Теперь оригинальные изыскания становились главным источником нововведений — от совершенствования отдельных деталей и узлов до предложения новых схем компоновки атомных боеприпасов.

В ряде случаев речь шла о глубокой модификации зарубежных «заимствований». Так произошло с разработкой принципиально

нового инициатора ядерной цепной реакции. В зарядах, созданных в 1949—1953 гг., использовался, по аналогии с американскими образцами, внутренний полоний — бериллиевый источник. Он имел два серьезных недостатка — во-первых, малый гарантийный срок и, соответственно, необходимость частой замены, а во-вторых, неоптимальный момент самого инициирования. В то же время еще в 1945 г. стало известно, что немецкие ученые для «запуска» цепной реакции намеревались использовать внешний источник нейтронов, генерируемых высоковольтной трубкой. Доведение этой идеи до практического воплощения потребовало трудоемкой теоретической и экспериментальной проработки, а также значительных временных затрат. Но приложенные усилия себя оправдали. В октябре 1954 г. на Семипалатинском полигоне были проведены испытания заряда РДС-3 «И», в котором использовался внешний источник. Это позволило значительно увеличить энерговыделение: оно оказалось в полтора раза больше по сравнению с энерговыделением при испытании аналогичного «изделия», оснащенного нейтронным запалом⁵⁶.

Очевидные успехи в совершенствовании ядерных зарядов позволили начать проектирование их новых классов. Они предназначались для морских торпед, крылатых и баллистических ракет, ствольной артиллерии. Эти носители обладали иными, по сравнению с авиационной техникой, тактическими характеристиками. Размещаемые в них боезаряды должны были отвечать более жестким требованиям по массе, габаритам, ударостойкости, безопасности. Поэтому физические схемы и конструкторские решения, отработанные при создании «изделий» для авиационных носителей, нуждались в принципиальных изменениях. При этом рассчитывать приходилось на собственные силы, поскольку сокращение «притока» разведанных просто не оставляло другого варианта. К тому же накопленный опыт позволял находить наиболее эффективные решения. Для боевого оснащения баллистических ракет Р-5М вполне «подошел» заряд РДС-4. Сложнее оказалось приспособить его к торпедой Т-5. Тем не менее, к 1955 г. эту задачу выполнили. Все варианты новых боеприпасов прошли успешное испытание.

Иначе обстояло дело с атомным артиллерийским зарядом. Первая информация о его разработке в Соединенных Штатах Америки поступила в апреле 1952 г.⁵⁷ В условиях разворачивавшейся гонки ядерных вооружений это привело к ожидаемому результату: намерение одной стороны создать новый тип «изделия» подвигало другую к разработке собственного аналога. Так случилось и с атомным артиллерийским зарядом. Однако по своей конструкции он принципиально отличался от испытанного американского образца, который приводился в действие

механизмом «пушечного» сближения. Такая схема имела серьезные недостатки — низкий коэффициент использования активного вещества и значительную вероятность неполного взрыва⁵⁸. Чтобы избежать их, отечественные разработчики решили пойти другим путем. Заряд создавался на основе метода обжатия делящихся материалов. Но здесь возникала проблема его «упаковки» в артиллерийский боеприпас. Ее решение потребовало проведения весьма сложных гидро- и газодинамических исследований⁵⁹. Их возглавил признанный в этой области специалист академик М.А. Лаврентьев, специально приглашенный в КБ-11 (первый научно-исследовательский и опытно-конструкторский ядерно-оружейный центр). Усилия его команды завершились испытанием атомного снаряда в 1956 г.

Правда в серию этот заряд не пошел. Дело в том, что он предназначался для оснащения артиллерийских систем большого (420 мм) калибра, которые было чрезвычайно трудно применять в боевых условиях. К тому же заряд оказался ядерно-опасным, не обладал должной «живучестью». Сегодня есть объяснение того, почему не удалось выйти на запланированные параметры. По мнению специалистов, основная причина заключалась в отходе от первоначальной схемы конструирования. Столкнувшись с огромными трудностями при попытке добиться «обжатия с помощью осесимметричных систем», разработчики остановились на сферической компоновке заряда, но она в данном случае не являлась оптимальной. В результате «сложная и дорогостоящая работа оказалась безрезультатной»⁶⁰. Однако ее нельзя назвать напрасной: к ней вернулись спустя десять лет. Используя имеющийся задел, коллектив специалистов НИИ-1011 (второй ядерно-оружейный центр) под руководством академика Б.В. Литвинова создал серию артиллерийских зарядов с уникальными характеристиками, в частности, для не имеющего аналогов снаряда калибром 152 мм⁶¹. Причиной временной приостановки этой работы в 1950-е гг. стало появление новых приоритетов: все научные и конструкторские силы атомного проекта были «брошены» на создание нового класса оружия — «сверхбомбы» с термоядерным зарядом.

Первые идеи на сей счет появились у американских ученых еще в 1942 г. Их суть заключалась в использовании энергии синтеза легких ядер. Для теоретической проработки такой возможности в Лос-Аламосской лаборатории создали небольшую группу во главе с Э. Теллером. Ученые предложили схему возбуждения термоядерной реакции в дейтерии (тяжелом изотопе водорода) с помощью нейтронов, испускаемых при взрыве первичного атомного заряда. Советской разведке удалось получить сведения об этой работе. В октябре

1945 г. они были вынесены на обсуждение Технического совета Специального комитета. По его результатам И.В. Курчатову, А.И. Алиханову и Ю.Б. Харитону поручили исследовать возможность конструирования «сверхбомбы» на основе принципа, изложенного в разведывательных материалах. Спустя два месяца Технический совет вернулся к этому вопросу. Основываясь на докладе Я.Б. Зельдовича, опиравшегося на разведанные, совет счел необходимым развернуть собственные исследования реакций в ядрах легких элементов⁶². Это было первое официальное решение о проведении в Советском Союзе работ по созданию водородной бомбы.

Сначала теоретические исследования, связанные с синтезом ядер легких элементов, сосредоточили в Институте химической физики АН СССР. Предварительные итоги этой работы в ноябре 1947 г. подвели на заседании Научно-технического совета Первого главного управления. На нем подтвердили ее важность «для развития ядерной физики», а в случае положительного результата — «для практических целей». Изучение осуществимости взрывного «использования ядерной энергии легких элементов» включили «отдельной строкой» в план работы Института химической физики⁶³. Но уже весной 1948 г. задача «выяснения принципиальной возможности» утратила свою актуальность. Поступившая от К. Фукса информация побудила руководство атомного проекта скорректировать принятые планы в сторону их конкретизации. В полученных материалах содержалось описание схемы термоядерной детонации в цилиндре из жидкого дейтерия под воздействием ударной волны от взрыва первичного атомного заряда. Для перепроверки этих данных и практической реализации в КБ-11 была организована специальная группа под руководством Я.Б. Зельдовича⁶⁴. Но этот путь создания водородной бомбы, получивший индекс РДС-6т («Труба»), оказался тупиковым. В Соединенных Штатах Америки от него отказались в 1950 г. В Советском Союзе работы по цилиндрической системе с дейтерием продолжались до 1954 г., когда их бесперспективность стала окончательно понятна и официально признана.

Знакомство с материалами К. Фукса имело еще одно важное следствие: оно инициировало привлечение к разработке ядерно-оружейной проблематики новых научных сил. Для проведения исследований по теории термоядерного горения в Физическом институте АН СССР в июне 1948 г. создали специальную группу под руководством И.Е. Тамма⁶⁵. Сначала она сосредоточилась на оценке работоспособности цилиндрической системы, в которой в качестве термоядерного горючего предполагалось использовать тяжелую воду. Но уже к концу 1948 г. группа И.Е. Тамма вышла на две новые идеи: одна из них заключалась в возбуждении атомным взрывом детонации в гете-

рогенной системе с чередующимися слоями термоядерного горючего и урана-238, другая же предполагала использование в предложенной конструкции новой термоядерной «взрывчатки» — дейтерида лития-6. По терминологии А.Д. Сахарова, это были «первая» и «вторая» идеи. Их практическое осуществление (уже в КБ-11) позволило создать водородную бомбу слоеной конфигурации — РДС-6с («Слойку»). Ее испытали в августе 1953 г. Это было транспортабельное «изделие», совместимое со средствами доставки. Запуск ядерных реакций инициировался в нем посредством взрывного обжатия активных материалов при подрыве химического вещества. По своей мощности эта бомба на порядок превосходила атомные боезаряды. Иначе говоря, РДС-6с стала первым отечественным образцом термоядерного оружия.

В Соединенных Штатах Америки аналогичные идеи прорабатывались начиная с 1946 г. в рамках проекта Alarm Clock. Но американские ученые изначально ориентировались на создание заряда мегатонного класса. Однако выход на подобный уровень энерговыделения при такой, так называемой одностадийной, конструкции оказался недостижимым. Это подтвердили компьютерные расчеты его первоначальной конфигурации, завершенные в 1953—1954 гг. В итоге проект Alarm Clock признали «нежизнеспособным», и закрыли. К тому времени американские ядерщики уже отработали другую, двухстадийную, схему термоядерного заряда. Она заключалась в использовании рентгеновского излучения ядерного взрыва для запуска реакции синтеза. Эту схему испытали в ноябре 1952 г. (в устройстве, вес которого достигал 60 тонн). Его мощность оказалась в пятьсот раз больше, чем у первых плутониевых бомб. В последующих зарядах жидкий дейтерий заменили на дейтерид лития. Это позволило создать транспортабельные двухстадийные водородные бомбы, которые были испытаны весной 1954 г. Они «работали» на принципе радиационного обжатия термоядерного горючего (принцип радиационной имплозии). Как идея этот принцип был обоснован еще в 1946 г. Но только спустя пять лет американские ученые поняли, что его применение позволяет выйти на конструирование полномасштабных термоядерных зарядов.

Не меньше времени потребовалось для понимания значимости этого принципа и советским ученым. Идея радиационной имплозии упоминалась еще в информации, переданной К. Фуксом в 1948 г. Но, судя по документальным свидетельствам, ее физическую сущность ученые-ядерщики тогда не поняли. Свою роль в этом сыграл жесткий режим секретности, не позволивший провести сколько-нибудь широкое обсуждение идей, содержащихся в разведматериалах. В результате советские разработчики дошли до понимания воз-

возможности использования радиационной имплозии самостоятельно. «Прозрение» наступило в 1954 г. А в октябре следующего года уже испытали первый советский двухстадийный термоядерный заряд РДС-37⁶⁶. Он имел вторичный модуль, аналогичный гетерогенному ядру РДС-6, иначе говоря, основывался на идеях, «наработанных» при создании «Слойки». Такой вывод подтверждает сравнение массогабаритных параметров РДС-37 и американских термоядерных зарядов того времени: отношение длины к диаметру у первого составляло менее 2, а у вторых — 3,2–4,8. Отсюда можно сделать вывод о том, что вторичный модуль советской разработки имел сферическую конфигурацию, а американский — цилиндрическую. В этом заключалось их принципиальное отличие.

Использование двухстадийной схемы открывало путь для рационального конструирования термоядерных зарядов неограниченной мощности. С другой стороны, эта схема позволяла оптимизировать затраты активных материалов и энерговыделение. Появилась реальная возможность создания термоядерных боеприпасов для различных видов носителей. Серийное производство термоядерных авиационных бомб в СССР запустили уже в 1957 г. Затем был создан боезаряд мегатонного класса для стратегических ракет Р-7, поставленных на боевое дежурство в 1960 г. Многие, конечно, зависело от бесперебойной поставки специальных материалов. Но и эту задачу удалось решить самостоятельно. В частности, в разработке промышленной технологии производства дейтерида лития-6 Советский Союз даже опередил США. К концу 1950-х гг. страна уже могла обеспечить расширенное воспроизводство самого современного оружия. Это стало важной предпосылкой упрочения ее статуса «мировой сверхдержавы».

* * *

Овладение ядерными технологиями и создание атомного индустриального комплекса, сопоставимого по своим параметрам с американским аналогом, стало очевидным успехом «командной экономики». Оно подтвердило работоспособность избранной стратегии «обратного проектирования». Опасения академика П.Л. Капицы, что повторяя путь «впереди идущего» нельзя выйти на передовые научно-технические позиции, не оправдались. Но такая проблема реально существовала. Действительно, технические ноу-хау редко удается перенести из страны в страну без изменений, даже если они заимствуются в материализованной форме. Еще сложнее, отталкиваясь от зарубежных достижений, развернуть собственную инновационную систему, интегрирующую все стадии научно-производственного

цикла — от проведения поисковых исследований до утилизации отработавшей свой срок продукции. Однако «командной экономике» удалось решить эту проблему. Иначе говоря, представление о том, что «социалистическая система хозяйствования» всегда была обречена на отставание в сфере технологического развития, нуждается в корректировке. Здесь, конечно, возникает вопрос: за счет чего преодолевалось присущее ей «сопротивление новшествам»? Есть мнение, что «отдавая приказы и создавая претенциозные институты» эту проблему не решить⁶⁷. Но, видимо, были и исключения. Целенаправленная политика и специальная «настройка» институтов командной экономики позволяли добиваться самых амбициозных целей. Правда подобный опыт не мог тиражироваться в сколько-нибудь значимых масштабах. И использованные в том же атомном проекте управленческие механизмы, принципы организации и планирования работы, способы мотивации труда носили экстраординарный характер⁶⁸. Они позволили решить конкретную задачу: в кратчайшие сроки был создан вполне конкурентоспособный по мировым меркам сегмент производства. Но это, конечно, не обеспечивало выход страны на траекторию устойчивого экономического роста в длительной перспективе.

Библиография

- Holloway D. Stalin and the bomb: the Soviet Union and atomic energy, 1939–56. New Haven; London, 1994. P. 189–192.
- Josephson P. Red Atom: Russia's Nuclear Power Program from Stalin to Today. New-York, 1999. P. 13–16.
- Артемов Евгений Т. Советский атомный проект в системе «командной экономики» // Cahiers du Monde russe. 2014. № 55/3–4, juillet–decembre. P. 267–294.
- Артемов Е.Т. У истоков советского атомного проекта: академические инициативы // Уральский исторический вестник. 2013. № 4 (41). С. 63–71.
- Артемов Е.Т., Бедель А.Э. Укрощение урана. Екатеринбург, 1999. С. 59, 60.
- Атомный проект СССР: документы и материалы. В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. М., 1998–2010.
- Власова Е.Ю. История советского атомного проекта: историографический обзор: (ч. 1–2) // Приволжский научный журнал. 2010. № 2. С. 176–180; № 3. С. 193–197.
- Гончаров Г.А. Необычайный по красоте физический принцип конструирования термоядерных зарядов // Успехи физических наук. 2005. Т. 175. № 11. С. 1243–1252.
- Гончаров Г.А., Рябев Л.Д. О создании первой отечественной атомной бомбы // Успехи физических наук. 2001. Т. 171. № 1. С. 79–104.
- Грани истории в документах и фотографиях [Электронный ресурс] / Российский федеральный ядерный центр — ВНИИ технической физики им. акад. Е.И. Забабахина. Снежинск, 2009. CD-ROM.
- Дельгадо Д. Атомная бомба: Манхэттенский проект: начало нового отсчета истории человечества. М., 2011. С. 30–40.
- Деятельность Управления СВАГ по изучению достижений немецкой науки и техники в Советской зоне оккупации Германии: 1945–1949 гг.: сб. документов / Отв. ред. В.В. Захаров; сост.: В.В. Захаров, О.В. Лавинская, Д.Н. Нохотович. М., 2007.

- Захаров В.В. Научно-технический трансфер из Германии в СССР в 1945–1949 гг. // Деятельность Управления СВАГ по изучению достижений немецкой науки и техники в Советской зоне оккупации Германии: 1945–1949 гг.: сб. документов / Отв. ред. В.В. Захаров; сост.: В.В. Захаров, О.В. Лавинская, Д.Н. Нохотович. М., 2007. С. 120–122.
- История создания ядерного оружия в СССР: 1946–1953 годы (в документах). В 8 т. / Сост. В.В. Конюк, П.П. Максименко, А.Ф. Пелиненко [и др.]. Саров (Арзамас-16), 1999–2001.
- Круглов А.К. Штаб Атомпрома. М., 1998.
- Литвинов Б.В. Грани прошедшего. М., 2006.
- Наука – техника – управление: сб. тр. Всеамер. конф. по проблемам управления комплексными программами в эпоху научно-технического прогресса. М., 1996. С. 75.
- Николаус Риль в атомном проекте СССР / Авт.-сост. В.Н. Ананийчук. Снежинск, 2011.
- По тревоге: рассказ С.В. Кафтанова в записи Б. Володина // Химия и жизнь. 1985. № 3. С. 6–10.
- Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина: журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком: 1924–1953 гг. // Исторический архив. 1996. № 3. С. 16.
- Рассказ профессора Балезина в записи В. Болдина // Химия и жизнь. 1985. № 6. С. 16–20.
- Смирнов Ю.Н. Сталин и атомная бомба // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 2. С. 125–130.
- Советский атомный проект: Конец атомной монополии. Как это было... Нижний Новгород; Арзамас-16, 1995.
- Сото Х.У. де. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.; Челябинск, 2008.
- Толстиков В.С. Советский атомный проект в отечественной и зарубежной историографии // Вопросы истории. 2013. № 6. С. 161–167.
- Федеральное государственное унитарное предприятие «Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики имени академика Е.И. Забабахина / Г.Н. Рыкованов, Е.Н. Аврорин, Е.Т. Артемов [и др.] // Атомные города Урала. Город Снежинск: энциклопедия / Отв. ред. Е.Т. Артемов, В.Н. Волошин. Екатеринбург, 2009. С. 16, 17.
- Харитон Ю.Б., Бриш А.А. Ядерное вооружение // Вооружение России. Т. 1: Советская военная мощь / Рук. авт. коллектива А.В. Минаев. М., 2010. С. 164.
- Храмкова Е.Л. История советского атомного проекта периода Второй мировой войны в современной российской историографии // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. вып.: Актуальные проблемы истории и археологии. Самара, 2006. С. 99–105.
- Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. М., 2002.
- Чуприн К. Уран по лэнд-лизу // Страна Росатом. 2014. Август. № 29 (157). С. 15.
- Ширков Д.В. Царь – снаряд для атомной артиллерии // Наука из первых рук. 2010. № 2 (32). С. 45–53.
- Яцков А.А., Визгин В.П. У истоков советского атомного проекта: роль разведки: 1941–1946: (по материалам архива внешней разведки России) // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. № 3. С. 97–134.

Примечания

¹ См.: Храмкова Е.Л. История советского атомного проекта периода Второй мировой войны в современной российской историографии // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. вып.: Актуальные проблемы истории и археологии. Самара, 2006. С. 99–105; Власова Е.Ю. История советского атомного проекта: историографи-

- ческий обзор: (ч. 1–2) // Приволжский научный журнал. 2010. № 2. С. 176–180; № 3. С. 193–197; Толстиков В.С. Советский атомный проект в отечественной и зарубежной историографии // Вопросы истории. 2013. № 6. С. 161–167 и др.
- ² Атомный проект СССР: документы и материалы. В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. М., 1998–2010.
- ³ История создания ядерного оружия в СССР: 1946–1953 годы (в документах). В 8 т. / Сост. В.В. Конюк, П.П. Максименко, А.Ф. Пелиненко [и др.]. Саров (Арзамас-16), 1999–2001.
- ⁴ Грани истории в документах и фотографиях [Электронный ресурс] / Российский федеральный ядерный центр – ВНИИ технической физики им. акад. Е.И. Забабахина. Снежинск, 2009. CD-ROM.
- ⁵ См.: Josephson P. Red Atom: Russia's Nuclear Power Program from Stalin to Today. New-York, 1999. P. 13–16.
- ⁶ Атомный проект СССР. 1: 1938–1945. Ч. 1. М., 1998. С. 93.
- ⁷ См.: Артемов Е.Т. У истоков советского атомного проекта: академические инициативы // Уральский исторический вестник. 2013. № 4 (41). С. 63–71.
- ⁸ Советский атомный проект: Конец атомной монополии. Как это было... Нижний Новгород; Арзамас 16, 1995. С. 58.
- ⁹ Гончаров Г.А., Рябев Л.Д. О создании первой отечественной атомной бомбы // Успехи физических наук. 2001. Т. 171. № 1. С. 82.
- ¹⁰ См.: По тревоге: рассказ С.В. Кафтанова в записи Б. Володина // Химия и жизнь. 1985. № 3. С. 8; Рассказ профессора Базелина в записи В. Болдина // Химия и жизнь. 1985. № 6. С. 19.
- ¹¹ Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина: журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком: 1924–1953 гг. // Исторический архив. 1996. № 3. С. 16.
- ¹² Атомный проект СССР. Т. 1. Ч. 1. С. 252; Т. 2. Кн. 2. М.; Саратов, 2000. С. 415–427.
- ¹³ См.: Атомный проект СССР. Т. 1. Ч. 1. С. 259, 260.
- ¹⁴ См.: Яцков А.А., Визгин В.П. У истоков советского атомного проекта: роль разведки: 1941–1946: (по материалам архива внешней разведки России) // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. № 3. С. 107, 108.
- ¹⁵ См.: Дельгадо Д. Атомная бомба: Манхэттенский проект: начало нового отсчета истории человечества. М., 2011. С. 30–40.
- ¹⁶ Атомный проект СССР. Т. 1. Ч. 1. С. 241–245.
- ¹⁷ Там же. С. 267, 268.
- ¹⁸ Атомный проект СССР. Т. 1. Ч. 1. С. 264–266.
- ¹⁹ См.: Круглов А.К. Штаб Атомпрома. М., 1998. С. 11.
- ²⁰ Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. М., 2002. С. 108.
- ²¹ См.: Круглов А.К. Указ. соч. С. 79, 80.
- ²² Атомный проект СССР. Т. 1. Ч. 1. С. 268.
- ²³ Там же. С. 271–274.
- ²⁴ Там же. С. 276–280.
- ²⁵ Там же. С. 306–311.
- ²⁶ Там же. С. 396, 397.
- ²⁷ Цит. по: Яцков А.А., Визгин В.П. Указ. соч. С. 116.
- ²⁸ Атомный проект СССР. Т. 1. Ч. 1. С. 326–328; 335–340.
- ²⁹ Там же. С. 368–374.
- ³⁰ Там же. С. 314.
- ³¹ Наука – техника – управление: сб. тр. Всемер. конф. по проблемам управления комплексными программами в эпоху научно-технического прогресса. М., 1996. С. 75.
- ³² Атомный проект СССР. Т. 1. Ч. 2. М., 2002. С. 71.
- ³³ Там же. Ч. 1. С. 277, 314–316, 319.
- ³⁴ Там же. С. 327.
- ³⁵ Там же. Ч. 2. С. 78, 79.
- ³⁶ См.: Чуприн К. Уран по ленд-лизу // Страна Росатом. 2014. Август. № 29 (157).
- ³⁷ Гончаров Г.А., Рябев Л.Д. Указ. соч. С. 89.

- ³⁸ См.: Яцков А.А., Визгин В.П. Указ. соч. С. 120—122.
- ³⁹ Там же. С. 123.
- ⁴⁰ Атомный проект СССР. Т. 1. Ч. 2. С. 260, 261.
- ⁴¹ Атомный проект СССР. Т. 2. Кн. 1. М.; Саратов, 1999. С. 613—620; 623—629.
- ⁴² Харитон Ю.Б., Бриш А.А. Ядерное вооружение // Вооружение России. Т. 1: Советская военная мощь / Рук. авт. коллектива А.В. Минаев. М., 2010. С. 164.
- ⁴³ Атомный проект СССР. Т. 2. Кн. 1. С. 419.
- ⁴⁴ Цит. по: Смирнов Ю.Н. Сталин и атомная бомба // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 2. С. 128, 129.
- ⁴⁵ Атомный проект СССР. Т. 1. Ч. 2. С. 282—284.
- ⁴⁶ Там же. С. 292, 293, 323, 324, 418; Деятельность Управления СВАГ по изучению достижений немецкой науки и техники в Советской зоне оккупации Германии: 1945—1949 гг.: сб. документов / Отв. ред. В.В. Захаров; сост.: В.В. Захаров, О.В. Лавинская, Д.Н. Нохотович. М., 2007. С. 356—363.
- ⁴⁷ См.: Деятельность Управления СВАГ... С. 390—392.
- ⁴⁸ См.: Захаров В.В. Научно-технический трансфер из Германии в СССР в 1945—1949 гг. // Деятельность Управления СВАГ... С. 120—122.
- ⁴⁹ См.: Атомный проект СССР. Т. 2. Кн. 4. М.; Саратов, 2003. С. 465, 466.
- ⁵⁰ Там же. Т. 2, кн. 1. С. 556; Николаус Риль в атомном проекте СССР / Авт.-сост. В.Н. Ананийчук. Снежинск, 2011.
- ⁵¹ См.: Holloway D. Stalin and the bomb: the Soviet Union and atomic energy, 1939—56. New Haven; London, 1994. P. 189—192; Артемов Е.Т., Бедель А.Э. Укрощение урана. Екатеринбург, 1999. С. 59, 60.
- ⁵² См.: Артемов Е.Т., Бедель А.Э. Указ. соч. С. 75, 120—126.
- ⁵³ См.: История создания ядерного оружия в СССР. 1946—1953 годы... Т. 6. Кн. 1. Саратов (Арзамас-16), 2000. С. 89—91.
- ⁵⁴ См.: Советский атомный проект: Конец атомной монополии... С. 187—192.
- ⁵⁵ Атомный проект СССР. Т. 2. Кн. 7. М.; Саратов, 2007. С. 550, 572, 573, 584—586, 603—605.
- ⁵⁶ См.: Гончаров Г.А., Рябев Л.Д. Указ. соч. С. 96.
- ⁵⁷ См.: Атомный проект СССР. Т. 2. Кн. 7. С. 408, 409, 418.
- ⁵⁸ См.: Ширков Д.В. Царь — снаряд для атомной артиллерии // Наука из первых рук. 2010. № 2 (32). С. 46.
- ⁵⁹ См.: История создания ядерного оружия в СССР: 1946—1953 годы... Т. 1. Кн. 2. Саратов (Арзамас-16), 1999. С. 58.
- ⁶⁰ Литвинов Б.В. Грани прошедшего. М., 2006. С. 333—338.
- ⁶¹ Федеральное государственное унитарное предприятие «Российский федеральный ядерный центр — Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики имени академика Е.И. Забабахина / Г.Н. Рыкованов, Е.Н. Аврорин, Е.Т. Артемов [и др.] // Атомные города Урала. Город Снежинск: энциклопедия / Отв. ред. Е.Т. Артемов, В.Н. Волошин. Екатеринбург, 2009. С. 16, 17.
- ⁶² См.: Гончаров Г.А. Необычайный по красоте физический принцип конструирования термоядерных зарядов // Успехи физических наук. 2005. Т. 175. № 11. С. 1247.
- ⁶³ См.: Атомный проект СССР. Т. 3. Кн. 1. М.; Саратов, 2008. С. 76, 80, 81, 87, 88.
- ⁶⁴ Там же. С. 117.
- ⁶⁵ См.: Там же. С. 122.
- ⁶⁶ Гончаров Г.А. Указ. соч. С. 1250, 1251.
- ⁶⁷ См.: Сото Х.У. де. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.; Челябинск, 2008. С. 142, 143.
- ⁶⁸ См.: Артемов Евгений Г. Советский атомный проект в системе «командной экономики» // Cahiers du Monde russe. 2014. № 55/3—4, juillet-decembre. P. 267—294.

Атомный проект СССР: современная отечественная историография и источники**

Аннотация: В статье описана современная источниковая база истории советского атомного проекта, проанализированы ключевые проблемы, на изучении которых сосредоточено внимание отечественных исследователей, определены основные лакуны и предложены перспективные направления научного поиска в русле обозначенной тематики.

Ключевые слова: атомный проект СССР, ядерно-оружейный комплекс, историография, источники, исследования.

Изучение истории советского атомного проекта ведется на протяжении сравнительно небольшого отрезка времени (около 25 лет), с тех пор как в режиме секретности, сопровождавшем создание ядерного оружия в условиях холодной войны, были сделаны некоторые «послабления». Открылся частичный доступ к источникам, и закономерный интерес к ранее неизученной, но такой важной странице отечественной истории, привел к стремительному росту количества публикаций по данной проблематике. Параллельно появлялись историографические обзоры накопленной литературы. Они становились как частью диссертационных работ, так и предметом самостоятельных публикаций (Э.А. Астафьева, Е.Ю. Власова, И.С. Дровеников, В.Н. Новоселов, В.С. Толстиков, Е.Л. Храмова)¹.

Предлагая свой вариант анализа, объединяющего и обзор источников, и исследований, подчеркнем, что понятие «атомный проект СССР» достаточно многозначно трактуется в отечественной научно-исследовательской литературе. Строго говоря, не существует единого, теоретически обоснованного устоявшегося термина. Скорее, есть сложившаяся практика его использования (по аналогии с понятием «Манхэттенский проект»). Даже в предисловиях к каноническому сборнику документов «Атомный проект СССР...» (о котором речь пойдет ниже) не приводится формулировка этого понятия. Отсутствует она и в большинстве исследований, посвященных этой теме или каким-либо ее аспектам. По умолчанию, наряду с поняти-

* Мельникова Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, Институт истории и археологии УрО РАН, melnatvik@mail.ru; Бедель Александр Эммануилович — кандидат исторических наук, Институт истории и археологии УрО РАН, bedel54@mail.ru

** Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 14–01–00053.

ем «атомный проект СССР» в литературе используются «урановый проект», «атомная (урановая) программа», также как «атомная промышленность (отрасль, индустрия)» синонимичны в исследованиях понятиям «ядерно-оружейный (ракетно-ядерный, ядерно-промышленный) комплекс». Эти понятия употребляются параллельно, как синонимы или как составная часть друг друга. Таким образом, терминологическая неопределенность темы является открытой научной проблемой. Также, как существуют различные подходы к хронологическим границам советского атомного проекта. Есть, например, трактовки, относящие его начало к 1939, 1942 или 1943 г., а окончание — к 1949, 1955 или 1958 г.²; можно встретить и иные варианты.

Мы будем исходить из понимания «атомного проекта СССР» как комплекса спланированных взаимосвязанных мероприятий по созданию отечественного атомного и термоядерного оружия, включая формирование производственной и социальной инфраструктуры. К ней относятся добыча и обогащение урана, получение делящихся и специальных материалов, разработка и создание различных типов ядерных зарядов и боеприпасов, сопровождавшиеся созданием соответствующих научных учреждений и производственных предприятий, а также поселений особого типа — закрытых «атомных» городов. В качестве нижней границы проекта мы предлагаем рассматривать Распоряжение Государственного комитета обороны № 2352сс «Об организации работ по урану» от 28 сентября 1942 г., согласно которому АН СССР должна была «возобновить работы по исследованию осуществимости использования атомной энергии» с целью выявления «возможности создания урановой бомбы или уранового топлива»³. Ограничивая советский атомный проект концом 1950-х гг., мы ориентируемся на основные результаты (достижения) по ключевым направлениям государственной политики в области создания ядерного оружия. К этому времени были разработаны и освоены в промышленных масштабах добыча урановой руды, методы получения плутония и разделения изотопов урана, а также производство лития-6 и трития, необходимых для изготовления термоядерных зарядов; выкристаллизовалось ядро организаций-разработчиков и заводов-производителей серийных образцов ядерных зарядов и ядерных боеприпасов, передаваемых на вооружение.

Исходя из такой трактовки понятия «атомный проект СССР», объектом анализа данной статьи стала соответствующая отечественная исследовательская литература, подготовленная, начиная от рубежа 1980-х — 1990-х гг. до настоящего времени. Вне поля анализа, таким образом, оказываются относительно немногочисленные, но все же имевшие место советские публикации по истории овладения атом-

ной (мирной) энергией, а также книги о жизни ученых-атомщиков и воспоминания о них, которые начали выходить в свет с 1960-х гг. (А.П. Александров, П.Т. Асташенков, Д.И. Блохинцев, Н.И. Головин, В.С. Емельянов, Е.И. Парнов, А.М. Петросьянц, Ю.В. Сивинцев и др.)⁴. Сосредотачиваясь на современной отечественной историографии советского атомного проекта, за скобками мы сознательно оставляем историографию зарубежную, как довольно объемный сюжет, заслуживающий самостоятельного обширного обозрения. В развитие этой темы одним из авторов данной работы подготовлена отдельная статья⁵.

Источниковой базой современных отечественных исследований истории советского атомного проекта стали как опубликованные, так и неопубликованные документы и материалы. Потребность в обеспечении доступа к соответствующим источникам стала очевидна в начале 1990-х гг., когда появились первые публикации по данной теме, ставящие под сомнение состоятельность (и самостоятельность) СССР в создании ядерного оружия. В 1994 г. Президиум Российской академии наук посвятил этой теме одно из своих заседаний, на котором была признана необходимость изучения исторических документов для воссоздания подлинного хода событий⁶. Последовавший годом спустя Указ Президента Российской Федерации «О подготовке и издании официального сборника архивных документов по истории создания ядерного оружия в СССР» (17 февраля 1995 г.) положил начало рассекречиванию и сбору документальных источников по интересующей нас теме.

Итогом этой работы стала публикация ценнейшего комплекса источников «Атомный проект СССР: Документы и материалы»⁷. В общей сложности за 1998—2010 гг. вышло в свет три тома сборника, включающие 12 книг (более 3 тыс. документов), отражающие процесс становления отечественной атомной промышленности в период 1938—1956 гг. Документы выявлены в Архиве Президента РФ, Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве социально-политической истории, Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории, архивах Российской академии наук, Службы внешней разведки, Федерального агентства по атомной энергии, (ныне Госкорпорация «Росатом»), Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики и др. Подавляющее большинство из них впервые опубликовано в данном издании.

В сборнике помещены документы, извлеченные из фондов Государственного комитета обороны, Совета народных комиссаров/Совета Министров СССР, Секретариата и Политбюро ЦК ВКП(б), Президиума ЦК КПСС и его Бюро, разведуправлений Генштаба Красной

Армии и НКВД (НКГБ) СССР, Академии наук СССР, ее отделений, комиссий и научных институтов, Специального комитета и его Технического и Инженерно-технического советов, Первого главного управления (позднее Министерства среднего машиностроения СССР), личных фондов ученых. Представленные источники по видам подразделяются на директивные документы высших государственных и партийных органов (постановления, распоряжения), многочисленные делопроизводственные документы различных организаций и учреждений (протоколы заседаний, приказы, справки, обзоры, отчеты, докладные записки и проч.), деловую переписку. Ряд документов публикуется с приложениями, издание снабжено научно-справочным аппаратом (предисловие, примечания по тексту и содержанию, сведения об упоминаемых адресантах и адресатах и проч.).

Несмотря на то, что документы посвящены преимущественно производству и лишь в незначительной степени затрагивают социальные аспекты проекта, это уникальный источник. Его использование является обязательным при изучении процесса реализации атомного проекта СССР и шире — становления отечественного военно-промышленного комплекса, развитие которого являлось главным приоритетом советской послевоенной экономической политики. Кроме того, содержащиеся в публикации документы позволяют реконструировать многие принципиальные особенности советской модели организации общественного производства: от выработки стратегических решений до планирования деятельности отдельных предприятий.

Весомым дополнением к опубликованным документам являются 8 томов архивных материалов (в двенадцати книгах), находящихся на хранении в отделе фондов Российского федерального ядерного центра — Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (РФЯЦ-ВНИИЭФ, г. Саров)⁸. Издание осуществлено по указанию первого заместителя министра по атомной энергии Л.Д. Рябева (от 13 августа 1996 г.). При его составлении специалистами рассмотрено свыше 150 тысяч листов архивных документов и предложено к изданию около пяти тысяч листов.

Удалось подготовить собственную многотомную подборку материалов в Российском федеральном ядерном центре — ВНИИ технической физики им. акад. Е.И. Забабахина (РФЯЦ-ВНИИТФ, г. Снежинск), отражающих историю создания, разработки и производства ядерного оружия, ряд томов которой сегодня рассекречен и издан на электронном носителе. Электронное издание «Грани истории в документах и фотографиях» содержит три раздела: «Научно-информационный обзор о РФЯЦ-ВНИИТФ», «История создания, развития и деятельность ВНИИТФ», «Галерея ведущих специали-

стов института». В раздел «История создания, развития и деятельность ВНИИТФ» входит 6 томов (23 книги)⁹. В первых пяти томах сосредоточены очерки, биографические справки и документальные свидетельства, каждый их которых охватывает соответствующий пятилетний этап деятельности Института с 1955 по 1985 гг. Шестой дополнительный том включает непосредственно публикации документов: выписки из приказов, указаний, распоряжений Министерства среднего машиностроения, Главного управления и руководства Института. К документам и выдержкам из них составлены комментарии. Данные материалы отражают деятельность Института в широком контексте разработки и реализации важнейших оборонных программ Советского Союза. С некоторыми возможностями фондов Архивной службы РФЯЦ-ВНИИТФ знакомит публикация документов, совместно подготовленная специалистами ВНИИТФ и Института истории и археологии УрО РАН, которая показывает, что у истоков ряда решений, имевших принципиальное значение для экономики страны, стояли коллективы разработчиков «специальных изделий»¹⁰.

С некоторыми документами, отражающими роль академической науки в реализации советского атомного проекта, знакомит электронная публикация «Атомная эра: вклад Академии наук», подготовленная по материалам Архива РАН и размещенная на сайте Российской академии наук¹¹. Ресурс посвящен периоду, начиная с двадцатых годов XX в. и до создания первой атомной бомбы в СССР. Он содержит обзорную статью, иллюстрированную сканированными архивными фотографиями и подлинниками документов. Последние, к сожалению, представлены только первой страницей, что не позволяет полноценно воспользоваться документальными источниками, но показывает потенциал архива в отношении данной темы. Web-публикация продублирована электронной книгой (CD) в комплексе с полиграфическим изданием¹².

Богатый конкретно-исторический материал по теме содержит различная справочная литература (в том числе биографического характера): некоторые издания первоначально готовились только для служебного пользования и лишь позднее стали достоянием общественности (как «Справочные материалы по истории развития атомной промышленности СССР» (1982) и «Справочные данные о руководителях РФЯЦ-ВНИИЭФ» (2000), о которых пишет исследователь из Сарова Э.А. Астафьева¹³), другие сразу были рассчитаны на обнародование¹⁴.

Особую группу составляют источники личного характера — обширная мемуарная и автобиографическая литература. Ее издание активизировалось со второй половины 1980-х гг., когда свидетельства видных деятелей советского атомного проекта, а также публи-

кации, посвященные их жизни и деятельности получили возможность быть обнародованными¹⁵. Одновременно стали появляться публикации по истории градообразующих объектов закрытых атомных городов, во многом основанные именно на воспоминаниях ветеранов¹⁶. Эта группа источников мемуарной направленности отчасти носит исследовательский характер: в них есть ссылки или даже публикации документов, привлекаются другие мемуары и литература. Специалисты относят подобные публикации к особому виду исторических исследований — суррогатов¹⁷. Из-за этой двойственности одно и то же подобное издание часто оказывается классифицированным разными авторами и как источник, и как исследование.

Неопубликованные источники сосредоточились не только в центральных архивах (уже упоминаемых выше в связи со сборником «Атомный проект СССР»), но и в региональных и местных. Среди региональных — Государственный архив Новосибирской области, Центр документации общественных организаций Свердловской области, Объединенный государственный архив Челябинской области, Государственный архив административных органов Свердловской области, Государственный архив Красноярского края, Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края, Центр документации новейшей истории Томской области и другие, а также местные архивы администраций и городские архивы закрытых городов Госкорпорации «Росатом». В этих архивах хранятся делопроизводственные нормативные, протокольные, информационные, учетно-отчетные документы партийных, советских и хозяйственных органов. Среди них: протоколы заседаний, справки, отчеты политотделов; протоколы общегородских партийных и комсомольских конференций и собраний, партконференций градообразующих и других предприятий и учреждений закрытых городов; протоколы пленумов, заседаний бюро ГК КПСС, справки партийных комиссий по подготовке вопросов к пленумам и заседаниям бюро; протоколы заседаний городских Советов народных депутатов; деловая переписка; статистические данные (например, социальный паспорт города). Особой разновидностью делопроизводственных документов являются письма жителей закрытых городов в центральные, областные и городские партийные органы. Это ценный источник для исследований, проводимых в русле социальной истории.

Архивные коллекции предприятий атомной отрасли отложились в отделе фондов научно-технической и управленческой документации РФЯЦ-ВНИИЭФ (г. Саров), в группах фондов Производственного объединения «Маяк» (г. Озерск), Уральского электрохимического комбината (г. Новоуральск), комбината «Электрохимприбор»

(г. Лесной), Сибирского химического комбината (г. Северск), Горнохимического комбината (г. Железногорск) и других предприятий. Здесь важным источником являются делопроизводственные документы и материалы по основной деятельности градообразующих предприятий (приказы и распоряжения руководства, протоколы заседаний производственных и научных комиссий, отчеты, переписка с вышестоящими организациями и проч.), а также их профсоюзных организаций.

В собраниях местных краеведческих музеев или музеев градообразующих предприятий можно ознакомиться с неопубликованными рукописями воспоминаний, коллекциями фотографий, обнаружить такие редкие для этих городов источники, как, например, результаты социологических исследований.

Часть документов из фондов указанных архивов прошла процедуру рассекретивания, что позволяет использовать их в исследовательской работе (в меньшей степени это касается архивных документов градообразующих предприятий, которые в подавляющем большинстве остаются секретными). Однако, что касается проведения изысканий в закрытых атомных городах, остается проблема доступа в эти города (куда необходимо оформлять «пропуск» через службы режима) и доступа к расположенным в них архивам, который иногда по своему усмотрению регулируют местные власти (особенно, это может быть ощутимо для человека, не принадлежащего к «системе»).

Тем не менее, открывшийся в постсоветское время доступ (хотя и лимитированный действующей разрешительной системой) к ранее секретным архивным фондам, публикация серий исторических документов, принципиально расширили источниковую базу и дали возможность изучать различные аспекты истории советского атомного проекта.

Из общего числа работ по интересующей нас теме следует акцентировать внимание на подготовленных специалистами отрасли¹⁸. Преобладание исследовательских обобщений над собственно воспоминаниями в структуре большинства изданий, указанных в ссылке дало нам основание для их обособления от мемуаров. Широкое использование документальных источников, знание темы, «взгляд изнутри» выделяют эти произведения на фоне довольно большого количества отечественных популярных публикаций по истории атомного проекта. Следует учесть, что отличительной особенностью некоторых из них является определенный технократизм, наличие специальных терминов в описании событий. Однако это ничуть не умаляет их значения в историографическом комплексе литературы об атомном проекте. Напротив, здесь впервые представлены авторские варианты хронологии событий становления и развития отечественной атомной промышленности в 1940-е — 1990-е гг.

Раскрывается роль ученых и руководителей «высшего звена» в создании атомного оружия и космической ядерной техники, в сооружении атомных военно-промышленных объектов. Показывается деятельность отдельных научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и различных предприятий, участвовавших в разработке изделий и материалов, необходимых для создания ядерного оружия. Приведены описания основных аварий в атомной индустрии и их последствий. Ценность публикаций, написанных специалистами атомной отрасли, очень высока — они содержат богатый фактический материал, и их изучение позволяет историкам правильно понять вектор трансформации исследуемого объекта.

Важные обобщения касательно рассматриваемой нами темы содержатся в специальных исследованиях по истории военно-промышленного комплекса СССР (Н.С. Симонов, И.В. Быстрова), в том числе, его регионального среза (10 закрытых городов, где сосредоточены основные элементы производственной инфраструктуры отрасли)¹⁹. В «объективе» исследователей — вопросы о том, что представлял собой советский военно-промышленный (или более используемый сейчас термин — оборонно-промышленный) комплекс, какую роль он играл в экономике страны и отдельных регионов. Проблемы отечественного ВПК раскрываются, в том числе, и через процесс формирования атомной промышленности, которая, как подчеркивают авторы, символизирует и отражает суть военно-промышленного комплекса. В работах показана высокая эффективность мобилизационной экономики СССР при реализации атомного проекта, создании ракетной и радиоэлектронной промышленности. Историки, среди прочего, затрагивают некоторые технические, технологические, экономические аспекты атомного проекта. В частности, Н.С. Симонов впервые рассматривает аспект финансовых затрат на реализацию атомного проекта и их экономическую целесообразность. Однако, это только постановка проблемы, в исследовании которой сделаны лишь первые шаги²⁰.

В освещаемый период разгорелась острая полемика о роли советской атомной разведки в урановом проекте, которая по сути своей тесно связана с вопросом аутентичной эффективности как отечественной науки, так и отечественной экономики. Проблематике заимствования в атомном проекте СССР посвящено большое количество публикаций (В.И. Андриянов, А.И. Дамаскин, Н.М. Долгополов, Н.А. Зенькович, В.И. Лота, П.П. Судоплатов, В.М. Чиков)²¹. Существенная часть из них написана ветеранами разведки. Авторы опираются на собственные воспоминания, рассекреченные материалы, интервью, письма непосредственных участников, частные коллекции документов. В опреде-

ленной степени можно говорить о существовании самостоятельного подхода, взгляда на историю атомной промышленности в СССР с позиций спецслужб. Внутри этого подхода с течением времени эволюционировали оценки и суждения, отстаиваемые авторами. Первые опубликованные исследования доказывали, что важнейшие стратегические сведения по созданию атомной бомбы были получены агентами от ведущих зарубежных учёных, заинтересованных в поддержании мирового равновесия сил. Такая оценочная позиция, по сути, отказывала советским ученым-ядерщикам в оригинальности и самостоятельности научной мысли. В результате развернувшейся дискуссии о соотношении вклада разведчиков и ученых в создание советского ядерного оружия, исследовательское сообщество пришло к соглашению, что данные разведслужб были важны. Но не как таковые, сами по себе, а прежде всего тем, что существенно сэкономили время и финансовые затраты, поскольку «легли» на оригинальные достижения советских физиков, уже имевшиеся к тому периоду.

При изучении всего комплекса проблем, связанных с историей советского атомного проекта, важным является вопрос о системе управления и руководства. Единственное моноисследование, посвященное становлению органов управления атомной промышленности (до 1953 г.), выполнено московским историком В.В. Полуниным²²: автором проанализированы предпосылки их создания, обстоятельства организации и деятельности Специального комитета при Совмине СССР и органов оперативного управления (Первое и Второе главные управления). Организационно-административная конструкция разбирается и в сравнительно-типологических исследованиях процессов воплощения советского и американского атомных проектов, проведенных в середине прошлого десятилетия²³. Также некоторые вопросы управления атомной отраслью рассматривают исследователи истории ВПК И.В. Быстрова, И.М. Савицкий, Н.С. Симонов и другие, показывая прежде всего ее структуру и некоторые особенности формирования²⁴. Кроме историков ВПК эти проблемы поднимают специалисты по научно-технической политике в СССР (Е.Т. Артемов, А.Б. Безбородов и др.), анализируя своеобразие организационной системы и соотношение ее элементов сквозь призму политических, экономических и научно-технических ориентиров развития страны²⁵. В целом, эта тема находится еще в начале своего пути и развивается в направлении от констатации структурных составляющих к углубленному анализу политических подтекстов, процесса принятия и реализации решений, к оценке позиций в этом вопросе различных властных и управленческих структур, к раскрытию механизмов функционирования атомной программы.

В последние годы растет интерес к теме сырьевой базы атомного проекта: описаны мероприятия по поиску урана в Сибири, на Дальнем Востоке, в Восточном Туркестане, Саксонии. Авторы анализируют деятельность правительственных структур, геологоразведочных организаций по поиску и освоению руд, необходимых для производства ядерного и термоядерного оружия²⁶.

Другой важный сюжет, составляющий мозаику исследований советского атомного проекта, это вклад НКВД-МГБ в создание атомной отрасли — работы, выполненные, в том числе, и в «дружественных» с исторической наукой дисциплинах (Ж.А. Медведев, В.Ф. Некрасов М.А. Чубукова)²⁷. Исследователей объединяет стремление выяснить масштабы влияния органов госбезопасности и значимость их участия в советском атомном проекте. С этой темой неразрывно связана тема о Л.П. Берии, его роли и личном вкладе в реализацию атомного проекта. Набирают силу исследования (как биографии, так и специальные работы по теме, говоря условно, «Берия и атомный проект»), авторы которых отказываются от оценки этого исторического деятеля как одиозной личности и стремятся показать его важное значение в качестве куратора «проблемы № 1»²⁸.

К сюжету об НКВД примыкает вопрос о строителях атомных объектов: их составе, численности на разных этапах, соотношении гражданских строителей, военных строителей, заключенных, ссыльных, спецпереселенцев, условиях их труда и проч.²⁹ Его разработка (впрочем, как и многих других аспектов истории атомного проекта СССР) тоже начиналась сенсационно — с акцента на строительстве объектов атомной отрасли исключительно «на костях» заключенных. Этой точке зрения противостоит более взвешенный подход, в соответствии с которым заключенные предстают как важная, но не единственная строительная сила, условия содержания которых не были варварскими. В целом, несмотря на усилия авторов, вопросы о роли и степени участия в атомном проекте НКВД СССР, равно как и о строительных контингентах, все же остаются открытыми, поскольку большая часть архивных документов продолжают носить гриф секретности.

В исследовательской литературе современного этапа впервые возникает тема региональной составляющей советского атомного проекта, раскрытия ее вклада в создание атомного оружия и формирования ядерной отрасли промышленности. Пионерами здесь стали исследователи из Сарова (Арзамас-16)³⁰, затем к ним присоединились ученые Урала (образовав некий исследовательский кластер), чуть позже — Сибири, создавшие добротные выполненные региональные изыскания. На примере истории градообразующих

предприятий системы закрытых атомных городов исследователями рассматриваются научные, технические, политико-экономические и экологические аспекты советского атомного проекта³¹.

Самостоятельной исследовательской тематикой становятся социокультурные аспекты отечественного атомного проекта³². Микроисторическая реконструкция повседневных практик, поведенческих паттернов, ценностно-мотивационных ориентаций участников атомного проекта вносит свою лепту в понимание его принципов, средств и механизмов организации работы.

Вопрос «цены» атомного оружия, долгосрочных результатов его создания поднимался в публикациях В.В. Алексеева, Г.А. Комаровой, Б.В. Литвинова, В.Н. Новоселова, В.С. Толстикова³³. Намечена тема и долговременных положительных последствий реализации атомного проекта для страны (атомный проект — «локомотив» технического прогресса)³⁴. В большей части случаев тематика негативных последствий производства ядерного оружия (и шире — использования атомной энергии) чаще звучит в работах отечественных политологов, юристов, медиков, экологов и биологов, чем историков.

Таким образом, несмотря на достаточно большое количество публикаций по истории советского атомного проекта и определенные достижения в его исследовании, приходится констатировать некоторую фрагментарность в его изучении. Часто он является лишь составным компонентом работ (по истории разведки, оборонно-промышленного комплекса, научно-технической политики и проч.), а не самостоятельным объектом научных изысканий. Существенное число произведений не являются фундаментальными историческими исследованиями, выполненными профессиональными историками³⁵. Они действительно приводят разнообразный фактический материал (что может быть хорошо для популяризации темы), но имеют публицистическое или даже художественное изложение, в той или иной мере страдают субъективизмом, поскольку опираются в большей степени на воспоминания, чем на документальные источники, не имеют соответствующего научно-справочного аппарата. Как справедливо подчеркивает Дэвид Холлоуэй, «история советского [атомного] проекта насыщена сведениями сомнительной надежности»³⁶.

Кроме проблем научности работ по данной тематике, репрезентативности материалов и — все еще — обеспеченности источниками, остаются и существенные пробелы в содержательном плане. С этим связаны дальнейшие исследовательские приоритеты и перспективные направления. Во-первых, для конкретизации объекта изучения необходима теоретическая проработка понятий «атомный проект», «атомная программа», «атомная промышленность», «ядерно-ору-

жейный комплекс», их смыслового наполнения, структурных элементов и соотношения. Без теоретического «наполнения» по сути сформировавшееся самостоятельное историческое исследовательское направление не может двигаться дальше. К проблемам терминологии тесно примыкает вопрос о границах, хронологических рамках и периодизации (когда был начат и закончен атомный проект (или он еще длится?), каковы этапы его развития и проч.). Нет ясного комплексного представления о механизмах реализации проекта: целях, задачах, планировании, организации работ и, особенно, финансировании, а также их трансформации во времени. Каковы основные компоненты успеха в создании в рамках отечественного атомного проекта принципиально новых научных направлений, технологий и техники, отраслей промышленности? Только ли «приоритетное финансирование» или участие НКВД, или заинтересованность ученых в «чистой» научной задаче, или удачно выстроенная форма взаимодействия власти и науки, или все вместе взятое, но тогда каков ранжир и пропорции элементов? Отсутствует системное видение эффективности использовавшихся путей (способов) его реализации и долгосрочных последствий. Необходимо определить, каков был баланс затрат и последствий, преследуемых целей и реально достигнутых результатов. Социальная, демографическая и, в целом, антропологическая составляющие проекта, представленные крайне слабо, требуют последующей проработки.

Для решения этих задач необходимо дальнейшее расширение источниковой базы исследования. Многие комплексы документов все еще остаются закрытыми для изучения (например, часть документов Архива Президента РФ, касающихся истории атомной промышленности, материалы «Центратомархива»). Ограничен доступ к фондам региональных и местных архивов, содержащих соответствующие коллекции источников. Необходима адекватная интерпретация документальных и иных свидетельств, используемых для реконструкции исторического процесса. Таким образом, обобщающий фундаментальный подлинно научный труд по истории создания атомной отрасли СССР еще ждет своего автора (авторов). Все это актуализирует задачу углубленного изучения истории советского атомного проекта.

Библиография

- А.П. Завенягин: страницы жизни / Авт.-сост. В.Я. Важнов. М., 2002.
Академик Лев Андреевич Арцимович (воспоминания, статьи, документы). М., 2009.
Александров П.А. Академик Анатолий Петрович Александров. Прямая речь. М., 2001.
Алексеев В.В. Атомный комплекс в контексте истории России. Екатеринбург, 1999.

- Андрюшин И.А., Чернышев А.К., Юдин Ю.А. Укрощение ядра. Страницы истории ядерного оружия и ядерной инфраструктуры СССР. Саров; Саранск, 2003.
- Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднейиндустриальной модернизации. М., 2006.
- Артемов Е.Т. У истоков советского атомного проекта: академические инициативы // Уральский исторический вестник. 2013. С. 63–71.
- Артемов Е.Т., Бедель А.Э. Укрощение урана. Екатеринбург, 1999.
- Артемов Е.Т., Волошин Н.П., Литвинов Б.В., Никитин В.И. «В целях усиления работ» // Уральский исторический вестник. 2008. № 3. С. 38–58.
- Астафьева Э.А. Начало реализации ядерного проекта: анализ источников // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. Н. Новгород, 2003. С. 264–270.
- Астафьева Э.А. Осуществление атомного проекта в СССР. 1942–1949 гг. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2008.
- Астафьева Э.А. Реализация советского атомного проекта в 1942–1949 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2008.
- Атомная отрасль России: события, взгляд в будущее. М., 1998.
- Атомная эра: вклад Академии наук. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gas.ru/atom/about.aspx>.
- Атомное оружие России. Биографическая энциклопедия. М., 2012.
- Атомные города Урала. Город Лесной: энциклопедия / Под общ. ред. В.В. Алексеева, Г.Н. Рыкованова, отв. ред. Н.В. Мельникова, С.А. Рясков. Екатеринбург, 2012.
- Атомные города Урала. Город Снежинск: энциклопедия / Под общ. ред. В.В. Алексеева, Г.Н. Рыкованова, отв. ред. Е.Т. Артемов, Н.П. Волошин. Екатеринбург, 2009.
- Атомный век. События, люди, дела. М., 2005.
- Атомный век. Хроника и фотографии. М., 2010.
- Атомный город: путь в будущее (Посвящается 50-летию города Трехгорного). Екатеринбург: УрГЭУ, 2002.
- Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Москва; Саров, 1998–2010.
- Афиани В.Ю. Электронные публикации исторических документов из фондов Архива РАН и других академических учреждений на портале Академии наук (www.gas.ru) // Информационное обеспечение науки: новые технологии. Сб. науч. тр. / Под ред. Н.Е. Каленова. М., 2011. С. 254–259.
- Бедель А.Э. «Заводская» наука в атомном проекте СССР // Уральский исторический вестник. 2008. № 3. С. 31–37.
- Безбородов А.Б. Власть и научно-техническая политика в СССР сер. 50-х — сер. 70-х гг. М., 1997.
- Брохович Б.В. Химический комбинат «Маяк». История. Серпантин событий. (Воспоминания). Озерск, 1996.
- Буданов А.В. Высшие и центральные органы управления оборонно-промышленного комплекса СССР в 1957–1965 гг. // Оборонно-промышленный комплекс России: прошлое и настоящее. Материалы между. науч.-практ. конф. Челябинск, 2010. С. 56–74.
- Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (вторая половина 1940-х — начало 1960-х годов). М., 2000.
- Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980 гг.). М., 2006.
- Веретенников А.И. На службе атому. М., 2000.
- Визгин В.П. К исследованию феномена советской физики 1950–1960-х гг. Социокультурные и междисциплинарные аспекты / Сост. и ред. В.П. Визгин, А.В. Кесених, К.А. Томилин. СПб., 2014.
- Визгин В.П. О двух подходах к сравнительному анализу национальных атомных проектов // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Годичная научная конференция. 2005. М., 2005. С. 279–281.

- Визгин В.П. Этнос ученого-ядерщика: истоки и формирование (1940–1950-е гг., на материале истории советского атомного проекта) // *Философия науки*. Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. М., 2005. С. 261–276.
- Власова Е.Ю. История советского атомного проекта. Историографический обзор. Часть I // *Приволжский научный журнал*. 2010. № 2. С. 176–180.
- Власова Е.Ю. История советского атомного проекта. Историографический обзор. Часть II // *Приволжский научный журнал*. 2010. № 3. С. 193–197.
- Власова Е.Ю. Создание и становление первого закрытого научно-технического центра советского атомного проекта. Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2011.
- ВНИПИЭТ: годы свершений / Авт.-сост. К. Рендель. СПб., 2007.
- Воспоминания о И.Е. Тамме / Отв. ред. Е.Л. Фейнберг. М., 1995.
- Воспоминания об академике И.К. Кикоине. М., 1991.
- Воспоминания об академике Л.А. Арцимовиче. М., 1988.
- Воспоминания об Игоре Васильевиче Курчатове / Отв. ред. А.П. Александров. М., 1988.
- Гапонов Ю.В. Игорь Васильевич Курчатов (1903–1960). Жизненный путь (К столетию со дня рождения) // *Физика элементарных частиц и атомного ядра*. 2003. Т. 34. Вып. 3. С. 527–546.
- Гладышев М.В. Плутоний для атомной бомбы: директор плутониевого завода делится воспоминаниями. Челябинск-40, 1992.
- Гоголь В.А., Андриянов В.И. Бомба для Сталина. Внешняя разведка России в операциях стратегического масштаба. М., 1993.
- Гончаров В.В. Первые (основные) этапы решения атомной проблемы в СССР. М., 1990.
- Гончаров Г.А., Рябев Л.Д. О создании первой отечественной атомной бомбы. Саров, 2009.
- Грабовский М.П. Атомный аврал. М., 2001.
- Грабовский М.П. Плутониевая зона. М., 2001.
- Гресь С.И. Оборонная промышленность Челябинской области в 1946–1950-е гг.: организационно-производственные и социальные аспекты. Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2012.
- Губарев В.С. Арзамас-16. М., 1992.
- Губарев В.С. Атомная бомба. Хроника великих открытий. М., 2009.
- Губарев В.С. Белый архипелаг Сталина. М., 2004.
- Губарев В.С. Челябинск-70. М., 1993.
- Губарев В.С. Ядерный век. Бомба. М., 1995.
- Долгополов Н.М. Гении внешней разведки М., 2004.
- Долгополов Н.М. Они украли бомбу для Советов. М., 2000.
- Домаренко В.А., Рихванов Л.П., Молчанов В.И., Поцелуев А.А. Очерки по истории изучения радиоактивности и становления урановой геологии в Центральной Сибири // *Известия томского политехнического университета*. 2008. № 1. Т. 312. С. 82–87.
- Дровеников И.С. История советского атомного проекта: новые источники // *Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН*. Годичная конференция, 2009. М., 2009. С. 265–268.
- Дровеников И.С. Проблемы компаративного анализа истории национальных атомных проектов // *Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН*. Годичная научная конференция. 2004. М., 2004. С. 330–332.
- Дьяченко А.А. Ополненные в борьбе при создании ядерного щита Родины / Под общ. ред. В.Н. Михайлова. М., 2008.
- Е.П. Славский. 100 лет со дня рождения. М., 1999.
- Е.П. Славский. Страницы жизни. М., 1998.
- Елфимов Ю.Н. Маршал индустрии: Биографический очерк об А.П. Завенягине. Челябинск, 1991.
- Емельяненко А.Ф. Архипелаг СРЕДМАШ. М., 2000.

- Жарков О.Ю. Система управления производством плутония на химическом комбинате «Маяк» в 1945—1990 г. Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2012.
- Железногорск (Красноярск-26). Красноярск, 2000.
- Журавлев П.А. Мой атомный век. О времени, об атомщиках и о себе. М., 2003.
- Жучихин В.И. Первая Атомная: записки инженера-исследователя. М., 1993.
- Завалишин Ю.К. Ядерное сдерживание. Взгляд директора серийного завода ядерных боеприпасов. Саров; Саранск, 2012.
- Завенягина Е.А., Львов А.Л. Завенягин. Личность и время. М., 2006.
- Завод, люди, судьбы. Полвека в ядерной индустрии России. Новосибирск, 2005.
- И.К. Кикоин— Физика и Судьба / Отв. ред. С.С. Якимов. М., 2008.
- Илькаев Р.И. Основные этапы Атомного проекта // Успехи физических наук. 2013. Т. 183. № 5. С. 528—534.
- Иойрыш А.И. Бомба. М., 2000.
- Иойрыш А.И. Морохов И.Д., Иванов С.К. А-бомба. М., 1990.
- Иойрыш А.И. Ядерный джинн. М., 1994.
- История города Лесного: Эпоха и люди. Екатеринбург, 2000.
- История советского атомного проекта: документы, воспоминания, исследования. В 2-х вып. / Отв. ред. В.П. Визгин. М., 1998—2002.
- История создания ядерного оружия в СССР 1946—1953 годы (в документах). В 8 т. / Сост. В.В. Конюк, П.П. Максименко, А.Д. Пелипенко, А.Б. Сельверов, Г.А. Соснин, В.С. Кострыкин. Саров (Арзамас-16), 1999—2001.
- История создания, развития и деятельность ВНИИТФ // Грани истории в документах и фотографиях [Электронный ресурс] / Российский федеральный ядерный центр — ВНИИ технической физики им. акад. Е.И. Забабахина. Снежинск, 2009. 1 CD-ROM.
- Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / Под ред. А.К. Соколова. М., 2004.
- Киселев Г.В. Участие Л.Д. Ландау в советском Атомном проекте (в документах) // Успехи физических наук. 2008. Т. 178. № 9. С. 947—990.
- Комарова Г.А. Люди и радиация: этнокультурные аспекты экологического бедствия на Южном Урале // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 122. М., 1999.
- Конструктор в атомной проблеме: Книга о Давиде Абрамовиче Фишмане / Авт.-сост. С.Т. Брескун, В.М. Воронов. Саров, 2007.
- Кочарянец С.Г., Горин Н.Н. КБ-11 (Арзамас-16): Несколько страниц истории создания атомного центра. Арзамас-16, 1992.
- Круглов А.К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. М., 1995.
- Круглов А.К. Штаб Атомпрома. М., 1998.
- Кудряшов Н.А. Берия и советские ученые в атомном проекте. М., 2013.
- Кузнецов В.Н. Атомный проект за ключей проволокой. Екатеринбург, 2004.
- Кузнецов В.Н. Цена свободы — атомная бомба. Екатеринбург, 2005.
- Куличков Г.Д. ВНИИЭФ. Исторический очерк (1946—1992). Саров, 1998.
- Куличков Г.Д. Саров: хроника событий (1946—2000). Справочник. Саров, 2004.
- Курапова Е.С. Могут ли спецслужбы заменить Академию наук? Обсуждение в Президиуме РАН // Вестник Российской академии наук. 1994. Т. 64. № 11. С. 969—980.
- Курчатовский институт. История атомного проекта. Выпуски № 1—16. М., 1995—1998.
- Кучин С.П. Полянский ИТЛ (Гулаг уголовный). Железногорск, 1999.
- Лев и атом. М., 2003.
- Лесной: история закрытого города. Екатеринбург, 1997.
- Литвинов Б.В. Атомная энергия не только для военных целей. Екатеринбург, 2002.
- Литвинов Б.В. Грани прошедшего (триптих). М., 2006.
- Лота В.И. ГРУ и атомная бомба. М., 2002.
- Матюшкин В.Ф. Повседневная жизнь Арзамаса-16. М., 2007.
- Мельникова Н.В. Творцы советского атомного проекта в режимных городах // Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов. М., 2009. С. 49—96.
- Мельникова Н.В. Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург, 2006.

- Михайлов В.Н. Я — ястреб: воспоминания, публикации, интервью. М., 2008.
- Награды отечества. 1949—2004 / под общ. ред. Р.И. Илькаева. Саров, 2006.
- Наука и общество: история советского атомного проекта (1940—1950 гг.). В 3-х вып. М., 1997—2003.
- Некрасов В.Ф. НКВД—МВД и атом: Судьбы. События. Документы и др.. М., 2007.
- Новикова Т.А. Создание ядерного оружия в США и СССР. Общие и особенные черты: 1939—1949 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
- Новоселов В.Н. Историография создания атомной промышленности в СССР // Выдающиеся представители общественно—политической и духовной жизни Урала: тезисы докл. регион. науч. конф. / Сост. Н.А. Ваганова. Челябинск, 1997. С. 111—114.
- Новоселов В.Н. Источниковая база изучения проблемы создания атомной промышленности на Урале // Выдающиеся представители общественно—политической и духовной жизни Урала: тезисы докл. регион. науч. конф. / Сост. Н.А. Ваганова. Челябинск, 1997. С. 108—110.
- Новоселов В.Н. Создание атомной промышленности на Урале. Челябинск, 1999.
- Новоселов В.Н., Толстиков В.С., Клепиков А.И. История Южно-Уральского управления строительства. Челябинск, 1998.
- Новоселов В.Н., Толстиков В.С. Атомный след на Урале. Челябинск, 1997.
- Новоселов В.Н., Толстиков В.С. Тайны «сороковки». Челябинск, 1995.
- Обухов В.Г. Уран для Берии. Восточный Туркестан в Атомном проекте Кремля. М., 2010.
- Оружие и технологии России. Энциклопедия. XXI век. Том 14. Ядерный оружейный комплекс. М., 2007.
- Первопроходцы: книга памяти [сб. биогр. сведений персонала первого промышленно-уран-графитового атомного реактора «А» периода с 1946 по декабрь 1948 гг.] / ред. Б.Н. Ентяков. Озёрск. Челябинск, 2011.
- Пестов С. Три ада XX век. В 2 т. М., 2001.
- Петросьянц А.М. Дороги жизни, которые выбрали нас. М., 1993.
- Пичугин В.В., Полуниин В.В., Цветков Б.М. Атом в «солдатской шинели» // Новые промышленные технологии. 2005. № 2. С. 3—6.
- Полуниин В.В. Органы управления атомной промышленностью СССР. 1945—1953 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
- Пронягин П.Г. Урал. Три периода (трилогия). Екатеринбург, 2007.
- Пузевич Н.И., Волкова Н.Н. Военно-промышленный комплекс: создание минерально-сырьевой базы урана в Восточной Сибири (1940—1960-е гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2013. С. 239—247.
- Пятов Е.А. Стране был нужен уран. М., 2005.
- Ради мира на земле. Исторические очерки о Сибирском химическом комбинате. Томск, 1999.
- Разбуженный атом. 50 лет НЗХК. 1948—1998. Новосибирск, 1998. История Северска. Томск, 1999.
- Раскрывая первые страницы. К истории города Снежинска (Челябинска-70) / Авт.-сост. Б.М. Емельянов. Екатеринбург, 1997.
- Реут Г.А. Закрытые административно-территориальные образования Сибири: социализм за колючей проволокой. Красноярск, 2012.
- Решетников Ф.Г. Этапы большого пути: 55 лет в Минатоме. М., 2001.
- Родин А.М. Л.П. Берия в Атомном проекте // Военно-исторический журнал. 2012. № 9. С. 60—67.
- Родькин Д.В. Битва за атом. Уральский фронт // Уральский исторический вестник. 2013. № 4. С. 73—77.
- Расов С.А. Социокультурное развитие закрытых городов Урала (вторая половина 1940—х — середина 1980—х гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.
- Савельев В.Р. Секреты зеленых гор. Красноярск, 2001.
- Савицкий И.М. Вклад оборонной промышленности Сибири в создание ракетно-ядерного щита СССР в годы «холодной войны» (1946—1965 гг.). Новосибирск, 2011.

- Савицкий И.М. Оборонная промышленность Новосибирской области. Опыт послевоенного развития (1946—1963 гг.). Новосибирск, 2003.
- Савицкий И.М. Создание сырьевой базы атомной промышленности на Дальнем Востоке (1946—1965 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 54—58.
- Савицкий И.М. Создание сырьевой базы для атомной промышленности в Сибири в период «холодной» войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 72—75.
- Севрюк Н.А. Разработка и реализация атомных проектов СССР и США: 1939—1949 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005.
- Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996.
- Синев Н.М. Обогащенный уран для ядерного оружия и энергетики. М., 1991.
- Слово о Забабахине. Сборник воспоминаний. М., 1995.
- Слово о приборостроителе / Сост. П. Щедрин. Трехгорный, 1995.
- Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. М., 1999.
- Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было / Е.А. Негин, Л.П. Голуцова, Г.Д. Куличков, П.П. Максименко. Н. Новгород: Арзамас-16, 1995.
- Создание первой советской ядерной бомбы / Под ред. В.Н. Михайлова. М., 1995.
- Создатели ядерного оружия. КБ-11 (РФЯЦ-ВНИИЭФ) / В.Т. Солгалов, Э.А. Астафьева, О.А. Погодина. В 3 т. Саров, 2004—2006.
- Соколов Б.В. Берия. Судьба всеильного наркома. М., 2011.
- Солгалов В.Т. Мы были в начале пути. Саров, 2005.
- Сохина Л.П., Колотинский Я.П., Халтурин Г.В. Плутоний в девичьих руках. Екатеринбург, 2003.
- Староверов В.А. Секретный проект Немецкая «Танечка»: немецкий след в советском атомном проекте 1945—1949 гг. М., 2005.
- Судариков А.М., Лешеев А.А. Советское государственное руководство и ученые оборонно-промышленного комплекса в 1945—1955 гг. СПб., 2010.
- Судоплатов П.П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.
- Судоплатов П.П. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 годы. М., 1997.
- Судьба конструктора. Геннадий Александрович Соснин (к 90-летию). Саров, 2014.
- Толстиков В.С. Советский атомный проект в отечественной и зарубежной историографии // Вопросы истории. 2013. № 6. С. 161—167.
- Толстиков В.С. Социально—экологические последствия развития атомной промышленности на Урале. (1945—1998). Челябинск, 1998.
- Топтыгин А.В. Неизвестный Берия. СПб., 2002.
- Удивительные люди уникального завода / Сост. А.В. Митюков. Екатеринбург, 2000.
- Уран и люди. История СГАО «Висмут». В 2-х т. М., 2012—2013.
- Харитон Ю.Б., Смирнов Ю.Н. Мифы и реальность советского атомного проекта. Арзамас-16, 1994.
- Холлоуэй Д. Атомоход Лаврентий Берия. М., 2011.
- Храмкова Е.Л. История советского атомного проекта периода Второй мировой войны в современной российской историографии // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. вып. «Актуальные проблемы истории и археологии». Самара, 2006. С. 99—105.
- Цепкалова А.А. Главпромстрой в системе ГУЛАГа: экономика принудительного труда на «Великих стройках коммунизма» // Экономическая история. Ежегодник. 2008. М., 2009. С. 258—296.
- Человек столетия. Юлий Борисович Харитон. М., 2002.
- Черников В.Г. За завесой секретности или строительство № 859. Озерск, 1995.
- Чертопруд С.В. Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева. М., 2002.
- Чиков В.М., Керн Г. Охота за атомной бомбой. Досье КГБ № 13676. М., 2001.
- Чубукова М.А. Организационно—правовые основы участия НКВД—МВД СССР в разработке и реализации Советского атомного проекта: 1941—1949 годы. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
- Широкоград А.Б. Чудо-оружие СССР: Тайны советского оружия. М., 2005.

- Шубарина Л.В. Оборонно-промышленный комплекс на Урале: региональный опыт развития. 1945—1965 г. Челябинск, 2011.
- Шубарина Л.В. Управленческая элита оборонно-промышленного комплекса Урала (1945—1965 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1. Ч. 2. С. 204—207.
- Элита русской разведки / Сост.: В.И. Андриянов, Н.М. Долгополов. М., 2005.
- Энергия созидания. Новосибирский завод химконцентратов: вехи истории. 1948—2008. Новосибирск, 2008.
- Юлий Борисович Харитон: путь длиною в век. 2-е изд., доп. М., 2005.
- Ядерная индустрия России. М., 1999.
- Ядерные испытания СССР / под ред. В.Н. Михайлова. В 3-х т. Саров, 1997—2000.

Примечания

- ¹ Новоселов В.Н. Историография создания атомной промышленности в СССР // Выдающиеся представители общественно—политической и духовной жизни Урала: тезисы докл. регион. науч. конф. / Сост. Н.А. Ваганова. Челябинск, 1997. С. 111—114; Он же. Источниковая база изучения проблемы создания атомной промышленности на Урале // Там же. С. 108—110. Астафьева Э.А. Начало реализации ядерного проекта: анализ источников // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. Н. Новгород, 2003. С. 264—270; Храмова Е.Л. История советского атомного проекта периода Второй мировой войны в современной российской историографии // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. вып. «Актуальные проблемы истории и археологии». Самара, 2006. С. 99—105; Дровеников И.С. История советского атомного проекта: новые источники // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная конференция, 2009. М., 2009. С. 265—268; Власова Е.Ю. История советского атомного проекта. Историографический обзор. (Часть I—II) // Приволжский научный журнал. 2010. № 2. С. 176—180, № 3. С. 193—197; Толстиков В.С. Советский атомный проект в отечественной и зарубежной историографии // Вопросы истории. 2013. № 6. С. 161—167.
- ² См., напр.: Гапонов Ю.В. Игорь Васильевич Курчатов (1903—1960). Жизненный путь (К столетию со дня рождения) // Физика элементарных частиц и атомного ядра. 2003. Т. 34. Вып. 3. С. 527; Ильяев Р.И. Основные этапы Атомного проекта // Успехи физических наук. 2013. Т. 183. № 5. С. 528; Киселев Г.В. Участие Л.Д. Ландау в советском Атомном проекте (в документах) // Успехи физических наук. 2008. Т. 178. № 9. С. 952.
- ³ Распоряжение ГКО № 2352сс «Об организации работ по урану». 28 сентября 1942 г. // Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 1. Ч. 1. М.; Саратов. С. 269—271.
- ⁴ Отдавая дань этому важному литературному комплексу, подчеркнем, что проблемы реализации непосредственно атомного проекта (его структура, кадры, совершенствование техники и технологий и проч.) в нем не рассматривались в силу подцензурности темы и недоступности источников.
- ⁵ Мельникова Н.В., Джозефсон П. Американские и российские исследования истории атомного проекта СССР: пути развития // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. № 1 (в печати).
- ⁶ Курапова Е.С. Могут ли спецслужбы заменить Академию наук? Обсуждение в Президиуме РАН // Вестник Российской академии наук. 1994. Т. 64. № 11. С. 969, 979.
- ⁷ Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. М.; Саров, 1998—2010.
- ⁸ История создания ядерного оружия в СССР 1946—1953 годы (в документах). В 8 т. / Сост. В.В. Колюк, П.П. Максименко, А.Д. Пелипенко, А.Б. Сельверов, Г.А. Соснин, В.С. Кострыкин. Саров (Арзамас-16), 1999—2001.

⁹ История создания, развития и деятельность ВНИИТФ // Грани истории в документах и фотографиях [Электронный ресурс] / Российский федеральный ядерный центр – ВНИИ технической физики им. акад. Е.И. Забабахина. Снежинск, 2009. 1 CD-ROM.

¹⁰ Артемов Е.Т., Волошин Н.П., Литвинов Б.В., Никитин В.И. «В целях усиления работ» // Уральский исторический вестник. 2008. № 3. С. 38–58.

¹¹ Атомная эра: вклад Академии наук. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gas.ru/atom/about.aspx> (дата обращения: 21.07.2015).

¹² Афиани В.Ю. Электронные публикации исторических документов из фондов Архива РАН и других академических учреждений на портале Академии наук (www.gas.ru) // Информационное обеспечение науки: новые технологии. Сб. науч. тр. / Под ред. Н.Е. Каленова. М., 2011. С. 256.

¹³ Астафьева Э.А. Осуществление атомного проекта в СССР. 1942–1949 гг. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2008. С. 8.

¹⁴ Круглов А.К. Штаб Атомпрома. М., 1998; История города Лесного: Эпоха и люди. Екатеринбург, 2000; Куличков Г.Д. Саров: хроника событий (1946–2000). Справочник. Саров, 2004; Создатели ядерного оружия. КБ-11 (РФЯЦ-ВНИИЭФ) / В.Т. Солгалов, Э.А. Астафьева, О.А. Погодина. В 3 т. Саров, 2004–2006; Награды отечества. 1949–2004 / Под общ. ред. Р.И. Илькаева. Саров, 2006; Оружие и технологии России. Энциклопедия. XXI век. Том 14. Ядерный оружейный комплекс. М., 2007; Атомные города Урала. Город Снежинск: энциклопедия / Под общ. ред. В.В. Алексеева, Г.Н. Рыкованова, отв. ред. Е.Т. Артемов, Н.П. Волошин; Екатеринбург, 2009; Первопроходцы: книга памяти [сб. биограф. сведений персонала первого промышленного уран-графитового атомного реактора «А» периода с 1946 по декабрь 1948 гг.] / Ред. Б.Н. Ентяков. Озёрск; Челябинск, 2011; Атомный век. Хроника и фотографии. М., 2010; Атомные города Урала. Город Лесной: энциклопедия / Под общ. ред. В.В. Алексеева, Г.Н. Рыкованова, отв. ред. Н.В. Мельникова, С.А. Рясков. Екатеринбург, 2012; Атомное оружие России. Биографическая энциклопедия. М., 2012.

¹⁵ Воспоминания об Игоре Васильевиче Курчатове / Отв. ред. А.П. Александров. М., 1988; Воспоминания об академике Л.А. Арцимовиче. М., 1988; Воспоминания об академике И.К. Киикоине. М., 1991; Елфимов Ю.Н. Маршал индустрии: Биографический очерк об А.П. Завенягине. Челябинск, 1991; Петросьянц А.М. Дороги жизни, которые выбрали нас. М., 1993; Воспоминания о И.Е. Тамме / Отв. ред. Е.Л. Фейнберг. М., 1995; Слово о Забабахине. Сборник воспоминаний. М., 1995; Е.П. Славский. Страницы жизни. М., 1998; Е.П. Славский. 100 лет со дня рождения. М., 1999; Александров П.А. Академик Анатолий Петрович Александров. Прямая речь. М., 2001; Решетников Ф.Г. Этапы большого пути: 55 лет в Мinateome. М., 2001; А.П. Завенягин: страницы жизни / Авт.-сост. В.Я. Важнов. М., 2002; Человек столетия. Юлий Борисович Харитон. М., 2002; Лев и атом. М., 2003; Атомный век. События, люди, дела. М., 2005; Юлий Борисович Харитон: путь длиною в век. 2-е изд., доп. М., 2005; Завенягина Е.А., Львов А.Л. Завенягин. Личность и время. М., 2006; Литвинов Б.В. Грани прошедшего (триптих). М., 2006; Конструктор в атомной проблеме: Книга о Давиде Абрамовиче Фишмане / Авт.-сост. С.Т. Брескун, В.М. Воронов. Саров, 2007; И.К. Киикоин – Физика и Судьба / Отв. ред. С.С. Якимов. М., 2008; Дьяченко А.А. Опаленные в борьбе при создании ядерного щита Родины / Под общ. ред. В.Н. Михайлова. М., 2008; Михайлов В.Н. Я – ястреб: воспоминания, публикации, интервью. М., 2008; Академик Лев Андреевич Арцимович (воспоминания, статьи, документы). М., 2009; Судьба конструктора. Геннадий Александрович Соснин (к 90-летию). Саров, 2014 и многие др.

¹⁶ Гладышев М.В. Плутоний для атомной бомбы: директор плутониевого завода делится воспоминаниями. Челябинск-40, 1992; Жучихин В.И. Первая Атомная: записки инженера-исследователя. М., 1993; Слово о приборостроителе / Сост. П. Щедрин. Трехгорный, 1995; Брохович Б.В. Химический комбинат «Маяк». История. Серпантин событий. (Воспоминания). Озерск, 1996; Раскрывая первые страницы. К истории города Снежинска (Челябинска-70) / Авт.-сост. Б.М. Емельянов. Екатеринбург, 1997; Лесной: история закрытого города. Екатеринбург, 1997; Разбуженный атом.

50 лет НЗХК. 1948—1998. Новосибирск, 1998; История Северска. Томск, 1999; Ради мира на земле. Исторические очерки о Сибирском химическом комбинате. Томск, 1999; Железногорск (Красноярск-26). Красноярск, 2000; Веретенников А.И. На службе атому. М., 2000; Удивительные люди уникального завода / Сост. А.В. Митюков. Екатеринбург, 2000; Савельев В.Р. Секреты зеленых гор. Красноярск, 2001; Журавлев П.А. Мой атомный век. О времени, об атомщиках и о себе. М., 2003; Сохина Л.П., Колотинский Я.П., Халтурин Г.В. Плутоний в девичьих руках. Екатеринбург, 2003; Завод, люди, судьбы. Полвека в ядерной индустрии России. Новосибирск, 2005; Солгалов В.Т. Мы были в начале пути. Саров, 2005; Пронягин П.Г. Урал. Три периода (трилогия). Екатеринбург, 2007; Энергия созидания. Новосибирский завод химконцентратов: вехи истории. 1948—2008. Новосибирск, 2008; Завалишин Ю.К. Ядерное сдерживание. Взгляд директора серийного завода ядерных боеприпасов. Саров; Саранск, 2012 и многие др.

¹⁷ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / Под ред. А.К. Соколова. М., 2004. С. 292.

¹⁸ Гончаров В.В. Первые (основные) этапы решения атомной проблемы в СССР. М., 1990; Синев Н.М. Обогащенный уран для ядерного оружия и энергетики. М., 1991; Круглов А.К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. М., 1995; Курчатровский институт. История атомного проекта. Выпуски № 1—16. М., 1995—1998; Создание первой советской ядерной бомбы / Под ред. В.Н. Михайлова. М., 1995; Лесной: история закрытого города. Екатеринбург, 1997; Наука и общество: история советского атомного проекта (1940—1950 гг.). В 3-х вып. М., 1997—2003; Ядерные испытания СССР / Под ред. В.Н. Михайлова. В 3-х т. Саров, 1997—2000; Атомная отрасль России: события, взгляд в будущее. М., 1998; История советского атомного проекта: документы, воспоминания, исследования. В 2-х вып. / Отв. ред. В.П. Визгин. М., 1998—2002; Ядерная индустрия России. М., 1999; Андришин И.А., Чернышев А.К., Юдин Ю.А. Укрощение ядра. Страницы истории ядерного оружия и ядерной инфраструктуры СССР. Саров; Саранск, 2003; ВНИПИЭТ: годы свершений / Авт.-сост. К. Рендель. СПб., 2007; Гончаров Г.А., Рячев Л.Д. О создании первой отечественной атомной бомбы. Саров, 2009 и др.

¹⁹ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996; Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. М., 1999; Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (вторая половина 1940-х — начало 1960-х годов). М., 2000; Савицкий И.М. Оборонная промышленность Новосибирской области. Опыт послевоенного развития (1946—1963 гг.). Новосибирск, 2003; Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930—1980 гг.). М., 2006; Шубарина Л.В. Оборонно-промышленный комплекс на Урале: региональный опыт развития. 1945—1965 гг. Челябинск, 2011; Гресь С.И. Оборонная промышленность Челябинской области в 1946—1950-е гг.: организационно-производственные и социальные аспекты: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2012.

²⁰ См.: Котельников Р.Б., Тумбаков В.А. Атомный проект СССР — древо целей, ресурсы, усилия, результат (1945—1950 гг.) // Наука и общество: история советского атомного проекта (1940—1950 гг.). Вып. 2. М., 1999. С. 320—330.

²¹ Гоголь В.А., Андриянов В.И. Бомба для Сталина. Внешняя разведка России в операциях стратегического масштаба. М., 1993; Sudoplatov A., Sudoplatov P., Schecter L.P., Schecter J.L. Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Witness—A Soviet Spymaster. Boston, 1994 (на рус. яз.: Судоплатов П.П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996); Он же. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 годы. М., 1997; Долгополов Н.М. Они украли бомбу для Советов. М., 2000; Чиков В.М., Керн Г. Охота за атомной бомбой. Досье КГБ № 13676. М., 2001; Лота В.И. ГРУ и атомная бомба. М., 2002; Чертопруд С.В. Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева. М., 2002; Долгополов Н.М. Тени внешней разведки М., 2004; Харитон Ю.Б., Смирнов Ю.Н. Мифы и реальность советского атомного проекта. Арзамас-16, 1994; Староверов В.А. Секретный проект Немецкая «Танечка»:

немецкий след в советском атомном проекте 1945–1949 гг. М., 2005; Элита русской разведки / Сост.: В.И. Андриянов, Н.М. Долгополов. М., 2005 и многие др.

²² Полунин В.В. Органы управления атомной промышленностью СССР. 1945–1953 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

²³ Визгин В.П. О двух подходах к сравнительному анализу национальных атомных проектов // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Годичная научная конференция, 2005. М., 2005. С. 279–281; Дровеников И.С. Проблемы компаративного анализа истории национальных атомных проектов // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Годичная научная конференция. 2004. М., 2004. С. 330–332; Севрюк Н.А. Разработка и реализация атомных проектов СССР и США: 1939–1949 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005; Новикова Т.А. Создание ядерного оружия в США и СССР. Общие и особенные черты: 1939–1949 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

²⁴ Буданов А.В. Высшие и центральные органы управления оборонно-промышленного комплекса СССР в 1957–1965 гг. // Оборонно-промышленный комплекс России: прошлое и настоящее. Материалы междунауч.-практ. конф. Челябинск, 2010. С. 56–74; Шубарина Л.В. Управленческая элита оборонно-промышленного комплекса Урала (1945–1965 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1. Ч. 2. С. 204–207.

²⁵ Безбородов А.Б. Власть и научно-техническая политика в СССР сер. 50-х – сер. 70-х гг. М., 1997; Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006; Судариков А.М., Лепшеев А.А. Советское государственное руководство и ученые оборонно-промышленного комплекса в 1945–1955 гг. СПб., 2010; Артемов Е.Т. У истоков советского атомного проекта: академические инициативы // Уральский исторический вестник. 2013. С. 63–71.

²⁶ Пятов Е.А. Стране был нужен уран. М., 2005; Домаренко В.А., Рихванов Л.П., Молчанов В.И., Поцелуев А.А. Очерки по истории изучения радиоактивности и становления урановой геологии в Центральной Сибири // Известия томского политехнического университета. 2008. № 1. Т. 312. С. 82–87; Обухов В.Г. Уран для Берии. Восточный Туркестан в Атомном проекте Кремля. М., 2010; Уран и люди. История СГАО «Висмут». В 2-х т. М., 2012–2013; Савицкий И.М. Создание сырьевой базы для атомной промышленности в Сибири в период «холодной» войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 72–75; Он же. Создание сырьевой базы атомной промышленности на Дальнем Востоке (1946–1965 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 54–58; Пузевич Н.И., Волкова Н.Н. Военно-промышленный комплекс: создание минерально-сырьевой базы урана в Восточной Сибири (1940–1960-е гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2013. С. 239–247.

²⁷ Полунин В.В., Староверов В.А. Спецслужбы в Советском атомном проекте 1945–1953 гг. // Атомный век: события, люди, дела. М., 2005. С. 434–452; Некрасов В.Ф. НКВД-МВД и атом: Судьбы; События; Документы и др.. М., 2007; Чубукова М.А. Организационно-правовые основы участия НКВД-МВД СССР в разработке и реализации Советского атомного проекта: 1941–1949 годы. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

²⁸ Топтыгин А.В. Неизвестный Берия. СПб., 2002; Соколов Б.В. Берия. Судьба всемогущего наркома. М., 2011; Родин А.М. Л.П. Берия в Атомном проекте // Военно-исторический журнал. 2012. № 9. С. 60–67; Кудряшов Н.А. Берия и советские ученые в атомном проекте. М., 2013.

²⁹ Черников В.Г. За завесой секретности или строительство № 859. Озерск, 1995; Новоселов В.Н., Толстиков В.С., Клепиков А.И. История Южно-Уральского управления строительства. Челябинск, 1998; Кучин С.П. Полянский ИТЛ (Гулаг уголовный). Железногорск, 1999; Кузнецов В.Н. Атомный проект за колючей проволокой. Екатеринбург, 2004; Он же. Цена свободы – атомная бомба. Екатеринбург, 2005; Пичугин В.В., Полунин В.В., Цветков Б.М. Атом в «солдатской шинели» // Новые промышленные технологии. 2005. № 2. С. 3–6; Цепкалова А.А.

Главпромстрой в системе ГУЛАГа: экономика принудительного труда на «Великих стройках коммунизма» // Экономическая история. Ежегодник. 2008. М., 2009. С. 258–296; Родькин Д.В. Битва за атом. Уральский фронт // Уральский исторический вестник. № 4, 2013. С. 73–77.

³⁰ Кочарянц С.Г., Горин Н.Н. КБ-11 (Арзамас-16): Несколько страниц истории создания атомного центра. Арзамас-16, 1992; Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было / Е.А. Негин, Л.П. Голеусова, Г.Д. Куличков, П.П. Максименко. Н. Новгород; Арзамас-16, 1995 (переиздана в 2012); Куличков Г.Д. ВНИИЭФ. Исторический очерк (1946–1992). Саров, 1998 и др.

³¹ Новоселов В.Н., Толстиков В.С. Тайны «сороковки». Челябинск, 1995; Артемов Е.Т., Бедель А.Э. Укрощение урана. Екатеринбург, 1999; Новоселов В.Н. Создание атомной промышленности на Урале. Челябинск, 1999; Атомный город: путь в будущее (Посвящается 50-летию города Трехгорного). Екатеринбург: УрГЭУ, 2002; Астафьева Э.А. Реализация советского атомного проекта в 1942–1949 гг.: дис. . канд. ист. наук. Н.Новгород, 2008; Бедель А.Э. «Заводская» наука в атомном проекте СССР // Уральский исторический вестник. 2008. № 3. С. 31–37; Власова Е.Ю. Создание и становление первого закрытого научно-технического центра советского атомного проекта. Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2011; Савицкий И.М. Вклад оборонной промышленности Сибири в создание ракетно-ядерного щита СССР в годы «холодной войны» (1946–1965 гг.). Новосибирск, 2011. Жарков О.Ю. Система управления производством плутония на химическом комбинате «Маяк» в 1945–1950 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2012 и др.

³² Рясков С.А. Социокультурное развитие закрытых городов Урала (вторая половина 1940–х — середина 1980–х гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004; Визгин В.П. Этнос ученого-ядерщика: истоки и формирование (1940–1950-е гг., на материале истории советского атомного проекта) // Философия науки. Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. М., 2005. С. 261–276; Мельникова Н.В. Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург, 2006; Матюшкин В.Ф. Повседневная жизнь Арзамаса-16. М., 2007; Мельникова Н.В. Творцы советского атомного проекта в режимных городах // Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов. М., 2009. С. 49–96; Реут Г.А. Закрытые административно-территориальные образования Сибири: социализм за колючей проволокой. Красноярск, 2012; Визгин В.П. К исследованию феномена советской физики 1950–1960-х гг. Социокультурные и междисциплинарные аспекты / Сост. и ред. В.П. Визгин, А.В. Кессених, К.А. Томилин. СПб., 2014.

³³ Новоселов В.Н., Толстиков В.С. Атомный след на Урале. Челябинск, 1997; Толстиков В.С. Социально–экологические последствия развития атомной промышленности на Урале. (1945–1998). Челябинск, 1998; Комарова Г.А. Люди и радиация: этнокультурные аспекты экологического бедствия на Южном Урале // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 122. М., 1999.

³⁴ Алексеев В.В. Атомный комплекс в контексте истории России. Екатеринбург, 1999; Литвинов Б.В. Атомная энергия не только для военных целей. Екатеринбург, 2002.

³⁵ Кроме упомянутых выше работ по вопросу атомного заимствования, см., например: Губарев В.С. Арзамас-16. М., 1992; Он же. Челябинск-70. М., 1993; Он же. Ядерный век. Бомба. М., 1995; Он же. Белый архипелаг Сталина. М., 2004; Грабовский М.П. Атомный аврал. М., 2001; Он же. Плутониевая зона. М., 2001; Иойрыш А.И. Ядерный джинн. М., 1994; Иойрыш А.И., Морохов И.Д., Иванов С.К. А-бомба. М., 1990; Емельяненко А.Ф. Архипелаг СРЕДМАШ. М., 2000; Иойрыш А.И. Бомба. М., 2000; Пестов С. Три ада XX века. В 2 т. М., 2001; Широкопад А.Б. Чудо-оружие СССР: Тайны советского оружия. М., 2005; Губарев В.С. Атомная бомба. Хроника великих открытий. М., 2009 и многие др.

³⁶ Холлоуэй Д. Атомоход Лаврентий Берия. М., 2011. С. 6.

Расшифровка фотографии: аналитики ЦРУ и атомная индустрия Урала

Аннотация: Публикация представляет собой перевод воспоминаний сотрудника Центрального разведывательного управления США Г.С. Лёвенгаупта. Автор подробно объясняет, как, в 1958 г., его коллега Чарльз Ривз, довольно-таки точно сумел установить месторасположение предприятий советской атомной промышленности на Урале, используя материалы открытой советской печати и технической литературы. Публикуемый источник будет интересен как профессиональным историкам, так и ветеранам советской атомной и энергетической промышленности. Воспоминания Г.С. Лёвенгаупта сопровождаются вступительной статьёй и комментариями.

Ключевые слова: атомный проект, электроэнергия, Урал, разведка, ЦРУ, цензура, «Огонёк», Г.С. Лёвенгаупт, Ч.В. Ривз.

Интерес иностранных разведок к индустрии Урала имеет глубокие корни. Во многом он был обусловлен тем двояким значением, которое определила для региона Советская власть ещё в годы первых пятилеток.

Во-первых, расположенный далеко от границ Урал имел для Советского Союза важное оборонное значение. Правительство систематически прилагало всяческие усилия для создания здесь автономного «промышленного комбината», срединной индустриальной и стратегической базой Союза¹, основанной на сочетании взаимосвязанных производств полного промышленного цикла и способной, в случае войны и захвата врагом индустриальных районов на западе и юге, самостоятельно обеспечить потребности государства в военно-промышленной продукции.

Во-вторых, Уралу отводилась определяющая роль в создании нового географического размещения производительных сил страны для обеспечения наиболее эффективного использования сырьевых и трудовых ресурсов. Регион был своеобразным «индустриальным плацдармом» для освоения восточных регионов страны².

Зарубежные аналитики не оставили вышесказанное без внимания. О. Шпенглер в 1933 г. отмечал, что попытки военного уничто-

* Михеев Михаил Викторович — аспирант, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, mikheev666@yandex.ru Автор выражает благодарность в.н.с. ИИА УрО РАН К.И. Зубкову, ознакомившего его с англоязычным оригиналом источника.

жения СССР будут тем менее эффективны, чем решительнее «большевики сдвигают центр своей системы дальше на Восток», размещая промышленное производство «восточнее Москвы, по большей части к востоку от Урала и до Алтая»³. Перед Второй мировой войной командование Люфтваффе всерьез рассматривало возможность бомбардировки уральских заводов и даже приступило к проектированию стратегического бомбардировщика для этих целей с говорящим названием «Ural-Bomber». Эти работы позже были свернуты по политическим соображениям⁴.

С началом войны на Урале оказалась сосредоточена подавляющая часть ключевых производств ВПК. Это привлекло внимание вражеских разведок к региону. За годы войны на Урале и прилегающих к нему территориях НКВД-НКГБ арестовало 1135 человек по обвинению в принадлежности к иностранной агентуре, в том числе 857 к германской⁵. Зимой 1944 г. имел место случай отправки в Молотовскую область немецкой диверсионной группы из 7 человек. Попытка была неудачной, четыре диверсанта погибли, трое сдались властям⁶. Тогда же в Германии рейхсминистр вооружений и боеприпасов А. Шпеер обратил внимание на уральскую энергосистему, не имевшую резервов и полностью занятую питанием военных производств. Под руководством Шпеера разрабатывались планы уничтожения электростанций Урала, что должно было парализовать основные мощности индустрии региона⁷. Немецкая разведка представила в Генеральный штаб несколько докладов о мощностях энергосетей Урала. Осуществление операции планировалось поручить небезызвестному О. Скорцени⁸. Военные поражения сделали осуществление этих идей невозможными.

После войны интерес к региону возник у спецслужб США. СССР начал вести на Урале работы по атомному проекту. Это было обусловлено, среди прочего, наличием в регионе крупного электроэнергетического потенциала и запасов воды, технологически необходимых для обогащения урана. Немаловажную роль играло местоположение региона в глубине континента — на максимальном удалении от границ и вне радиуса действия стратегической авиации потенциального противника. В 1948 г. начал работать комбинат Челябинск-40, производивший оружейный плутоний. Затем возле г. Верх-Нейвинск запустили производство по обогащению урана газодиффузионным способом (Свердловск-44), а на севере Свердловской области построили комбинат, известный ныне как «Уралхимприбор» (Свердловск-45). Сначала он предназначался для разделения изотопов урана электромагнитным методом. Позже на нем наладили выпуск ядерных боеприпасов. Около города Сим,

расположенного к юго-западу от Челябинска, ввели в строй Приборостроительный завод (Златоуст-36), специализирующийся на их серийном производстве. Уже в 1955 г. он выполнил первую государственную программу по изготовлению изделий РДС-4 (авиационной атомной бомбы). В это же время между Свердловском и Челябинском развернулось строительство второго советского научно-исследовательского и опытно-конструкторского ядерно-оружейного центра (НИИ-1011, Челябинск-70). Стоит отметить, что до конца 1980-х гг. зарубежные специалисты весьма смутно представляли, чем занимается этот «объект»⁹.

Таким образом, к концу 1950-х гг. на Урале был развернут мощный научно-производственный атомный комплекс. Естественно, что спецслужбы США стремились оценить его возможности. В ход пошли наработки германских «коллег». На Урале работали американские агенты. Так, после войны в г. Свердловск-44 был выявлен и разоблачен агент США «Витальев», проникший на особо важный объект стратегического значения¹⁰. Американцы пытались получить сведения об Урале используя специальные зонды и знаменитые самолеты-разведчики U-2.

Однако, наряду с разведанными, США располагали и другими каналами получения информации. Аналитик ЦРУ Шерман Кент в 1947 г. утверждал, что в мирное время до 80% информации, необходимой политикам для принятия решений, доступно из открытых источников. Это оказалось справедливым и в отношении атомного проекта. Несмотря на то, что атомные разработки в СССР были в высшей степени секретными, американским аналитикам оказались доступны косвенные сведения об атомном производстве в Советском Союзе. Это случилось благодаря пристальному вниманию американских спецслужб к советской энергетике. Четвертый пятилетний план требовал «форсировать строительство гидростанций на Урале, особенно малых и средних, обеспечив ввод в действие за пятилетие 345 тыс. кВт»¹¹. Всесоюзное совещание руководителей строительных и монтажных организаций Министерства электростанций 1948 г. уделило особое внимание спешному вводу новых мощностей в Уральской энергосистеме¹². Зная о росте энергопроизводств на Урале, американские аналитики связали это с атомным проектом: ядерная промышленность требует огромного количества электроэнергии. Обнаружив значительную разницу между производимой и потребляемой местной индустрией энергией, американские специалисты без труда поняли, что «лишняя» энергия питает атомный проект.

В этом плане публикуемые воспоминания сотрудника ЦРУ Г.С. Лёвенгаупта представляют особенный интерес. Автор описыва-

ет, как в 1958 г. аналитик отдела атомной энергетики ЦРУ Чарльз Ривз, используя данные советской печати, сумел составить схему уральской энергосистемы. Полученные данные позволили вычислить дислокацию основных объектов советской атомной промышленности на Урале и дать им характеристику.

Публикуемый материал, на наш взгляд, будет интересен как профессиональным историкам, так и ветеранам советской атомной и энергетической промышленности.

*Вступительную статью, перевод и комментарии подготовил
аспирант Института истории и археологии УрО РАН
М.В. Михеев*

ОДОБРЕННО К ПУБЛИКАЦИИ, 1995
Исторический обзор ЦРУ
18 сентября 1995 г.

СЕКРЕТНО
Не для внешнего распространения

*Выявление источников электропитания
для атомных комбинатов Урала*

Расшифровка фотографии¹³
Генри С. Лёвенгаутт

Однажды в августе 1958 г. Чарльз В. Ривз показал мне фотографию пульта Свердловского центрального диспетчерского пункта Уральской электроэнергетической системы (рисунок 1), которую он обнаружил в июльском номере журнала «Огонек»¹⁴ (советском аналоге «Look»), заметив, что бостонская «Эдисон компани» контролирует производство и потребление электроэнергии в Бостонской метрополии с точно такого же диспетчерского пункта.

Чарли был рекомендован к нам в ЦРУ в отдел по ядерной энергии президентом «Электроэнергетической компании Новой Англии» (и председателем консультативного центра директора ЦРУ по ядерной энергии) за его профессиональный опыт и способности к языкам. Задачей Ривза было собирать данные об электростанциях и линиях электропередач в известных или предполагаемых районах

ядерных производств для фиксации в этих местах расхода электроэнергии, необходимой для производства делящихся материалов. Эта работа дополняла деятельность электроэнергетического отделения экономического исследовательского центра ЦРУ. Они пытались найти атомные объекты в районах атомной индустрии, вычислив количество электроэнергии, производящейся в регионе, и вычитая из нее количество электроэнергии, потребляемой на обычных производствах. Чарли вел свои расчеты в единицах мощности (кВт), а экономисты-аналитики использовали единицы энергии (кВт-ч). Стоит отметить, что на уровне руководства существовали большие сомнения в эффективности того или иного метода оценки энергопотребления на атомном производстве.

Разумеется, для атомной индустрии Урал был первоочередным по значению регионом. Здесь, между Челябинском и Свердловском, находился Кыштым, где в больших объемах велось производство плутония. К северу от Свердловска, в Верх-Нейвинске, был газодиффузионный завод по производству урана-235. Еще дальше к северу, рядом с Нижней Турой, находился неизвестный нам, хорошо защищенный атомный комплекс. Задачей Чарли было как можно точнее определить количество энергии, поставляемой для этих трех комбинатов.

Советы держали в секрете производство, передачу и использование электроэнергии на Урале. Все публикации по этой теме подвергались цензуре, причем цензор знал свое дело. Поездки сюда, исключая Пермь (тогда Молотов), были жестко ограничены. Единственными доступными нам, серьезными материалами о мощности уральских энергосетей были два доклада немецкой разведки, подготовленные в 1944 г. для германского Генерального штаба.

Головоломка

Схема на стене, с той фотографии из «Огонька», выглядела так, как должна была выглядеть генеральная схема основных электростанций, линий электропередач и пользовательских подстанций, необходимая для контроля над всей энергосистемой Урала. Чарли дерзко предположил, что то, что мы так давно искали — места расположения атомных объектов, питаемых из энергосетей, — находятся перед нами, на этой фотографии. Поддавшись на приманку, я, естественно, предложил приступить к расшифровке. Тогда Чарли, усмехнувшись, обратил мое внимание на то, что все цифры и названия были здесь тщательно заклеены цензором.

Тем не менее, я не мог оторваться от фото. Напрасно Чарли говорил, что схема на фотографии изображена не полностью, что кадр обрезан, что он никогда не видел русской диспетчерской станции, что ему не понятен смысл нечетких символов на схеме — равно как в Америке или Великобритании он непонятен никому другому.

Я продолжал приставать к нему. Предлагал ему разные варианты действий. Никогда мне не приходилось выдвигать столько аргументов в пользу благого дела.

Постепенно проблема свелась к ряду вопросов.

Показана ли здесь только Свердловская область или это — значительный кусок общеуральской сети? В последнем случае, включает ли она производителей электроэнергии Пермской, Свердловской, Челябинской, Чкаловской (Оренбургской) областей наряду с Башкирской и Удмуртской АССР или только управляемые Уралэнерго станции Свердловской и Челябинской областей? Чарли приводил цитаты, показывающие, что русская терминология в этом плане неоднозначна.

Изображены ли на схеме только крупные линии в 220 и 110 кВ или, возможно, сюда включены линии напряжением в 35, 10 и менее кВ? Сеть ЛЭП пролегает на Урале с севера на юг, тождественны ли север и юг левому и правому краям картинке или там всё перепутано?

Что обозначают эти нечеткие символы на отдельных прямоугольных платах? Возможно, это только выключатели, контроль над которыми, вполне ожидаемо, может осуществляться централизованно. А может они включают в себя трансформаторы и генераторы? Поскольку каждый генератор выдает три переменных тока различной фазы, каждая линия передачи содержит три отдельных проводника, и каждый переключатель это на деле три переключателя. Показаны ли они отдельно?

Анализ схемы позволил выявить, по крайней мере, две категории плат. Первые содержали множество различных символов, на других их было меньше. Возможно, первые — это сложные генерирующие станции, а другие — более простые основные подстанции? Если так, и простые платы — это подстанции, то точки на них могут обозначать либо выключатели, либо трансформаторы. Если это трансформаторы, то они позволяют оценить количество энергии, проходящей через подстанции. А если выключатели, то платы подстанций нельзя использовать для оценки мощности потока электроэнергии, его придется высчитывать, основываясь на количестве линий электропередач и связанных с ними генерирующих станций.

Если сложные платы обозначали генерирующие станции, то точки на них, напротив обозначений линий электропередач могли обозначать турбогенераторы. Совокупность этих точек на схеме можно было бы сопоставить с известными нам объектами. Они были подоб-

ны несколькими ниточкам, за которые мог бы ухватиться Чарли среди этого океана неизвестности. В 1957 г. британская правительственная делегация посетила Среднеуральскую ГРЭС (государственную районную электростанцию) к северу от Свердловска и Южно-Уральскую ГРЭС возле Челябинска. Эти ГРЭС определенно были оснащены пятью и восемью турбогенераторами, соответственно. Кроме того, было известно о секретной электростанции в Нижней Туре, оснащенной то ли 11-ю, то ли 12-ю котлами, но не было способа соотнести количество котлов с количеством электрогенераторов. Ривз также нашел упоминания о шести- или семитурбинной ГРЭС возле Кировограда и минимум пятитурбинной — в Серове, на самом севере. Он знал, что Аргаяшская ТЭЦ (тепловая электростанция), по видимому, обслуживавшая Кыштым, в 1957 г. достигла «пика мощности», но понятия не имел о количестве там турбин и их размерах. Он знал о существовании «большой» генерирующей станции в Каменске-Уральском, к юго-востоку от Свердловска, снабжавшей местный алюминиевый завод и о двух электростанциях¹⁵ снабжавших город и местную промышленность в Нижнем Тагиле. Также он располагал сведениями о десятках станций гораздо меньшей мощности.

Таким образом, мы столкнулись с проблемой выбора из нескольких вариантов. Нужно было разобраться с этим, чтобы сделать возможным хоть какой-либо вариант решения проблемы. Целью нашей с Чарли предварительной (и, кстати, длительной) работы было сделать ясным правильный выбор и отбросить неверные решения. Как только это было достигнуто, и нужные данные были отсечены от альтернативных вариантов, стала возможна нормальная работа и решение проблемы.

Работа с прессой

Однажды нас осенило. Чарли опознал большую плату в левом нижнем углу фотографии как Камскую ГЭС возле Перми. Станция была необычная, снабженная 24 небольшими гидрогенераторами. На мое замечание о том, что прибор перед схемой загораживает часть генераторов на плате, Чарли и бровью не повел. Плата была такой длинной, что могла уместить достаточно генераторов, но станцию он опознал по графику высокочастотных параметров ЛЭП, опубликованного в советском техническом журнале¹⁶.

Ривз продолжил работу. Советы публиковали информацию, согласно которой в 1955—1957 гг. Камскую ГЭС соединили с Южной подстанцией, обслуживавшей Свердловск, двумя линиями напряжением в

220 кВ. Здесь они пересекались с линией в 220 кВ, шедшей с востока, из Каменска, на север, к Шагольской подстанции в Челябинске. Следовательно, свердловская Южная подстанция обозначена большой вертикальной платой в центре фото, Каменскую обозначает маленькая плата, расположенная над ее правым краем. В обход последней проходят ЛЭП. Южно-Уральская ГРЭС — это большая вертикальная плата в правом углу схемы; над ней, левее и выше, — Шагольская подстанция.

Если значки турбогенераторов были расшифрованы правильно, на Южно-Уральской ГРЭС их было 8, столько же их насчитала британская делегация. Это соответствовало тепловой схеме Южно-Уральской ГРЭС, помещенной на задней обложке июньского выпуска «Теплоэнергетики» (рисунок 6) за 1957 г.¹⁷ Что касается Среднеуральской ГРЭС к северу от Свердловска, то она, по-видимому, была обозначена платой, расположенной возле Южной подстанции, второй слева. На ней было обозначено пять турбогенераторов, столько же видели англичане.

Идентифицировав эти станции, Чарли смог сделать вывод, что на схеме изображены только крупные ЛЭП напряжением 220 и 110 кВ. Схема охватывала весь Урал с прилегающими областями с севера на юг. В начале 1940-х гг. вдоль Уральского хребта была проложена ЛЭП напряжением 110 кВ, ей более или менее соответствовала горизонтальная линия, пересекавшая схему. Теперь он мог перейти к деталям, здесь особый интерес вызвал центр схемы.

Заполнить пробелы

Чарли потребовалось еще три месяца, прежде чем он стал уверен в своем правильном понимании всех деталей на фото, и еще два месяца для того, чтобы сделать из этого надлежащие выводы. Позднее Чарли говорил, что он использовал 103 сообщения из советских газет и технических журналов, доклады 4-х делегаций, 11 свидетельств бывших военнопленных и 25 фотографий этих мест. Хотя, вероятно, их было больше. Чарли, по-видимому, вспомнил наиболее важные из них. Это иллюстрирует тот огромный объем информации, которую ему пришлось собрать для достижения цели.

Много раз Ривзу улыбалась удача. В первый раз, когда он нашел в № 12 «Электрических станций» за 1948 год¹⁸ краткий доклад о трехдневной конференции в Москве, в котором были изложены планы расширения энергетических мощностей Урала. Он предположил, что это расширение планируется осуществлять, главным образом, для целей атомной энергетики, и оказался прав. Второй раз, в конце 1958 г., когда Советы в честь 40-й годовщины электрификации Ура-

ла опубликовали книгу «Энергетика Урала за 40 лет»¹⁹, которая содержала множество полезной информации. Не последнее значение имела опубликованная там схема питания уральских электросетей 1945 г. (рисунок 4). В третий раз, когда на двух фотографиях, сделанных с воздушных шаров, были обнаружены линии ЛЭП, шедшие на запад и юг от Свердловска и Нижне-Тагильского района. Наконец, он нашел экземпляр фотографии из «Огонька», которая была обрезана немного выше. Это позволило ему сделать вывод о существовании не указанной на оригинальном фото 220-киловольтной подстанции в Верх-Нейвинске, предположительно, питавшей газодиффузионный завод по производству урана-235.

Даже после того, как Чарли в целом расшифровал видимую на фото часть схемы (см. наложение на рисунке 2), у него оставалось несколько важных вопросов. Было легко определить места расположения трех атомных энергетических комплексов: в Кыштыме, справа от центра схемы, Верх-Нейвинске, слева от центра, и в Нижней Туре, с левого края. Их выдавали крупные подстанции, явно не предназначенные для обслуживания населенных пунктов. Предположив, что большая электростанция на севере, в Серове, не вошла в кадр, он идентифицировал большой прямоугольник в верхнем левом углу как Нижнетуринскую ГРЭС, но до конца 1958 г. он не мог быть уверен в этом точно, потому что ни один из семи имевшихся у него источников не указывал точное количество имевшихся там генераторов. «Энергетика Урала за 40 лет» расставила всё на свои места, упомянув турбогенератор № 9, что согласовывалось с девятью точками на фото.

Трудности начались, когда выяснилось, что линии ЛЭП между Камской ГЭС и Нижнетуринской ГРЭС были обрезаны с левой стороны кадра, что делало невозможным дешифровку этого сектора сети путем подсчета известных подстанций. Чарли пришлось бы начинать работу со Свердловска или Челябинска (с их запутанными системами производства и потребления энергии). Но и работу со Свердловской областью затруднял тот факт, что линии ЛЭП от Нижнетуринской ГРЭС были обрезаны с верхней стороны кадра. В технической литературе писалось о строительстве двух 220-киловольтных линий оттуда в Свердловск, но на фото была только одна линия, шедшая к свердловской Южной подстанции с севера.

Шаг за шагом Чарли подошел к решению задачи. Сначала, используя все имевшиеся отчеты военнопленных и фотографии, он собрал все сведения о линиях электропередач в Свердловской области. Всё это он тщательно нанес на крупномасштабную карту, сравнивая полученные результаты с ожидаемыми. Существенным недостатком было то, что расположение Южной подстанции он знал с погрешно-

стью в 20 миль. Это была единственная свердловская подстанция, точно идентифицированная на схеме. Она отсутствовала в докладах, представленных дипломатами и военнопленными. Чарли должен был учитывать возможность того, что 220-киловольтная ЛЭП, идущая с севера на юг через Свердловск, имеет ответвление на север, в сторону Верх-Нейвинска, обслуживающее там газодиффузионный завод.

Построения Чарли образовали 110-киловольтную петлю, идущую от Свердловска на восток через Каменск, на север, через Красногорск, Синару и Асбест, а потом обратно в Свердловск. Он располагал фрагментами, выглядевшими как петли от Среднеуральской ГРЭС к северу от Свердловска на запад, в Первоуральск, оттуда на юг, к Ревде и Дегтярску, а оттуда, возможно, к востоку, либо снова в Свердловск, либо южнее, в Полевской. Большая часть этой петли на фото в «Огоньке» была скрыта.

Позднее, просматривая фотоматериалы по Уралу, сделанные с воздушных шаров, он обнаружил следы 220-киловольтной ЛЭП на западе от Свердловска, шедшей от Камской ГЭС к свердловской Южной подстанции. Это показывало, что свердловская Южная подстанция предназначена для обслуживания Свердловска. Доклады вали, что между свердловской Южной подстанцией и Каменском на востоке была построена 220-киловольтная ЛЭП (соединенная с южной веткой Шагол — Челябинск). Ее отметили на карте.

Аэрофотоснимки с других шаров показали, что никакой 220-киловольтной линии между Южной подстанцией и Полевским не было. В то же время там располагалась 110-киловольтная ЛЭП. Это установили по тем следам, которые они оставляли между деревьями. Следовательно, на схеме в диспетчерской плата, обозначавшая Полевской, располагалась справа от Южной подстанции, а 110-киловольтная петля охватывала Первоуральск и Дегтярск.

Решение

Книга, посвященная 40-летию электрификации Урала, упоминала недостающую 220-киловольтную линию, идущую из Нижней Туры «в Свердловск». Там утверждалось, что первые 102 мили этой линии вступили в строй в августе 1951 г. Чарли аккуратно отмерил 102 мили вдоль железной дороги и достиг Верх-Нейвинска, а не Свердловска. Он продолжил отмерять дальше, сверяясь с данными из своих материалов о длине ЛЭП, построенных за год или квартал — эти сведения были доступны. Таким образом, несмотря на то, что 220-киловольтные линии, идущие от Нижней Туры до Верх-

Нейвинска, были обрезаны на журнальном фото, удалось установить существование двух таких линий, и выяснить, что только одна из них идет дальше — из Верх-Нейвинска в Свердловск.

В конце концов, в Исландии из-под воды был поднят воздушный шар с фотопленкой. Материалы с него доказывали, что 220-киловольтная линия обходит Нижний Тагил справа, и, следовательно, назначение Нижнетуринской ГРЭС состояло в том, чтобы снабжать неизвестное атомное производство в Нижней Туре и комбинат по производству урана-235 в Верх-Нейвинске.

Как только эта работа была сделана, всё остальное касательно Северного Урала встало на свои места. Верхнетагильская ГРЭС оказалась под правым краем Нижнетуринской ГРЭС, выяснилось, что на ней было 5 а не «6 или 7» генераторов во время съемки (таким образом, фото было сделано в период с середины 1957 по июль 1958 г.). С уверенностью можно было говорить, что комплекс в Верх-Нейвинске питали семь 110-киловольтных и три 220-киловольтные линии ЛЭП.

Когда на схеме было точно установлено месторасположение Полевского, с сетью ЛЭП на юге и востоке Урала тоже вскоре всё стало ясно. Аргаяшская ТЭЦ была опознана как большой прямоугольник выше и левее Шагола, возможно, там было семь турбин. Электроэнергия и пар, питавшие кыштымский реактор, поступали в основном с Аргаяшской ТЭЦ; предусматривалось резервное снабжение со стороны всех близлежащих станций с севера, юга и запада.

Таким образом, в апреле 1959 г. Чарли, основываясь на изучении ЛЭП, мог с уверенностью заявить, что электроснабжение производства урана-235 в Верх-Нейвинске составляет 1000 мВт с погрешностью в 15%, или около половины того, что потребляла Окриджская установка в США. Он определил энергопотребление плутониевого реактора в Кыштыме в 150 мВт с погрешностью 30%. До 100 мВт, по-видимому, потреблял неизвестный комплекс возле Нижней Туры на севере. Получившаяся в итоге схема линий ЛЭП Урала показана на рисунке 5. История тщательной работы по оценке подачи электроэнергии на атомные комбинаты Урала 1947—1957 гг. нашла свое продолжение в многолетней тяжелой работе с экономическими аналитиками, открытыми источниками и рапортами агентов.

Чарли получил подтверждение своим теориям и вычислениям в течение года, благодаря событию крайне редкому в разведывательном деле. В июле 1959 г. U-2 сфотографировал облако дыма над Нижней Турой, Верх-Нейвинском и Кыштымом. Чарли был прав относительно подстанций, соединенных с Нижней Турой, где, как оказалось, производилось и складировалось ядерное оружие. Верх-Нейвинский газодиффузионный завод был оснащен подстанциями

так, как и предполагал по большей части Чарли, хотя одной из них и не было на фотографии в «Огоньке». Его гипотеза, что точками на схеме обозначались выключатели, а не трансформаторы, оказалась верной. Детальный анализ фото, сделанных с U-2, показал, что его оценка количества потребляемой энергии в Верх-Нейвинске оказалась завышена лишь на 10%. Поистине замечательный результат от работы с подвергнутой цензуре фотографией.

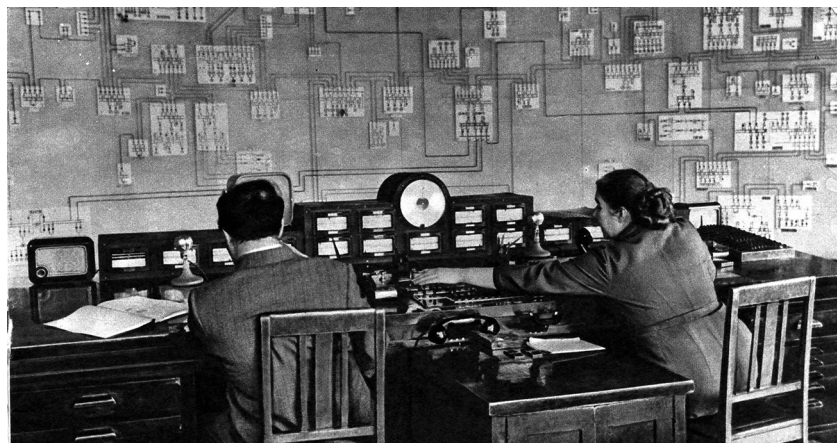

Рисунок 1. Фото Центрального диспетчерского пункта в Свердловске из журнала «Огонёк».

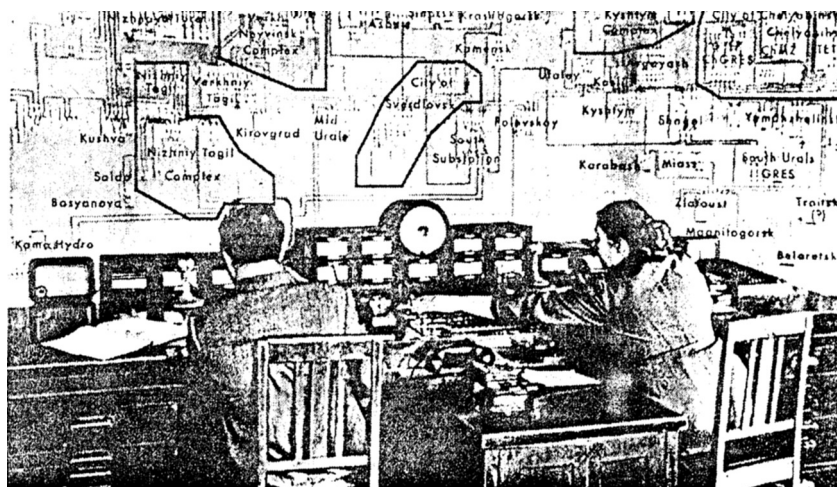

Рисунок 2. Фото Центрального диспетчерского пункта в Свердловске из журнала «Огонёк» после того, как над ним поработал Чарльз Ривз.

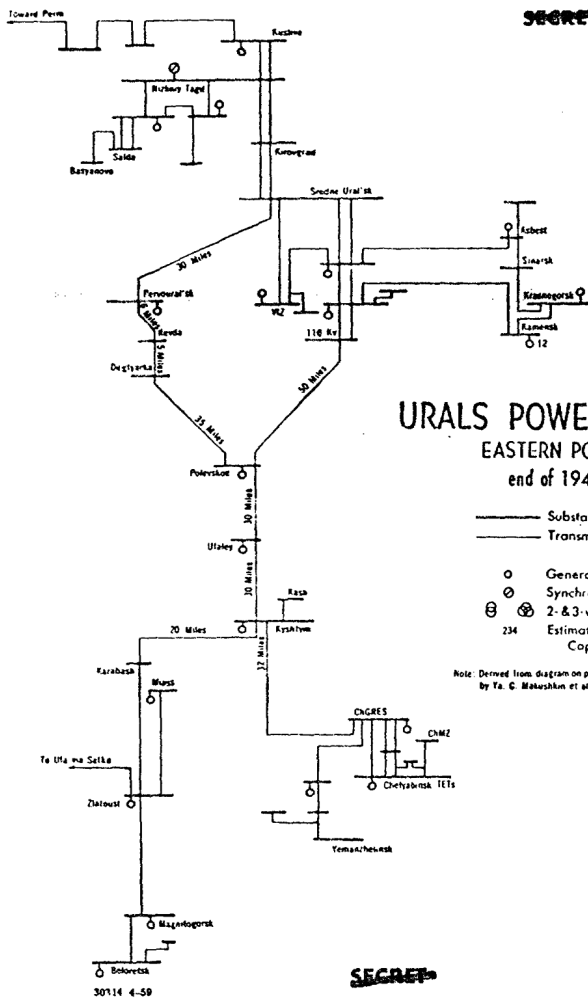

Рисунок 3. Уральский промышленный район.

~~SECRET~~

Urals Power

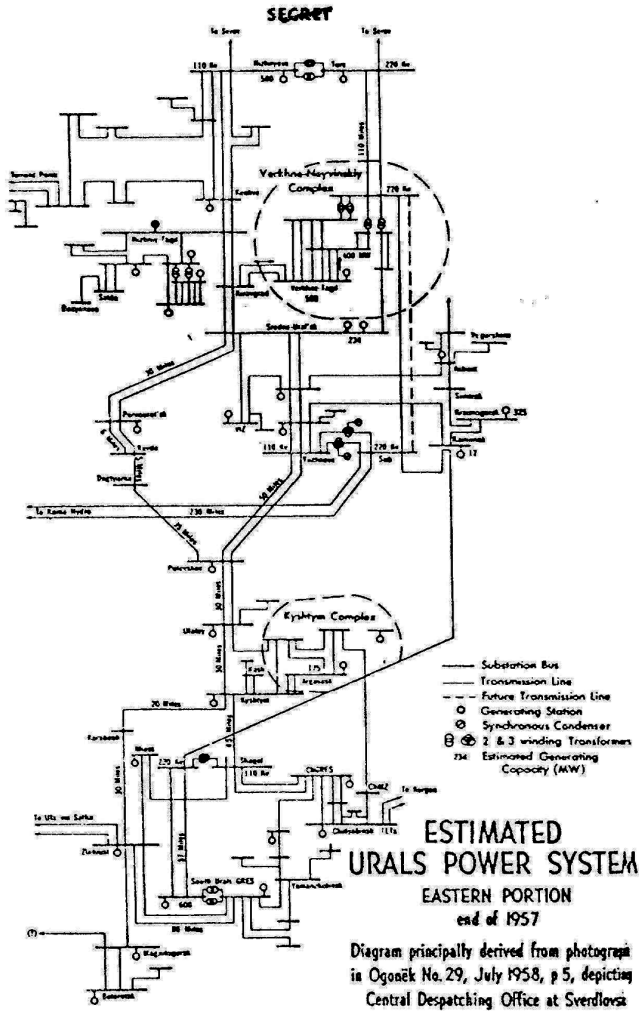
~~SECRET~~

~~SECRET~~

~~SECRET~~

Рисунок 4. Восточный участок энергосистемы Урала в конце 1945 г.

30222 1-40

SECRET

FIGURE 4

SECRET

Рисунок 5. Схема энергосистемы Урала, составленная Ривзом по итогам расшифровки фотографии.

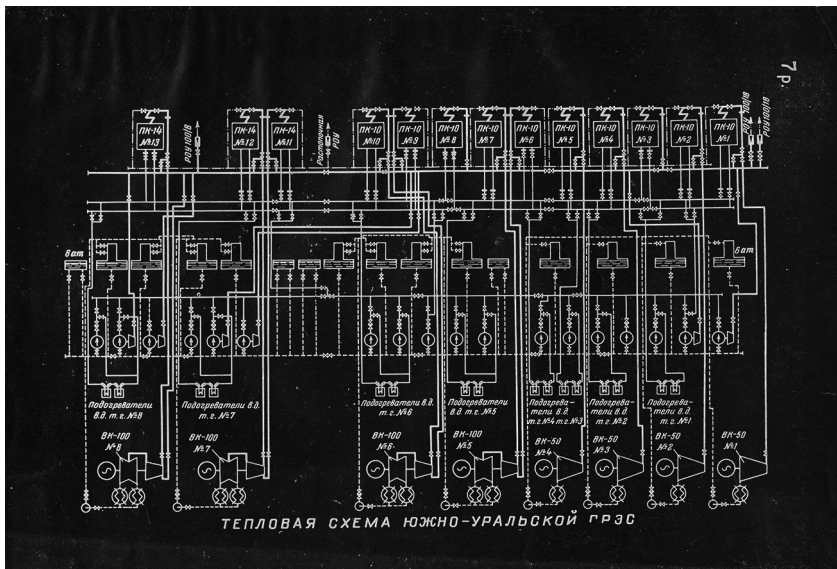

Рисунок 6. Тепловая схема Южно-Уральской ГРЭС найденная Ривзом на задней обложке июньского выпуска журнала «Теплоэнергетики» (1957 г.).

Библиография

- Lowenhaupt H.S. Puzzling out the power supply to Urals atom plants. URL: https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol11no3/html/v11i-3a03p_0001.htm (дата обращения: 24.08.2014).
- Soviet Nuclear Weapons / T. Cochran, W. Arkin, R. Norris. Nuclear Weapons Databook. Vol. IV. N.Y., 1989.
- Быховский Я.Л., Микуцкий Г.В. Высоочастотные параметры линии 220 кв Камская ГЭС — Свердловск // Электрические станции. 1957, август. № 8. С. 51—53.
- Всесоюзное совещание руководителей строительных и монтажных организаций Министерства электростанций СССР // Электрические станции. 1948, декабрь. № 12. С. 6—16.
- Генеральный план хозяйства Урала на период 1927—1941 гг. и перспективы первого пятилетия. Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР. Свердловск, 1927.
- Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. Принят Верховным Советом СССР 18 марта 1946 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. Т. 3. М., 1967. С. 246—320.
- Зубков К.И. Урал в стратегическом прицеле гитлеровских Люфтваффе // Военная история как фактор патриотического воспитания. Восьмые уральские военно-исторические чтения, посвященные 70-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. Сборник научных статей. Екатеринбург, 2013. С. 177—185.
- Колосовский Н.Н. Уральская область и Башкирская АССР М., 1929.
- Мотревич В.П. Новые материалы о деятельности германской разведки на Урале в годы Великой Отечественной войны // ВоенКом: Военный комментатор: Военно-исторический альманах. Екатеринбург, 2001. № 1 (2). С. 63—76.
- Пuls Урала // Огонек. 1958. 13 июля. № 29 (1622). С. 4—6.

- Скорцени О. Неизвестная война. Минск, 2003.
- Смыкалин А.С. Индустриальный Урал — как объект интереса западных спецслужб // Индустриальная Россия. Профессорский сборник научных статей. К 60-летию со дня рождения д.и.н., профессора В.В. Запария. Екатеринбург, 2012. С. 342–349.
- Теплоэнергетика. 1957, июнь. № 6.
- Шпеер А. Воспоминания. М., 2010.
- Энергетика Урала за 40 лет / Под. ред. Я.Г. Макушкина. М.; Л., 1958.

Примечания

- ¹ Генеральный план хозяйства Урала на период 1927—1941 гг. и перспективы первого пятилетия. Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР. Свердловск, 1927. С. 8.
- ² Колосовский Н.Н. Уральская область и Башкирская АССР. М., 1929. С. 27.
- ³ Зубков К.И. Урал в стратегическом прицеле гитлеровских Люфтваффе // Военная история как фактор патриотического воспитания. Восьмые уральские военно-исторические чтения, посвященные 70-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. Сборник научных статей. Екатеринбург, 2013. С. 177.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Смыкалин А.С. Индустриальный Урал — как объект интереса западных спецслужб // Индустриальная Россия. Профессорский сборник научных статей. К 60-летию со дня рождения д.и.н., профессора В.В. Запария. Екатеринбург, 2012. С. 343.
- ⁶ Мотревич В.П. Новые материалы о деятельности германской разведки на Урале в годы Великой Отечественной войны // ВоенКом: Военный комментатор: Военно-исторический альманах. Екатеринбург, 2001. №1 (2). С. 63–76.
- ⁷ Шпеер А. Воспоминания. М., 2010. С. 369.
- ⁸ Скорцени О. Неизвестная война. Минск, 2003. С. 262.
- ⁹ Soviet Nuclear Weapons / Т. Cochran, W. Arkin, R. Norris. Nuclear Weapons Data-book. Vol. IV. N. Y., 1989. P. 78.
- ¹⁰ Смыкалин А.С. Указ. соч. С. 349.
- ¹¹ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. Принят Верховным Советом СССР 18 марта 1946 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. Т. 3. М., 1967. С. 246–320.
- ¹² Всесоюзное совещание руководителей строительных и монтажных организаций Министерства электростанций СССР // Электрические станции. 1948, декабрь. № 12. С. 7.
- ¹³ Перевод публикации на сайте ЦРУ по адресу: Lowenhaupt H.S. Puzzling out the power supply to Urals atom plants. URL: https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol11no3/html/v11i3a03p_0001.htm (дата обращения: 24.08.2014). (Здесь и далее прим. Михеева М.В.).
- ¹⁴ Пульс Урала // Огонек. 1958. 13 июля. № 29 (1622). С. 5.
- ¹⁵ Очевидно, Лёвенгаупт имеет в виду ТЭЦ Нижнетагильского металлургического комбината и ТЭЦ Уралвагонзавода.
- ¹⁶ Скорее всего, имеется в виду статья: Быховский Я.Л., Микуцкий Г.В. Высококачественные параметры линии 220 кв Камская ГЭС — Свердловск // Электрические станции. 1957, август. № 8. С. 51–53.
- ¹⁷ Теплоэнергетика. 1957, июнь. № 6.
- ¹⁸ Всесоюзное совещание руководителей строительных и монтажных организаций ...
- ¹⁹ См.: Энергетика Урала за 40 лет / Под. ред. Я.Г. Макушкина. М.; Л., 1958.

Экономика Российской Федерации

Торговые контакты России и Украины в 1991–2008 гг.

Аннотация: Статья посвящена торговым взаимоотношениям двух крупнейших государств постсоветского пространства в период от распада СССР до международного экономического кризиса 2008 г. Так как экономические и политические аспекты взаимоотношений России и Украины в этот период были очень тесно переплетены, в статье уделено определенное внимание так же и процессу формирования внешнеполитической доктрины постсоветской Украины. Кроме того, рассматривается отношение руководства двух стран к проблеме экономической интеграции на постсоветском пространстве и сопоставляются темпы реформирования экономики России и Украины на протяжении почти двух десятилетий после распада СССР.

Ключевые слова: международная торговля, российско-украинские взаимоотношения, российско-украинская торговля, товарооборот, постсоветское пространство, газовый конфликт, экономическая интеграция, инвестиции, единое экономическое пространство, кризис 1998 г., кризис 2008 г., реформирование экономики, производственная кооперация.

Распад СССР в конце XX в. привел к появлению на востоке Европы двух крупнейших государств континента — России и Украины. Новые страны, вышедшие на международную арену, должны были заново выстраивать свои международные отношения с соседями дальними и ближними, причем речь шла как о контактах политико-дипломатических, так и экономических. Надо отметить, что первые постсоветские годы были отмечены некими коллективными неоформленными мечтаниями, накладывавшими отпечаток на проведение как внешней, так и внутренней политики постсоветских государств. Широкие массы населения новых независимых государств были уверены, что этим странам требуется либерализация экономики и ее перестройка на рыночные рельсы, но при этом механизм такой перестройки и общая схема экономики, которая должна была получиться в результате такого переустройства, виделись очень приблизительно и условно. Столь же распространено было мнение, что достаточно избавиться от диктата «Центра» и выйти на международный рынок самостоятельно — и на страну прольется воистину золотой дождь. Почему — прольется, с какими товарами следует выходить на

* Мухин Михаил Юрьевич — доктор исторических наук (Институт российской истории РАН).

международные рынки, как будет выживать экономика без координирующей роли общесоюзного «Центра» — эти вопросы выводились за скобки. При этом каждая страна постсоветского пространства пыталась выстроить свою политику экономического взаимодействия как с дальним, так и с ближним зарубежьем самостоятельно, что накладывалось на различную скорость и форму реформирования экономики в разных постсоветских странах. Весь этот комплекс факторов привел к тому, что торговля между странами, образовавшимися после распада СССР имела особую специфику, и развивалась далеко не всегда только и исключительно под влиянием сугубо экономических причин.

Данная работа посвящена рассмотрению российско-украинских торговых контактов. Выбор именно этих двух стран обусловлен в первую очередь тем, что именно РСФСР и УССР составляли экономический базис Советского Союза. На эти две союзные республики приходилось к концу 1980-х порядка трех четвертей общесоюзного национального дохода¹. Таким образом, анализ торговых взаимоотношений России и Украины имеет ключевое значение для осмысления всего комплекса вопросов, связанного с международной торговлей постсоветских стран между собой. Безусловно, трагические события последних месяцев так же сыграли свою роль в выборе торговых взаимоотношений именно этих стран в качестве объекта исследования. Четкое понимание основных трендов российско-украинских экономических контактов в постсоветский период позволяет по новому взглянуть на причины и обстоятельства событий, происходящих на Украине в течение 2014—2015 гг. В данной статье мы посчитали нужным ограничиться периодом 1991—2008 годов, так как события более близкие к текущему моменту, на наш взгляд, относятся в большей степени к сфере политологии и экономики, нежели собственно истории. Кроме того, надо признать, что кризис 2008 г. имел для экономик как России и Украины по отдельности, так и для торговых контактов этих двух стран, весьма существенное значение, поэтому будет вполне логичным оставить рассмотрение послекризисной ситуации для отдельного исследования.

Нельзя сказать, что тематика российско-украинских торговых контактов в постсоветской период вовсе была обделена вниманием отечественных исследователей. Однако все статьи по этим сюжетам носили очень узкий и злободневный характер, относясь скорее к сфере политологии и собственно экономики, нежели к экономической истории. Собственно, это и понятно — события тех лет еще в начале 2000-х годов были слишком близки к исследователю хронологически, поэтому историк, пытавшийся анализировать векторы и тенденции экономических взаимоотношений двух стран в период после 1991 г., уподоблялся телезрителю, рассчитывающему что-то увидеть,

уткнувшись в экран телевизора носом. Для того, что бы охватить картину взглядом, требовалось несколько «отодвинуться от экрана», то есть дистанцироваться от рассматриваемых событий хронологически. Надо отметить, что в России уже опубликованы первые исследования, очерчивающие общие контуры экономического и политического развития постсоветского пространства². Однако, надо признать, что на этот раз угол зрения оказывается наоборот — излишне широким. При рассмотрении ситуации в масштабах постсоветского пространства в целом, сюжеты, связанные именно с российско-украинской торговлей, неизбежно становятся одним из множества вопросов, рассматриваемых в ряду подобных себе. Соответственно, избранная нами проблематика автоматически выходит из фокуса внимания и уходит на периферию. Таким образом, на сегодняшний день вопросы торговых контактов России и Украины в постсоветский период так и не стали предметом самостоятельного исторического исследования.

Хотя наша работа посвящена экономическим контактам России и Украины, было бы правильно с методологической точки зрения начать рассмотрение избранных сюжетов с анализа положения дел в двух ключевых, с точки зрения внешнеторговой конъюнктуры, областях — генеральном внешнеполитическом курсе государства и экономической ситуации в нем. Так как основные тенденции как внешней политики, так и экономики России отечественному читателю, в целом, известны, мы позволим себе сосредоточиться в первую очередь на изложении этих вопросов в отношении Украины. Структурно представляется оправданным разделить рассмотрение динамики российско-украинских торговых контактов в постсоветский период на два основных этапа: 1991—2002 и 2002—2007 гг. На первый взгляд, «граничность» 2002 г. выглядит несколько надуманной. Если исходить из сугубо календарных соображений, то XXI в. начался в 2001 г., а если границей нового этапа российско-украинских отношений считать «оранжевую революцию», то следовало бы отнести условный «рубикон» на 2004 г. Мы позволим себе пояснить данное решение ниже по тексту.

Политика официального Киева

После распада СССР украинский истеблишмент принял четкий и безальтернативный курс на форсированное сближение с Западом, а если точнее — с НАТО в сфере обеспечения безопасности, и с ЕС в области экономического сотрудничества. Выйдя из Договора о коллективной безопасности стран СНГ, Киев немедленно развернул активное сотрудничество с НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира». Однако ключевым для Украины был, безусловно, «евро-

пейский выбор», постепенно принявший характер некой национальной идеи. В 1994 г. украинское правительство подписало соглашение о партнерстве и сотрудничестве с ЕС (в силу этот документ вступил в 1998 г.), и в дальнейшем этот курс практически не менялся. Так, в 1996 г. на парламентской Ассамблее Совета Европы президент Украины сформулировал генеральный вектор внешней политики Украины предельно четко: «Наша стратегическая цель — стать полноправным членом Европейского союза». Во исполнение этого решения Министерство экономики Украины было трансформировано в Министерство экономики и развития европейской интеграции. В 1998 г. при президенте Украины был создан Национальный комитет по вопросам адаптации законодательства Украины к законодательству ЕС; была разработана стратегическая программа «Интеграция Украины в Европу». В 2001 г. в Ялте состоялся саммит «Украина — ЕС».

Столь же четко и последовательно проводился курс на максимальное дистанцирование от любых интеграционных проектов, предлагаемых Россией. По сути, всякое подобное предложение заведомо рассматривалось как очередная попытка восстановления «советской империи» и ущемления суверенитета Украины³. Причем к середине 1990-х годов идея о перманентном стремлении Москвы к поприанию независимости Украины и желании России вновь загнать все постсоветские страны (и Украину — в первую очередь) в некое «имперское ярмо», стало некой аксиомой, не требующей доказательств и принимаемой по умолчанию не только для киевского истеблишмента, но и для достаточно широких кругов украинского общества. Истинность такого подхода не обсуждалась, а сомневаться в его правильности считалось чем-то неприличным⁴. Вообще надо сказать, что Украина изначально весьма прохладно относилась к СНГ, как к некоему политическому конструкту, признавая за Содружеством лишь некоторую экономическую целесообразность. Но и в экономическом смысле Киев старался по мере возможности ограничить масштабы своего участия в деятельности СНГ. Так, ключевой для экономической интеграции постсоветских стран договор об Экономическом союзе стран СНГ от 1993 г. Украина подписала лишь как ассоциированный член. Характерно, что практически синхронно Киев заключил двусторонние экономические соглашения с Туркменией и Молдавией⁵. Так как эти постсоветские государства, в свою очередь, старались держаться как можно дальше от любых интеграционных проектов, так или иначе связанных с СНГ, можно сказать, что уже на этом этапе Киев пытался сформировать некий «клуб СНГ-скептиков». В дальнейшем этот тренд получил развитие в виде создания блока ГУУАМ, одним из инициаторов создания которого была именно Украина. Важно отметить, что, являясь одним из учредителей СНГ, Украина так и не подписала

устав Содружества и всякий раз крайне неприязненно встречала любые попытки наделить структуры СНГ хоть какими-то директивными функциями. Официальная точка зрения Киева заключалась в том, что СНГ является международным консультативным органом, и статус его пересматриваться не должен⁶.

В свете вышеприведенных обстоятельств экономические контакты с Россией воспринимались в Киеве лишь как один из сегментов внешней торговли, который, разумеется, имеет некоторое значение, но только как составная часть магистрального тренда, направленного на евроинтеграцию. Причем то, что Россия рассматривалась, как было показано выше, в качестве источника угрозы суверенитету, не могло не оказывать негативного влияния на динамику торговых отношений.

Экономическое развитие Украины

Как уже говорилось выше, первая половина 1990-х гг. для всех постсоветских стран стала временем тяжелой и мучительной реорганизации экономики на рыночные рельсы. При этом скорость и глубина преобразований сильно различались от страны к стране. Пожалуй, на Украине эта трансформация проходила особенно трудно и болезненно. Период 1991—1993 годов характеризовался резким экономическим спадом, в результате чего экономика страны оказалась отброшенной на 7—10 лет назад по важнейшим показателям⁷. На первый взгляд, если сравнить ситуацию на Украине с положением дел в прочих постсоветских государствах, оснований для особого беспокойства у Киева, вроде бы не было.

Индексы физического объема ВВП в странах СНГ (%).

Страна	1995 к 1991	2000 к 1991
Азербайджан	42	59
Армения	60	70
Белоруссия	66	90
Грузия	36	48
Казахстан	69	78
Киргизия	55	72
Молдавия	48	42
Россия	65	71
Таджикистан	41	41
Узбекистан	82	99
Украина	52	47

Источник: Вардомский Л.Б., Шуробович А.В. Модернизация экономики в странах СНГ: типы, ресурсы, инструменты // Экономика і прогнозування. Київ, 2009. № 1. С. 70.

Как видим, хотя потери Украины в первое постсоветское пятилетие были несомненны, немало было стран пострадавших в куда большей степени. Ситуация изменилась во второй половине 1990-х годов, когда большинство стран постсоветской сферы стремительно бросились наверстывать упущенное, а на Украине спад, напротив — углубился. В результате падение ВВП Украины за 1990—1998 гг. составило более 60 процентов. На всем постсоветском пространстве Украина оказалась единственным государством, в котором за все 1990-е годы вообще не был зафиксирован сколько-нибудь заметный экономический рост⁸. Одновременно шла достаточно интенсивная трансформация структуры промышленного производства, приведшая, по итогам десятилетия, к существенному росту удельного веса электроэнергетики, черной металлургии и топливной промышленности, и столь же резкому спаду в области машиностроения и легкой промышленности.

Структура промышленного производства Украины в 1985—2000 гг. (к общему итогу в сопоставимых ценах 1989 г.) (%)

Отрасль	1985	1990	2000
Электроэнергетика	3,2	3,0	12,1
Топливная промышленность	7,2	5,8	10,1
Черная металлургия	12,6	11,2	27,4
Химическая и нефтехимическая промышленность	5,7	6,1	5,7
Машиностроение и металлообработка	28,3	31,3	13,4
Деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	2,8	2,9	2,4
Промышленность строительных материалов	3,6	3,5	2,7
Легкая промышленность	11,6	11,1	1,6
Пищевая промышленность	18,7	18,7	16,8
Прочие отрасли промышленности	5,1	6,4	5,2

Источник: Геєц В.М. Проблемність структурних трансформацій економіки країн з розвиваючимися ринками // Економіка І прогнозування. Київ, 2009. № 1. С. 58.

Разумеется, эти обстоятельства не могли не повлиять на внешнюю торговлю Украины вообще и на российско-украинский товарооборот — в частности.

Надо отметить, что в первое постсоветское пятилетие положение в российской экономике было если и лучше, то не кардинально. Украина и Россия столкнулись с приблизительно одинаковыми проблемами и трудностями реформирования экономики и общества. Интересно, что и дефицит государственного бюджета в обеих странах нарастал приблизительно одинаковыми темпами с практически синхронным пиком в 1991—1992 г.

Дефицит государственного бюджета

	1990	1991	1992	1993	1994
Россия	-7,9	-31,9	-14,2	-7,3	-10,2
Украина	0,5	-13,6	-29,3	-9,7	-9,1

Источник: Россия и зарубежные страны: сравнение по основным показателям // Вопросы экономики. 1996. № 1. С. 113.

Примечательно, что обе страны в первые постсоветские годы старались придерживаться ортодоксально-монетарной стратегии выхода из экономического кризиса, основанной на использовании в качестве основного инструмента макроэкономической стабилизации бюджетной и денежной политики. Вопреки мнению ряда отечественных экономистов, такой метод стабилизации экономики не являлся не только единственно-возможным, но даже и не наиболее распространенным. Во всяком случае, в Латинской Америке и Центральной Европе для макроэкономической стабилизации применялись совершенно другие экономические инструменты⁹.

Однако при всей схожести и проблем, и рецептов их решений, результаты применения монетарных методов стабилизации экономики в России и на Украине существенно отличались. Видимо, киевское руководство проводило монетарную стабилизацию недостаточно жестко, в результате чего России удалось уже в 1992 г. остановить если не спад ВВП, то хотя бы темпы этого спада, а на Украине нарастание темпов спада ВВП продолжалось.

Темпы прироста ВВП в первой половине 1990-х годов (в % к предыдущему году).

	1990	1991	1992	1993	1994
Россия	-3,4	-4,7	-13,8	-7,2	-10,9
Украина	-3,3	-11,6	-13,7	-24,2	-23,0

Источник: Россия и зарубежные страны: сравнение по основным показателям // Вопросы экономики. 1995. № 12. С. 105.

Примерно ту же картину демонстрирует и анализ динамики инфляции в России и на Украине в первые годы после распада СССР. Как видим, графики России и Украины начинают круто расходиться именно в 1993 г. К «шоковой терапии Гайдара» можно (и, может быть, даже — нужно) предъявлять множество претензий, но нельзя не признать очевидного. Именно курс правительства Гайдара уберег Россию от гиперинфляции украинских масштабов в середине 1990-х гг.

**Темпы инфляции в среднем за год
в первой половине 1990-х годов (в %).**

	1990	1991	1992	1993	1994
Россия	6,8	92,7	1353,0	896,0	302,0
Украина	4,2	91,2	1209,7	4734,9	891,2

Источник: Россия и зарубежные страны: сравнение по основным показателям // Вопросы экономики. 1995. № 12. С. 110–111.

Рубеж 1992/1993 гг., после которого графики экономического развития России и Украины начали стремительно расходиться, возник не случайно. Именно в 1992 г. в России начался целый ряд реформ, который впоследствии был назван «гайдарономикой», «шоковой терапией Гайдара», «приватизацией по Чубайсу» и много еще как. Безусловно, эти реформы были жесткими, а иногда — и откровенно жестокими. Ваучерная приватизация действительно проводилась в крайне сжатые сроки, с опорой на весьма узкую юридическую базу, и при сугубо формальном государственном контроле. Впрочем, думается, обвинять эту реформу в том, что благодаря ей в России сложился слой олигархата, а национальное богатство было распределено между кучкой граждан, не совсем верно. Собственно, уже давно не составляет секрета тот факт, что большая часть государственной собственности к моменту начала приватизации «по Чубайсу» уже была приватизирована в форме акционирования и разнообразных арендных схем конца 1980-х гг.¹⁰ Таким образом, ваучерная приватизация носила в основном характер политической декларации. Но, так или иначе, в России кардинальная экономическая реформа стартовала, а на Украине — нет. Собственно говоря, ничего фатального в этом на тот момент не было. Отставание в год-полтора можно было легко наверстать, зато у Киева появилась возможность отследить основные ошибки экономического реформирования у северного соседа, и избежать этих ошибок, используя российский опыт в качестве своеобразного «черновика». Однако этого так и не было сделано. В Киеве сначала правительства В. Фокина, а затем — Л. Кучмы последовательно декларировали свою приверженность рыночным преобразованиям и даже предлагали ту или иную программу преобразований, но практического воплощения эти планы так и не получали. Либерализация цен в стране прошла на фоне одних только разговоров о приватизации основных производственных активов¹¹, что предоставило директорскому корпусу Украины практически необозримые политические и экономические возможности¹². На середину 1990-х западные эксперты считали, что Украина все еще «находилась на пороге экономической реформы»¹³. Между тем, жесткая экономическая политика правительства Гайдара дала практические результаты

уже в ближнесрочной перспективе. Как говорится, «все познается в сравнении». Если в 1990 г. по размеру ВВП на душу населения (по паритетам покупательной способности) Россия превосходила Белоруссию в 1,09 раза, Украину в 1,3 раза и Казахстан — в 1,4 раза, то в 1995 г. это превышение составило уже 1,3; 1,7 и 2 раза соответственно¹⁴. Разумеется, суммарный ВВП России на тот момент продолжал снижаться, но интегрально результаты реформ в РФ были лучше, чем в ведущих странах ближнего зарубежья.

Наконец, в 1995 г. приватизация на Украине началась, чтобы уже в 1997 г. быть приостановленной¹⁵. Да, такая неторопливость позволила Украине избежать множества ошибок и перегибов, допущенных в процессе экономического реформирования в России, но заплатить за это пришлось серьезной потерей темпа — если в России к середине 1990-х г. с теми или иными издержками была построена рыночная экономика, то на Украине все еще пытались совместить старые методы с новыми условиями. По мнению украинских экспертов-экономистов, даже и на начало XXI в. отставание Украины в масштабах реформирования экономики от России сохранялось¹⁶. Практически все крупные машиностроительные и металлургические предприятия, а так же энергетический и агропромышленный комплексы по-прежнему оставались в государственной собственности, поэтому можно сказать, что на 2001 г. кардинальная перестройка украинской экономики на рыночные рельсы так и не началась¹⁷. Помимо этого следует отметить серьезное отставание в формировании на Украине финансовой инфраструктуры рыночной экономики. На 2001 г. фондовый рынок Украины едва начал складываться и был представлен практически исключительно краткосрочными государственными облигациями (ОВГЗ), а рынок корпоративных бумаг попросту отсутствовал. Крайне медленно формировался слой малого бизнеса. На 1998 г. на 1000 жителей на Украине приходилось всего 3,6 малых и средних предприятий, в то время как в России этот показатель уже составлял 6¹⁸.

Распределение существующих на 1997 г. акционерных обществ России и Украины по отраслям экономики. (%)

Отрасль	Промышленное производство	Транспорт	Торговля и общественное питание	Сельское хозяйство	Строительство	Бытовое обслуживание
Украина	45	20	4	18	9	4
Россия	37	6	12	22	18	5

Источник: Третьяк Е.Д. Акционерные общества России и Украины // Финансы. 1997. № 8. С. 18.

Если в России акционерные общества преимущественно были сосредоточены на промышленном производстве и транспорте, то на Украине преобладали АО, представленные в торговле, общественном питании и сельском хозяйстве.

При этом надо учитывать, что в абсолютных цифрах АО на Украине присутствовали в буквально следовых количествах, что давало повод украинским экспертам писать, что «Украина явно отставала от России по развитию акционирования, как важнейшего аспекта создания рыночной экономики»¹⁹.

Таким образом, подводя итог, следует признать, что российско-украинские экономические контакты в первое постсоветское десятилетие проходили в условиях постоянного отставания Украины в темпах и масштабах экономического реформирования.

Неудивительно, что в этой ситуации украинские экономисты и предприниматели с середины 1990-х гг. рассматривали экономический курс России как эталон, к которому следует стремиться. В 1994 г. представители украинского бизнес-сообщества писали: «Российские предприниматели недовольны своим экономическим законодательством. Но поработай они месячишко на Украине — и, вернувшись домой, возопили бы от счастья. Цените россияне, своих реформаторов, любите свои правительства. Хотя бы за то, что у вас — не так, как у нас»²⁰. Этот тренд сохранился и в последующий период. Даже в конце 2000-х гг. украинские эксперты оценивали экономическую политику России куда выше украинской, а национальные проекты, осуществляемые в России, рассматривались как образец для Украины²¹.

Такая макроэкономическая ситуация ставила украинских бизнесменов объективно в невыгодное, по отношению к российским предпринимателям, положение. Все чаще российские предприниматели сталкивались с забюрократизированностью и негибкостью украинских партнеров, продолжавших хозяйствовать в привычных практиках конца 1980-х гг.

Государственная политика в области внешней торговли, проводимая киевским правительством, лишь усугубляла эту тенденцию. По сути, до 1994 г. внешнеторговая концепция Киева носила характер «гиперрегуляции» — система индикативных цен, экспортных ограничений, а то и прямых запретов на экспорт той или иной продукции, обязательная продажа части валютной выручки государству, весьма сложные правила оформления внешнеторговых контрактов — все это ставило украинских предпринимателей в весьма сложное положение при попытке выйти на международные рынки²². Пытаясь интенсифицировать внешнеторговые операции, в 1995—1998 годах украинское правительство отменило большинство огра-

ничений, стеснявших трансграничную торговлю, и только кризис 1998 г. заставил Киев на некоторое время вернуться к практике обязательной продажи части валютной выручки государству.

В результате действия вышеперечисленных факторов, к середине 1990-х гг. украинская экономика стала стремительно терять привлекательность для российских предпринимателей, которые или переориентировались на отечественных партнеров, или нашли замену украинским контрагентам из числа коммерсантов из Западной Европы. По мнению некоторых экспертов, на рубеже XX и XXI вв. Украина для России была в большей степени важным транзитным направлением экспорта углеводородов, да источником дешевого оборудования и металла, нежели приоритетным торговым партнером²³.

Отдельный интерес представляет вопрос о влиянии на экономику России и Украины экономического кризиса 1998 г. Начавшись осенью 1997 г. в Таиланде, этот кризис стремительно распространился сначала на Южную Корею, Сингапур, Малайзию, Гонконг, Индонезию и Японию, а затем захватил в свою орбиту и другие регионы, включая, в том числе, и Восточную Европу.

Основные макроэкономические параметры России и Украины в 1994—1997 годах (в %).

Параметр	Страна	1994	1995	1996	1997
Годовое изменение ВВП	Россия	-12,6	-4,0	-2,8	0,4
	Украина	-22,9	-12,2	-10,0	-3,2
Инфляция (ИПЦ) на конец года	Россия	202,7	131,4	21,8	11,0
	Украина	401,1	181,4	39,7	10,1
Девальвация национальной валюты по отношению к доллару, на конец года	Россия	173,2	36,4	20,6	7,3
	Украина	328,0	65,4	4,5	0,6
Дефицит национального бюджета в % к ВВП	Россия	-10,4	-5,8	-8,1	-7,5
	Украина	-8,2	-5,0	-3,2	-5,1
Кредиты центрального банка правительству в % к ВВП	Россия	8,1	1,6	2,1	-
	Украина	8,9	5,6	2,1	1,4

Источник: Домбровски М., Гурски У., Ярочиньски М. Инфляционные последствия кризиса в России и на Украине // Вопросы экономики. 1999. № 8. С. 30.

Следует отметить, что к концу 1990-х гг., несмотря на отстаивание Украины от России в темпах реформирования, экономики обеих стран демонстрировали, в принципе, схожие тенденции. В России курс рубля к доллару удалось обуздать в 1995 г., на Украине курс гривны — к 1996.

Таблица наглядно демонстрирует, что хотя спад ВВП в России сокращался быстрее, чем на Украине, значения инфляции в обеих

странах были приблизительно равными, а по степени девальвации национальной валюты по отношению к доллару украинская гривна даже выигрывала у рубля. Неудивительно, что обе страны поспешили воспользоваться моментом некоторой экономической стабилизации, чтобы подкрепить надежды населения символическим шагом. В сентябре 1996 г. на Украине была введена новая валюта — гривна, а в России 1 января 1998 г. был денонмирован рубль. Разумеется, эти меры не могли принципиально изменить экономическую ситуацию в странах, но они действительно сыграли психологическую роль «старта с чистой страницы», позволившей населению как-то подвести черту под экономическим лихолетьем первой половины 1990-х гг. И, надо сказать, определенные основания для оптимизма действительно были — сначала, в 1997 г., в России, а в первой половине 1998 г. — и на Украине, были отмечены признаки экономического подъема²⁴. Однако летом 1998 г. обе страны оказались под ударом экономического кризиса, пришедшего из Азии. Подробный анализ действий российского и украинского руководств в ходе этого кризиса грозит выйти далеко за пределы журнальной статьи, поэтому мы позволим себе рассмотреть этот процесс лишь в общих чертах, уделив основное внимание результатам деятельности российского и украинского руководства по борьбе с кризисом.

Итак, Россия в рамках антикризисных действий пошла на дефолт на рынке ГКО-ОФЗ и ввела мораторий на выполнение банками внешних обязательств. Затем был введен «плавающий курс рубля», а значительная часть вкладов населения — заморожена на длительный срок. Украина избрала другую стратегию, основой которой стал административный контроль обменного курса и реструктуризация большей части государственного долга²⁵. На первый взгляд, украинская методика борьбы с кризисом выглядела более продуманной, так как за лето-осень 1998 г. рубль девальвировал на 160%, а гривна — лишь на 60%²⁶. Но дьявол, как известно, прячется в деталях... В результате того, что рубль «подешевел» куда серьезнее гривны, украинские товары на российском рынке резко прибавили в цене, а российские товары на рынке украинском — наоборот, резко подешевели. Ввиду этого доля России в суммарном экспорте Украины, составлявшая в 1997 г. 26%, в первые месяцы 1999, рухнула до 15–16%, а российский экспорт на Украину, наоборот, вырос с 47 до 60% всего украинского импорта. За счет того, что импорт в Россию после кризиса уменьшился почти наполовину, внутренний российский спрос на товары отечественной фабрики вырос на 10–15 млрд. долл., что дало мощный импульс росту производства. Если на Украине производство в I квартале 1999 г. упало на 2,4%, то в России за этот же период — выросло

на 2%²⁷. А рост производства, в свою очередь, простимулировал ускорение погашения задолженностей по зарплате, которая была постоянной головной болью как российской, так и украинской экономик на протяжении всех 1990-х гг. Если в России за осень 1998 г. — весну 1999 г. долги предприятий по зарплате снизились на 25%, а в бюджетной сфере были вообще ликвидированы, то на Украине за тот же период они выросли на 6%. Однако, при всем при этом, что в России уровень жизни упал после кризиса на 30%; а на Украине — лишь на 10%. Впрочем, причина столь странного соотношения была понятна — уже в начале XXI в. эксперты признавали, что, по сути, в данном случае, речь шла о том, что в России население перешло к стратегии «жить по средствам», а на Украине продолжалось перекладывание негативных экономических тенденций на завтрашний день²⁸.

Завершая этот сюжет, следует признать, что в ходе проведения антикризисных мер в 1998 г. и в Москве, и в Киеве пошли по привычным путям. Руководство России вновь избрало более жесткий вариант, требовавший значительных единовременных потерь, но суливший быстрый рост в будущем. Правительство Украины, в свою очередь, снова пошло по пути мягких, щадящих население, мер, не смущаясь тем, что в этом случае восстановительный период грозил затянуться.

Экономическая политика. На стыке политики и экономики

Надо учитывать, что, помимо собственно генерального внешнеполитического курса, киевскому истеблишменту требовалось выстраивать и внешнеэкономическую политику. Созданные за годы существования СССР экономические связи связывали Украину и Россию достаточно тесными узами, разорвать которые росчерком пера было весьма затруднительно. Официальный Киев был вынужден учитывать сложившееся положение дел, поэтому в первой половине 1990-х годов был принят целый ряд российско-украинских соглашений, которые должны были поставить торговлю двух стран на прочный юридический фундамент: «О регулировании взаимоотношений государств Содружества в области торгово-экономического сотрудничества в 1992 г.» (14 февраля 1992); «Договор о создании экономического союза» (24 сентября 1993 г.); «Соглашение о свободной торговле» (24 июня 1993 г.); «Соглашение о создании зоны свободной торговли» (15 апреля 1994 г.). Однако практический результат всего этого нормотворчества был невелик. Поэтому во второй половине десятилетия была предпринята попытка некой «перезагрузки» российско-украинских торговых взаимоотноше-

ний. В мае 1997 г. был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной (так называемый «Большой договор»), а так же Договор об экономическом сотрудничестве на 1998—2007 гг., составной частью которого была Программа экономического сотрудничества²⁹. Немаловажно уже то, что в «Большом договоре» Россия и Украина признавали друг друга «стратегическими партнерами», но куда большее значение имела Программа экономического сотрудничества, которая была призвана детализировать общий курс на экономическое сближение. Сутью этого документа был курс на сближение и гармонизацию законодательных и нормативных актов в области хозяйственной деятельности, а также разработку и подготовку международных соглашений, облегчавших взаимодействие экономических субъектов России и Украины. Такое взаимодействие мыслилось в виде создания объединенных финансово-промышленных групп (ФПГ), осуществлении совместных инвестиционных проектов, а в перспективе — и создании наднациональных органов экономического регулирования. Чтобы закончить изложение процесса юридического регулирования экономических контактов России и Украины в рассматриваемый период, отметим, что уже после соглашений 1997 г., 2 апреля 1999 г., руководители стран СНГ (и в том числе — России и Украины) подписали Протокол о внесении изменений и дополнений в Соглашение от 15 апреля 1994 г. Наиболее важным среди принятых изменений был переход на взимание косвенных налогов по общепринятому в мире принципу «страны назначения», а не «страны изготовления»³⁰. Впрочем, прямое влияние на темпы товарооборота это решение дало уже в следующем веке. И, наконец, в феврале 2001 г. была подписана Программа межрегионального приграничного сотрудничества Российской Федерации и Украины на 2001—2007 гг. Однако очевидно, что практические результаты этих документов даже в самом благоприятном случае развития событий могли проявиться только в первое десятилетие XXI в., поэтому для рассматриваемого нами периода это все была работа «на будущее».

Итак, вернемся к Программе экономического сотрудничества 1997 г. и ее реализации. Всего в рамках работ по претворению Программы в жизнь было подписано свыше 15 соглашений на уровне глав правительств и ведомств, касавшихся защиты инвестиций, различных форм взаимодействия в банковской сфере и производственной кооперации. Впрочем, уже на этапе формулирования граничных условий Программы представители Украины отказались рассматривать план создания общего экономического пространства двух стран. Помимо этого, украинская делегация уклонилась от об-

суждения шагов по выработке единых тарифов и ставок косвенных налогов на продукцию третьих стран, хотя было очевидно, что такие меры будут, с одной стороны, содействовать интенсификации российско-украинского товарооборота, а с другой — будут полезны в плане поддержки товаропроизводителей обеих стран против конкуренции поставщиков из стран третьих³¹.

Впрочем, не будем сосредотачиваться на перечислении того, чего в Программе не было, и рассмотрим, что же в Программу экономического сотрудничества все же вошло. Структурно Программа делилась на 7 разделов, которые охватывали следующие вопросы: состояние и общие проблемы российско-украинского экономического сотрудничества, сближение методологических подходов в проведении экономических реформ, проведение согласованной политики в области структурных изменений в экономике, координация шагов в социальной сфере, развитие и совершенствование торговых отношений. Итогом выполнения десятилетней программы должно было стать, не много, ни мало, увеличение товарооборота между Россией и Украиной в 2,5 раза³². Ключевыми для достижения этой цели были признаны четыре основных направления взаимодействия:

1. Поэтапное сближение и, в перспективе — полная гармонизация нормативной базы в области регулирования внешнеэкономической деятельности, развитие приграничного сотрудничества.

2. Подготовка межгосударственных трансграничных инвестиционных программ общегосударственного или регионального масштабов, в том числе — и с привлечением инвесторов из третьих стран; создание международных финансово-промышленных групп и совместных предприятий.

3. Совместное развитие транспортных коммуникаций договаривающихся стран.

4. Техническая и управленческая оптимизация расчетно-бухгалтерских и кредитно-финансовых аспектов финансовых взаимоотношений.

Однако на практике от всего этого набора, в целом, вполне осмысленных и потенциально весьма перспективных, мер, осталось не так уж много. Наиболее иллюстративным в этом плане является вопрос о сближении нормативно-правовой базы двух стран. Практически синхронно (и еще до принятия Программы 1997 г.) в России и на Украине были приняты законы о ФПГ³³: на Украине — 21, а в России — 10 ноября 1995 г. Однако до конца рассматриваемого периода даже в этом, достаточно локальном вопросе, добиться какой-то унификации нормативных актов так и не удалось. Механизм формирования ФПГ, допустимый состав участников групп, порядок регистрации ФПГ и

возможности государственной поддержки процесса их создания — вот лишь основные юридические проблемы, решения которых в российском и украинском законодательствах так и не удалось сблизить³⁴.

Однако окончательно вопрос унификации законодательства был снят с повестки дня уже в первые годы XXI в. Именно в этот период правительство Украины приняло целый пакет законов, предоставлявших ряду предприятий, а иногда — целым отраслям — существенные льготы и преференции, санкционировав, таким образом, введение этими привилегированными отраслями и предприятиями демпинговых цен на внешних рынках. К числу таких «законов о демпинге» можно отнести следующие акты: «О государственной поддержке самолетостроительной промышленности Украины» (12.07.2001), «О внесении изменений в Закон Украины “Об операциях с давальческим сырьем во внешнеэкономической деятельности”». (04.10.2001), «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины о государственной поддержке автомобильной промышленности Украины» (15.11.2001), «О признании бронетанковой отрасли одной из приоритетных в промышленности Украины и мерах по оказанию ей государственной поддержки» (11.01.2001), «О стимулировании развития отечественного машиностроения для агропромышленного комплекса» (07.02.2002). В свою очередь, эти «демпинговые» законы индуцировали введение значительных изменений и в прочие законы, имевшие отношение уже не к отдельным хозяйствующим субъектам, а ко всей сфере экономики: «О едином таможенном тарифе», «О плате за землю», «О налоге на добавочную стоимость» и др.³⁵

В результате итоги государственного регулирования российско-украинской торговли за первое постсоветское десятилетие носили двойственный характер. С одной стороны, вроде бы, был заложен мощный юридический базис в виде свыше 360 соглашений, касающихся торгово-экономических, научно-технических и военно-технических вопросов. А с другой стороны — значительная часть этих документов являлись лишь рамочными соглашениями, неприменимыми на практике без целого ряда уточняющих и детализирующих актов, некоторые уже попросту устарели и потеряли силу, а часть — откровенно саботировалась. К 2001 г. в российско-украинских экономических взаимоотношениях уже достаточно четко определились основные проблемы, которые станут доминирующими на весь последующий период. Это вопросы украинских долгов за энергоносители, а также о допуске российских предпринимателей к украинской газотрубопроводной системе; о тарифах за транспортировку энергоносителей через территорию Украины; о тарифном и нетарифном регулировании внешнеторговых операций; о налогообложении им-

портно-экспортных операций; о квотировании и лицензировании изъятий из режима свободной торговли между Россией и Украиной³⁶.

Ключевым для украинской экономики был вопрос поставок из России энергоносителей по фиксированным ценам. Причем весьма желательным для Киева было использование особых систем расчетов, согласно которым плата за транзит нефти и газа взималась натуральными поставками энергоносителей. Украинское руководство не уставало декларировать свое стремление сократить энергозависимость от России, а в перспективе вообще отказаться от поставок российских углеводородов, но на практике именно топливно-энергетическая сфера была наиболее динамично развивавшимся сектором российско-украинского экономического сотрудничества. Важно отметить, что, помимо вопросов, связанных с поставками газа и нефти, а так же инвестиционной активности российского бизнеса в нефтеперерабатывающей промышленности Украины, Россия осуществляла техническое и кредитное содействие достройке Ровенской и Хмельницкой АЭС, помимо этого, Россия, Украина и Казахстан заключили соглашение о создании совместного предприятия по производству атомного топлива для АЭС в странах СНГ³⁷.

Нельзя недооценивать значение для украинской экономики промышленной кооперации с российскими контрагентами. Взаимные поставки машиностроительных предприятий в начале 1990-х гг. составляли около 40% всего производства машиностроения двух стран, а к концу десятилетия съезились всего до 13%. Между тем, на 2000 г. лишь 20% фабрикатов на Украине могли производиться самостоятельно, без поставок из других постсоветских стран и в первую очередь — из России³⁸. В результате на начало XXI века порядка 60% производственных мощностей украинской промышленности простаивало, а общая численность занятых в украинской экономике за 1991—2001 гг. снизилась на 2,4 млн. человек³⁹. Одновременно резко увеличилась доля трудоспособного населения, работавшая вне учета официальных статистических органов. Так, от 2 до 4 млн. человек на 2001 г. постоянно или временно трудились за рубежом, а около четверти трудоспособных граждан Украины было занято в так называемом «неофициальном секторе»⁴⁰.

Огромное значение для экономики Украины имел транзитный вопрос и связанные с ним платежи. Созданная в Советском Союзе газотранспортная система обеспечила независимой Украине возможность получать весьма существенную транзитную ренту. Так, в 1998—1999 гг. плата за транзит энергоносителей составила 10—12% ВВП Украины. Кроме того, следует учитывать, что после распада СССР Украина получила куда более плотную железнодорожную

сеть, чем Россия⁴¹, что, с учетом географического положения Украины, позволяло разыгрывать еще и карту железнодорожного транзита, но на фоне транзита нефти и газа это было уже несущественно.

С проблемой транзитных платежей был неразрывно связан вопрос газовых долгов, который, вероятно, было правильней называть вопросом о финансовом донорстве России по отношению к Украине. Некоторые эксперты полагают, что во второй половине 1990-х годов долг Украины за поставленные из России энергоносители в среднем колебался около цифры 2–2,5 млрд. долл. в год, иногда возрастая до 3–3,5 млрд., причем и в Киеве, и в Москве хорошо понимали, что Украина не в состоянии оплатить эту задолженность ни валютой, ни бартером⁴². Российская сторона неоднократно в этот период предлагала разрешить вопрос задолженности по формуле «собственность за долги», однако всякий раз эти предложения Киевом игнорировались, а проблема задолженности переносилась «на потом». Впрочем, если быть совсем точным, то российское финансовое донорство распространялось не только на энергоносители. На март 1994 г. Украина была должна России 2,703 млрд. долл., из них лишь 1 млрд. — за газ и нефть⁴³. Таким образом, 63% задолженности Украины на тот момент не имели никакого отношения к энергоносителям. Причем малейшая попытка России занять на переговорах по поводу долгов сколько-нибудь жесткую позицию немедленно вела к очередным декларациям об имперских амбициях Кремля, стремлении загнать молодое независимое государство в имперское ярмо, и т.д. Собственно, риторику про «имперские замашки» можно было бы и пропустить мимо ушей, однако монопольное положение Украины в транспортировке углеводородов из России в Западную Европу раз за разом вынуждало Москву в очередной раз откладывать решение вопроса об украинской задолженности. Именно ввиду такого положения дел Россия уже в первой половине 1990-х гг., когда экономическая ситуация в стране была весьма далека от идеальной, была вынуждена спешно искать альтернативные транспортные пути в виде строительства транзитного газопровода через территорию Белоруссии.

Пожалуй, последним достижением Киева в газовом вопросе в рассматриваемый период стало октябрьское соглашение 2001 г., согласно которому итоговая сумма долга была признана равной 1,4 млрд. долл. (Газпром настаивал на 1,6 млрд.). А так как было очевидно, что и эту сумму Украина одновременно выплатить не сможет, задолженность реструктурировалась на 12 лет с трехлетним льготным периодом. Впрочем, даже и с рассрочкой на 12 лет перспективы возврата украинских долгов выглядели весьма туманно. Планировалось, что «Нафтогаз Украины» выпустит еврооблигации,

которые будут проданы на международных фондовых рынках, а уж из прибыли, полученной в ходе этой реализации, Украина погасит свою задолженность перед «Газпромом». Однако привлекательность евробондов «Нафтогаза» для западных инвесторов была величиной весьма гадательной. Куда важнее было то, что по соглашению 2001 г. Россия получала право контролировать реэкспорт газа, что, теоретически, должно было положить конец несанкционированным отборам газа из транзитной трубы. Надо отметить, что такие отборы стали удручающе частым явлением во второй половине 1990-х гг.⁴⁴

Таким образом, практически весь рассматриваемый период Украина находилась в своеобразном политико-экономическом раздразе. В политическом плане страна была всецело устремлена на Запад, но логика экономических взаимоотношений постоянно заставляла искать компромиссов на Востоке.

Российско-украинская торговля в 1992–2001 гг. Между желаниями и возможностями

Выше мы уже рассмотрели основные факторы макроэкономического характера, влиявшие на российско-украинский товарооборот в рассматриваемый период: отставание Украины в экономическом реформировании, ориентация киевского истеблишмента на евроинтеграцию, нежелание предпринимать шаги по гармонизации нормативных актов, регулирующих трансграничную торговлю двух стран. Это все так, но помимо этих, генеральных, тенденций, на масштабы российско-украинской торговли влияли еще и целый ряд менее важных, но, тем не менее, достаточно весомых факторов, определявших положение дел в отдельных отраслях экономики. Надо отметить, что в каждой отрасли такие факторы были уникальными, присущими лишь данному сегменту, но характерно, что практически всегда эти факторы вели к сокращению товарооборота, а не наоборот.

В первую очередь «под ударом» оказались предприятия военно-промышленной сферы. Свою роль сыграли сразу три обстоятельства. Во-первых, очевидно, что производственная кооперация в области совместного производства продукции оборонного назначения подразумевает союзнические или хотя бы комплиментарные отношения сотрудничающих стран. С учетом того, что, как было показано выше, прозападный курс стал для Киева основным практически сразу после провозглашения независимости; принимая во внимание крайне трудные переговоры по ядерному оружию, оставшемуся на территории Украины⁴⁵; еще более трудные переговоры по поводу раздела

Черноморского флота... в общем, уж чего-чего, а ни союзнических отношений, ни даже комплиментарности между Москвой и Киевом на тот момент точно не было. Во-вторых, в 1990-е годы отечественная «оборонка» столкнулась с резким сокращением объема заказов. Дело дошло до того, что некоторые ведущие предприятия ВПК сохраняли рентабельность преимущественно за счет поставок техники за рубеж. Очевидно, что в такой ситуации украинские партнеры зачастую воспринимались представителями российской «оборонки» не столько как смежники, сколько в качестве конкурентов. Наконец, в-третьих, как только украинская экономика была переведена с внутрисоюзных цен на энергоносители на сколько-нибудь приближенные к мировым, себестоимость продукции украинского ВПК резко подпрыгнула, в результате чего российские контрагенты в ряде случаев предпочли переориентироваться на отечественных поставщиков⁴⁶.

Как ни странно, второй отраслью, серьезно потерявшей российский рынок, стал агропромышленный комплекс Украины. Надо сказать, что в период Перестройки одним из «неубиваемых» тезисов сторонников отделения Украины от СССР был довод о сельском хозяйстве УССР, которое, дескать, «весь Советский Союз кормит», и которое, в случае создания независимой Украины, заведомо и безусловно сможет обеспечить Украине экономическое процветание. Однако переход на мировые цены внезапно привел к тому, что украинские сельхозпродукты стали уступать продовольствию из других стран и по качеству, и по цене. Кроме того, вышеописанные проблемы реформирования украинской экономики сделали эту страну весьма ненадежным поставщиком агропродукции. Так, например, в 1994 г. Украина сорвала межгосударственный договор с Узбекистаном «Сахар в обмен на хлопок», в результате чего легкая промышленность Украины была практически парализована⁴⁷.

Наконец, внезапно под ударом оказались транзитные доходы страны. Выше мы говорили, что помимо своей трубопроводной системы, Украина могла получать транзитный доход за счет эксплуатации доставшейся ей в наследство достаточно густой (а значит — обладающей большой пропускной способностью) дорожной и железнодорожной сети. Однако в погоне за прибылью киевское руководство слишком задрало транспортные тарифы, в результате чего часть российских грузов ушла с традиционных маршрутов (через Украину) на новые транзитные коридоры — через Белоруссию и прибалтийские государства⁴⁸.

Что ж, теперь, когда мы рассмотрели как генеральные тенденции, так и отраслевые факторы, влиявшие на российско-украинскую торговлю, пожалуй, можно перейти к анализу уже собственно товарооборота.

В первой половине 1990-х гг. Украина и Россия были более чем просто тесно взаимосвязаны экономическими узами. Так, на 1993 г. на Россию приходилось 45% украинского экспорта и 63% украинского импорта, причем российский экспорт на Украину на 65% состоял из различных энергоносителей. Однако на протяжении 1990-х гг. объем двусторонней торговли постоянно снижался. Причем основным механизмом такого сокращения была переориентация на рынки третьих стран, как правило — из числа так называемого «дальнего зарубежья». Так, на протяжении первого постсоветского десятилетия экспорт Украины в постсоветские страны возрос лишь на 15%, а в страны «дальнего зарубежья» — на 100%. Аналогично импорт на Украину из стран постсоветского пространства вырос за этот период на 30%, а из-за границ бывшего СССР — на 90%. В результате на 2002 г. около 70% всего экспорта и 43% всего импорта Украины приходилось именно на «дальнее зарубежье»⁴⁹.

Особенно интенсивно этот процесс пошел с середины 1990-х гг. Так как в России и на Украине системы налогообложения экспортных товаров отличались, определенное время украинские товары могли продаваться на российском рынке по демпинговым ценам. До поры, до времени, в Москве с этим мирились, но 1 июля 1996 г. Россия ввела сначала акцизный сбор, а с сентября 1996 г. — еще и НДС на импорт с Украины. Эффективность этой меры может проиллюстрировать тот факт, что в 1997 г. вывоз украинских товаров в Россию по сравнению с 1996 г. снизился в три раза. В абсолютных цифрах это сокращение соответствовало 1,86 млрд. долл., причем из этой суммы 300 млн. пришлось на сокращение экспорта сахара, на который Россия 15 мая 1997 г. ввела таможенную пошлину в 25%. В результате удельный вес России в украинском экспорте сократился с 43,4% в 1995 г., до 23% в 1998 г.⁵⁰

Надо учитывать, что на фоне общего снижения вывоза украинских товаров в Россию для некоторых товарных групп этот процесс носил характер форменного обвала. Особенно тяжело пришлось экспортерам продукции растениеводства. На середину 1990-х годов на Россию приходилось порядка 15% экспорта зерна с Украины и почти две трети экспорта украинской мукомольной промышленности, поэтому сокращение закупок России украинского зерна в 9 раз, а муки и круп — в 5 раз, ударило по украинским производителям весьма болезненно. Причем если сокращение экспорта продовольствия с Украины в Россию было крупнейшим (среди прочих товарных групп украинского экспорта) в абсолютных величинах, то в относительных величинах некоторые товарные группы потеряли еще больше

Снижение украинского экспорта пищевых товаров в Россию

	Снижение в 1997 по отношению к 1996 (%)	Снижение в 1998 по отношению к 1997 (%)
Экспорт сахара	60	95
Экспорт этилового спирта	70	47
Экспорт пищевых продуктов всего	50	50

Источник: Василенко Ю.В., Приходько Т.И. Проблемы расширения товарообмена между Беларусью, Россией и Украиной // Проблемы прогнозирования. 1999. № 5. С. 131.

Всего в эти годы в наибольшей степени сократился экспорт в Россию с Украины зерна (в 11 раз), удобрений (в 8 раз), муки и круп (в 7,7 раза), сахара (в 7,4 раза), мыла и моющих средств (в 7 раз), алкогольных напитков (в 6,5 раз), трикотажной одежды (5,4 раза), свинца и изделий из него (в 5 раз) и шерсти (4,7 раз)⁵¹.

Было бы весьма соблазнительно объяснить это сокращение экспорта в Россию переориентацией украинских товаров на западные рынки, тем более, что одновременно экспорт Украины в страны «дальнего зарубежья» действительно вырос на 1,7 млрд. долл. Однако поотраслевой разбор ситуации в украинской экономике и внешней торговле не позволяет сделать такой вывод. Действительно, снизив поставки в Россию неэлектрических машин на 122 млн. долл., Украина синхронно увеличила поставки таких изделий в другие страны на 91 млн. долл., что дает основания говорить о некоей переориентации на новые рынки. Однако сокращение экспорта в Россию продовольственных товаров сопровождалось снижением производства сахарной свеклы (на 23% в 1997 и на 14% в 1998 гг.), сахара (на 39% в 1997 г.), молочных продуктов (32% в 1997 г.) и зерна (8% в 1997 и 25% в 1998 г.).

Товарооборот Украины и России в 1996–2002 гг.

	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Удельный вес Украины в товарообороте России со странами СНГ, (%)	45,5	36,6	35,2	38,5	34,0	35,6	35,1
Доля стран СНГ в общем товарообороте России, (%)	21,1	22,2	21,7	18,5	18,6	18,0	17,0
Товарооборот России с Украиной, млн. долл.	13842	11221	8757	7320	8670	9088	9079,5

Источник: Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю. Экономическое сотрудничество России и Украины. М., 2004. С. 228.

Видимо, низшую точку в рассматриваемый период российско-украинская торговля прошла в 1999 г. В тот год товарооборот двух стран показал наименьшую стоимость в долларовом исчислении. Однако первые годы XXI в. показали тенденцию к росту товарооборота.

Вообще, товарооборот России и Украины на переломе веков определялся сразу несколькими тенденциями. С одной стороны, в российском экспорте на Украину постепенно росла доля продовольствия, химической продукции и металла. С другой стороны, удельный вес поставок минеральных продуктов, напротив — сокращался.

Экспорт из РФ на Украину (%)

Товарные группы	1998	2000	2002
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстиля)	0,9	1,8	2,9
Минеральные продукты	77,1	71,1	66,9
Продукция химической промышленности, каучук	4,3	5,3	5,8
Кожевенное сырье, пушнина	0,1	0,2	-
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	1,5	1,5	1,7
Текстиль, текстильные изделия, обувь	0,9	14,6	1,3
Металлы и изделия из них	2,9	3,4	5,6
Машины, оборудование и транспортные средства	11,4	15,3	14,6
Другие товары	0,7	0,8	1,0

Источник: Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю. Экономическое сотрудничество России и Украины. М., 2004. С. 229.

Если же рассматривать украинский импорт в Россию, то тут нарастали поставки древесины и продукции машиностроения. А вот импорт различных машин, наоборот — переживал спад.

Импорт с Украины в РФ (%)

Товарные группы	1998	2000	2002
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстиля)	15,8	17,2	19,3
Минеральные продукты	4,6	23,5	3,0
Продукция химической промышленности, каучук	14,8	15,9	13,7
Кожевенное сырье, пушнина	0,2	0,2	0,1
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	2,6	3,6	6,0
Текстиль, текстильные изделия, обувь	1,0	2,1	0,9
Металлы и изделия из них	31,2	27,6	18,9
Машины, оборудование и транспортные средства	26,9	23,5	33,3
Другие товары	2,7	3,2	4,8

Источник: Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю. Экономическое сотрудничество России и Украины. М., 2004. С. 232.

Впрочем, рост суммарной стоимости товарооборота России и Украины в первые годы XXI в. не должен вводить нас в заблуждение — генеральный тренд на сокращение удельного веса России в общем экспорте Украины сохранялся. Так, в 1997 г. на Россию приходилось около четверти украинского экспорта, в 2001 г. — уже только 23%, а в 2003 — лишь 17,9% экспорта Украины. Синхронно сокращалась и доля российских товаров в украинском импорте — с 48 до 37%⁵². В 2002 г. товарооборот России и Украины составил 9,1 млрд. долл.⁵³, причем на Россию приходилось 18% экспорта Украины и более 36% ее импорта. Разумеется, основную массу российского экспорта на Украину составляли топливно-энергетические продукты. Кроме того, велика была роль товаров машиностроительного комплекса, металлургическая продукция и древесина. В украинском экспорте в Россию преобладали фабрикаты более высокой стадии передела: продукты металлургии (30%), машиностроения (26%), химической промышленности (14%) и продовольствие (18%). В целом же, за вторую половину 1990-х годов внешнеторговый оборот двух стран снизился примерно на треть, равномерно охватывая экспорт товаров и услуг.

Внешнеторговый оборот Украины и России в 1996–2000 гг. (млрд. долл.).

Годы	Всего	Товары	Услуги
1996	18,0	14,4	3,6
2000	11,6	9,3	2,3
Объем 2000 г. к объему 1996 г. (%)	64,3	64,6	63,9

Источник: Запатрина И. Формирование национальных проектов: зарубежный опыт и возможности для Украины // Экономика Украины. 2008. № 1. С. 108.

Итак, на начало 1990-х Россия была важнейшим внешнеторговым партнером Украины. Как изменилась ситуация на конец десятилетия? В 2001 г. Россия попрежнему оставалась основным внешнеторговым партнером Украины, на нее приходилось 32% внешнеэкономической деятельности украинских предпринимателей⁵⁴. На первый взгляд — ситуация выглядела оптимистически, но на деле удельный вес России во внешнеторговом обороте Украины снижался год от года, а на рубеже XX и XXI в. этот процесс еще более усилился. За 1998–2001 гг. доля украинского экспорта в страны Европы возросла с 24 до 34%, в страны Азии и Африки — с 20 до 42, Америки — с 4 до 6, а экспорт в Россию — напротив, «съежился» с 39 до 22,6%. Только в 1999 г. российско-украинский товарооборот снизился по сравнению с 1998 г. на 19,7%⁵⁵. Надо учитывать, что

помимо собственно товаров, в понятие «торговый оборот» входит еще и экспорт/импорт услуг. Причем в украинском экспорте в Россию экспорт услуг составлял весьма весомую долю, составляя почти треть. На собственно товары приходилось 64,1% всего экспорта Украины в Россию, причем наибольший удельный вес имели следующие товарные группы: продукция машиностроения (17,3%), металлургической промышленности (16,7%), продовольствие (11,8%) и химическая продукция (10,6%). Что же касается экспорта услуг, то он на 90,7% приходился на услуги транспортные, в том числе 80% — услуги трубопроводного транспорта. Рассматривая внешние поставки, мы приходим к выводу, украинский импорт из России на 58% состоял из минерального топлива, нефти и нефтепродуктов. Из прочих товарных групп существенный удельный вес имели продукция машиностроения (16,7%), химической промышленности (6,2%) и металлургии (5,3%)⁵⁶. Как видим, у каждой из стран во взаимной торговле были своеобразные «сильные стороны», позволявшие эксплуатировать естественные преимущества каждой из сторон. Так, в российском экспорте на Украину преобладали энергоресурсы, на которые приходилось 58% всего экспорта, а в украинском экспорте в Россию около трети составляли услуги по транспортировке все тех же энергоносителей.

При анализе российско-украинской торговли нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что в рассматриваемый период украинский экспорт в Россию был, в целом, более высокотехнологичен, чем встречные поставки из России. Приблизительно на 45% украинский экспорт в Россию состоял из продуктов высокой переработки (металлургия, машиностроение, продовольствие, химическая продукция), а российский экспорт на Украину базировался преимущественно на энергоносителях⁵⁷. В результате некоторые отечественные эксперты утверждали, что в постсоветский период по отношению к Украине Россия выступала в роли «сырьевого придатка»⁵⁸. Возможно, в этом утверждении есть некоторое публицистическое преувеличение, однако нельзя не признать, что это преувеличение появилось не на пустом месте. С другой стороны, нельзя упускать из вида, что рассмотренная нами картина стала результатом «вымывания» из украинского экспорта значительной части сравнительно низкотехнологичных товаров. Таким образом, российский рынок отказался от украинских товаров, которые было выгодней производить внутри страны или импортировать из «дальнего зарубежья», но сохранил стабильный спрос на высокотехнологическую украинскую продукцию.

2002–2007. Политический фон

Выше мы уже рассмотрели основные тенденции украинской внешней политики в 1992–2002 гг. Как уже говорилось, для дипломатических устремлений Киева на тот момент преобладали евроинтеграционные тренды, а любые проекты интеграции с Россией встречались в штыки. Тема интеграции на постсоветском пространстве сама по себе весьма обширна, поэтому мы ограничимся очень кратким и беглым экскурсом. В каком-то плане, рубежным для интеграционных процессов на постсоветском пространстве стал 1994 г. В этот год и Россия, и Украина подписали соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Евросоюзом и начали переговоры с ГАТТ/ВТО. Однако синхронно с этим Россия предоставила всем странам-членам СНГ режим наибольшего благоприятствования во взаимной торговле⁵⁹, а украинское руководство, по мнению украинских экспертов, именно тогда избрала курс на присоединение Украины к Евросоюзу⁶⁰. Таким образом, к середине 1990-х годов обозначилось два (Российский и Украинский) варианта подхода к экономической интеграции на постсоветском пространстве

Интересно отметить, что темпы падения ВВП в «славянской тройке» постсоветских республик на тот момент, в среднем, были одинаковыми, однако политический выбор в России, Белоруссии и на Украине существенно отличался. Очевидно, что корень этой разницы следует искать во внеэкономической сфере.

Динамика основных макроэкономических показателей Белоруссии, России и Украины в первую половину 1990-х годов (темпы прироста, в %)

Страна	Показатель	1991	1992	1993	1994
Белоруссия	ВВП	-2,0	-10,5	-10,6	-20,2
	Индекс потребительских цен	94,0	1065,0	1188,0	2220,0
Россия	ВВП	-13,0	-19,0	-12,0	-15,0
	Индекс потребительских цен	92,6	1354,0	896,0	302,0
Украина	ВВП	-11,9	-17,0	-13,0	-23,8
	Индекс потребительских цен	91,0	1445,0	4730,9	900,0

Источник: Гайдар Е. Посткоммунистические экономические реформы: прошло пять лет // Вопросы экономики. 1995. № 12. С. 6.

Между тем, потребность в формировании тех или иных экономических объединений назрела и явственно ощущалась как полити-

ками, так и предпринимателями. Свято место пусто не бывает, и раз СНГ не смог взять на себя функции экономического интегратора — на эту вакансию сразу начали претендовать другие международные проекты. Большинство экспертов в области экономики и политологии уже к середине 1990-х признавали, что СНГ как интеграционный проект себя не оправдал⁶¹. В результате на постсоветском пространстве на первый план вышла идея создания тех или иных региональных объединений. Балтийские республики организовали «тройственный союз», в рамках которого они координировали экономическую, внешнеполитическую и даже оборонную политики⁶². Бывшие центральноазиатские республики СССР создали союз, который ожидается был назван Центрально-Азиатским. Искала свой путь региональной интеграции и Россия. Вместо попыток создать на постсоветском пространстве экономический союз, в общих чертах, механизм действия напоминавший ЕС, на первый план была выдвинута концепция «разноскоростной и разноуровневой интеграции»⁶³. По сути, данная формула являлась легитимизацией реально сложившейся на постсоветском пространстве ситуации, при которой страны бывшего советского ареала взаимодействовали в основном на базе двусторонних отношений и, в лучшем случае — создавали сугубо региональные союзы. Отказавшись от замысла создания экономического союза в масштабах всего постсоветского пространства, Россия попыталась возглавить процесс регионализации, сделав упор на развитии двух региональных проектов, в которых она играла очевидно доминирующую роль. Так, уже в 1996 г. Россия подписала с Беларуссией, Казахстаном и Киргизией договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарных сферах. Одним из пунктов этого договора подтверждалось стремление стран-подписантов к созданию таможенного союза. Чуть позднее, 2 апреля 1997 г., был заключен договор о создании Союзного государства России и Беларуссии.

Как уже говорилось выше, договор, подписанный в 1996 г. Россией, Казахстаном, Беларуссией и Киргизией, подразумевал в дальнейшем создание таможенного союза, охватывающего эти страны. Эти планы удалось осуществить, и в 1998 г. был создан Таможенный союз Казахстана, России и Беларуссии, на базе которого 10 октября 2000 г. было создано Евразийское Экономическое Сообщество (ЕвразЭС) в составе России, Беларуссии, Казахстана, Таджикистана и Киргизии⁶⁴. Таким образом, Россия и Украина стали инициаторами создания двух конкурирующих интеграционных проектов на постсоветском пространстве. Россия стала локомотивом консолидации ЕвразЭС, а Украина сделала ставку на ГУУАМ. Однако в 2002 г., пусть на короткое время, но эту конкуренцию удалось притушить — подпи-

сание главами России, Украины, Казахстана и Белоруссии документов о создании Единого экономического пространства (ЕЭП) давало надежду на «перезагрузку» интеграционных процессов на территории бывшего Советского Союза. Соответственно, и российско-украинские торговые взаимоотношения могли рассчитывать на старт с «чистого листа», без учета накопившихся за 1990-е годы противоречий. Действительно, политическое потепление (весьма, надо отметить, малое) 2003 — первой половины 2004 годов давало некоторые надежды на интенсификацию товарооборота между двумя странами. Летом 2004 г. из военной доктрины Украины указом президента было исключено упоминание о подготовке страны к полноправному членству в НАТО и ЕС. Вместо этого обновленная доктрина выражалась более обтекаемо: «интересы национальной безопасности Украины обуславливают существенное углубление отношений с НАТО и ЕС как гарантиями безопасности и стабильности в Европе»⁶⁵. Как видим, смягчение «западного вектора» политики носило скорее декоративный характер, но на фоне постоянной и непрерывной риторики в пользу «западного выбора» и это воспринималось как новый этап. Соответственно, выбранный политический курс определял и приоритетные направления внешнеэкономической деятельности. По крайней мере, — должен был определять. Однако экономические реалии вносили в этот вопрос свои коррективы, в результате чего политика Украины в этом вопросе носила своеобразный двойственный характер.

С приходом к власти «оранжевых» ситуация с двойственностью внешней политики не изменилась. С одной стороны, Ющенко утверждал, что Россия — «вечный стратегический партнер для Украины». С другой стороны, он же настаивал на том, что участие Украины в любых интеграционных проектах с участием России должно основываться на «осознанном понимании национальных интересов». На практике это означало готовность Киева договариваться по поводу свободной торговли и сотрудничества в энергетической сфере, и не более того. Еще более четко высказался министр иностранных дел Украины Б. Тарасюк. Он подчеркнул, что Украина будет участвовать в ЕЭП, постольку, поскольку это не будет препятствовать «курсу евроинтеграции, который провозгласил президент»⁶⁶. Ситуация была тем более абсурдна, с учетом того, что по оценкам экономистов, наибольший экономический эффект в случае динамичного развития международной интеграции в рамках ЕЭП, наступил бы именно на Украине, на втором месте по получению эффекта от полноценного развития ЕЭП могла стать Белоруссия, и лишь на третьем месте по заинтересованности в развитии ЕЭП находилась Россия⁶⁷. Если для Украины особую важность имели (и имеют по сей день) поставки из

стран-партнеров по ЕЭП топлива (в основном — газа), то для России критически были важны поставки мясо-молочной продукции и кооперативные поставки машиностроительных предприятий. Очевидно, что поставки сельскохозяйственной продукции и товаров машиностроения диверсифицировать намного проще, чем поставки энергоносителей, так как в последнем случае потребовались бы колоссальные вложения капитала в создание необходимой инфраструктуры. Тем не менее, именно такой характер внешней политики Украины сохранялся практически на протяжении всех 2000-х гг.

Было бы наивным ожидать, что такой последовательный и упорный отказ от всякого сближения с Россией, проводимый на протяжении 15 лет подряд, не даст свою «проекцию» на внешнеторговую сферу. Разумеется, экономика влияет на политику, но столь же верно и обратное. Надо отметить, что в это пятилетие торгово-экономическое сотрудничество все чаще рассматривалось и в Москве, и в Киеве в свете экономической, политической, технологической и военной безопасности. С одной стороны, Украина, практически с начала 1990-х гг., стремилась диверсифицировать источники углеводородного топлива, что бы не зависеть от единственного поставщика. А с 2004 г. эта тенденция еще более усилилась. С другой стороны, Россия постоянно искала новые пути экспорта собственных углеводородов в Европу, пытаясь избежать зависимости от транзитного монополизма.

Постепенно эта политика распространилась и на другие сферы экономического взаимодействия. Все чаще российские и украинские предприятия на внешних рынках выступали как конкуренты. Особенно характерной такая ситуация была для высокотехнологичных (в первую очередь — оборонных) производств. В результате многие договоренности о сотрудничестве и кооперации, заключенные в начале 2000-х гг., так и остались мертворожденными документами. «Соглашение о взаимодействии на рынках третьих стран», подписанное в 2003 г., практически в силу так и не вступило. Аналогично, осталось на бумаге и генеральное соглашение о сотрудничестве между «Укрспецэкспортом» и «Рособорнэкспортом» от 2001 г. Российская компания «Тактическое ракетное вооружение» взяла курс на постепенное сокращение закупки маршевых двигателей для боевых ракет у ОАО «Мотор Сич», замещая их поставками с Рыбинского моторостроительного завода⁶⁸.

Экономическое развитие Украины в 2002–2007 гг.

Если первое постсоветские десятилетие для Украины стало временем практически сплошного экономического обвала, то период

2002–2007 гг. для украинской экономики был, в целом, удачен. Темпы роста были сравнительно высоки — более 7% в год, до 2004 г. инфляция составляла менее 10%, что может считаться очень хорошим результатом, бюджет был сбалансирован, курс гривны к доллару — практически неизменным, а вплоть до 2006 г. положительным было и сальдо внешней торговли. Опять-таки, до 2006 г. внешние долги (частный и государственный, взятые суммарно) страны были сравнительно невелики и росли весьма умеренно, а с уже имеющимися задолженностями Украина достаточно успешно расплачивалась.

Основные макроэкономические показатели экономики Украины за 2001–2007 гг.

Показатель	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
ВВП, реальный рост, %	9,2	5,2	9,6	12,1	2,7	7,3	7,6
Обменный курс, грн/долл., на конец периода	5,30	5,33	5,33	5,31	5,05	5,06	5,05
Сальдо текущего счета, млрд. долл.	1,4	3,2	2,9	6,8	2,5	-1,6	-5,9
Сальдо текущего счета, % от ВВП	3,7	7,5	5,8	10,6	2,9	-1,5	-4,2
Международные резервы, млрд. долл.	3,1	4,4	6,9	9,5	19,4	22,3	32,5
Внешний государственный долг, % ВВП	26,3	24,1	21,6	19,9	15,6	12,8	10,7
Внешний частный долг, % ВВП	Н.д.	27,0	25,9	27,4	30,4	37,8	49,1

Источник: Шинкарук Л.В. Макроэкономические индикаторы и структурирование экономики Украины // Економіка І прогнозування. Київ. 2009. № 1. С. 110.

Синхронно с этим Украина достаточно активно интегрировалась в мировую экономику.

Интеграция в мировое хозяйство на 2007 г.

Страна	Экспорт товаров и услуг (% от ВВП)	Приток средств иностранных инвесторов (% от общих инвестиций в основной капитал)	Накопленный объем ПИИ (% к ВВП)
Россия	30,5	5,0	38,0
Украина	45,3	3,0	26,6
В среднем по СНГ	44,5	18,3	30,3

Источник: Пылин А.В. Роль глобальных, региональных и национальных факторов в развитии мирового финансово-промышленного кризиса в странах СНГ // Мировой финансовый кризис в постсоветских странах: национальные особенности и экономические последствия. М., 2009. С. 64.

В целом, Россия, Украина, Казахстан и Азербайджан относились к группе постсоветских стран, в наибольшей степени вовлеченных в мировую экономику.

Как уже говорилось, на протяжении рассмотренного периода темпы роста реального ВВП Украины составляли в среднем 7,7% и были наивысшими на постсоветском пространстве, однако существенные характеристики этого роста на протяжении рассматриваемого периода имели значительные различия. В 2002–2004 гг. главной движущей силой, определявшей стремительное нарастание производства, был экспорт товаров (в первую очередь – продукции металлургии, машиностроения и химпрома) и услуг. В 2005–2007 локомотивом развития стало внутреннее потребление, возраставшее в среднем на 18% ежегодно. Наконец, в 2006–2007 гг. определенный позитивный эффект оказало увеличение объема инвестиций (23% в год)⁶⁹.

Однако за годы восстановительного роста и более чем хороших макроэкономических показателей структура выпуска продукции на Украине осталась практически неизменной⁷⁰. В период тяжелейшего спада 1992–1999 гг. промежуточное потребление на Украине составляло от 55 до 61% от ВВП, а в 2001–2007 оно колебалось от 56 до 58%⁷¹. Важно отметить, что новое десятилетие ознаменовалось ростом капиталовложений, что само по себе было крайне отрядным фактом. Рост инвестиций в основной капитал начался в 1998 г. и составлял в 1999–2007 гг. в среднем 14,9% в год, однако по объему инвестиций в основной капитал на душу населения Украина по-прежнему соответствовала Армении и Грузии, уступая в 2–3 раза таким странам, как Россия, Белоруссия и Казахстан⁷².

Динамика инвестиций в основной капитал в странах СНГ

Страна	Отношение инвестиций в основной капитал к ВВП страны (%)			Инвестиции в основной капитал на душу населения (долл./чел.)		
	2000	2003	2007	2000	2003	2007
Азербайджан	20,8	52,1	26,9	136	458	919
Армения	10,5	14,3	21,7	62,5	125	625
Белоруссия	20,1	19,3	26,4	230	347	1216,5
Грузия	6,5	10,0	26,7	45,5	93	617
Казахстан	23,0	28,9	25,8	282	593	1692
Киргизия	14,3	10,5	18,9	41	40	135
Молдавия	7,7	15,0	34,3	28	83	333
Россия	15,9	16,5	19,2	281	498	1768
Таджикистан	10,0	5,3	18,9	16	15	97
Узбекистан	22,6	20,2	21,7	125	78	148
Украина	13,7	19,2	22,0	88	202,5	686

Источник: Вардомский Л.Б., Шурубович, А.В. Модернизация экономики в странах СНГ: типы, ресурсы, инструменты // Економіка І прогнозування. Київ, 2009. № 1. С. 73.

Очевидно, за период 2000–2007 гг. отношение инвестиций в основной капитал к ВВП страны для России увеличилось на 21%, а для Украины — на 61%. Таким образом, в целом, украинская экономика в этот период модернизировалась быстрее российской. При этом нельзя сказать, что такое положение дел объяснялось более эффективной политикой украинского руководства по инновационному развитию. Напротив, на институциональном уровне российская политика в этом вопросе была более энергична⁷³. Очевидно, в данном случае корень проблемы надо искать в большой инерционности российской экономики — для того, чтобы радикально увеличить темпы ее модернизации, требовалось приложить куда большие усилия, чем в случае с относительно небольшой экономикой Украины.

Тем не менее, вплоть до кризиса 2008 г. Украина так и не смогла достичь советского уровня производства. На 2008 г. внутренний валовый продукт независимой Украины составлял 74,1% от ВВП УССР в 1990 г. В 2000–2008 гг. постоянно нарастала дефицитность внешней торговли. За указанный период стоимость экспорта Украины возросла с 14,6 до 67 млрд. долл. (рост в 4,6 раза), а импорта — с 14 до 85,5 млрд. (рост в 6,1 раза)⁷⁴.

Как и в прошлое десятилетие, трудовая миграция и поступления валюты от гастарбайтеров составляли значимую часть экономики страны. По разным оценкам, на середину 2000-х гг. от 4 до 7 миллионов украинцев являлись трудовыми мигрантами. Это составляло от 19,5 до 34,1% экономически активного населения трудоспособного возраста⁷⁵. Объем миграционного капитала, поступившего на Украину через банковскую систему, превысил в 2006 г. 2 млрд. долл. США⁷⁶. На 2008 г. трансграничные денежные переводы из России на Украину составляли 1,69 млрд. долл. США, что соответствовало 0,9% украинского ВВП⁷⁷.

Индексы физического объема ВВП в странах СНГ, %

Страна	2007 к 1991	2007 к 2000
Азербайджан	188	317
Армения	177	229
Белоруссия	152	171
Грузия	84	175
Казахстан	154	197
Киргизия	97	134
Молдавия	61	151
Россия	110	156
Таджикистан	75	183
Узбекистан	152	153
Украина	79	167

Источник: Вардомский Л.Б., Шуробович, А.В. Модернизация экономики в странах СНГ: типы, ресурсы, инструменты // Экономика і прогнозування. Київ, 2009. № 1. С. 70.

В прошлом разделе мы рассмотрели динамику развития украинской промышленности в первое постсоветское десятилетие в сравнении с другими государствами — наследниками СССР. Как обстояли дела в следующем десятилетии?

Очевидно, что ситуация несколько изменилась. Если рассматривать картину прироста индекса физического объема ВВП в 2000—2007 годах, Украина занимает промежуточное положение между группой лидеров, набравших порядка 200% прироста, и группой аутсайдеров, едва преодолевших отметку в 150%. Но если взять более продолжительный отрезок времени, распространить сравнение на весь постсоветский период — картина изменится. Экономический спад конца XX в. был на Украине столь глубок, что рост 2000-х в значительной мере ушел на компенсацию утерянных ранее позиций. В 2003 г. уровень достигнутого объема ВВП в постоянных ценах составил в России — 83,6%, в СНГ в целом — 82%, а на Украине — лишь 59,5%⁷⁸.

Достаточно интересно сравнить экономическую динамику России и Украины не в целом за десятилетие, а погодно.

Динамика темпов прироста реального ВВП (%)

Страна	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	В среднем 2000 — 2008
Россия	10,0	5,1	4,7	7,3	7,2	6,4	7,7	8,1	5,6	6,9
Украина	5,9	9,2	5,2	9,6	12,1	2,7	7,3	7,9	2,1	6,9

Источник: Пылин А.В. Роль глобальных, региональных и национальных факторов в развитии мирового финансово-промышленного кризиса в странах СНГ // Мировой финансовый кризис в постсоветских странах: национальные особенности и экономические последствия. М., 2009. С. 65.

Как видно из таблицы, за исключением 2001 г. экономические тренды для обеих стран совпадали. Росла российская экономика — и на Украине дела шли в гору. Начинались экономические неурядицы на Украине — и в России деловая активность падала. Другое дело, что всякий раз при одинаковом знаке (+/-) вектора, «модуль» этого вектора всегда был ощутимо больше на Украине. Российская экономика, как большой океанский лайнер, обладала огромной инерционностью, и переключившаяся руль с галса на галс крайне неторопливо. Экономика Украины, напротив, не обладала таким инерционным стабилизатором, поэтому каждая экономическая тенденция получала в ней максимальное проявление. Если уж рост — так на 10—12%. Если уж обвал — то до 2—3%. Впрочем, характерно, что в среднем за 8 лет итог динамики ВВП для обеих стран был одинаковым — рост

на 6,9%. Но вот природа роста ВВП на Украине требует более пристального внимания.

Динамика счета текущих операций платежного баланса, % от ВВП

Страна	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Россия	11,1	8,4	8,2	10,1	11,0	9,5	5,9	6,1
Украина	3,7	7,5	5,8	10,6	2,9	-1,5	-3,7	-7,2
СНГ	8,0	6,5	6,2	8,2	8,7	7,4	4,2	5,0

Источник: Пылин А.В. Роль глобальных, региональных и национальных факторов в развитии мирового финансово-промышленного кризиса в странах СНГ // Мировой финансовый кризис в постсоветских странах: национальные особенности и экономические последствия. М., 2009. С. 66.

Таблица наглядно показывает, что вплоть до 2004 г. и Россия, и Украина, и СНГ в целом, имели приблизительно одинаковую динамику платежных балансов. Но в 2005 г., с приходом к руководству страной «оранжевого» правительства, экономический курс Украины резко меняется, и страна начинает, фактически, «жить в долг», причем чем дальше — тем дефицит внешнеторгового баланса все выше. Интересно, что в период кризиса Украина сравнительно мало использовала свои золотовалютные резервы для поддержки собственной экономики. Очевидно, сохранение финансовых резервов на тот момент для украинского руководства было более приоритетно.

Золотовалютные резервы (млн. долл. США)

Страна	Июль 2008	Январь 2009	Сокращение, %
Россия	596566	386894	35,1
Украина	37914	27750	26,8

Источник: Пылин А.В. Роль глобальных, региональных и национальных факторов в развитии мирового финансово-промышленного кризиса в странах СНГ // Мировой финансовый кризис в постсоветских странах: национальные особенности и экономические последствия. М., 2009. С. 70.

В целом, резюмируя, можно отметить, что с точки зрения ряда российских экспертов, на конец 2000-х, Украина являлась наиболее близкой России страной с точки зрения рыночных процессов в экономике и менталитета ведения бизнеса⁷⁹.

Товарооборот в 2002–2007 гг. «Золотое пятилетие»?

За 2000–2007 гг. взаимный товарооборот России и Украины возрос с 8,7 до 29,5 млрд. долл. США⁸⁰. Однако для всего этого периода было характерно систематическое превышение российского экспорта над украинскими поставками. Отрицательное сальдо Украины достигло пика в 2004 г. (6,2 млрд. долл.), но к 2007 г. сократилось до 4,2 млрд. долл. Следует учитывать, что кроме экспорта традиционной продукции, Россия играла очень большую роль и для высокотехнологичного экспорта Украины. Так, на российских потребителей приходилась подавляющая часть производственной кооперации украинских заводов. Аналогично и Украина являлась крупным потребителем как российского сырья, так и российских товаров высокой степени передела. Кроме того, Украина была весьма важна для России как страна, обеспечивающая транзит российских углеводородов в Европу — это обуславливало очень высокую долю России в украинском экспорте услуг. Тем не менее, следует признать, что все же преваляющим фактором в российско-украинском товарообороте было именно минеральное сырье.

Экспорт и импорт России на/из Украины по основным товарным группам (млн. долл. США)

Товарная группа	2000			2007		
	Экспорт	Импорт	Сальдо	Экспорт	Импорт	Сальдо
Продовольствие	127	477	-350	641	1476	-835
Топливо минеральное	3323	29	3294	7610	156	7454
Химические продукты	236	669	-433	1673	1303	370
Черные металлы и продукты из них	108	925	-817	1542	3838	-2296
Машины и оборудование	776	816	-40	3073	4671	-1598
Всего	5024	3491	1533	16425	13325	3100

Источник: Вардомский Л.Б. Взаимные экономические связи в контексте модернизации экономики России и Украины // Экономика і прогнозування. Київ, 2009. № 1. С. 84.

Как видим, за 2000–2007 гг. положительное сальдо торговли России с Украиной возросло всего на 102%, а сальдо минерального топлива — на 126%. С другой стороны, нельзя не обратить внимание на резкий рост российских поставок на Украину химических продуктов — это отрасль так же стала для России прибыльной.

Синхронно с этим снижался удельный вес торгового оборота с Россией для Украины.

**Российско-Украинские экономические связи в 2000–2007 гг., млн. долл.
(только товары, без импорта услуг)**

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Экспорт из Украины – всего	14572,5	16264,7	17957,1	23066,8	32666,1	34228,4	38368,0	49296,1
Экспорт из Украины в Россию	3515,6	3679,5	3189,1	4311,4	5886,2	7490,1	8650,7	12668,5
Импорт на Украину – всего	13956,0	15775,1	16976,8	23020,1	28996,8	36136,3	45038,6	60618,0
Импорт из России на Украину	5824,9	5813,5	6317,1	8645,6	12127,9	12842,5	13787,0	16838,2

Источник: Вардомский Л.Б. Взаимные экономические связи в контексте модернизации экономики России и Украины // Экономика і прогнозування. Київ, 2009. № 1. С. 131.

Таким образом, в 2000 г. на Россию приходилось 42% украинского импорта и 24% – украинского экспорта. К 2007 г. на Россию приходилось лишь 28% и 26% соответственно. Впрочем, следует учитывать, что этот процесс не был равномерен. Скажем, удельный вес экспорта в Россию достиг на Украине минимума в 2002 г, после чего начался прирост российской доли украинского экспорта.

Экспорт Украины в географическом разрезе (%)

Год	Страны СНГ		Остальные страны мира
	Всего	В том числе – Россия	
1996	51,4	38,7	48,6
1997	39,2	26,2	60,8
1998	33,3	23,0	66,7
1999	28,1	20,7	71,9
2000	30,9	24,1	69,1
2001	28,7	22,6	71,3
2002	24,4	17,8	75,6
2003	26,2	18,7	73,8
2004	26,2	18,0	73,8
2005	31,3	21,9	68,7
2006	33,0	22,5	67,0
2007	37,8	25,7	62,2

Источник: Вардомский Л.Б. Взаимные экономические связи в контексте модернизации экономики России и Украины // Экономика і прогнозування. Київ, 2009. № 1. С. 61

При этом основную статью украинского экспорта в Евросоюз составляли различные сырьевые продукты, в то время как в Россию

экспортировались фабрикаты легкой, пищевой, химической, деревообрабатывающей промышленности, машины, механизмы и электрооборудование⁸¹. То есть российский сегмент экспорта был для Украины крайне важен в плане сохранения своих относительно высоких технологий.

Впрочем, удельный вес импорта на Украину в российском товарообороте так же снижался. Если в середине 1990-х на Россию приходилось более половины украинского ввоза, то затем удельный вес российских поставок начал снижаться и достиг локального «дна» в 2002 г. на отметке 37,2%. Затем начался рост до 41,8% в 2004, но далее политика «оранжевого» правительства окончательно определила вектор как внешнеполитических, так и внешнеторговых предпочтений Украины, и далее доля России в украинском импорте только падала, в 2007 г. скатившись до 27,8%

Импорт на Украину в географическом разрезе (%)

Год	Страны СНГ		Остальные страны мира
	Всего	В том числе – Россия	
1996	63,5	50,1	36,5
1997	57,7	45,8	42,3
1998	53,8	48,1	46,2
1999	56,9	47,2	43,1
2000	57,6	41,7	42,4
2001	56,0	36,9	44,0
2002	52,8	37,2	47,2
2003	50,0	37,6	50,0
2004	52,4	41,8	47,6
2005	47,1	35,5	52,9
2006	44,8	30,8	55,2
2007	42,2	27,8	57,8

Источник: Вардомский Л.Б. Взаимные экономические связи в контексте модернизации экономики России и Украины // Экономика і прогнозування. Київ, 2009. № 1. С. 61.

В 2009 г. доля украинского экспорта в Россию составляла около 20% всего украинского экспорта, а доля российского экспорта на Украину – лишь 5%⁸².

Выше мы отмечали, что преобладающим товаром в российском экспорте на Украину оставалось минеральное сырье. Что ж, это так. Однако более детальный анализ структуры российско-украинской торговли позволяет выделить в этом сюжете довольно важные нюансы.

Сравнительная характеристика отраслевой структуры экспорта России и Украины в их двусторонней торговле (%).

	2000	2005	2006	2007
<i>Основные статьи российского экспорта</i>				
Топливо минеральное, нефть и нефтепродукты	66,1	32,6	55,9	46,3
Реакторы ядерные, котлы, оборудование и химические устройства	9,2	7,8	7,3	8,2
Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного, их части и принадлежности	2,8	5,5	5,9	6,6
Черные металлы	1,3	5,0	5,4	7,7
Каучук, резина и изделия из них	1,6	2,1	2,1	2,3
Электрические машины и оборудование, их части	1,7	1,8	1,9	2,2
Всего экспорт (млн. долл.)	5023,9	12401,6	14984,5	16425,3
<i>Основные статьи российского импорта</i>				
Черные металлы	15,8	17,1	17,8	17,3
Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства	12,4	12,2	12,3	11,7
Изделия из черных металлов	10,7	9,1	13,8	11,5
Железнодорожный подвижной состав	0,5	8,7	8,3	10,8
Продукты неорганической химии, соединения органические и неорганические	6,8	5,5	6,2	5,1
Электрические машины и оборудование, их части	5,0	4,6	5,1	5,8
Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного, их части и принадлежности	3,4	2,3	4,8	5,9
Молоко и молочные продукты	1,9	5,3	1,5	2,0
Всего импорт (млн. долл.)	3491,0	7819,3	9234,0	13325,4

Источник: Блинов А.О., Сидорова А.В. Внешнеэкономическое сотрудничество России и Украины на современном этапе. // ЭКО. 2009. № 12. С. 84.

Как видим, превалировало сырье, однако его удельный вес постепенно шел на спад. В то же время такие категории российского экспорта на Украину, как черные металлы и продукция транспортного машиностроения пусть понемногу, но явно прибавляли в весе. Во встречаемых поставках с Украины такой постоянный прирост демонстрировали так же товары транспортного машиностроения. Вообще надо отметить, что удельный вес машиностроения в украинском экспорте в Россию в 2000-х годах стабильно превышал 25%, а в 2002 г. он поднялся даже до 35%⁸³. Для ряда украинских товаров российский рынок в конце 2000-х являлся основным. В Россию поступало 70% всего украинского экс-

порта железнодорожных локомотивов, молока и молочных продуктов, а так же алкоголя. На Россию приходилось половина украинского экспорта автомобилей, около трети — изделий из черных металлов, электрических машин, продукции неорганической химии, сахара и кондитерских изделий. Разумеется, в российском экспорте на Украину преобладали энергоносители, но даже если вывести импорт углеводородов из России за скобки, на долю прочих российских товаров приходилось 18% совокупного украинского импорта⁸⁴. В 2007 г. удельный вес поставок в Россию составил 20,3% украинского импорта продукции машиностроения, 9,5% — химической промышленности, 12,4% — металлов и изделий из них⁸⁵. В некоторых случаях украинские предприятия были попросту монополистами в поставках на российский рынок того или иного типа оборудования. Например, российский импорт свеклоуборочных и кукурузоуборочных машин, а так же рядовых жаток и паровых насосов состоял на 100% из украинских поставок⁸⁶.

Выше мы рассматривали взаимную российско-украинскую торговлю в товарном выражении. Однако следует учитывать своеобразную неравновесность торговли этих двух стран. Если в российском экспорте доля услуг была незначительна, то в украинском экспорте в Россию ситуация складывалась совершенно иным образом.

Динамика внешней торговли между Украиной и Россией (млрд. долл.)

Показатель	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Внешнеторговый оборот, всего	11,6	11,8	12,1	15,4	20,3	23,3	26,2	33,6	39,8
Товары	9,34	9,49	9,5	12,9	17,7	20,3	22,5	29,5	35,1
Услуги	2,23	2,26	2,55	2,49	2,6	3,0	3,7	4,1	4,7
Экспорт Украины в Россию, всего	5,57	5,74	5,5	6,5	8,2	10,1	11,8	16,1	19,5
Товары	3,52	3,68	3,2	4,3	5,9	7,5	8,7	12,7	15,7
Услуги	1,05	2,06	2,3	2,2	2,3	2,6	3,1	3,4	3,8
Импорт из России на Украину, всего	6,0	6,01	6,55	8,89	12,1	13,2	14,4	17,5	20,3
Товары	5,82	5,81	6,3	8,6	11,8	12,8	13,8	16,8	19,4
Услуги	0,18	0,2	0,25	0,29	0,3	0,4	0,6	0,7	0,9
Баланс торговли Украины с Россией, всего	-0,43	-0,27	-1,1	-2,39	-3,9	-3,1	-2,6	-1,5	-0,8
Товары	-2,3	-2,13	-3,1	-4,3	-5,9	-5,3	-5,1	-4,17	-3,7
Услуги	1,87	1,86	2,05	1,91	2,0	2,2	2,5	2,7	2,9

Источник: Блинов А.О., Сидорова А.В. Внешнеэкономическое сотрудничество России и Украины на современном этапе // ЭКО. 2009. № 12. С. 125.

Как видим, с учетом импорта услуг баланс Украины в российско-украинской торговле хотя и оставался отрицательным, но уже в значительно меньшей степени. Обращает на себя внимание, что наибольшую роль экспорт услуг с Украины играл в 2002 г., когда на него приходилось более 40% всего украинского экспорта. В дальнейшем удельный вес экспорта украинских услуг начинает снижаться.

Накануне кризиса 2008 г. Россия и Украина по-прежнему представляли важнейших внешнеэкономических партнеров друг для друга.

Доля взаимных экономических связей в общем объеме международных связей России и Украины в 2007 г. (%)

Показатель	Украина	Россия
Экспорт товаров	25,7	4,6
Импорт товаров	27,8	6,7
Экспорт услуг	37,8	4,5
Импорт услуг	14,1	4,3

Источник: Вардомский Л.Б. Взаимные экономические связи в контексте модернизации экономики России и Украины. // Экономика і прогнозування. Київ, 2009. № 1. С. 81.

В результате кризиса 2008 г. российско-украинская торговля сократилась в 2,3 раза (I квартал 2009 г. по сравнению с I кварталом 2008 г.), что превышает средний спад внешней торговли этих стран. Это объяснялось тем, что в товарообороте России и Украины на тот момент преобладали товары, спрос на которые в условиях кризиса сжался наиболее резко⁸⁷. Однако дальнейшие события уже практически вплотную приближаются к нашим дням, поэтому автор этих строк, будучи историком, предпочитает поставить здесь точку, оставив дальнейшее — экономистам.

Мы же позволим себе очень кратко подытожить.

На протяжении всех 1990-х гг. руководство Украины последовательно придерживалось прозападного политического курса, хотя соображения экономической целесообразности столь же последовательно пытались развернуть основной вектор украинской политики на восток. Эта политико-экономическая раздвоенность наложила на российско-украинскую торговлю весьма своеобразный отпечаток. При выборе характера экономических преобразований Украина столь же последовательно раз за разом выбирала вариант минимизации текущих издержек за счет пролонгации восстановительного периода на длительный срок. Как показала практика, в среднесрочной

перспективе это был менее эффективный путь, по сравнению с «шоковой терапией», как правило, применяемой в России. Вследствие этого даже к рубежу XX/XXI веков Украина все еще «балансирует на грани» крупномасштабных реформ, что объективно затрудняло представителям российских деловых кругов ведение крупных торговых операций с украинскими партнерами. Под влиянием этих причин взаимный торговый оборот двух стран постоянно снижался, и лишь в первые годы XXI в. начался очень медленный рост двусторонней торговли.

В первое десятилетие XXI в. обе страны вступили под знаком экономического роста. Относительный прирост в процентах по итогам периода по обе стороны российско-украинской границы был равен, однако, ввиду того, что Украина начинала этот рост со значительно более низкого стартового уровня, результаты украинской экономики в абсолютных цифрах выглядели менее выдающимися. В политическом плане, по большому счету, мало что изменилось. Некоторое потепление политики Киева к Москве 2002–2003 гг. после «оранжевой революции» сошло на нет. Тем не менее, объем товарооборота между Россией и Украиной в этот период существенно вырос. С другой стороны, следует учитывать, что увеличиваясь в абсолютных цифрах, он сокращался в относительных. Россия и Украина все еще оставались важными экономическими партнерами друг друга, но степень этой важности мало-помалу снижалась.

Библиография

- Блинов А.О., Сидорова А.В. Внешнеэкономическое сотрудничество России и Украины на современном этапе // ЭКО. 2009. № 12.
- Бофингер П., Флассбек Г., Хоффманн Л. Экономика ортодоксальной монетарной стабилизации: пример России, Украины и Казахстана // Вопросы экономики. 1995. № 12.
- Вардомский Л.Б. Взаимные экономические связи в контексте модернизации экономики России и Украины // Экономика і прогнозування. Київ. 2009. № 1.
- Вардомский Л.В., Пылин А.В. Экономический кризис в Украине: причины глубокого спада и особенности антикризисной политики // Мировой финансовый кризис в постсоветских странах: национальные особенности и экономические последствия. М., 2009.
- Вардомский Л.Б., Шуробович А.В. Модернизация экономики в странах СНГ: типы, ресурсы, инструменты. // Економіка і прогнозування. Київ. 2009. № 1.
- Василенко Ю.В., Приходько Т.И. Проблемы расширения товарообмена между Беларусью, Россией и Украиной // Проблемы прогнозирования. 1999. № 5.
- Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю. Экономическое сотрудничество России и Украины. М., 2004.
- Волынский Г. Влияние мирового финансово-валютного кризиса на экономику России и Украины // Бизнес-Информ. 1998. № 9.

- Гайдар Е. Посткоммунистические экономические реформы: прошло пять лет // Вопросы экономики. 1995. № 12.
- Гарнетт Ш. Искушение интеграцией // Россия и ее соседи. Вып. 1. М., 1995.
- Геец В.М. Проблемность структурных трансформаций экономики стран с развивающимися рынками // Економіка І прогнозування. Київ. 2009. № 1.
- Годин Ю. У разведенного моста // Беларуская думка. 2001. № 6.
- Годин Ю.Ф. Экономическое сотрудничество между Россией и Украиной // Внешнеэкономический бюллетень. 2004. № 9. С. 10.
- Домбровски М., Гурски У., Ярочиньски М. Инфляционные последствия кризиса в России и на Украине // Вопросы экономики. 1999. № 8.
- Дошаев Р.М. Единое экономическое пространство — форма интеграции в условиях рынка. М., 2005.
- Евзеров Р.Я. Украина с Россией: вместе или врозь? М., 2000.
- Евченко Н.Н. Россия и Украина: каким может быть внешнеторговое партнерство? // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2001. № 4.
- Егоров И.Ю. Динамика структурных изменений и технологический прогресс в украинской экономике // Промышленная политика России и Украины в условиях перехода к инновационной модели развития. М., 2003.
- Запатрина И. Формирование национальных проектов: зарубежный опыт и возможности для Украины // Экономика Украины. 2008. № 1.
- История железнодорожного транспорта России. XIX—XXI вв. М., 2012.
- Кириш А.В. Судороги законодательства, конвульсии рынка // ЭКО. 1994. № 9.
- Клоцвоч Ф.Н., Сухотин А.Б., Чернова Л.Б. Прогнозирование экономического развития России, Белоруссии, Казахстана и Украины // Проблемы прогнозирования. М., 2009.
- Косикова Л.С. Производственное сотрудничество России с Украиной: тенденции и противоречия. // Российский экономический журнал. 2002. № 2.
- Косикова Л. Интеграционный проект «Единое экономическое пространство России, Украины, Белоруссии и Казахстана». (Концепции, содержание, правообеспечение, этапы и перспективы реализации) // Российский экономический журнал. 2004. № 11—12. С. 51.
- Ленчук Е.Б., Егоров Е.Ю. Сходство и различия в процессах построения национальных инновационных систем России и Украины // Проблемы науки. Київ. 2009. № 12.
- Лебединская Л. Социально-экономические последствия реформирования собственности // Бизнес-Информ. 1998. № 9.
- Макогон Ю.В., Ляшенко В.И. Формы и направления межрегионального трансграничного экономического сотрудничества. Донецк, 2002.
- Макогон Ю., Черниченко Г., Смирнов А. Внешнеэкономические связи Украины и России: инвестиционно-экологический аспект. // Экономика Украины. Киев, 2001. № 4.
- Максимова М.М. «Евразийский вариант» интеграции: факторы pro et contra (экономический аспект) // Вестник РГНФ. 1997. № 3.
- Мартынюк П.С. Производительность труда на пороге XXI в. Перспективы развития экономики Украины // Россия на пороге XXI века: закономерности и проблемы развития. Архангельск, 1998.
- Манцев Д. За стратегию экономического реализма в межреспубликанских отношениях // Российский экономический журнал. М., 1992. № 10.
- Модели модернизации в странах переходной экономики. М., 2009.
- Мошес А. Российско-украинские отношения в период до 2000-го года // Россия и ее соседи. Вып. 1. М., 1995.
- Пивовар Е.И. Постсоветское пространство. Альтернативы интеграции. Исторический очерк. СПб., 2008.

- Примбетов С. Перспективы интеграции центральноазиатских государств // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 6.
- Пылин А.В. Роль глобальных, региональных и национальных факторов в развитии мирового финансово-промышленного кризиса в странах СНГ // Мировой финансовый кризис в постсоветских странах: национальные особенности и экономические последствия. М., 2009.
- Россия и зарубежные страны: сравнение по основным показателям // Вопросы экономики. 1995. № 12.
- Россия и зарубежные страны: сравнение по основным показателям // Вопросы экономики. 1996. № 1.
- Русначенко А.Н. Социально-политический кризис и стачка 1993 г. // Социальные проблемы, трудовые конфликты и рабочие организации в СНГ. М., 1994.
- Соколова Т.В. Социальная модернизация российского и украинского общества как необходимый фактор повышения конкурентоспособности национальных экономик // Економіка І прогнозування. Київ, 2009. № 1.
- Социально-экономическое развитие постсоветских стран. Итоги двадцатилетия. М., 2012.
- Сурков Ю. Юго-западный сосед и партнер России — Украина // Внешняя торговля. М., 1993. № 11.
- Третьяк Е.Д. Акционерные общества России и Украины // Финансы. 1997. № 8.
- Федулова Л.И. Инновационно-технологическое взаимодействие Украины и России // Проблемы прогнозирования. М., 2009.
- Цветков В. Россия и Украина: перспективы сотрудничества // Общество и экономика. 2009. № 3.
- Шинкарук Л.В. Макроэкономические индикаторы и структурирование экономики Украины // Економіка І прогнозування. Київ, 2009. № 1.
- Экономика и связи с Россией / Совет по внешней политике при Ком. Госдумы по междунар. делам и др. М., 2003. Т. 2.
- Экономическое славяноведение. Екатеринбург; ИжевскЮ 2004.
- Юданов Ю. Восточноевропейский регион СНГ: поиск новых концепций «благоприятности инвестиционного климата» // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 10.

Примечания

¹ Егоров И.Ю. Динамика структурных изменений и технологический прогресс в украинской экономике // Промышленная политика России и Украины в условиях перехода к инновационной модели развития. М., 2003. С. 40; Манцев Д. За стратегию экономического реализма в межреспубликанских отношениях // Российский экономический журнал. М., 1992. 10. С. 14.

² Из числа этих работ хотелось бы выделить две, на взгляд автора этих строк, важнейшие: Пивовар Е.И. Постсоветское пространство. Альтернативы интеграции. Исторический очерк. СПб., 2008.; Социально-экономическое развитие постсоветских стран. Итоги двадцатилетия. М., 2012.

³ Макогон Ю.В., Ляшенко В.И. Формы и направления межрегионального трансграничного экономического сотрудничества. Донецк, 2002. С. 23.

⁴ Мошес А. Российско-украинские отношения в период до 2000-го года // Россия и ее соседи. Вып. 1. М., 1995. С. 29.

⁵ Тут хотелось бы сделать методическое отступление. Автор этих строк знает и помнит, что в постсоветский период политики и журналисты постсоветских стран весьма деятельно учили жителей России русскому языку. Нам предписывалось произносить «Таллинн» с двумя «н», нам объясняли, что правильно говорить «в Украину», что нет такой страны — Киргизия, а есть «Кыргызстан». Как показала практика, буквальное

следование всем этим требованиям и ценным указаниям не привело ни к чему. От того, что мы выламывали собственные языки, пытаясь выговорить удвоенное «н», к нам не стали лучше относиться в Эстонии. В то же время хотелось бы отметить, что давно и безусловно состоявшимся государствам, совершенно неважно, как мы их называем — Франция или «Франс», Германия или «Дойчланд», Китай или «Чжун-го». Поэтому в данной статье мы позволим себе использовать традиционные для русского языка топонимы.

⁶ Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю. Экономическое сотрудничество России и Украины. М., 2004. С. 20.

⁷ Сурков Ю. Юго-западный сосед и партнер России — Украина // Внешняя торговля. М., 1993. № 11. С. 15.

⁸ Егоров И.Ю. Указ. соч. С. 43.

⁹ Бофингер П., Флассбек Г., Хоффманн Л. Экономика ортодоксальной монетарной стабилизации: пример России, Украины и Казахстана // Вопросы экономики. 1995. № 12. С. 26.

¹⁰ Евченко Н.Н. Россия и Украина: каким может быть внешнеторговое партнерство? // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2001. № 4. С. 46.

¹¹ Домбровски М., Гурски У., Ярочиньски М. Инфляционные последствия кризиса в России и на Украине // Вопросы экономики. 1999. № 8. С. 28.

¹² Русначенко А.Н. Социально-политический кризис и стачка 1993 г. // Социальные проблемы, трудовые конфликты и рабочие организации в СНГ. М., 1994. С. 45.

¹³ Гарнетт Ш. Искушение интеграцией // Россия и ее соседи. Вып. 1. М., 1995. С. 24.

¹⁴ Максимова М.М. «Евразийский вариант» интеграции: факторы pro et contra (экономический аспект) // Вестник РГНФ. 1997. № 3. С. 121.

¹⁵ Юданов Ю. Восточноевропейский регион СНГ: поиск новых концепций «благоприятности инвестиционного климата» // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 10. С. 64.

¹⁶ Волынский Г. Влияние мирового финансово-валютного кризиса на экономику России и Украины // Бизнес-Информ. 1998. № 9. С. 22.

¹⁷ Годин Ю. У разведенного моста // Беларуская думка. 2001. № 6. С. 11.

¹⁸ Лебединская Л. Социально-экономические последствия реформирования собственности // Бизнес-Информ. 1998. № 9. С. 81.

¹⁹ Третьяк Е.Д. Акционерные общества России и Украины // Финансы. 1997. № 8. С. 18.

²⁰ Кириш А.В. Судороги законодательства, конвульсии рынка. // ЭКО. 1994. № 9. С. 94.

²¹ Запатрина И. Формирование национальных проектов: зарубежный опыт и возможности для Украины // Экономика Украины. 2008. № 1. С. 75.

²² Василенко Ю.В., Приходько Т.И. Проблемы расширения товарообмена между Беларусью, Россией и Украиной // Проблемы прогнозирования. 1999. № 5. С. 130.

²³ Евченко Н.Н. Указ. соч. С. 45.

²⁴ Домбровски М., Гурски У., Ярочиньски М. Указ. соч. С. 29.

²⁵ Волынский Г. Указ. соч. С. 46.

²⁶ Там же. С. 45.

²⁷ Экономическое славяноведение. Екатеринбург; Ижевск, 2004. С. 127.

²⁸ Макогон Ю.В., Ляшенко В.И. Указ. соч. С. 28.

²⁹ Федулова Л.И. Инновационно-технологическое взаимодействие Украины и России // Проблемы прогнозирования. М., 2009. С. 129.

³⁰ Евченко Н.Н. Указ. соч. С. 47.

³¹ Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю. Указ. соч. С. 22.

³² Федулова Л.И. Указ. соч. С. 129.

³³ На Украине традиционно применяется термин «промышленно-финансовая группа», но сущностно ПФП и ПФГ практически эквивалентны, поэтому мы будем применять российский термин.

- ³⁴ Федулова Л.И. Указ. соч. С. 129.
- ³⁵ Там же. С. 27.
- ³⁶ Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю. Указ. соч. С. 23.
- ³⁷ Косикова Л.С. Производственное сотрудничество России с Украиной: тенденции и противоречия // Российский экономический журнал. 2002. № 2. С. 72.
- ³⁸ Евзеров Р.Я. Украина с Россией: вместе или врозь? М., 2000. С. 40.
- ³⁹ Косикова Л.С. Производственное сотрудничество России с Украиной: тенденции и противоречия. С. 72.
- ⁴⁰ Егоров И.Ю. Указ. соч. С. 57.
- ⁴¹ История железнодорожного транспорта России. XIX—XXI вв. М., 2012. С. 498.
- ⁴² Косикова Л.С. Производственное сотрудничество России с Украиной: тенденции и противоречия. С. 73.
- ⁴³ Мошес А. Указ. соч. С. 51.
- ⁴⁴ Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю. Указ. соч. С. 87.
- ⁴⁵ Этот вопрос удалось окончательно урегулировать только в конце 1994 г.
- ⁴⁶ Мошес А. Указ. соч. С. 39.
- ⁴⁷ Там же. С. 52.
- ⁴⁸ Макогон Ю., Черниченко Г., Смирнов А. Внешнеэкономические связи Украины и России: инвестиционно-экологический аспект // Экономика Украины. Киев, 2001. № 4. С. 80.
- ⁴⁹ Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю. Указ. соч. С. 19.
- ⁵⁰ Василенко Ю.В., Приходько Т.И. Указ. соч. С. 131.
- ⁵¹ Там же. С. 132.
- ⁵² Федулова Л.И. Указ. соч. С. 130.
- ⁵³ Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю. Указ. соч. С. 9.
- ⁵⁴ Экономика и связи с Россией / Совет по внешней политике при Ком. Госдумы по междунар. делам и др. М., 2003. Т. 2. С. 36.
- ⁵⁵ Макогон Ю., Черниченко Г., Смирнов А. Указ. соч., С. 80.
- ⁵⁶ Экономика и связи с Россией... Т. 2. С. 37.
- ⁵⁷ Макогон Ю., Черниченко Г., Смирнов А. Указ. соч. С. 80.
- ⁵⁸ Мартынюк П.С. Производительность труда на пороге XXI в. Перспективы развития экономики Украины // Россия на пороге XXI века: закономерности и проблемы развития. Архангельск, 1998. С. 37.
- ⁵⁹ Василенко Ю.В., Приходько Т.И. Указ. соч. С. 130.
- ⁶⁰ Макогон Ю.В., Ляшенко В.И. Указ. соч. С. 20.
- ⁶¹ Максимова М.М. Указ. соч. С. 118.
- ⁶² Там же. С. 119.
- ⁶³ Косикова Л. Интеграционный проект «Единое экономическое пространство России, Украины, Белоруссии и Казахстана». (Концепции, содержание, правообеспечение, этапы и перспективы реализации) // Российский экономический журнал. 2004. № 11—12. С. 51.
- ⁶⁴ Примбетов С. Перспективы интеграции центральноазиатских государств // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 6. С. 140.
- ⁶⁵ Годин Ю.Ф. Экономическое сотрудничество между Россией и Украиной // Внешнеэкономический бюллетень. 2004. № 9. С. 10.
- ⁶⁶ Дошаев Р.М. Единое экономическое пространство — форма интеграции в условиях рынка. М., 2005. С. 180.
- ⁶⁷ Клоцвог Ф.Н., Сухотин А.Б., Чернова Л.Б. Прогнозирование экономического развития России, Беларуси, Казахстана и Украины // Проблемы прогнозирования. М., 2009. С. 30.
- ⁶⁸ Вардомский Л.Б. Взаимные экономические связи в контексте модернизации экономики России и Украины // Экономика і прогнозування. Київ, 2009. № 1. С. 86.
- ⁶⁹ Там же. С. 112.
- ⁷⁰ Гец В.М. Указ. соч. С. 64.
- ⁷¹ Там же. С. 55.

- ⁷² Модели модернизации в странах переходной экономики. М., 2009. С. 18.
- ⁷³ Ленчук Е.Б., Егоров Е.Ю. Сходство и различия в процессах построения национальных инновационных систем России и Украины // Проблемы науки. Київ, 2009. № 12. С. 2–3.
- ⁷⁴ Вардомский Л.В., Пылин А.В. Экономический кризис в Украине: причины глубокого спада и особенности антикризисной политики // Мировой финансовый кризис в постсоветских странах: национальные особенности и экономические последствия. М., 2009. С. 283.
- ⁷⁵ Соколова Т.В. Социальная модернизация российского и украинского общества как необходимый фактор повышения конкурентоспособности национальных экономик // Економіка І прогнозування. Київ, 2009. № 1. С. 125.
- ⁷⁶ Там же. С. 126.
- ⁷⁷ Пылин А.В. Указ. соч. С. 81.
- ⁷⁸ Вашанов В.А., Бровчук Г.Ю. Указ. соч. С. 14.
- ⁷⁹ Федулова Л.И. Указ. соч. С. 137.
- ⁸⁰ Вардомский Л.В. Указ. соч. С. 80.
- ⁸¹ Там же. С. 60.
- ⁸² Блинов А.О., Сидорова А.В. Внешнеэкономическое сотрудничество России и Украины на современном этапе // ЭКО. 2009. № 12. С. 122.
- ⁸³ Федулова Л.И. Указ. соч. С. 130.
- ⁸⁴ А если не выводить – 27%.
- ⁸⁵ Блинов А.О., Сидорова А.В. Указ. соч. С. 125.
- ⁸⁶ Цветков В. Россия и Украина: перспективы сотрудничества // Общество и экономика. 2009. № 3. С. 76.
- ⁸⁷ Вардомский Л.В. Указ. соч. С. 304.

Научная мысль

Преодолевая народничество: концепции аграрной экономики Б.Д. Бруцкуса

Аннотация: Рассматривается вклад российского экономиста Б.Д. Бруцкуса (1874–1938) в развитие аграрно-экономической теории; выделяются этапы и факторы эволюции его экономического мировоззрения от поддержки народничества — к либерализму и маржинализму; раскрываются противоречия его теории сельского хозяйства. Прослеживается связь его теории с «организационно-производственной школой» и современной аграрной историографией.

Ключевые слова: история экономической мысли, теория крестьянского хозяйства, организационно-производственная школа, либерализм, маржинализм, Бруцкус.

Борис Давидович Бруцкус (3 (15).10.1874—7.12.1938) известен как один из самых глубоких и острых критиков экономической системы социализма. Его работы, содержащие анализ экономической политики большевистского правительства в период «военного коммунизма», нэпа и первых пятилеток, писались по горячим следам, в 1920—1930-е гг., преимущественно в эмиграции. Заново открытые в годы «перестройки», они воспринимались в демократической среде как пророческие¹. В них он предстал ученым с определенной, сложившейся системой взглядов — либералом и оппонентом советской власти. Биографии и научному наследию Бруцкуса посвящены 2 книги на русском языке². Монография Н.Л. Роголиной проанализировала его творчество преимущественно как экономиста-историка. Данная статья — об эволюции его взглядов как экономиста-аграрника. Этот аспект до сих пор мало затрагивался исследователями. Известно, что до революции Б.Д. Бруцкус примыкал к «организационно-производственному направлению», которое исповедовало особую теорию крестьянского хозяйства и специфический взгляд на перспективы развития сельского хозяйства. Насколько глубоко и органично эта доктрина входила в его систему взглядов? Каково было место Б.Д. Бруцкуса в рядах сторонников этого направления? Насколько сохранилась его приверженность

* Кузнецов Игорь Анатольевич — кандидат исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, repytwjd68@mail.ru

этим аграрным концепциям, после того как он перешел к критике социализма? Характерно, что большинство представителей «организационно-производственной школы» — А.В. Чайнов, А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров и др., — будучи социалистами, сотрудничали с советской властью «до последнего». Когда и почему разошлись их дороги с Бруцкусом?

Страницы биографии

Б.Д. Бруцкус родился в местечке Паланген Курляндской губернии (ныне г. Паланга, Литва). Его семья никогда не имела отношения ни к земледелию, ни к землевладению; отец был огранщиком и торговцем янтарем, позже владельцем кожевенной фабрики. Борис вырос в Москве, где в 1891 г. окончил гимназию. Золотая медаль открывала ему дорогу в университет, но в тот год по приказу генерал-губернатора евреи были выселены из Москвы. В 1892 г. он поступил на медицинский факультет Варшавского университета, однако в 1894 г. оставил его, чтобы, вопреки воле семьи, перейти в Ново-Александрьевский институт сельского хозяйства и лесоводства. Мотивы этого поступка не известны, но не секрет, что в те годы одаренных юношей в агрономию влекли разного рода возвышенные идеалистические стремления. Вероятно, его привлекал поиск путей оседания евреев на землю, движение к которому обозначилось и в России, и в других странах, и которое затем привело к колонизации Палестины. Так или иначе, выбор Бруцкуса — агрономия — был нетипичным в его среде.

Городок Новая Александрия (ныне Пулавы) был уездным центром Люблинской губернии, расположенным в 120 верстах от Варшавы, на берегу Вислы. Институт, только что прошедший очередное реформирование, имел 4-х летний курс обучения на русском языке и готовил агрономов и лесоводов для службы управляющими частными имениями или в государственных ведомствах. Бруцкус застал там сильную профессию во главе с директором — всероссийски известным геологом, почвоведом В.В. Докучаевым, при котором царил дух «свободы от начальства»³. Статистику вел обожаемый студентами А.Ф. Фортунатов, проповедовавший крестьянофильские и общиннофильские идеи. Политэкономии и экономике сельского хозяйства — известный критик народничества и крестьянской общины А.И. Скворцов. Здесь, как сообщает биограф, Борис «несколько заинтересовался русскими общественными проблемами и в споре между марксистами и народниками тяготел тогда к народникам»⁴. Но этих своих учителей он оценит позже, а тогда его увлекали есте-

ственные науки. Химию блистательно читал Д.П. Павлов (брат знаменитого физиолога), физиологию животных и медицину — не менее яркий профессор А.С. Саноцкий. Студенческая работа Б.Д. Бруцкуса по физиологии «О питательном значении аспарагина» была удостоена золотой медали института и опубликована.

По окончании института, Б.Д. Бруцкус жил в Петербурге, где 10 лет проработал агрономом при центральном комитете Еврейского колонизационного общества (1899—1908). Часто ездил по разным губерниям России, инспектируя еврейские земледельческие поселения, и писал об их состоянии и проблемах⁵. С 1908 г. до революции основной заработок ему давала служба в страховых компаниях — «Российском транспортном страховом обществе», затем обществе «Россия». Параллельно с 1907 г. он читал лекции по «экономии и организации хозяйства, аграрной политике и истории сельского хозяйства» на Петербургских (Каменноостровских) высших сельскохозяйственных курсах и при Императорском сельскохозяйственном музее. После революции курсы преобразовались в Сельскохозяйственную академию им. И.А. Стебута, а с 1922 г. — в Петроградский сельскохозяйственный институт. Б.Д. Бруцкус был профессором академии и института, деканом экономического факультета, преподавал также в Институте народного хозяйства, Кооперативном институте и Институте еврейских знаний⁶. К моменту ареста и высылки из страны в ноябре 1922 г. он считался уже известным специалистом в области сельскохозяйственной экономики и аграрного вопроса. А также «одним из самых крайних врагов советской власти, одним из самых непримиримых противников марксизма»⁷.

Ранние работы в области аграрной теории

Первой заметной аграрно-экономической работой Б.Д. Бруцкуса была статья о крестьянском хозяйстве в энциклопедии Брокгауза и Ефрона (1903). Как и полагается энциклопедической статье, она представляет не результаты оригинального исследования, а компиляцию из имеющихся в литературе сведений по предмету. В данном случае были обобщены идеи, хорошо знакомые по трудам российских народников и европейских «ревизионистов»: В.П. Воронцова, Н.А. Каблукова, Ф. Герца, Э. Давида, С.Н. Булгакова и др., на которых Бруцкус прямо ссылался. Вряд ли можно сомневаться, что автор разделял положения, под которыми поставил свою подпись. Выделим важнейшие из них, поскольку именно они намечают основные линии дальнейшей эволюции его взглядов.

Крестьянское хозяйство определялось как «мелкое сельскохозяйственное предприятие, в котором работы выполняются главным образом или в значительной мере трудом хозяина и членов его семьи»⁸. Утверждалось качественное своеобразие этого типа хозяйства, принципиально отличного от капиталистического (крупного), и непригодность категорий классической экономической теории для его описания: «Крестьянское хозяйство — своеобразная производственная форма, особенности которой не могут быть выяснены понятиями, выработанными при анализе капиталистического производства. /.../ Эти понятия здесь неприменимы, так как самая цель производства в мелком хозяйстве не та, что в крупном. Цель капиталиста — извлечение прибыли, цель крестьянина — удовлетворение потребностям его семьи»⁹.

Отличия на практике виделись в следующем. Крестьянское хозяйство может вестись гораздо интенсивнее, чем крупное; его интенсификация происходит за счет затрат труда, если труду нет более выгодного приложения вне хозяйства. Крестьянин может платить более высокую цену и арендную плату за землю, чем хозяин крупного имения, т.к. «в крестьянском хозяйстве цена земли есть плата за право на самостоятельный и независимый труд»¹⁰. В силу этого крестьянское хозяйство предполагалось более жизнеспособным, чем капиталистическое.

Объяснение конкурентных преимуществ мелкого хозяйства находилось в специфике сельскохозяйственного производства, обусловленной, в конечном счете, самой природой. В сельском хозяйстве предполагалось почти невозможным развитие механизации и разделения труда — двух важнейших факторов победы крупного (капиталистического) хозяйства над кустарным в промышленности. «Если в условиях экстенсивного хозяйства при культуре зерновых хлебов машинное производство сохраняет за собой известные преимущества, то с интенсификацией хозяйства роль их (машин) постоянно сокращается. В интенсивном скотоводстве, в огородничестве, в виноградарстве роль машин совершенно ничтожна», — писал Б.Д. Бруцкус. Здесь обращает на себя внимание, что интенсификацию автор связывает исключительно с затратами труда, но не капитала (машин). И далее: «Второе боевое оружие капитализма — разделение труда — может иметь лишь совершенно ничтожное значение в сельском хозяйстве. Главную массу работ здесь составляют работы на поле — а они производятся одновременно и потому не могут быть поделены между отдельными рабочими»¹¹.

Крестьянское хозяйство устойчиво к колебаниям рыночной конъюнктуры, которые способны разорить крупное. Аргументация:

«Почти всегда крестьянское хозяйство в известной мере работает для собственного потребления», и поэтому «очевидно, что по отношению к части валового дохода, потребляемого в хозяйстве, рыночные цены не имеют никакого значения»¹².

Экономические преимущества крупного хозяйства — доступ к кредиту и рынку, а также более высокая культура — считались уже преодоленными. Мелкие хозяйства организуют кредит и выходят на рынок посредством кооперации, усваивают достижения науки и культуры через развитие агрономической помощи населению. По крайней мере, таков опыт Западной Европы, утверждалось в статье.

Заключение полностью укладывалось в народнический дискурс: «Таким образом, все отрицательные стороны капитализма особенно ярко выражены в земледелии. Наоборот, мелкое производство в земледелии имеет много преимуществ с общественной точки зрения. Являясь особенно удобной формой для интенсивирования производства, мелкое хозяйство значительно содействует увеличению емкости данной территории по отношению к населению. Крестьянство противодействует физическому вырождению населения под влиянием ненормальных условий городской жизни»¹³. Это относилось к крестьянству вообще. Описывая положение крестьянства в России, статья воспроизводила другие народнические тезисы: «...Крестьянское хозяйство совершенно не в состоянии удовлетворить даже продовольственных потребностей крестьянской семьи. /.../ Крестьянин не только не производит достаточно хлеба, он не в состоянии его купить. /.../ Итак, русское крестьянство находится в состоянии хронического недоедания. /.../ Имеющиеся неполные статистические сведения говорят за то, что положение крестьянского хозяйства не улучшается, а постоянно ухудшается. /.../ Данные конских переписей говорят об общем обеднении всех групп крестьян...» и т.п.¹⁴ Эти выводы перешли со страниц известного коллективного труда под редакцией А.И. Чупрова и А.С. Посникова¹⁵.

Таким образом, исходным моментом в развитии экономического мировоззрения Б.Д. Бруцкуса были народнические теории об особом строе крестьянского хозяйства и преимуществах «мелкого производства» в земледелии, которые занимали преобладающее положение в науке и общественной мысли того времени.

Самостоятельное теоретизирование Б.Д. Бруцкуса начинается со статьи «К критике учений о системах хозяйства» (1909)¹⁶. Вопрос о классификации систем имел к тому времени уже давнюю традицию в российской аграрной науке, идущую с 1860-х гг., и оставался дискуссионным. Здесь Б.Д. Бруцкус оспаривал идею своего учителя А.И. Скворцова, который классифицировал хозяйства по их главному рыночному

продукту. Суть возражений сводилась к тому, что при такой классификации вне ее остаются натуральные хозяйства, не имеющие рыночной ориентации, и многочисленные переходные формы, между тем как в действительности именно такие хозяйства составляют большинство. Скворцов нетипичное принял за типичное. Бруцкус предлагал вернуться к признаку интенсивности хозяйства, как основному критерию их классификации. Но как он трактовал интенсивность?

В российской академической аграрной науке со времен А.П. Людоговского под интенсивностью понималась величина затрат труда и капитала на единицу земельной площади. Выгодность интенсификации в таком понимании обуславливалась развитием рынка. Каждое повышение цен на продукты сельского хозяйства делало возможным увеличение затрат, повышение цен на землю делало его необходимым. Форма интенсификации — за счет труда или капитала, того или иного вида, — определялась относительной дешевизной этих факторов¹⁷. В народнической литературе к XX в. сложилось иное понимание вопроса. Поскольку в центре внимания народников стояло «трудовое» крестьянское хозяйство, не ориентированное на рынок, развитие рынка не рассматривалось в качестве основного фактора аграрной эволюции. Интенсивность сельского хозяйства в этой парадигме определялась уровнем затрат живого труда на единицу площади. Интенсификация — рост трудозатрат — мыслилась функцией роста плотности населения.

Б.Д. Бруцкус следовал в русле народнической традиции, не рефлектируя по этому поводу. Для него было очевидным, что «при натуральном хозяйстве степень плотности населения есть единственный экономический фактор, который через уровень интенсивности определяет собой систему хозяйства»¹⁸. Сохраняется ли действие этого фактора при переходе от натурального к рыночному хозяйству? Рассматривая опыт разных стран, автор приходил к компромиссному выводу, что на низших ступенях интенсивности для организации хозяйства не имеет значения, работает ли оно для рынка или на собственное потребление, «рыночные отношения накладывают отпечаток лишь на хозяйства высшей интенсивности»¹⁹. Итогом размышлений Б.Д. Бруцкуса по данному вопросу стал тезис, что для классификации систем хозяйства следует использовать одновременно два критерия — степень интенсивности и характер рыночных продуктов, причем первый является основным. В окончательном виде этот вывод был сформулирован уже в следующей статье, написанной для сельскохозяйственной энциклопедии (1912)²⁰.

В новой статье снова четко звучала идея, что «уровень интенсивности хозяйства меняется в пространстве в соответствии с густотой

сельского населения»²¹. К этому времени данный тезис был конституирован в науке работами А.Н. Челинцева, родоначальника возникшего тогда «организационно-производственного направления»²². Личное знакомство всех будущих «организационников», вероятно, произошло в 1911 г. на Московском областном съезде деятелей агрономии, в котором участвовал и Бруцкус.

Б.Д. Бруцкус и организационно-производственное направление

Он выступал на съезде дважды: в прениях по докладу А.В. Чаянова на пленарном заседании и с самостоятельным докладом о формах кооперации на секции. Доклад юного Чаянова, в котором перед земскими агрономами ставилась задача изучать крестьянское хозяйство с учетом особенностей его организации и трудопотребительской мотивации, вызвал бурную полемику. Б.Д. Бруцкус был среди тех, кто поддержал идею о специфике хозяйства крестьян, заявив, что «Чаянов формулировал те мысли, которые бродят в среде агрономов»²³. Его собственные мысли заключались в том, что интенсификация крестьянского хозяйства должна идти все же «в соответствии с рыночными условиями». Второе выступление развивало этот тезис: важнейшей задачей в деле реорганизации крестьянского хозяйства Б.Д. Бруцкус называл «переход от экстенсивного производства для натурального потребления к более интенсивному производству для рынка», для чего необходимо «внесение в крестьянское хозяйство значительного количества капитала, как оборотного, так и основного»²⁴. И эту роль должна сыграть кооперация, преимущественно кредитная.

Рынок, рассматриваемый как важный фактор развития крестьянского хозяйства, был новым для Б.Д. Бруцкуса моментом, внимание к которому выделяло его среди ученых «организационно-производственного направления». Недаром в дальнейшем, разделяя основные подходы коллег к вопросам крестьянского хозяйства и аграрной эволюции, Б.Д. Бруцкус все же стоял особняком, не относясь к тому тесному кругу единомышленников, которые именовали себя «артелью» (А.В. Чаянов, Н.П. Макаров, А.А. Рыбников и др.). Не участвовал он и в работах по сбору и анализу бюджетной статистики, развернутых «организационщиками». Однако думается, именно они составляли для Бруцкуса референтную группу, и его аграрно-экономические работы стоит рассматривать в контексте развития идей этой школы.

С 1913 г. в Харькове начинает выходить «Агрономический журнал», вокруг которого группируются аграрники разного профиля,

в том числе «организационно-производственного направления». Б.Д. Бруцкус был одним из активных авторов журнала с момента создания до закрытия в 1917 г. На страницах этого журнала появился ряд его статей, составивших затем небольшую книгу «Очерки крестьянского хозяйства на Западе» (1914). Лейтмотивом этой работы был тезис, что крестьянское хозяйство в условиях рыночной экономики побеждает капиталистическое, оно способно к дальнейшему прогрессу и, с народнохозяйственной точки зрения, выгоднее капиталистического — убеждения, безусловно разделявшиеся всеми «организационщиками».

Здесь снова подчеркивалась противоположность целей и внутренней организации двух типов хозяйств: крестьянского и капиталистического. С «капиталистической точки зрения, крестьянское хозяйство является нецелесообразной экономической организацией», т.к. в нем капитал получает меньшую оплату²⁵. Поэтому для крестьянского хозяйства надо искать иное «оправдание», полагал Б.Д. Бруцкус, его «следует рассматривать преимущественно как организацию, длительно обеспечивающую наилучшее использование труда крестьянской семьи»²⁶. Причем речь идет не о более высокой оплате труда домохозяина-работника (зарплата наемного работника вполне может оказаться выше), но именно о более полном использовании труда всех членов семьи, включая женщин, стариков и детей, труд которых в капиталистическом хозяйстве скорее всего был бы не востребован и вовсе не получал бы оплаты. «Крестьянское хозяйство является центром кристаллизации рабочих сил сельского населения», тогда как слабой стороной капиталистического хозяйства является неспособность содержать постоянных рабочих в силу сезонности сельскохозяйственного труда. Следовательно, делал вывод Б.Д. Бруцкус, крестьянское хозяйство — лучшее с точки зрения «использования труда в интересах трудового населения»: «Господство крестьянского хозяйства укрепляет экономическую позицию трудящихся классов и повышает ёмкость территории страны для населения»²⁷.

Более того, крестьянское хозяйство представлялось более совершенной организацией «и для целей потребления». Ведь в нем значительная часть продуктов потребляется в натуре, минуя рынок, и исчезновение крестьянского хозяйства приведет, в масштабе народного хозяйства, к увеличению числа торговцев и посредников. Исчезновение домашнего хозяйства, ведущегося женщинами-крестьянками, при переселении крестьянских семей в города приведет к соответствующему повышению денежных расходов, к возникновению оплаты квартир в городах и т.п. народнохозяйственных затрат,

которые, по убеждению автора, ведут лишь к вздорожанию общественного потребления при понижении количества общественного труда, который может быть производительно использован²⁸.

В соответствующем духе был выдержан и конечный вывод: в сельском хозяйстве, в отличие от индустрии, «труд успешно борется за первенство с капиталом и направляет производство согласно своим интересам. Трудовое сельское хозяйство, а не аграрный капитализм является в настоящую эпоху наиболее приспособленной к условиям хозяйственной организацией»²⁹. Оно же выступает и главной прогрессивной силой современного общества.

В целом, в данной работе снова проявились вполне социалистические, народнические в своей основе идеалы Б.Д. Бруцкуса. В центре его мировоззрения находится оппозиция «труд — капитал». Предпочтение отдано труду. Крестьянское хозяйство, как трудовое, признается лучшей формой организации производства. Однако наряду с этим в очерках Б.Д. Бруцкуса есть и нечто другое, что отчасти уже выводит его за рамки социалистических направлений. Это — оправдание частной собственности на землю, свободного земельного рынка и ипотеки.

Б.Д. Бруцкус критикует расхожие народнические представления, что частная собственность и свободная мобилизация земли ведут к уничтожению крестьянства, образуя, на одном полюсе, латифундии, на другом, — бесконечно дробящиеся карликовые хозяйства. Статистика землевладения Западной Европы опровергает эти предположения. Концентрация земли в гигантские владения экономически невыгодна. Дробление же крестьянских хозяйств, если они не в общине, а при частной собственности, имеет естественный предел. Рынок в определенный момент заставляет крестьян устанавливать обычай единонаследия. При этом единственный наследник хозяйства выделяет остальным их доли в денежной форме, деньги же он берет, заложив землю. Необходимость в дальнейшем выплачивать ипотеку заставляет его вести хозяйство не ниже определенного уровня интенсивности. Тем самым ипотечный кредит выступает регулятором сельскохозяйственного производства. Не средством закабаления и угнетения крестьян, как утверждали народники, а необходимым элементом экономики сельского хозяйства, при помощи которого мелкое хозяйство выдерживает конкуренцию с крупным. «Гипотечный кредит является для крестьянства не бедствием, а тем тараном, которым оно разбивает исторические твердыни крупного землевладения», — говорит Бруцкус³⁰. В этом вопросе он расходится с большинством российских аграрных теоретиков, сближаясь с позицией С.Н. Булгакова, высказанной еще в 1900 г.³¹

Теория сельского хозяйства Б.Д. Бруцкуса

В фарватере булгаковского «Капитализма и земледелия» следовала и важнейшая теоретическая работа Б.Д. Бруцкуса дореволюционного периода «Основной закон сельского хозяйства», печатавшаяся в «Агрономическом журнале» в 1916—1917 г.³² В чем же, по его мнению, состоял основной закон?

Таковым предлагалось считать «закон убывающей производительности затрат», или в иной формулировке «убывающей производительности труда» («убывающего плодородия почвы»): «При последовательном приложении затрат к одному и тому же участку... производительность земли возрастает непропорционально делаемым затратам», по убывающей³³. Отрицание или недооценка этого закона, по его мнению, является причиной неудовлетворительного состояния науки экономики сельского хозяйства, более того, «экономия сельского хозяйства может быть построена лишь на признании закона убывающей производительности труда»³⁴. Известным критиком этого закона был А.И. Скворцов, таким образом, Б.Д. Бруцкус снова выступал оппонентом своего учителя, и не только его.

Вообще по поводу истории этого «закона» в российской аграрно-экономической науке можно сказать следующее. Он пришел из классической политэкономии через Дж.С. Милля. Специальной критике «закона» были посвящены работы М.В. Неручева 1870-х гг., А.И. Скворцова 1890-х гг. и др. Аргументы критиков сводились не только к тому, что технический прогресс парализует действие закона, — на это обращал внимание еще сам Милль. Наши агрономы-экономисты указывали прежде всего на то, что в хозяйственной практике речь никогда не идет о простом умножении затрат одного и того же фактора на единице площади. Хозяин при определении рентабельности считает сумму затрат всех видов на всю систему хозяйства, и за счет возможности перераспределения затрат в системе, в сущности, за счет способности сельского хозяйства к превращениям органического вещества, когда из отходов одной отрасли выходит бесплатное сырье для другой, экономика предприятия получается совсем иной. Блестящий теоретический анализ этого положения дал А.П. Людоговский еще в 1872 г. На основе тенденции падающей отдачи последовательно прилагаемых затрат одного и того же фактора производства он, предвосхищая маржиналистов, строил свои теории систем хозяйства и организации хозяйства. Теория Людоговского учитывала два момента: 1) факторы брались в ценностном выражении, а не в натуре; 2) убывающая отдача одного фактора приводила

к замещению его другими факторами производства по их относительной ценности, в частности, труда — капиталом и наоборот. Замещение факторов всякий раз меняет структуру затрат, это вызывает перестройку системы хозяйства таким образом, что при новой системе рентабельность хозяйства повышается, а именно рентабельность и есть главный экономический показатель. Таким образом, «закон» убывающей производительности затрат на практике не мешает росту рентабельности хозяйства, наоборот, в исторической перспективе он ее стимулирует. К началу XX в. большинство российских экономистов-аграрников (включая А.И. Чупрова, Н.А. Каблукова, А.Н. Челинцева) отрицали существование этого «закона» как закона эволюции народного хозяйства. С.Н. Булгаков воскресил «закон убывающего плодородия», пытаясь обосновать им тезис о преимуществах крестьянского хозяйства, но встретил резкую критику.

Сам Б.Д. Бруцкус уже высказывался в пользу этого закона, посвятив ему специальную статью в сельскохозяйственной энциклопедии в 1912 г.³⁵ В ней он сделал интересное наблюдение, что противниками закона выступали, как правило, социалисты. Однако уже там была видна ограниченность его аргументации. Закон трактовался как «закон непропорционального затратам возрастания урожая», что подразумевает соотнесение затрат и результатов в натуральном, а не стоимостном выражении (используется категория «урожай», а не «доход»). Этот закон «есть закон технический, а потому его действие прежде всего проявляется в натуральном, трудовом хозяйстве, где оно не осложняется меновыми процессами»³⁶. То есть в рыночном хозяйстве, где затраты и результаты измеряются ценностью, закон не очевиден. В начале статьи говорилось о «затратах труда и капитала на единице площади», однако далее у Бруцкуса происходил логический сбой: закон «выражается в том, что при каждой системе хозяйства высшей интенсивности получение единицы продукта... требует большей затраты труда, чем при системе хозяйства низшей интенсивности; при этом предполагается, что хозяйства стоят на одинаковом техническом уровне»³⁷. То есть в понятие интенсивности автор включает только затраты труда, оставляя затраты капитала вообще за скобками. Некорректность такой формулировки очевидна.

Привел ли Б.Д. Бруцкус в новой работе какие-либо новые аргументы? Пожалуй, нет. Его «Основной закон...» воспроизводил отменные противоречия, демонстрируя скорее отсутствие целостности экономического мировоззрения и творческий поиск.

Итак, «закон формулирует изменение в отношении между продуктом и трудом при последовательной затрате последнего на одном и том же участке»³⁸. Здесь сразу обращает на себя внимание невы-

сказанная предпосылка, что продукт в сельском хозяйстве производится только трудом. А как же капитал? Далее Б.Д. Бруцкус отмечает, что затраты представляют собой сумму труда и капитала, но «рассматривая капитал, как кристаллизированный труд, мы можем и все затраты свести к единству, измеряя количество затраченного на производство труда его продолжительностью при определенной напряженности»³⁹. Аргумент из марксистской политэкономии: капитал есть производное труда. Заметим, что в такой постановке вопроса, всякое сельское хозяйство уже по определению можно понимать как трудовое хозяйство на земле.

Чтобы соотносить количества получаемых в сельском хозяйстве продуктов, Б.Д. Бруцкус предлагает в качестве единицы измерения калорию. Он полагает, что ценность продуктов можно определить объективно, связав с их питательной ценностью, «калорическим эффектом в организме». Далее он сравнивает цены калорий в разных продуктах, находя, что «основную потребность в пище человек всегда удовлетворяет теми питательными продуктами, в коих калория ему обходится всего дешевле»⁴⁰.

Со своей точки зрения он закономерно приходил к выводу, что производительность труда в сельском хозяйстве, в исторической перспективе, падает, по крайней мере, имеет тенденцию к падению⁴¹. Действительно, если мы принимаем, что прогресс сельского хозяйства проявляется в его интенсификации, т.е. в увеличении затрат на единицу площади, если производительность последовательных затрат падает, и если затраты сводятся к затратам труда, то, естественно, всякая интенсификация хозяйства понижает производительность труда. «Закон убывающей производительности труда вытекает из необходимости при интенсификации хозяйства заменять естественно действующие силы трудом человека», — пишет Б.Д. Бруцкус, снова сводя сельское хозяйство к взаимодействию лишь двух факторов — природы и труда, и снова исключая из поля зрения капитал⁴².

Что же в таком случае вообще понимается под капиталом в сельском хозяйстве? Из контекста всей работы Бруцкуса явствует, что он склонен отождествлять капитал с техникой, машинами. Согласно традиционной теории, капитал в сельском хозяйстве — это прежде всего скот, а также и удобрения, и семена, и мелиорации, и постройки; увы, теория Бруцкуса их в этой роли не видит.

Б.Д. Бруцкус признает, что технический прогресс повышает производительность труда. Но он убежден, что сельское хозяйство, в отличие от индустрии, по своей природе мало поддается техническому прогрессу. Поэтому тенденция к падению производительности труда

здесь перевешивает тенденцию к росту. В аргументации этого тезиса явно видны некоторые натяжки. Например, говоря о применении минеральных удобрений, Бруцкус подменяет понятие и говорит о росте «производительности почвы», а не производительности труда⁴³. Повышение производительности труда в фермерских хозяйствах США, широко применяющих машины, выводится за скобки, и всюду на страницах своих работ он называет американское сельское хозяйство экстенсивным. И т.п. Кстати, такой взгляд на американское сельское хозяйство был характерен для многих аграрников, в частности, для всех представителей «организационно-производственной школы».

В чем конечный смысл предлагавшейся Б.Д. Бруцкусом теории? Во-первых, эта теория виделась ему необходимой для обоснования тезиса, что основным фактором аграрной эволюции является демографический: «Закон убывающей производительности труда является прежде всего необходимой предпосылкой для понимания основного факта экономии сельского хозяйства — *соответствия уровня интенсивности хозяйства густоте населения* (курсив автора. — И.К.). Исторически этот факт выражается в том, что отдельные страны лишь в меру сгущения в них населения переходят от экстенсивных систем хозяйства к более интенсивным»⁴⁴. Тот же вывод имели работы А.Н. Челинцева, но в них тезис о плотности населения, определяющей интенсивность сельского хозяйства, развивался без ссылок на закон убывающей производительности. Вероятно, Б.Д. Бруцкус считал свой «основной закон» более правильной и глубокой предпосылкой демографической концепции.

Во-вторых, из признания «основного закона» следовало, что в условиях развития мирового рынка и средств сообщения земледелие оттесняется в экстенсивные слабозаселенные страны, т.к. «экстенсивное хозяйство, где оно возможно, обеспечивает наивысшую производительность»⁴⁵ и «рынком данного продукта овладевают те хозяйства, кои производят его при наиболее экстенсивных условиях»⁴⁶.

Третьим следствием было признание крестьянского трудового хозяйства наиболее адекватной формой организации сельскохозяйственного производства. Именно оно за счет трудоинтенсификации выигрывает в конкуренции с капиталистическим сельским хозяйством благодаря способности платить высшие цены за землю.

В сущности, «основной закон» подводил фундамент под многие давние убеждения автора. Рассматривая эту работу Б.Д. Бруцкуса в контексте «организационно-производственной школы», трудно отделаться от впечатления, что он стремился дополнить работы коллег, как бы предлагая вписать их теории среднего уровня — теории

крестьянского хозяйства Чайнова и демографической аграрной эволюции Челинцева — в некую более общую экономическую теорию сельского хозяйства.

С позиции этого закона Б.Д. Бруцкус, как и они, утверждал приоритет сельского хозяйства над промышленностью, городом. Возражая Тюнену и «многим другим западноевропейским экономистам», считавшим, «что будто бы экономия города определяет экономию деревни», он называл такой взгляд аберрацией, «между тем как в действительности правильно обратное положение: деревня из недр своих рождает город и определяет его экономику»⁴⁷. Идея о том, что «в действительности» рынок определяет экономику и того, и другого, Б.Д. Бруцкуса не вдохновляла. Рынок виделся одним из факторов развития, влияние которого скорее накладывается на эволюцию сельского хозяйства, совершающуюся не под его воздействием.

Открытие «основного закона» Б.Д. Бруцкусом свидетельствует об уже состоявшемся к этому времени его знакомстве с маржинализмом. Закон падающей производительности, отмечал он, есть основание теории ренты Рикардо, которую не опровергают и «новые учения о меновой ценности хозяйственных благ, исходящие из принципа предельной полезности»⁴⁸. Действительно, маржинализм расширил принцип рикардианской теории ренты до значения общего принципа экономического анализа. Однако осознание маржиналистской теории в полной мере придет к Бруцкусу позже.

Оценки столыпинской реформы

Отход Б.Д. Бруцкуса от собственных первоначальных убеждений наметился не в области аграрно-экономической теории, а в сфере аграрной политики. Из лагеря народников его увела столыпинская реформа. Биограф отмечает, что здесь сказалось влияние П.Б. Струве, с которым Б.Д. Бруцкус активно общался в «Союзе освобождения», где он, тогда еще агроном ЕКО, был одним из трех представителей еврейских организаций⁴⁹. Так или иначе, уже вскоре после начала реформы он, один из немногих в демократическом лагере, выступил с поддержкой ее ключевых моментов. Редакция «Вестника сельского хозяйства», публикуя в 1908 г. его первую статью об аграрной реформе, даже сочла нужным дать примечание, что не разделяет авторских взглядов⁵⁰.

Позиция Б.Д. Бруцкуса была двойственной: заявления о том, что правительственный курс противоречит «народным интересам», парадоксально сочетались с признанием всех основных элементов

аграрной реформы правильными. «Идеи хуторного расселения и выдела из общины, выдвинутые в аграрной политике правительства, — писал он, — следует признать жизненными, и передовые элементы русского общества не должны бороться против них, а должны стремиться очистить их от скверны землевладельческих интересов, парализующих их положительное значение»⁵¹. Хутор признавался оптимальной формой для мелкого хозяйства. Противоположной хутору формой землепользования им объявлялась не община, как это традиционно полагалось в литературе, а деревня. Именно деревенское расселение, по мнению Б.Д. Бруцкуса, создавало чересполосицу и принудительный севооборот, от которых крестьянское хозяйство должно было отказаться. Причина аграрного кризиса, вызвавшего необходимость реформ, им формулировалась также нестандартно; в то время как большинство авторов говорили о крестьянском «малоземелье», он не использовал этого понятия, но нашел иную формулировку: «крестьянин в некоторых районах России вообще не находит приложения своему труду»⁵². То есть вопрос рассматривался с другого конца: дело не в нехватке земли, а в избытке труда. Поэтому он не говорил и о необходимости расширения крестьянского землевладения, а применял формулу: «необходимо, чтобы земля стала поглощать больше труда»⁵³. За этим стояла старая идея трудоинтенсификации. В то же время признавались и меры по расселению крестьян а) на внеадельные земли, б) на окраины империи, в) в промышленные центры. Поскольку правительственная реформа решала эти задачи, она считалась верной.

Разъяснению своей позиции Б.Д. Бруцкус в следующем году посвятил специальную брошюру⁵⁴. Для нее характерна та же двойственность. Утверждалось, что «расселение на геометрически правильно очерченные хутора наиболее радикально устраняет все недостатки деревенского уклада»⁵⁵. Однако вносились поправки и исключения. Так, препятствием к расселению на хутора могли быть 1) естественные условия, в частности, отсутствие источников воды; 2) наличие в деревне развитой «промышленной» деятельности, т.е. если крестьяне жили уже не столько земледелием, а побочными промыслами; 3) малоземелье («там целесообразнее ограничиться частичными поправками в существующий аграрный строй»)⁵⁶. На примерах из истории стран Западной Европы Бруцкус показывал важность, сложность и длительность процессов землеустройства. Как бы в упрек царской администрации он подчеркивал, что в странах Запада земельное законодательство ничего не навязывает населению.

Бруцкус различал деревню и общину. Выступая за хутора, он выступал против деревни, но это еще не значило, что против общины.

«Землеустройство в общинной России является вопросом гораздо менее назревшим, чем в Западной России, — полагал он, соглашаясь с распространенными мнениями земских агрономов. — В общинной России можно по пути культуры пройти еще довольно длинный путь в рамках принудительного севооборота...»⁵⁷ Вообще, «при общинном землевладении землеустройство есть внутреннее дело общины». Б.Д. Бруцкус выражал надежду, что «при культурном воздействии на общину она будет постепенно реорганизовывать свою территорию в соответствии с требованиями техники»⁵⁸. В конечном счете, и землеустройство не самоцель, а лишь «вспомогательная мера для культурного прогресса крестьянского хозяйства»⁵⁹.

Можно предположить, что за этой осторожностью и компромиссностью авторской позиции стояло недовольство чересчур активным административным давлением, обрушившимся на общину в первые годы реформы. Административные методы тогда вызывали отторжение отнюдь не только у радикальных противников правительства «слева», но почти у всех образованных людей с развитым правосознанием. Спустя несколько лет, когда первоначальные перекосы были исправлены, когда заработал закон о землеустройстве 1911 г., а главное, когда стали видны первые итоги реформы, оценки Б.Д. Бруцкуса стали более определенными и позитивными.

В 1914 г. он не без сарказма писал: «Нам понятна скорбь передовой части русского общества по поводу того, что руководство аграрными реформами выскользнуло из рук демократии, но эта скорбь... не оправдывает огульно-отрицательного отношения ко всей системе правительственной политики... Даже наш реакционный режим стоит не вне народа и не над ним, и многое, что он делает, является отражением назревших потребностей народной жизни»⁶⁰. О жизнеспособности общины он высказывался теперь в том духе, что если бы она была крепка, то проявила бы более сильное сопротивление.

В 1917 г. оценка стала еще более определенной: «Можно прямо утверждать, что именно в эпоху контрреволюции русское крестьянское хозяйство сдвинулось с той мертвой точки, на которой оно стояло в течение десятилетий. И как бы мы отрицательно ни относились к старому режиму, несомненно, что он, поскольку это было совместимо с его природой, стремился прогресс крестьянского хозяйства поддержать»⁶¹.

Окончательно и безоговорочно правоту курса П.А. Столыпина Б.Д. Бруцкус признал в работах 1920-х гг., будучи в эмиграции: «Его мероприятия несомненно вели к разрешению аграрного кризиса. /.../ Община была опаснейшей миной, таившейся под фундаментом русского народного хозяйства»⁶². В ряде работ он дал исторический

очерк аграрных реформ в России с 1861 г., уделив особое внимание итогам столыпинской реформы⁶³. Впрочем, в этих книгах Б.Д. Бруцкус выступал уже не как теоретик аграрного вопроса, а как историк.

Выступления 1917 г.

1917 г. стал, по-видимому, решающим в плане закрепления экономического мировоззрения Б.Д. Бруцкуса на либеральном пути. В этом году ему пришлось не раз участвовать в дискуссиях по аграрному вопросу. После свержения монархии Совет Вольного экономического общества обратился к нему, к первому из числа аграрников, с предложением выступить на заседании общества со своим видением аграрной программы демократического правительства. Доклад состоялся 6 апреля.

Некоторые положения доклада повторяли общепризнанные в демократической среде истины. Но по многим пунктам он шел вразрез с умонастроениями революционного большинства. Общепризнанными были: 1) требование принудительного отчуждения частновладельческих земель и 2) убежденность в блестящих перспективах трудового хозяйства на базе кооперации и общественной агрономии.

Явно непопулярными были следующие предложения Б.Д. Бруцкуса. Принудительное отчуждение земель должно произойти с обязательным выкупом, т.к. и после революции должны сохраняться рынок земли, рента, кредит, банковская система, ибо они — регуляторы экономики. Так, рента не просто нетрудовой доход землевладельца, а «выражение того среднего напряжения, с которым земля в интересах народного хозяйства должна быть использована»⁶⁴. Далее, новая власть должна продолжить и развить основные элементы столыпинской аграрной политики: переселение и землеустройство. Б.Д. Бруцкус возражал против возвращения к общине, она вредна с народнохозяйственной точки зрения. Он выступал за мелкую частную собственность на землю. Ученый понимал непопулярность своих идей и прямо призывал демократическую общественность к пересмотру старых взглядов, хотя бы и «освященных кровью мучеников». В частности, призвал отказаться от лозунга «права на землю», который виделся ему «натурально-хозяйственной переработкой лозунга права на труд», выдвинутого когда-то европейскими социалистами⁶⁵.

Б.Д. Бруцкус расходился с большинством современников в диагнозе причин аграрного кризиса в России. В его основе лежало не «малоземелье», а аграрное перенаселение, полагал он. «Причина русского аграрного кризиса... — это медленный темп экономического

развития России, не соответствующий ни международному положению ее, ни темпу нарастания ее населения»⁶⁶. Из такого понимания вытекала необходимость мер по ускорению развития. Эти меры он видел в плоскости либеральной экономической политики.

В сущности, аграрная программа Бруцкуса состояла в том, что России следует сохранить достигнутые результаты столыпинской реформы и на их основе двигаться дальше — к крестьянскому хозяйству западноевропейского типа, работающему в рыночной экономике и пользующемуся всеми ее инструментами и достижениями. Думается, не случайно, что следующее его выступление — доклад на съезде Лиги аграрных реформ, состоявшийся 23 июня, был посвящен опыту земельной политики иностранных государств⁶⁷. Какой же именно опыт он считал полезным для России?

Он приходил к выводу, что в данный исторический момент аграрная политика стран Запада не может быть образцом для нашей страны, поскольку она решает иные задачи на иной стадии развития. Европа решает проблему удержания на земле населения, стремящегося в город. Аналогии с Россией следовало искать в прошлом Европы: «Это объясняется тем, что в Западной Европе аграрный вопрос в нашей его постановке уже был решен в предшествующую эпоху, в эпоху либеральных реформ. Эпоха либерализма, освободив личность, освободила вместе с тем такой громадный запас энергии в сфере экономического строительства, что в конце концов широкое развитие производительных сил было достигнуто. Где политический переворот совершила демократия, этот процесс прошел для нее совершенно безболезненно. /.../ Где крупные землевладельцы сумели захватить землю,... там народные бедствия были более значительны, и они были ликвидированы только на почве грандиозного развития промышленного капитализма»⁶⁸. Бруцкус выражал надежду на то, что пришедшая к власти российская демократия также даст гарантии свободы личности, защитив при этом личность от капиталистической эксплуатации, и на этом пути будет решен наш аграрный вопрос.

Однако атмосфера лета 1917 г. была электризована идеями отнюдь не экономического либерализма, а социализма. Народнические настроения преобладали в среде демократических политиков, аграрных специалистов и ученых и оказывали решающее влияние на новую власть. По сути, власть была в руках народнически настроенной интеллигенции. И внепартийная Лига аграрных реформ, объединявшая почти всех известных аграрников, и сменявшиеся кабинеты Временного правительства, и его Главный земельный комитет вынашивали проекты обобществления земли. Споры шли лишь о формах, методах и сроках. Этой теме было посвящено второе высту-

пление Б.Д. Бруцкуса в Вольном экономическом обществе, прозвучавшее 13 июля. В нем обращает на себя внимание резкая полемическая направленность против «народников».

Б.Д. Бруцкус ставил вопросы о том, насколько возможно обобществление земли, и будет ли оно содействовать прогрессу народного хозяйства. Отвечая на первый вопрос, он указывал, что на практике обобществление сведется к однократному изъятию и перераспределению земель крестьянами, после которого государственная власть уже не сможет ими распоряжаться. Проекты «народнических партий» о постоянной системе государственного регулирования аграрных отношений через земельные комитеты — не более чем утопии. Надо отметить, что в этом он оказался прав, опыт «черного передела» 1918—1920 гг. подтвердил реалистичность его взгляда.

Ответ на второй вопрос был отрицательным. Сторонники обобществления исходили из признания главной проблемой России крестьянского «малоземелья». Бруцкус не отрицал того факта, что сельскохозяйственная площадь на душу сельского населения в центральных земледельческих районах, в Поволжье и на Украине была меньше, чем во многих странах Западной Европы⁶⁹. Но суть проблемы он видел не в этом. «Русский аграрный кризис», повторял Б.Д. Бруцкус, «вызван исключительно медленным темпом развития народного хозяйства», следствием которого является аграрное перенаселение: «несообразно большой процент населения сидит на земле»⁷⁰. Перераспределение земли даст только временную передышку крестьянству. Вывод звучал совершенно еретически: «Для радикального решения аграрного кризиса в конце концов имеется только одно средство: дифференциация населения на почве развития промышленности и капитализма»⁷¹. Правда за этим следовала важная оговорка: «Пути аграрного развития не ведут к аграрному капитализму, и последний кроме того повел бы к сокращению ёмкости территории. Я говорю, — продолжал Б.Д. Бруцкус, — о профессиональной дифференциации населения. Группы прежде однородного населения должны — постепенно или сразу, на месте или на стороне — переходить к промысловым занятиям, а наделы их должны собираться в крестьянские участки, целиком использующие рабочие силы трудящейся семьи»⁷². Условиями «профессиональной дифференциации» являются крестьянская частная собственность на землю, свободная мобилизация земли, принцип единонаследия и ипотека, которая «чрезвычайно облегчает отход от земли лишних ртов»⁷³, т.е. все те элементы, которые Б.Д. Бруцкус и ранее находил в основе прогресса западноевропейского крестьянства.

Община же не нужна, она лишь уравнивает всех «в скудости». Б.Д. Бруцкус возражал народникам, которые традиционно видели в общине путь к социализму: «Не первое столетие существует у нас передельная община, но что-то незаметно, чтобы она хоть сколько-нибудь пододвинула крестьянское хозяйство к обобществлению производства. И наоборот, среди германских крестьян-собственников родилась сельская кооперация, которая действительно знаменует собой обобществление многих хозяйственных принципов, которая знаменует собой глубокие преобразования и в культурной жизни, и во всей психике крестьянства. И до сих пор не удалось еще заметить, чтобы успехи кооперации стимулировались наличностью общинной формы землевладения». И как итог: «Современную экономическую культуру создали не народы общинников, а народы собственников. У последних оказался тот запас энергии, который нужен для экономического творчества»⁷⁴. Гимн собственности и свободе, пропетый Бруцкусом, завершался предупреждением: «Русская народническая интеллигенция стоит целиком на почве народных иллюзий... Эти иллюзии дорого обойдутся русскому народному хозяйству»⁷⁵.

Знаменательной вехой в творчестве Б.Д. Бруцкуса явилась его статья об учителе, тогда уже покойном А.И. Скворцове, появившаяся в том же 1917 г.⁷⁶ До сих пор он в своих работах лишь оспаривал идеи учителя. Теперь он лаконично изложил содержание двух его полузабытых публицистических книг, которые пророчески предвосхищали столыпинскую реформу и в свое время были с негодованием отвергнуты большинством интеллигенции. А.И. Скворцов был одним из немногих и последним в российской аграрной мысли, кто открыто провозглашал лозунг «laissez faire, laissez passer», ратуя за хутора и свободный выход крестьян из общины еще в те годы, когда правительственный курс состоял в укреплении общины. В контексте революционных споров о новой аграрной реформе скворцовские идеи, поднятые его учеником, звучали весьма актуально, но снова не были услышаны.

Итак, в 1917 г. окончательно оформилась позиция Бруцкуса по аграрному вопросу — либеральная аграрная, шире — либеральная экономическая политика. Она поставила его в непримиримую оппозицию к идеям народников и социалистов вообще.

Критика принципов социалистического хозяйства

Б.Д. Бруцкусу довелось наблюдать воочию социалистические эксперименты большевиков 1918—1920 гг. и их предвиденный им итог — развал экономики. Его семья в период «военного коммуниз-

ма» испытывала лишения, доходившие до голода⁷⁷. В эти годы он написал, наверное, главную работу своей жизни «Социалистическое хозяйство», публикация которой на страницах журнала «Экономист» и послужила непосредственной причиной его высылки из страны⁷⁸.

Ее содержание сводилось к тому, что осуществление идей социализма на практике невозможно, потому что они противоречат законам экономики. Чтобы придти к такому выводу автору понадобилось окончательно расстаться с марксовой трудовой теорией стоимости (ценности) и принять «современную политэкономия, стоящую на почве великих достижений Менгера, Джевонса, Вальраса»⁷⁹, т.е. маржинализм. Ценность товара обусловлена не вложенным в его создание трудом, а степенью напряженности потребности общества в данном продукте, которая находит свое выражение в рыночной цене. Нельзя сводить производство лишь к трудовой деятельности, «*производство представляет собой всегда взаимодействие трех факторов: труда, капитала и природы*», — дважды повторил Б.Д. Бруцкус, выделяя фразу курсивом⁸⁰. Возвращение к классической теории вело к признанию ее базовых категорий константами, имеющими непреходящее значение: «прибыль и рента являются не историческими, а логическими категориями хозяйства»⁸¹; «капитал есть особая категория хозяйственной жизни, происхождение коей не сводится просто к труду — к производству»⁸². Тем самым возникало понимание, что феномены, стоящие за этими категориями, объективны, их невозможно упразднить, не уничтожив производство вообще. Б.Д. Бруцкус доказывал невозможность каких-либо иных, кроме ценностных, объективных показателей общественных потребностей, что делает невозможным централизованное планирование ни производства, ни потребления. Доказывал, в частности, невозможность измерить народнохозяйственные потребности в сельскохозяйственных продуктах в калориях⁸³. В конечном счете, он приходил к логичному заключению, что то, что социалисты называют капитализмом, есть единственная рациональная форма организации производства. Выраженная в данной работе экономическая теория была законченной и совершенно адекватной основой для либеральной доктрины.

Однако Б.Д. Бруцкус не спешил солидаризироваться со старым, классическим либерализмом и даже старался от него откеститься. Его либерализм был более социальным, в духе Европы XX в. Он признавал идею «современной социальной политики» о том, что общество имеет право рассматривать капитал и землю в качестве своего достояния. «...Мы не защищаем принцип *laissez faire, laissez*

passer, — оговаривался он, — мы боремся только против системы, которая стремится с корнем уничтожить основную движущую силу европейской цивилизации — принцип хозяйственной свободы»⁸⁴. В этом положении видится определенное противоречие, ибо что такое «laissez faire, laissez passer», как не лозунг, выражающий именно принцип хозяйственной свободы, провозглашенный некогда в условиях государственных стеснений? Кажется, что Бруцкус не просто опасался полностью, открыто высказать свои новые взгляды, но и был внутренне не готов принять все выводы, логически вытекавшие из них. Иначе трудно понять, почему спустя несколько лет он вернулся к своей специфической теории экономики сельского хозяйства, предпосылки которой плохо стыковались с общей экономической теорией, изложенной выше.

«Экономия сельского хозяйства»

Книгу «Экономия сельского хозяйства» Б.Д. Бруцкус, по-видимому, мыслил итогом своих аграрно-экономических трудов⁸⁵. Толстая книга имела объективистский характер, насыщена историческим материалом, но лишена того литературного блеска, который был присущ его полемическим работам. Она вышла в СССР в 1924 г., когда автор уже был в эмиграции. Этот странный на первый взгляд факт, думаю, объясняется тем, что в ней не содержалось критики советской аграрной политики и, несмотря на немарксистский характер взглядов автора, они вполне вписывались в нэповский мейнстрим.

В экономической теории сельского хозяйства автор выделял два важнейших вопроса: о ренте и о природе крестьянского хозяйства. Необходимость особой теории сельского хозяйства оправдывалась наличием естественных особенностей, которые сводились, в сущности, к зависимости от природы, к локализации хозяйства на протяженном участке земли и к участию в производстве живых существ.

В книге воспроизводились все основные положения «основного закона» — убывающей производительности затрат и убывающей производительности труда при интенсификации хозяйства. Соответствующий раздел был выдержан в категориях натурально-хозяйственного дискурса. «Количеством затрат труда и капитала на единицу площади определяется так называемый уровень интенсивности хозяйства. /.../ Уровень интенсивности, — пишет Б.Д. Бруцкус, — обычно определяется количеством приходящихся на единицу площади натуральных затрат, т.е. речь идет о количестве затрачен-

ных на единицу площади рабочих дней, а не об их ценности, о количестве затраченного удобрения, а не его ценности»⁸⁶. Чтобы убедиться в реальном существовании убывающей производительности труда он предлагал сравнивать затраты труда на производство единицы питательного вещества, измеряемой в калориях, при разных системах хозяйства и для разных продуктов⁸⁷. При этом Б.Д. Бруцкус снова подчеркивал, что «закон» носит *технический* характер. Однако его книга была посвящена экономике.

Категория капитала то появлялась, то исчезала в анализе. Характерное суждение: «Что касается затрат, они слагаются из труда и капитала. В сельском хозяйстве, поскольку применение машин не приобрело особенно большого значения, на первый план выдвигается труд»⁸⁸. Как быть с другими видами капитала, кроме машин? Получается, их как бы нет. Но вот констатация, что «производительность сельского хозяйства Германии» (заметим, здесь автор предпочитает не говорить о производительности труда в сельском хозяйстве) возросла, т.к. «увеличилось приложение к земле капитала в виде удобрений, машин, улучшенных семян и улучшенного скота». И здесь же: «Широкое применение минеральных удобрений существенно понизило затраты на производство питательных продуктов...»⁸⁹ На самом деле очевидно, что понизились только затраты труда, тогда как затраты капитала, безусловно, повысились, но Бруцкус, увлеченный своей теорией, этого не замечает, снова подразумевая под затратами в сельском хозяйстве лишь трудозатраты. Далее в том же духе: «Чем интенсивнее система хозяйства, тем меньше продукт является результатом свободной, независимой от человеческого труда, комбинации природных сил, тем более оснований его считать созданным человеческим трудом»⁹⁰. Капитал совершенно «исчез». Однако в следующем разделе, излагающем теорию маржинализма, он возникает снова и занимает свое место среди триады факторов производства. Там Бруцкус критикует трудовую теорию ценности и здраво рассуждает о высокой производительности труда, «обильно оплодотворенного капиталом»⁹¹.

Таким образом, анализ теоретической части книги показывает, что в области аграрной теории экономическое мышление Бруцкуса утратило целостность. С одной стороны, он уже в 1920 г. признал, что экономическая реальность описывается в категориях единой теории, с другой стороны, он не оставил попыток построить особую экономическую теорию сельского хозяйства. Единственный смысл этих попыток, как предстает, был в том, чтобы сохранить возможность теоретически обосновывать идеал крестьянского — трудового, некапиталистического хозяйства, который у него остался неизблемым.

«Крестьянское хозяйство есть мелкое сельскохозяйственное производство, имеющее целью удовлетворить потребностям хозяйствующей семьи и вообще извлечь наибольший доход из земли на основе наилучшего использования труда хозяина и его семьи» — таково теперь его конечное определение⁹². Крестьянское хозяйство он характеризует тремя признаками: оно семейное, потребительское и трудовое. При этом оно может быть как натуральным, так и включенным в рынок. При переходе от натурального состояния к товарному семейный его характер может частично нарушаться, потребительский обязан исчезнуть, но трудовой должен сохраняться. Логика автора понятна: рынок не может сделать сельское хозяйство капиталистическим, ибо тому препятствуют объективные законы, имманентно присущие земледелию, следовательно, его основой и далее должно оставаться трудовое хозяйство.

Логично также и то, что Б.Д. Бруцкус выступает против определения крестьянского хозяйства как исключительно потребительского. Напротив, «потребительский момент» должен быть преодолен: «В стране, где крестьянское хозяйство является важнейшей формой сельскохозяйственного производства, преодоление потребительского момента крестьянского хозяйства является важнейшей задачей экономической политики. Лишь в этом случае, если крестьянское хозяйство в благоприятных условиях, например, при малоземелье или наличии выгодных рыночных конъюнктур, наилучшим образом их использует и разовьет свое хозяйство за пределы того, что необходимо для удовлетворения элементарных потребностей, можно рассчитывать на такое развитие народного хозяйства, на такое нарастание его ёмкости, что явления перенаселения в густо заселенных районах не наступят. Богатое крестьянство создаст тогда тот рынок, который даст возможность промышленности расширяться настолько, чтобы поглотить избытки сельского населения. Проникновение крестьянства хрематистическим духом есть предпосылка благоприятного развития народного хозяйства»⁹³.

Таким образом, позиция Б.Д. Бруцкуса в вопросах аграрной политики с 1917 г. по существу не изменилась: крестьянство, свободное от стеснений, богатеющее в условиях рынка, как предпосылка общего экономического развития страны. В момент выхода книги ее пафос совпадал с линией партии на углубление нэпа, с бухаринским «Обогащайтесь!». Закономерно также, что в 1928 г. книга была изъята из обращения в СССР.

Критика аграрной политики нэпа и коллективизации

Первые годы в эмиграции Б.Д. Бруцкус жил мыслями о России. Поздравляя в 1924 г. своего учителя А.Ф. Фортунатова с юбилеем, он признавался: «Я считаю себя многим Вам обязанным. Прежде всего ободрением к научной работе и верой в свои силы. /.../ Еще Вам обязан я тем, что Вы меня учили любить и верить в Россию. Вы этим специально не занимались, это может делаться только попутно. Тем не менее, Вы это делали не безуспешно»⁹⁴.

Примечательный штрих, характеризующий положение Б.Д. Бруцкуса в эмигрантских научных кругах, содержится в письме А.В. Чаянова С.Н. Прокоповичу (1923). Чаянов отказывался публиковать свое имя в эмигрантском журнале, опасаясь «затруднения в разговорах с Лубянской», но приветствовал появление там имени Бруцкуса, поскольку «наличность Бруцкуса достаточно свидетельствует о привлечении нашего течения»⁹⁵. Очевидно, что речь здесь идет об «организационно-производственном направлении», и Бруцкус воспринимается как представитель этого течения в эмиграции.

Между тем, то, что писал Б.Д. Бруцкус за границей, и то, что писали его коллеги в СССР, существенно различалось. Возможно, дело в том, что он имел свободу слова, которой они были лишены.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. Б.Д. Бруцкус написал ряд работ с анализом опыта большевистского правительства в аграрном вопросе⁹⁶. В статьях о НЭПе он статистически доказывал, что восстановление сельского хозяйства после экспериментов периода «военного коммунизма» шло стремительно. Однако условия для развития крестьянского хозяйства оставались хуже, чем до первой мировой войны. Работы Бруцкуса убедительно демонстрировали антикрестьянскую направленность политики советского правительства даже в годы нэпа, когда вместо развития народного хозяйства на основе роста крестьянского хозяйства удерживался курс на эксплуатацию крестьянства в пользу индустриального роста.

Его позиция в 1929 г. уже была лишена всякой неопределенности: «Россия нуждается в широком развитии капитализма. /.../ Чтобы Россия вышла из того тупика, в который она попала, коммунизм должен быть окончательно преодолен и без остатка элиминирован из народной жизни»⁹⁷.

Реальность оказалась иной. Анализируя позднее строительство колхозов, Б.Д. Бруцкус предсказывал, что «ожидать от этой новой социальной организации расцвета сельского хозяйства нет оснований»⁹⁸. Единственный успех коллективизации он видел в укреплении

нии власти большевиков над крестьянством, вылившемся в «громкие, небывалые разверстки» и массовый голод.

Эти работы Б.Д. Бруцкуса дошли до российской читающей аудитории лишь в конце «перестройки» и сыграли определенную роль в преодолении «белых пятен» истории и в выработке нашей историографией более адекватных оценок нэпа и коллективизации.

* * *

Итак, аграрно-экономические воззрения Б.Д. Бруцкуса на протяжении его более чем 30-летней научной деятельности претерпели значительную эволюцию. Выступив в начале XX в. в качестве интерпретатора экономических идей народничества о крестьянском хозяйстве, он после 1906 г. постепенно отдаляется от народнических, общинно-уравнительных программ решения аграрного вопроса, а с 1917 г. резко их критикует. С этого времени он становится одним из самых ярких выразителей либеральной программы аграрной и вообще экономической политики в России. В 1920 г. его либерализм получил законченное теоретическое обоснование в признании универсального значения категорий «капиталистической» экономики.

Целью либеральной политики в аграрной сфере ему виделось развитие крестьянского, т.е. трудового в своей основе хозяйства, которое работает в условиях демократического строя и рыночной экономики с использованием всех ее инструментов и достижений, включая институты частной собственности на землю, рынка земли, ипотеки, кооперации и т.д. Обоснованию закономерности крестьянского пути аграрной эволюции служила особая экономическая теория сельского хозяйства, которая базировалась на «законе убывающей производительности затрат». Созданная Б.Д. Бруцкусом до 1917 г., эта теория перешла в работы и послереволюционного периода, придавая его либеральному мировоззрению сильный аграристский оттенок. Она в целом вписывалась в круг идей, которые в России развивала «организационно-производственная школа», а в Германии олицетворял Макс Зеринг. Однако, как представляется, содержащиеся в ней элементы натурально-хозяйственного дискурса, в частности, стремление исключить категорию «капитал» из анализа крестьянского хозяйства, входили в противоречие с принятой Б.Д. Бруцкусом общей экономической теорией. Противоречие, по-видимому, не осознавалось автором и осталось не устранимым. Впрочем, в литературе высказана и другая точка зрения, что здесь имело место не противоречие, а сознательное стремление к синтезу: по мнению Н.Л. Роголиной, ученый развивал концепцию, «в которой воплотились наиболее продуктивные черты организационно-производственного и либерального направлений аграрной мысли»⁹⁹.

Аграрно-экономические работы Б.Д. Бруцкуса, надо признать, не оказали практического влияния ни на политику государства, ни на умы современников в России, поскольку не соответствовали взглядам большинства политического класса, как до революции, так и после. Тем не менее, оценить реалистичность его программы можно с учетом опыта мирового аграрного развития. Думается, опыт XX в. ясно свидетельствует в пользу экономического либерализма, но против аграризма и, тем более, идеи «убывающей производительности труда» в сельском хозяйстве.

Библиография

- Brutzkus B. Agrarentwicklung und Agrarrevolution in Russland. Berlin, 1925.
- Алексей Федорович Фортунатов (К 40-летию научной и общественной деятельности). 1884—1924 гг. М., 1924.
- Бирман И. Еще один забытый пророк // Континент. 1988. № 57. С. 407—410.
- Бруцкус Б.Д. А.И. Скворцов и аграрный вопрос // Агрономический журнал. 1917. № 5—6. С. 3—18.
- Бруцкус Б.Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922.
- Бруцкус Б.Д. Выдел из общины и аграрная реформа // Вестник сельского хозяйства. 1908. № 31. С. 3—5.
- Бруцкус Б.Д. Голод и коллективизация // Современные записки. Париж, 1933. № LII. С. 415—430.
- Бруцкус Б.Д. Еврейские земледельческие колонии. СПб., 1909.
- Бруцкус Б.Д. Еврейские земледельческие поселения Екатеринославской губернии. СПб., 1913.
- Бруцкус Б.Д. Землеустройство и расселение за границей и в России. СПб., 1909.
- Бруцкус Б.Д. К критике учений о системах хозяйства // Сельское хозяйство и лесоводство. 1909. Сентябрь. С. 2—36.
- Бруцкус Б.Д. К современному положению аграрного вопроса. Пг., 1917.
- Бруцкус Б.Д. Классификации систем хозяйства // Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук. Изд. А.Ф. Девриена. Т. XII (дополнительный). СПб., 1912. Ст. 577—583.
- Бруцкус Б.Д. Народное хозяйство советской России, его природа и его судьбы // Вопросы экономики. 1991. № 9. С. 126—141, № 10. С. 137—160.
- Бруцкус Б.Д. Непропорциональность возрастания урожаям затратам // Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук. Изд. А.Ф. Девриена. Т. XII (дополнительный). СПб., 1912. Ст. 795—799.
- Бруцкус Б.Д. Основной закон сельского хозяйства // Агрономический журнал. 1916. № 1. С. 24—40; 1917. № 1. С. 37—53; № 3—4. С. 41—58.
- Бруцкус Б.Д. Очерк земельной политики иностранных государств. М., 1917.
- Бруцкус Б.Д. Очерки крестьянского хозяйства на Западе. Харьков, 1914.
- Бруцкус Б.Д. Советская Россия и социализм. СПб., 1995.
- Бруцкус Б.Д. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. Париж, 1988.
- Бруцкус Б.Д. Хозяйство крестьянское // Энциклопедический словарь изд. Брокгауза и Ефрона. Кн. 74. СПб., 1903. С. 494—504.
- Бруцкус Б.Д. Экономия сельского хозяйства. Народнохозяйственные основы. Пг., 1924.
- Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие. Т. 1—2. СПб., 1900.
- Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства / Под ред. А.И. Чупрова, А.С. Посникова. Т. 1—2. СПб., 1897.

- Давидович Б. /Бруцкус Б.Д./ Несколько слов о современной аграрной политике // *Агрономический журнал*. 1914. № 1. С. 10–15.
- Каган В.К. Борис Бруцкус. Иерусалим, 1989.
- Людоговский А.П. К учению о системах земледелия // *Сельское хозяйство и лесоводство*. 1872. Сентябрь – Ноябрь.
- «Ну, полно мне загадывать о ходе истории» (Из «Дневника матери-хозяйки в годы революции в России») / Сост. Н.Л. Рогалина, В.Л. Телицын // *Отечественная история*. 1997. № 3. С. 76–95.
- Рогалина Н.Л. Борис Бруцкус – историк народного хозяйства России. М., 1998.
- Ужанский С.Г. О книгах по сельскохозяйственной экономии // *Агроном*. 1925. № 11. С. 59–60.
- Чаянов В.А. А.В. Чаянов – человек, ученый, гражданин. 2-е изд. М., 2000.
- Челинцев А.Н. Сельскохозяйственные районы Европейской России, как стадии сельскохозяйственной эволюции. СПб., 1910.
- Шнитников В.Н. Из воспоминаний натуралиста. 2-е изд. М., 1958.

Примечания

- ¹ Бирман И. Еще один забытый пророк // *Континент*. 1988. № 57. С. 407–410.
- ² Каган В.К. Борис Бруцкус. Иерусалим, 1989; Рогалина Н.Л. Борис Бруцкус – историк народного хозяйства России. М., 1998.
- ³ Об институте и профессорах оставил воспоминания один из однокашников Бруцкуса: Шнитников В.Н. Из воспоминаний натуралиста. 2-е изд. М., 1958. С. 120–124.
- ⁴ Каган В.К. Указ. соч. С. 13.
- ⁵ Бруцкус Б.Д. Еврейские земледельческие колонии. СПб., 1909; Он же. Еврейские земледельческие поселения Екатеринославской губернии. СПб., 1913 и др.
- ⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 449. Оп. 7. Д. 95. Л. 42–43.
- ⁷ Ужанский С.Г. О книгах по сельскохозяйственной экономии // *Агроном*. 1925. № 11. С. 59.
- ⁸ Хозяйство крестьянское // *Энциклопедический словарь изд. Брокгауза и Ефрона*. Кн. 74. СПб., 1903. С. 494.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 495.
- ¹² Там же. С. 496.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 502–504.
- ¹⁵ Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства / Под ред. А.И. Чупрова, А.С. Посникова. Т. 1–2. СПб., 1897. Понимание ошибочности основного тезиса этой работы придет к Бруцкусу позже, см.: Бруцкус Б.Д. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. Париж, 1988. С. 123 (сноска).
- ¹⁶ Бруцкус Б.Д. К критике учений о системах хозяйства // *Сельское хозяйство и лесоводство*. 1909. Сентябрь. С. 2–36.
- ¹⁷ Людоговский А.П. К учению о системах земледелия // *Сельское хозяйство и лесоводство*. 1872. Сентябрь – Ноябрь; Он же. Основы сельскохозяйственной экономии и сельскохозяйственного счетоводства. СПб., 1875.
- ¹⁸ Бруцкус Б.Д. К критике учений... С. 21.
- ¹⁹ Там же. С. 34.
- ²⁰ Бруцкус Б.Д. Классификации систем хозяйства // *Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук*. Изд. А.Ф. Девриена. Т. XII (дополнительный). СПб., 1912. Ст. 577–583.

- ²¹ Там же. Ст. 582.
- ²² Челинцев А.Н. Сельскохозяйственные районы Европейской России, как стадии сельскохозяйственной эволюции. СПб., 1910.
- ²³ Труды Московского областного съезда деятелей агрономической помощи населению. М., 1911. Т. 5. С. 54.
- ²⁴ Там же. Т. 2. М., 1911. С. 95–96.
- ²⁵ Бруцкус Б.Д. Очерки крестьянского хозяйства на Западе. Харьков, 1914. С. 82.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 85, 86–87.
- ²⁸ Там же. С. 90.
- ²⁹ Там же. С. 94.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие. Т. 1–2. СПб., 1900.
- ³² Бруцкус Б.Д. Основной закон сельского хозяйства // Агрономический журнал. 1916. № 1. С. 24–40; 1917. № 1. С. 37–53; № 3–4. С. 41–58.
- ³³ Там же. 1916. № 1. С. 24.
- ³⁴ Там же. 1917. № 3–4. С. 58.
- ³⁵ Бруцкус Б.Д. Непропорциональность возрастания урожаев затратам // Полная энциклопедия русского сельского хозяйства... Т. XII (дополнительный). Ст. 795–799.
- ³⁶ Там же. Ст. 798.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Бруцкус Б.Д. Основной закон сельского хозяйства // Агрономический журнал. 1916. № 1. С. 28.
- ³⁹ Там же. С. 30.
- ⁴⁰ Там же. С. 29; 1917. № 3–4. С. 41.
- ⁴¹ Там же. 1916. № 1. С. 35.
- ⁴² Там же. С. 37.
- ⁴³ Там же. С. 36.
- ⁴⁴ Там же. 1917. № 1. С. 37.
- ⁴⁵ Там же. С. 40.
- ⁴⁶ Там же. 1917. № 3–4. С. 54.
- ⁴⁷ Там же. С. 55 (сноска).
- ⁴⁸ Там же. 1916. № 1. С. 25.
- ⁴⁹ Каган В.К. Указ. соч. С. 15. Влияние идей П.Б. Струве признавал и сам Бруцкус. См: Бруцкус Б.Д. Социалистическое хозяйство... С. 119 (сноска).
- ⁵⁰ Бруцкус Б.Д. Выдел из общины и аграрная реформа // Вестник сельского хозяйства. 1908. № 31. С. 3–5.
- ⁵¹ Там же. С. 5.
- ⁵² Там же. С. 4.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Бруцкус Б.Д. Землеустройство и расселение за границей и в России. СПб., 1909.
- ⁵⁵ Там же. С. 6.
- ⁵⁶ Там же. С. 11.
- ⁵⁷ Там же. С. 26.
- ⁵⁸ Там же. С. 28.
- ⁵⁹ Там же. С. 31.
- ⁶⁰ Давидович Б. /Бруцкус Б.Д./ Несколько слов о современной аграрной политике // Агрономический журнал. 1914. № 1. С. 11.
- ⁶¹ Бруцкус Б.Д. К современному положению аграрного вопроса. Пг., 1917. С. 6.
- ⁶² Статья «О природе русского аграрного кризиса» (1925) // Бруцкус Б.Д. Социалистическое хозяйство... С. 121, 124.
- ⁶³ Бруцкус Б.Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922; Brutzkus B. Agrarentwicklung und Agrarrevolution in Russland. Berlin, 1925 и др.
- ⁶⁴ Бруцкус Б.Д. К современному положению аграрного вопроса. С. 17.
- ⁶⁵ Там же. С. 9.

- ⁶⁶ Там же. С. 8.
- ⁶⁷ Бруцкус Б.Д. Очерк земельной политики иностранных государств. М., 1917.
- ⁶⁸ Там же. С. 16–17.
- ⁶⁹ В доказательство приводилась сравнительная таблица. (Там же. С. 19). Та же таблица с исправленной опечаткой затем воспроизводилась в его книгах «Аграрный вопрос и аграрная политика...» (С. 102) и «Agrarentwicklung...» (С. 109).
- ⁷⁰ Бруцкус Б.Д. Очерк земельной политики... С. 17.
- ⁷¹ Там же. С. 22.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же. С. 24.
- ⁷⁴ Там же. С. 29.
- ⁷⁵ Там же. С. 30–31.
- ⁷⁶ Бруцкус Б.Д. А.И. Скворцов и аграрный вопрос // Агрономический журнал. 1917. № 5–6. С. 3–18.
- ⁷⁷ См. дневник жены Б.Д. Бруцкуса: «Ну, полно мне загадывать о ходе истории» (Из «Дневника матери-хозяйки в годы революции в России») / Сост. Н.Л. Рогалина, В.Л. Телицын // Отечественная история. 1997. № 3. С. 76–95.
- ⁷⁸ Впоследствии она публиковалась и отдельным изданием, и в качестве первой части книги «Экономическое планирование в советской России», см.: Бруцкус Б.Д. Советская Россия и социализм. СПб., 1995. С. 53–111.
- ⁷⁹ Бруцкус Б.Д. Советская Россия и социализм. С. 72.
- ⁸⁰ Там же. С. 70, 86.
- ⁸¹ Там же. С. 86.
- ⁸² Там же. С. 89.
- ⁸³ Там же. С. 80.
- ⁸⁴ Там же. С. 93.
- ⁸⁵ Бруцкус Б.Д. Экономия сельского хозяйства. Народнохозяйственные основы. Пг., 1924.
- ⁸⁶ Там же. С. 35–36, мысль повторяется на с. 45.
- ⁸⁷ Там же. С. 44–45.
- ⁸⁸ Там же. С. 44.
- ⁸⁹ Там же. С. 47.
- ⁹⁰ Там же. С. 48.
- ⁹¹ Там же. С. 73.
- ⁹² Там же. С. 205.
- ⁹³ Там же. С. 198.
- ⁹⁴ Алексей Федорович Фортунатов (К 40-летию научной и общественной деятельности). 1884–1924 гг. М., 1924. С. 36–37.
- ⁹⁵ Чаянов В.А. А.В. Чаянов — человек, ученый, гражданин. 2-е изд. М., 2000. С. 201.
- ⁹⁶ См.: Бруцкус Б.Д. Советская Россия и социализм; Он же. Народное хозяйство советской России, его природа и его судьбы // Вопросы экономики. 1991. № 9. С. 126–141, № 10. С. 137–160; Он же. Голод и коллективизация // Современные записки. Париж, 1933. № LI. С. 415–430.
- ⁹⁷ Бруцкус Б.Д. Народное хозяйство...// Вопросы экономики. 1991. № 10. С. 160.
- ⁹⁸ Бруцкус Б.Д. Голод и коллективизация... С. 423.
- ⁹⁹ Рогалина Н.Л. Ук. соч. С. 94.

Научная жизнь

**XVII Международный конгресс по экономической истории в Киото
и вечные надежды на улучшение климата в российской науке**

Ключевые слова: экономическая история, российское академическое сообщество, история мировых экономических конгрессов.

Климат в Киото летом тяжеловат для человека, привычного к среднерусской погоде, а август — самый жаркий месяц года. Температура в городе днём редко опускается ниже 33 градусов Цельсия, а многие женщины ходят с зонтиками и в перчатках до локтя, видимо, чтобы вежливо напоминать приезжим об опасности солнца и комарах — больших ценителях нежной кожи и высокой влажности воздуха. Однако при разумном подходе и погодные условия могут приносить пользу. Видимо, жара создавала нужный контекст для плодотворного обсуждения проблемы глобального потепления. Так что именно здесь, в Киотском международном конгресс-центре, в 1997 г. на очередной конференции по обсуждению Рамочной конвенции ООН об изменении климата был подписан так называемый Киотский протокол — расширение конвенции, определившее юридические обязательства стран-участниц по сокращению парниковых выбросов.

Не только политики и экологи понимают важность места для серьёзных дискуссий. Спустя 17 лет уже не глобальное потепление стало предметом обсуждения в хорошо кондиционируемых просторных помещениях Центра. В августе 2015 г. в древнюю столицу Японии на пятидневный Международный конгресс собрались специалисты по экономической истории. В числе более тысячи исследователей из многих стран мира около двух десятков представляли Россию. Этот форум¹ — 17-й по счёту и первый — на азиатском континенте.

История конгрессов насчитывает более полувека. Первый конгресс прошёл в Стокгольме в 1960 г.² В этом же году была учреждена Международная ассоциация экономической истории. Оба события организационно отделяли экономическую историю от других экономических наук, у которых в международном формате к тому момен-

* Воскобойников Илья Борисович — PhD по экономике (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»); Корчмина Елена Сергеевна — кандидат исторических наук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»).

ту уже давно существовал собственный форум — Международный конгресс исторических наук³. Большая часть МКЭИ проходила с интервалом в четыре года. Такой «олимпийский» формат позволяет увидеть лучшее, что сделано в науке в мире за эти годы. Хотя большая часть конгрессов проходила в европейских городах с богатой собственной экономической историей, в числе которых — Мюнхен (1965), Копенгаген (1974), Будапешт (1982), Берн (1986), Милан (1994), Утрехт (2009), — изредка экономические историки выбирались за океан. Так, в 1968 г. IV конгресс состоялся в США, в городе Блумингтон (Индиана), а в 2002 г. — в столице Аргентины Буэнос-Айресе. Единственный пока конгресс на российской земле — пятый по счёту — прошёл в Ленинграде в 1970 г. Тогда были обеспечены высокий уровень его организации и значительное представительство советских специалистов⁴. Можно предположить изрядное влияние идеологического противостояния двух систем в выступлениях советской делегации в контексте 100-летнего юбилея В.И. Ленина в городе трёх революций, носящем его имя.

В то же время, влияние места проведения на общую повестку форума неизбежно и воспринимается организаторами как неотъемлемая часть программы. XVII конгресс был открыт коротким приветственным словом премьер-министра Японии Синдзо Абэ, а два из трёх пленарных заседаний были посвящены экономической истории и проблемам развития континента. Так, на первом пленарном заседании Ясуо Фукуда, занимавший пост главы правительства Японии в 2007—2008 гг., говорил о поисках решений существующих проблем взаимоотношений Японии и Китая в их многовековой истории. Тема дебатов второго пленарного заседания — сопоставление траекторий развития Китая и Индии, представленная Пранабом Бардханом (Pranab Bardhan), специалистом по экономике развития из Беркли, и Бин Вонгом (R. Bin Wong), экономическим историком из Фуданьского университета в Шанхае. Эти доклады, как и доклад Осаму Сайто (Osamu Saito) из университета Хитоцубаси в Токио на первом пленарном заседании, связали вопросы развития крупных азиатских экономик — пробуждающихся экономических гигантов 21 века — с более общей перспективой развития разных экономических систем (diversity), которая в полной мере была представлена на третьем пленарном заседании.

Пленарное заседание в конце большей конференции призвано сформировать представления о наиболее перспективных направлениях исследований. Оно может также служить опорной точкой для отражения работы конференции, хотя при обилии докладов и обсуждаемых идей в течение пяти дней конференции неизбежен субъективизм обозревателя: мы коснёмся только тех аспектов, которые нам

представляются продуктивными для российского исследователя, с учётом некоторого смещения на наше погружение в «свою» тематику.

Профессор Банерджи (Abhijit Banerjee) из Массачусетского технологического института в своём докладе «История или развитие» обозначил несколько гипотез для ответа на вопрос о природе успеха экономического развития. Так, по его мнению при анализе вопросов экономической истории нужно обращать внимание на формальные правила (formal rules matter), придавать большее значение долгосрочному воздействию небольших событий (the long term impacts of small accidents); помнить, что увлечение изучением элит снижает наши возможности в понимании экономических процессов, поскольку элиты далеко не всегда способны осуществлять контроль при выборе тех или иных путей развития как в экономике, так и политике. Анвер Грейф (Anver Greif) из Стенфорда предложил сосредоточиться на анализе случаев успешного сотрудничества различных групп влияния, а не на конфликтах. Ведь до сих пор именно конфликты привлекают внимание исследователей в первую очередь, хотя уроки для стабильного развития кажется естественным извлекать там, где научились эти конфликты преодолевать. Наконец, Николас Крафтс (Nicholas Crafts) из Ворвика, занимающийся вопросами долгосрочного развития и роста в сравнительной перспективе, а также экономической историей межвоенного периода, в своей презентации⁵ представил развёрнутую программу исследований, на которой хотелось бы остановиться подробнее.

Крафтс обозначил три общих вопроса, для поиска ответов на которые прошлый опыт становится актуальным сегодня. Эти вопросы он сформулировал так:

1. Кто, что, где и зачем хочет производить?
2. Какая технология изобретается и кем используется?

3. Почему глобализация может усиливать неоднородность экономического развития?

Крафтс отмечает, что пристальное наблюдение за окружающим миром усиливает сомнения в его неоклассической природе. Затраты на производство одного и того же продукта в мире сильно разнятся. Места производства и торговая специализация не всегда легко объяснимы простым сопоставлением уровней производительности, а используемые технологии производства одних и тех же продуктов в разных странах радикально отличаются.

Два многообещающих направления для поиска ответов, которые предлагает сегодня экономическая теория — это новая экономическая география и теория ориентированного (directed) технического прогресса, в отличие от нейтрального прогресса в работах Роберта Солоу.

Новая экономическая география призвана помочь разобраться с глобальными изменениями в экономическом развитии, которые мы в состоянии отследить. Пример такого изменения, на которые Крафтс указывает — это перераспределение мирового производства сначала из Индии и Китая в Европу и США, а потом обратно. Действительно, если в 1820 г. доля этих стран в мировом ВВП составляла почти половину, а в 1973 г. — лишь 8%. При этом к 2010 г. их доля снова выросла до более чем одной пятой, а в 2050 г. прогнозируется достижение показателя 1820 г. Аналогичные пертурбации претерпела доля промышленности.

В свою очередь, концепция ориентированного технологического прогресса, развиваемая в нескольких работах Дарона Асемоглу, предполагает, что изобилие квалифицированной рабочей силы сейчас способствует развитию технологий, предполагающих высокий начальный уровень человеческого капитала. Скажем, трудно себе сегодня представить разработку нового сложного станка, специально предназначенного для рабочего, не владеющего компьютером. Однако мы хорошо знаем, что такая ориентация в инновациях на квалифицированного работника существовала не всегда. Скажем, в эпоху распространения массового производства и противостояния новых форм хозяйствования со средневековыми цехами высококвалифицированные и высокооплачиваемые ремесленники вытеснялись станками, ориентированными на неграмотного низкоквалифицированного работника, с одной стороны, и невзыскательного массового потребителя, которому в изобилии нужен был дешёвый товар среднего качества, — с другой.

Такая исследовательская программа открывает перед российским специалистом большие возможности из-за интересного объекта исследования и богатства данных. Конкурентное преимущество российского исследователя — знание языка, близость к источникам и объекту исследования. В то же время, российская экономика — многообещающая и относительно слабо изученная область и с точки зрения долгосрочного регионального развития в сравнительной перспективе, и для анализа человеческого капитала, и с точки зрения изучения факторов, влияющих на промышленную революцию. При этом Россия в силу своей территории, истории и роли в глобальной экономике в разные периоды истории традиционно привлекает значительное внимание. Разумеется, все эти конкурентные преимущества могут быть реализованы при условии, что отечественные исследователи владеют современной литературой, методами количественного анализа и в состоянии готовить и представлять работы высокого уровня в привычном для международного сообщества формате.

Судя по докладам российских исследователей, представленным на конференции, нам ещё предстоит много сделать для реализации этих возможностей. Российское сообщество, представленное на конференции, почти не решает обозначенные выше задачи. Часть работ была представлена российскими авторами на русском языке, что также не способствовало эффективной коммуникации с международным сообществом.

Велика среди российских докладов была доля традиционных для отечественной школы работ, имеющих описательный характер. Они касаются интересных тем, связанных с российской экономической историей и в большей мере — начиная с XIX в., затрагивая, в числе прочих, вопросы демографии, российскую торговлю со странами Средиземноморского бассейна в XIX в. (доклад Ирины Поткиной на секции, организованной при её участии), голода начала 1930-х гг., становление отечественного рынка страхования, анализа долгосрочных источников роста с начала 1960-х гг. и человеческого капитала с конца XIX в. В традиционном для отечественной науки ключе прошла секция «Промышленность, организация и экономические структуры в России в XIX в. — начале XX вв.», организованная Екатериной Хаустовой и Амандой Грегг, на которой было представлено значительное количество участников из России в рамках одной секции.

Современные методы количественного анализа, выходящие за рамки дескриптивной статистики, отечественными докладчиками почти не использовались, хотя об их возможностях на российском материале можно судить по работе Стивена Нафзингера, Евгения Финкеля и Скотта Гелбаха «Коллективное действие и представительство в условиях авторитарных режимов на примере Великих реформ в России»⁶.

К сожалению, крайне не хватает работ, относящихся к более ранним периодам российской экономической истории. Разумеется, проблема сбора и введения в оборот количественной информации для этого периода стоит значительно более остро, чем для XIX—XX вв., однако нехватка данных заставляет искать альтернативные решения. Удачным примером совмещения количественных методов с традиционными подходами социальной истории на географически близком к России, но не российском материале можно назвать секцию «Экономическое неравенство в до-индустриальной Евразии», организованной Гидо Алфани (Guido Alfani) и Осаму Сайто (Osamu Saito). В целом, для исследователей этого периода характерно сочетание экономических теорий с архивной работой, и Гидо Алфани особо подчеркивал необходимость архивного поиска и как следствие критического отношения к найденному материалу, впервые вводимому в научный оборот.

При этом экономическая история российской экономики — крайне перспективная область для молодого исследователя с точки зрения его будущей карьеры. В этом отношении мы видим позитивные изменения по сравнению с серединой 1990-х, о которых писали В.И. Бовыкин⁷ и Л. Бородин⁸. Российские университеты постепенно разворачиваются в сторону привычных для международного сообщества показателей продуктивности научной работы, связанных с количеством публикаций в ведущих международных журналах. А это рождает спрос на пригодные для таких публикаций исследования. Сегодня молодой специалист может куда легче опубликовать работу по российской экономической истории в ведущем экономико-историческом журнале, чем, скажем, классический российский экономист в экономическом. Причина состоит в том, что экономист будет конкурировать с ведущими специалистами в своей области со всего мира, тогда как российский экономический историк имеет неоспоримое преимущество — он может вводить в научный оборот неизвестные до сих пор российские данные, разрабатывая их годами. Ни один западный исследователь России подобной роскоши себе позволить не может — это связано и с языковым барьером, и с ограниченностью времени любой российской командировки, и со спецификой работы в российских архивах. При этом интерес к российской экономической истории в мире огромен, а ведущие журналы испытывают голод на профессиональные исследования российской экономической истории.

В этой связи остаётся надеяться, что за три года до следующей конференции — на этот раз в США⁹, в 2018 г. спустя 50 лет после конгресса в Блумингтоне — российское представительство будет лучше и количественно, и качественно. В Бостоне в августе тоже жарко, но климат не стал непреодолимым препятствием для работавших в этом месте несколько десятилетий Александру Гершенкрону и Саймону Кузнецу. Может, и для нас это удачное место?

Библиография

- Бовыкин В.И. Миланский конгресс экономической истории и наша историко-экономическая наука // Экономическая история. Обзорение / Под ред. В.И. Бовыкина и Л.И. Бородинки. Вып. 1. М., 1996. С. 7–27 // <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB1/bovykin.htm>
- Бородин Л.И. Выступление на «Круглом столе» «Экономическая история сегодня» // <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/MADRID/borodkin.htm>

Примечания

¹ <http://www.wehc2015.org/>

² <http://www.ieha-wehc.org/congresses.html>

³ Бовыкин В.И. Миланский конгресс экономической истории и наша историко-экономическая наука // Экономическая история. Обозрение / Под ред. В.И. Бовыкина и Л.И. Бородкина. Вып. 1. М., 1996. С. 7–27 // <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB1/bovykin.htm>

⁴ См. подробнее Бовыкин В.И. Указ. соч.

⁵ http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/economics/research/centres/cage/news/13-08-15-world_economic_history_congress_kyoto_august_2015/crafts-kyoto.pdf

⁶ <http://cpd.berkeley.edu/wp-content/uploads/2015/04/DFGN-April-2015-1.pdf>

⁷ Бовыкин В.И. Указ. соч.

⁸ Бородкин Л.И. Выступление на «Круглом столе» «Экономическая история сегодня» // <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/MADRID/borodkin.htm>

⁹ <http://wehc2018.org/>

Summary

Mikhail N. Baryshnikov

Russian society of shipping and trade: establishment, operation and prospects of development (1856—1864)

Summary: Transport business was a significant factor in the economic development of the Russian Empire. This study reveals the importance and problems associated with the efficiency of the major transport corporation as an example of empirical data Russian Steam Navigation and Trading Company (in 1856—1864). Particular attention is paid to the analysis of institutional and organizational innovations affecting the efficiency of the company in the social and political conditions of the Russian Empire. The central part of the research is an analysis of the historical evolution of the Russian Steam Navigation and Trading Company as a mechanism of the organizational coordination of the private, public and state interests which is used for attracting the necessary resources (intellectual, financial, informational, productive, etc.) for the implementation of the outlook of accelerated development of the regional economy of the Black Sea region. The article contains a number of new approaches to the explanation of the institutional aspects of the company. It shows the structure of ownership and control, orientation relationships among managers and shareholders, the process of development and implementation of strategic and operational plans.

Key words: Russian Empire; transport, Russian Society of Shipping and Trade; Black Sea region; ownership; management; shareholders' interests.

Galina N. Ulianova

Moscow and St. Petersburg female entrepreneurs in the 1860s: the results of the analysis, based on «Reference Books on persons taking out guild certificates»

Summary: This article focuses on the results of the analysis of female merchant group (1,084 persons in total), based on «Reference Books on persons taking out guild certificates» and offer a more detailed picture of the activities of those women, as well as the range of skills implicit to their managerial strategies. From the second half of the 1860s onwards, information on persons taking out guild certificates of right to engage in business activities was published in the two capital cities, Moscow and St. Petersburg, in the form of the so-called «Reference Books». This source makes it possible to assess the role and influence of female entrepreneurs in the industry and trade of the biggest commercial centres of Russia.

Key words: entrepreneurship, merchants, 19th-Century Russian History, Imperial Russia, Women's History, «Reference Books».

Mikhail A. Davydov

Land and Tax in Post-Reform Russia: Did Payments and Tax Arrears Depend on the Size of Peasant Holdings?

Summary: It is commonly known that one of the main postulates of the traditional negativist historiography of the Russian village development after 1861 is that constantly growing tax arrears of peasants were probably the most important evidence of the plight of the peasantry caused directly by land scarcity. This article is an attempt to find out how much the size of peasant holdings and tax arrears of peasants were related. The tax statistics show that about 95% of the arrears in tax payments by peasants in 50 gubernias of European Russia fell on 18 gubernias with the strongest commune regime. An analysis of land provided to peasants in each uezd of these gubernias and of their payments leads to the conclusion that there was no relation between the size of land plots and debts of the peasants. Therefore, the reasons for the emergence and accumulation of tax arrears should be sought elsewhere — first of all in the deficiencies of the tax system set up in 1861, which was based on collective responsibility.

Key words: 1861 peasant reform, peasant self-government system, collective responsibility, size of holdings, tax arrears, land scarcity, absolute priority given to external factors of peasant household development, subsistence farming concept of agricultural development, agrarian programs at the turn of the 20th century.

Alexander A. Bessolitsyn

The state and branch congresses of entrepreneurs in Russia at the end of XIX — beginning of XX century

Summary: In the present article the author tracks down the main stages of the formation of representational entrepreneurial organizations, which represented the interests of both mining and manufacturing industries, as well as transport. These organizations, which were created as branch congresses at the initiative of the government mostly at the stage of economic modernization at the edge of XIX—XX cc., became the leading form of representing the interests of entrepreneurial society in front of the state. The author based on the archive documents and published works of branch congresses reveals the mechanisms of cooperation between the governmental authorities and representational organizations of entrepreneurs. There is a conclusion made that in spite of the number of features, these organizations were an adequate form of representing the interests of Russian entrepreneurs. It were them who performed certain intermediary functions between the state and business community and established the ground for a social partnership system.

Key words: state, branch congresses of entrepreneurs, mechanisms of cooperation, Vitte's program, petitions, congresses regulations.

Aleksej M. Popov

Influence of interior political problems of state on aviation and aviation industry development in 1909—1914

Summary: This article is devoted to analysis of the state role at creation of aviation industry in Russia. As precisely state orders were of key significance of this

process, taking decisions in this respect is the most importance aspect to understand both aviation history and this country political history. The article has style problem, it dwells upon such issue as appearance of two centers of political influence while forming state policy in the field of aviation; complication when coordinating the distribution of the first orders on the airplanes in Russia; weak investments into aviation industry along side with war legislation obstacles to this purpose; absence of permanently increase in orders to industrial enterprises; frequent changes of departments in the War Ministry, which were responsible for aviation industry development. A number of common problems of the Russian Empire as for instance: political crises, power gradual decentralization, lack of finances, appearance of programs to modernize the army and navy, which were coordinated too late, underestimation of enemies and coming war nature and vice versa overestimation of own abilities in particular when mobilization industry all this factors could not but influence upon the fighting abilities of aviation units. The article tries to show interconnection of general political problems with those of aviation industry and aviation development.

Key words: aviation history, aviation industry, air force, political crises, state investments into aviation industry, war legislation in 1869 problems, state management aviation industry 1909–1914.

Ksenija D. Verinchuk

Wage differentiation among Russian industrial workers during the First World War

Summary: This article deals with the issue of differentiation of wages of industrial workers of Russia during the First World War. The paper analyzes the general trends as the differentiation of wages of workers during the war, and the situation in some industries. The methodology proposed in the paper gives way to evaluating the level of differentiation and changes. Different age and gender groups in various sectors of economy are also taken into account. Close data analysis reveals heterogeneity of the processes observed and the significant changes in the structure of labor and wages.

Key words: wage differentiation, the First World War, industrial labour, industrial wages.

Juha Tarkka

Common Features in the Early Development of Note-Issuing Banks in Northern Europe

Summary: This paper presents a review of the comparative history of early banking developments in the countries of the broader Baltic Sea area. In this region, note-issuing banks emerged quite early. They also displayed some remarkable common characteristics which clearly distinguish the early North European model of proto-central banking from the real bill's – based classical central banking model which later became internationally prevalent. The most interesting common feature of the North European proto-central banks is their asset structure. In contrast to the real bills doctrine, favouring the bills of ex-

change, these issuing banks granted mostly mortgage credit. The paper surveys also the later adoption of the real bills doctrine in the Baltic Sea area, which mostly took place in the second half of the 19th century. Some tentative hypotheses are presented to explain the similarities in the early development of banking in the region.

Key words: Central banking, Monetary history, Real bills doctrine, Russia, Scandinavia, Prussia.

Pavel V. Lizunov

Banking House «I.E. Ginzburg» and its owners

Summary: The article is devoted to the business operations of the Jewish bankers Evzel and Horace Ginzburg. Starting from a cashier job at the office of a Vitebsk landowner and tax farmer, a few years later Evzel Ginzburg became a major tax farmer himself, and then an owner of the well-known banking and trading house «I.E. Ginzburg » operating in St. Petersburg and Paris. After his father's death in 1878, Horace Ginzburg became the company's head. Besides banking Ginzburgs actively participated in the establishment and funding of multiple joint-stock commercial and manufacturing companies, insurance firms, commercial and real-estate banks. Using father and son Ginzburg's business as an example the article shows the way the multi-million capitals in Russia were formed in the XIX century, and how the merchants and tax-farmers transformed into the major financiers. The article also talks about the reasons which led the banking house «I.E. Ginzburg » into serious financial difficulties, receivership and closure.

Key words: merchants, payoff, farmers, pale of settlement, Jews, banking and trading house, firm, «I.E. Ginzburg», credit ruble, administration.

Yuriy V. Yevodoshenko

«Barnsdall story», or oil concession, which was not wanted

Summary: The article presents the history of the American concession «International Barnsdall Corporation» in Baku in the early 1920s; It is determined by the degree of its impact on the technical and technological development of the Soviet oil industry and the causes of unsatisfactory results.

Key words: Oil Industry of the USSR, industrialization, concession, technical assistance, «International Barnsdall Corporation», Henry Mason Day, Harry Ford Sinclair, «Azneft», A.P. Serebrovsky, rotary drilling, the electrification of oil fields, pumping well operation.

Irina V. Bystrova

The USSR at the foreign economic front during Great Patriotic War 1941–1945

Summary: The main direction of foreign economic activities of the USSR during Great Patriotic War 1941–1945 was participation in Lend Lease program of economic and military aid to the USSR from the part of the United States of Ameri-

ca with the help of Great Britain, Canada and other countries. In this article it is shown how the system of military cooperation worked, by which routes supplies were shipped to the USSR (Northern, Persian, Pacific routes, and «Alaska-Siberia air line»). Volumes, composition, dynamics of most important supplies for the USSR are analyzed (foods, vehicles, steamers, planes, ships, tanks, etc.). It is explained why some difficulties in organization of supplies appeared, and how they were overrun. It is said that the USSR also supplied the USA and Great Britain with very important goods («return Lend Lease»). The importance of Lend Lease program for joint victory of the Allies over fascism is underlined.

Key words: Lend Lease, «Big Three», Great Patriotic War, Lend Lease routes, military supplies, food supplies.

Evgenij T. Artemov, Nikolaj P. Voloshin

Role of foreign experience in implementing Soviet nuclear project

Summary: The article describes the role of foreign experience in «start up» of the Soviet nuclear project, the contribution of research and technological «borrowings» in addressing its key tasks. The timeframe of the study is limited by the late 1950s when the country became capable of independently supporting extended reproduction of the nuclear and thermonuclear weapons. The author comes to a conclusion that this was achieved owing to a deliberate policy and special «fine tuning» of the command economy institutes. Creation of the quite competitive nuclear arms facilities complex secured the Soviet Union's status as the world superpower. However this did not yet guarantee its entering a path of stable economic growth in the long term.

Key words: Soviet nuclear project, foreign research and technological experience, atomic bomb, nuclear and thermonuclear weapons, command economy.

Natalja V. Melnikova, Alexander E. Bedel

Nuclear project of the USSR: modern russian historiography and sources

Summary: The article discusses a current primary source base of the history of the Soviet nuclear project; authors analyze key issues which Russian researchers of the USSR's atomic project study, identify the main lacunas and give the perspective directions of scholar inquiry within the designated theme.

Key words: nuclear project of the USSR, nuclear weapons complex, historiography, primary sources, researches.

Mikhail V. Mikhееv

The Decryption of a Picture: CIA analysts and the nuclear industry of the Urals

Summary: The publication is a translation of the US Central Intelligence Agency Officer H.S. Lovehaupt's memoirs. The author explains in detail how his colleague Charles Reeves could quite accurately get the location of the Soviet nuclear industry enterprises in the Urals in 1958, using open Soviet press materials

and technical literature. The publication of the source will be of interest to both professional historians and veterans of the Soviet nuclear and energy industries. H.S. Lovenhaupt's memoirs are accompanied with an introductory article and comments.

Key words: Atomic Project, electricity, Ural, intelligence, CIA, censorship, «Ogonëk», Henry S. Lowenhaupt, Charles V. Reeves.

Mikhail U. Mukhin

Trading contacts of Russia and Ukraine in 1991–2008

Summary: The article is concerned with the trade relations between the two largest states of the former Soviet Union. It studies the period of time between the collapse of the USSR and the international economic crisis of 2008. The economic and political aspects of relations between Russia and Ukraine in this period were very closely intertwined, so the attention is paid to the formation of the post-Soviet Ukraine's doctrine of foreign policy. Additionally, the article studies attitudes of the Russia and Ukraine powers to the problem of economic integration between the post-Soviet states. The pace rates of economic reforms in Russia and Ukraine for nearly two decades are also compared.

Key words: international trade, the Russian-Ukrainian interrelation, Russian-Ukrainian trade turnover, post-Soviet states, the gas conflict, economic integration, investment, united economic area, the 1998 crisis, the crisis of 2008, economic reforms, industrial cooperation.

Igor A. Kuznetsov

Overcoming populism: B. D. Brutzkus' concepts of agrarian Economics

Summary: The article deals with the theory of agrarian economics and peasant economy Russian economist B. D. Brutzkus (1874–1938), its development, its internal contradictions and its link with populism, liberalism and theories of «organization and production school».

Key words: the history of economic theory, the theory of peasant economy, organization and production school, liberalism, marginalism, Brutzkus.

Ilja B. Voskobojnikov, Elena S. Korchmina

XVII World Economic History Congress in Kyoto and the long-run prospect of improvements in the Russian academic community

Key words: economic history, Russian academic community, history of the World economic congress.

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

Экономическая история Российской империи

<i>Барышников М.Н.</i> Русское общество пароходства и торговли: учреждение, функционирование, перспективы развития (1856—1864 гг.).....	9
<i>Ульянова Г.Н.</i> Женщины-предприниматели Петербурга и Москвы в 1860-е годы (по «Справочным книгам о лицах, получивших купеческие свидетельства»).....	54
<i>Давыдов М.А.</i> Земля и подать в пореформенной России: зависели ли платежи и недоимки от площади крестьянских наделов?.....	83
<i>Бессолицын А.А.</i> Государство и отраслевые съезды предпринимателей в России в конце XIX — начале XX века	152
<i>Попов А.М.</i> Влияние внутривластных проблем государства на развитие авиации и авиационной промышленности России в 1909—1914 гг.....	211
<i>Веринчук К.Д.</i> Дифференциация заработной платы промышленных рабочих России в годы Первой мировой войны	251

История банковского дела

<i>Таркка Ю.</i> Общие черты в раннем развитии эмиссионных банков Северной Европы.....	293
<i>Лизунов П.В.</i> Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» и его владельцы.....	329

История советской экономики

<i>Евдошенко Ю.В.</i> «Барнсдальская история», или нефтяная концессия, которая оказалась никому не нужна	393
<i>Быстрова И.В.</i> СССР на внешнеэкономическом фронте в годы Великой Отечественной войны	437

Атомный проект СССР

<i>Артемов Е.Т., Волошин Н.П.</i> Роль зарубежного опыта в реализации советского атомного проекта.....	465
<i>Мельникова Н.В., Бедель А.Э.</i> Атомный проект СССР: современная отечественная историография и источники	492

<i>Михеев М.В.</i> Расшифровка фотографии: аналитики ЦРУ и атомная индустрия Урала	514
--	-----

Экономика Российской Федерации

<i>Мухин М.Ю.</i> Торговые контакты России и Украины в 1991—2008 гг.	533
---	-----

Экономическая мысль

<i>Кузнецов И.А.</i> Преодолевая народничество: концепции аграрной экономики Б.Д. Бруцкуса	581
--	-----

Научная жизнь

<i>Воскобойников И.Б., Корчина Е.С.</i> XVII Международный конгресс по экономической истории в Киото и вечные надежды на улучшение климата в российской науке	613
Summary	620

Contents

Editorial notes	3
-----------------------	---

Economic history of the Russian Empire

<i>Mikhail N. Baryshnikov</i> . Russian society of shipping and trade: establishment, operation and prospects of development (1856–1864)	9
<i>Galina N. Ulianova</i> . Moscow and St. Petersburg female entrepreneurs in the 1860s: the results of the analysis, based on «Reference Books on persons taking out guild certificates»)	54
<i>Mikhail A. Davydov</i> . Land and Tax in Post-Reform Russia: Did Payments and Tax Arrears Depend on the Size of Peasant Holdings?.....	83
<i>BAlexander A. Bessolitsyn</i> . The state and branch congresses of entrepreneurs in Russia at the end of XIX – beginning of XX century	152
<i>Aleksej M. Popov</i> . Influence of interior political problems of state on aviation and aviation industry development in 1909–1914	211
<i>Ksenija D. Verinchuk</i> . Wage differentiation among Russian industrial workers during the First World War	251

History of Banking Industry

<i>Juha Tarkka</i> . Common Features in the Early Development of Note-Issuing Banks in Northern Europe	293
<i>Pavel V. Lizunov</i> . Banking House «I.E. Ginzburg» and its owners	329

History of Soviet Economy

<i>Yuriy V. Yevdoshenko</i> . «Barnsdall story», or oil concession, which was not wanted	393
<i>Irina V. Bystrova</i> . The USSR at the foreign economic front during Great Patriotic War 1941–1945	437

Atomic Project in the USSR

<i>Evgenij T. Artemov, Nikolaj P. Voloshin</i> . Role of foreign experience in implementing Soviet nuclear project	465
<i>Natalja V. Melnikova, Alexander E. Bedel</i> . Nuclear project of the USSR: modern russian historiography and sources	492

<i>Mikhail V. Mikheev</i> . The Decryption of a Picture: CIA analysts and the nuclear industry of the Urals	514
---	-----

The Economy of the Russian Federation

<i>Mikhail U. Mukhin</i> . Trading contacts of Russia and Ukraine in 1991—2008	533
--	-----

Economic Thought

<i>Igor A. Kuznetsov</i> . Overcoming populism: B. D. Brutzkus' concepts of agrarian Economics	581
--	-----

The Scientific Life

XVII World Economic History Congress in Kyoto and the long-run prospect of improvements in the Russian academic community	613
Summary	620

Научное издание

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ**

Ежегодник. 2014/15

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

Выпускающий редактор: М.И. Бълхова
Редактор: Л.С. Новоселова-Чурсина
Макет и оформление: Ю.В. Балабанов

Подписано к печати
Формат 60×90/16. Гарнитура NewtonТТ.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 39,5. Уч.-изд. л. 40,8.
Тираж 500 экз.
Заказ

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в

